1
том 21
2019

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Bulletin of Kemerovo State University
2019, 21(1): 1–296

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

2019
том 21 № 1

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67989.

Издается с 1999 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2019
© Авторы научных статей, 2019

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИРПО, зам. главного редактора (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN

Kemerovo State University

2019
vol. 21 no 1

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67989.

Founded in 1999.

Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik.kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without change, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2019
© The authors of scientific articles, 2019

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Editorial board:
Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Academician of the RAS, Institute of Phililogy of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).
Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).
Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development, Vice Editor-in-Chief (Kemerovo, Russia).
Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).
Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).
Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).
Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).
Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D. History, Professor., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).
Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).
Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1

История и археология

Собрания музея Кемеровского государственного университета как основа для научной реконструкции национального телеутского женского костюма
Боголепова Л. З., Белоусова Н. А. 1

Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента
Гаджиев М. С., Таймазов А. И., Будайчиев А. Л., Абиев А. К., Абдулаев А. М., Магомедов Ю. А. 10

Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край)
Казаков А. А., Ситников С. М. 20

Зооархеологическая коллекция большепичугинского курганного могильника (по материалам раскопок 2013 и 2016 гг.)
Онищенко С. С., Герман П. В., Девяшин М. М., Сидельникова А. Н. 26

Керамический комплекс неолитической стоянки Екидин 24
Шевнина И. В. 37

Психология

Структура, функции и уровень сформированности сексуальности у студенток вуза
Айзман Н. И. 44

Анализ нейрокогнитивного развития детей со средней и легкой степенью недоношенности в раннем возрасте с помощью шкал Бейли (третья редакция)
Бакушкина Н. И., Рогачева Т. В. 56

Особенности межличностных отношений государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности
Духновский С. В. 66

Факторы риска аутодеструктивного поведения у старших подростков
Евсеенкова Е. В. 74

Особенности устойчивости жизненного мира спортсменов высокой квалификации с различной профессиональной успешностью: сравнительный анализ
Логинова И. О., Севостьянова М. С. 87

Образы представителей России и США у российской молодежи
Марин Е. Б. 101

Пролегомены к системно-антропологической теории мышления
Нелюбин Н. И. 112

Нарушение пищевого поведения и риск его развития у студентов в зависимости от уровня личностной тревожности
Проскурякова Л. А. 121

Самоактуализация, психологическое благополучие и повседневный стресс в период взрослости
Савенышева С. С., Головей Л. А., Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю. 130

Методика исследования компонентов психологической медиакомпетентности родителей младших школьников
Скорова Л. В., Черникова Е. В. 141

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1

Социально-демографические характеристики женщин, ориентированных на карьеру разного типа
Цариценцева О. П., Чеховская М. Н. 152

Языкознание

Когнитивный сценарий вербализации концепта *threat* в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа)
Гаус К. О., Рябова М. Ю. 164
Формирование иноязычной презентационной компетенции студентов лингвистических направлений в условиях обучения в сотрудничестве
Дашкина А. И., Злобина О. Н. 171
Роль речевого стереотипа в формировании стереотипа поведения (на материале французской социальной рекламы)
Желудкова Е. Г. 185
Концепт *деньги* в контексте национальных лингвокультур
Залавина Т. Ю., Дерина Н. В., Полякова Л. С., Южакова Ю. В. 191
Синтаксическая организация высказываний с цепочками осязательных прилагательных при полимодальном восприятии
Иванова Е. В. 197
Пропозиционально-фреймовый подход при описании гнезд однокоренных слов русского языка как репрезентация дискурсивной ментальной деятельности человека
Калюжная Т. В. 205
«Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам)
Карпухина Т. П. 212
Лингвостилистические средства выражения антитезы «материализм – духовность» в романе Джона Брейна «Путь наверх» на примере образов Сьюзен Браун и Элис Эйсгилл
Куцевич Ю. А. 223
Постмодернистская игра на разных категориальных уровнях текста в романе Али Смит «There But For The»
Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. 232
Принципы номинации турагентств г. Воронежа
Мануковская М. А. 242
Особенности конструирования иммиграционного дискурса в британской прессе
Матыцина М. С. 248
Особенности функционирования предлога ПО в текстах научного стиля: значение *действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо*
Наумова Н. Г. 258
Опыт построения модели этимологического анализа китайского иероглифического знака
Терехова Н. В. 270
Стереотипное восприятие животных в нидерландском языке: результаты лингвистического эксперимента
Терешко Е. В. 285

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1

History and Archeology

Collections of the Museum of Kemerovo State University as a Basis for Scientific Reconstruction of the Teleut Women's Costume
Bogolepova L. Z., Belousova N. A. 8

Prospecting Archaeological Works at the Northern Defensive Wall in the Seaside Part of Derbent
Gadzhiev M. S., Taymazov A. I., Budaychiev A. L., Abiev A. K., Abdulaev A. M., Magomedov Y. A. 18

A Medieval Repoussage Item from Pankrushikhinskiy District (Altai Krai)
Kazakov A. A., Sitnikov S. M. 24

Zooarchaeological Collection from Bolshepichuginsky Kurgan Burial Mound (According to the Excavations in 2013–2016)
Onischenko S. S., German P. V., Devyashin M. M., Sidelnikova A. N. 35

Ceramic Complex of the Neolithic Camp Ekidin 24
Shevnina I. V. 42

Psychology

Structure, Functions, and Level of Sexual Maturity in Female Undergraduates
Aizman N. I. 54

Analysis of Neurocognitive Development of Moderate and Late Preterm Children in Early Childhood Using Bayley-III
Bakushkina N. I., Rogacheva T. V. 63

Interpersonal Relations of the Civil Servants with the Different Level of Social Normativity
Dukhnovsky S. V. 72

The Risk Factors of Auto-Destructive Behavior in Adolescents*
Evseenkova E. V. 84

Lifeworld Stability in Qualified Athletes with Various Levels of Professional Success: Comparative Analysis
Loginova I. O., Sevost'yanova M. S. 99

Images of Russians and Americans as Seen by Russian Adolescents
Marin E. B. 109

Prolegomena to the System-Anthropological Theory of Thinking
Nelyubin N. I. 119

Eating Disorders and the Risk of their Development in Students according to the Level of Personal Anxiety
Proskuryakova L. A. 128

Self-Actualization, Psychological Well-Being and Daily Hassles during Adulthood
Savenysheva S. S., Golovey L. A., Petrash M. D., Strizhitskaya O. Yu. 138

Psychological Media Competence of Parents of Primary School Children
Skorova L. V., Chernikova E. V. 149

Social and Demographic Characteristics of the Women Focused on Career of Different Type
Tsaritsentseva O. P., Chekhovskaya M. N. 162

Linguistics

Cognitive Script of Verbalization of Concept "Threat" in Media Discourse (as Exemplified in D. Trump's Statements)
Gaus K. O., Riabova M. Yu. 169

Bulletin of Kemerovo State University, 2019, 21(1)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1

Developing Foreign Language Presentation Competence of Linguistic Majors through Cooperative Learning
Dashkina A. I., Zlobina O. N. 183
The Role of Speech Stereotype in the Formation of Speech Behavior: a Case Study of the French Social Advertising
Zheludkova E. G. 190
Concept "Money" in the Context of National Linguocultures
Tatyana Yu. Zalavina, Derina N. V., Polyakova L. S., Yuzhakova Y. V. 195
Syntactical Organization of Statements with Chains of Tactile Adjectives in Polymodal Perception
Ivanova E. V. 203
Propositional-Frame Approach to the Description of Families of Russian Cognate Words as a Representation of Mental Discourse
Kalyuzhnaya T. V. 210
Hate Speech as a Manipulative Means of Forming the Inimical Image of Russia in British and American Mass-Media (viewed from the Aspect of the English Language Taught to Russian Students)
Karpukhina T. P. 221
Linguostylistic Means Expressing the Antithesis "Materialism – Moral Values" in John Braine's Novel "Room at the Top" Exemplified by the Images of Susan Brown and Alice Aisgill
Kutsevich Y. A. 230
Postmodernist Play within Different Text Levels in There But For The by Ali Smith
Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. 240
The Naming Principles of Travel Agencies in Voronezh
Manukovskaya M. A. 246
Immigration Discourse in the British Press: Peculiarities of Construction
Matytsina M. S. 256
Preposition "по" in Russian Scientific Texts in the Meaning "to Act in Accordance with Something, on the Basis of Something"
Naumova N. G. 269
Etymological Analysis Model of the Chinese Hieroglyph: an Experiment
Terekhova N. V. 283
Stereotyped Perception of Animals in the Dutch Language: the Results of a Linguistic Experiment
Tereshko E. V. 295

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

CC BY

оригинальная статья

УДК 902 (571.17):069.15

Собрания музея Кемеровского государственного университета как основа для научной реконструкции национального телеутского женского костюма*

Людмила З. Боголепова [a, ID1]; Наталья А. Белоусова [a, @, ID2]

[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] belna55@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-1239-2000

[ID2] https://orcid.org/0000-0001-9873-320X

Поступила в редакцию 08.10.2018. Принята к печати 10.12.2018.

Аннотация: Статья посвящена изучению материалов, хранящихся в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, по историко-культурному наследию коренных жителей Кузбасса – телеутов. Фондовые собрания музея служат основой для воссоздания научной реконструкции исторического женского телеутского костюма. Изучаются подлинные этнографические музейные предметы основного и научно-вспомогательного фондов: коллекционные собрания, полевые тетради, дневники участников экспедиций, отчеты по экспедиционным исследованиям ученых университета, фотоматериалы, фильмы, слайды, графические зарисовки. Впервые вводится в научный оборот документальный фонд музея, относящийся к данным коллекциям. В ходе исследования была использована просопографическая база данных ученых, передавших в музей ценные коллекции по материальной и духовной культуре телеутов, а также фондовые собрания отдела этнографии и отдела истории вуза музея Кемеровского государственного университета. Рассматривается историко-этнографическое наследие ученых университета, совершавших научные экспедиции в период с 1960-х по конец 1990-х гг. и передавших коллекционные материалы в музей университета, их вклад в изучение региональной культуры, в том числе по культуре телеутов, проживающих в Кемеровской области по настоящее время. В статье прослежена методика сбора материалов телеутской коллекции, гарантирующая подлинность поступивших предметов.

Ключевые слова: археолого-этнографическое наследие, телеуты, научные экспедиции, музейные собрания, музейная реконструкция, женский костюм

Для цитирования: Боголепова Л. З., Белоусова Н. А. Собрания музея Кемеровского государственного университета как основа для научной реконструкции национального телеутского женского костюма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 1–9. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

Введение

Актуальным на современном этапе развития российского общества является повышенное внимание к проблемам, связанным с изучением региональной культуры. Активно идет процесс сохранения и актуализации историко-культурного наследия в музеях Российской Федерации, в том числе в музеях высших учебных заведений. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (КМАЭЭС) не исключение. За время своего существования музей внес большой вклад в изучение, сохранение археолого-этнографического наследия региона, в фондах которого хранятся уникальные коллекции, собранные в ходе многолетних экспедиций учеными вуза. Результаты экспедиций являются основой для музейных экспозиций, научных поисков, разработок по сохранению, изучению и популяризации регионального наследия, написанию учебников, научных статей и монографий. Благодаря подлинным историческим источникам, хранящимся в музее, исследуются древнейшие периоды истории человечества, изучается материальная и духовная культура малочисленных коренных народов Кузбасса – телеутов и шорцев. Стремление каждого народа сохранить уникальность своей культуры не угасает и в XXI в. Традиционный исторический костюм является одним из наиболее ярких идентификаторов национальной культуры. В первую очередь это продиктовано возрождением интереса к этнической культуре.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ-Кузбасс № 17-11-42006 «Историческая реконструкция элементов костюма народов Сибири на археологических и этнографических материалах музейных коллекций»

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

Одним из направлений воссоздания исторического костюма народов Сибири от древнейших периодов до XIX в. является реконструкция – «научно обоснованное восстановление утраченного / руинированного культурного или природного объекта либо его частей»[1]. Данный метод был применен в научно-исследовательской работе по гранту РГНФ-Кузбасс № 17-11-42006 «Историческая реконструкция элементов костюма народов Сибири на археологических и этнографических материалах музейных коллекций» в музее КМАЭЭС при создании реконструкции элементов исторического женского костюма в экспозициях «Эпоха бронзы» и «Этнография народов Южной Сибири». Первой и самой важной задачей научной реконструкции элементов исторического костюма является отбор и изучение источников. Это, прежде всего, исследование подлинных музейных коллекций и материалов научного документирования и визуальной фиксации, к которым относятся полевые тетради, экспедиционные дневники с описанием предметов, графическими зарисовками, фотоматериалы, фильмы, слайды, отчеты по экспедиционным исследованиям ученых. В этой связи обращение к наследию ученых-историков, внесших вклад в формирование археологических и этнографических коллекций, включающих предметы костюмных комплексов, является актуальным.

В данной статье рассматривается значение подлинных музейных источников, входящих в музейные собрания отделов этнографии и истории вуза, как основа научной реконструкции элементов женского телеутского исторического костюма.

Историческая справка экспедиционных исследований телеутов

Телеуты – малочисленный тюркоязычный народ Южной Сибири, ведущий свое происхождение от притомских кыпчакско-кузнецких тюрок и средневековых кочевников-скотоводов *теле*. В начале XX в. бачатские телеуты входили в одну Телеутскую волость. В современный период телеуты компактно проживают в Беловском районе Кемеровской области в поселках Бековo (Кресту), Челухоево (Ары Байат), Верховская (Сас), Шанда (Шаанды), Новобачаты (Таш Комир), Черта, Большой Улус; Новокузнецком районе – п. Телеут (Том) в районе Запсиба Кемеровской области [1, с. 74–77]. Численность бачатских телеутов составляет примерно 2,5 тыс. человек по подсчетам этнографа Д. А. Функа в 1990–1993 гг. [2, с. 17].

Первые научные экспедиционные исследования по изучению истории и культуры телеутов, коллекционные сборы были организованы Западно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества (ЗСО ИРГО) в конце XIX в. Отдел был основан в Омске на базе Общества изучения Сибирского края в 1877 г. по инициативе Н. Г. Казнакова – генерал-губернатора Западной Сибири. С этого времени началось научное исследование сибирских народов, в том числе телеутов, которые входили в группу алтайских народов. Благодаря многочисленным историко-этнографическим экспедициям был собран ценный материал по духовной и материальной культуре телеутов, включая элементы костюмных комплексов. В настоящее время историко-культурное наследие коренных жителей Кемеровской области – телеутов – хранится в музеях России, переданное учеными в результате экспедиций в разное время:

1912 г. – сборы А. В. Анохина по культуре телеутов переданы в Кунсткамеру;

1924, 1928 г. – сборы Л. Э. Каруновской переданы в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого;

1930-е гг. – сборы Н. П. Дыренковой, А. В. Анохина и А. И. Новикова, Л. П. Потапова переданы в алтайские коллекции Кунсткамеры и Российского этнографического музея;

1960 г. – сборы М. Г. Елькина переданы в Прокопьевский краеведческий музей Кемеровской области;

1966, 1969 г. – сборы Е. М. Тощаковой, участницы Алтайского отряда Дальневосточной этнографической экспедиции, переданы в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАиЭ СО РАН);

1975 г. – сборы А. Н. Томилова по культуре бачатских телеутов переданы в Музей истории и этнографии Омского государственного университета;

конец 1970-х г. – сборы сотрудников Осинниковского краеведческого музея Кемеровской области переданы в этот же музей;

1978, 1990 г. – сборы А. П. Погожевой переданы в музей Сибирского отделения Российской академии наук в Новосибирске (ныне – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАиЭ СО РАН);

1989, 1990, 1995 гг. – сборы И. В. Октябрьской переданы в Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАиЭ СО РАН [3];

1990-е г. – сборы В. М. Кимеева переданы в КМАЭЭС;

[1] Российская музейная энциклопедия. Режим доступа: http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?132 (дата обращения: 03.09.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

1992 г. – сборы Н. А. Белоусовой переданы в КМАЭЭС;

2004 г. – сборы Д. В. Кацюбы, проведенные в 1960–1970-х гг., переданы в КМАЭЭС и в Кемеровский областной краеведческий музей.

Вклад ученых в изучение наследия телеутов и в формирование коллекций КМАЭЭС

КМАЭЭС сегодня хранит бесценные коллекции по истории и культуре телеутов, собранные учеными вуза. В отделе истории вуза музея создана электронная просопографическая база данных ученых университета (краеведов, этнографов, археологов) на основе архивных материалов, документов, отчетов по экспедициям, публикаций. Для ее создания были определены следующие параметры: фамилия, имя и отчество ученого, дата рождения, образование, должность и звание, годы работы в КемГУ, научно-исследовательская деятельность, маршруты археологических и этнографических экспедиций, научные труды, вклад в формирование фондов музея. Анализ информационной базы позволяет воссоздать археологическое и этнографическое наследие ученых, исследовавших культуру малочисленных коренных народов Кузбасса, в том числе историю и культуру телеутов.

Среди известных ученых КемГУ, внесших значительный вклад в исследование и сохранение историко-культурного и этнографического наследия малочисленных народов Кузбасса, – доктор педагогических наук, профессор Кацюба Дмитрий Васильевич. Начиная с 1965 г. он со студентами исторического факультета Кемеровского государственного педагогического института (КемГПИ, с 1974 г. – университета) и учащимися старших классов школ Кемеровской области совершал историко-краеведческие экспедиции[2].

С 1970 по 1977 г. под его руководством успешно работал областной экспериментальный краеведческий историко-этнографический лагерь «Кузбасс» по изучению культуры и истории телеутов и шорцев.

Лагерь имел в своем распоряжении автономную электростанцию, радиоузел, фотолабораторию. Историко-краеведческая экспедиция была оснащена на том этапе современными техническими средствами – магнитофонами, киносъемочными аппаратами, фотоаппаратами и другими техническими средствами (рис. 1[3]). Готовилась научная экспедиция тщательно и включала разработку программы экспедиции, в которую входили

Рис. 1. Д. В. Кацюба среди телеутов. Изучение истории и культуры коренного народа методом опроса с применением технических средств, Беловский район, 1970-е гг.
Fig. 1. D. V. Katsyba and the Teleuts. Interviewing the indigenous people about their history and culture with the help of modern equipment, Belovsky District, 1970s

определенные темы, цели, перечень вопросов, материал, который предстояло собрать и исследовать. Научно-исследовательская деятельность по изучению бачатских телеутов проводилась в поселениях – Шанда, Бековo, Чолкой, Верховская, Челухоево Беловского района Кемеровской области – и была связана с длительным пребыванием и вживанием в исследуемую этническую среду.

Вместе с краеведческим лагерем «Кузбасс» работал с 1970 г. молодежный лагерь «Юный этнограф», который размещался на берегу р. Бачат в Беловском районе – основном месте поселения телеутов. Базовыми школами для работы в этнографических экспедициях были школы № 4, 7, 10, 84 г. Кемерово. Только за два первых года работы в экспедициях приняли участие свыше 100 студентов КГПИ и около 500 учащихся старших классов из 36 учебных заведений области и 2 техникумов. География участников – города Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Белово, Анжеро-Судженск, Промышленновский и Беловский районы[4]. Результаты историко-краеведческих экспедиций и материалы работы историко-этнографического лагеря «Кузбасс» являются на сегодняшний день ценными источниками и основой для воссоздания научной реконструкции исторического женского телеутского костюма.

Собранные памятники материальной и духовной культуры телеутов, включая головные уборы, предметы одежды, обуви и уникальные серебряные украшения, составляют в настоящее время часть этнографической коллекции КМАЭЭС[5].

[2] Доктора наук КемГУ. Кемеровский государственный университет в юбилейном году. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 66.

[3] Там же.

[4] Личное дело Д. В. Кацюбы // Архив КемГУ. Д. 64. Л. 15.

[5] Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Режим доступа: http://museum.kemsu.ru/main.html (дата обращения: 12.09.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

Коллекция № 136 из собрания Д. В. Кацюбы (телеуты) содержит элементы исторического женского костюма в количестве 505 единиц хранения: пуговицы, женские накосники *тана* и девичьи *чач пууш*, чулки *чулук* из льняных ниток, домотканые пояса *кур*, сапоги, нагрудники *тошток*, воротники женского платья, платья-рубахи *кунек*, халаты *чиймек*, халаты *телен* и т.д. Женские украшения из этой коллекции представлены изделиями из серебра, меди, полудрагоценных камней, бусин, раковин *каури* (рис. 2; 3[6]).

Основные сборы, в которых зафиксированы серебряные украшения бачатских телеутов, осуществлены в 1960-х – начале 1970-х гг. под руководством Д. В. Кацюбы[7]. Эта коллекция состоит из 60 предметов, выполненных из серебра или с его использованием, отличается типологическим разнообразием, что позволяет сделать классификацию предметов с учётом способов ношения: головные, нагрудные и украшения для рук. Отдельные группы, в свою очередь, подразделяются на типы. Так, среди головных украшений выделяются ушные и накосные. Одним из наиболее распространенных видов ушных украшений у телеутов являются серебряные серьги; накосных – *тана*, в основе которых часто была серебряная монета или диск, украшенный яшмой. Нагрудные украшения включают целый набор пуговиц, нашиваемых на грудной разрез женского платья и нагрудника. Украшения для рук – кольца, перстни [4, с. 148]. Центральная часть серьги так же, как и перстней, у телеутов инкрустировалась вставками из камней-самоцветов (лазурита, яшмы, сердолика) и стекла, закрепляемых ободковой оправой – глухой или с нарезными зубчиками [5, с. 56]. Женские телеутские украшения имеют сложную символику, в которой отражены религиозные представления

Рис. 2. Телеутский девичий накосник *чач пууш*
Fig. 2. *Chach Puush*, Teleut braid ornament

Рис. 3. Воротник халата *чиймек*
Fig. 3. *Chiymek* robe collar

Рис. 4. Телеутские серебряные серьги
Fig. 4. Teleut silver earrings

Рис. 5. Телеутские серебряные перстни
Fig. 5. Teleut silver rings

и особенности художественных традиций (рис. 4; 5[8]).

Научно-исследовательская деятельность по изучению истории и культуры телеутов под руководством Д. В. Кацюбы была основана на комплексном монографическом подходе, включающем основной метод сбора первичной информации – полевое исследование, которое проводилось в местах непосредственного поселения телеутов (рис. 6[9]). Полевым исследованием называется невключенное изучение аборигенной группы, ее культуры и жизни, поведенческих ритуалов и социальных практик с выездом на место ее проживания, т.е. изучение людей в реальных жизненных ситуациях [6, с. 108]. Этот метод сбора Д. В. Кацюба описывал как результативный – ценные этнографические материалы были собраны при прямом взаимодействии и общении с носителями изучаемой культуры, сообществом и отдельными его представителями [7, с. 50].

В историко-этнографических экспедициях под руководством Д. В. Кацюбы применялись следующие методы полевого исследования: наблюдение с применением фотофиксации, аудиозаписи, киносъемки; описание; опрос. В результате сформировался многоплановый этнографический источник по истории и культуре телеутов в различных его формах – вещи, тексты (полевые тетради, экспедиционные дневники, отчеты экспедиционных исследований культуры телеутов), изобразительные источники (рисунки, планы, чертежи, графические зарисовки, фотографии, видеофильмы) (рис. 7; 8[10]).

Собранные в полевых условиях материалы позволяют не только дополнить, но и более объективно истолковать данные, полученные при работе с архивными, музейными источниками при реконструкции

[6] Архив КМАЭЭС. Коллекция № 136.

[7] Кимеева Т. И. Из истории формирования этнографических коллекций. Телеуты, шорцы (коллекция Д. В. Кацюбы) // Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово: Кузбасс, 2006. Вып. 2. С. 89–91.

[8] Архив КМАЭЭС. Коллекция № 136. Сборы Д. В. Кацюбы, 1960-е гг.

[9] Архив КМАЭЭС. Коллекция № 173. Фотофонд.

[10] Из полевого дневника ученика 10 класса школы № 10. г. Кемерово, п. Шанда Беловского района // Архив КМАЭЭС. Д. 64. 1971 г.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

Рис. 6. Д. В. Кацюба (крайний справа) и студенты КемГПИ среди местного населения. Наблюдение за обычаями и обрядами телеутов, Беловский район, 1970-е гг.
Fig. 6. D. V. Katsyba (on the right) and students of the Kemerovo State Pedagogical Institute while observing Teleut customs and rites, Belovsky District, 1970s

Рис. 7. Рисунок головных уборов
Fig. 7. Headwear ornament

женского телеутского костюма. Важное место в полевых этнографических исследованиях занимает фиксация вещественных материалов – описание предметов, графическая зарисовка, рисунок. Например, описание свадебного платья телеутской женщины в полевом дневнике студента, полученное от носителя культуры Е. А. Тыдыковой, дает дополнительную информацию о приобретенном телеутском платье, которое хранится на сегодняшний день в КМАЭЭС: «Свадебное платье невесты шьется из шелка, парчи. Платье прямое, с длинными рукавами. Воротник вышит ромбиками. Спереди вышивали золотыми нитками[11] и пришивали серебряные пуговицы, сейчас вместо вышивки и пуговиц пришиваются бусы… »[12]. Телеутские женщины бережно хранят традиции изготовления народного костюма, до сих пор носят шелковые платки различных цветов, вытеснившие традиционную суконную с подкладкой шапку из овчины, отороченную мехом соболя.

В настоящее время в фотофонде КМАЭЭС насчитывается более 200 уникальных фотографий, изображающих украшения, предметы элементов костюма, технологии производства объектов художественного наследия телеутов, их функционирование в качестве овеществленных компонентов традиционных обрядов (рис. 9[13]). И все это благодаря активному использованию участниками научных экспедиций методов описания и фотофиксации.

В отчетах полевых исследований, полевых дневниках обязательно имеется указание на фамилии составителей, а также в какой экспедиции они участвовали, зарисовки, описание предметов костюма телеутов, сведения о приобретенном предмете по следующим параметрам:

- место приобретения и дата;
- полное имя владельца;
- имя, возраст и место жительства тех, кто пользовался вещью;
- имя человека, который вещь изготовил, и время изготовления;
- место жительства изготовителя вещи;
- местное название;
- назначение и способ употребления;
- из чего изготовлен предмет (материал);
- технология изготовления.

Д. В. Кацюба проработал в КемГУ с 1960 по 2004 г. За это время им было опубликовано 186 научных работ, включая монографии и учебные пособия, в которых он обобщил опыт сбора этнографического материала в полевых условиях [8; 9].

Под руководством Д. В. Кацюбы было совершено 19 целенаправленных историко-краеведческих экспедиций со студентами и школьниками [10, с. 11]. Ученый разработал систему практической подготовки студентов к краеведческой работе в школе – полевая практика по историческому краеведению в форме научно-трудового лагеря, музейно-архивная, ученическая и педагогическая практика. Д. В. Кацюба прикладывал немало усилий для создания школьных историко-краеведческих музеев, разрабатывал экскурсионные маршруты, тематические и комплексные экспедиции по Кузбассу [11].

Значительную часть дубликатов – предметов материальной культуры изучаемых народов – Д. В. Кацюба передал в школы для организации краеведческих музеев. Многие предметы из собранных коллекций профессора разошлись по разным музеям Кемеровской области, т. к. документально статус этнографического

[11] нагрудник *тошток*.

[12] Полевой дневник ученика школы № 44. г. Кемерово. Беседа с Е. А. Тыдыковой, с. Верховское Беловского района // Архив КМАЭЭС. Д. 64. Л. 21. 1973 г.

[13] Архив КМАЭЭС. Коллекция № 173. Фотофонд. Сборы и фото Д. В. Кацюбы.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

музея в 1970-е гг. в КемГУ не был оформлен [12, с. 301]. После ухода Д. В. Кацюбы на заслуженный отдых его этнографические и исторические коллекции, собранные в ходе многолетних экспедиций по Кузбассу, были переданы в областной Кемеровский краеведческий музей и в музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Основной фонд отдела этнографии музея КемГУ пополнился на 215 единиц хранения. Коллекции отличаются типологическим разнообразием, состоящим из предметов материальной и духовной культуры.

В 1980–1990-е гг. кафедрой археологии КемГУ было продолжено изучение истории и культуры телеутов Кемеровской области. Этнографической группой отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ под руководством этнографа В. М. Кимеева (ныне доктор исторических наук, профессор) было осуществлено экспедиционное обследование бачатских телеутов в п. Челухоево, Беково Беловского района. Использованы методы опроса, наблюдения с фото- и видеофиксацией. Коллекции предметов материальной культуры телеутов – одежда, обувь, украшения, предметы быта и др., полученные в ходе проведенных им экспедиций, стали основой этнографических фондов музея КемГУ, коллекция № 17-а. Были собраны: 1981 г. – пояс *кур*, сапоги *шарык* – 1 пара; 1985 г. – летний халат *чимек*, серебряные серьги *сырга* – 1 пара, свадебное платье невесты *кунек*, халат *телен*, пояс *кур*, женская обувь *чарык*, пальто *сырмал*, приплетка к косе *пуш* с раковинами *каури* – 2 шт., п. Беково; 1992 – платье свадебное *кунек*, п. Беково (рис. 10[14]).

В 1992 г. этнографические фонды пополнились предметами женского костюма из экспедиционных сборов Н. А. Белоусовой (в то время заведующей музеем археологии и этнографии Южной Сибири КемГУ) в п. Челухоево Беловского района Кемеровской области: нагрудное украшение (рис. 10), повседневное платье *кунек*, тапки

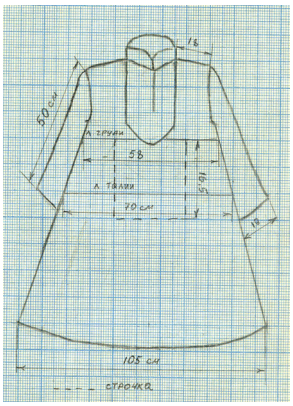


Рис. 8. Чертеж свадебного платья, масштаб 1:10
Fig. 8. Wedding dress sketch, scale 1:10

Рис. 9. Фотофиксация телеутского платья
Fig. 9. Photo of a Teleut gown

Рис. 10. Свадебное платье *кунек*, пояс *кур*, нагрудник телеутской замужней женщины
Fig. 10. Kunek wedding dress with a kur belt, Breastplate of a Teleut married woman

чарык, халат *сырмал*, платье *кунек*, пояс *кур*, шаль, накосник *тана*.

Научные исследования, проведенные В. М. Кимеевым, Т. И. Кимеевой и сотрудниками музея КемГУ, по изучению истории и быта телеутов легли в основу концепции по созданию историко-этнографического телеутского музея «Чолкой».

Заключение

В современный период, начиная с 2000-х гг., большой вклад в исследования по исторической реконструкции костюма и его элементов коренных жителей Кузбасса на основе музейных коллекций вносит доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры, кандидат культурологии Т. И. Кимеева (руководитель отдела этнографии музея КемГУ до 2017 г.). В её научных работах раскрывается семантика предметов женских украшений, рассматриваются вопросы реконструкции технологий изготовления традиционного женского костюма бачатских телеутов по материалам музейных собраний [13–15].

Приведем элементы телеутского национального женского костюма, хранящиеся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ:

- длинное платье туникообразного покроя *кунек* с накладным праздничным нагрудником *тошток* с вшитыми по бокам клиньями, прямым разрезом на груди, обшитым тесьмой, образующей петли для пуговиц; воротник-стойка украшен ромбовидным орнаментом из кусочков бересты, сшитой сплошь золотыми и серебряными нитками;
- свадебное платье из парчи с нагрудником ярко-красного цвета, расшитым широким серебряным галуном с ромбовидным орнаментом;
- шелковые праздничные халаты *чиймек*, *очкор*;
- легкий верхний приталенный халат *телен* из сатиновой ткани на ситцевой подкладке; рукава по обшлагам обшиты

[14] Архив КМАЭЭС. Свадебное платье *кунек*, пояс *кур* – сборы В. М. Кимеева; нагрудник телеутской замужней женщины – сборы Н. А. Белоусовой.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

бархатом; невысокий воротник-стойка украшен шнуром и серебряной нитью;

- теплая верхняя одежда – стеганый халат *сырмал*;
- цветные тканые пояса *кур*;
- женская обувь *чарык* и сапоги *мынта*, изготовлены из кожи;
- головные уборы – ситцевые и шелковые платки;
- чулки вязаные (*чулук / тук чулук*);
- женские украшения – накосники *пуш*, *тана*; серьги *сырга*, салманчик; кольца, перстни; браслеты; броши из меди и серебра.

Одним из источников, на которые опираются исследования по реконструкции полного женского телеутского костюма, является работа Л. П. Потапова «Одежда алтайцев» [16].

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. КМАЭЭС обладает возможностью проведения реконструкции полного исторического женского телеутского праздничного костюма, который включает головные уборы (платки), платье и воротники, головные и нагрудные украшения (накосники, серьги), пояса, чулки, обувь. Кроме того, в музейной коллекции представлены элементы повседневного телеутского женского костюма. Эти материалы не обладают такими аттрактивными свойствами, как праздничный костюм, но тем не менее представляют большой интерес для исследователей.

Таким образом, используя имеющиеся музейные источники: вещественные, письменные, изобразительные, графические, фото- и видеоматериалы археолого-этнографических экспедиций ученых университета, архивы КМАЭЭС, аналитические материалы проведенных исследований – в настоящее время возможно воссоздать полную историческую реконструкцию женского телеутского костюмного комплекса, который является ценным источником для изучения особенностей региональной истории и культуры Кузбасса.

Литература

1. Кимеев В. М. Экомузеи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектоника, функции. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 452 с.
2. Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М.: ИЭА РАН, 1993. 325 с.
3. Кимеева Т. И. Методика сбора материала по художественному наследию коренных народов Притомья: конец XIX – начало XXI в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 1. С. 142–154.
4. Кимеева Т. И. Коллекция телеутских серебряных украшений музея КемГУ «Археология, этнография и экология Сибири» // Археология Южной Сибири: сб. научных трудов, посвященный 30-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 148–151.
5. Кимеева Т. И., Тыдыкова Л. И. Традиции и ремесла бачатских телеутов. Кемерово: Примула, 2011. 120 с.
6. Поправко Е. А., Дударенок С. М. Методы исследования культуры. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 286 с.
7. Ашурков В. Н., Кацюба Д. В., Матюшин Г. Н. Историческое краеведение. М.: Просвещение, 1980. 192 с.
8. Кацюба Д. В. Материальная культура бачатских телеутов. Кемерово: КемГУ, 1991. 92 с.
9. Кацюба Д. В. Содержание и методика полевой практики по историческому краеведению в университете и пединституте. Кемерово: б. и., 1992. 84 с.
10. Кацюба Д. В. Теория и практика исторического краеведения в школе и в вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 1993. 43 с.
11. Кацюба Д. В. По родному краю. Маршруты тематических экспедиций по Кузбассу. Кемерово: Кн. изд-во, 1966. 108 с.
12. Боголепова Л. З. Д. В. Кацюба – ученый, краевед, этнограф // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): материалы междунар. конф. / под ред. В. В. Боброва. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 298–302.
13. Глушкова П. В., Кимеева Т. И. Реконструкция технологий изготовления традиционного женского костюма бачатских телеутов по материалам музейных собраний // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. СПб.: СПбГУПТД, 2016. С. 52–58.
14. Кимеева Т. И. Реконструкция элементов традиционной культуры по материалам коллекций как инновационное направление в музейном деле // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия: материалы VI междунар. научн.-практ. конф., 7–8 октября 2015 г. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ин-т культуры, 2015. С. 334–339.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

15. Кимеева Т. И. Реконструкция технологий традиционной вышивки тюркоязычных народов Кузбасского Притомья как один из способов актуализации культурного наследия // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильности России: сб. тр. конф., 21–23 сентября 2016 г. Омск: Наука, 2016. С. 392–394.
16. Потапов Л. П. Одежда алтайцев // Сборник МАЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. 13. С. 5–59.

Collections of the Museum of Kemerovo State University as a Basis for Scientific Reconstruction of the Teleut Women's Costume*

Ludmila Z. Bogolepova [a, ID1]; Natalya A. Belousova [a, @, ID2]

[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@] belna55@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-1239-2000
[ID2] https://orcid.org/0000-0001-9873-320X

Received 08.10.2018. Accepted 10.12.2018.

Abstract: The research features the historical and cultural heritage of the Teleuts, an indigenous people of Kuzbass, in particular their national costumes stored in the funds of the museum «Archeology, Ethnography, and Ecology of Siberia» (Kemerovo State University). The museum collections form a basis for scientific historical reconstruction of women's Teleut costume. The paper describes authentic ethnographic items of the main collection and the archives: various collections, field notebooks, expedition diaries, and reports made by scientists of the university, as well as photographs, videos, slides, and sketches. It is the first time the documentary funds have been introduced into scientific use. The research involved the prosopographic database of the scientists who donated valuable collections on the material and spiritual culture of the Teleuts, as well as museum collections of the departments of ethnography and history. The authors also described historical and ethnographic heritage collected by the scientists who organized expeditions in 1960s – late 1990s and donated their collections to the museum. The authors evaluated the contribution the scientists made to the studies of the Teleut culture. In addition, the article introduces an acquisition technique that would guarantee the authenticity of the items related to the Teleut culture.

Keywords: archeological and ethnographic heritage, the Teleuts, scientific expeditions, museum collections, museum reconstruction, women's costume

For citation: Bogolepova L. Z., Belousova N. A. Collections of the Museum of Kemerovo State University as a Basis for Scientific Reconstruction of the Teleut Women's Costume. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 1–9. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

References

1. Kimeev V. M. *The ecomuseums of the Tom River District in a post-industrial society: genesis, architectonics, and functions*. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2008, 452. (In Russ.)
2. Funk D. A. *The Bachatsky Teleuts in XVIII – the first quarter of the XX century: historical and ethnographic research*. Moscow: IEA RAN, 1993, 325. (In Russ.)
3. Kimeeva T. I. Data acquisition method for the art heritage of the indigenous peoples of the Tom River District: late XIX – early XXI centuries. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 1. Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 2017, 23(1): 142–154. (In Russ.)

* The research was supported by the Russian Foundation for Humanitarian Sciences (Kuzbass), grant No. 17-11-42006 "Historical reconstruction of elements of the costume of Siberian peoples based on the archaeological and ethnographic materials of museum collections".

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-1-9

4. Kimeeva T. I. Collection of the Teleut silver jewelry of the Kemerovo State University museum «Archeology, ethnography, and ecology of Siberia. *Archeology of Southern Siberia*: Proc. dedicated to the 30th anniversary of the Department of Archeology of Kemerovo State University. Kemerovo: Letopis, 2006, iss. 24, 148–151. (In Russ.)
5. Kimeeva T. I., Tydykova L. I. *Traditions and crafts of the Bachatsky Teleuts*. Kemerovo: Primula, 2011, 120. (In Russ.)
6. Popravko E. A., Dudarenok S. M. *Culture research methods*. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008, 286. (In Russ.)
7. Ashurkov V. N., Katsyba D. V., Matiushin G. N. *Historical study of local lore*. Moscow: Prosveshchenie, 1980, 192. (In Russ.)
8. Katsyba D. V. *Material culture of the Bachatsky Teleuts*. Kemerovo: KemGU, 1991, 92. (In Russ.)
9. Katsyba D. V. *Contents and technique of field practice on historical study of local lore at the university and teacher's college*. Kemerovo: b. i., 1992, 84. (In Russ.)
10. Katsyba D. V. *The theory and practice of historical study of local lore at school and in higher education institution*. Dr. Ped. Sci. Diss. Abstr. Chelyabinsk, 1993, 43. (In Russ.)
11. Katsyba D. V. *On the native land. Routes of thematic expeditions across Kuzbass*. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1966, 108. (In Russ.)
12. Bogolepova L. Z. D. V. Katsyba: a scientist, a local historian, and an ethnographer. *Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)*: Proc. Intern. Conf. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, 298–302. (In Russ.)
13. Glushkova P. V., Kimeeva T. I. Reconstruction of manufacturing techniques of a traditional women's suit of the Bachatsky Teleuts on materials of museum collections. *Fashion and design: historical experience, new technologies*. Saint-Petersburg: SPbGUPTD, 2016, 52–58. (In Russ.)
14. Kimeeva T. I. Reconstruction of the elements of traditional culture on materials of collections as the innovative direction in museum business. *Cultural space of Eastern Siberia and Mongolia: traditions and innovations of intercultural interaction*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., October 7–8, 2015. Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskii gos. in-t kultury, 2015, 334–339. (In Russ.)
15. Kimeeva T. I. Reconstruction techniques of traditional embroidery of the Turkic-speaking peoples of Kuzbass Tom River District as one of the methods of actualization of cultural heritage. *Culture and interaction of peoples in museum, scientific and educational processes – the most important factors of the stability of Russia*: Proc. Conf., September 21–23, 2016. Omsk: Nauka, 2016, 392–394. (In Russ.)
16. Potapov L. P. Altai clothes. *Collection of MAE*. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1951, iss. 13, 5–59. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

CC BY

оригинальная статья
УДК 902.2+904

Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента

Муртазали С. Гаджиев [a, ID1]; Артур И. Таймазов [a, @ ID2]; Арсен Л. Будайчиев [a]; Аскерхан К. Абиев [a]; Абдул М. Абдулаев [a]; Юсуп А. Магомедов [a]

[a] Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75

[@] taymazov_artur@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-45920527

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-6810-8718

Поступила в редакцию 21.05.2018. Принята к печати 15.01.2019.

Аннотация: Статья посвящена результатам археологических исследований, проведенных у северной крепостной стены в приморской части Дербента за пределами средневекового шахристана. Заложенные шурфы (26–29) показали наличие на этом участке наслоений различного генезиса, содержащих в том числе археологический материал, и предоставили новые данные по исторической топографии средневекового города. Полученные данные фиксируют за пределами шахристана наличие культурных напластований, относящихся к предмонгольскому времени (X – начало XIII в.) (шурфы 26–28) – к периоду расцвета средневекового Дербента, когда город полностью занял территорию межстенного, архитектурно выделенного шахристана и когда активно стали использоваться ближняя и дальняя сельскохозяйственная округи города. Эти данные также подтверждают ранее полученные сведения о прекращении активной жизни в городе во второй четверти XIII в., что было связано с монгольскими завоеваниями. Вместе с тем выделяются слои, относящиеся к позднесасанидскому времени и связанные с масштабным строительством каменной оборонительной стены в середине VI в. (шурфы 26, 27) и, возможно, сырцовой оборонительной стены в середине V в. (шурф 27), полностью перегородивших Дербентский проход.

На западной границе обследованного участка был обнаружен котлован, в котором были найдены мусульманские каменные саркофагообразные надмогильные памятники (6 экз.) XI–XII вв., а также каменные плиты от разрушенных погребальных конструкций (каменных ящиков). Выявленные саркофаги – самые крайние восточные в пределах средневекового некрополя Дербента, и они выступают наглядным подтверждением к гравюре Адама Олеария (1637), изображающей Дербент и его обширное северное кладбище с такими надмогильными памятниками.

Ключевые слова: Кавказ, сасанидский период, предмонгольский период, мусульманские погребения, оборонительная архитектура, историческая топография, глазурованная керамика

Для цитирования: Гаджиев М. С., Таймазов А. И., Будайчиев А. Л., Абиев А. К., Абдулаев А. М., Магомедов Ю. А. Разведочные археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 10–19. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

Введение

В сентябре 2016 г. Дербентская новостроечная археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук провела археологические разведки на участке (площадью 45172 м^2) строительства винно-коньячного завода в г. Дербенте. Участок обследования располагался в приморской части города с внешней стороны северной оборонительной стены города, т.е. за пределами средневекового шахристана. Протяженность оборонительной стены на территории завода составляет 240 м.

Земельный участок в значительной степени был потревожен в результате строительства на этой территории в 1927–1932 гг. Дербентского рыбоконсервного завода, а в 1958 г. – сокового цеха [1, с. 4–5]. Наиболее перспективными для выявления культурного слоя и определения его характера были участки между фундаментами строящихся цехов винно-коньячного завода и северной городской оборонительной стеной середины VI в. На указанной

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

территории были заложены четыре разведочных шурфа, получившие продолжающиеся порядковые номера 26–29.

Описание стратиграфических шурфов и полученных материалов

Шурф 26 (N42°03'47,01" E48°18'08,86") был заложен вплотную к северной городской стене на месте стыка полукруглой башни (башня № 3 по нумерации Е. А. Пахомова) и стены на относительно ровной горизонтальной задернованной площадке. Шурф (2,4 × 2 м) был разбит не по сторонам света, а в соответствии с направлением и конфигурацией стены и башни, к которым он примыкал. Высота городской оборонительной стены от современной дневной поверхности в данном месте составляет около 6,3 м (рис. 1). Шурф был прокопан на глубину макс. –5,05 м от ±0 (рис. 2). Подошва оборонительной стены находилась на отметке –4,95 м от ±0. Таким образом, высота оборонительной стены с учетом вскрытой в шурфе части стены составляет около 11,25 м. Отметим, что на данном участке оборонительной стены сохранились *in situ* несколько блоков-кронштейнов машикулей, которые использовались для ликвидации непростреливаемого (мёртвого) пространства у подошвы стен. Реальная высота стены на данном участке составляла около 12,5 м. В шурфе выявлена следующая последовательность слоев (рис. 3).

Слой 1 представлял собой темно-серый рыхлый гумус, насыщенный современным строительным и бытовым мусором. Мощность слоя составляет 25–30 см. Из слоя происходит одна индивидуальная находка: частично поврежденная керамическая треугольная подставка – *сипая* – для обжига гончарных изделий (рис. 4, *1*).

Слой 2 – серый плотный слой толщиной 40–45 см. В слое было выявлено около 20 фрагментов разновременной красноглиняной столовой и тарной посуды (рис. 4, *3*–*5*).

Слой 3 – мелкозернистый желтый песок аллювиального генезиса толщиной 1,0–1,1 м. В слое найдено небольшое количество фрагментов керамики, в основном это стенки средневековых красноглиняных сосудов.

Слой 4 – плотный известковистый щебеночный слой с включением мелких обломков известняка-ракушечника, образовавшихся в результате камнеобработки. Толщина слоя составляет 10–15 см. Непосредственно у стены слой представлен тонкой прослойкой (2–3 см). Наличие извести и отходов камнеобработки в слое позволяет предположить, что формирование его связано со строительной деятельностью в период ремонтно-реставрационных работ на башне (что отчетливо видно по сохранившейся кладке), возможно, в начале XIX в. (после взятия города в 1796 г. войсками графа В. А. Зубова?).

Рис. 1. Дербент. Участок северной оборонительной стены и башня № 3. Вид с северо-востока
Fig. 1. Derbent. Part of the northern defensive wall and tower no. 3. Northeast view

Рис. 2. Дербент. Шурф 26. Общий вид. Вид с северо-запада
Fig. 2. Derbent. Sounding 26. General view. Northwest view

Слой 5 – серо-коричневый плотный суглинок толщиной 30–38 см. В слое встречено свыше 60 фрагментов разнообразной средневековой керамической посуды, относящейся к предмонгольскому времени (X – начало XIII в.). Среди показательных образцов керамики отметим следующие:

- фрагмент венчика с утоньшенным краем белокашинной пиалы, покрытой голубой (кобальтовой) поливой (рис. 4, *6*), характерной для изделий предмонгольского времени (XI – начало XIII в.);
- фрагмент стенки красноглиняной тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта гравировкой по белому ангобу и коричневой пятнистой рябью под желтоватой прозрачной поливой, характерной для X–XII вв. (рис. 4, 7);
- фрагменты придонной части стенки и кольцевого поддона красноглиняной тарелки, внутренняя поверхность которой покрыта гравировкой по белому ангобу под зеленой поливой, характерной для X–XII вв. (рис. 4, *8*);

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

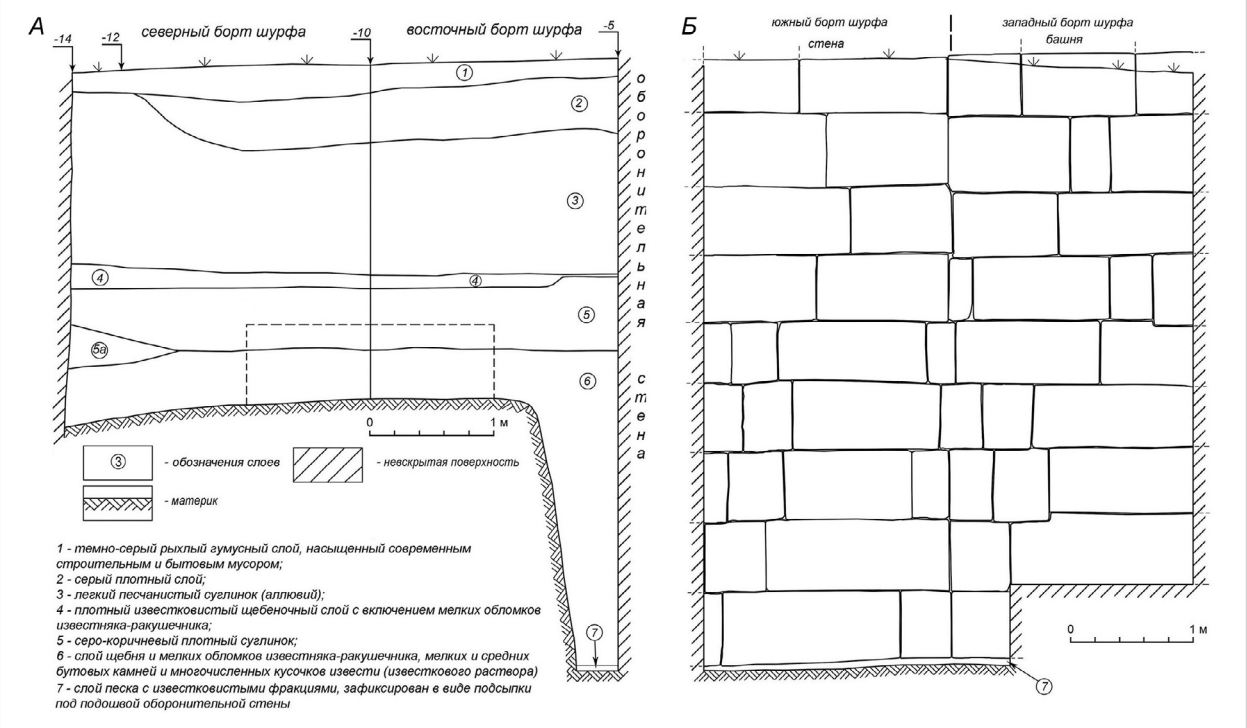


Рис. 3. Дербент. Шурф 26. Профили стенок
Fig. 3. Derbent. Sounding 26. The profiles

• фрагмент кольцевого поддона сероглиняной чаши, покрытой глухой марганцевой поливой по непокрытому черепку (рис. 4, *9*).

• фрагменты утолщенных наружу венчиков коричневоглиняных котлов с примесью песка в тесте; у внешнего края венчика проходит окаймляющий налепной валик (рис. 4, *10, 11*);

• фрагмент отогнутого наружу венчика раструбовидного горла красноглиняного кувшина с редким полосчатым лощением (рис. 4, *12*);

• фрагмент венчика коричневоглиняного кувшина с круглой в сечении ручкой (рис. 4, *13*).

Слой 6 состоит из мелких обломков известняка-ракушечника – отходов камнеобработки (тески), мелких и средних бутовых камней и заполнителя в виде извести. Мощность слоя неравномерная – от 40 см до 240 см (в заполнении строительной траншеи под оборонительную стену). В южной части шурфа вдоль стены с глубины –2,80 м от ±0 слой, плавно сужаясь, следует вниз до основания каменной стены, т.е. до отметки –4,95 м, фиксируя заполнение строительной траншеи. По верху траншея отступает от вертикальной грани стены на 65–70 см и опускается плавно вниз, сужаясь на уровне подошвы стены до 32–33 см. В нижней части заполнения траншеи встречались каменные необработанные глыбы. Учитывая направление и конфигурацию выявленной траншеи, характер и состав заполняющего ее слоя 6, можно утверждать, что слой представляет собой забутовку траншеи, и его формирование происходило в период строительных работ по возведению северной каменной оборонительной стены Дербента, которое осуществлялось в середине VI в., точнее в 568–569 гг. [2].

В ходе вскрытия слоя 6 на глубине –3,16–3,22 м от ±0 вплотную к оборонительной стене у стыка куртины и башни было обнаружено погребение (рис. 5), впущенное в слой на глубину до 80–82 см. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на юго-запад, череп лицевыми костями повернут на юго-юго-восток, правая рука согнута в локте под тупым углом и лежала кистью у тазовых костей, левая рука согнута под прямым углом и лежала на уровне живота. Ноги вытянуты, соприкасаясь стопами. Южную и западную стенки могилы образуют соответствующие участки куртины и башни. Северная стенка погребения представляет собой каменную кладку (1–3 ряда), сложенную на дне могилы из слабо обработанных крупных и среднего размера бутовых камней, положенных плашмя и на ребро. Длина каменной оградки – 185 см, ширина – 15–24 см, высота – 27–38 см. Не исключено, что данная кладка представляет собой закладную стенку подбойной могилы, хотя при этом следов глиняной замазки между рядами и щелями кладки, пятен входной ямы и могилы прослежено не было. Данное погребение совершено по мусульманскому погребальному обряду, на что указывает вытянутое положение, ориентировка скелета, поворот черепа вправо на юго-юго-восток,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

положение рук. Судя по тому, что погребение перекрыто культурным слоем 5, датированным предмонгольским периодом, погребение было совершено в предшествующее этому периоду время, т. е. в диапазоне VIII–X вв.

Керамический материал из слоя 6 представлен только несколькими фрагментами стенок сосудов. Среди показательных образцов отметим следующие фрагменты:

• фрагмент слегка отогнутого наружу венчика красноглиняного кувшина (рис. 4, *14*);

• фрагмент прямого венчика с утолщенным наружу краем красноглиняного кувшина (рис. 4, *15*);

• фрагмент стенки бежевоглиняного белоангобированного сосуда (кувшина), орнаментированного пояском из четырех волнистых врезных линий, окаймляющих тулово сосуда (рис. 4, *16*); этот фрагмент представляет собой диагностирующий образец так называемой сасанидской керамики;

• фрагменты светло-коричневоглиняной белоангобированной керамики, также характерной для слоев Дербента позднесасанидского времени (V–VII вв.).

Из слоя происходит и керамическое пряслице, сделанное из стенки красноглиняного тарного сосуда с двусторонней сплошной штриховкой (рис. 4, *2*), диаметр равен 4,5–4,7 см, диаметр отверстия – 1,1 см, толщина – 1 см. Подобные пряслица из стенок тарных штрихованных сосудов, получивших распространение в сасанидский период, представляют собой обычную находку в слоях Дербента V–VII вв.

Таким образом, стратиграфическое положение слоя 6, его характер, керамический комплекс слоя позволяют датировать его позднесасанидским периодом, точнее, учитывая его природу, временем сооружения северной городской стены Дербента, т. е. 568–569 гг. [2].

Слой 7 – песок с известковыми фракциями, зафиксирован в виде подсыпки под подошвой оборонительной стены и под слоем 6 на дне строительной траншеи под оборонительную стену; толщина прослойки – 2,5–3,0 см.

Слои 6 и *7* подстилал серо-светло-коричневый грунт средней плотности, представляющий собой материковую почву без каких-либо находок, прокопанный на 1,0–1,2 м.

В заключение несколько слов о характере вскрытого участка северной городской оборонительной стены Дербента. Как указывалось выше, высота стены от современной дневной поверхности в месте расположения шурфа составляет около 6,30 м (рис. 1), от уровня подошвы – около 11,25 м. Вскрытая поверхность башни и прилегающего участка куртины высотой почти 5 м (9 рядов кладки) сложена, как и вся сасанидская фортификация Дербента, в технике двупанцирной кладки с укладкой крупных, хорошо отесанных и относительно стандартных облицовочных

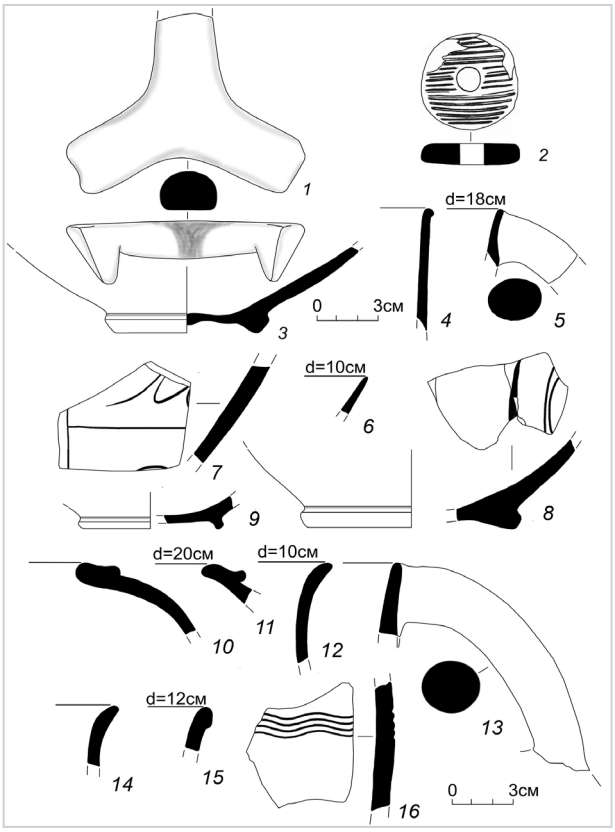


Рис. 4. Дербент. Шурф 26. Находки: 1 – подставка для обжига керамики (*сипая*), 2 – пряслице, 3–16 – керамика
Fig. 4. Derbent. Sounding 26. Finds: 1 – tripod support for ceramics burning (*sipaia*), 2 – spindle whorl, 3–16 – pottery

блоков на ребро ложком и тычком насухо и с забутовкой на известковом растворе (рис. 2; рис. 3, *Б*). Кладка куртины и башни имеют конструктивную перевязку, указывающую на их единовременное строительство. Высота блоков составляет 50–60 см, длина ложковых блоков – 94–144 см, ширина тычковых блоков – 32–44 см. При этом наблюдается укладка в основании стены более крупных и длинных блоков, увеличение ширины (толщины) тычковых и ложковых блоков нижних рядов кладки, приближающейся к их высоте, т. е. блоки в сечении представляют почти квадрат. Подобный прием наблюдался ранее на всех исследованных участках сасанидской каменной фортификации Дербента. Так же как и на других участках здесь зафиксировано устройство первоначально строительной траншеи под оборонительную стену. Правда, если на иных обследованных участках оборонительных стен глубина траншеи составляла по высоте 1,0–1,3 м с укладкой в нее первых 2–3 рядов кладки, то глубина траншеи на данном участке составила около 220 см, и в нее были установлены четыре нижних ряда кладки стены. Разница в глубине траншеи, возможно, находит объяснение в том, что данный участок стены возводился в приморской зоне.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

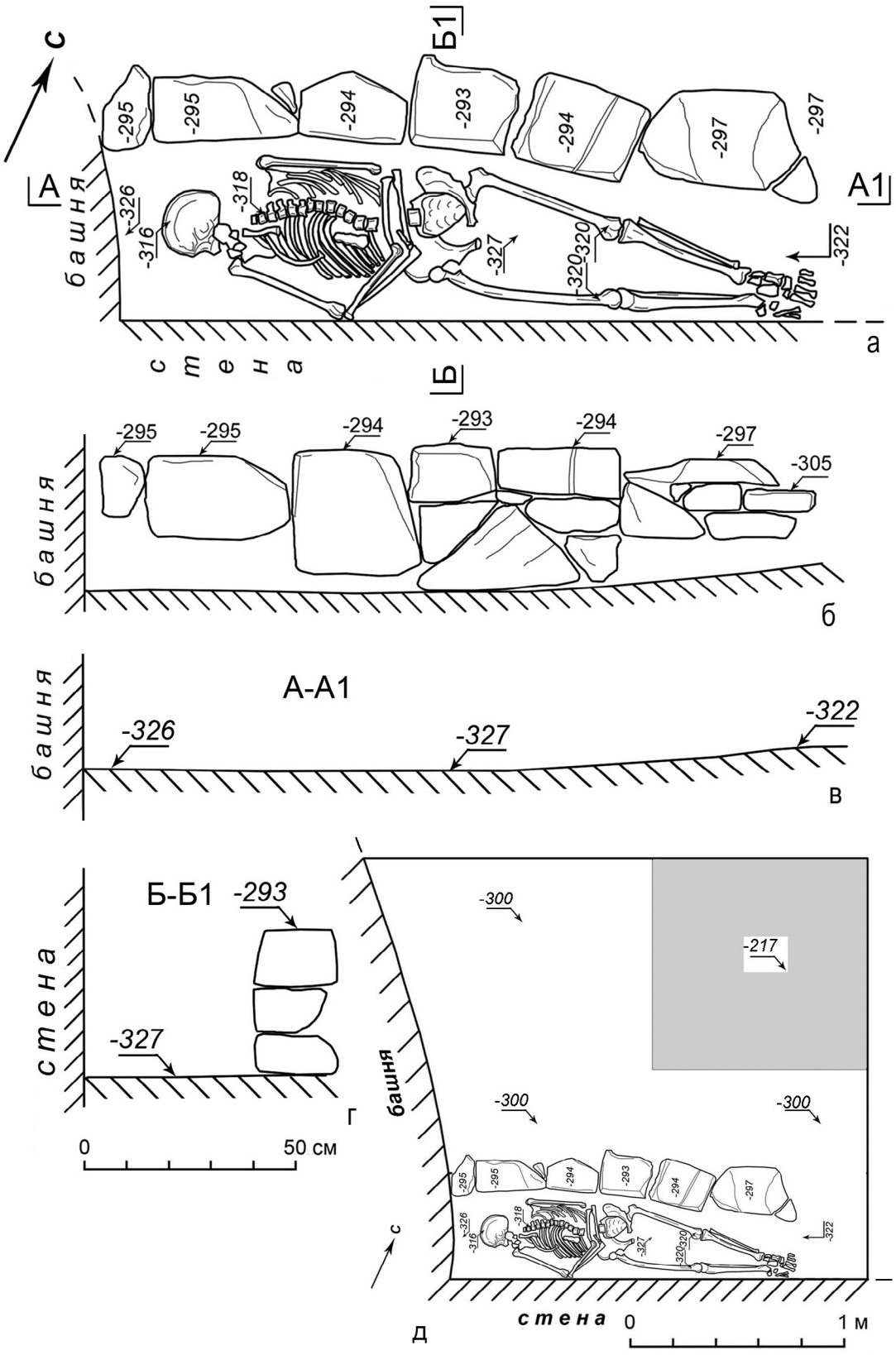


Рис. 5. Дербент. Шурф 26. Погребение. Планы, южный фас стенки и разрезы
Fig. 5. Derbent. Sounding 26. Burial. Plans, southern face, sections

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

Шурф 27 (N42°03'47,87" E48°18'09,89") размерами 2 × 2 м был заложен в 35 м к северо-востоку от шурфа 1 и в 25 м к северо-северо-западу от северной стены на ровном задернованном участке. Перепад высоты относительно шурфа 1 составляет –0,20 м. Шурф прокопан до глубины –3,20 м от современной дневной поверхности. В нем выявлена следующая последовательность слоев.

Слой 1 – мусорный слой толщиной 10 см.

Слой 2 – прослойка крупных морских (каспийских) раковин толщиной 10 см.

Слой 3 – темно-серый грунт толщиной 3–6 см.

Слой 4 – желтовато-коричневый крупнозернистый песок морского генезиса толщиной 70–80 см. В слое 4 было выявлено 12 фрагментов керамики. Среди показательных образцов позднесредневековой керамики из этого слоя отметим следующие:

- фрагмент невыраженного венчика красноглиняной округлобокой чаши, внутренняя поверхность которой покрыта белыми ангобными линиями под прозрачной поливой по непокрытому черепку (рис. 6, *2*), относящейся к XVI–XVIII вв., судя по аналогиям из раскопок Дербента;
- нижняя часть узкой высокой цилиндрической горловины (диаметр – 4 см) красноглиняного кувшина с белыми ангобными пятнами и растеками под бесцветно прозрачной поливой (рис. 6, *4*);
- фрагмент венчика с отходящей от внешнего края овальной в сечении крупной ручкой красноглиняного кувшина (рис. 6, *3*).

Из слоя происходит также крупный железный кованый гвоздь (рис. 6, *1*).

Слой 5 – массив плотного желтоватого глинобита толщиной 50–65 см.

Слой 6 – светло-серый рыхлый слой с включением угольков толщиной 10–25 см.

Слой 7 – желтый мелкозернистый песок с суглинком толщиной 40 см. В слое 7 найдено около 40 фрагментов керамической посуды, среди которых выделяются следующие:

- фрагмент невыраженного утоньшенного венчика красноглиняной чаши, покрытой белым ангобом под зеленой поливой (рис. 6, *5*);
- фрагмент венчика и бортика красноглиняной чаши, покрытой белым ангобом под зеленой пятнистой поливой (рис. 6, *6*); внешний край венчика подчеркнут окаймляющей канавкой;
- фрагмент стенки красноглиняной чаши, внутренняя поверхность которой покрыта гравировкой по белому ангобу и зелеными растеками под желтой прозрачной поливой (рис. 6, *7*);
- фрагмент стенки красноглиняной чаши, внутренняя поверхность которой покрыта гравировкой по белому ангобу и зелеными растеками под светло-зеленой поливой (рис. 6, *8*).

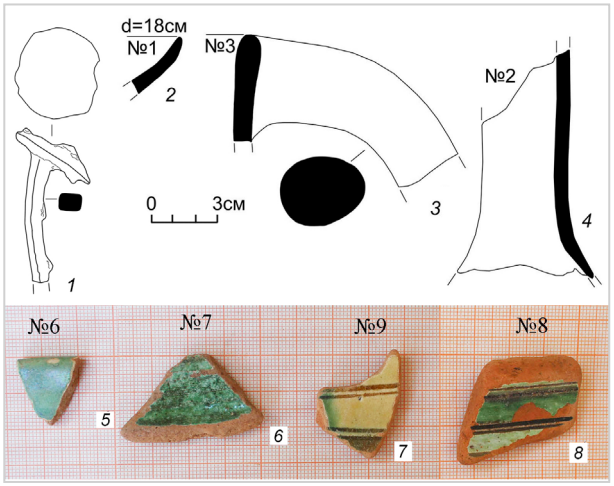


Рис. 6. Дербент. Шурф 27. Находки: 1 – гвоздь, 2–4 – керамика из слоя 4, 5–8 – керамика из слоя 7
Fig. 6. Derbent. Sounding 27. Finds: 1 – nail, 2–4 – pottery from layers 4, 5–8 – pottery from layer 7

Представленная поливная керамика, в особенности характерные монохромные чаши с подглазурной гравировкой по белому ангобу и без нее под прозрачной зеленой поливой типичны для X–XII вв. не только Дербента, но и всего Закавказья.

Слой 8 – светло-серый слой с включением угольков толщиной 20 см.

Слой 9 – желто-коричневый суглинок с включением карбоната толщиной 40 см. В слое были найдены фрагменты красно- и коричневоглиняной столовой и тарной посуды. Поливная керамика отсутствует. Среди этого комплекса выделяется один показательный сосуд – развал части стенки и плоского донца коричневоглиняного белоангобированного кувшина, изготовленного на быстровращающемся кругу. На одном из фрагментов имеется основание сливного носика и двух окаймляющих канавок. Этот кувшин по технологии изготовления, наличию специфического белого ангобного покрытия представляет типичный образец сасанидской керамики, что позволяет отнести этот слой ко времени возведения оборонительной стены, т.е. к середине VI в. (конец 560-х гг.), и синхронизировать его со слоем 6 шурфа 26.

Слой 10 – мелкозернистый песок толщиной 10 см.

Слой 11 – плотный коричневатый суглинок толщиной 40 см. В слое всего выявлено 10 фрагментов раннесредневековых красно- и коричневоглиняных столовых и тарных сосудов. Этот слой можно датировать серединой V в. и связать его возникновение со строительными работами

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

по сооружению в конце 440-х гг. сырцовой оборонительной стены, перегородившей Дербентский проход.

Ниже шел плотный материковый слой коричневого оттенка.

Шурф 28 (N42°03'48,04" E48°18'11,50") размерами 2 × 2 м, ориентированный сторонами по частям света, заложен в 35 м к востоку от шурфа 2 на относительно ровной площадке. Перепад высоты относительно шурфа 26 составляет 1,40 м. Расстояние от оборонительной стены до места закладки шурфа составляет 15 м. Шурф прокопан на глубину 3,55 м. В шурфе выявлена следующая последовательность слоев.

Слой 1 – сильно спрессованный песок толщиной 10–15 см.

Слой 2 – современный строительный мусор. В слое встречено большое количество металлических предметов, подвергшихся коррозии, попадались также обломки красного кирпича и битого, в т. ч. оконного и бутылочного стекла. Толщина слоя – 16–20 см, но у восточного борта и в юго-восточном углу, где располагалась мусорная яма, мощность слоя резко увеличивается до 80 см.

Слой 3 – мелкозернистый песок желтого цвета толщиной 100 см.

Слой 4 – темно-коричневый суглинок, смешанный с песком, толщиной 50 см.

Слой 5 – крупнозернистый морской песок коричневого цвета толщиной 40–45 см.

Слой 6 – темно-коричневый суглинок средней плотности толщиной 40–45 см. В слое встречено большое количество костей животных; из него происходит значительное количество фрагментов средневековой керамической посуды. Выделим показательные фрагменты:

- фрагменты красноглиняной чашечки с утоньшающимся венчиком, невысоким бортиком на кольцевом поддоне; внутренняя поверхность которой покрыта белым ангобом под зеленой поливой (рис. 7, *1*);
- фрагмент подобной красноглиняной чашечки, внутренняя поверхность которой покрыта белым ангобом под прозрачной поливой салатного цвета (рис. 7, *2*);
- фрагмент венчика с чуть утолщенным наружу закругленным краем коричневоглиняной чаши, покрытой светло-зеленой поливой по белому ангобу (рис. 7, *3*);
- фрагмент прямого венчика с утоньшающимся краем красноглиняной чаши, покрытой зеленой поливой по белому ангобу; внешний край венчика оформлен вертикальными короткими насечками, придающими краю венчика легкую волнистость; под насечками проходит окаймляющая врезная линия (рис. 7, *4*);
- фрагмент венчика с отогнутым, чуть утоньшающимся краем и части стенки бортика красноглиняной чаши, покрытой светло-зеленой поливой (рис. 7, *5*);
- фрагменты стенок и венчика с утоньшающимся краем розовоглиняной тонкостенной чаши, внутренняя поверхность которой покрыта подглазурной гравировкой по белому ангобу под бирюзово-голубой (кобальтовой) поливой (рис. 7, *6*);
- фрагмент закругленного венчика, бортика стенки красноглиняной глубокой чаши, внутренняя поверхность которой имеет марганцевые полоски и такие же короткие наклонные полоски по верхнему краю венчика под прозрачной бесцветной поливой; край венчика снаружи подчеркнут окаймляющей врезной линией (рис. 7, *7*);
- фрагмент стенки и бортика красноглиняной полихромной чаши с прямыми стенками, внутренняя поверхность которой покрыта гравировкой по белому ангобу и светло-коричневыми и зелеными пятнами, совмещенными с гравированным рисунком, под прозрачной бесцветной поливой (рис. 7, 8);
- фрагмент чуть сужающегося к краю сливного носика красноглиняного кувшина, покрытого белым ангобом под салатной поливой (рис. 7, *9*);
- фрагменты придонной части монохромной тарелки на кольцевом поддоне, с прямыми стенками и вертикальным бортиком (не сохранился); внутренняя поверхность чаши богато декорирована растительно-геометрической гравировкой по белому ангобу под зеленой поливой (рис. 7, *12*);
- фрагмент овальной в сечении ручки красноглиняного кувшина, покрытого белым ангобом под темно-зеленой поливой; по наружной стороне ручки проходит продольный желобок (рис. 7, *11*);
- фрагмент ленточной ручки красноглиняного сосуда, покрытого белым ангобом под светло-зеленой прозрачной поливой; с наружной стороны ручки по ангобу прочерчены две продольные параллельные врезные линии (рис. 7, *10*);
- фрагменты утолщенных наружу венчиков красноглиняных котлов закрытого типа с примесью песка и мелкотолченой ракушки в тесте (рис. 7, *13, 14*);
- фрагмент сливного носика красноглиняного кувшина (рис. 7, *15*);
- фрагмент утолщенного наружу венчика красноглиняного котла закрытого типа с примесью мелкотолченой ракушки и со следами копоти на поверхности; под венчиком проходит врезной зигзагообразный широкий врезной поясок (рис. 7, *16*);
- фрагмент утолщенного, отогнутого наружу венчика красноглиняного котла закрытого типа с вкраплениями

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

толченой ракушки в тесте; под венчиком проходит ряд из крупных семечковидных вдавлений (рис. 7, *17*);

• фрагмент стенки коричневоглиняного толстостенного сфероконического сосуда с серым изломом.

Представленный показательный керамический комплекс, включающий глазурованные и неполивные изделия, весьма характерен для X – начала XIII в. Наличие сосудов с голубой (кобальтовой) поливой и полихромных чаш с подглазурной гравировкой по белому ангобу, совмещенной с росписью, позволяет сузить дату слоя до XI – начала XIII в.

Слой 7 – темно-коричневый суглинок средней плотности толщиной 60 см.

Под слоем 7 шел рыхлый влажный слой песка темно-коричневого цвета с раковинами моллюсков. Он был прокопан на 20 см. Археологических находок не обнаружено.

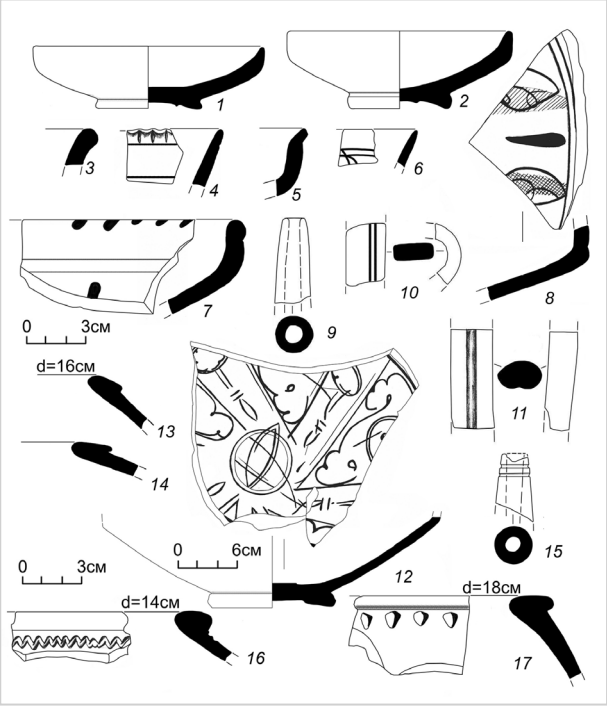


Рис. 7. Дербент. Шурф 28. Глазурованная (1–12) и неполивная (13–17) керамика из слоя 6
Fig. 7. Derbent. Sounding 28. Glazed (1–12) and unglazed (13–17) pottery from layer 6

В ***шурфе 29***, заложенном в 100 м к западу от шурфа 1 и в 25 м северо-северо-западнее от башни № 4 (по нумерации Е. А. Пахомова), археологические находки не обнаружены.

Заключение

Археологические разведки, проведенные на территории строительства винно-коньячного завода в г. Дербенте, предоставили новые данные по исторической топографии средневекового города и показали наличие на обследованном участке наслоений различного генезиса, содержащих в том числе археологический материал. Полученные данные фиксируют за пределами шахристана наличие культурных напластований, относящихся к предмонгольскому времени (X – начало XIII в.) (шурфы № 26–28) – к периоду расцвета средневекового Дербента [3], когда город полностью занял территорию межстенного, архитектурно выделенного шахристана и когда активно стали использоваться ближняя и дальняя сельскохозяйственная округи города. Эти данные подтверждают также ранее полученные данные о прекращении активной жизни в городе во второй четверти XIII в., что было связано с монгольскими завоеваниями [4, с. 72–73; 5, с. 182–186; 6, с. 177–186]. Вместе с тем выделяются слои, относящиеся к позднесасанидскому времени и связанные с масштабным фортификационным строительством по возведению каменной оборонительной стены в середине VI в. (шурфы № 26, 27) [7] и, возможно, сырцовой оборонительной стены в середине V в. (шурф № 27), полностью перегородивших Дербентский проход [8–10].

В завершение отметим, что на западной границе участка проведения археологических изысканий был обнаружен котлован размерами 4,8 × 4 м и глубиной 2 м. В котловане беспорядочно лежали саркофагообразные надмогильные камни (6 экз.) и хорошо обработанные каменные плиты (13 экз.; местный ракушечник) от разрушенных погребений в каменных ящиках. Выявленные саркофаги однотипны по форме, имеют полукруглое сечение, с боковыми выступами, внутри полые. Но они отличаются по размерам: длина их колеблется в пределах 190–230 см, высота – 40–50 см. Все они вытесаны из цельного каменного монолита, надписи на них отсутствуют. В срезах котлована виднелись также части парных 10 обломанных вертикально установленных боковых плит каменных ящиков, разрушенных экскаватором при рытье котлована и фиксирующих местонахождения пяти погребальных конструкций. Непосредственно рядом с котлованом встречены плиты перекрытия еще двух погребений. Очевидно, что выявленные саркофагообразные надмогильные камни некогда были установлены над мусульманскими погребальными сооружениями в каменных ящиках. Подобные надмогильные памятники представлены также на кладбищах Дербента, Южного Дагестана и Кайтага и датируются второй половиной XI–XII вв. [11]. Выявленные саркофаги – самые крайние восточные в пределах средневекового некрополя Дербента и они выступают наглядным подтверждением к гравюре Адама Олеария (1637), изображающей Дербент и его обширное северное кладбище с такими надмогильными памятниками.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

Литература

1. Умаров С. Ш. Хозяйствование: поиск решения. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1984. 55 с.
2. Гаджиев М. С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 1. С. 77–94.
3. Гаджиев М. С. Дербент как торгово-культурный центр VIII – начала XIII вв. // Великий Волжский путь: материалы III-го этапа Междунар. науч.-практ. конф. «Великий Волжский путь», Астрахань – Махачкала – Дербент – Баку – Энзели – Тегеран – Актау – Астрахань (3–14 августа 2003 г.). Казань, 2004. С. 73–83.
4. Гамзатов Г. Г. Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII–XVII вв.) // Советская археология. 1982. № 1. С. 71–79.
5. Гаджиев М. С., Абиев А. К., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М., Шаушев К. Б. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3. С. 183–195.
6. Гаджиев М. С., Таймазов А. И., Будайчиев А. Л., Абдулаев А. М., Абиев А. К. Спасательные археологические исследования в Дербенте в 2015 году: раскоп XXXIII // Вестник Институт истории, археологии и этнографии. 2017. № 3. С. 177–201.
7. Gadjiev M. S. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // Iran and the Caucasus. 2008. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–16.
8. Кудрявцев А. А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // Советская археология. 1978. № 3. С. 243–257.
9. Кудрявцев А. А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // Вопросы истории. 1979. № 11. С. 31–43.
10. Гаджиев М. С. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени (по материалам раскопов Р-XI и Р-XIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы, 1989. С. 61–76.
11. Гаджиев М. С. Поселение Пирмешки и его некрополь // История, археология и этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 10–22.

Prospecting Archaeological Works at the Northern Defensive Wall in the Seaside Part of Derbent

Murtazali S. Gadzhiev[a, ID1]; Artur I. Taymazov[a, @, ID2]; Arsen L. Budaychiev[a]; Askerkhan K. Abiev[a]; Abdul M. Abdulaev[a]; Yusup A. Magomedov[a]

[a] Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 75, M. Yaragski St., Makhachkala, Russia, 367030

[@] taymazov_artur@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-45920527

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-6810-8718

Received 21.05.2018. Accepted 15.01.2019.

Abstract: The article presents some results of an archaeological researches conducted at the northern city wall in the seaside part of Derbent outside the medieval shakhristan. The soundings (No. 26–29) revealed layers of various geneses and provided new data on the historical topography of the medieval town. The obtained data point at some cultural layers of Pre-Mongol period (X – early XIII century) outside the shakhristan (soundings No. 26–28). It was period of flourishing for the medieval Derbent when the city occupied the territory of architecturally allocated shakhristan and when the near and far agricultural areas was actively used. These materials also confirm the earlier obtained data that the active life of the city ceased in the second quarter of the XIII century due to Mongol invasions. At the same time, excavations revealed some layers related to the late Sasanian period and connected with the large-scale construction of a stone defensive wall in the

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

middle of the VI century (soundings No. 26, 27) and an adobe defensive wall built in the middle of the V century (sounding No. 27), which completely closed the Derbent pass.
On the western border of the surveyed site, six Muslim stone sarcophagus-shaped sepulchral monuments of the XI–XII centuries were found in the modern ditch, as well as some stone plates from the destroyed cists. The sarcophagi are the most extreme east monuments within the medieval necropolis of Derbent, and they act as evident confirmation to Adam Olearius' engraving (1637 AD) that depicted Derbent and its extensive northern cemetery with such monuments.

Keywords: Caucasus, Sasanian period, Pre-Mongol period, Muslim burials, defensive architecture, historical topography, glazed pottery

For citation: Gadzhiev M. S., Taymazov A. I., Budaychiev A. L., Abiev A. K., Abdulaev A. M., Magomedov Yu. A. Prospecting Archaeological Works at the Northern Defensive Wall in the Seaside Part of Derbent. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 10–19. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-10-19

References

1. Umarov S. Sh. *Managing: search of the decision*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1984, 55. (In Russ.)
2. Gadzhiev M. S. Definition of absolute date of construction of a citadel and northern city wall of Derbent and the labor expenses. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*, 2006, (1): 77–94. (In Russ.)
3. Gadzhiev M. S. Derbent as a trade and cultural center of the VIII – early XIII centuries. *The Great Volga Route*: Proc. III stage Intern. Sci.-Prac. Conf. Great Volga Route, Astrakhan – Makhachkala – Derbent – Baku – Enzeli – Tehran – Aktau – Astrakhan, August 3–14, 2003. Kazan, 2004, 73–83. (In Russ.)
4. Gamzatov G. G. Historical topography of the late medieval Derbent (XIII–XVII centuries). *Sovetskaia arkheologiia*, 1982, (1): 71–79. (In Russ.)
5. Gadzhiev M. S., Abiev A. K., Budaichiev A. L, Abdulaev A. M., Shaushev K. B. Discovery and researches of Muslim cult complex of the 10th – beginning of the 13th centuries (preliminary report). *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*, 2015, (3): 183–195. (In Russ.)
6. Gadzhiev M. S., Taimazov A. I., Budaichiev A. L, Abdulaev A. M., Abiev A. K. Spasatel'nye Saving archaeological research in Derbent in 2015: excavation area XXXIII. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*, 2017, (3): 177–201. (In Russ.)
7. Gadjiev M. S. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex. *Iran and the Caucasus*, 2008, 12, iss. 1, 1–16.
8. Kudriavcev A. A. About dating of the first Sasanian fortification in Derbent. *Sovetskaia arkheologiia*, 1978, (3): 243–257. (In Russ.)
9. Kudriavcev A. A. "Long walls" on the Eastern Caucasus. *Voprosy istorii*, 1979, (11): 31–43. (In Russ.)
10. Gadzhiev M. S. Researches of adobe fortification of Derbent citadel of Sasanian period (on materials of excavation areas R-XI and R-XIII). *Ancient and medieval architecture of Daghestan*. Mahachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, Institut istorii, iazyka i literatury, 1989, 61–76. (In Russ.)
11. Gadzhiev M. S. Pirmeshki settlement and its cemetery. *Istoriia, arkheologiia i etnografiia Kavkaza*, 2018, 14 (2): 10–22. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

оригинальная статья
УДК 902(571.150)

Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край)

Александр А. Казаков [a, @, ID1]; Сергей М. Ситников [b, ID2]

[a] Барнаульский юридический институт МВД РФ, 656038, России, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49
[b] Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
[@] kaa-2862@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-2652-2002
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-7277-3227

Поступила в редакцию 13.08.2018. Принята к печати 05.02.2019.

Аннотация: Представлена бронзовая бляха, выполненная в пермском зверином стиле методом одностороннего литья, изображающая стоящего на задних лапах крылатого медведя, который положил свои лапы на плечи стоящего мужчины. Изделие является случайной находкой и происходит из северных районов Алтайского края (с. Высокая Грива Панкрушихинского района). Проанализирована сюжетная композиция, отображающая сложное семантическое содержание. Вслед за другими исследователями авторы считают подобные изделия отображением в металлопластике трехчленного строения мира, характерного для народов, находящихся на определенном уровне социального развития и мифа о происхождении народа. Проведенный анализ аналогий как с сопредельных, так и с достаточно отдаленных территорий позволил выдвинуть предположение о наличии различных тотемных животных – первопредков крупных этнических групп у различных финноугорских народов. Для западных территорий, представляющих население, проживающее в европейской части и являющееся финноязычным, характерны изображения хищной птицы в качестве тотемного животного, которое является как первопредком, так и духом-покровителем этнической общности. Для восточных территорий распространения финноугорских народов, проживающих на территории Сибири, в азиатской части, и представляющих угросамодийское население, говорящее на угро-самодийских языках, таким тотемом является медведь. Об этом свидетельствует отсутствие на бляхах, в которых закодированы мифы о происхождении рода, медведей в западных, европейских регионах, и напротив, почти полное отсутствие на подобных бляхах из азиатского региона птиц. Найденное изделие представлено впервые.

Ключевые слова: металлопластика, финноугры, семантика, тотем, медведь, птица, человек

Для цитирования: Казаков А. А., Ситников С. М. Изделие средневековой металлопластики из Панкрушихинского района (Алтайский край) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 20–25. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

Введение

Панкрушихинский район расположен на северо-западе Алтайского края. Несмотря на перспективность археологического изучения (по его территории проходит лента Бурлинского (Алеусского) ленточного бора, который тянется в западном направлении вдоль р. Бурла на 100 км при ширине 6–7 км [1, с. 32]), до настоящего времени этот регион остается слабоизученным. Специалисты с кратковременными разведками посещали его всего 2 раза – в 1982 и 1984 годах. Во время этих обследований В. С. Удодовым было открыто 9 памятников [2], которые поставлены на учет решением исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 21.05.1991 № 225. На этом археологическое изучение Панкрушихинского района завершилось.

Тем более ценными являются все артефакты, имеющиеся в распоряжении исследователей, происходящие из этих мест. Целью работы является публикация случайной находки, представляющей собой прекрасный экземпляр изделия, выполненного в пермском зверином стиле, фотографию которой передал И. Е. Кадничанский, краевед, житель г. Камень-на-Оби.

Описание бронзовой бляхи

Изделие найдено в 2012 г. в районе с. Высокая Грива Панкрушихинского района на левом берегу р. Бурла,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

в распахе леса-бора, на глубине 80 см. К сожалению, более точного места находки в настоящее время установить не представляется возможным.

Находка представляет собой довольно массивную ажурную бляху со сложной сюжетной композицией (рис.). Бляха изготовлена из бронзы. Выполнена в достаточно сложной технике, совмещающей в себе приемы плоского литья в односторонней форме и объемного полого литья. В технике объемного полого литья выполнена только голова крылатого медведя. Оборотная сторона изделия не обработана, лицевая – гладкая, почти полированная. Невозможность доступа к изделию не позволила опубликовать его рисунок, однако фотография этого предмета, положенного на листок стандартной тетради в клетку, позволяет определить его размеры. Высота изделия – 10,5 см, ширина – 10 см. Толщина определяется только по массивности и составляет порядка 1,5–2 мм.

Рис. Бронзовая бляха из Панкрушихинского района
Fig. Bronze plaque from the Pankrushikhinskiy District

Абрис бляхи представляет собой почти правильный полукруг с выступающей за его пределы головой медведя. Сюжетная композиция достаточно сложна и многопланова. Ее центром является анфасное изображение человека. Ввиду достаточно сильной стилизации некоторых деталей изделия позу человека определить сложно. Хорошо прорисована голова и шея, туловище и руки сильно стилизованы.

Голова имеет сердцевидную форму, что может свидетельствовать о широких скулах изображенного человека. Абрис головы совмещается с линией бровей и носа. Глаза изображены небольшими кругами, под носом хорошо различаются длинные прямые усы, рот обозначен сдвоенным продолговатым углублением сразу под усами. По бокам головы, между глазами и усами, полукругами нарисованы уши. Стилизованные усы на личине человека свидетельствуют о том, что изображен мужчина.

При столь значительной детализации остается незавершенным верх головы. Мы не наблюдаем ни головного убора, ни верхнего абриса головы. Вместо этого на нее как бы насажено либо нагрудное украшение крылатого медведя, либо человек упирается головой в границу между серединным и верхним мирами, которая трактована ложбинкой с ребристыми возвышениями, в ней размещены 12 небольших жемчужинок. Голова переходит в реалистичную шею, которая в свою очередь переходит в сильно стилизованное туловище, оформленное непропорциональным (сильно уменьшенным) по отношению к голове кругом.

Руки человека также сильно стилизованы. Они расположены по бокам туловища и, судя по пальцам, подняты к плечам (находятся на уровне шеи). На каждой руке у человека ложбинками изображено только по 3 пальца. Левая рука отлита более тщательно (возможно, литейная форма для левой руки была выполнена более тщательно?). На ней мы можем проследить, что кисть отделяется от руки небольшой ложбинкой.

Анфасное изображение человека выполнено на груди (туловище) крылатого медведя. Голова крылатого медведя венчает сверху полукруглый абрис бляхи. Выполнена в технике полого объемного литья. Мощная пасть оскалена, полукруглые медвежьи уши насторожены, глаза изображены небольшими кружками. На шее, под правой стороной нижней челюсти, имеется небольшое отверстие, скорее всего, литейный брак.

Крылья медведя оформлены тремя ложбинками с ребристыми возвышениями по краям каждого (картуши), внутри которых находятся небольшие жемчужинки. В верхнем картуше мы насчитываем 5 жемчужинок, в среднем и нижнем – по 7. На каждом крыле имеется по отверстию, расположенному внутри верхних картушей со стороны головы крылатого медведя. Вероятнее

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

всего, отверстия предназначены для подвешивания изделия или его крепления к какой-нибудь основе. Кроме картушей, обозначающих крылья медведя, внутри вписанного в абрис изображения имеется еще 3 картуша, расположенных внизу изделия. Своими нижними концами они упираются в картуш, образующий абрис всего изделия. Верхние концы двух крайних картушей соединены, по-видимому, с туловищем медведя, среднего картуша – с телом человека. Ввиду сильной стилизации можно на уровне гипотезы выдвинуть предположение, что два крайних картуша являются ногами крылатого медведя, средний картуш – ногами человека.

Всю эту композицию объединяет в единое пространство картуш по абрису изделия, в который своими окончаниями упираются картуши, трактующие крылья крылатого медведя, ноги крылатого медведя и ноги человека. Законченность композиции, отделяющую фигуру человека от окружающего пространства, придает картуш, который проходит по шее крылатого медведя и в который упирается голова человека, т.е. фигура человека вписана в ограниченное пространство. Лапы крылатого медведя с 3 пальцами, отделенными двумя углублениями, и пальцы рук человека соприкасаются на уровне шеи человека. Можно предположить, что крылатый медведь положил свои лапы на плечи человека.

Наиболее близкие аналогии публикуемому изделию с сопредельных территорий мы находим в Васюганском кладе [3, с. 229] и в элитном погребении кургана 12 (к. 12) могильника Чердашный Лог 3, только с птицей вместо медведя [4, с. 59], но лапы орла, лежащие на плечах героя, по наблюдениям авторов публикации, имеют по четыре когтя и больше напоминают медвежьи лапы [4, с. 65].

Наиболее реалистичным из рассматриваемых изображений является бляха из элитного погребения к. 12 Чердашного Лога 3. Семантика этой бляхи достаточно подробно проанализирована в публикации Ф. Меца и Л. М. Плетневой [4, с. 65]. По их мнению, она отображает схему трехчленного строения мироздания, широко распространенную практически у всех народов, находящихся на подобной стадии развития. Хорошая проработка деталей этой бляхи, реалистичность элементов позволяют говорить, что граница нижнего мира ограничивается двухголовым змеем, который ассоциируется с подземным миром. Птица своими крыльями олицетворяет верхний мир. Если крылья крылатого медведя, оформленные картушами, в рассматриваемом изделии у нас ограничивают границы среднего мира, то картуш, который является абрисом изделия и ограничивает пространство среднего мира снизу, можно трактовать как представителя нижнего мира – змея или ящера. Средний мир является вместилищем человека, который в рассматриваемом изделии упирается своей головой в границу верхнего мира, а своими ногами – в границу нижнего мира. Таким образом, все миры – нижний, средний и высший – тесно между собой взаимосвязаны, и взаимосвязь эту обеспечивает человек.

Подобная схема воспроизведена на всех трех рассматриваемых бляхах, она встречается и на многих других, о чем уже довольно много сказано в литературе, поэтому мы не будем на этом подробно останавливаться. Подобного рода сакральные предметы свидетельствуют о человеке как связующем звене между мирами.

Сформулированная Л. В. Панкратовой гипотеза, согласно которой «образы, участвующие в создании синкретического крылатого персонажа, а также геральдическая структура композиций указывают на семантическую связь поделок с мифологемой мирового древа» [5, с. 259], подтверждает выдвинутые положения.

По вопросу о функциональном назначении подобных предметов мы придерживаемся точки зрения исследователей, считающих их закодированным мифом о происхождении народа [6, с. 60]. Л. С. Грибова вполне обоснованно считает их родовыми, фратриальными и племенными знаками [7, с. 115]. Этой же точки зрения придерживается М. В. Богданов [8, с. 165], считающий, что подобные бляхи не являются индивидуальными амулетами-оберегами, а представляют из себя родовой фетиш [8, с. 168]. На огромную роль медведя в системе верований сибирских народов указывал и М. Ф. Косарев, полагая, что этот зверь вполне мог выступать тотемом, «кровным предком и представителем рода» [9, с. 184].

Не вдаваясь в тонкости дальнейших семантических трактовок изображения, о которых уже достаточно много написано, вслед за Л. М. Плетневой и А. Д. Гаманом хочется отметить, что находка самого подробного и реалистичного изображения в погребении воина к. 12 Чердашного Лога 3 позволяет им выдвинуть гипотезу, касающуюся социальной организации общества, в котором эти изображения были распространены, а именно о слитности функций воина высокого ранга и духовного лица [6, с. 61].

Эта гипотеза подтверждается и результатом исследований Л. В. Панкратовой, которая на основании анализа иконографических типов кулайской металлопластики полагает, что «образ стоящего на задних лапах медведя... служит элементом костюма воина» [10, с. 250], а «крылатых медведей – эмблемой религиозных лидеров (возможно, "шаманствующих" лиц)» [10, с. 251].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

Заключение

Подтверждением точки зрения о функциональном назначении подобных изделий как родовых фетишей, запечатленных в бронзе мифах о происхождении рода (в широком смысле этого слова – как кровнородственной общности) является следующее наблюдение. Фигурки птиц с антропоморфным изображением на груди известны в древностях ванвиздинской культуры [11], локализованной в Вычегодском крае и районах верхнего течения Мезени, верхнего и среднего течения Печоры (IV–VIII вв.) [11, с. 116, 120], родановской культуры [12] верхнего Прикамья (IX–XV вв.) [12, с. 153], соотносимых с прикамскими финнами. Несмотря на большую представительность коллекции металлопластики (1083 изделия!)[1], в которой собраны и случайные находки, и вещи из частных коллекций, в фотогалерее пермского звериного стиля не встречено ни одного крылатого медведя (из 79 изображений медведя) или птицы с медвежьими признаками (из 89 изображений птиц). Этот регион в I тысячелетии населяли поволжско-финские и пропермские финноязычные племена [13, с. 6, 8–9].

Напротив, в сибирских древностях, связанных с праобско-угорскими и самодийскими племенами, мы наблюдаем несколько иную картину. Изображения птиц с антропоморфным изображением на груди здесь встречаются крайне редко, несмотря на то, что орнитоморфных изображений достаточно много и орнитоморфная металлопластика распространена достаточно широко. Вместо птиц мы видим крылатого медведя с изображением антропоморфа на груди. Об этом свидетельствует отсутствие на изображениях клюва (вместо него медвежья пасть) и медвежьи закругленные уши [14; 15; 16, с. 106; 3, с. 229; 17, с. 162]. Это связано, на наш взгляд, с различной семантической нагрузкой этих изделий.

И те, и другие являются родовыми фетишами, в которых отображается миф о происхождении рода. Наряду с большим сходством сюжетной композиции, отражающей мировоззренческие взгляды древнего населения, связанные с представлением о трехчленном строении мира и человеком как проводником между мирами, эти изделия отражают и сохраняют память о тотеме – первопредке, хранителе-покровителе этнического образования (народности, племени или рода). Одни в верхний мир, в котором обитают первопредки-покровители, помещают птиц, другие – медведей. Это лишний раз подтверждает смысловую нагрузку подобных изделий как запечатленного изобразительными средствами в металлопластике мифа о происхождении рода-племени. В одном случае тотемом-первопредком (племена волго-камско-пермского финноязычного региона) является хищная птица, в другом (обско-иртышском (кулайско-релкинско-потчевашском) угро-самодийскоязычном регионе) – медведь.

Вслед за В. А. Могильниковым, который подобную фигурку из васюганского клада на основании датировки поясных накладок, являющихся одним комплексом с кладом, датирует VII в. [3, с. 230], и Л. М. Плетнёвой и А. Д. Гаманом, датирующих к. 12 могильника Чердашный Лог 3, в погребении которого встречена подобная бляха, VI–VII вв. [5, с. 60], мы предлагаем датировку публикуемого изделия VI–VII вв.

Благодарности

Выражаем благодарность краеведу Ивану Егоровичу Кадничанскому (г. Камень-на-Оби) за фотографию бронзовой бляхи из Панкрушихинского района, переданную авторам статьи.

Литература

1. Хрусталева И. А. Растительный покров Бурлинского ленточного бора // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2008. № 8. С. 32–35.
2. Кирюшин Ю. Ф., Удодов В. С., Шамшин А. Б. Панкрушихинский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. Барнаул: Каменская типография, 1990. С. 88–91.
3. Могильников В. А. Васюганский клад // Советская археология. 1964. № 2. С. 227–231.
4. Мец Ф., Плетнёва Л. М. О бронзовой бляхе из могильника Чердашный Лог 3 // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 2. С. 59–71.
5. Панкратова Л. В. Иконография птицевидных образов с развернутыми крыльями в кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 259–265.
6. Плетнёва Л. М., Гаман А. Д. Элитное погребение из кургана № 12 могильника Чердашный Лог-III // Теория и практика археологических исследований. 2007. № 3. С. 56–62.
7. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М.: Наука, 1975. 148 с.

[1] Uralistica. Режим доступа: http://uralistica.com (дата обращения: 10.07.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

8. Богданов М. В. Художественные особенности фигурки крылатого медведя из Васюганского клада (опыт семантической дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 2. С. 163–169.
9. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 248 с.
10. Панкратова Л. В. О возможных истоках иконографии образа медведя в кулайской металлопластике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 247–254.
11. Розенфельдт Р. Л. Ванвиздинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 116–122.
12. Розенфельдт Р. Л. Коми-пермяцкие племена в IX–XI вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 153–163.
13. Седов В. В. Введение // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 5–11.
14. Могильников В. А. Потчевашская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 183–193.
15. Могильников В. А. Рёлкинская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 216–232.
16. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
17. Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

A Medieval Repoussage Item from Pankrushikhinskiy District (Altai Krai)

Aleksander A. Kazakov [a, @, ID1]; Sergey M. Sitnikov [b, ID2]

[a] Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 49, Chkalov St., Barnaul, Russia, 656038
[b] Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049
[@] kaa-2862@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-2652-2002
[ID2] https://orcid.org/ 0000-0002-7277-3227

Received 13.08.2018. Accepted 05.02.2019.

Abstract: The paper describes a bronze plaque, made in Perm animal style by method of one-side casting. It depicts a rampant winged bear with its paws on the shoulders of a standing man. Being an accidental finding, the plaque comes from the northern regions of the Altai Territory (the village of Vysokaya Griva, Pankrushikhinskiy District). The paper features its composition and plot, which has a complex semantic content. Following other researchers, the authors consider such products a metal reflection of the three-part world structure, characteristic for the peoples at a certain level of social development, and a myth about the origin of the people. A comparative analysis with both neighboring and quite remote areas made it possible to assume that there were different totem animals, ancestors of the major ethnic groups of different Finno-Ugrian peoples. Thus, a bird of prey was the most typical totem animal for the western territories representing a Finnish-speaking population that lived in the European part of Russia. The bird was both the ancestor and the guardian spirit of the ethnic group. A bear was the totem for the eastern territories of the Finno-Ugrian peoples living in Siberia, in the Asian Russia, that represented the Ugrian-Samoyedic population. It is evidenced by the absence of bears on the plaques with encoded myths about the origin of the kindred in Western European regions, and on the contrary, a practically complete absence of birds on similar plaques in the Asian regions. The finding is published for the first time.

Keywords: repoussage, Finno-Ugrians, semantics, totem, bear, bird, human being

For citation: Kazakov A. A., Sitnikov S. M. A Medieval Repoussage Item from Pankrushikhinskiy District (Altai Krai). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 20–25. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-20-25

References

1. Khrustalyova I. A. Vegetation cover of the Burlinskiy belt pine forest. *Bulletin of Altai State Agricultural University*, 2008, (8): 32–35. (In Russ.)
2. Kiryushin Yu. F., Udodov V. S., Shamshin A. B. Pankrushikhinskiy district. Archaeological monuments. *Monuments of history and culture of North-Western Altai*. Barnaul: Kamenskaia tipografiia, 1990, 88–91. (In Russ.)
3. Mogilnikov V. A. The Vasyugan treasure. *Sovetskaia archeologiia*, 1964, (2): 227–231. (In Russ.)
4. Mez F. I., Pletneva L. M. The bronze buckle from the Cherdashny Log III burial mound. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, (2): 59–71. (In Russ.)
5. Pankratova L. V. Iconography of birdlike images with spread wings in Kulai repousse. *Tomsk State University Journal of History*, 2013, (3): 259–265. (In Russ.)
6. Pletneva L. M., Gaman A. D. Elite burial from mound No. 12 of burial Cerdashnyi Log-III. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2007, (3): 56–62. (In Russ.)
7. Gribova L. S. *Perm animal style (problems of semantics)*. Moscow: Nauka, 1975, 148. (In Russ.)
8. Bogdanov M. V. Artistic features of the figure of a winged bear from the Vasyugan buried treasure (an Attempt of semantic decoding). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2008, (2): 163–169. (In Russ.)
9. Kosarev M. F. *Western Siberia in ancient times*. Moscow: Nauka, 1984, 248. (In Russ.)
10. Pankratova L. V. Possible origins of the bear image iconography in the Kulai repoussage. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2015, (9): 247–254. (In Russ.)
11. Rosenfeldt R. L. *Vanvizdinskaya culture. Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 116–122. (In Russ.)
12. Rosenfeldt R. L. Komi-Permian tribes in IX–XI centuries. Rodanovskaya culture. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 153–163. (In Russ.)
13. Sedov V. V. Introduction. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 5–11. (In Russ.)
14. Mogilnikov V. A. Potchevashskaya culture. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 183–193. (In Russ.)
15. Mogilnikov V. A. Ryolkinskaya culture. *Finno-Ugrians and Balts in the middle ages*. Moscow: Nauka, 1987, 216–232. (In Russ.)
16. Troitskaya T. N., Novikov A. V. *Verkhneobskaya culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998, 152. (In Russ.)
17. Chindina L. A. *History of the Middle Ob in early middle ages (Ryolkinskaya culture)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1991, 184. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

CC BY

оригинальная статья
УДК 902/904

Зооархеологическая коллекция большепичугинского курганного могильника (по материалам раскопок 2013 и 2016 гг.)*

Сергей С. Онищенко [a, ID1]; Павел В. Герман [b, @, ID2]; Михаил М. Девяшин [c, ID3]; Алена Н. Сидельникова [a, ID4]

[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[b] Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр. Советский, 18
[c] Институт экологии растений и животных УрО РАН, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 202
[@] lithos@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-2314-3683
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-8123-6992
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-2804-6989
[ID4] https://orcid.org/0000-0002-8106-3788

Поступила в редакцию 24.09.2018. Принята к печати 03.12.2018.

Аннотация: Многочисленные остатки животных являются неотъемлемой частью погребений тагарской культуры, поэтому важное значение имеют исследования, направленные на выявление анатомо-видовой и возрастной структуры зооархеологических комплексов отдельных захоронений и целых могильников, установление их особенностей и сравнительный анализ. В статье анализируются материалы фаунистической коллекции, полученные при раскопках курганного могильника тагарской культуры Большепичугино I (не позднее VI в. до н. э.). Всего обработано 75 образцов из кургана 13 и 2192 – из кургана 16. Зооархеологические комплексы образованы остатками лошади, крупно- и мелкорогатого скота, лисицы, косули, барсука, зайца-беляка и птиц. Установлены особенности состава сопутствующей пищи, которая представлена комплектами из правых лопаток, 3–4 ребер, бедренной и большеберцовой костей крупно- и мелкорогатого скота. Использование правосторонних частей туш обсуждается в контексте погребальной практики раннетагарского времени. В материалах выявлены остатки от молодых, до 1 года, животных. Предполагается, что захоронения могли быть совершены в зимнее время. Ряд отдельных скоплений костей домашних и диких животных, локализованных в разных местах курганов, рассматривается с позиций иной хронокультурной принадлежности или зоогенных процессов. Обращается внимание на находки остатков косули и лисицы в могилах, ставится проблема возможности использования частей их туш при совершении погребальных ритуалов. В целом состав и специфика зооархеологических материалов позволяет говорить о сходстве лесостепных и степных раннетагарских комплексов в данном компоненте погребальной практики.

Ключевые слова: Мариинская лесостепь, погребения, ранний железный век, тагарская культура, зооархеология

Для цитирования: Онищенко С. С., Герман П. В., Девяшин М. М., Сидельникова А. Н. Зооархеологическая коллекция большепичугинского курганного могильника (по материалам раскопок 2013 и 2016 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 26–36. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

Введение

Зооархеологические материалы тагарских погребальных комплексов представляют значительный интерес в реконструкциях как погребально-обрядовой сферы (традиции манипуляций с животными или их частями), так и некоторых ключевых элементов хозяйства – скотоводства и охоты. В то же время представленный в литературе аналитический задел по данной тематике крайне незначителен. Для погребений приводятся лишь общие сведения, зачастую с формулировками *кости барана, кости лошади* и т. п., а иногда просто *кости животных*. Реже указан анатомический состав представленных в могиле остатков. Отметим, что подобная ситуация не является исключительной для отечественной археологии [1, с. 60]. Отдельные исследования, посвященные детальному изучению

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-49-420005.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

фаунистичестких остатков в тагарских погребениях, только начали появляться [2].

Другая проблема зооархеологии тагарских погребальных комплексов связана с тем, что большинство материалов из раскопок прошлых лет утрачены по разным причинам, место хранения некоторых коллекций неизвестно, другие не упоминаются в отчетах, а при наличии их анатомо-видовой характеристики не всегда известен автор определений. Все перечисленное относится и к фаунистическим материалам из тагарских погребений Мариинской лесостепи, незначительная часть которых сохранилась в Центре коллективного пользования Института археологии и этнографии СО РАН (раскопки А. И. Мартынова 1960–70-х гг.). Исходя из этого актуально целенаправленное изучение зооархеологических коллекций отдельных погребальных комплексов, в частности двух тагарских курганов могильника Большепичугино I, исследованных в Мариинской лесостепи в 2013 и 2016 гг.

Первые исследования на курганном могильнике Большепичугино I проводились в 1956–1959 гг. А. И. Мартыновым. За это время было раскопано не менее 10 курганов, содержащих погребения андроновской, карасукской (?) и тагарской культур. Последние, судя по чертежам, представляли собой индивидуальные захоронения в прямоугольных ямах и должны относиться к числу наиболее ранних тагарских комплексов в Кия-Чулымском регионе. К сожалению, состояние источников по данному могильнику не позволяет произвести их квалификацию на современном уровне знаний. Судя по чертежам, кости животных в могилах были найдены, но в тексте материал не описан [3].

С 2013 г. исследования на курганном могильнике Большепичугино I возобновились. В течение двух сезонов было раскопано два кургана – № 13 и № 16, расположенных в центре с. Большепичугино Тисульского района Кемеровской области. Раскопки проводились Мариинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН под руководством П. В. Германа. Всего исследовано три коллективных захоронения в склепах и два детских погребения. Под насыпью кургана 13 обнаружена каменная ограда с одним квадратным склепом по центру. В могиле и насыпи обнаружены кости животных. Курган 16 представлял собой более сложное сооружение, включавшее основную ограду со «входом» для могилы 1, ограду-пристройку для могилы 4, а также две детских могилы (м. 2 и 3) с внешней стороны основной ограды. Планиграфия объектов была осложнена многочисленными ходами и норами. Кости животных обнаружены в насыпи, двух склепах, отнорках и жилых камерах норного животного. Все исследованные погребения относятся к тагарской культуре, близки по времени функционирования и предварительно датируются не позднее VI в. до н. э.

Результаты анализа материала

При анализе фаунистической коллекции, помимо видовой принадлежности, устанавливались локализация костей скелета и возраст забитых животных [4–6].

Курган 13. Зооархеологическая коллекция состоит из 75 образцов, найденных в насыпи, на дне могилы и её заполнении. Принадлежат лошади (*Equus caballus*), быку домашнему (*Bos taurus*), барану домашнему (*Ovis aries*), лисице обыкновенной (*Vulpes vulpes*) и вид птицы (*Aves*).

Могила ограблена, вероятно, неоднократно. В разных частях заполнения обнаружены череп и разрозненные кости передних и задних конечностей *V. vulpes*, левая лопатка *O. aries*, обломок правой бедренной кости некрупной птицы. Анализ анатомического состава остатков лисицы показал, что они принадлежат двум особям (имеется две правых плечевых кости). Кроме этого в верхней части заполнения найдены левая плечевая кость и метаподия *V. vulpes*, вполне вероятно вынесенные из могилы при её ограблении.

На дне могилы в северо-северо-восточном углу сруба находилось компактное скопление *in situ* (рис. 1), представляющее набор правосторонних костей от двух особей *B. taurus* – 4 ребра, по две лопатки, бедренных и большеберцовых кости. Еще два правых ребра были найдены в других местах могилы. Животные, части туш которых использовались в качестве сопроводительной пищи, были разновозрастными. Первая из них была забита в возрасте около 1 года, вторая была старше, около 2 лет.

Остальные находки были локализованы в разных местах насыпи и представляли собой: скопление из 12 верхних щечных зубов (левые и правые Pm3, Pm4, M1-3) и несколько обломков костей слухового отдела черепа взрослой лошади; резец лошади старше 10–12 лет; фрагменты от разносторонних бедренных костей, правой большеберцовой кости и правой лопатки *O. aries.*

Курган 16. Зооархеологическая коллекция насчитывает 2192 фрагмента и анатомически целых костей, разрозненные зубы от лошади, быка домашнего, барана домашнего, косули сибирской (*Capreolus pygargus*), барсука азиатского (*Meles leucurus*), зайца-беляка (*Lepus timidus*). Большая часть образцов (1972 экз.), в основном из скопления над перекрытием могилы 1 и из заполнений могил и нор, сильно фрагментированы или в плохом состоянии из-за разнообразных тафономических разрушений. В заполнении могилы 4 найдены также два грудных

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

позвонка от *C. pygargus* или *O. aries* со следами погрызов, а в скоплении костей животных в верхней части надмогильной конструкции заполнения могилы 1 и в самом заполнении – 6 отожженных фрагментов костей. Четыре образца имеют следы разделочных инструментов в виде надрезов на поверхности, срезов торцевых частей, зарубок. Кости животных со дна могил отличаются хорошей сохранностью без каких-либо следов естественных или искусственных воздействий.

Могила 1. Скопление костей животных в верхней части надмогильной конструкции состоит из сильно фрагментированных костей от разных отделов скелетов *E. caballus*, *B. taurus* и *O. aries* (таблица 1, рис. 2). Скопление располагалось *in situ* в верхней части заполнения грабительского лаза, появившегося после проникновения в могилу 1. Выглядит как напластование разрушенных ребер, зубных и трубчатых костей конечностей и плоских костей, зубов. Результаты камеральной обработки показали, что фрагментация костей произошла из-за их естественного разрушения. Размеры фрагментов варьируются в широких пределах, от 5 мм до 250 мм, с преобладанием обломков менее 30 мм. Высокая степень фрагментации не позволила точно подсчитать количество изначально размещенных костей или определить вид большей части из них. В зависимости от морфологических особенностей они были отнесены к *копытным*, т. е. равновероятно относящиеся к одному из трех установленных видов, или к *крупным копытным*, т. е. относящимся к *E. caballus* или *B. taurus*.

Наиболее разрушенными были ребра, среди которых преобладали обломки стенок 5–15 мм (910 экз.) длины или крупнее, до 30–35 мм (334 экз.). Более крупные фрагменты, в основном концевые части ребер, принадлежат *B. taurus* или *O. aries*. Вполне возможно, что в серии обломков, отнесенных к *крупным копытным* или *копытным* имелись фрагменты ребер *E. caballus*, остатки других костей которой присутствуют в скоплении.

Кроме ребер, к плохо определяемым по статусу видам отнесены около 200 осколков диафизов и эпифизов трубчатых костей, зубных костей, обломки позвонков и плоских костей черепа. С учетом ряда морфометрических и морфологических особенностей большинство из них принадлежат *E. caballus* или *B. taurus*. В этой анатомической серии около трети фрагментов от позвонков разных отделов, в частности присутствуют остатки от небольшого количества шейных (в 8 из 9 случаев краниальные или каудальные суставные отростки) и грудных (3 образца) позвонков и более половины – от поясничных. Среди них были выявлены обломки позвонков *B. taurus*: зубовидный отросток эпистрофея, фрагменты невральных дуг, поперечных и остистых отростков от нескольких поясничных позвонков. Обращает внимание многократная диспропорция в количестве обломков ребер и грудных позвонков.

В составе идентифицируемой по статусу вида части коллекции доминируют остатки от разных отделов скелета *B. taurus* как минимум от двух животных. Одно из них было забито в возрасте менее 2 лет, другое – в возрасте около 3–3,5 лет или старше. Также имеются разноразмерные обломки от мозгового отдела черепа и задней части

Рис. 1. Курган 13, могила 1: скопление костей животных in situ в северо-северо-восточном углу сруба
Fig. 1. Kurgan 13, grave 1: the accumulation of animal bones in situ in the north-north-east corner

Рис. 2. Курган 16, могила 1: скопление костей животных в верхней части надмогильной конструкции
Fig. 2. Kurgan 16, grave 1: accumulation of animal bones in the upper part of the grave structure

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

Таблица 1. Курган 16, могила 1: состав зооархеологических находок в верхней части надмогильной конструкции

Table 1. Kurgan 16, grave 1: composition of zooarchaeological finds in the upper part of the grave structure

Название костей (их частей), структур скелета	*B. taurus*	*E. caballus*	*O. aries*	Копытное	Крупное копытное	Неопределенные	Всего	Доля, в %
Череп	39	–	–	–	–	49	88	4,5
Зубная	16	8	6	–	10	1	41	2,1
Зубы	14	–	25	–	–	–	39	2,0
Лопатка	3	–	–	3	2	–	8	0,4
Плечевая	2	–	–	–	–	–	2	0,1
Лучевая	6	1	–	–	–	–	7	0,4
Локтевая	2	–	–	–	3	–	5	0,3
Пястье	1	–	–	–	–	–	1	0,1
Безымянная	–	–	–	–	7	–	7	0,4
Бедренная	2	–	–	–	–	–	2	0,1
Большеберцовая	5	1	–	–	–	–	6	0,3
Пяточная	1	–	–	–	–	–	1	0,1
Таранная	–	–	1	–	–	–	1	0,1
Плюсна	1	–	–	–	–	–	1	0,1
Добавочная	–	–	–	–	–	1	1	0,1
Запястье / предплюсна	2	–	–	–	–	–	2	0,1
Пястье / плюсна	–	–	2	–	–	–	2	0,1
Фаланга I	–	–	1	–	–	–	1	0,1
Диафиз	–	–	–	–	66	4	70	3,6
Эпифиз	–	–	–	–	16	–	16	0,8
Позвонок	8	–	–	–	54	–	62	3,2
Ребро	15	–	23	1248	250	–	1536	78,4
Неопределенные	–	–	–	–	8	52	60	3,1
Всего	117	10	58	1251	416	107	1959	100,0
Доля, в %	6,0	0,5	3,0	63,9	21,2	5,5	100,0	–

твердого неба. Установить возраст животного по остаткам черепа затруднительно. Однако в сборе имеется постоянный верхний премоляр (*P*4), что позволяет предполагать, что череп был от животного не менее 3–3,5 лет.

Остатки от *E. caballus* принадлежат двум особям. Так, набор левых молочных премоляров и зачатки моляров с участками стенки зубной кости остались от годовалой особи, а левая лучевая и обломок дистальной части правой большеберцовой кости – от более взрослого, как минимум двухлетнего животного.

От *O. aries* имелись остатки от двух особей не менее 3–3,5 лет, а именно фрагмент нисходящей ветви правой зубной кости с молярами от одной из них и разрозненные правые моляры от другой. Кроме этого, найден зачаток левого третьего моляра и половина дистального суставного блока метаподии от третьего, более молодого (до 2,5 лет) животного.

В заполнении могилы 1 найдены 15 образцов, представляющих трудно определяемые по статусу виды или анатомической локализации разноразмерные фрагменты трубчатых и плоских костей. У 10 из них имелись следы фитокоррозии, что свидетельствует об изначальном залегании над перекрытием могилы под дерном. Два небольших осколка диафиза обожжены, причем один – до белого цвета с пирогенным растрескиванием поверхности и деформацией. В проанализированной серии выявлены правая метакарпалия от молодой косули, обломки левой лучевой и диафиза правой большеберцовой костей *O. aries*, а также

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

диафиза левой локтевой кости *B. taurus*, правая локтевая кость и фрагмент киля птицы. В отношении 4 небольших осколков диафизов, ребра и лопатки установить видовую принадлежность не удалось.

На дне могилы 1 в восточной части располагались три комплекта костей от *B. taurus* и *O. aries* (таблица 2).

Таблица 2. Курган 16, могила 1: анатомо-видовой состав сопроводительной пищи

Table 2. Kurgan 16, grave 1: anatomical and species composition of accompanying food

Обозначение скоплений костей	Сторона локализации костей	Состав	Вид, возраст в годах
к/ж 1	правая	6 ребер	*O. aries*, 2,5–4
	левая	бедренная	
		грудина	*B. taurus*
к/ж 2	правая	лопатка	*B. taurus*, < 1
		бедренная	
	левая	большеберцовая	
	правая	3 ребра	*B. taurus*, 2–2,5
		лопатка	
		бедренная	
		большеберцовая	
к/ж 3	правая	3 ребра	*B. taurus*, 4
		лопатка	
		запястная	
		бедренная	
		большеберцовая	
	правая	4 ребра	*O. aries*, 2,5
		лопатка	
	левая	бедренная	
		большеберцовая	

Комплект 1 (к/ж 1) включает 11 костей, из которых девять сохранили анатомическую целостность. Остатки *O. aries* представлены шестью правыми ребрами (одно без вентральной части), из которых три находились вместе, и левой бедренной костью. Возраст забитого животного был не менее 2,5–4 лет. С учетом количества ребер *O. aries* в могилу была положена половина бока животного и часть задней ноги. От *B. taurus* обнаружено 4 сегмента грудины, 3 из которых сохранили анатомическую сопряженность.

Комплект 2 (к/ж 2) (рис. 3) состоял из 16 костей в хорошем состоянии, из которых 9 относятся к *B. taurus* и 7 – к *O. aries*. Набор костей *B. taurus* включал 3 правых ребра без головок (у одного она была срезана, у остальных – отломана), 2 правых бедренных кости и лопатки, правую и левую большеберцовые кости. Принадлежали двум разновозрастным животным, соответственно до 7–10 месяцев и старше – до 2–2,5 лет. От первого в могилу были положены правые лопатка и бедренная кость, левая большеберцовая кость, от второго – правые лопатка, кости задней ноги и ребра. Набор костей *O. aries* состоял из разносторонних лопаток, левой большеберцовой кости, правых бедренной кости и 3 ребер. Все кости принадлежали одной особи в возрасте старше 3–3,5 лет.

Комплект 3 (к/ж 3) (рис. 3) состоял из 14 костей, сохранивших свою анатомическую целостность. Набор костей от *B. taurus* принадлежал животному в возрасте около 4 лет, состоял из правосторонних элементов скелета: 3 ребер, бедренной и большеберцовой костей, лопатки, а также запястной кости. Два ребра были без головок, у одного она была отломана, а у другого – отсечена. Набор костей от *O. aries* включал как левосторонние, так и правосторонние элементы скелета животного около 2,5 лет. По анатомическим особенностям от него были использованы части от левой задней ноги (бедренная и большеберцовая кости), правой стороны бока туши (4 ребра) и лопатка.

Рис. 3. Курган 16, могила 1: локализация комплектов 2 и 3
Fig. 3. Kurgan 16, grave 1: localization of sets 2 and 3

Могила 4. В заполнении могилы найдены 106 образцов, включающих фрагменты (около двух третей сбора) и анатомически целые кости нескольких видов (таблица 3). Более половины (56) имеют различного рода следы коррозии: расслоение фрагментов костей, химическое разрушение, отложение солей.

Наиболее многочисленны и анатомически разнообразны остатки косуль. С учетом возрастных особенностей трубчатых костей, наличия односторонних элементов (2 левых локтевых кости) в заполнении находились остатки как минимум от 2 особей – взрослой и более молодой, из которых от старшей особи имелись локтевая кость и метатарзалия. От *O. aries* обнаружены два

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

Таблица 3. Курган 16, могила 4: состав зооархеологических находок в заполнении
Table 3. Kurgan 16, grave 4: composition of zooarchaeological finds in the filling

Название костей (их частей), структур скелета	*Aves*	*B. taurus*	*C. pygargus*	*E. caballus*	*L. timidus*	*O. aries*	Крупное копытное	Мышевидный грызун	Среднее парнокопытное	?	Всего
Череп	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7	7
Зубная	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Зубы	–	6	–	–	–	–	–	–	–	–	6
Лопатка	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Плечевая	2	–	1	–	–	–	–	–	–	–	3
Лучевая	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Локтевая	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3
Пястье	1	–	2	–	–	–	–	–	–	–	3
Безымянная	–	–	–	–	–	–	–	2	1	–	3
Бедренная	3	–	–	–	–	2	–	4	–	–	9
Большеберцовая	–	–	1	1	1	–	–	1	3	–	7
Таранная	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Пяточная	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Плюсна	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Запястье / предплюсна	–	1	3	–	–	–	–	–	1	–	5
Пястье / плюсна	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Добавочная	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	2
Фаланга I	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3
Фаланга II	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Фаланга III	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Диафиз	–	–	–	–	–	–	3	–	–	2	5
Позвонок	–	–	–	–	–	–	–	–	8	–	8
Ребро	–	1	–	–	–	–	2	–	–	8	11
Неопределенная	–	–	–	–	–	–	–	–	–	20	20
Всего	7	11	19	2	1	2	5	7	15	37	106
Доля, в %	6,6	10,4	17,9	1,9	0,9	1,9	4,7	6,6	14,2	34,9	100,0

обломка от дистальных частей разносторонних плечевых костей. Обе принадлежали молодому животному возрастом менее 1 года. Кроме хорошо идентифицируемых элементов скелета *C. pygargus* и *O. aries* имелась серия фрагментов, которые из-за отсутствия видоспецифичных признаков могли равновероятно принадлежать к обоим видам, поэтому они были объединены в группу *средние парнокопытные*.

Остальные виды животных представлены элементами от разных структур скелета. Так, от *B. taurus* имелись обломки стенок левой зубной кости и зубы от животного старше 3,5 лет, от лошади найден обломок левой большеберцовой и грифельной кости, от зайца-беляка – диафиз большеберцовой кости без проксимальной трети. Остатки от птиц представлены костями крыльев и ног. Морфометрически и анатомически они принадлежат как минимум двум особям, одна из которых была величиной с домашнюю курицу, а другая – меньше неё.

На дне могилы 4 в разных местах были выявлены две плечевые кости косули *C. pygargus* (к/ж 1, к/ж 3), два скопления (к/ж 2, ск. 4) костей *O. aries* и *B. taurus*. Большинство билатеральных структур скелета вне зависимости от видовой принадлежности – правые.

Остатки косуль представляют собой крупный обломок правой плечевой кости (к/ж 1) от одного и целую правую плечевую кость (к/ж 3) от другого животного. Исходя из размеров образцов и некоторых морфологических

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

особенностей принадлежали разновозрастным особям – молодой и более взрослой.

Скопление в юго-восточном углу могилы (к/ж 2) состоит из 12 в той или иной мере поврежденных костей и 3 фрагментов от некоторых из них. Принадлежат трем разновозрастным *O. aries*. От двух одновозрастных особей (1,5–2 года) остались сопряженные элементы правых задних конечностей, от одной из них – бедренная и большеберцовая кости, а от другой – дистальный суставной блок большеберцовой кости и астрагал. От третьего более взрослого животного (не менее 2,5–4 лет) найдена правая бедренная кость. Имелся также набор из 4 ребер (трех правых и одного левого) без спинных и / или брюшных концов и сегмент грудины, две правосторонние лопатки одинаковой длины (135 мм). Для уточнения их индивидуальной принадлежности проведено морфометрическое сравнение с аналогичными костями от разновозрастных животных из могилы 1 (к/ж 2 и 3). Так, у особи 2–2,5 лет длина лопатки была 142 мм, а у особи 3–3,5 лет – 160 мм. Обе лопатки, вероятно, принадлежали двухлеткам. Из набора ребер только одно было слабо повреждено (без части головки) общей длиной 155 м. У целых ребер *O. aries* 2–2,5 года ребра были длиннее (193–195 мм). Исходя из этого набор ребер и грудина принадлежали одному из двухлеток.

Скопление 4 (ск. 4) располагалось в центральной части среди костей погребенных. Состоит из 6 костей, из которых 5 от *B. taurus* и 1 от *O. aries*. Все образцы имеют следы физико-химической коррозии, что отличает их от других аналогичных по залеганию скоплений костей. Набор костей *B. taurus* состоял из правосторонних элементов: лопатка, ребро, бедренная и большеберцовая кости, астрагал. Вероятно, принадлежат одному животному не старше 2–2,5 лет. От *O. aries* была левая бедренная кость от особи не старше 2,5–4 лет.

Сводные результаты зооархеологического анализа находок на дне могилы 1 приведены в таблице 4.

Находки в заполнении норы барсука (*M. leucurus*), примыкавшей к могиле 4, представляют 18 в основном разноразмерных фрагментов костей минимум от 2 косуль (*C. pygargus*), 2 *O. aries* и птиц плохой сохранности. Кроме этого обнаружены: небольшой фрагмент затылочной кости с правым полуразрушенным мыщелком черепа и обломок невральной дуги позвонка человека, вероятно, вынесенные животным из могилы; левая теменная кость черепа молодого барсука. От косуль в заполнении отложились кости левой передней конечности (по две плечевых, локтевая и лучевая), правая пяточная кость, обломок метаподии. От *O. aries* найдены левая и правая большеберцовые кости. Одна из них была от молодого животного в возрасте не более 1,5–2 лет, вторая – старше – 3 лет. От птиц обнаружены остатки крыла (плечевая и лучевая кости, коракоид) и ноги (бедренная кость и цевка).

Таблица 4. Курган 16, могила 4: анатомо-видовой состав погребальной пищи

Table 4. Kurgan 16, grave 4: anatomical and species composition of funeral food

Обозначение скоплений костей	Сторона локализации костей	Состав	Вид, возраст в годах
к/ж 1	правая	плечевая	*C. pygargus, sad*
к/ж 2	правая	3 ребра	*O. aries*, 1,5–2
	левая	1 ребро	
	правая	лопатка	
		бедренная	
		большеберцовая	
		грудина	
	правая	лопатка	*O. aries*, 1,5–2
		большеберцовая	
		таранная	
к/ж 3	правая	плечевая	*C. pygargus*, ad
ск. 4	правая	ребро	*B. taurus*, 2–2,5
		лопатка	
		бедренная	
		большеберцовая	
		таранная	
	левая	бедренная	*O. aries*, 2,5–4

Другие объекты кургана 16. Северо-северо-западную часть раскопа, включая могилу 4, занимали ямы и ходы норных животных. В двух объектах были обнаружены кости животных, а также фрагменты керамических сосудов, изделия и кости человека из могилы 4.

В заполнении ***ямы № 2*** найдены 22 образца целых и поврежденных костей косули, барсука, зайца-беляка и птиц. Для 5 мелких фрагментов диафизов и добавочной кости не удалось установить видовую принадлежность, 2 образца принадлежали какому-то среднему по размерам копытному. В составе находок имеется левая локтевая кость человека без дистальной половины и локтевого бугра, вероятно, перемещенная норником из могилы. От косули найдены правая метакарпалия и две венечных кости. От барсука имелся почти полный набор шейных позвонков (от 2 до 5), что предполагает

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

их единовременное попадание в составе целой части тушки животного. Видимо, таким же образом в яму попал почти целый череп зайца-беляка. От птицы разрозненные элементы левого крыла (локтевая и коракоид) исходя из их линейных размеров (78 и 58 мм) принадлежали относительно крупной птице. На дне ямы № 2 обнаружена левая зубная кость взрослой косули с полным набором щечных зубов (*p*2-*m*3). По наличию фитокоррозии на лингвальной поверхности кости она какое-то время залегала под дерном.

На поверхности ***ямы № 3*** (рис. 4) расчищены остатки почти полного посткраниального скелета молодого барсука. В момент обнаружения скелета кости располагались в анатомическом порядке, что свидетельствует о гибели животного непосредственно в норе.

Рис. 4. Курган 16: посткраниальный скелет барсука (*M. leucurus*)
Fig. 4. Kurgan 16: postcranial skeleton Asian badger (*M. leucurus*)

Заключение

В результате полного зооархеологического анализа материалов могильника было сделано несколько важных наблюдений, позволяющих дополнить сложившиеся представления о тагарском тризново-жертвенном комплексе. Зооархеологические комплексы двух курганов Большепичугинского могильника состоят из остатков скелетов как доместицированных (лошадь, бык, баран), так и диких (косуля, лисица, барсук, заяц-беляк) животных и птиц. Их распределение по объектам курганов могильника (насыпь, заполнение и дно могилы) имеет ряд особенностей.

1. На дне погребений в качестве сопутствующей пищи размещали куски туш домашнего скота (*O. aries и B. taurus*). Для этих целей от забитого животного отчленялись лопатка, прилегающий участок грудной клетки (3–4 ребра), а от задней конечности наиболее мясной участок – бедро и голень, в большинстве случаев от правой стороны. Использование правосторонних частей туш вне зависимости от видовой принадлежности остатков уже отмечалось для раннетагарских (подгорновских) комплексов с индивидуальным трупоположением [7; 8]. Материалы относительно более поздних – большепичугинских склепов, а также аналогичных комплексов Назаровской котловины (например, Ласкан к. 3, м. 1–4 – раскопки С. Б. Гультова, 1990) акцентируют взаимосвязь между разнотипными погребениями (индивидуальными могилами и ранними склепами) в данном компоненте погребальной практики. Интерпретация выявленной закономерности требует детального обобщения информации по раскопкам других могильников.

2. Отсутствие следов режуще-рубящих инструментов на поверхности суставных блоков длинных трубчатых костей и суставной впадине лопатки предполагает разделку этих частей туш путем перерезания связок, тогда как ребра перерубались, но чаще отламывались с утратой головок. Как отмечала Э. Б. Вадецкая, разделка туш животных по суставам, в том числе и при похоронах, являлась характерным для сибирских народов способом, используемым с древнейших времен и до этнографической современности [9, с. 63].

3. Все кости от жертвенных животных принадлежали молодым особям, но среди них выделяются остатки двух телят до года (курган 13, могила 1; курган 16, могила 1). Их наличие с учетом того, что массовый отёл коров происходит весной [10, с. 214], позволяет предполагать совершение захоронений в снежный период (ноябрь-март). О возможности не только обряда погребения, но и сооружения склепа в зимний период могут свидетельствовать мелкие угольки в заполнении могил. Наличие подобных угольков ранее фиксировалось в карасукских и раннетагарских могилах, в том числе каменных ящиках [11, с. 23]. Уместно предположить, что это свидетельства костров для оттаивания смерзшегося грунта. Таким образом, жертвенные остатки от годовалых животных следует учитывать в качестве дополнительного аргумента в реконструкции сроков сооружения могилы и совершения захоронений. Для проверки состоятельности данного признака необходимо привлечение аналогий, что в настоящее время затруднено отсутствием определений возраста забитых животных.

4. Наличие на дне могил костей от диких животных, в частности косули и лисицы, не характерно для погребений тагарского времени, и их происхождение сложно трактовать однозначно. Невозможно объяснить исключительно зоогенными причинами избирательное отсутствие даже мелких остатков от элементов поясов конечностей (лопатки и безымянные кости), ребер и позвонков у лисиц в могиле 13, подобно находкам посткраниального скелета барсука, остатков зайца и птиц в норах и заполнении могил в кургане 16. О возможности преднамеренного размещения в тагарской могиле остатков лисицы косвенно свидетельствует находка полного посткраниального скелета лисы без черепа под полатями нижнего яруса таштыкского склепа Шестаково III,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

антропогенный характер которой сомнения не вызывает [12]. Поэтому не исключено, что зафиксированные остатки двух лисиц из кургана 13 могильника Большепичугино I могут являться свидетельством пока что малоизученной ритуальной практики населения раннего железного века Южной Сибири. Для окончательного диагностирования данного феномена необходимы дополнительные аналогии. Присутствие в составе сопутствующей пищи остатков косули в могиле 4 кургана 16 следует рассматривать как результат археологизации объекта [2]. По крайней мере среди многочисленных материалов Минусинских котловин нам не известно ни одного случая их обнаружения *in situ*. Вероятнее всего, отдельные части туши косули могли помещать на перекрытии могилы или в непосредственной близости к ней и позднее, в результате обрушения перекрытия или ограбления, становились частью заполнения.

5. Компактное скопление костей домашних животных в верхней части грабительского лаза могилы 1 кургана 16 включает в себя остатки как минимум шести особей разных пород скота. Формирование этого объекта произошло уже после ограбления могилы 1. Схожее скопление было обнаружено на уровне перекрытия могилы 3 кургана 1 могильника Черемшино, также над грабительским лазом [13, с. 93, 94]. Помимо обломков костей животных – молодой лошади, полугодовалого теленка, трех молодых двухлетних телят, взрослой коровы и трех овец – здесь обнаружены фрагменты керамической посуды, отнесенные авторами раскопок к таштыкской культуре [13, с. 94]. Тем самым определена верхняя граница времени проникновения в склеп. Планиграфическое и анатомо-видовое сходство рассматриваемых объектов очевидно. Поэтому, несмотря на отсутствие датирующих признаков в скоплении костей животных над перекрытием могилы 1 кургана 16 Большепичугино I, представляется вполне уместным предварительно отнести и этот объект к таштыкскому времени.

Литература

1. Горбунова Н. Г. О погребальной пище в могильниках скотоводов Средней Азии // Археологический сборник. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. Вып. 36. С. 60–67.
2. Герман П. В., Онищенко С. С., Сидельникова А. Н., Черниченко А. Д. Сопроводительная мясная пища из погребений тагарской культуры (на примере зооархеологической коллекции Большепичугинского курганного могильника) // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения ученого и обществ. деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск: СФУ, 2017. С. 149–154.
3. Мартынов А. И. К вопросу о происхождении тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований / ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1967. Вып. 1. С. 15–45.
4. Клевезаль Г. А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М.: Т-во научных изданий КМК, 2007. 282 с.
5. Silver I. A. The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research. N. Y.: Basic Books, 1963. P. 250–268.
6. Zeder M. A. Reconciling Rates of Long Bone Fusion and Tooth Eruption and Wear in Sheep (Ovis) and Goat (Capra) // Recent Advances in Ageing and Sexing Animal Bones. Oxbow Books, 2006. P. 87–118.
7. Завитухина М. П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды государственного Эрмитажа / ред. А. М. Микляев. СПб.: Искусство. Ленинградское отделение, 1979. Т. XX. С. 68–86.
8. Подольский М. Л. Раннетагарский могильник Усть-Коксу в Хакасии // Археология Южной Сибири / ред. А. И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1983. Вып. 12. С. 95–104.
9. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
10. Антипина Е. Е. Археозоологические материалы // Каргалы, том III: Селище Горный: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.
11. Паульс Е. Д. Сожжение тагаро-таштыкских склепов: обряд или случайность? // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: тезисы докладов тематич. науч. конф. СПб.: СпбГУ, 1996. С. 23–24.
12. Герман П. В., Онищенко С. С. Зооархеологические особенности погребально-поминальной обрядности таштыкского населения лесостепного района (по материалам могильника Шестаково-III) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 72–77.
13. Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. СПб.: ЭлекСис, 2014. 152 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

Zooarchaeological Collection from Bolshepichuginsky Kurgan Burial Mound (According to the Excavations in 2013–2016)*

Sergey S. Onischenko [a, ID1]; Pavel V. German [b, @, ID2]; Michail M. Devyashin [c, ID3]; Alena N. Sidelnikova [a, ID4]

[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[b] Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

[c] Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 202, 8Marta St., Ekaterinburg, Russia, 620144

[@] lithos@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-2314-3683

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-8123-6992

[ID3] https://orcid.org/0000-0002-2804-6989

[ID4] https://orcid.org/0000-0002-8106-3788

Received 24.09.2018. Accepted 03.12.2018.

Abstract: Numerous animal remains are part of burial practice in Tagar culture, therefore researches conducted to determine anatomic, specific, and age structure of zooarchaeological assemblages in certain tombs and whole cemeteries, their peculiarities and comparative analysis. The paper features an analysis of the faunistic collections from the kurgan burial mound of Tagar culture Bolshepichugino I (VI century – C.E.). In total, 75 samples from kurgan 13 were described and 2192 – from kurgan 16 have. The zooarchaeological assemblages consist of remains of a horse, cattle, and sheep, fox, doe, Asian badger, mountain hare, and birds. The peculiarities of the associated food were determined (scapula, 3–4 ribs, femur, and tibia of cattle and sheep). The use of right parts of animal bodies is discussed in the context of burial practice in the Early Tagar period. Remains of young animals (younger than 1 year) were also found in the materials. It is supposed that the burial mounds were made in winter time. Some domestic and wild bone assemblages located in different places of the kurgans are considered to belong to another period and culture or zoogenic processes. A special attention is paid to the doe and fox remains in the tombs since their carcasses might have been used in burial rituals. In total, the composition and specifics of zooarchaeological materials make it possible to speak about similarity of forest-steppe and steppe early Tagar assemblages in this aspect of burial practice.

Keywords: Mariinsk forest-steppe, funeral assemblages, Early Iron Age, Tagar Culture, zooarchaeology

For citation: Onischenko S. S., German P. V., Devyashin M. M., Sidelnikova A. N. Zooarchaeological Collection from Bolshepichuginsky Kurgan Burial Mound (According to the Excavations in 2013–2016), *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 21, no. 1 (2019): 26–36. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

References

1. Gorbunova N. G. *The funeral food in the cemeteries of cattlemen of Central Asia*. Archaeological papers, Saint-Petersburg: Gos. Ermitazh, 2003, iss. 36, 60–67. (In Russ.)
2. German P. V., Onishchenko S. S., Sidel'nikova A. N., Chernichenko A. D. Accompanying meat food from the burials of Tagar culture (the case of the zoological archaeological collection of the Bolshepichuginsky burial mound). *Interdisciplinary research in archeology, ethnography and the history of Siberia*: Proc. Intern. Sci. Conf., dedicated to the 125th anniversary of the birth of the scientist and public figure Nikolai Konstantinovich Auerbach (1892–1930). Krasnoiarsk: SFU, 2017, 149–154. (In Russ.)
3. Martynov A. I. On the origin of the Tagar Culture. *News of the laboratory of archaeological research*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, iss. 1, 15–45. (In Russ.)
4. Klevezal' G. A. *Principles and methods of age determination of mammals*. Moscow: T-vo nauchnykh izdanii KMK, 2007, 282. (In Russ.)

* The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the government of the Kemerovo region, grant No. 18-49-420005.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-26-36

5. Silver I. A. *The Ageing of Domestic Animals. Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research*. N. Y.: Basic Books, 1963, 250–268.
6. Zeder M. A. Reconciling Rates of Long Bone Fusion and Tooth Eruption and Wear in Sheep (Ovis) and Goat (Capra). *Recent Advances in Ageing and Sexing Animal Bones*. Oxbow Books, 2006, 87–118.
7. Zavitukhina M. P. Barnsuchih V – early Tagar burial ground. *Transactions of the State Hermitage Museum*, ed. Miklyaev A. M. Saint-Petersburg: Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1979, vol. XX, 68–86. (In Russ.)
8. Podol'skii M. L. Earlytagar burial ground in Ust-Koksu in Khakassia. *Archeology of Southern Siberia*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: KemGU, 1983, iss. 12, 95–104. (In Russ.)
9. Vadetskaia E. B. *The tashtyc epoch in the ancient history of Sibiria*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 440. (In Russ.)
10. Antipina E. E. Archaeozoological materials. *Kargaly, Vol. III: Selishche Gorny: Technology of mining and metallurgical production: Archeobiological studies*, ed. Chernykh E. N. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 182–239. (In Russ.)
11. Paul's E. D. Burning tagar-tashtyk crypts: a rite or an accident? *Kurgan: historical and cultural research and reconstruction*: Proc. Thematic Sci. Conf. Saint-Petersburg: SPbGU, 1996, 23–24. (In Russ.)
12. German P. V., Onishchenko S. S. Zooarchaeological peculiarities of funeral and commemorative rituals of tashtyk population in forest-steppe region (on the materials from Shestakovo III burial mound). *Modern solutions to the current problems of Eurasian archeology*, ed. Tishkin A. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2018, iss. 2, 72–77. (In Russ.)
13. Aleksandrov S. V., Bokovenko N. A., Smirnov U. A. *Archaeological monuments of the Black Iyus valley in north Khakasiya*. Saint-Petersburg: ElekSis, 2014, 152. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

CC BY

оригинальная статья
УДК 903.01

Керамический комплекс неолитической стоянки Екидин 24

Ирина В. Шевнина [a, @]

[a] Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, 110000, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. Байтурсынова, 47
[@] shevnina_i@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3595-6849

Поступила в редакцию 17.04.2018. Принята к печати 15.01.2019.

Аннотация: Стоянка Екидин 24 расположена в южной части Тургайского прогиба (Северный Казахстан, Костанайская область). Памятник исследовался Тургайской археологической экспедицией в полевом сезоне 1989 г. Статья посвящена керамическому комплексу стоянки Екидин 24. Целью исследования является изучение технологических аспектов при изготовлении керамических сосудов екидинских гончаров. Важным аспектом является обобщение всех известных на данный момент данных о стоянке. Керамическая коллекция стоянки Екидин 24 насчитывает 48 фрагментов, из них 6 фрагментов верхних частей сосудов с желобчатой шейкой, один фрагмент дна от шиподонного сосуда и 38 фрагментов стенок. Все фрагменты керамики стоянки Екидин 24 были подвергнуты технико-технологическому анализу. В рамках исследования применялся петрографический анализ и метод бинокулярной микроскоскопии. Исходным сырьем екидинским гончарам служила ожелезненная (гидроокислы железа – гематит и магнетит) глина (гидрослюда). Зафиксирован один рецепт формовочной массы: глина + органика (шерсть) + шамот. Стоянка Екидин 24 является эталонным памятником маханджарской культуры Тургайского прогиба. Время бытования маханджарских древностей исследователями определяется преимущественно на основе аналогий с ранненеолитическими памятниками среднеазиатского междуречья и помещается в рамки конца VII–V тыс. до н. э. Полученные радиоуглеродные даты указывают на VI тыс. до н. э. Находки керамики, близкой по форме маханджарской, за пределами Тургайского прогиба пока представлены единичными фрагментами и, как правило, не опознаются исследователями как маханджарские. Достаточно уверенно можно говорить о том, что маханджарская культура не является изолированным явлением и обнаружение новых маханджарских памятников в разных регионах степной и лесостепной Евразии является лишь вопросом времени.

Ключевые слова: маханджарская культура, Тургайский прогиб, петрографический анализ керамики, неолит Тургая, хронология маханджарской культуры

Для цитирования: Шевнина И. В. Керамический комплекс неолитической стоянки Екидин 24 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 37–43. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

Введение

Керамический комплекс стоянки Екидин 24 уже изучался нами ранее [1]. Целью данного исследования является изучение технологических аспектов при изготовлении екидинских керамических сосудов. Важным аспектом является обобщение всех известных на данный момент данных о стоянке.

В географическом плане Тургай – участок Урало-Казахстанских степей, приуроченный к Тургайскому прогибу и сопоставимый с административными границами Костанайской области Северного Казахстана. Степи Тургая простираются на многие сотни километров к югу от Западно-Сибирской низменности между отрогами Южноуральских гор и Казахским мелкосопочником до полупустынь Приаралья.

Краткое описание материалов стоянки Екидин 24

Стоянка Екидин 24 расположена в южной части Тургайского прогиба, на границе Восточно-Тургайского плато и казахского мелкосопочника, на берегу р. Каратургай на надпойменной террасе, на высоте 6–7 м от уреза воды, в 7 км к северо-востоку от п. Екидин. Памятник исследовался Тургайской археологической экспедицией в полевом сезоне 1989 г. Кроме этого, в 2013 г. на стоянке был заложен разведочный шурф с целью получения образцов (керамика и кости сайги) для радиоуглеродного датирования. Полевые исследования и аналитическая обработка материала проводилась В. Н. Логвиным и А. В. Логвиным [2; 3].

Площадка, на которой расположена стоянка, с запада оконтурена оврагом, а с севера и востока – всхолмлениями. По данным палинологического анализа образцов,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

полученных со стоянки Екидин 24, установлено, что время обитания людей на стоянке соотносится со второй половиной атлантического периода, который характеризуется более теплым и аридным климатом. В это время в регионе преобладали степные ландшафты [1].

Основная часть находок сконцентрирована на глубине 0,3–0,5 м в слое суглинка желтовато-коричневого цвета. На территории раскопа были зафиксированы очаг округлой формы диаметром 1 м из вертикально поставленных камней; кострище (пятно прокала овальной формы) и две небольшие ямы, вероятно, хозяйственного назначения. Основу коллекции составляет каменный инвентарь (1207 экз.). В качестве сырья использовался преимущественно кварцитопесчаник (94 %). Общий облик каменной индустрии представляется пластинчатым; орудий, изготовленных на отщепах, менее 30 %. В коллекции представлены нуклеусы (34) призматической и конусовидной формы, которые предназначались для скалывания пластин; орудия на пластинах (145); орудия на отщепах (71); пластины без вторичной обработки (320); отщепы без вторичной обработки (594); прочие орудия (шлифованный топорик, крупные рубящие орудия, песты, терочники, отбойники, ретушеры, диски).

Основной хозяйственной деятельностью обитателей стоянки, по всей видимости, являлась охота (палеозоологические определения Л. Л. Гайдученко). Самым многочисленным видом добычи была сайга (76 %), следующие по численности виды – лошадь Пржевальского (20 %) и кулан (4 %). Единичны кости карася, окуня, птицы [4].

Керамическая коллекция стоянки Екидин 24 насчитывает 48 фрагментов, из них 8 фрагментов верхних частей сосудов с желобчатой шейкой, один фрагмент дна от шиподонного сосуда и 38 фрагментов стенок (рис. 1). Толщина фрагментов – 6–8 мм. Срез венчика округлый у одного фрагмента, у остальных уплощенный. Срез венчиков у четырех фрагментов украшен оттисками штампа. Орнаментированы все обнаруженные на стоянке фрагменты шеек. Техника нанесения орнамента представлена зубчатым штампом. Среди фрагментов стенок только один имеет узор, нанесенный зубчатым штампом. Остальные стенки не орнаментированы. Единственный фрагмент от днища шиподонного сосуда также не орнаментирован. Среди элементов орнамента зафиксированы два ряда горизонтальной «елочки», разделенные однорядным зигзагом; однорядный зигзаг, ниже которого нанесены две ленты горизонтальной качалки; колонки вертикальной качалки; колонки горизонтальной качалки в сочетании с горизонтальным зигзагом; колонки горизонтальной качалки в сочетании с рядом наклонных оттисков зубчатого штампа и горизонтальными линиями; горизонтальные ряды наклонных оттисков зубчатого штампа в сочетании с горизонтальным зигзагом; орнамент, напоминающий заштрихованный сотовый (рис. 1).

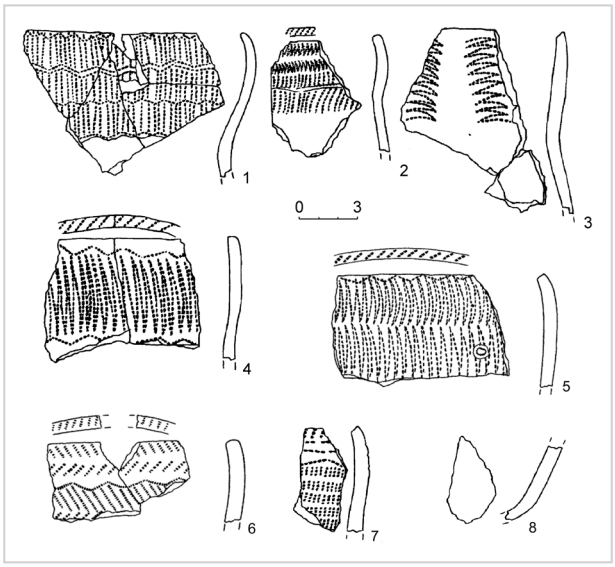


Рис. 1. Стоянка Екидин 24. Керамика
Fig. 1. Camp Ekidin 24. Ceramics

Технико-технологический анализ

Все фрагменты керамики стоянки Екидин 24 были подвергнуты технико-технологическому анализу. В рамках исследования применялся петрографический анализ и метод бинокулярной микроскоскопии. Петрографический анализ выполнен в петрографической лаборатории отдела вещественного состава ОАО «Кустанайская поисково-съемочная экспедиция» петрографами О. В. Карзановой и Л. Н. Попковой. Кроме того, были проведены следующие химические опыты (микрометодом):

1) анализ с применением молибдена аммония $(MoH_4)_2AmO_4$, который показывает наличие или отсутствие фосфатов, при взаимодействии с карбонатосодержащим черепком дает желтый цвет;

2) микрореакция на наличие железа в составе черепка.

Исходным сырьем служила ожелезненная (гидроокислы железа – гематит и магнетит) запесоченная глина (гидрослюда) (таблица 1; рис. 2). Химическая реакция на Fe всех фрагментов оказалась положительной. Также в глине петрографы отмечают примесь углистого состава. Петрографический анализ показал, что керамическая масса на 60–70 % состояла из цемента, т. е. частиц размером 0,01–0,1 мм. Содержание песка в шлифе доходит до 45 %. Песок представлен в основном кварцем (от 35 до 80 %). Из других частиц были выявлены полевые шпаты (от 20 до 30 %) и обломки пород (пластинки слюды, микрокварцитовые зерна, турмалин, пироксен, циркон, апатит, эпидот, халцедон, обломки сланцев).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

Таблица 1. Петрографическое описание образцов со стоянки Екидин 24
Table 1. Petrographic description of samples from Ekidin 24

	№ шлифа						
	1	2	3	4	5	6	7
Состав формовочной массы	глина + органика + шамот						
Фракционный состав песка (%)	<0,01 (50) 0,01–0,1 (17) 0,1–0,25 (15) 0,25–0,5 (15) 0,5–1,0 (2)	<0,01 (50) 0,01–0,1 (13) 0,1–0,25 (7) 0,25–0,5 (30)	<0,01 (40) 0,01–0,1 (30) 0,1–0,25 (28) 0,25–0,5 (2) 0,5–1,0 (ед.)	<0,01 (40) 0,01–0,1 (20) 0,1–0,25 (15) 0,25–0,5 (15) 0,5–1,0 (10)	<0,01 (40) 0,01–0,1 (30) 0,1–0,25 (15) 0,25–0,5 (12) 0,5–1,0 (3)	<0,01 (40) 0,01–0,1 (19) 0,1–0,25 (20) 0,25–0,5 (15) 0,5–1,0 (5)	<0,01 (55) 0,01–0,1 (17) 0,1–0,25 (22) 0,25–0,5 (20)
Петрографическая текстура	псаммоалевропелитовая, участками псефитопсаммоалевропелитовая						
Природа цемента	гидрослюдисто-углистая, железистая масса с гидроокислами железа	гидрослюдисто-углисто-железистая масса, с окислами железа					
Текстура цемента	атакситовая, участками неясно-гнездовидная, однородная	однородная, участками спрутанно-волокнистая, решетчатая				неоднородная	однородная
Качественный состав песка, %	кв – 65 пш – 25 оп – 10 (микрокварцит, слюда, пироксен, турмалин)	кв – 60 пш – 40 оп (гидрогематит, слюда (биотит))	кв – 45 пш – 20 оп (микрокварцит, слюда, эпидот, циркон, апатит)			кв – 35 пш – 30 оп (слюда, обломки сланцев)	кв – 80 пш – 20 оп (слюда, обломки сланцев)
Размер шамота, мм	< 0,01–3,0	0,3–1,83	0,7–1,0	до 1	0,7–1,0		
Содержание шамота, %	2	до 30	5–7				
Объем пор	до 7		до 5	до 30	до 20	до 30	до 20

Прим.: кв – кварц, пш – полевой шпат, оп – обломки пород.

Песок в основном представлен пылевидным, с величиной зерен менее 0,01 до 0,1 мм, единично – до 1 мм. Исходя из того, что песок распределен по площади шлифа равномерно, а также его размерности, процента содержания, можно определить песок естественной примесью. Кроме того, основными характеристиками гидрослюдистых глин является запесоченность и ожелезненность.

Для выявления возможных источников исходного сырья были привлечены материалы по изучению геологического строения Тургайского прогиба. Вблизи стоянки Екидин 24 выявлены отложения терсекской, уркимбайской и челкарнуринской свит, в составе которых присутствуют гидрослюда и монтмориллонит. По берегам р. Тургай и ее притокам наибольшее распространение имеют отложения кайдагульской свиты, состав которой определяют каолинит-гидрослюдистые глины. Таким образом, наиболее вероятным источником сырья для екидинских гончаров служили континентальные отложения, выходящие на поверхность по берегам р. Кара-Тургай и в ее окрестностях.

Зафиксирован один рецепт формовочной массы: глина + органика (шерсть) + шамот. Текстура шлифа петрографами читается как однородная, участками спутанно-волокнистая, решетчатая, атакситовая, участками неясно-гнездовидная, что, по всей видимости, означает добавление в исходную глину искусственных компонентов. Из неорганических наполнителей в формовочных массах был выявлен шамот (керамический бой). Шамот

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

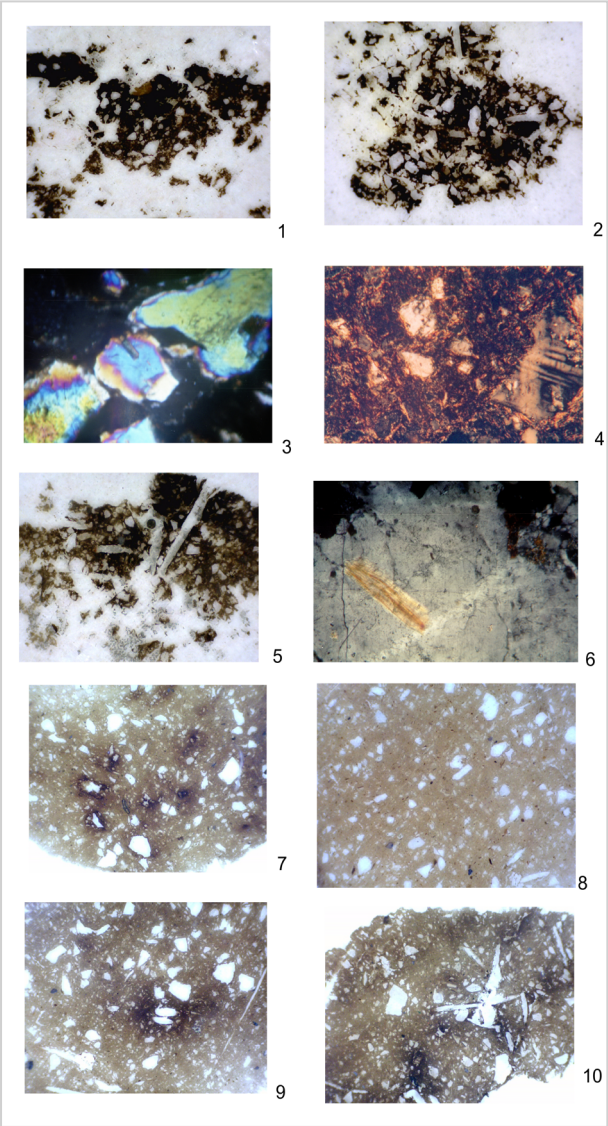


Рис. 2. Стоянка Екидин 24. Петрографические шлифы. 1, 2 – Кварц и шамот; 4, 6 – шамот; 3 – крупное зерно турмалина; 5, 7–10 – кварц
Fig. 2. Ekidin 24. Petrographic sections. 1, 2 – Quartz and chamotte; 4, 6 – chamotte; 3 – large grain tourmaline; 5, 7–10 – quartz

представлен обломками округлой, подквадратной, подпрямоугольной и остроугольной формы. Размер частиц шамота варьируется от менее 0,7 до 1 мм. Содержание его в образцах единично (до 5–7 %), только в одном случае зафиксировано до 30 %. По мнению И. Г. Глушкова, добавление шамота в небольшом количестве (до 10 %) связано с усилением термостойкости сосудов [5].

На внешней и внутренней поверхности всех образцов зафиксировано множество извилистых пустот, образованных от выгорания органики. При бинокулярном изучении изломов и поверхностей образцов были установлены параметры этих пустот – ширина до 0,3 мм, длина до 80 мм. В шлифах петрографами отмечено присутствие углистой массы. Дополнительно был проведен опыт с применением молибдена аммония $(MoH_4)_2AmO_4$. По результатам этого опыта в образцах не было зафиксировано присутствие органики фосфатного типа, что исключило такой органогенный наполнитель, как экскременты животных. По длине, толщине, округлой форме поперечного сечения пустот, характеру распределения в изломе и на поверхностях фрагментов было предположено, что органической примесью в керамике является шерсть или волос животных. Для проверки данного тезиса был проведен эксперимент, описывать который нет необходимости, поскольку это сделано в других наших работах [6; 7].

Отметим лишь, что эксперимент подтвердил наше предположение, что маханджарские гончары добавляли при замесе глиняного теста шерсть и волос лошади и сайги (рис. 3). По мнению А. А. Бобринского, добавление в формовочную массу шерсти и волоса животных играет большую роль в уменьшении отрицательного влияния усадки глины на изделие во время сушки и обжига [8].

Фрагментарность исследуемого материала не позволяет нам в полной мере реконструировать процесс формообразования сосуда, можно лишь отметить, что при формовке екидинских шеек сосудов использовалось два способа: 1) шейка формовалась из двух лент; 2) шейка формовалась из двух лент, с внешней стороны шейки накладывалась еще одна дополнительная лента (для укрепления устья сосуда). Ширина лент колеблется от 1,5–2 см.

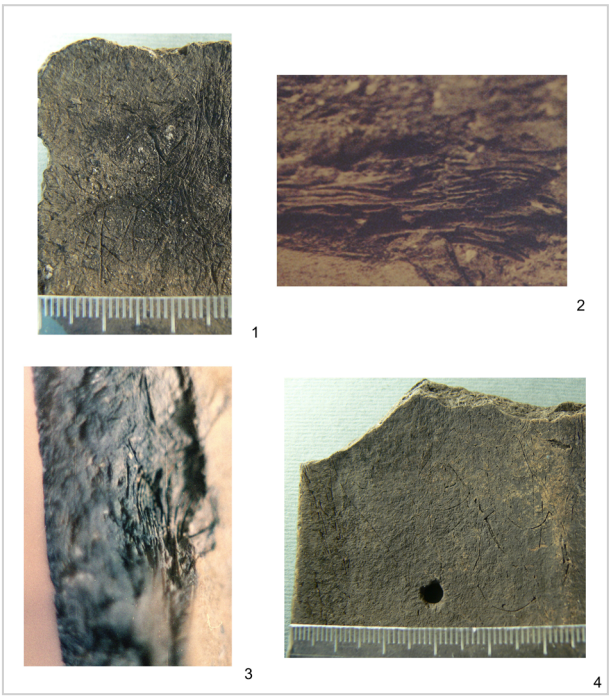


Рис. 3. Стоянка Екидин 24. Отпечатки выгоревшего волоса и шерсти животных. 1, 4 – внутренняя поверхность; 2, 3 – излом
Fig. 3. Ekidin 24. Prints of the burnt wool and animal fur. 1, 4 – internal surface; 2, 3 – fracture

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

Таблица 2. Радиоуглеродные даты со стоянки Екидин 24
Table 2. Radiocarbon dates from Ekidin 24

Лабораторный шифр	Памятник	^{14}C BP	Калиброванная дата 68.3 (1 sigma)	Калиброванная дата 95.4 (2 sigma)	Датируемый материал
Ki-13751	Стоянка Екидин 24	5910 ± 70	4860 – 4690 BC	4950 – 4590 BC	Кость животного
SPb-1670	Стоянка Екидин 24	5662± 120	4650 (1,2%) – 4644 BC 4615 (67 %) – 4363 BC	4790 (94,3%) – 4322 BC 4290 (1,1%) – 4267 BC	Керамика

Для придания сосудам большей водонепроницаемости их внешняя поверхность частично подвергалась лощению [5]. Все фрагменты имеют следы кострового обжига: слоистость излома (темно-серая или черная середина излома при светлых краевых участках). Окраска наружной и внутренней поверхности коричневого и черного цвета. Для выяснения температуры обжига фрагменты сосудов были помещены в воду на сутки. Они не претерпели никаких изменений, более того, вокруг них в воде даже не образовалось осадка глинистых частиц. Это позволило предположить, что обжиг велся при температуре от 450 до 700 °С [9; 10]. Низкотемпературный обжиг компенсировался восстановительным режимом, который улучшает качество черепка из железистых глин на 25 % [11; 12].

Хронологические рамки

Стоянка Екидин 24 является эталонным памятником маханджарской культуры Тургайского прогиба, выделенной в 1970-е гг. В. Н. Логвиным. Всего на территории Тургая известно 22 памятника, в коллекциях которых содержатся материалы маханджарской культуры. Это стоянки Ашутасты, Алкау 2, Бурли 2, Дузбай 1-4, 7, 9, 12, Екидин 24, Кара-Мурза 6, Маханджар, Соленое Озеро 2, Сор 2, Сулуколь 1, Сорколь 2, Саз 2 и поселения Амангельды, Бестамак, Белкарагай 1, Надеждинка 2.

Время бытования маханджарских древностей В. Н. Логвиным и А. В. Логвиным определяется преимущественно на основе аналогий с неолитическими памятниками среднеазиатского междуречья (слой 5а-4 Джебела, Учащи 131, Оюклы 1, 4), и помещается в рамки конца VII – конца V тыс. до н. э. [1; 3]. Полученные недавно радиоуглеродные даты указывают на V тыс. до н. э. (таблица 2) [4, с. 89; 13, с. 79].

Заключение

Находки керамики, близкой по форме маханджарской, за пределами Тургайского прогиба пока представлены единичными фрагментами и, как правило, не опознаются исследователями как маханджарские. Например, фрагмент шейки типичного маханджарского сосуда со стоянки Жабай-Покровка 1 атбасарской культуры был определен В. Ф. Зайбертом как фрагмент чашевидного сосуда [14]. Кроме того, можно отметить фрагменты шеек сосудов с поселения ЮАО-XV Нижнего Притоболья [15, рис. 7, 6] и с Варфоломеевского поселения (слой 2А) [16, рис. 35, 12], очень схожих по профилю с маханджарскими.

Таким образом, достаточно уверенно можно говорить о том, что маханджарская культура не является изолированным явлением, и выявление новых маханджарских памятников в разных регионах степной и лесостепной Евразии является лишь вопросом времени. В качестве примера можно привести недавние находки маханджарской керамики в лесостепном Притоболье (городище Увал 5) [17], Южном Урале (поселение Кочегарово I) [13], Нижнем Приишимье (поселение Мергень 7) [18].

Литература

1. Шевнина И. В. Технико-технологический анализ керамики с неолитической стоянки Екидин 24 // Маргулановские чтения-2009: материалы междунар. науч. конф. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2009. Т. 1. С. 95–99.
2. Логвин В. Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма-Ата: КГПУ, 1991. 63 с.
3. Логвин А. В. Стоянка маханджарской культуры Екидин 24 Тургайского прогиба // Известия Национальной академии наук республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2002. № 1. С. 15–23.
4. Гайдученко Л. Л. Эволюция жизнедеятельности степного зауральского населения в неолите-бронзе // Гайдученко Л. Л., Калиева С. С., Логвин В. Н., Логвин А. В. Экология древних и традиционных обществ: доклады конф. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2007. Вып. 3. С. 88–91.
5. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
6. Шевнина И. В. Изучение шерсти и волоса животных в составе древней керамики неолитических племен Тургайского прогиба // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 66–71.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

7. Шевнина И. В. Эксперименты с добавлением шерсти в формовочные массы в контексте изучения неолитической керамики Торгая // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: международный симпозиум (29–31 октября 2013 г.). М.: ИА РАН, 2015. С. 155–163.
8. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
9. Бобринский А. А. К методике изучения обжига керамики // Первая Кубанская археологическая конференция: сб. тезисов конф. (5–7 марта 1989 г.). Краснодар, 1989. С. 20–23.
10. Мыльникова Л., Чемякина М. Керамика позднеирменской культуры (по материалам поселенческого комплекса Омь 1 в Центральной Барабе) // Український керамологічний журнал. 2003. № 1. С. 79–90.
11. Лиокумович Л. М. Обжиг кирпича в восстановительной среде // Улучшение качества глиняного строительного кирпича. М.: Наука, 1962. 40 с.
12. Мыльникова Л. Н. Сушка и обжиг неолитической керамики поселения Кондон (Нижний Амур) // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1991. С. 93–103.
13. Мосин В. С. Хронология неолита Зауралья: новые даты, старые проблемы // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (25–29 октября 2016 г.). Ижевск, 2016. С. 78–79.
14. Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 221 с.
15. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.
16. Юдин А. И. Неолит // Археология Нижнего Поволжья. В 4 т. Т. 1: Каменный век / под общ. ред. А. С. Скрипкина. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 331–407.
17. Вохменцев М. П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье. Челябинск: Рифей, 2016. 137 с.
18. Зах В. А., Еньшин Д. Н. К вопросу о неолитизации в лесостепи Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6. С. 34–43.

Ceramic Complex of the Neolithic Camp Ekidin 24

Irina V. Shevnina [a, @]

[a] Kostanay State University named after A. Baytursynov, 47, Baitursynov St., Kostanay, Republic of Kazakhstan, 110000

[@] shevnina_i@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-3595-6849

Received 17.04.2018. Accepted 15.01.2019.

Abstract: The camp Ekidin 24 is located in the southern part of the Turgai Depression (Northern Kazakhstan, Kostanay region). The monument was explored by the Turgai archeological expedition in the 1989 field season. The present research featured the ceramic complex of camp Ekidin 24. The research objective was to study technological aspects in the manufacture of ceramic vessels of the Ekidin potters. An important aspect of the work is the generalization of all currently known camp data. The ceramic collection of the Ekidin 24 camp consists of 48 fragments, including 6 fragments of the upper parts of vessels with a grooved neck, one fragment of a vessel bottom, and 38 fragments of vessel walls. All fragments of ceramics from the Ekidin 24 camp were subjected to a technical and technological analysis. The study employed petrographic analysis and binocular microscopy. The initial raw material of the Ekidin potters was iron clay (iron hydroxides, such as hematite and magnetite), or hydromica. A formula of molding mass was revealed: clay + organic (wool) + chamotte. The Ekidin 24 camp is the reference monument of the Mahanjar culture of the Turgai Depression. The age of Mahanjar finds is determined primarily on the analogies with early Neolithic monuments of the Central Asian interfluves as late 7,000 – 5,000 B.C. The obtained radiocarbon dates indicate 6,000 B.C. Mahanjar-like Ceramics are still represented by single fragments outside the Turgai Depression and, as a rule, are not recognized by researchers as Mahanjar. We can confidently

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

say that the Mahanjar culture is not an isolated phenomenon, and the identification of new Mahanjar sites in different regions of the steppe and forest-steppe Eurasia is only a matter of time.

Keywords: Mahanjar culture, Turgai deflection, petrographic analysis of ceramics, Neolithic Turgai, the chronology of the Mahanjar culture

For citation: Shevnina I. V. Ceramic Complex of the Neolithic Camp Ekidin 24. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 37–43. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-37-43

References

1. Shevnina I. V. Technical and Technological Analysis of Ceramics from the Neolithic Site Ekidin 24. *Margulan Readings-2009*: Proc. Intern. Sci. Conf. Petropavlovsk: SKGU im. M. Kozybaeva, 2009, 1: 95–99. (In Russ.)
2. Logvin V. N. *The Stone Age of Kazakhstan's Pritobolye (mesolithic-eneolithic)*. Alma-Ata: KGPU, 1991, 63. (In Russ.)
3. Logvin A. V. The site of the Mahanjar culture Ekidin 24 of the Turgai Depression. *Izvestiia Natsional'noi akademii nauk respubliki Kazakhstan. Seriia obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, 2002, (1): 15–23. (In Russ.)
4. Gaiduchenko L. L. The evolution of the vital activity of the Trans-Ural steppe population in the Neolithic-Bronze. Gaiduchenko L. L., Kalieva S. S., Logvin V. N., Logvin A. V. *Ecology of Ancient and Traditional Societies*: Proc. Conf. Tiumen: IPOS SO RAN, 2007, iss. 3: 88–91. (In Russ.)
5. Glushkov I. G. *Ceramics as an archaeological source*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1996, 328. (In Russ.)
6. Shevnina I. V. Studying the hair and animal fur as part of the ancient ceramics of the Neolithic tribes of the Turgai Depression. *Ancient Pottery: Results and Prospects of Study*. Moscow: IA RAN, 2010, 66–71. (In Russ.)
7. Shevnina I. V. Experiments with the addition of wool to molding materials in the context of the study of the Neolithic Torgay ceramics. *Modern approaches to the study of ancient ceramics in archeology:* Intern. symposium, October 29–31, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 155–163. (In Russ.)
8. Bobrinskii A. A. *Pottery of Eastern Europe*. Moscow: Nauka, 1978, 272. (In Russ.)
9. Bobrinskii A. A. The method of studying of ceramics burning. *First Kuban archaeological conference*: Proc. Conf., March 5–7, 1989. Krasnodar, 1989, 20–23. (In Russ.)
10. Myl'nikova L., Chemiakina M. Ceramics of the Late Irmen culture (based on the materials from the Om 1 settlement complex in Central Baraba). *Ukrainskii keramologichnii zhurnal*, 2003 (1): 79–90. (In Russ.)
11. Liokumovich L. M. Bricks burning in a reducing environment. *Improving the quality of clay building bricks*. Moscow: Nauka, 1962, 40. (In Russ.)
12. Myl'nikova L. N. Drying and roasting of the Neolithic ceramics of the Condon settlement (Lower Amur). *Material culture and problems of archaeological reconstruction*. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 1991, 93–103. (In Russ.)
13. Mosin V. S. Chronology of the Neolithic Zauralye: New Dates, Old Problems. *Archaeological Heritage of the Urals: from the first discoveries to fundamental scientific knowledge (XX Ural Archaeological Conference)*: Proc. All-Russian Sci. Conf. from Intern. Participation, October 25–29, 2016. Izhevsk, 2016, 78–79. (In Russ.)
14. Zaibert V. F. *Atbasar culture*. Ekaterinburg: UrO RAN, 1992, 221. (In Russ.)
15. Kovaleva V. T., Zyrianova S. Iu. Neolithic cultures of the Middle Trans-Urals: genesis, correlation, interaction. *Problems of studying the Neolithic of Western Siberia*. Tiumen: IPOS SO RAN, 2001, 46–56. (In Russ.)
16. Iudin A. I. Neolithic. *Archeology of the Lower Volga region. Vol. 1: Stone Age*, ed. Skripkin A. S. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2006, 331–407. (In Russ.)
17. Vokhmentsev M. P. *Monuments of the Neolithic, Eneolithic, and Early Bronze in the forest-steppe Tobol.* Chelyabinsk: Rifei, 2016, 137. (In Russ.)
18. Zakh V. A., Yen'shin D. N. To issue of neolithisation in the forest-steppe of Western Siberia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-6): 34–43. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета, 2019, 21(1)
DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.9+301.085

Структура, функции и уровень сформированности сексуальности у студенток вуза

Нина И. Айзман [a, @, ID]

[a] Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
[@] nina.aizman@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-4613-7753

Поступила в редакцию 20.01.2019. Принята к печати 13.02.2019.

Аннотация: В статье представлен анализ литературы о структуре и функциях сексуальности личности и проблемах ее формирования у девушек на современном этапе. Отражены результаты исследования, проводившегося на базе Новосибирского государственного педагогического университета с привлечением 196 студенток 17–22 лет 1 и 5 курсов с использованием комплекса стандартизированных тестовых методик: многофакторная личностная методика Р. Кеттелла; Висбаденский опросник; «Исследование маскулинности-феминности личности» С. Бем; «Оценка реактивной и личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина; «Диагностика уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона; методика изучения гендерной идентичности; тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» в модификации Т. В. Румянцевой; «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман. Последующий статистический анализ результатов позволил построить структурно-функциональную модель женской сексуальности, описать ее компоненты, функции и содержательные характеристики. Факторный анализ показал, что женская сексуальность включает в себя пять основных компонентов: семейные отношения, когнитивный, телесный, эмоциональный и экзистенциальный – каждый из которых вносит разный вклад в общую структуру, имеет определенное содержание и функцию. Выделены критерии диагностики уровней сформированности женской сексуальности – низкий, средний и высокий. Показано, что с возрастом повышается уровень сексуальности по всем выделенным компонентам, что связано с наличием большего опыта в установлении интимных отношений и задачей создания семьи. Установлено, что в общей совокупности у респонденток чаще выявляется диффузная гендерная идентичность при высокой андрогинии как варианте полоролевого поведения. Выявлена взаимосвязь личностных особенностей испытуемых с психологическим содержанием различных компонентов сексуальности. Полученные данные определяет необходимость целенаправленной работы по формированию женского начала в структуре Я испытуемых.

Ключевые слова: женская сексуальность, структурно-функциональная модель, гендерная идентичность, личностные особенности, компоненты сексуальности, формирование сексуальности

Для цитирования: Айзман Н. И. Структура, функции и уровень сформированности сексуальности у студенток вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 44–55. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

Введение

В современной России на фоне изменения семейных ценностей, трансформации традиционных стереотипов репродуктивного поведения, изменения паттернов семейных отношений увеличилось количество заболеваний, передающихся половым путем, отмечается рост сексуальной распущенности, стремление к незарегистрированному сожительству [1–3]. В представлении молодежи современная российская женщина не воспринимается носительницей феминных качеств, тогда как основой психического благополучия любой женщины является женственность. Однако вопросам развития сексуальности в вузе не уделяется должного внимания. Между тем практика показывает, что значительное количество студенток, обращающихся за психологической помощью, имеют затруднения, прямо или косвенно связанные с проблемами развития сексуальности.

Зарубежные и отечественные исследователи отмечают, что новая психосоциальная модель личности женщины несет в себе искаженный образ женщины, вынужденной в силу чрезмерных требований, предъявляемых к ней обществом, демонстрировать в семье и социуме мужские модели поведения с целью адаптации к сложным средовым условиям [4; 5]. Нарушение полоролевой идентичности имеет достоверную связь с разводами, различными формами аутоагрессивного поведения, социальной дезадаптацией,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

модификацией традиционных форм женской сексуальности, признается патогенетическим фактором формирования неврозов, психосоматических заболеваний, девиантного материнского поведения [6; 7]. В постсовременном обществе часто встречающимся феноменом становится гендерная флюидность (сексуальная изменчивость), проявляющаяся периодически возникающей сменой гендерной идентичности у одного и того же индивидуума и чаще диагностируемая у женщин [8]. В этой связи вопросы формирования зрелой женской сексуальности требуют детального изучения.

В литературе разные авторы вкладывают неодинаковый смысл в понятие *сексуальность*, рассматривая ее как функцию [9]; совокупность чувств, предпочтений, поведения и ценностей, часть идентичности [10]; деятельность [11]; характеристику и черту личности [12]; психологическое образование [13]. Мы в своей статье, отражающей основные положения исследования [14], ориентируемся на точку зрения C. B. Travis и P. L. Moore [10] и рассматриваем сексуальность как интегративное новообразование личности, включающее в себя набор индивидуальных характеристик.

Наиболее дискуссионным для современных исследователей является вопрос о структуре сексуальности. Разные авторы выделяли следующие компоненты: поведенческий [15; 16]; когнитивный [11; 17; 18]; телесный [15; 16; 19]; эмоциональный [18; 20; 21] и экзистенциальный [15; 17; 22].

Сексуальность личности, по мнению вышеперечисленных и других авторов, выполняет следующие функции: репродуктивную, регуляторную, здоровьесберегающую, адаптивную, поведенческую, рекреационную [23; 24].

Описанные разные точки зрения побудили нас провести исследование среди современных девушек для уточнения структуры женской сексуальности на современном этапе с целью построения ее структурно-функциональной модели и выработки критериев оценки уровня ее сформированности у студенток вуза.

Методы и материалы

Исследование проводилось на базе Новосибирского государственного педагогического университета. В эксперименте приняли участие студентки 1 (n=100) и 5 (n=96) курсов в возрасте 17–18 лет и 21–22 года разных факультетов.

Для исследования мы использовали ряд стандартизированных тестовых методик.

Личностную сферу оценивали с помощью многофакторной личностной методики Р. Кеттелла (форма С), адаптированной А. Н. Капустиной [25]. Методика включает в себя 105 вопросов, позволяющих исследовать устойчивые свойства личности по 18 факторам.

Для *изучения и оценки межличностных отношений в коллективе и семье* использован Висбаденский опросник к методу позитивной психотерапии и семейной психотерапии (WIPPF). Методика предложена Н. Пезешкианом при сотрудничестве Х. Дайденбаха [26]. Опросник представляет собой серию специально отобранных вопросов (85 утверждений), ответы на которые позволяют оценить некоторые качества личности, а также модели поведения, которые будет предъявлять исследуемый в своей семейной жизни.

Для *диагностики психологического пола личности* и степени андрогинии, маскулинности и феминности была использована методика С. Бем «Исследование маскулинности-феминности личности» [27].

Для *исследования реактивной и личностной тревожности* применяли шкалу реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера, адаптированную Ю. Л. Ханиным [26]. Методика предназначена для изучения тревожности как актуального состояния человека, личностной черты.

Для *выявления уровня одиночества* использована методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона [26].

Для *оценки статуса гендерной идентичности* использовали методику изучения гендерной идентичности [28], построенную на принципах прямого и цепного ассоциативного теста и отражающую пять статусов гендерной идентичности.

Для *изучения содержательных характеристик идентичности личности* и исследования специфики репертуара полоролевого поведения, а также для *определения уровня рефлексии* использовали тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?» в модификации Т. В. Румянцевой [29].

Для *оценки убеждений* использована методика «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в модификации М. А. Падун, А. В. Котельниковой [30]. Методика содержит 37 вопросов стимульного материала, которые позволяют исследовать когнитивную модель мира, включающую в себя набор имплицитных представлений индивида об окружающем мире, собственном Я, а также способах взаимодействия между Я и миром.

В процессе проведения экспериментального исследования мы руководствовались принципами партнерства, индивидуальности и психологической поддержки. Полученные результаты обработаны методами вариационной статистики с применением факторного и корреляционного анализа.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

Результаты

На основании индивидуального тестирования студенток с использованием указанной батареи методик были получены данные, позволяющие описать структурные компоненты, их содержательные характеристики и функции, составляющие современную модель женской сексуальности. Для решения этой задачи проведена процедура факторного анализа, на основании которого выделены пять компонентов с общей суммарной дисперсией 78,3 %, которые мы рассматриваем как компоненты *структурно-функциональной модели женской сексуальности* (таблица 1).

Таблица 1. Содержательные характеристики структурно-функциональной модели женской сексуальности
Table 1. Content characteristics of the structural and functional model of female sexuality

Название компонента и его вклад в общую дисперсию	Содержание компонента по результатам тестирования
F1 – Семейные отношения (21,7 %)	Шкалы Висбаденского опросника «Ты» (0,9), «Я – отец» (0,8), «Я – мать» (0,8), «Мы» (0,6) Показатели косвенного (0,5) и прямого (0,5) обозначения пола из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда
F2 – Когнитивный (17,8 %)	Методика изучения гендерной идентичности: самоописания в терминах мужского (0,9), самоописания в терминах женского (0,9) Шкала базовых убеждений «доброжелательность окружающего мира» (0,6) Анкета С. Бем: феминность (0,6) Шкала базовых убеждений «убеждение о контроле» (0,5) Уровень рефлексии из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда (0,5)
F3 – Телесный (15,5 %)	Шкала Висбаденского опросника «тело – ощущения» (0,7) Самоописания физического Я из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда (0,7) Шкала Висбаденского опросника «сексуальность» (0,6)
F4 – Эмоциональный (12,4 %)	Опросник Спилбергера-Ханина: уровень личностной (0,8) и реактивной (0,6) тревожности Фактор «спокойствие – тревожность» теста Кеттелла (0,6) Шкала Висбаденского опросника «любовь» (0,5)
F5 – Экзистенциальный (10,9 %)	Шкалы Висбаденского опросника «контакты – свобода» (0,8), «Пра-Мы» (0,7), «вера» (0,6) Уровень одиночества по тесту Д. Рассела и М. Фергюсона (0,5)

Каждый из компонентов имеет определенное содержание. Компонент семейных отношений определяет наибольший вклад в общую суммарную дисперсию, что может быть связано со значительным влиянием полоролевых семейных моделей на развитие женской сексуальности.

Компонент семейных отношений включает в себя поведенческие паттерны, являющиеся результатом детско-родительских отношений и проявляющиеся в отношениях во взрослом периоде жизни (особенности отношений между матерью и отцом в родительской семье, их отношение к окружающему миру); особенности репертуара полоролевого поведения, выявленные в результате анализа прямых и косвенных самоописаний в терминах пола.

Когнитивный компонент связан с самовосприятием и личностными установками относительно собственного пола и половой идентичности. Содержательными элементами данного компонента являются: особенности гендерной идентичности (восприятие себя в терминах женской или мужской составляющих психики); психологический пол (маскулинность, феминность, андрогиния); уровень развития рефлексии; система убеждений о доброжелательности, подконтрольности окружающего мира, собственной удачливости и везении.

Телесный компонент определяется отношением к физическим контактам и переживаемым ощущениям, а также самоописанием физического Я испытуемого.

Эмоциональный компонент представлен такими взаимосвязанными эмоциональными состояниями, определяющими самочувствие личности в т. ч. и в сексуальной сфере, как тревожность, чувство вины, способность к любви и принятию партнера по общению. Любовь имеет обратно пропорциональную связь с чувством вины и тревожностью личности.

Экзистенциальный компонент представлен в модели сексуальности в связи с важностью определения смысла жизни, собственного места в окружающем мире, самоопределением в системе «Я – социум» в юношеском возрасте. Поиск социальной и личностной идентичности влияет на все сферы жизни и развития лиц периода юности и ранней взрослости. Факторный анализ обнаружил это влияние и на процесс развития женской сексуальности у студенток. Экзистенциальный компонент включает в себя следующие составляющие: поиск смысла жизни;

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

умение соблюдать личные границы и границы партнера по общению (свобода отношений); наличие мотивирующего, оптимистического отношения родителей к вопросам смысла жизни; уровень субъективного ощущения одиночества. При этом уровень ощущения одиночества тем ниже, чем в большей степени личность ориентирована на свободу и веру.

Каждому из компонентов структурно-функциональной модели женской сексуальности можно определить свои функции. Рассмотренные содержательные характеристики структуры женской сексуальности и выявленные функции компонентов легли в основу разработанной структурно-функциональной модели женской сексуальности (таблица 2).

С целью уточнения полученных данных были выделены критерии диагностики уровней сформированности женской сексуальности (таблица 3). Для оценки результатов исследования мы использовали трехуровневую шкалу, включающую в себя низкий, средний и высокий уровни сформированности женской сексуальности. Выделенные уровни сформированности женской сексуальности и критерии их диагностики использованы для анализа особенностей изучаемого феномена в зависимости от возраста испытуемых.

Таблица 2. Функции компонентов модели женской сексуальности
Table 2. Functions of the components of the female sexuality model

Компонент	Функции
Семейные отношения	Умение конструировать личные и социальные роли (*коммуникативная*)
Когнитивный	Отражение единства поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли (*познавательная*)
Телесный	Умение выстраивать телесные границы, принимать свое тело и тело партнера; умение переживать телесные ощущения и принимать собственную сексуальную идентичность (*развивающая*)
Эмоциональный	Эмоциональная устойчивость, обеспечивающая способность справляться с трудными жизненными ситуациями и умение воспринимать ситуации или обстоятельства пропорционально степени угрозы (*витальная*)
Экзистенциальный	Нивелирование субъективного ощущения одиночества и развитие способности устанавливать свободные отношения с партнером, не нарушая личных границ (*синдикативная*)

Таблица 3. Критерии диагностики уровней сформированности женской сексуальности
Table 3. Criteria of diagnostics of levels of female sexuality formation

Компонент в модели	Методика, шкалы измерения	Содержание компонента	Количество баллов, необходимых для диагностики
1. Низкий уровень женской сексуальности			
Семейные отношения	Шкалы Висбаденского опросника «Ты», «Я – отец», «Я – мать, «Мы»	Непродуктивные паттерны семейных отношений (отвержение матери и / или отца; негативные отношения между родителями; замкнутость семьи)	3–5 баллов
	Показатели прямого и косвенного обозначения пола из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Узкое полоролевое поведение, отсутствие прямых и косвенных положительных описаний себя как представителя пола	1–2 роли, отсутствие положительных самоописаний, обозначающих сформированное половое поведение
Когнитивный	Шкалы базовых убеждений «доброжелательность окружающего мира», «удача», «убеждение о контроле»	Убеждение во враждебности окружающего мира, низкой вероятности контроля событий собственной жизни, собственном невезении	1–4 стена
	Методика изучения гендерной идентичности	Диффузная гендерная идентичность	1–2 балла
	Анкета С. Бем	Маскулинность, выраженная маскулинность	Индекс IS менее чем –1
	Уровень рефлексии из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Низкий уровень рефлексии	До 3-х ответов по опроснику «Кто Я» М. Куна и Т. Макпартленда

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

Компонент в модели	Методика, шкалы измерения	Содержание компонента	Количество баллов, необходимых для диагностики
Телесный	Шкала Висбаденского опросника «сексуальность»	Отрицательное отношение к физическим контактам, страх прикосновений, зажатость	3–5 баллов
	Шкала Висбаденского опросника «тело – ощущения»	Психосоматические нарушения, ипохондрия, центрирование на телесных ощущениях	10–12 баллов
	Самоописания физического Я из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Отсутствие прямых и косвенных положительных описаний физического Я и / или наличие негативных самоописаний физического Я	Отсутствие положительных и / или наличие отрицательных самоописаний физического Я
Эмоциональный	Опросник Спилбергера-Ханина	Высокий уровень реактивной и / или личностной тревожности	Более 46 баллов
	Шкала Висбаденского опросника «любовь»	В межличностных отношениях проявление холодности, равнодушия, бесчувственности	3–5 баллов
	Фактор «спокойствие – тревожность» теста Р. Кеттелла	Неуверенность, депрессивность, наличие страхов, склонность к чувству вины	7–10 стенов
Экзистенциальный	Шкалы Висбаденского опросника «контакты – свобода», «Пра-Мы», «вера»	Низкая способность устанавливать свободные отношения с партнером без нарушения личных границ; отсутствие веры и направленности на поиск смысла жизни; пессимистическая, защитная позиции в семье по вопросам смысла жизни	3–5 баллов
	Уровень одиночества по тесту Д. Рассела и М. Фергюсона	Высокий уровень субъективного ощущения одиночества	40–60 баллов
2. Средний уровень женской сексуальности			
Семейные отношения	Шкалы Висбаденского опросника «Ты», «Я – отец», «Я – мать», «Мы»	Отношение к семье нестабильное, эмоционально неопределенное; отношения между родителями скорее положительные, хотя иногда скрывающие семейные проблемы; средний уровень открытости семьи	6–9 баллов
	Показатели прямого и косвенного обозначения пола из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Узкое полоролевое поведение при наличии положительных описаний себя как представителя пола	1–2 роли, наличие положительных самоописаний, обозначающих сформированное половое поведение
Когнитивный	Шкалы базовых убеждений «доброжелательность окружающего мира», «удача», «убеждение о контроле»	Ситуативные установки на доброжелательность, контролируемость окружающего мира и собственную удачливость	5–7 стенов
	Методика изучения гендерной идентичности	Мораторий гендерной идентичности	2–3 балла
	Анкета С. Бем	Феминность, андрогиния	От –1 и выше
	Уровень рефлексии из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Средний уровень рефлексии	4–14 самоописаний
Телесный	Шкала Висбаденского опросника «сексуальность»	Эмоционально неопределенное отношение к физическим контактам	6–9 баллов
	Шкала Висбаденского опросника «тело – ощущения»	Средний уровень переживания телесных ощущений, некоторая пассивность в отношении тела	6–9 баллов
	Самоописания физического Я из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Наличие положительных самоописаний физического Я	До 3-х положительных самоописаний

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

Компонент в модели	Методика, шкалы измерения	Содержание компонента	Количество баллов, необходимых для диагностики
Эмоциональный	Опросник Спилбергера-Ханина	Средний или низкий уровень реактивной тревожности и средний уровень личностной тревожности	31–45 баллов
	Шкала Висбаденского опросника «любовь»	В межличностных отношениях средний уровень принятия, невыраженная эмоциональность, требовательность	6–9 баллов
	Фактор «спокойствие – тревожность» теста Кеттелла	Средний уровень уверенности в себе, подверженность настроению, чувству вины	4–6 стена
Экзистенциальный	Шкалы Висбаденского опросника «контакты – свобода», «Пра-Мы», «вера»	Средняя способность устанавливать свободные отношения с партнером без нарушения личных границ; ситуативное обращение к вере и проблемам поиска смысла жизни; средний интерес родителей к вопросам смысла жизни	6–9 баллов
	Уровень одиночества по тесту Д. Рассела и М. Фергюсона	Средний уровень субъективного восприятия одиночества	20–40 баллов
3. Высокий уровень женской сексуальности			
Семейные отношения	Шкалы Висбаденского опросника «Ты», «Я – отец», «Я – мать, «Мы»	Продуктивные паттерны семейных отношений (позитивное отношение к родителям, отношения между родителями внимательные, открытость семьи)	10–12 баллов
	Показатели прямого и косвенного обозначения пола из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Широкое полоролевое поведение при наличии положительных описаний себя как представителя пола	При описании используется более 3-х половых ролей
Когнитивный	Шкалы базовых убеждений «доброжелательность окружающего мира», «удача», «убеждение о контроле»	Убеждения о доброжелательности окружающего мира, возможности контроля событий собственной жизни и собственной удачливости являются базовыми в системе мотивационных установок личности	8–10 стенов
	Методика изучения гендерной идентичности	Достигнутая позитивная идентичность	3–4 балла
	Анкета С. Бем	Феминность, андрогиния	От –1 и выше
	Уровень рефлексии из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Высокий уровень рефлексии	Более 15 самоописаний по тесту
Телесный	Шкала Висбаденского опросника «сексуальность»	Положительное отношение к физическим контактам, способность к нежности	10–12 баллов
	Шкала Висбаденского опросника «тело – ощущения»	Активный образ жизни, занятия спортом, умение расслаблять тело	3–5 баллов
	Самоописания физического Я из опросника «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда	Наличие положительных самоописаний физического Я	Более 3-х самоописаний
Эмоциональный	Опросник Спилбергера-Ханина	Средний или низкий уровень реактивной тревожности и низкий уровень личностной тревожности	До 30 баллов
	Шкала Висбаденского опросника «любовь»	В межличностных отношениях высокий уровень принятия другого вне зависимости от личностных качеств партнера, эмоциональность	10–12 баллов
	Фактор «спокойствие – тревожность» теста Р. Кеттелла	Уверенность в себе, спокойствие, отсутствие склонности к переживанию вины, хладнокровие	1–4 стена

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

Компонент в модели	Методика, шкалы измерения	Содержание компонента	Количество баллов, необходимых для диагностики
Экзистенциальный	Шкалы Висбаденского опросника «контакты – свобода», «Пра-Мы», «вера»	Высокая способность устанавливать свободные отношения с партнером без нарушения личных границ; обращение к вере и проблемам поиска смысла жизни; высокий интерес родителей к вопросам смысла жизни	10–12 баллов
	Уровень одиночества по тесту Д. Рассела и М. Фергюсона	Низкий уровень субъективного ощущения одиночества	До 20 баллов

На наш взгляд, возраст является одним из важнейших факторов, влияющих на особенности женской сексуальности. Это связано как с задачами возрастного развития, так и с опытом сексуальных и любовных отношений, который прежде всего определяет зрелость женской сексуальности.

Для выявления взаимосвязи возраста и сексуальности проведено сравнение уровня сформированности структурных компонентов сексуальности в двух возрастных группах – у студенток 1 курса (17–18 лет) и 5 курса (21–22 года).

Анализ проводился с помощью U-критерия Манна-Уитни и φ-критерия Фишера, позволяющих выявить значимые различия в уровне выраженности того или иного признака в двух независимых группах испытуемых.

Выявлено, что испытуемые 17–18 лет характеризовались менее сформированными убеждениями относительно доброжелательности и контролируемости окружающего мира. При этом в группе выявлена более выраженная неуверенность в себе, склонность к чувству вины, депрессивность, чаще отмечалось субъективное ощущение одиночества.

Также в группе студенток 1 курса выявлены более терпимые, позитивные отношения между родителями испытуемых и их открытое, внимательное отношение к окружающему миру. В этой группе чаще регистрировали нейтральные описания Я как представителя пола, при этом у испытуемых данной группы чаще диагностировали диффузную идентичность, по сравнению с испытуемыми старшего возраста.

Девушки в возрасте 21–22 лет отличались более выраженной сексуальностью, принятием физических контактов, а также меньшей предрасположенностью к психосоматическим нарушениям и ипохондрии. Для лиц данного возраста более характерны эмоционально положительные самоописания как представителя своего пола, чаще проявлялась достигнутая позитивная и псевдопозитивная идентичность. Студентки этой группы чаще осознавали свои маскулинные качества. У них значимо выше уровень рефлексии.

Анализ уровня развития каждого компонента в структурно-функциональной модели женской сексуальности у испытуемых разных возрастных групп показывает, что все компоненты находятся на более высоком уровне развития в группе студенток 21–22 лет. Содержание структурно-функциональной модели женской сексуальности, характерной для двух возрастных групп, представлено в таблице 4.

По мнению отечественных и западных исследователей, важнейшим фактором, определяющим психологические особенности женской сексуальности, являются личностные особенности [10; 11; 24; 31; 32]. Для экспериментального обоснования этого положения был проведен корреляционный анализ Пирсона с использованием шкал теста Р. Кеттелла и содержательных характеристик каждого компонента сексуальности.

Анализ корреляционных взаимосвязей позволил выявить следующие тенденции.

1. Компонент семейных отношений в большей степени прямо пропорционально взаимосвязан с такой личностной особенностью, как консерватизм, и обратно пропорционально зависит от подозрительности и низкого уровня конформизма личности.

2. Необходимо отметить, что независимость и нонконформизм развиваются у испытуемых на фоне негативного восприятия отношений с матерью. Осторожность, эгоцентричность связаны с замкнутостью родительской семьи, что, в свою очередь, рассматривается как важнейший фактор, влияющий на построение взаимоотношений в семье.

Компонент семейных отношений также связан с выраженностью интеллектуальных интересов, склонностью к экспериментированию, аналитичностью мышления, что определяет четкие гендерные обозначения, лежащие в основе сформированной половой идентификации.

В целом можно отметить, что компонент семейных отношений в общей модели сексуальности в меньшей степени взаимообусловлен личностными качествами, чем другие компоненты сексуальности.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

Таблица 4. Уровень сформированности структурных компонентов женской сексуальности в группах испытуемых 17–18 и 21–22 лет

Table 4. The level of formation of structural components of female sexuality in two groups aged 17–18 and 21–22

Компонент в модели	Методика, шкалы измерения	Среднее значение по группе 17–18 лет	Уровень развития компонента	Среднее значение по группе 21–22 лет	Уровень развития компонента
Семейные отношения	Шкала Висбаденского опросника «Я – мать»	9,5 баллов	Средний	9,6 баллов	Средний
	Шкала Висбаденского опросника «Я – отец»	8,2 баллов	Средний	8,2 баллов	Средний
	Шкала Висбаденского опросника «Ты»	9,2 баллов	Средний	8,2 баллов	Средний
	Шкала Висбаденского опросника «Мы»	9,5 баллов	Средний	8,6 баллов	Средний
	Прямое обозначение пола	Нейтральное	Средний	Нейтральное, эмоционально положительное	Высокий
	Косвенное обозначение пола	Широкое полоролевое поведение	Высокий	Широкое полоролевое поведение	Высокий
Когнитивный	Шкала базовых убеждений «доброжелательность окружающего мира»	5 стенов	Средний	8 стенов	Высокий
	Шкала базовых убеждений «удача»	8 стенов	Высокий	8 стенов	Высокий
	Шкала базовых убеждений «убеждение о контроле»	6 стенов	Средний	8 стенов	Высокий
	Статус гендерной идентичности	Диффузная	Низкий	Диффузная	Низкий
	Полоролевое поведение (С. Бем)	Андрогиния	Средний / Высокий	Андрогиния	Средний / Высокий
Телесный	Шкала Висбаденского опросника «сексуальность»	8,2 баллов	Средний	10,1 баллов	Высокий
	Шкала Висбаденского опросника «тело – ощущения»	7,5 баллов	Средний	6,2 баллов	Средний
	Самоописания физического Я	Отсутствуют	Низкий	Положительное самоописание	Средний
Эмоциональный	Опросник Спилбергера-Ханина: реактивная тревожность	23,3 баллов	Высокий	23,3 баллов	Высокий
	Опросник Спилбергера-Ханина: личностная тревожность	45 баллов	Средний	45,3 баллов	Средний
	Шкала Висбаденского опросника «любовь»	10,7 баллов	Высокий	10,5 баллов	Высокий
	Фактор «спокойствие – тревожность» теста Кеттелла	9 баллов	Низкий	6,1 баллов	Средний
Экзистенциальный	Шкала Висбаденского опросника «контакты – свобода»	9,6 баллов	Средний	9,1 баллов	Средний
	Шкала Висбаденского опросника «вера»	8,3 баллов	Средний	7,6 баллов	Средний
	Шкала Висбаденского опросника «Пра-Мы»	5,5 баллов	Низкий	5,5 баллов	Низкий
	Уровень одиночества по тесту Д. Рассела и М. Фергюсона	24,7 баллов	Средний	19,3 баллов	Высокий

3. Когнитивный компонент в большей степени взаимосвязан с качествами личности. Прямо пропорциональные связи обнаружены между такими личностными особенностями, как эмоциональная зрелость личности, самостоятельность, ориентация на социальные контакты, готовность к сотрудничеству, склонность к эмпатии, сочувствие и установки на контролируемость окружающего мира и событий жизни, а также собственная удачливость. Обратную взаимозависимость эти установки имеют с выраженной тревожностью, депрессивностью, склонностью к чувству вины и неуверенностью в себе. Окружающий мир воспринимается как недоброжелательный и опасный при выраженности

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

у испытуемых таких личностных черт, как ориентация на собственный внутренний мир, беспомощность в практических делах, творческая ориентация; наличие эстетических вкусов; высокая фрустрированность, напряженность. Высокая социальная смелость, активность, склонность к риску связаны с принятием в себе как мужской, так и женской составляющих, что может рассматриваться как андрогинность личности.

Высокая маскулинность и самоописания в терминах мужского пола более свойственны для испытуемых, проявляющих подозрительность, замкнутость, раздражительность, направленность на себя. Более высокая маскулинность связана с эмоциональной стабильностью, спокойствием, уверенностью; независимостью, властностью, конфликтностью, авторитарностью; склонностью к риску, социальной активностью. Обратно пропорциональные взаимосвязи выявлены между маскулинностью личности и такими качествами, как высокая тревожность, депрессивность, впечатлительность, творческий потенциал. Эти качества определяют феминность девушек, их принятие своей женской сущности. При этом властность и конфликтность являются антиподом феминности, что отражают обратно пропорциональные связи.

Таким образом, убеждения относительно окружающего мира и своего места в нем как часть когнитивного компонента в большей степени взаимосвязаны с эмоциональной устойчивостью, доминантностью, экспрессивностью и социальной смелостью, которые во многом определяют маскулинную ориентацию личности. Данная тенденция косвенно свидетельствует о том, что именно маскулинности сопутствует та система жизненных установок, которая позволяет в современном социуме добиваться признания и успеха в различных жизненных сферах. Феминная ориентация в то же время противоречит социальным установкам успешности.

4. Телесный компонент также связан с некоторыми личностными особенностями. Так, ориентация на принятие своего либидо, желание и умение принимать физические контакты связаны с социальной смелостью, активностью, независимостью личности. Эмоциональная зрелость, постоянство интересов, выдержанность препятствуют развитию психосоматических нарушений и ипохондрии. «Благоприятным» качеством, определяющим «бегство в тело», является высокая тревожность.

В отношении телесного компонента можно отметить, что социальная смелость, активность и готовность к риску не только взаимосвязаны с принятием своей сексуальности, но и являются качествами, свойственными андрогинной личности.

5. Эмоциональный компонент в модели сексуальности включает в себя уровень реактивной и личностной тревожности и способность к проявлению любви в межличностных контактах. Низкий уровень тревожности как черты личности связан с социальной смелостью и эмоциональной устойчивостью индивида. В свою очередь, высокая тревожность связана с ориентированностью на собственный внутренний мир, низкой уверенностью в себе, впечатлительностью личности, расчетливостью.

Способность к любви сочетается с эмоциональной устойчивостью и эмоциональной зрелостью личности, а также чувствительностью, способностью к эмпатии, сопереживанию, пониманию других людей, что традиционно связывается с женственностью и романтизмом. Обратно пропорциональная взаимосвязь обнаружена между способностью к любви и тревожностью, депрессивностью, склонностью к переживанию чувства вины, расчетливостью, дипломатичностью, фрустрированностью, напряженностью.

6. Экзистенциальный компонент включает в себя поиск смысла посредством установления гармоничных любовных и сексуальных отношений. Свобода в межличностных контактах связана с такими качествами, как общительность, доброжелательность, экспрессивность и динамичность отношений, а также с социальной смелостью личности. Низкий уровень субъективно воспринимаемого одиночества связан с экспрессивностью контактов, социальной смелостью, эмоциональной устойчивостью и зрелостью личности.

В целом проведенный анализ показал, что значимое влияние на развитие зрелой женской сексуальности, включающей в себя сформированные убеждения о доброжелательности и контролируемости окружающего мира, принятие сексуальности при отсутствии психосоматических нарушений, низкую тревожность, отсутствие склонности к переживанию чувства вины, способность к проявлению любви в партнерских отношениях, ориентацию на сохранение свободы в межличностных отношениях при субъективно переживаемом ощущении соБытия с другим человеком (отсутствие чувства одиночества), оказывают следующие личностные качества: эмоциональная устойчивость, экспрессивность и искренность, социальная смелость, активность и готовность к риску.

Выявленное в результате анализа полученных данных противоречие заключается в том, что указанные качества в большей степени описывают маскулинность личности, паттерны поведения по мужскому типу, обусловливающие агрессивную, «завоевательную» сексуальность. Феминность же связывается с высокой тревожностью, депрессивностью, впечатлительностью, ранимостью – теми составляющими, которые определяют низкий уровень развития сексуальности.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

Заключение

Описанная структурно-функциональная модель женской сексуальности в большей степени имеет маскулинную ориентацию, усвоенную и принятую девушками в социальных условиях мужского доминирования.

На основе проведенного исследования сформулированы следующие проблемы, на решение которых должна быть направлена работа по развитию женской сексуальности.

1. Уровень развития сексуальности в обследованной выборке является средним. В связи с этим особенно нуждаются в коррекции такие характеристики личности, как статус гендерной идентичности, осознание и принятие своего женского и физического Я, уровень тревожности.

2. Опрошенные девушки ассоциируют с психологическими составляющими сексуальности те качества, которые традиционно относятся к маскулинной ориентации – эмоциональную устойчивость, доминантность, социальную смелость, готовность к риску. Феминность как таковая слабо вписана в выявленную модель женской сексуальности. Вместе с тем маскулинная направленность проявляется у небольшого процента испытуемых. Таким образом, необходимо корригировать личностные установки, в которых в качестве основы сексуальности как активной формы взаимодействия с противоположным полом рассматриваются традиционно мужские качества и паттерны поведения. Значимым направлением психологического воздействия является осознание традиционно женских сексуальных ролей, связанных с принятием, любовью и пассивной позицией в отношениях с мужчиной. Такая позиция не должна восприниматься женщиной как признак общей социальной неуспешности.

3. Взаимосвязь андрогинии и диффузной гендерной идентичности определяет необходимость целенаправленной работы по формированию женского начала в структуре Я испытуемых с целью достижения позитивной идентичности, заключающейся в осмысленном принятии своего пола и свойственных ему ценностей и установок.

Литература

1. Зберовский А. В. Гендерная ориентированность общего среднего образования в опросах российской молодежи: вопросы дискуссии // Инновационные проекты и программы в образовании. 2015. № 5. С. 63–72.
2. Скрябина Я. А. Особенности репродуктивного поведения населения современной России // Инновации и инвестиции. 2011. № 1. С. 86–90.
3. Вадутова Ф. А., Берестнева О. Г., Жаркова О. С., Шелехов И. Л. Факторы возникновения внутриличностного конфликта у студенток старших курсов // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. С. 264–269.
4. Bem S. L. Gender schema theory: a cognitive account of sex typing // Psychological Review. 1981. № 88. P. 354–364.
5. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Homo Postmodernicus. Психологические и психические нарушения постмодернистского мира. Новосибирск: НГПУ, 2009. 230 с.
6. Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2006. 928 с.
7. Ребеко Т. А. Гендерная идентичность и репрезентация тела у женщин // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 15–31.
8. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Гендерная флюидность // Личность и общество: проблемы современной психологии: материалы междунар. заочн. научн.-практ. конф. Новосибирск: ЭНСКЕ, 2010. Ч. 1. С. 125–131.
9. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. 448 с.
10. Travis C. B., Moore P. L. Women and health psychology: mental health issues. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988. 587 p.
11. Психология и психоанализ сексуальности / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2002. 688 с.
12. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
13. Зинченко Ю. П. Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 5. С. 53–61.
14. Айзман Н. И. Особенности становления сексуальности у студенток вуза и ее гармонизация в условиях психологического воздействия: дис. … канд. психол. наук. Томск, 2012. 297 с.
15. Мартель Б. Сексуальность, любовь и Гештальт. СПб.: Речь, 2006. 192 с.
16. Зинченко Ю. П. Знаково-символическое опосредствование сексуальной функции в норме и патологии: дис. … д-ра психол. наук. М., 2003. 550 с.
17. Гингер С., Гингер А. Гештальт-терапия контакта. 2-е изд. СПб.: СпецЛит, 2001. 288 с.
18. Перлз Ф., Гудмен П. Теория Гештальт-терапии. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004. 384 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

20. Фрейд З. Влечения и их судьба. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 432 с.
21. Райх В. Сексуальная революция. СПб., М.: Университетская книга; АСТ, 1997. 352 с.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 284 с.
23. Бонапарт М. Женская сексуальность. СПб.: Культурная инициатива: Русский Миръ, 2010. 384 с.
24. Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989. 336 с.
25. Капустина А. Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб.: Речь, 2001. 112 с.
26. Шапарь В. Б., Тимченко А. В., Швыдченко В. Н. Практическая психология. Инструментарий. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 686 с.
27. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. №. 2. P. 155–162.
28. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.
29. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 176 с.
30. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106.
31. Eysenck H. J. Sex and personality. Austin: University of Texas Press, 1976. 255 p.
32. Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. 222 с.

Structure, Functions, and Level of Sexual Maturity in Female Undergraduates

Nina I. Aizman [a, @, ID]

[a] Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuiskaya St., Novosibirsk, Russia, 630126
[@] nina.aizman@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-4613-7753

Received 20.01.2019. Accepted 13.02.2019.

Abstarct: The paper provides a brief analysis of the literature on the structure and functions of sexuality and the problems of its formation in undergraduate girls. The research featured 196 first and fifth year female students, age 17–22, that majored in pedagogical studies. The study involved a set of standardized test methods, e. g. R. Kettell's multifactorial personality method, Wiesbaden questionnaire, S. Bem's Study of Personality Masculinity and Femininity, Ch. D. Spilberger and Yu. L. Khanin's Evaluation of Reactive and Personal Anxiety, D. Russell and M. Ferguson's Diagnostics of the Level of Subjective Feeling of Loneliness, methods of gender identity studies, M. Kuhn and T. McPartlend's "Who am I?" test as modified by T. V. Rumyantseva, and the Scale of Basic Beliefs by R. Yanoff-Bulman. The statistical analysis of the results allowed the authors to build a structural and functional model of female sexuality, as well as to describe its components, functions, and informative characteristics. The factor analysis revealed that female sexuality includes five main components: family relations, cognitive, bodily, emotional and existential. Each of the components contributes to the overall structure and has a specific content and function. The authors developed criteria for diagnosing the levels of formation of female sexuality as low, medium and high. With age, the level of sexuality in all selected components increased, which might be associated with the presence of more experience in establishing intimate relationships and family orientation. Most respondents demonstrated diffuse gender identity accompanied by high androgyny as a variant of sex-role behavior. The study also revealed the effect of personal characteristics on the psychological content of the various components of sexuality. The obtained data determined the need for focused effort on the formation of femininity.

Keywords: female sexuality, structural and functional model, gender identity, personal characteristics, components of sexuality, formation of sexuality

For citation: Aizman N. I. Structure, Functions, and Level of Sexual Maturity in Female Undergraduates. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 44–55. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-44-55

References

1. Zberovskii A. V. Gender orientation of general secondary education in polls of Russian youth: discussion questions. *Innovatsionnie proekty i programmy v obrazovanii*, 2015, (5): 63–72. (In Russ.)
2. Skriabina Ia. A. Features of reproductive behavior of the population of modern Russia. *Innovatsii i investitsii*, 2011, (1): 86–90. (In Russ.)
3. Vadutova F. A., Berestneva O. G., Zharkova O. S., Shelekhov I. L. Socially-psychological factors of the intrapersonal conflict at students of older years. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2011, (6): 264–269. (In Russ.)
4. Bem S. L. Gender schema theory: a cognitive account of sex typing. Psychological Review, 1981, (88): 354–364.
5. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Homo Postmodernicus. Psychological and mental disorders of the postmodern world.* Novosibirsk: NGPU, 2009, 230. (In Russ.)
6. Malkina-Pykh I. G. *Gender Therapy. Handbook of practical psychologist*. Moscow: Eksmo, 2006, 928. (In Russ.)
7. Rebeko T. A. Gender identity and body representation in women. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2010, 31(1): 15–31. (In Russ.)
8. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. Gender fluid. *Personality and society: problems of modern psychology*: Proc. Intern. Correspondence Sci.-Prac. Conf. Novosibirsk: ENSKE, 2010, part 1, 125–131. (In Russ.)
9. Freud S. *Psychology of the unconscious*. Moscow: Prosveshchenie, 1989, 448. (In Russ.)
10. Travis C. B., Moore P. L. *Women and health psychology: mental health issues*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988, 587.
11. *Psychology and psychoanalysis of sexuality*, ed. and comp. Raigorodsky D. Ia. Samara: Bakhrakh-M, 2002, 688. (In Russ.)
12. Giddens E. *Transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies*. Saint-Petersburg: Piter, 2004, 208. (In Russ.)
13. Zinchenko Iu. P. Philosophical and psychological aspects of the study of reproductive function. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 7: Filosofiia*, 2003, (5): 53–61. (In Russ.)
14. Aizman N. I. *Features of the formation of sexuality in high school students and its harmonization in terms of psychological impact*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Tomsk, 2012, 297. (In Russ.)
15. Martel' B. *Sexuality, love and Gestalt*. Saint-Petersburg: Rech', 2006, 192. (In Russ.)
16. Zinchenko Iu. P. *Sign-symbolic mediation of sexual function in health and disease*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2003, 550. (In Russ.)
17. Ginger S., Ginger A. *Gestalt-contact therapy*. 2nd ed. Saint-Petersburg: SpetsLit, 2001, 288. (In Russ.)
18. Perlz F., Gudmen P. *Theory of Gestalt Therapy*. Moscow: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovanii, 2004, 384. (In Russ.)
19. Erikson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress, 1996, 344. (In Russ.)
20. Freud S. *Attractions and their fate.* Moscow: EKSMO-Press, 1999, 432. (In Russ.)
21. Reich W. *Sexual revolution*. Saint-Petersburg, Moscow: Universitetskaia kniga; AST, 1997, 352. (In Russ.)
22. Fromm E. *Escape from Freedom*. Moscow: AST: AST Moskva, 2009, 284. (In Russ.)
23. Bonapart M. *Women's Sexuality*. Saint-Petersburg: Kul'turnaia initsiativa: Russkii Mir, 2010, 384. (In Russ.)
24. Kon I. S. *Introduction to sexology*. Moscow: Meditsina, 1989, 336. (In Russ.)
25. Kapustina A. N. *Multifactorial personal technique R. Kettell*. Saint-Petersburg: Rech', 2001, 112. (In Russ.)
26. Shapar' V. B., Timchenko A. V., Shvydchenko V. N. *Practical psychology. Tools*. Rostov-on-Don: Feniks, 2002, 686. (In Russ.)
27. Bem S. L. The measurement of psychological androgyny. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974, 42(2): 155–162.
28. Shneider L. B. *Professional identity: structure, genesis and conditions of formation*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2001, 42. (In Russ.)
29. Rumiantseva T. V. *Psychological counseling: diagnosis of relationships in a pair*. Saint-Petersburg: Rech', 2006, 176. (In Russ.)
30. Padun M. A., Kotel'nikova A. V. Modification of the methodology for the study of basic beliefs of the personality R. Janoff-Bulman. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2008, 29(4): 98–106. (In Russ.)
31. Eysenck H. J. *Sex and personality.* Austin: University of Texas Press, 1976, 255.
32. Horney K. *Feminine psychology*. Saint-Petersburg: Vostochno-Evropeiskii institut psikhoanaliza, 1993, 222. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.9.07

Анализ нейрокогнитивного развития детей со средней и легкой степенью недоношенности в раннем возрасте с помощью шкал Бейли (третья редакция)

Надежда И. Бакушкина [a, ID1]; Татьяна В. Рогачева [b, @, ID2]

[a] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
[b] Областной центр реабилитации инвалидов, 620089, Россия, г. Екатеринбург, ул. Белинского, 173 А
[@] TVRog@yandex.ru
[ID1] http://www.researcherid.com/rid/D-6985-2019
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-1259-7567

Поступила в редакцию 30.01.2019. Принята к печати 20.02.2019.

Аннотация: В статье приведены данные эмпирического исследования развития нейрокогнитивных функций у детей со средней и легкой степенью недоношенности в возрасте 3, 5, 10, 14 и 25 месяцев. На сегодняшний день данная популяция детей составляет 75–80 % от общего числа недоношенных, но при этом данной группе не уделяется достаточное внимание со стороны специалистов разных профилей, что ограничивает количество информации относительно их нейрокогнитивного развития, хотя раннее рождение на любом сроке гестации дает право относить ребенка к группе риска развития тех или иных отклонений. Неоспоримым является тот факт, что раннее рождение оказывает определенное воздействие на развитие мозга младенца, влияя на важные процессы дифференциации нейронов, миелинизации, синаптогенеза и др. Для исследования нейрокогнитивных функций была использована поведенческая методика шкал Бейли третьей редакции (Bayley-III), благодаря которой можно оценить когнитивное развитие, развитие рецептивной и экспрессивной коммуникации, а также мелкой и крупной моторики. Показано, что недоношенность легкой и средней степени оказывает избирательное влияние на развитие нейрокогнитивных функций, а степень влияния зависит от этапа онтогенеза и сферы развития.

Ключевые слова: нейрокогнитивные функции, раннее развитие, гестация, недоношенность, когнитивное развитие, речевое развитие, моторное развитие

Для цитирования: Бакушкина Н. И., Рогачева Т. В. Анализ нейрокогнитивного развития детей со средней и легкой степенью недоношенности в раннем возрасте с помощью шкал Бейли (третья редакция) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 56–65. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

Введение

Согласно определению Большого медицинского словаря «недоношенность (*praematuritas*) – это уровень развития плода, рожденного до окончания нормального периода внутриутробного развития, характеризующийся несовершенством терморегуляции, склонностью к асфиксии, недостаточной сопротивляемостью к воздействию факторов окружающей среды»[1]. Причиной наступления преждевременных родов может быть достаточно большое количество факторов, которые негативно сказываются на течении беременности. На сегодняшний день большинство исследователей рассматривают преждевременные роды как симптомокомплекс, который реализуется за счет многих факторов: различные инфекции, воспалительные процессы, иммунные и гормональные нарушения, стресс, преждевременные роды в анамнезе, возраст матери младше 18 и старше 35 лет, курение, неправильное питание, наличие хронических заболеваний и т. д. [1]. При наличии большого количества факторов в анамнезе беременности часто трудно определить, какой именно сыграл роль спускового крючка при наступлении преждевременных родов. Поэтому принято считать, что, как правило, здесь оказывает влияние множественное взаимодействие различных факторов риска [2; 3]. При этом феномен преждевременных родов является недостаточно изученным явлением, т. к. примерно в половине случаев вообще нет каких-либо определенных причин их наступления [4].

[1] Большой медицинский словарь. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/29796/недоношенность (дата обращения: 04.01.2019).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) считает недоношенными младенцев, родившихся на сроке 22–36 недель (менее 259 дней) внутриутробного развития, вес которых при рождении составляет от 500 до 2500 г[2]. Принято выделять несколько степеней недоношенности, рождения в срок, а также такой феномен, как переношенность (рис.).

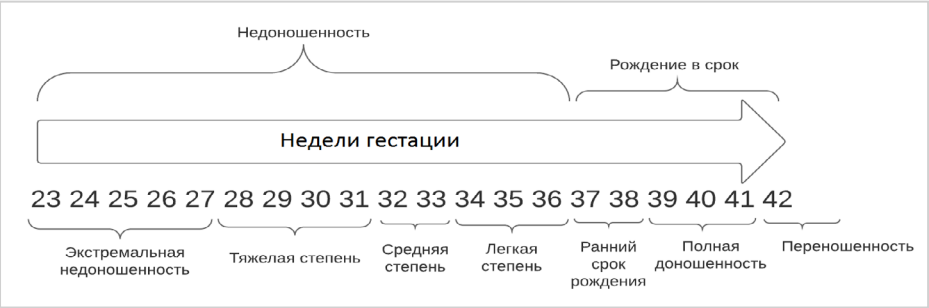


Рис. Уровень доношеннсти / недоношенности и гестационный возраст
Fig. Maturity / prematurity and gestational age

В основном большинство исследований направлено на изучение здоровья и разных сфер развития детей с тяжелой и глубокой степенью недоношенности, т.е. тех, кто родился раньше 32 недель гестации. Этот интерес объясняется тем, что данная группа детей может иметь наиболее тяжелые неонатальные заболевания, а также менее благоприятные исходы развития в будущем [5–7].

Следовательно, такие дети находятся под пристальным наблюдением неонатологов, педиатров, психологов и специалистов других областей с самого рождения. Некоторое время назад детям, рожденным близко к сроку, практически не уделяли должного внимания, предполагая, что результаты их развития аналогичны результатам детей, рожденных в срок. Однако исследования последних десяти лет, а также ретроспективные анализы крупных выборок все чаще посвящены именно детям с легкой и средней степенью недоношенности. В данных исследованиях показывается, что такие дети имеют более высокий уровень как соматической заболеваемости, так и формирования каких-либо отклонений в развитии[8–12]. Так, например, у 5 % детей со средней и легкой степенью недоношенности в будущем диагностируются нарушения в развитии нервной системы [13], что дает основания относить их к группе риска [14; 15]. Таким образом, на сегодняшний день имеются определенные данные о развитии детей, рожденных близко к сроку, хотя часто они носят противоречивый характер. Опубликованных данных относительно немного, но те, которые есть, свидетельствуют о том, что у некоторых изучаемых детей проблемы со здоровьем или нарушения в развитии могут наблюдаться в более позднем младенчестве, детстве и даже во взрослом возрасте.

В соответствии с рекомендациями ВОЗ, дети со средней степенью недоношенности (32–33 недели гестации) и рожденные близко к сроку (34–36 недель гестации) могут быть отнесены к одной группе. За последние годы данная популяция новорожденных сильно увеличилась, и на сегодняшний день на нее по разным оценкам приходится от 75 до 80 % от общего числа преждевременных родов [16]. Выделяют различные причины такого роста. Некоторые авторы видят причину в расширении использования репродуктивных технологий и, как следствие, увеличении многоплодной беременности. По статистике 50 % детей из двойни и 90 % из тройни рождаются до 37 недель [17]. Другие авторы связывают данный факт с успехами в акушерской практике, что обеспечивает необходимые медицинские вмешательства во время беременности и впоследствии приводит к раннему выявлению плодов, имеющих риск мертворождения (раннее рождение по медицинским показателям на 34–36 неделях гестации).

Нельзя не согласиться с тем фактом, что раннее рождение оказывает определенное воздействие на развитие мозга и центральной нервной системы младенца. Нейропластичность – это способность мозга увеличивать количество и прочность синаптических связей, что приобретает особую важность в период раннего развития [18]. Во время внутриутробного развития глобальные и быстрые изменения в головном мозге начинаются с 20 недели гестации, что включает процесс образования и дифференцировки нейронов, синаптогенез, глиальную пролиферацию и дифференцировку [19]. Ускорение синаптогенеза происходит в третьем триместре, при этом его динамика сильно различается в отдельных точках измерения в разных областях

[2] World Health Organization. WHO: Recommended definitions, terminology and format for statistical tables related to the perinatal period and use of a new certificate for cause of perinatal deaths // Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica. 1977. Vol. 56. Iss. 3. P. 247–253.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

коры в младенческом возрасте [20]. Пик синаптогенеза приходится на 34–38 неделю беременности, а также на ранний возраст младенца [21]. Другой важный процесс – миелинизация – начинается около 28 недель пренатального развития и достигает пика после рождения в разные периоды для разных областей коры, но преимущественно в течение первого года жизни [22; 23].

На сегодняшний день признано, что преждевременные роды являются одним из основных факторов нарушения процесса миелинизации путей ЦНС, что приводит к неблагоприятным последствиям в развитии нервной системы у недоношенных детей. Критические периоды в развитии ЦНС плода приходятся на 24–40 неделю гестации [24]. Если роды по тем или иным причинам произошли раньше срока, то новорожденного помещают в отделение интенсивной терапии, что особенно важно, т. к. ЦНС является крайне уязвимой в данный период в связи с тем, что происходит ее активное развитие. Так, крупное когортное американское исследование показало, что сразу после рождения в интенсивной терапии нуждаются 88 % детей, рожденных в 34 недели гестационного возраста, 54 % – рожденных в 35 недель, 25 % – в 36 недель, 12 % – в 37 недель [25]. В противном случае в долгосрочной перспективе неоказание должного ухода может привести к значительным негативным последствиям для развития нервной системы и в целом всех показателей здоровья ребенка.

Связанные с недоношенностью осложнения ЦНС включают синдром дефицита внимания и гиперактивности, проблемы сенсорной интеграции, церебральный паралич, трудности в обучении, риск развития расстройства аутистического спектра [26], а также другие нарушения когнитивного, речевого и моторного развития различной степени [27; 28].

Методы и материалы

Характеристика выборки

Исследование проводилось с февраля 2016 г. по декабрь 2018 г. на базе лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития при департаменте психологии в Уральском Федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Было сформировано 2 группы испытуемых, в которые вошли дети, рожденные в Городском перинатальном центре муниципального бюджетного учреждения «Детская городская больница № 10» г. Екатеринбурга, согласно критериям включения и исключения:

1) экспериментальная группа, в которую вошли недоношенные дети;

2) контрольная группа, включающая в себя детей, родившихся в срок.

Критерии включения: недоношенность 32–36 недель, масса тела не менее 1,0 кг, обоих полов; отсутствие пороков развития головного мозга, сердца и других внутренних органов; отсутствие кровоизлияний или гипоксических очагов любой локализации и степени по результатам нейросонографии; отсутствие перинатальной гипербилирубинемии, отсутствие подтвержденного внутриутробного инфицирования.

Критерии исключения: недоношенность менее 32 недель, экстремально низкая масса тела – менее 1,0 кг, клинически подтвержденные пороки развития головного мозга, сердца и других внутренних органов, кровоизлияния и ишемические очаги любой локализации и степени в головном мозге по результатам нейросонографии; указание на перинатальную гипербилирубинемию в медицинских документах, подтвержденный факт внутриутробного инфицирования.

В контрольную группу вошли доношенные младенцы, родившиеся в срок (37–41 неделя), с типичным развитием и отсутствием наблюдения у детского невролога по поводу заболевания ЦНС в анамнезе. В рамках исследования был использован метод возрастных срезов. Демографические характеристики экспериментальной и контрольной групп представлены в таблицах 1 и 2.

Методика исследования

В рамках проведенного исследования была использована поведенческая методика оценки нейрокогнитивного развития *Bayley Scales of Infant and Toddler Development, Third edition* (Bayley-III), 2005 [29; 30]. Данная методика была разработана Н. Бейли совместно с её коллегами для диагностики детей в возрасте от 1 до 42 месяцев. С помощью данных международных шкал определяется уровень когнитивного, речевого (шкалы рецептивной и экспрессивной речи) и моторного развития (шкалы мелкой и крупной моторики). Таким образом, методика включает в себя 5 шкал. Для диагностики по шкалам используется специальная регистрационная форма. В Bayley-III предлагается ряд заданий (относящихся к разным шкалам) в зависимости от возраста ребенка. Группы заданий для определенного возраста были определены авторами методики с помощью тестирования стандартной выборки детей разного возраста. Каждая группа содержит задания, с которыми справляются 90 % детей, а также задания, доступные только 10 %. Существует общее правило для выполнения данной методики – правило верхних и нижних границ, которое направлено на то, чтобы не проводить легкие для ребенка задания и в то же время не травмировать его неадекватно сложными для его возраста тестами. Для выполнения этого правила задания в каждой из шкал сгруппированы по принципу учета возрастающей сложности. Начальная

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

Таблица 1. Демографические характеристики экспериментальной группы исследования
Table 1. Demographic characteristics of the experimental study group

Характеристика	Возраст исследования				
	3 месяца N=16	5 месяцев N=28	10 месяцев N=29	14 месяцев N=18	24 месяца N=15
Гестационный возраст, M (SD)	34,19 (1,38)	34,21 (1,40)	33,93 (1,36)	34,11 (1,13)	34,20 (1,21)
Средний хронологический возраст, M (SD)	4,17 (0,65)	5,95 (0,57)	11,29 (0,50)	15,00 (0,62)	25,57 (0,68)
Средний скорректированный возраст, M (SD)	3,51 (0,55)	5,30 (0,53)	10,58 (0,47)	14,32 (0,58)	24,92 (0,80)
Пол, мальчики, N (%)	6 (37,50)	13 (46,43)	14 (48,28)	8 (44,44)	9 (60,00)

Прим.: M – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение.

Таблица 2. Демографические характеристики контрольной группы исследования
Table 2. Demographic characteristics of the control study group

Характеристика	Возраст исследования				
	3 месяца N=18	5 месяцев N=36	10 месяцев N=40	14 месяцев N=26	24 месяца N=25
Гестационный возраст, M (SD)	39,22 (1,47)	38,31 (1,51)	39,14 (1,48)	39,25 (1,16)	39,00 (1,11)
Средний хронологический возраст, M (SD)	3,58 (0,36)	5,46 (0,52)	10,61 (0,57)	14,45 (0,68)	25,04 (0,72)
Пол, мальчики, N (%)	9 (50,00)	23 (63,89)	23 (57,50)	16 (61,54)	16 (64,00)

Прим.: M – среднее значение; *SD* – стандартное отклонение.

точка тестирования определяется исходя из актуального возраста ребенка (скорректированного с учетом гестации для недоношенных детей).

Процедуру проведения методики можно охарактеризовать как высокоформализованную, имеющую строгие требования к следованию указаниям и правилам авторов методики, а также к диагносту и условиям, в которых проходит обследование. На сегодняшний день шкалы Bayley-III являются «золотым стандартом» оценки становления нейрокогнитивного развития детей от 1 до 42 месяцев и широко используются по всему миру [31–34]. Шкалы Бейли применяют как изолированно, так и в комплексной диагностике для констатации нормативного и атипичного развития. Применение данной методики распространяется на широкую выборку детей, включая тех, у кого наблюдаются различные варианты атипичного развития, а также детей из групп риска [35; 36].

Наиболее активно Шкалы используются за рубежом – в США, Канаде, Австралии и странах Европы, но начинают набирать популярность при планировании исследовании в России. Стоит отметить, что второе издание Bayley Scales было очень популярно, но на данный момент практически не используется в связи с выходом новой версии Bayley-III.

Результаты и их обсуждение

Для выявления влияния фактора недоношенности на динамику развития нейрокогнитивных функций был использован однофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями, где в качестве фактора выступает группа (недоношенные и рожденные в срок дети), а зависимыми переменными являются «сырые» баллы по 5 шкалам Bayley-III (когнитивное развитие, рецептивная речь, экспрессивная речь, мелкая и крупная моторика). Статистическая обработка проводилась с помощью пакета программ Microsoft Excel и SPSS Statistics 22.

Результаты средних значений, а также однофакторного анализа с повторными измерениями для каждой из шкал представлены в таблице 3. При анализе возрастных срезов между группами доношенных детей и детей с легкой и средней степенью недоношенности достоверно значимые различия ($p \leq 0,05$) были получены в возрасте 3 месяцев по шкале когнитивного развития (6,14; 0,019) и рецептивной коммуникации (7,72; 0,009); в 5 месяцев – по шкалам когнитивного развития (12,79; 0,001), рецептивной коммуникации (12,78; 0,001), мелкой (12,17; 0,001) и крупной моторики (17,89; 0,000); в 10 месяцев – по шкале когнитивного развития (5,27; 0,024), мелкой (6,45; 0,013) и крупной моторики (7,68; 0,007); в 14 месяцев достоверно значимых различий не было получено ни по одной из шкал; в 25 месяцев – по шкале когнитивного развития (7,89; 0,007) и крупной моторики (4,78; 0,034).

Таким образом, по полученным данным возрастных срезов можно сделать вывод, что фактор недоношенности влияет на становление нейрокогнитивных функций, при этом в первую очередь наибольшее негативное влияние недоношенность оказывает на становление когнитивного

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

развития, а также крупной моторики, т.к. достоверно значимые различия по этим показателям проявляются между группами доношенных и недоношенных детей практически во всех возрастных периодах.

На формирование рецептивной коммуникации и мелкой моторики недоношенность влияет на более ранних этапах онтогенеза, затем это влияние нивелируется. Если говорить о диагностике рецептивной коммуникации в самом раннем возрасте (где как раз были получены достоверно значимые показатели – в 3 и 5 месяцев), то здесь анализируется превербальное поведение, что включает способность ребенка реагировать на звуки

Таблица 3. Результаты средних значений и однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями

Table 3. Results of means and repeated measurements analysis of variance (ANOVA)

Шкала	Среднее значение (SD)		F	p
	Экспериментальная группа	Контрольная группа		
3 месяца				
Когнитивное развитие	14,00 (3,01)	16,67 (3,16)	6,14	**0,019***
Рецептивная коммуникация	5,88 (0,89)	6,83 (1,10)	7,72	**0,009**
Экспрессивная коммуникация	5,63 (1,50)	6,06 (1,39)	0,75	0,392
Мелкая моторика	8,50 (1,67)	9,67 (1,88)	3,62	0,066
Крупная моторика	14,25 (1,44)	15,00 (2,66)	1,01	0,323
5 месяцев				
Когнитивное развитие	24,92 (3,53)	27,37 (2,67)	12,79	**0,001**
Рецептивная коммуникация	7,96 (0,96)	8,91 (1,23)	12,78	**0,001**
Экспрессивная коммуникация	8,00 (1,78)	7,46 (1,34)	2,48	0,119
Мелкая моторика	16,64 (3,31)	18,79 (2,29)	12,17	**0,001**
Крупная моторика	19,21 (3,39)	22,05 (2,64)	17,89	**0,000**
10 месяцев				
Когнитивное развитие	37,21 (3,60)	39,17 (3,90)	5,27	**0,024**
Рецептивная коммуникация	12,38 (1,61)	13,16 (2,15)	3,03	0,085
Экспрессивная коммуникация	12,07 (2,20)	12,85 (2,00)	2,85	0,095
Мелкая моторика	25,86 (2,05)	27,03 (2,05)	6,45	**0,013**
Крупная моторика	36,86 (4,25)	39,26 (3,64)	7,68	**0,007**
14 месяцев				
Когнитивное развитие	47,67 (2,87)	49,12 (4,35)	1,76	0,188
Рецептивная коммуникация	16,61 (1,87)	17,95 (2,96)	3,20	0,078
Экспрессивная коммуникация	16,28 (1,87)	16,81 (1,92)	1,05	0,309
Мелкая моторика	32,44 (1,85)	33,51 (2,49)	2,78	0,100
Крупная моторика	47,50 (3,37)	48,49 (3,75)	1,00	0,320
25 месяцев				
Когнитивное развитие	63,00 (8,08)	69,47 (6,78)	7,89	**0,007**
Рецептивная коммуникация	26,71 (6,57)	28,53 (4,36)	1,23	0,273
Экспрессивная коммуникация	23,36 (5,30)	25,65 (4,85)	2,07	0,157
Мелкая моторика	41,00 (4,24)	41,81 (3,13)	0,53	0,472
Крупная моторика	56,29 (2,92)	58,75 (3,74)	4,78	**0,034**

Прим.: SD – стандартное отклонение; *F* – значение фактора; *p* – достоверность полученных значений при расчете критерия Стьюдента; * полужирным шрифтом выделены достоверно значимые показатели.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

окружающей среды и распознавать их. Таким образом, можно предположить, что недоношенность оказывает негативное влияние на становление рецептивной коммуникации только на превербальной стадии. Диагностика мелкой моторики в возрасте 5–10 месяцев включает в себя анализ окуломоторного контроля, способности использования пальцев и рук при взаимодействии со средой (простые движения: захват крупных и мелких предметов, передача крупных предметов из руки в руку, складывание и вынимание объектов из емкости и др.). Таким образом, недоношенность оказывает негативное влияние на формирование простых движений рук и пальцев, а также способности использования глаз для слежения за объектами.

По шкале экспрессивной коммуникации не было получено достоверно значимых показателей ни в одном возрасте. Таким образом, можно предположить, что раннее рождение не оказывает значительного влияния на формирование экспрессивной коммуникации в отличие от влияния на другие функции.

В возрасте 14 месяцев ни по одной из шкал в результате проведения однофакторного дисперсионного анализа не было получено достоверно значимых показателей. Данный факт дает возможность предположить, что этот возрастной период является особенным в становлении всех функций, недоношенные дети выравнивают показатели по всем сферам развития.

Полученные данные дают право говорить, что недоношенность легкой и средней степени оказывает избирательное (неглобальное) влияние на развитие нейрокогнитивных функций, а степень влияния зависит от этапа онтогенеза и сферы развития. Как говорилось выше, недоношенность оказывает негативное влияние на важные процессы синаптогенеза и миелинизации, которые наиболее активно происходят в последние недели беременности и в первый год жизни ребенка, а также и на более поздних этапах онтогенеза (например, в префронтальной коре). Очевидно, что типичное или атипичное протекание данных процессов сказывается на становлении нейрокогнитивных функций ребенка.

Выводы

Было выявлено, что группа детей, рожденных с легкой и средней степенью недоношенности, не изучена в полной мере, поскольку часто такие дети демонстрируют показатели, близкие к норме, и не имеют каких-либо серьезных отклонений в развитии. Таким образом, существует необходимость в выявлении траектории нейрокогнитивного развития детей со средней и легкой степенью недоношенности. В связи с этим было проведено эмпирическое исследование, обработка результатов и их обсуждение, которые были посвящены анализу влияния фактора недоношенности на формирование нейрокогнитивных функций у детей раннего возраста. В результате проведенного исследования были получены результаты, которые говорят о том, что недоношенность средней и легкой степени:

1) оказывает значительное влияние на становление когнитивного развития и крупной моторики, что прослеживается практически на протяжении всех исследованных возрастов;

2) оказывает наиболее негативное влияние на развитие ребенка на более ранних этапах онтогенеза, а на более поздних этапах происходит постепенное нивелирование влияния данного фактора;

3) влияет на становление рецептивной речи на превербальной стадии;

4) негативно влияет на функции мелкой моторики на ранних этапах онтогенеза;

5) не оказывает значительного влияния на формирование экспрессивной коммуникации.

Литература

1. Muglia L. J., Katz M. The enigma of spontaneous preterm birth // The New England Journal of Medicine. 2010. Vol. 362. № 6. P. 529–535. DOI: https://doi.org/10.1056/NEJMra0904308
2. Кузьминых Т. У., Арутюнян А. В., Прокопенко В. М. Новые подходы к лечению женщин с угрозой преждевременного прерывания беременности // Вестник Российской ассоциации акушеров-гинекологов. 1997. № 3. С. 49–51.
3. Stephens B. E., Vohr B. R. Neurodevelopmental outcome of the premature infant // Pediatric Clinics of North America. 2009. Vol. 56. Iss. 3. P. 631–646. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pcl.2009.03.005
4. McGrath M. M., Sullivan M. C., Lester B. M., Oh W. Longitudinal neurologic follow-up in neonatal intensive care unit survivors with various neonatal morbidities // Pediatrics. 2000. Vol. 106. Iss. 6. P. 1397–1405. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.106.6.1397
5. Волгина С. Я., Менделевич В. Д. Нервно-психическое развитие недоношенных детей в отдаленные периоды жизни // Неврологический вестник. 2001. Т. XXXIII. № 3-4. С. 84–88.
6. Johnson S., Marlow N. Early and long-term outcome of infants born extremely preterm // Archives of Disease in Childhood. 2016. Vol. 102. Iss. 1. P. 97–102. DOI: https://doi.org/10.1136/archdischild-2015-309581

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

7. Glass H., Costarino A., Stayer S., Brett C., Cladis F., Davis P. Outcomes for Extremely Premature Infants // Anesthesia & Analgesia. 2015. Vol. 120(6). P. 1337–1351. DOI: https://doi.org/10.1213/ane.0000000000000705
8. Khashu M., Narayanan M., Bhargava S., Osiovich H. Perinatal outcomes associated with preterm birth at 33 to 36 weeks' gestation: a population-based cohort study // Pediatrics. 2009. Vol. 123. Iss. 1. P. 109–113. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2007-3743
9. Kitsommart R., Janes M., Mahajan V., Rahman A., Seidlitz W., Wilson J., Paes B. Outcomes of Late-Preterm Infants: A Retrospective, Single-Center, Canadian Study // Clinical Pediatrics. 2009. Vol. 48. Iss. 8. P. 844–850. DOI: https://doi.org/10.1177/0009922809340432
10. Васильева М. Ю., Чернего Д. И., Мухамедрахимов Р. Ж. Психическое развитие недоношенных детей первого года жизни, воспитывающихся в семьях и домах ребенка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 4. С. 193–201.
11. Kugelman A., Colin A. A. Late Preterm Infants: Near Term But Still in a Critical Developmental Time Period // Pediatrics. 2013. Vol. 132. Iss. 4. P. 741–751. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2013-1131
12. Petrini J. R., Dias T., McCormick M. C., Massolo M. L., Green N. S., Escobar G. J. Increased Risk of Adverse Neurological Development for Late Preterm Infants // The Journal of Pediatrics. 2009. Vol. 154. Iss. 2. P. 169–176.e3. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2008.08.020
13. Blencowe H., Lee A. C., Cousens S., Bahalim A., Narwal R., Zhong N., Chou D., Say L., Modi N., Katz J., Vos Th., Marlow N., Lawn J. E. Preterm birth-associated neurodevelopmental impairment estimates at regional and global levels for 2010 // Pediatric Research. 2013. Vol. 74(S1). P. 17–34. DOI: https://doi.org/10.1038/pr.2013.204
14. Escobar G. J., Clark R. H., Greene J. D. Short-Term Outcomes of Infants Born at 35 and 36 Weeks Gestation: We Need to Ask More Questions // Seminars in Perinatology. 2006. Vol. 30. Iss. 1. P. 28–33. DOI: https://doi.org/10.1053/j.semperi.2006.01.005
15. Williams J., Pugh Y. The Late Preterm // Critical Care Nursing Clinics of North America. 2018. Vol. 30. Iss. 4. P. 431–443.
16. Blencowe H., Cousens S., Chou D., Oestergaard M., Say L., Moller A.-B., Kinney M., Lawn J. Born Too Soon: The global epidemiology of 15 million preterm births // Reproductive Health. 2013. Vol. 10 (Suppl 1). S2. DOI: https://doi.org/10.1186/1742-4755-10-s1-s2
17. Gill J. V., Boyle E. M. Outcomes of infants born near term // Archives of Disease in Childhood. 2016. Vol. 102. Iss. 2. P. 194–198. DOI: https://doi.org/10.1136/archdischild-2015-309584
18. Altimier L., Phillips R. M. The Neonatal Integrative Developmental Care Model: Seven Neuroprotective Core Measures for Family-Centered Developmental Care // Newborn and Infant Nursing Reviews. 2013. Vol. 13. Iss. 1. P. 9–22. DOI: https://doi.org/10.1053/j.nainr.2012.12.002
19. Tau G. Z., Peterson B. S. Normal development of brain circuits // Neuropsychopharmacology. 2010. Vol. 35. P. 147–168. DOI: https://doi.org/10.1038/npp.2009.115
20. Webb S. J., Monk C. S., Nelson Ch. A. Mechanisms of Postnatal Neurobiological Development: Implications for Human Development // Developmental Neuropsychology. 2001. Vol. 19. Iss. 2. P. 147–171. DOI: https://doi.org/10.1207/s15326942dn1902_2
21. Volpe J. J. Neurology of the Newborn. 4th ed. PA: Saunders Elsevier, 2008. 715 p.
22. Петрухин А. С. Неврология детского возраста. М.: Медицина, 2004. 784 с.
23. Скворцов И. А., Ермоленко Н. А. Развитие нервной системы детей в норме и патологии. М.: МЕДпресс-информ, 2003. 367 с.
24. Volpe J. J. Brain injury in premature infants: a complex amalgam of destructive and developmental disturbances // Lancet Neurol. 2009. Vol. 8. P. 110–124.
25. Escobar G. J., Greene J. D., Hulac P., Kincannon N., Bischoff H., Gardner M. N., Armstrong M. A., France E. K. Rehospitalisation after birth hospitalisation: patterns among infants of all gestations // Archives of Disease in Childhood. 2005. Vol. 90. Iss. 2. P. 125–131. DOI: https://doi.org/10.1136/adc.2003.039974
26. Eryigit-Madzwamuse S., Strauss V., Baumann N., Bartmann P., Wolke D. Personality of adults who were born very preterm // ADC Fetal & Neonatal. 2015. Vol. 100. Iss. 6. P. F524–F529. DOI: https://doi.org/10.1136/archdischild-2014-308007
27. Breeman L. D., Jaekel J., Baumann N., Bartmann P., Wolke D. Preterm Cognitive Function Into Adulthood // Pediatrics. 2015. Vol. 136. Iss. 3. P. 415–423. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2015-0608

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

28. Bradfield L. Core Curriculum for Neonatal Intensive Care Nursing // Nurse Education in Practice. 2010. Vol. 10. Iss. 6. P. e59. DOI: https://doi.org/10.1016/j.nepr.2010.04.001
29. Bayley N. Bayley scales of infant and toddler development. 3rd ed. San Antonio, TX: Harcourt Assessment, 2006. 267 p.
30. Weiss L., Oakland T., Aylward G. Bayley-III, clinical use and interpretation. London: Elsevier, 2010. 240 p.
31. Adams-Chapman I., Bann C. M., Vaucher Y. E., Stoll B. J. Association between Feeding Difficulties and Language Delay in Preterm Infants Using Bayley Scales of Infant Development-Third Edition // The Journal of Pediatrics. 2013. Vol. 163. Iss. 3. P. 680–685.e3. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2013.03.006
32. Steenis L. J. P., Verhoeven M., Hessen D. J., Baar van A. L. Performance of Dutch Children on the Bayley III: A Comparison Study of US and Dutch Norms // PLOS ONE. 2015. Vol. 10. Iss. 8. P. e0132871. DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0132871
33. Simpson S., D'Aprano A., Tayler C., Toon Khoo S., Highfold R. Validation of a culturally adapted developmental screening tool for Australian Aboriginal children: Early findings and next steps // Early Human Development. 2016. Vol. 103. P. 91–95. DOI: https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2016.08.005
34. Hanlon C., Medhin G., Worku B., Tomlinson M., Alem A., Dewey M., Prince M. Adapting the Bayley Scales of infant and toddler development in Ethiopia: evaluation of reliability and validity // Child: Care, Health and Development. 2016. Vol. 42. Iss. 5. P. 699–708. DOI: https://doi.org/10.1111/cch.12371
35. Hicks M. S., Sauve R. S., Robertson C. M. T., Joffe A. R., Alton G., Creighton G., Boss D. B., Rebeyka I. M. Early childhood language outcomes after arterial switch operation: a prospective cohort study // SpringerPlus. 2016. Vol. 5. Iss. 1. P. 1681. DOI: https://doi.org/10.1186/s40064-016-3344-5
36. Kirchner R. M., Martens M. A., Andridge R. R. Adaptive Behavior and Development of Infants and Toddlers with Williams Syndrome // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00598

Analysis of Neurocognitive Development of Moderate and Late Preterm Children in Early Childhood Using Bayley-III

Nadezhda I. Bakushkina [a, ID1]; Tatiana V. Rogacheva [b, @, ID2]

[a] B. N. Yeltsin Ural Federal University, 19, Mira St., Yekaterinburg, Russia, 620002
[b] Regional Center for Rehabilitation of Disabled Persons, 173 A, Belinskiy St., Yekaterinburg, Russia, 620089
[@] TVRog@yandex.ru
[ID1] http://www.researcherid.com/rid/D-6985-2019
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-1259-7567

Received 30.01.2019. Accepted 20.02.2019.

Abstract: The article features an empirical study of the development of neurocognitive functions in moderate and late preterm children at the age of 3, 5, 10, 14, and 25 months. To date, this population of infants is 75–80 % of the total number of premature infants, but specialists of different profiles do not give enough attention to this group of children, which limits the amount of information regarding their neurocognitive development, in spite of the fact that prematurity at any gestation period gives the right to refer the child to a risk group of different impairments. Premature birth has a certain impact on the development of the infant's brain, affecting the important processes of differentiation of neurons, myelination, synaptogenesis, etc. Neurocognitive functions were measured by the Bayley Scales behavioral technique, third edition (Bayley-III). The technique makes it possible to assess the cognitive development, the development of receptive and expressive communication, as well as fine and gross motor skills. The research demonstrated that moderate and late prematurity has a selective effect on the development of neurocognitive functions, and the degree of impact depends on the stage of ontogenesis and the sphere of development.

Keywords: neurocognitive functions, early development, gestation, prematurity, cognitive development, language development, motor development

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

For citation: Bakushkina N. I., Rogacheva T. V. Analysis of Neurocognitive Development of Moderate and Late Preterm Children in Early Childhood Using Bayley-III. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 56–65. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

References

1. Muglia L. J., Katz M. The enigma of spontaneous preterm birth. *The New England Journal of Medicine*, 2010, 362(6): 529–535. DOI: https://doi.org/10.1056/NEJMra0904308
2. Kuzminykh T. U., Arutiunian A. V., Prokopenko V. M. New approaches to the treatment of women with the threat of premature termination of pregnancy. *Vestnik Rossiiskoi assotsiatsii akusherov-ginekologov*, 1997, (3): 49–51. (In Russ.)
3. Stephens B. E., Vohr B. R. Neurodevelopmental outcome of the premature infant. *Pediatric Clinics of North America*, 2009, 56(3): 631–646. DOI: https://doi.org/10.1016/j.pcl.2009.03.005
4. McGrath M. M., Sullivan M. C., Lester B. M., Oh W. Longitudinal neurologic follow-up in neonatal intensive care unit survivors with various neonatal morbidities. *Pediatrics*, 2000, 106(6): 1397–1405. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.106.6.1397
5. Volgina S. A., Mendelevich V. D. Neuropsychiatric development of premature infants in remote periods of life. *Neurological Bulletin*, 2001, (3-4): 84–88. (In Russ.)
6. Johnson S., Marlow N. Early and long-term outcome of infants born extremely preterm. *Archives of Disease in Childhood*, 2016, 102(1): 97–102. DOI: https://doi.org/10.1136/archdischild-2015-309581
7. Glass H., Costarino A., Stayer S., Brett C., Cladis F., Davis P. Outcomes for Extremely Premature Infants. *Anesthesia & Analgesia*, 2015, 120(6): 1337–1351. DOI: https://doi.org/10.1213/ane.0000000000000705
8. Khashu M., Narayanan M., Bhargava S., Osiovich H. Perinatal outcomes associated with preterm birth at 33 to 36 weeks' gestation: a population-based cohort study. *Pediatrics*, 2009, 123(1): 109–113. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2007-3743
9. Kitsommart R., Janes M., Mahajan V., Rahman A., Seidlitz W., Wilson J., Paes B. Outcomes of Late-Preterm Infants: A Retrospective, Single-Center, Canadian Study. *Clinical Pediatrics*, 2009, 48(8): 844–850. DOI: https://doi.org/10.1177/0009922809340432
10. Vasilyeva M. J., Chernego D. I., Mukhamedrakhimov R. J. Developmental status of preterm infants living in families and orphanages during their first year of life. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 12. Psikhologiia. Sotsiologiia. Pedagogika*, 2010, (4): 193–201. (In Russ.)
11. Kugelman A., Colin A. A. Late Preterm Infants: Near Term But Still in a Critical Developmental Time Period. *Pediatrics*, 2013, 132(4): 741–751. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2013-1131
12. Petrini J. R., Dias T., McCormick M. C., Massolo M. L., Green N. S., Escobar G. J. Increased Risk of Adverse Neurological Development for Late Preterm Infants. *The Journal of Pediatrics*, 2009, 154(2): 169–176.e3. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2008.08.020
13. Blencowe H., Lee A. C., Cousens S., Bahalim A., Narwal R., Zhong N., Chou D., Say L., Modi N., Katz J., Vos Th., Marlow N., Lawn J. E. Preterm birth-associated neurodevelopmental impairment estimates at regional and global levels for 2010. *Pediatric Research*, 2013, 74(S1): 17–34. DOI: https://doi.org/10.1038/pr.2013.204
14. Escobar G. J., Clark R. H., Greene J. D. Short-Term Outcomes of Infants Born at 35 and 36 Weeks Gestation: We Need to Ask More Questions. *Seminars in Perinatology*, 2006, 30(1): 28–33. DOI: https://doi.org/10.1053/j.semperi.2006.01.005
15. Williams J., Pugh Y. The Late Preterm. *Critical Care Nursing Clinics of North America*, 2018, 30(4): 431–443.
16. Blencowe H., Cousens S., Chou D., Oestergaard M., Say L., Moller A.-B., Kinney M., Lawn J. Born Too Soon: The global epidemiology of 15 million preterm births. *Reproductive Health*, 2013, 10(1): S2. DOI: https://doi.org/10.1186/1742-4755-10-s1-s2
17. Gill J. V., Boyle E. M. Outcomes of infants born near term. *Archives of Disease in Childhood*, 2016, 102(2): 194–198. DOI: https://doi.org/10.1136/archdischild-2015-309584
18. Altimier L., Phillips R. M. The Neonatal Integrative Developmental Care Model: Seven Neuroprotective Core Measures for Family-Centered Developmental Care. *Newborn and Infant Nursing Reviews*, 2013, 13(1): 9–22. DOI: https://doi.org/10.1053/j.nainr.2012.12.002
19. Tau G. Z., Peterson B. S. Normal development of brain circuits. *Neuropsychopharmacology*, 2010, (35): 147–168. DOI: https://doi.org/10.1038/npp.2009.115

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-56-65

20. Webb S. J., Monk C. S., Nelson Ch. A. Mechanisms of Postnatal Neurobiological Development: Implications for Human Development. *Developmental Neuropsychology*, 2001, 19(2): 147–171. DOI: https://doi.org/10.1207/s15326942dn1902_2
21. Volpe J. J. *Neurology of the Newborn*. 4th ed. PA: Saunders Elsevier, 2008, 715.
22. Petruhin A. S. *Neurology of childhood*. Moscow: Meditsina, 2004, 784. (In Russ.)
23. Skvortsov I. A., Ermolenko N. A. *Development of children's nervous system in norm and pathology*. Moscow: MEDpress-inform, 2003, 367. (In Russ.)
24. Volpe J. J. Brain injury in premature infants: a complex amalgam of destructive and developmental disturbances. *Lancet Neurol*, 2009, (8): 110–124.
25. Escobar G. J., Greene J. D., Hulac P., Kincannon N., Bischoff H., Gardner M. N., Armstrong M. A., France E. K. Rehospitalisation after birth hospitalisation: patterns among infants of all gestations. *Archives of Disease in Childhood*, 2005, 90(2): 125–131. DOI: https://doi.org/10.1136/adc.2003.039974
26. Eryigit-Madzwamuse S., Strauss V., Baumann N., Bartmann P., Wolke D. Personality of adults who were born very preterm. *ADC Fetal & Neonatal*, 2015,100(6): F524–F529. DOI: https://doi.org/10.1136/archdischild-2014-308007
27. Breeman L. D., Jaekel J., Baumann N., Bartmann P., Wolke D. Preterm Cognitive Function Into Adulthood. *Pediatrics*, 2015, 136(3): 415–423. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2015-0608
28. Bradfield L. Core Curriculum for Neonatal Intensive Care Nursing. *Nurse Education in Practice*, 2010, 10(6): e59. DOI: https://doi.org/10.1016/j.nepr.2010.04.001
29. Bayley N. *Bayley scales of infant and toddler development*. 3rd ed. San Antonio, TX: Harcourt Assessment, 2006, 267.
30. Weiss L., Oakland T., Aylward G. *Bayley-III, clinical use and interpretation*. London: Elsevier, 2010, 240.
31. Adams-Chapman I., Bann C. M., Vaucher Y. E., Stoll B. J. Association between Feeding Difficulties and Language Delay in Preterm Infants Using Bayley Scales of Infant Development-Third Edition. *The Journal of Pediatrics*, 2013, 163(3): 680–685.e3. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2013.03.006
32. Steenis L. J. P., Verhoeven M., Hessen D. J., Baar van A. L. Performance of Dutch Children on the Bayley III: A Comparison Study of US and Dutch Norms. *PLOS ONE*, 2015, 10(8): e0132871. DOI: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0132871
33. Simpson S., D'Aprano A., Tayler C., Toon Khoo S., Highfold R. Validation of a culturally adapted developmental screening tool for Australian Aboriginal children: Early findings and next steps. *Early Human Development*, 2016, (103): 91–95. DOI: https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2016.08.005
34. Hanlon C., Medhin G., Worku B., Tomlinson M., Alem A., Dewey M., Prince M. Adapting the Bayley Scales of infant and toddler development in Ethiopia: evaluation of reliability and validity. *Child: Care, Health and Development*, 2016, 42(5): 699–708. DOI: https://doi.org/10.1111/cch.12371
35. Hicks M. S., Sauve R. S., Robertson C. M. T., Joffe A. R., Alton G., Creighton G., Boss D. B., Rebeyka I. M. Early childhood language outcomes after arterial switch operation: a prospective cohort study. *SpringerPlus*, 2016, 5(1): 1681. DOI: https://doi.org/10.1186/s40064-016-3344-5
36. Kirchner R. M., Martens M. A., Andridge R. R. Adaptive Behavior and Development of Infants and Toddlers with Williams Syndrome. *Frontiers in Psychology*, 2016, (7). DOI: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00598

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.9.072

Особенности межличностных отношений государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности

Сергей В. Духновский [a, @]

[a] Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 640022, Россия, Курган, ул. Карла Маркса, 147А
[@] dukhnovskysv@mail.ru

Поступила в редакцию 25.12.2018. Принята к печати 21.01.2019.

Аннотация: В статье с привлечением эмпирического материала рассматривается проблема межличностных отношений государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности. Показано, что гармоничность / дисгармоничность межличностных отношений, обусловленные социально-психологической дистанцией между взаимодействующими субъектами, являются индикаторами кадрового риска для организации. Изменение дистанции в неблагоприятную для субъектов сторону будет являться проявлением кадрового риска, тогда как дисгармоничность межличностных отношений в деловой сфере – угрозой кадровой безопасности организации. Результаты эмпирических исследований показали, что нормативные государственные гражданские служащие стремятся выстраивать приемлемо сближенную для себя дистанцию в межличностном взаимодействии, которая обеспечивает доверие, эмоциональную близость, желание осуществлять совместную деятельность. Ненормативные госслужащие выстраивают приемлемо удаленную для себя дистанцию, обусловленную их личностными особенностями. В межличностном взаимодействии у них выражено большее доверие к себе, чем к партнеру (коллегам), их отношения отличает меньшая эмоциональная близость и ориентация на совместность. У нормативных служащих кадровым риском может выступать сокращение дистанции, приводящее к смешиванию деловых и эмоциональных отношений. Одним из проявлений этого может являться выстраивание отношений без учета статуса партнера в трудовом коллективе, ситуации, в которой разворачивается межличностное взаимодействие. У ненормативных служащих кадровым риском может стать чрезмерное дистанцирование от других людей, формализация отношений в сочетании с критикой и обесцениванием партнера (его идей и проектов) в межличностном взаимодействии. Полученные в ходе исследования эмпирические данные правомерно использовать в рамках развития личностно-профессиональных качеств государственных гражданских служащих, в частности для формирования навыков гибкого выстраивания социально-психологической дистанции в межличностном взаимодействии с учетом принципа дифференцирования, предполагающего умение видеть, дифференцировать формы отношений и выстраивать между ними новые взаимосвязи.

Ключевые слова: нормативный служащий, ненормативный служащий, социально-психологическая дистанция, когнитивная дистанция, эмотивная дистанция, гармония, напряженность отношений, отчужденность в отношениях, кадровый риск, принцип дифференцирования

Для цитирования: Духновский С. В. Особенности межличностных отношений государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 66–73. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

Введение

Межличностные отношения, их характер являются одним из условий удовлетворенности профессиональной деятельностью, с одной стороны, а с другой – составляющей, атрибутом этой деятельности, фактором, обеспечивающим её эффективность. Согласно «концепции формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации»[1] межличностные отношения выступают одним из факторов (условий) профессионализации, успешного построения карьеры государственными гражданскими служащими. Данная позиция отражена в таких личностно-профессиональных

[1] Концепция кадрового обеспечения системы государственного управления. М.: РАНХиГС, 2017. 51 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

компетенциях, как готовность к командной работе, компетентность социального взаимодействия и стратегическое лидерство[2]. Их развитие предполагает умение создавать гармоничные межличностные отношения, гибко выстраивая социально-психологическую дистанцию в интерперсональном взаимодействии.

В этом контексте отметим, что учеными были рассмотрены вопросы факторов, влияющих на эффективность профессиональной деятельности (О. В. Соловьева и др. [1]); описаны противоречия внедрения компетентностного подхода в практику профессионализации государственной гражданской службы (Г. В. Ярошенко, Н. Ю. Ковалев [2]); освещена проблема способностей, профессионально важных качеств, компетенций и компетентности (В. А. Толочек [3]); раскрыта социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации (Л. Г. Почебут и др. [4]); проанализирована мотивация и организация эффективной работы (Б. М. Генкин [5]) и др.

Кроме того, исследователями были описаны межличностные отношения в сфере государственного и муниципального управления (Е. В. Романенко [6]); предложены классификации межличностных отношений, рассматриваемых в контексте поликультурного образования (Д. Н. Долганов [7; 8]); ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимодействия (Ю. А. Желтонова [9]) и др. Вопросы доверия в межличностных отношениях решались в работах И. В. Балуцкого [10], И. В. Мерсияновой и др. [11]. Межличностные отношения в контексте делового общения раскрыты в исследованиях В. А. Толочека и др. [12]. Проблема культуры отношений, модели межличностного взаимодействия описаны в работах М. В. Трасова [13], Е. С. Калмыковой и др. [14]. Дистанция как феномен межличностных отношений – в исследованиях А. Л. Журавлева, А. Б. Купрейченко [15], Л. В. Скоровой, Т. А. Герасимчук [16] и др. Также были рассмотрены вопросы взаимосвязи креативности и конфликтного поведения (А. А. Федорова [17]), транзакционная концепция конфликта и конфликтной компетенции (М. А. Бендюков, А. Д. Харчук [18]) и др.

Краткий обзор исследований показал, что проблема межличностных отношений в системе государственной гражданской службы изучена недостаточно. Малоизученными являются дистанция и межличностные отношения госслужащих с разным уровнем социальной нормативности. Таким образом, необходимо продолжать научный поиск факторов и условий формирования навыков гибкого выстраивания социально-психологической дистанции в межличностном взаимодействии государственных гражданских служащих с учетом принципа дифференцирования, предполагающего умение видеть, дифференцировать формы отношений и выстраивать между ними новые взаимосвязи.

В исследовании мы предполагали, что особенности межличностных отношений, их гармоничность / дисгармоничность, обусловленные социально-психологической дистанцией между взаимодействующими субъектами, являются индикаторами кадрового риска для организации. Полагаем, что даже в случае гармоничности отношений изменение дистанции (выстраивание её) в неблагоприятную для субъектов сторону будет являться проявлением кадрового риска, а дисгармоничность межличностных отношений в деловой сфере – угрозой кадровой безопасности организации.

Важным моментом, затрагивающим межличностные отношения, является нормативность (ненормативность) их субъектов, накладывающая отпечаток как на характер межличностных отношений, так и на социально-психологическую дистанцию в них. Применительно к нашему исследованию под *социальной нормативностью* будем понимать развитость морально-этической регуляции поведения, чувство ответственности, добросовестность, обязательность, в том числе и в выполнении порученного дела. *Социальная ненормативность* представляет собой пренебрежение к соблюдению официально принятых социальных норм и правил поведения или профессиональной деятельности; пренебрежение интересами других людей ради собственной выгоды [19]. Социально-психологическая дистанция как характеристика межличностных отношений проявляется в переживании и понимании близости (отдаленности) между субъектами трудовой деятельности, регулирующейся внешними (средовыми) факторами, личностными особенностями, а также активностью взаимодействующих субъектов [20].

Методика исследования

В обследовании приняли участие 147 государственных гражданских служащих, проходивших повышение квалификации на базе ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Курганский филиал).

[2] Методические материалы по реализации общей концепции формирования и использования резервов управленческих кадров в Российской Федерации. М.: РАНХиГС, 2018. 34 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

Должностной статус обследованных – ведущий и главный специалист.

В качестве психодиагностических методик использовали авторские разработки.

- Нормативность. Интеллект. Регуляция (НИР), основное назначение – оценка регулятивного компонента психологической надежности сотрудника, факторами которой выступают социальная нормативность (ненормативность), интеллект (репродуктивный / креативный), регуляция поведения (рассудочная / эмоциональная) [21].
- Субъективная оценка межличностных отношений (COMO) – для определения характеристик (индикаторов) дисгармонии межличностных отношений (напряженности, отчужденности, конфликтности, агрессивности) с помощью самооценок обследуемого [20].
- Определение социально-психологической дистанции (СПД), назначение которой – оценка степени близости (отдаленности) между взаимодействующими субъектами, обусловленная пониманием, доверием, положительным чувственным тоном и возможностью совместного времяпровождения [20].
- Анкета «Межличностная дистанция» (МД) [20].

Выбор методик обусловлен, во-первых, тем, что они отвечают основной цели исследования, во-вторых, соответствуют основным психометрическим требованиям, предъявляемым к разработке психологических тестов.

Описание результатов исследования

На первом этапе вся обследованная выборка на основании данных, полученных по методике НИР, и в частности показателей по шкале *нормативность*, была разделена на две группы, которые мы обозначили как нормативные и ненормативные государственные гражданские служащие. Укажем, что из дальнейшего описания нами были исключены служащие с экстремально низкими, высокими, а также средними показателями по шкале *нормативность* методики НИР.

В группу *ненормативных* вошли служащие, показатели которых по шкале *нормативность* находятся в диапазоне от 3 до 4 стэнов, что соответствует пониженному уровню социальной нормативности (n=27). Государственные гражданские служащие, вошедшие в данную группу, характеризуются отсутствием жестких запретов на нарушение норм поведения и деятельности; нормативные ценности, правила поведения воспринимаются ими как тяжкие оковы, а их соблюдение расценивается как потеря свободы, поэтому проявляется желание игнорировать или нарушать их.

В группу *нормативных* вошли служащие, показатели которых по шкале *нормативность* находятся в диапазоне от 7 до 8 стэнов, что соответствует повышенному уровню социальной нормативности (n=77). Они характеризуются развитостью морально-этической регуляции поведения, чувством ответственности, добросовестностью, обязательностью, стремлением к качественному выполнению поручений и дел.

Кроме того, результаты, полученные по методике НИР, позволили выявить кадровые риски, присущие нормативным и ненормативным государственным гражданским служащим. Установлено, что рисками нормативных госслужащих являются беспокойство и тревожность при угрозе нарушения норм, правил, договоренностей, активизация чувства неполноценности в непривычных ситуациях, трудности при работе в условиях дефицита информации, неопределенности и четких инструкций, тогда как рисками ненормативных служащих выступают свобода в нарушении запретов, придающая непредсказуемость действиям и поведению, склонность к субъективизму и недооценке обстоятельств, невнимательность к деталям и мелочам; непереносимость контроля.

Результаты, представленные в таблице 1, позволяют сделать следующие выводы. Так, при переводе сырых значений, полученных по шкалам методики COMO, в группе нормативных государственных гражданских служащих, показатели находятся на низком и пониженном уровне (3–4 стэна), в группе ненормативных служащих показатели выражены умеренно (5–6 стэнов). Правомерно заключить, что межличностные отношения, устанавливаемые как нормативными, так и ненормативными служащими носят гармоничный характер. Субъекты удовлетворены отношениями, ориентируются на диалог, открытость, контакт, настрой друг на друга, отказ от всякого манипулятивного контроля и стремления к превосходству.

В то же время обращает на себя внимание, что показатели по шкалам *напряженность*, *отчужденность* и *агрессивность* (методика COMO) в группе ненормативных государственных гражданских служащих достоверно выше, чем в группе *нормативных*. Особенно это касается показателя *отчужденность* (таблица 1). Соответственно при всей гармоничности отношения ненормативных служащих отличаются повышенной напряженностью, необходимой для поддержания интенсивности положительного чувственного тона отношений, они стремятся занять доминирующую, но при этом обособленную позицию в межличностном взаимодействии.

Мы объясняем этот факт особенностями социально-психологической дистанции, которую устанавливают нормативные и ненормативные государственные гражданские служащие. В подтверждение этого говорят различия, полученные по шкалам методики СПД между группой нормативных и ненормативных служащих (таблица 2).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

Таблица 1. Средние значения по методике СОМО у госслужащих с разным уровнем социальной нормативности
Table 1. Average values according to the Value Judgment of the Interpersonal Relations method for government employees with the different levels of social normativity

Государственные гражданские служащие	Шкалы методики СОМО			
	Напряженность	Отчужденность	Конфликтность	Агрессивность
Нормативные	39,6±11,2	40,7±10,2	33,6±6,7	34,2±7,1
Ненормативные	41,9±10,1*	44,1±9,4*	33,6±7,7	36,8±6,4*

Прим.: * – различия достоверно выше на уровне p≤0,05.

Таблица 2. Средние значения по методике СПД у госслужащих с разным уровнем социальной нормативности
Table 2. Average values according to the Definition of Social and Psychological Distance method for government employees with the different levels of social normativity

Государственные гражданские служащие	Шкалы методики СПД			
	Cog-d	Com-d	Emo-d	Act-d
Нормативные	48,5±7,8	49,4±8,2*	52,0±8,4*	42,9±7,1*
Ненормативные	48,4±8,3	46,8±8,1	47,3±8,5	39,6±6,9

Прим.: Cog-d – когнитивная составляющая дистанции; *Com-d* – коммуникативная составляющая дистанции; *Emo-d* – эмотивная составляющая дистанции; *Act-d* – поведенческая и деятельностная составляющие дистанции; * – различия достоверно выше на уровне p≤0,05.

В ходе проведенных исследований установлено, что в отношениях как нормативных, так и ненормативных государственных гражданских служащих на повышенном уровне выражена когнитивная составляющая дистанции (при переводе сырых значений в стандартные значения 57 до 59 Т-баллов соответственно). Сближающим фактором в деловых отношениях служащих является стремление понять и принять установки, мотивы, цели, личностные характеристики партнера: наличие общего смыслового поля с партнером; наличие знаний о психологических особенностях друг друга и возможность их использования для регуляции межличностных отношений, для достижения гармонии друг с другом.

Несмотря на это, результаты, представленные в таблице 2, показывают, что в группе *нормативных* государственных служащих показатели по шкалам *когнитивная*, *эмотивная* и *деятельностная* составляющие дистанции находятся на повышенном уровне (при переводе сырых значений в стандартные значения в диапазоне от 57 до 60 Т-баллов). Таким образом, обследованные данной группы стремятся выстраивать более близкую дистанцию, которая характеризуется доверием, эмоциональной близостью, желанием осуществлять совместную деятельность. В группе *ненормативных* служащих данные показатели находятся на умеренном уровне (при переводе сырых значений в стандартные значения в диапазоне от 49 до 53 Т-баллов). В отношениях им присуща большая дистантность – они более автономны, независимы, у них больше преобладает доверие к себе, чем к партнеру (коллегам), их отношения отличает меньшая эмоциональная близость.

Полученные эмпирические данные соотносятся с результатами анкеты МД. Так, в ходе исследований с использованием анкеты МД установлены её виды для государственных гражданских служащих с разным уровнем социальной нормативности (таблица 3).

Таблица 3. Особенности социально-психологической дистанции госслужащих с разным уровнем социальной нормативности
Table 3. Social and psychological distance of government employees with the different levels of social normativity

Виды дистанции	Государственные гражданские служащие	
	Нормативные (%)	Ненормативные (%)
Неприемлемо (для меня) близкая	0,0	0,0
Приемлемо (для меня) сближенная	67,3	17,9
Нейтральная (не могу назвать ни близкой, ни далекой)	23,8	10,6
Приемлемо (для меня) удаленная	8,7	62,1
Неприемлемо далекая (для меня слишком далекая)	0,0	9,3

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

Данные, представленные в таблице 3, показывают, что у социально-нормативных государственных гражданских служащих в деловых отношениях преобладает приемлемо сближенная дистанция, тогда как у ненормативных госслужащих – приемлемо удаленная. Данный факт, на наш взгляд, является отражением того, что в отношениях нормативных госслужащих преобладают сближающие тенденции, своего рода ориентация на людей, тогда как у ненормативных государственных гражданских служащих – стремление дистанцироваться от людей.

Мы полагаем, что межличностные отношения в деловой сфере и дистанция в них могут выступать кадровым риском, оказывать деструктивное влияние на климат в трудовом коллективе. Так, у нормативных служащих кадровым риском может выступать сокращение дистанции, что может привести к смешиванию деловых и эмоциональных отношений. Одним из проявлений этого может являться выстраивание отношений без учета статуса партнера в трудовом коллективе, ситуации, в которой разворачивается межличностное взаимодействие. У ненормативных служащих кадровым риском может стать дистанцирование от других людей, формализация отношений в сочетании с критикой и обесцениванием (интеллектуальной деструкцией) своего партнера, производственных замыслов, идей, проектов и т.п.

Считаем, что в межличностных отношениях, складывающихся в профессиональной деятельности, у нормативных государственных гражданских служащих на первый план выходит психологическая (эмоциональная) форма отношений, у ненормативных – социальная форма. С точки зрения кадровых рисков первая форма отношений может привести к чрезмерному *очеловечиванию* деловых отношений. В этом контексте приведем тезис С. В. Петрушина – «Человеческие» отношения искривляют восприятие. Например, влюбленность как зеркало идеализации, дружба – зеркало взаимозависимости, приятельские отношения – зеркало тактичности [22]. Рисками социальной формы отношений (у ненормативных служащих) может стать неприемлемо удаленная дистанция, отношения носят формальный характер, сопровождаются напряженностью и отчужденностью, противоречиями, которые не всегда конструктивно разрешаются, отсутствием доверия и понимания. Одной из причин этого, на наш взгляд, является «слияние и недифференцирование отдельных уровней отношений, которые являются самостоятельными и нетождественными друг другу, представляет собой одну из причин конфликтов в отношениях» [22, с. 12].

Таким образом, для гармонизации деловых отношений необходимо развивать навыки гибкого выстраивания социально-психологической дистанции в межличностном взаимодействии с учетом принципа дифференцирования, предполагающего «обнаружение и дифференцирование уровней (видов, форм, подсистем) отношений и построение между ними новых взаимосвязей» [22, с. 14].

Выводы

1. В межличностных отношениях как нормативных, так и ненормативных государственных гражданских служащих выражено стремление понять и принять установки, мотивы, цели партнера по взаимодействию. Они стремятся использовать знания о психологических особенностях партнера по взаимодействию для создания общего смыслового поля в общении. Тем не менее межличностные отношения государственных гражданских служащих, и в частности социально-психологическая дистанция в них, могут являться индикатором кадровых рисков для организации.

2. Нормативные государственные гражданские служащие стремятся выстраивать приемлемо сближенную для себя дистанцию в межличностном взаимодействии, которая обеспечивает доверие, эмоциональную близость, желанием осуществлять совместную деятельность.

3. Ненормативные госслужащие выстраивают приемлемо удаленную для себя дистанцию, обусловленную их личностными особенностями. В межличностном взаимодействии у них выражено большее доверие к себе, чем к партнеру (коллегам), их отношения отличает меньшая эмоциональная близость и ориентация на совместность.

4. Установлено, что у нормативных служащих кадровым риском может выступать сокращение дистанции, приводящее к смешиванию деловых и эмоциональных отношений. Одним из проявлений этого может являться выстраивание отношений без учета статуса партнера в трудовом коллективе, ситуации, в которой разворачивается межличностное взаимодействие. У ненормативных служащих кадровым риском может стать чрезмерное дистанцирование от других людей, формализация отношений в сочетании с критикой и обесцениванием партнера (его идей и проектов) в межличностном взаимодействии.

5. Важным направлением развития личностно-профессиональных качеств государственных гражданских служащих является формирование навыков гибкого выстраивания социально-психологической дистанции в межличностном взаимодействии с учетом принципа дифференцирования, предполагающего умение видеть, дифференцировать формы отношений и выстраивать между ними новые взаимосвязи.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

Литература

1. Соловьева О. В., Кузьминов В. В., Ганцева Л. В. Анализ факторов, влияющих на эффективность работы персонала // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 2. С. 50–57. DOI: https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-2-50-57
2. Ярошенко Г. В., Ковалев Н. Ю. Противоречия внедрения компетентностного подхода в практику профессионализации государственной гражданской службы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 174–179. DOI: https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-3-174-179
3. Толочек В. А. Профессиональное становление субъекта: способности и профессионально важные качества, компетенции и компетентность // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 2. С. 3–30.
4. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 2. С. 47–71.
5. Генкин Б. М. Мотивация и организация эффективной работы (теория и практика). 2-е изд., испр. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. 352 с.
6. Романенко Е. В. Межличностные отношения в сфере государственного и муниципального управления: психологический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2008. № 5. С. 51–55.
7. Долганов Д. Н. Классификация межличностных отношений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-1. С. 69–74.
8. Долганов Д. Н. Межличностные отношения в контексте поликультурного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 35–39.
9. Желтонова Ю. А. Ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимодействия: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2000. 180 с.
10. Балуцкий И. В. Особенности проявления доверия в статусных межличностных отношениях: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2002. 160 с.
11. Мерсиянова И. В., Якимец В. Н., Пахомова Е. И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98–119.
12. Толочек В. А., Шпитонков С. В., Палт Е. А. «Вертикальная» организация пространства стилей делового общения менеджеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6. № 2. С. 126–133. DOI: https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-2-126-133
13. Трасов М. В. Социально-психологические условия развития культуры межличностных отношений курсантов в ходе учебно-воспитательного процесса: дис. … канд. психол. наук. М., 2002. 211 с.
14. Калмыкова Е. С., Ващенко А. П., Дальбендер Р., Покорны Д. Интрапсихические модели межличностного взаимодействия: сравнение российской и немецкой выборок // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 3. С. 58–73.
15. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: ИП РАН, 1999. С. 89–109.
16. Скорова Л. В., Герасимчук Т. А. К вопросу о психологической дистанции в разнотипных семьях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 248–251.
17. Федорова А. А. Взаимосвязь креативности и конфликтного поведения сотрудников организаций // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 2. С. 119–157.
18. Бендюков М. А., Харчук А. Д. Транзакционная концепция конфликта и конфликтной компетентности в профессиональной сфере // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 3. С. 39–59.
19. Смирнов А. В. Графологическая диагностика личности с использованием методики «ГАЛС-2005». Екатеринбург: ИРА УТК, 2008. 266 с.
20. Духновский С. В. Психология отношений личности. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 380 с.
21. Духновский С. В. Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. 314 с.
22. Петрушин С. В. Искусство быть вместе: любовь и переговоры. СПб.: Речь, 2009. 240 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

Interpersonal Relations of the Civil Servants with the Different Level of Social Normativity

Sergey V. Dukhnovsky [a, @]

[a] Kurgan Branch of The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, 147A, Karl Marx St., Kurgan, Russia, 640022

[@] dukhnovskysv@mail.ru

Received 25.12.2018. Accepted 21.01.2019.

Abstract: The paper features the problem of the interpersonal relations of the civil servants with the different level of social normativity. Harmony / disharmony of the interpersonal relations caused by a social and psychological distance between the interacting subjects prove to be the indicators of personnel risk for the organization. A change of a distance manifests of personnel risk, whereas a disharmony of the interpersonal relations in the business sphere poses a threat of personnel safety. Various empirical researches showed that regulatory civil servants seek to build such an acceptable distance in interpersonal interaction that would provides trust, emotional proximity, and a readiness for joint activity. On the contrary, non-regulatory government employees build a larger distance according to their personal traits. They reveal a deeper trust in themselves than in the partner, a lesser emotional proximity and no compatibility orientation. For regulatory employees, personnel risk is in a narrowing the distance, which may result in mixing the business and emotional relations, e.g. relations without concern for the status of the partner in the team. For non-regulatory employees, risk can manifest in an excessive distancing from colleagues, formalization of the relations, as well as criticism and depreciation of the partner. The empirical data obtained can be used for the development of personal and professional qualities of the civil servants, in particular for formation of flexible skills of a social and psychological distance in interpersonal interaction. It is important to use the principle of the differentiation assuming ability to differentiate forms of relationship and to build new interrelations between them.

Keywords: regulatory employee, non-regulatory employee, social and psychological distance, cognitive distance, emotive distance, harmony, tension of the relations, estrangement in the relations, personnel risk, the principle of differentiation

For citation: Dukhnovsky S. V. Interpersonal Relations of the Civil Servants with the Different Level of Social Normativity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 66–73. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

References

1. Solovieva O. V., Kuzminov V. V., Gantseva L. V. Analysis of factors affecting the effectiveness of personnel work. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2018, (2): 50–57. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-2-50-57
2. Yaroshenko G. V., Kovalev N. Yu. Contradictions of implementation of the competence approach in the practice of professionalization of the state civil service. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2018, (3): 174–179. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.22394/2079-1690-2018-1-3-174-179
3. Tolochek V. A. Professional formation subject: ability, professionally important qualities, competencies, competence. Institut psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. *Organizatsionnaia psikhologiia i psikhologiia truda*, 2017, 2(2): 3–30. (In Russ.)
4. Pochebut L. G., Chiker V. A., Volkova N. V. Conceptual framework of cognitive social capital in organizations from a social psychology perspective. *Organizational Psychology*, 2018, 8(2): 47–71. (In Russ.)
5. Genkin B. M. *Motivation and organization of effective work (theory and practice)*. 2nd ed. Moscow: Iur. Norma, NITs INFRA-M, 2018, 352. (In Russ.)
6. Romanenko Y. V. Interpesonal relationships in state and municipal management: the psychological aspect. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriia: Filologiia, pedagogika, psikhologiia*, 2008, (5): 51–55. (In Russ.)
7. Dolganov D. N. Classification of interpersonal relations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (4-1): 69–74. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-66-73

8. Dolganov D. N. Interpersonal relations in the context of multicultural education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 35–39. (In Russ.)
9. Zheltonova Yu. A. *Value-semantic determinants of interpersonal interaction*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2000, 180. (In Russ.)
10. Balutskii I. V. *Features of the manifestation of trust in status interpersonal relations*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2002, 160. (In Russ.)
11. Mersiyanova I. V., Yakimets V. N., Pakhomova E. I. Citizens' trust in public servants' performance. *Public Administration Issues*, 2012, (4): 98–119. (In Russ.)
12. Tolochek V. A., Shpitonkov S. V., Palt E. A. "Vertical" arrangement of the space of managers' business communication styles. *Izv. Saratov univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2017, 6(2): 126–133. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-2-126-133
13. Trasov M. V. *Socio-psychological conditions for the development of a culture of interpersonal relations of cadets in the course of the educational process*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2002, 211. (In Russ.)
14. Kalmykova E. S., Vashchenko A. P., Dalbender R., Pokorny D. Intrapsychical models of interpersonal interaction: comparison of Russian and German samples. *Psykhologicheskii zhurnal*, 1997, 18(3): 58–73. (In Russ.)
15. Zhuravlev A. L., Kupreichenko A. B. Attitude of Modern Russian Entrepreneurs to the Moral and Ethical Standards of Business Conduct. *Social and Psychological Studies of Leadership and Entrepreneurship*, ed. Zhuravlev A. L., Shorokhova E. V. Moscow: IP RAS, 1999, 89–109. (In Russ.)
16. Skorova L. V., Gerasimchuk T. A. On the question of psychological distance in different families. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 248–251. (In Russ.)
17. Fedorova A. A. The Interrelation of Employees' Creativity Level and Conflict Behavior. *Organizational Psychology*, 2018, 8(2): 119–157. (In Russ.)
18. Bendyukov M. A., Harchuk A. D. Transactional conception of conflict and conflict competence in the professional sphere. Institut psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. *Organizatsionnaia psikhologiia i psikhologiia truda,* 2017, 2(3): 39–59. (In Russ.)
19. Smirnov A. V. *Graphological personality diagnostics using the GALS-2005 method*. Ekaterinburg: IRA UTK, 2008, 266. (In Russ.)
20. Dukhnovsky S. V. *Psychology of personality relations.* Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2014, 380. (In Russ.)
21. Dukhnovsky S. V. *Psychological reliability and personnel security (the case of the state civil and municipal service)*. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2018, 314. (In Russ.)
22. Petrushin S. V. T*he art of being together: love and negotiation*. Saint-Petersburg: Rech, 2009, 240. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.922

Факторы риска аутодеструктивного поведения у старших подростков*

Елена В. Евсеенкова [a, @, ID]

[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@] evseenkova_e_v@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-9413-1914

Поступила в редакцию 22.01.2019. Принята к печати 28.02.2019.

Аннотация: Анализируются основные современные тенденции исследования аутодеструктивного поведения и суицидального риска в России и за рубежом. Приводятся данные о структуре суицидального риска, включающие в себя, согласно зарубежным исследователям, аффективные, когнитивные и поведенческие характеристики. Дана концепция нарастания потенциальных факторов риска и предиктов, представленная M. D. Rudd, и анализируется теория суицидального барометра, разработанная K. M. Harris, J. J. Syu, O. D. Lello, Y. L. Chew, C. H. Willcox, R. H. Ho. Описаны потенциальные и актуальные, ситуационные и личностные факторы суицидального риска. Проанализированы особенности предикторов возникновения и развития у подростков склонности к аутодеструктивному поведению.
Приводятся результаты исследования, целью которого было изучение особенностей проявления факторов риска аутодеструктивного поведения у подростков. В исследовании приняли участие 116 учащихся 9–10 классов в возрасте 14–16 лет. Выявлены особенности проявления ситуационных и личностных факторов риска аутодеструктивного поведения в старшем подростковом возрасте. Описаны взаимосвязи между ними. Отношения с окружающими тесно взаимосвязаны с аффективными, когнитивными и поведенческими личностными факторами аутодеструктивного риска.

Ключевые слова: суицидальный риск, суицид, потенциальные факторы риска, уровень риска, ситуационные факторы, личностные факторы, модель, предикторы суицидального риска, депрессия

Для цитирования: Евсеенкова Е. В. Факторы риска аутодеструктивного поведения у старших подростков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 74–86. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

Введение

Проблема аутодеструктивного поведения остается актуальной не только в нашей стране, но и во всем мире. Проводится множество исследований в попытках объяснить и предсказать подобное поведение с точки зрения социологии, биологии, физиологии, психологии и генетики, а в последнее время активно используются возможности междисциплинарных исследований.

Как правило, научное осмысление подобных проявлений человеческой природы начинают со ставшего классическим труда XIX в. Э. Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд». С этого труда начинается новый этап рассмотрения проблемы аутодеструктивного поведения человека в социологии и психологии. Однако сама проблема причинения человеком себе вреда существовала задолго до позапрошлого столетия. А соответственно и попытки осмысления данной проблемы предпринимались философами практически всех направлений. Примером такого осмысления может служить один из первых источников, дошедших до нас, в котором упоминается о самоубийстве: «Спор разочарованного со своей душой» [1] – древнеегипетский источник XXI в. до н. э.

На протяжении истории человечества отношение к самоубийству и различного рода самоповреждающему поведению, такому как порезы, шрамы, татуировки, употребление различных наркотических веществ, менялось. Начиная от обязательных предписаний, в том числе религиозного характера, до весьма толерантного и спокойного отношения к подобному поведению. А в последующем до абсолютно отрицательного, вплоть до полного запрета и преследования за совершение самоубийства, в том числе посмертного наказания как самого суицидента, так и его наследников, родственников. Например, при Петре I наказание обращалось на труп самоубийцы: палачу надлежало тело самоубийцы «отволочь и закопать в бесчестном месте, волоча прежде его по улицам или обозу» [цит. по: 2, с. 80].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-013-00210 А.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

В настоящее время в большинстве стран мира уголовной ответственности за его совершение нет (есть за доведение до самоубийства), при этом к суициду относятся отрицательно и стремятся его предотвратить. Профилактика суицида и других форм аутодеструктивного поведения становится одной из важных задач общества. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно около 800 тыс. человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. В 2016 г. они стали ведущей и второй по значимости причиной смерти среди молодых людей 15–29 лет в глобальных масштабах.

Теоретические аспекты проблемы

Психологи расходятся во мнениях относительно истинных причин аутодеструктивного поведения. Одни, такие как психоаналитики, исходят из того, что человек изначально склонен к агрессии и саморазрушению, инстинкт стремления к смерти – Танатос – изначально заложен в человеке, так же как инстинкт стремления к жизни – Либидо. А значит искоренить подобное поведение полностью невозможно, но приручить своих демонов в какой-то степени человеку под силу.

Психологи гуманистического направления наоборот считают, что человек изначально хороший, но в сложных условиях, при фрустрации основных потребностей, в экстремальных жизненных ситуациях может проявлять аутоагрессивные наклонности. А потому возможные системы поддержки человека в экстренных ситуациях, повышение качества жизни, изменение общественного мнения, национальные программы профилактики – это все действенные меры по снижению риска аутодеструктивного поведения [3].

Экзистенциальные психологи полагают, что жить или умирать – это выбор человека. Главное, чтобы этот выбор был свободным. В случае же с аутодеструктивным поведением в основном это ситуация, когда человек не видит другого выхода или не обладает достаточным ресурсом для ее решения, а потому человек нуждается в помощи и поддержке [4].

Несмотря на разногласия, на разные прогнозы результативности профилактической работы, большинство психологов всех направлений уверены – теоретически суицид отдельно взятого человека можно предотвратить. Другой вопрос, что снизить смертность от суицида в человеческом обществе до нуля невозможно. Но даже одна спасенная человеческая жизнь стоит усилий по профилактике аутодеструктивного поведения. И вопрос заключается в том, когда и кому необходимо оказать помощь, как увидеть, выделить среди всех людей тех, кому такая помощь необходима.

Именно поэтому современные исследования представлены большим количеством работ, посвященных суицидальному риску, например таких авторов, как C. D. Corona и др. [5], R. F. DeVellis [6], G. Groth-Marnat [7], D. A. Jobes и др. [8]. Они в основном акцентируют внимание на двух важных целях: оценка текущего суицидального риска и прогноз будущих суицидальных тенденций.

Первоначально исследователи обратили свое внимание на изменения в когнитивных процессах, связанных с прекращением собственной жизни. Однако скоро стало понятно, что эмоциональное состояние играет не меньшую, а возможно даже и большую роль в процессе появления и развития аутодеструктивного поведения. В этом смысле эффективна круговая теория аффекта, которая плодотворно применяется к изучению психологических расстройств и суицидальных тенденций (A. T. Beck и др. [9], R. Beck и др. [10]).

Канадцы C. Perlman и др. в своей работе «Suicide Risk Assessment Guide: A Resource for Health Care Organizations» [11] провели масштабное исследование публикаций на тему оценки суицидального риска и пришли к выводу, вслед за M. D. Rudd и др. [12], что некоторые демографические особенности, сложные жизненные ситуации сами по себе представляют только потенциальные факторы риска, при которых суицид возможен, но вовсе не обязателен. В таких случаях необходимо отслеживать возможное появление предикторов суицидального поведения. Если же проявляются предикторы суицидального поведения, необходимо обращаться за профессиональной помощью. Если при высоком риске можно просто обратиться к специалистам, то при очень высоком риске суицида необходимо немедленно вызывать неотложную помощь (рис. 1[1]).

Отцом современной суицидологии часто называют Э. Шнейдмана. Именно начиная с его работ появляются попытки выделить различные показатели суицидального риска: психологическая боль и ажитация (E. S. Shneidman [13]), безнадежность (A. T. Beck и др. [9]) и само-ненависть (R. F. Baumeister [14]) и ряд других. Например, исследование А. Бека и др., в котором приняли участие 1958 амбулаторных больных, показало, что безнадежность, измеряемая шкалой Безнадежности Бека, в значительной степени связана с возможным самоубийством. Группа высокого риска, выявленная по этому показателю,

[1] адаптировано с [12].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

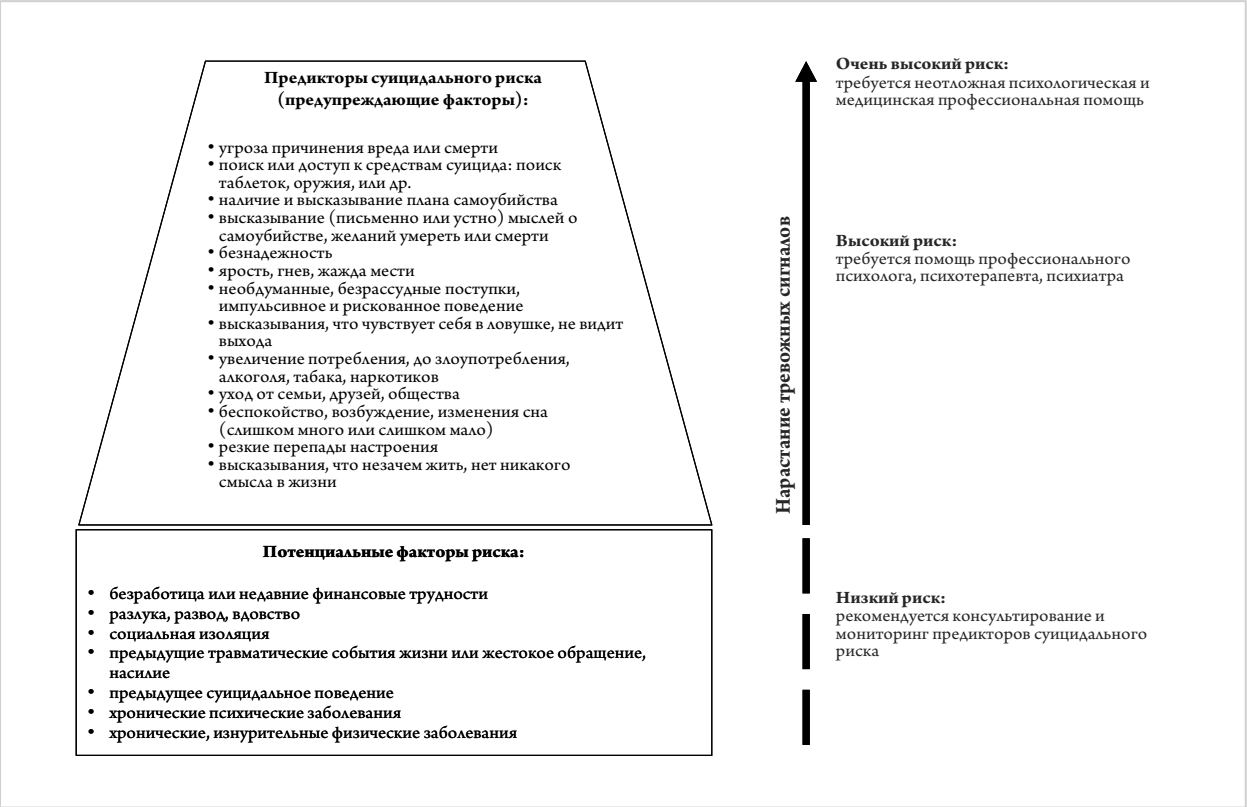


Рис. 1. Нарастание потенциальных факторов риска и предикторов суицидального риска
Fig. 1. Rise in risk factors and suicidal risk predictors

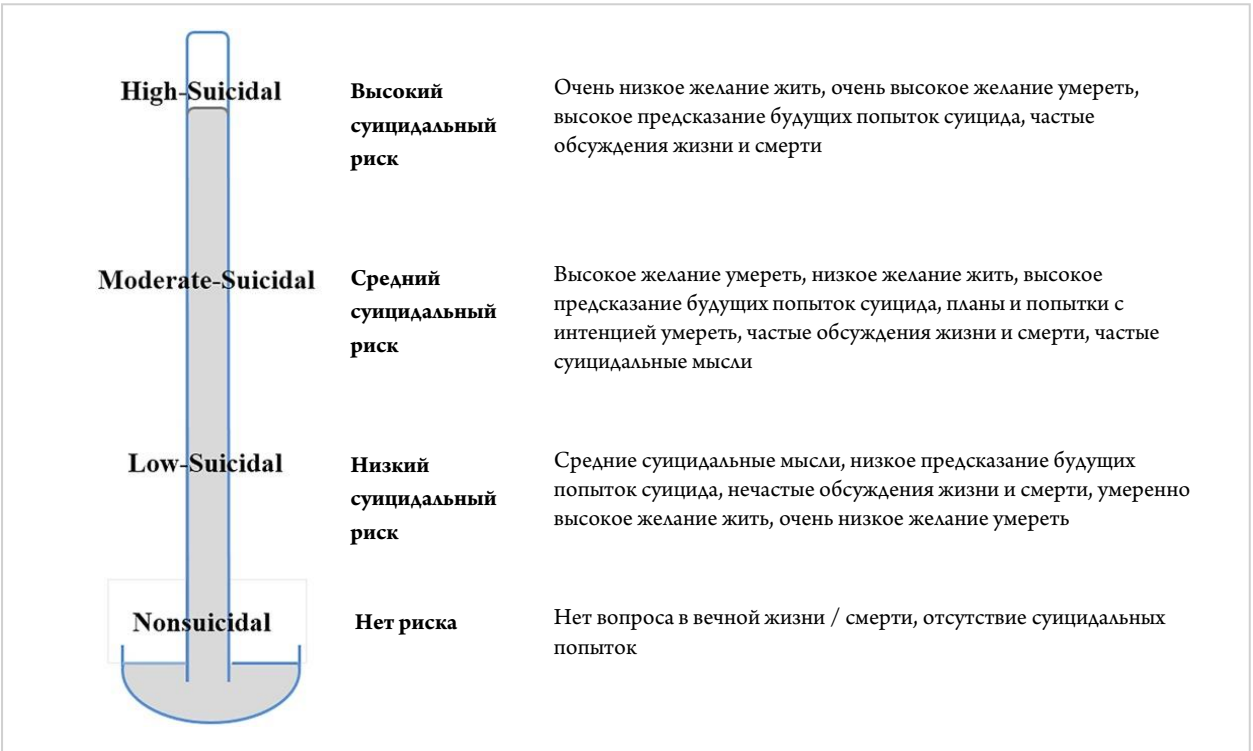


Рис. 2. Модель суицидального барометра с описанием уровней суицидального риска
Fig. 2. Suicidal barometer model with risk levels

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

была в 11 раз более склонна к самоубийству, чем остальные амбулаторные больные [9].

Разрабатываются различные обобщенные модели суицидального поведения, к примеру теория ABC (M. W. Patry, P. R. Magaletta) [15]. Это трехсторонняя модель, которая постулирует, что отношение (к самоубийству или смерти) состоит из трех взаимосвязанных, но разных компонентов: эмоционального, когнитивного и поведенческого. Она была уточнена в модели суицидального барометра SBM (M. J. Kral, I. Sakinofsky) [16], используемой для оценки суицидального риска (рис. 2). Она основана на эмпирических доказательствах того, что самоубийство является изменчивым состоянием, что имеет серьезные последствия для оценки как текущего, так и будущего личного риска суицида (C. D. Corona и др. [5]).

В концепции А. Г. Амбрумовой самоубийство рассматривается как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого ею конфликта. Эта дезадаптация имеет объективные и субъективные проявления на двух уровнях: непатологическом и патологическом. Каждый случай самоубийства – это результат взаимодействия ситуационных и личностных факторов [17].

Предпринимаются попытки обобщить большой объем разрозненных исследований влияния различных факторов на риск суицидального поведения, предлагаются варианты их систематизации, классификации. Г. С. Банников и др. предлагают объединить их в следующие: актуальные (депрессия, безнадежность, одиночество, внутренняя напряженность, агрессия) и потенциальные (психологические характеристики семейного функционирования, личностные особенности) [18].

Наиболее уязвимым в плане аутодеструктивных проявлений является подростковый возраст, когда человек впервые постепенно входит во взрослую жизнь, стремится понять, где находятся границы возможного поведения, видит мир в черно-белом свете максимализма и экспериментирует с возможностями своего тела и своей психики. Когда подросток еще не имеет опыта преодоления сложных ситуаций и решения важных жизненных задач, но впервые сталкивается с ними. Противоречивость и сложность этого периода заключается еще и в том, что мнение сверстников, представления, распространенные в различных субкультурах, становятся не менее (а иногда и более) значимыми, чем мнение традиционной части общества, мнение родителей и педагогов.

В связи с особой актуальностью вопроса многочисленные работы посвящены изучению факторов риска возникновения суицидальных тенденций у подростков (Н. В. Басалаева, Т. В. Захарова [19], П. В. Безменов и др. [20], Н. В. Карпова, А. Ю. Бархатова [21], Н. Д. Узлов, М. Н. Семенова [22]), в том числе и изучению влияния семьи на склонность к суицидальному риску в детском и подростковом возрасте (А. Ф. Минуллина, О. Ю. Сарбаева [23], А. А. Шаров [24]), взаимосвязи буллинга с риском суицидального поведения у подростков (А. В. Мелехин, А. А. Волочков [25], И. А. Фурманов, В. Е. Купченко [26]), а также диагностике риска суицидального поведения детей и подростков в образовательных учреждениях (И. Б. Бовина [27], Т. С. Павлова [28]), стратегиям и тактикам преодоления и предупреждения суицидальных рисков у подростков (М. В. Васильченко [29], Н. В. Власова [30], И. Э. Есауленко, Е. А. Семенова [31], Ю. В. Мигунова [32], А. С. Рахимкулова [33], В. А. Розанов и др. [34], В. В. Семенов и др. [35], К. С. Шалагинова, С. А. Черкасова [36]).

Сложность исследуемой проблемы заключается в том, что все описанные факторы риска аутодеструктивного и суицидального поведения не определяют его появления. Сложные жизненные ситуации, проблемы со здоровьем, конфликты с родственниками случаются у огромного количества людей, но они даже не помышляют о причинении себе вреда. Об этом говорил еще Э. Шнейдман. Сам факт того, что человек чувствует психологическую боль, даже очень сильную, еще не делает его самоубийцей. С другой стороны, эмоциональная неустойчивость, неумение решать проблемы, одиночество и неопределенность ценностных ориентиров в благоприятной обстановке также не являются определяющими.

Таким образом, можно говорить о некоторой внутренней готовности реализовывать определенную линию поведения при соответственно складывающейся ситуации, иными словами, аутодеструктивная установка, которая формируется во взаимодействии человека с миром, с людьми, тесно связана с ситуацией, в которой находится человек, и может меняться со временем. То есть поведение человека всегда предполагает взаимодействие наличных условий и его внутренней склонности.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что ситуационными факторами риска аутодеструктивного поведения подростков могут быть отношения с родственниками, отношения с педагогами, отношения со сверстниками. Личностными факторами выступают аффективные (уровень безнадежности, депрессии, одиночества, тревоги, удовлетворенности жизнью), когнитивно-оценочные (отношение к себе, к жизненной ситуации, ценность жизни) и поведенческие (стратегии решения проблем, зависимое и рискованное поведение). Факторы риска отражены на рисунке 3.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

Рис. 3. Факторы риска аутодеструктивного поведения
Fig. 3 Risk factors of auto-destructive behavior

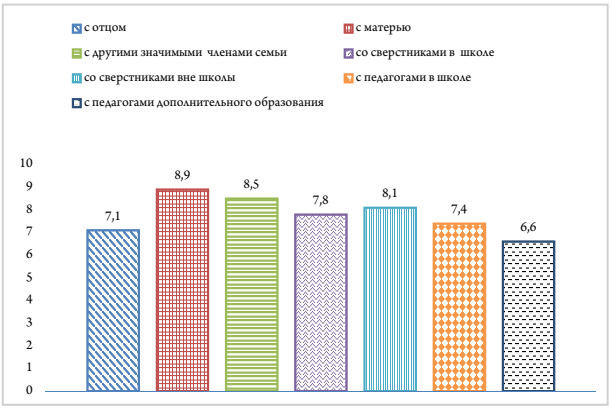


Рис. 4. Отношения подростков с окружающими в семье и школе
Fig. 4. Adolescents' relations with inner circle and community

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 116 учащихся 9–10 классов одной из школ г. Топки, из них 50 мальчиков и 66 девочек в возрасте 14–16 лет.

Для изучения факторов риска в исследовании были использованы следующие методики: краткий вариант опросника доминирующего состояния Л. В. Куликова; опросник «Причины жить» (Reasons for Life Scale) М. Линихэн в модификации для подростков Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай, Е. В. Евсеенковой; подростковый вариант опросника депрессии А. Бека; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; опросник «Детская шкала безнадежности» в российской адаптации К. Н. Белогай и др. [37]. Также были использованы анкетные данные.

Результаты исследования

Большинство детей живут в полных семьях, с родными родителями – 60 %, с отчимом или мачехой – 6 %; еще 34 % живут в неполных семьях. Нами были рассмотрены отдельно ситуационные и личностные факторы риска аутодеструктивного поведения.

Для оценки отношений подростков с родственниками, взрослыми и со сверстниками мы предложили оценить их по шкале от 1 до 10 (0 – если отношений нет).

Лучше всего подростки оценивают свои отношения с матерью – в среднем 9. С отцом не общаются 11 %, остальные в среднем оценивают отношения на 8 (среднее по всей выборке – 7). Средние показатели представлены в виде диаграммы на рисунке 4.

Мы видим, что большинство детей оценивают свои отношения с окружающими очень высоко. При этом отношения в семье видятся как наиболее благоприятные, со сверстниками чуть ниже, но тоже высоко, с педагогами в среднем тоже высоко, но ниже, чем с семьей и сверстниками. В целом для подростков сверстники становятся, как правило, все более значимыми. Однако семья, и особенно мама, остается наиболее значимыми отношениями.

С другой стороны, отношения с матерью коррелируют только с отношениями с другими родственниками ($r=0,32$ при $p<0,05$), а отношения с отцом значимо взаимосвязаны со шкалой «Страх социального неодобрения» и отрицательно связаны с уровнем депрессии (соответственно $r=0,2$ и $r=-0,2$ при $p<0,05$). Таким образом, мы обнаружили различия в ролевых характеристиках воспитания отцов и матерей. Если мать любит безусловно, принимая ребенка в любом состоянии, с любыми способами взаимодействия с миром, то функция отца более социальна. Соблюдение правил, норм, дисциплина – это в большей степени прерогатива отцовского воспитания.

Однако с другими факторами риска аутоагрессивного поведения эти отношения не связаны, тогда как отношения с другими родственниками, сверстниками и педагогами имеют корреляции со всеми компонентами личностных факторов риска.

Рассмотрим сначала аффективные личностные факторы. В таблице 1 приведены только статистически значимые взаимосвязи (при $p<0,05$).

Таким образом, очевидно, что отношения с окружающими, и прежде всего со сверстниками, значительно сильнее связаны с эмоциональным состоянием старших подростков, чем отношения с родителями.

Интересно, что и когнитивно-оценочный компонент личностных факторов риска тесно взаимосвязан с особенностями отношений подростка с окружающими. Статистически значимые взаимосвязи (при $p<0,05$) приведены в таблице 2.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

Таблица 1. Взаимосвязь ситуационных и аффективных личностных факторов риска
Table 1. Correlation between situational and emotional risk factors

Аффективный компонент личностных факторов риска	Отношения				
	С другими членами семьи	Со сверстниками в школе	Со сверстниками вне школы	С педагогами в школе	С педагогами дополнительного образования
Одиночество	–0,41	–0,47	–0,25	–0,22	–
Детская шкала безнадежности	–0,45	–0,38	–0,35	–0,33	–0,22
Тонус	0,27	0,33	0,35	0,31	–
Спокойствие / тревога	0,28	0,35	0,27	0,26	–
Эмоциональная устойчивость	0,25	0,28	0,26	0,22	–
Удовлетворенность жизнью в целом	0,25	0,32	0,24	0,21	–
Уровень депрессии	–0,59	–0,52	–0,50	–0,32	–0,20

Таблица 2. Взаимосвязь ситуационных и когнитивно-оценочных личностных факторов риска
Table 2. Correlation between situational and cognitive risk factors

Когнитивно-оценочный компонент личностных факторов риска	Отношения				
	С другими членами семьи	Со сверстниками в школе	Со сверстниками вне школы	С педагогами в школе	С педагогами дополнительного образования
Общая шкала причин для жизни	0,46	0,35	0,31	0,39	0,21
Вера в возможность решения проблем	0,48	0,41	0,33	0,38	–
Ответственность перед семьей	0,40	0,27	0,25	0,33	0,21
Страх социального неодобрения	–	–	–	0,20	–
Моральные причины	0,32	–	0,28	0,30	0,35
Активное отношение к жизненной ситуации	0,28	0,27	0,28	0,28	–
Положительный образ себя	–	–	–	0,22	–

Обращает на себя внимание, что по всем параметрам данного компонента есть значимые взаимосвязи с отношениями с учителями в школе, а положительный образ себя значимо связан только с этими взаимоотношениями. То есть чем лучше отношения у ребенка в школе, тем более хорошее у него мнение о себе самом.

Поведенческий компонент личностных факторов риска аутодеструктивного поведения также обнаруживает взаимосвязи с отношениями, но здесь сверстники выходят на первый план. Именно общение с ними противостоит стремлению спрятать голову в песок, уйти от решения проблем. Статистически значимые взаимосвязи (при $p<0,05$) приведены таблице 3.

Следует отметить, что хотя отношения со школьными учителями не связаны значимо с теми стратегиями, которые использует подросток при столкновении со сложными ситуациями, но вот отношения с учителями дополнительного образования положительно связаны со стратегией решения проблем. Можно предположить, что общение с педагогами дополнительного образования носит более неформальный, практический характер.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

Таблица 3. Взаимосвязь ситуационных и поведенческих личностных факторов риска
Table 3. Correction between situational and behavioral risk factors

Поведенческий компонент личностных факторов риска	Отношения			
	С другими членами семьи	Со сверстниками в школе	Со сверстниками вне школы	С педагогами дополнительного образования
Копинг-разрешение проблем	0,21	–	0,28	0,19
Копинг-избегание проблем	–	–0,40	–0,28	–

Обращает на себя внимание и тот факт, что время пребывания в Интернете (в часах в день) увеличивается при ухудшении отношений со сверстниками и учителями в школе.

Итак, из представленных данных видно, что отношения с ближайшим окружением: с родителями, учителями, сверстниками и педагогами – тесно взаимосвязаны с тем, как себя чувствует подросток, как относится к своей жизненной ситуации и к себе и как склонен себя вести при решении возникающих проблем. Именно поэтому эти отношения могут быть ресурсом для личности подростка в сложных жизненных ситуациях. Однако они же могут способствовать развитию депрессии, чувства безнадежности и одиночества, неконструктивному решению проблем, негативному отношению к себе и к жизни. Родителям стоит помнить о том, что на состояние, оценку себя и своей жизни и способы принятия решений для подростка большее влияние оказывает социальное окружение, а не отношения с родителями, хотя они и остаются очень важными.

Рассмотрим подробнее личностные факторы риска аутодеструктивного поведения. Их можно разбить на три компонента: аффективные, конгитивно-оценочные и поведенческие.

Аффективный компонент можно описать через следующие характеристики: уровень безнадежности, депрессии, одиночества, спокойствия, эмоциональной устойчивости, удовлетворенности жизнью в целом. Количество детей (в процентах) с высоким, средним и низким уровнем по каждой характеристике представлено на рисунке 5.

Итак, переживание одиночества является характерной особенностью подросткового возраста – только половина детей не подвержена этому переживанию в той или иной мере. Чувство безнадежности мучает около 10 % подростков, а у четверти детей она среднего уровня. Можно предположить, что первые значимые решения, первые важные жизненные проблемы уже приходят, а ресурса их решить или справиться с ними не всегда хватает.

По шкале депрессии Бека у 9 % детей средние и у 9 % высокие показатели. При этом все показатели данного компонента статистически значимо взаимосвязаны (при $p<0,05$). Чтобы не перегружать статью, мы не приводим эти данные.

Следует отметить, что они также значимо коррелируют и со способами решения проблем. Стратегия избегания проблем связана с одиночеством ($r=0,43$), безнадежностью ($r=0,3$), депрессией ($r=0,43$), тревожностью ($r=0,38$), неустойчивостью ($r=0,31$) и неудовлетворенностью ($r=0,43$) (при $p<0,05$). Копинг-решение проблем – ровно наоборот. В то время как стратегия – обратиться за социальной поддержкой – не связана ни с одной характеристикой.

Рассматривая составляющие когнитивно-оценочного компонента, следует отдельно остановиться на методике «Причины жить». Средние показатели по шкалам представлены на рисунке 6.

И вновь становится понятно, что хотя отношения со сверстниками и педагогами сильно влияют на эмоциональное состояние, основным антисуицидальным фактором выступает семья, ответственность перед семьей и вера в решение проблем.

Около половины подростков достаточно пассивно относятся к своей жизненной ситуации, они еще не чувствуют, что они принимают решения в своей жизни. 71 % детей обладают средними представлениями о себе, а 21 % обладают высокой самооценкой. В процентном соотношении результаты представлены на рисунке 7.

Активное отношение к жизненной ситуации коррелирует с верой в возможность решения задач ($r=0,4$ при $p<0,05$). При этом положительный образ себя и активное отношение к жизни между собой не взаимосвязаны. Взаимосвязь поведенческого компонента с другими факторами описана выше. Применение различных копинг-стратегий подростками представлено на рисунке 8.

Подростки чаще всего используют стратегии решения проблем и поиска социальной поддержки. Так как у большинства детей представлены все виды стратегий, то можно предположить, что они используются в зависимости от ситуации. Кроме того, выше уже указывалось, что стратегии принятия решений и избегания проблем тесно связаны с эмоциональным состоянием ребенка и с его отношениями с окружающими.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

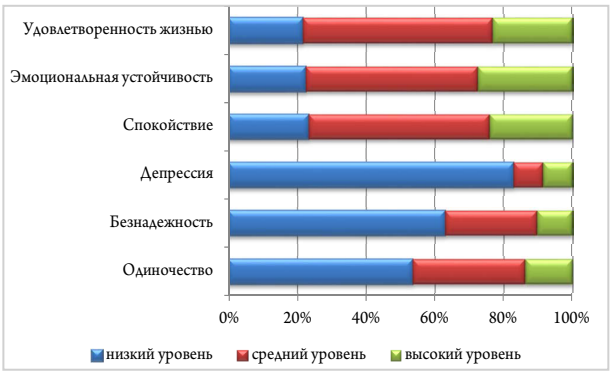


Рис. 5. Особенности проявления аффективного компонента
Fig. 5. Specifics of emotional component

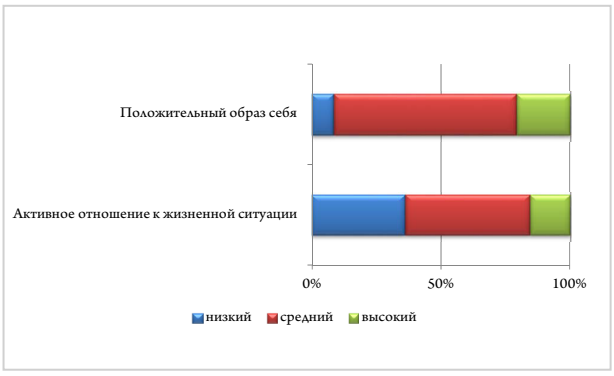


Рис. 7. Характеристики когнитивно-оценочного компонента
Fig. 7. Specifics of cognitive component

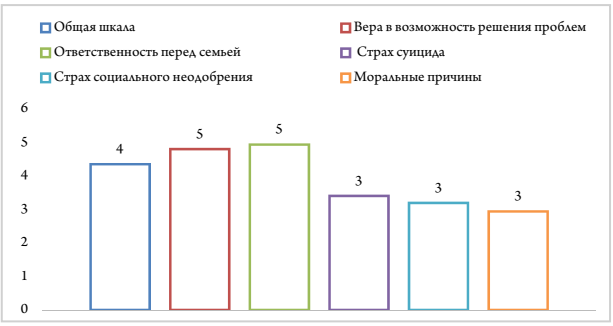


Рис. 6. Средние показатели по методике «Причины жить»
Fig. 6. Reasons for Life (M)

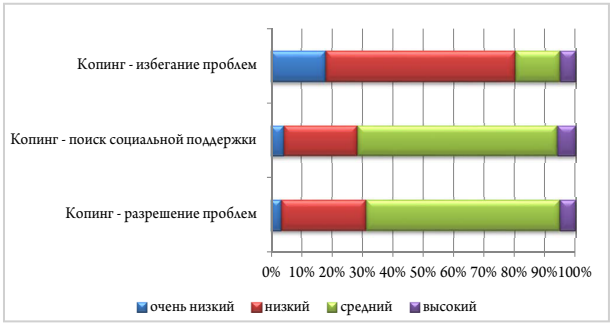


Рис. 8. Использование копинг-стратегий подростками (опросник Д. Амирхана)
Fig. 8. Coping strategies in adolescents (Amirkhan's questionnaire)

Заключение

Поведение человека – это всегда взаимодействие наличной ситуации и личности – с ее пониманием этой ситуации, ценностями и смыслами, эмоциональным переживанием этой ситуации, уникальным опытом решения подобных проблем. Поэтому для построения эффективной профилактики аутодеструктивного поведения необходимо учитывать и ситуационные, и личностные факторы риска подобного поведения.

Рассматривая особенности проявления данных факторов у старших подростков, можно сделать вывод, что взаимоотношения подростков с ближайшим окружением – одноклассниками, сверстниками, педагогами – теснейшим образом взаимосвязаны с его эмоциональным состоянием, с переживанием одиночества, депрессии и безнадежности, с одной стороны, и с эмоциональной устойчивостью, спокойствием и удовлетворенностью жизнью в целом – с другой.

Важно понимать, что отношения со старшими подростками остаются значимыми для него. Более того, ответственность перед семьей является важным сдерживающим фактором аутодеструктивного поведения. И одновременно эти отношения не связаны с выбором стратегии поведения, с эмоциональным переживанием ситуации.

В то же время отношения с педагогами коррелируют с пониманием ситуации и оценкой самого себя. При этом выбор стратегии поведения уже больше связан с отношениями со сверстниками, что соответствует возрастной норме.

В целом ситуационные факторы тесно взаимосвязаны с личностными, что определяет необходимость не только работать с группой риска по выстраиванию отношений с миром, но и учить навыкам конструктивного решения проблем. Важно помнить, что отношения ребенка с окружающими могут выступать как ресурс ребенка в сложной ситуации, так и как фактор риска.

В рамках нашей работы мы не останавливались на еще одном важном внешнем ситуационном факторе: общественное мнение, средства массовой информации, обстановка в обществе. Это остается предметом дальнейших исследований.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

Литература

1. Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / ред. А. Н. Моховиков, 2-е изд., стер. М.: Когито-Центр, 2013. 569 с.
2. Нуркаева Т. Н., Артамонова М. А. Историко-правовые аспекты становления и развития российского уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с суицидом // Вестник ВЭГУ. 2018. № 4. С. 78–87.
3. Морозова И. С., Белогай К. Н., Евсеенкова Е. В. К проблеме систематизации теоретических подходов к изучению аутодеструктивного поведения в традиционной и постнеклассической психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 8. С. 59–67. DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2018.8.10
4. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37. DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/62/3
5. Corona C. D., Jobes D. A., Nielsen A. C., Pedersen C. M., Jennings K. W., Lento R. M., Brazaitis K. A. Assessing and treating different suicidal states in a Danish outpatient sample // Archives of Suicide Research. 2013. Vol. 17. № 3. P. 302–312. DOI: https://doi.org/10.1080/13811118.2013.777002
6. DeVellis R. F. Scale development: Theory and applications. Los Angeles, CA: Sage, 2012, 258 p.
7. Groth-Marnat G. Handbook of psychological assessment. NJ: John Wiley & Sons, 2009, 408 p.
8. Jobes D. A., Nelson K. N., Peterson E. M., Pentiuc D., Downing V., Francini K., Kiernan A. Describing suicidality: An investigation of qualitative SSF responses // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2004. Vol. 34. № 2. P. 99–112. DOI: https://doi.org/10.1521/suli.34.2.99.32788
9. Beck A. T., Brown G., Berchick R. J., Stewart B. L. Relationship between hopelessness and ultimate suicide: A replication with psychiatric outpatients // American Journal of Psychiatry. 1990. Vol. 147. № 2. P. 190–195.
10. Beck R., Perkins T. S., Holder R., Robbins M., Gray M., Allison S. H. The Cognitive and Emotional Phenomenology of Depression and Anxiety: Are Worry and Hopelessness the Cognitive Correlates of NA and PA? // Cognitive Therapy and Research. 2001. Vol. 25. № 6. P. 829–838.
11. Perlman C., Neufeld E., Martin L., Goy M., Hirdes J. P. Suicide Risk Assessment Guidebook: A Resource for Health Care Organizations. Toronto, ON: Ontario Hospital Association and Canadian Patient Safety Institute, 2011. 132 p. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.1.4294.3528
12. Rudd M. D., Berman A. L., Joiner T. E., Nock M. K., Jr., Silverman M. M., Mandrusiak M., Van Orden K., Witte T. Warning Signs for Suicide: Theory, Research, and Clinical Applications // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2006. Vol. 36. № 3. P. 255–262. DOI: https://doi.org/10,1521/suli.2006.36.3.255
13. Shneidman E. S. Anodyne psychotherapy for suicide: A psychological view of suicide // Clinical Neuropsychiatry: Journal of Treatment Evaluation. 2005. Vol. 2. № 1. P. 7–12.
14. Baumeister R. F. Suicide as escape from self // Psychological Review. 1990. Vol. 97. № 1. P. 90–113.
15. Patry M. W., Magaletta P. R. Measuring suicidality using the Personality Assessment Inventory: A convergent validity study with federal inmates // Psychological Assessment. 2015. Vol. 22. № 1. P. 36–45. DOI: https://doi.org/10.1177/1073191114539381
16. Kral M. J., Sakinofsky I. Clinical model for suicide risk assessment // Death Studies. 1994. Vol. 18. № 4. P. 311–326.
17. Амбрумова А. Г., Калашникова О. Э. Клинико-психологическое исследование самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. 1998. Т. 8. № 4. С. 53–56.
18. Банников Г. С., Павлова Т. С., Кошкин К. А, Летова А. В. Потенциальные и актуальные факторы риска развития суицидального поведения подростков (обзор литературы) // Суицидология. 2015. Т. 6. № 4. С. 21–32.
19. Басалаева Н. В., Захарова Т. В. Проблема суицидального поведения подростков: диагностика и профилактика // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2-2. С. 329–333.
20. Безменов П. В., Серебровская О. В., Портнова А. А., Смирнов И. И., Усачева Е. Л., Вяльцева И. Ю., Романова О. А., Наумец М. И. Динамика ведущих факторов суицидального риска у подростков в результате оказания кризисной психологической помощи // Общественное психическое здоровье: настоящее и будущее: сб. материалов VI Национального конгресса по социальной психиатрии и наркологии. М.: НМИЦ ПН им. В. П. Сербского, 2016. С. 64–65.
21. Карпова Н. В., Бархатова А. Ю. Коррекция суицидальных намерений у подростков // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 2. С. 22.
22. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. Т. 8. № 3. С. 40–53.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

23. Минуллина А. Ф., Сарбаева О. Ю. Взаимосвязь факторов семейного воспитания и суицидальной активности подростков // Практическая медицина. 2015. № 5. С. 27–30.
24. Шаров А. А. Психологическая диагностика суицидального риска у подростков с нарушениями речи // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12. С. 216–218.
25. Мелехин А. В., Волочков А. А. Взаимосвязь буллинга с риском суицидального поведения у старших подростков (16–18 лет) // Ярмарка научно-практических инициатив студентов «ЯНПИС»: материалы XIII межрег. науч.-практ. конф. Пермь, 20–21 мая 2016 г.; отв. ред. А. А. Вихман. Пермь: ПГГПУ, 2016. С. 71–73.
26. Фурманов И. А., Купченко В. Е. Личностные особенности и переживание насилия со стороны сверстников как факторы суицидального риска у подростков // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2018. № 2. С. 38–46. DOI: https://doi.org/10.25513/2410-6364.2018.2.38-46
27. Бовина И. Б. Проблема диагностики риска суицида и возможности теста имплицитных ассоциаций для ее разрешения // Психолого-педагогические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 146–154. DOI: https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060117
28. Павлова Т. С. Диагностика риска суицидального поведения детей и подростков в образовательных учреждениях // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 4. С. 79–91.
29. Васильченко М. В. Профилактика и коррекция кризисных состояний и суицидального поведения подростков // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6. № 1. С. 87–90.
30. Власова Н. В. Исследование взаимосвязи копинг-стратегий и факторов суицидальных рисков в подростковом возрасте (на примере учащихся кадетской школы-интерната) // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль, 20–22 октября 2015 г. Ярославль: ЯГПУ, 2015. С. 37–40.
31. Есауленко И. Э., Семенова Е. А. Профилактика психотравмирующих стрессовых расстройств, расстройств адаптации и меры противодействия суицидальных тенденций среди молодежи // Системный анализ и управление в биомедицинских системах. 2014. Т. 13. № 2. С. 453–462.
32. Мигунова Ю. В. Подростковый суицид в контексте проблем социологии молодёжи // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.; отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 674–679.
33. Рахимкулова А. С. Нейропсихологические особенности подросткового возраста, влияющие на склонность к рисковому и суицидальному поведению // Суицидология. 2017. Т. 8. № 1. С. 52–61.
34. Розанов В. А., Уханова А. И., Волканова А. С., Рахимкулова А. С., Пизарро А., Бирон Б. В. Стресс и суицидальные мысли у подростков // Суицидология. 2016. Т. 7. № 3. С. 20–32.
35. Семенов В. В., Григолашвили И. С., Жданова Л. В. Возможности оказания психологической помощи участникам образовательного процесса в переживании суицида учащегося // Научно-практические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи ИЭП МГППУ. М.: Экон-информ, 2011. Вып. 1. С. 102–110.
36. Шалагинова К. С., Черкасова С. А. Формирование эффективных копинг-стратегий у студентов-первокурсников в период сессии как одно из направлений профилактики суицидальных рисков в молодежной среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 5-1. С. 134–137. DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.59.122
37. Белогай К. Н., Борисенко Ю. В., Евсеенкова Е. В., Каган Е. С., Морозова И. С. Опыт использования методики «Детская шкала безнадежности» в процессе апробации скринингового метода исследования риска суицидального поведения подростков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 24. С. 3–22. DOI: https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.3

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

The Risk Factors of Auto-Destructive Behavior in Adolescents*

Elena V. Evseenkova [a, @, ID]

[a] Kemerovo State University, 650000, Russia, Kemerovo, Krasnaya St., 6
[@] evseenkova_e_v@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-9413-1914

Received 22.01.2019. Accepted 28.02.2019.

Abstract: The research features modern domestic and foreign fundamental approaches to self-destructive behavior and suicidal risk. The author adduces the data on the structure of suicidal risk, its affective, cognitive, and behavioral characteristics. The paper also describes the concept of increasing potential risk factors and predicates presented by M. D. Rudd, as well as an analysis of the theory of suicidal barometer developed by K. M. Harris, J. J. Syu, O. D. Lello, Y. L. Chew, C. H. Willcox, and R. H. Ho. It also features situational and personal factors of suicidal risk, both potential and actual. The paper focuses on predictors of the genesis and development of predisposition to auto-destructive behavior in adolescents.
The research objective was to study the characteristics of risk factors of autodestructive behavior in adolescents. The sample group included 116 participants, 14–16-year-old students of 9–10 grades. The author described situational and personal risk factors of auto-destructive behavior in adolescents. They revealed a correlation between personal relations with inner circle and neighborhood society, as well as affective, cognitive, and behavioral personality factors of autodestructive risk.

Keywords: suicidal risk, suicide, potential risk factors, risk level, situational factors, personality factors, model, predictors of suicidal risk, depression

For citation: Evseenkova E. V. The Risk Factors of Auto-Destructive Behavior in Adolescents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 74–86. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

References

1. Suicidology: *Past and Present: The problem of suicide in the writings of philosophers, sociologists, psychotherapists and in artistic texts*, ed. Mokhovnikov A. N. 2nd ed. Moscow: Kogito-Tsentr, 2013, 569. (In Russ.)
2. Nurkayeva T. N., Artamonova M. A. Historical and legal aspects of the formation and development of the Russian criminal legislation on liability for suicide-related crimes. *Vestnik VEHGU*, 2018, (4): 78–87. (In Russ.)
3. Morozova I. S., Belogai K. N., Evseenkova E. V. Concerning the systematization of theoretical approaches to studying self-destructive behavior in traditional and post-non-classical psychology. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2018, (8): 59–67. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.24158/spp.2018.8.10
4. Leontiev D. A. Autoregulation, resources, and personal potential. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2016 (62): 18–37. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/62/3
5. Corona C. D., Jobes D. A., Nielsen A. C., Pedersen C. M., Jennings K. W., Lento R. M., Brazaitis K. A. Assessing and treating different suicidal states in a Danish outpatient sample. *Archives of Suicide Research*, 2013, 17(3): 302–312. DOI: https://doi.org/10.1080/13811118.2013.777002
6. DeVellis R. F. *Scale development: Theory and applications*. Los Angeles, CA: Sage, 2012, 258.
7. Groth-Marnat G. *Handbook of psychological assessment*. NJ: John Wiley & Sons, 2009, 408.
8. Jobes D. A., Nelson K. N., Peterson E. M., Pentiuc D., Downing V., Francini K., Kiernan A. Describing suicidality: An investigation of qualitative SSF responses. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2004, 34(2): 99–112. DOI: https://doi.org/10.1521/suli.34.2.99.32788
9. Beck A. T., Brown G., Berchick R. J., Stewart B. L. Relationship between hopelessness and ultimate suicide: A replication with psychiatric outpatients. *American Journal of Psychiatry*, 1990, 147(2): 190–195.
10. Richard B., Perkins T. S., Holder R., Robbins M., Gray M., Allison S. H. The Cognitive and Emotional Phenomenology of Depression and Anxiety: Are Worry and Hopelessness the Cognitive Correlates of NA and PA? *Cognitive Therapy and Research*, 2001, 25(6): 829–838.

* This work was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) under Grant 18-013-00210 A.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

11. Perlman C., Neufeld E., Martin L., Goy M., Hirdes J. P. *Suicide Risk Assessment Guidebook: A Resource for Health Care Organizations*. Toronto, ON: Ontario Hospital Association and Canadian Patient Safety Institute, 2011, 132. DOI: https://doi.org/10.13140/RG.2.1.4294.3528
12. Rudd M. D., Berman A. L., Joiner T. E., Nock M. K., Jr., Silverman M. M., Mandrusiak M., Van Orden K., Witte T. Warning Signs for Suicide: Theory, Research, and Clinical Applications. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2006, 36(3): 255–262. DOI: https://doi.org/10.1521/suli.2006.36.3.255
13. Shneidman E. S. Anodyne psychotherapy for suicide: A psychological view of suicide. *Clinical Neuropsychiatry: Journal of Treatment Evaluation*, 2005, 2(1): 7–12.
14. Baumeister R. F. Suicide as escape from self. *Psychological Review*, 1990, 97(1): 90–113.
15. Patry M. W., Magaletta P. R. Measuring suicidality using the Personality Assessment Inventory: A convergent validity study with federal inmates. *Psychological Assessment*, 2015, 22(1): 36–45, DOI: https://doi.org/10.1177/1073191114539381
16. Kral M. J., Sakinofsky I. Clinical model for suicide risk assessment. *Death Studies*, 1994, 18(4): 311–326.
17. Ambrumova A. G., Kalashnikova O. E. Clinical and psychological study of suicide. *Sotsialnaia and clinicheskaia psikhiatriia*, 1998, 8(4): 53–56. (In Russ.)
18. Bannikov G. S., Pavlova T. S., Koshkin K. A., Letova A. V. Actual and potential suicide risk factors in adolescents (literature review). *Suicidology*, 2015, 6(4): 21–32. (In Russ.)
19. Basalaeva N. V., Zakharova T. V. The problem of suicidal behavior in adolescents: diagnosis and prevention. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia*, 2016, 2(2): 329–333. (In Russ.)
20. Bezmenov P. V., Serebrovskaya O. V., Portnova A. A., Smirnov I. I., Usacheva E. L., Vyaltseva I. Yu., Romanova O. A., Naumets M. I. The dynamics of the leading factors of suicidal risk in adolescents as a result of the provision of crisis psychological assistance. *Public mental health: the present and the future*: Proc. VI National Congress on Social Psychiatry and Addiction. Moscow: NMITS PN im. V. P. Serbskogo, 2016, 64–65. (In Russ.)
21. Karpova N. V., Barkhatova A. Yu. Correction of teenagers' suicide intentions. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem,* 2014, (2): 22. (In Russ.)
22. Uzlov N. D., Semenova M. N. Game, transgression and network suicide. *Suicidology*, 2017, 8(3): 40–53. (In Russ.)
23. Minullina A. F., Sarbaeva O. Yu. Correlation between factors of family education and suicidal activity teenagers. *Practical medicine*, 2015, (5): 27–30. (In Russ.)
24. Sharov A. A. Psychological diagnosis of suicide risk in adolescents with speech disorders. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, 2015, (12): 216–218. (In Russ.)
25. Melekhin A. V., Volochkov A. A. The relationship of bullying with the risk of suicidal behavior in older adolescents (16–18 years old). *Fair of Students' Scientific and Practical Initiatives "YANPIS"*: Proc. XIII Interreg. Sci.-Pract. Conf. Perm, May 20–21, 2016. Perm: PGGPU, 2016, 71–73. (In Russ.)
26. Fourmanov I. A., Kupchenko V. E. Personal features and experience of violence from the parties as a factors of suicidal risk in adolescents. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2018, (2): 38–46. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.25513/2410-6364.2018.2.38-46
27. Bovina I. B. Problem of suicide risk diagnosing and possibility of use implicit association test. *Psychological-Educational Studies*, 2014, 6(1): 146–154. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060117
28. Pavlova T. S. Diagnosis of suicidal behavior risks of children and adolescents in educational institutions. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2013, 2(4): 79–91. (In Russ.)
29. Vasilchenko M. V. Prophylaxis and correction of crisis states and suicidal behavior of teenagers. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal,* 2009, 6(1): 87–90. (In Russ.)
30. Vlasova N. V. Study of the relationship of coping strategies and factors of suicidal risks in adolescence (on the example of students of the cadet boarding school). *System genesis of educational and professional activities*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf., Yaroslavl, 20 October 22, 2015. Yaroslavl: IaGPU, 2015, 37–40. (In Russ.)
31. Esaulenko I. E., Semenova E. A. Prevention of psychotraumatic, stressful, and adaptation disorders and suicidal tendencies counteraction among the youth. *Sistemnyi analiz i upravlenie v biomeditsinskikh sistemakh*, 2014, 13(2): 453–462. (In Russ.)
32. Migunova Yu. V. Teenage suicide in the context of youth problems of sociology. *Actual problems of the sociology of culture, education, youth and management*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Ekaterinburg, February 24–25, 2016, ed. Vishnevsky Yu. R. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016, 674–679. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-74-86

33. Rakhimkulova A. S. Neuropsychological changes in adolescence that influence risky and suicidal behavior. *Suicidology*, 2017, 8(1): 52–61. (In Russ.)
34. Rozanov V. A., Ukhanova A. I., Volkanova A. S., Rakhimkulova A. S., Pizarro A., Biron B. V. Stress and suicidal thoughts in adolescents. *Suicidology*, 2016, 7(3): 20–32. (In Russ.)
35. Semenov V. V., Grigolashvili I. S., Zhdanova L. V. Opportunities to provide psychological assistance to participants in the educational process in experiencing a student's suicide. *Scientific, practical and applied aspects of the activities of the Center for Emergency Psychological IEP MGPPU*. Moscow: Ekon-inform, 2011, iss. 1, 102–110. (In Russ.)
36. Shalaginova K. S., Cherkasova S. A. Formation of effective coping strategies among freshmen during examination session as one of the directions of suicidal risks prevention in the youth environment. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2017, (5-1): 134–137. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.59.122
37. Belogai K. N., Borisenko Yu. V., Evseenkova E. V., Kagan E. S., Morozova I. S. The use of "Child hopelessnesss" test in validation of the screening test of adolescents' suicidal behavior. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2018, vol. 24, 3–22. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.3

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.9.072

Особенности устойчивости жизненного мира спортсменов высокой квалификации с различной профессиональной успешностью: сравнительный анализ

Ирина О. Логинова [a, @, ID]; Мария С. Севостьянова [b]

[a] Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, 660022, Россия, г. Красноярск, ул. П. Железняка, 1

[b] Федеральный Сибирский научно-клинический центр Федерального медико-биологического агентства, 660037, Россия, г. Красноярск, ул. Коломенская, 26

[@] loginova70_70@mail.ru

[ID] http://www.researcherid.com/rid/Y-6673-2018

Поступила в редакцию 12.12.2018. Принята к печати 21.01.2019.

Аннотация: По своему смысловому содержанию настоящая статья продолжает ряд исследований, посвященных актуальной проблеме повышения спортивной результативности и роста профессионального долголетия спортсменов высокой квалификации – членов спортивных сборных команд России. Не противореча методологическим основам классических исследований в области спортивной психологии, в данной работе мы предлагаем решение задачи поиска путей психолого-педагогического обеспечения профессиональной успешности в спорте высших достижений с позиций системной антропологической психологии и принципов и положений концептуальных оснований теории жизненного самоосуществления человека. Предмет настоящего исследования – особенности устойчивости жизненного мира высококвалифицированных спортсменов с различной профессиональной успешностью, сравнительный анализ которых, соответственно, и был определен в качестве цели исследования. Полученные результаты наглядно проиллюстрировали специфические особенности проявления устойчивости жизненного мира у спортсменов с различной профессиональной успешностью. Было эмпирически доказано, что высокая степень устойчивости жизненного мира и конструктивный характер ее проявления являются психологическими условиями оптимального сочетания процессов достижения стабильно высоких спортивных результатов и сохранения высокого уровня психической адаптации (речь идет об адекватной психологической цене достижений), что определяет устойчивость жизненного мира в том числе и как системную психологическую характеристику, отвечающую за процесс эффективной профессионализации в спорте высших достижений. Это позволяет констатировать, что включение программы психолого-педагогического обеспечения профессиональной успешности спортсменов спортивных сборных команд России, ориентированной на повышение устойчивости жизненного мира и наращивание признаков конструктивного характера ее проявления, в комплексную систему подготовки спортсменов высокого класса позволит повысить спортивную результативность и психическую адаптацию последних, способствуя росту их профессионального долголетия.

Ключевые слова: спорт высших достижений, устойчивость жизненного мира человека, профессиональная успешность спортсменов, спортивная результативность, психическая адаптация, профессиональное долголетие

Для цитирования: Логинова И. О., Севостьянова М. С. Особенности устойчивости жизненного мира спортсменов высокой квалификации с различной профессиональной успешностью: сравнительный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 87–100. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-87–100

Введение

В настоящее время, согласно Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года, перед сферой физической культуры и спорта России стоит ряд глобальных вызовов и задач, эффективное решение которых в максимально сжатые сроки требует качественно нового подхода. Среди ключевых проблем отмечается усиление глобальной конкуренции в спорте высших достижений на мировом уровне и отставание России от ведущих спортивных держав в развитии

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

и внедрении инновационных спортивных технологий, низкая конкурентоспособность российского спорта в целом. В стратегии подчеркивается, что для совершенствования подготовки спортсменов высокого класса необходима реализация целого комплекса мер, включая разработку перспективных научно-методических и медико-биологических технологий, направленных на совершенствование содержания и структуры тренировочного процесса спортсменов высокого класса, разработку и внедрение системы многолетнего спортивного отбора одаренных юных спортсменов на основе модельных характеристик физической и технической подготовленности, физического развития и оценки состояния здоровья[1].

По своему смысловому содержанию настоящая статья продолжает ряд исследований по разработке и оценке эффективности нового перспективного подхода к организации психолого-педагогического обеспечения профессиональной успешности спортсменов спортивных сборных команд России. В частности, в статье поднимается важная на сегодняшний день для сферы спорта высших достижений проблема, сформулированная отделом медико-психологического обеспечения спортивных сборных команд РФ ФГБУ «Федеральный научно-клинический центр спортивной медицины Федерального медико-биологического агентства» (Москва) как повышение спортивной результативности и рост профессионального долголетия высококвалифицированных спортсменов[2].

Современное состояние проблемы и степень разработанности проблемы исследования

Теоретический анализ психолого-педагогической литературы проиллюстрировал поливариативность подходов к полному или частичному решению обозначенной выше проблемы и позволил выделить основные векторы рассмотрения данного вопроса в отечественных и зарубежных исследованиях. Например, через освоение психологических навыков саморегуляции [1; 2], создание системы психолого-педагогической подготовки к соревнованиям [3; 4], оптимизацию состояния средствами физической культуры [5], управление процессом становления личности в спорте (*self-actualization*) от самоопределения, самоатрибуции к самореализации личности [6], а также изучение онтопсихологических проблем физического воспитания и спорта, в которых предметом исследования становится развитие спортсмена как индивида, субъекта, личности и индивидуальности в условиях спортивной деятельности и карьеры [7]. Традиционно значительное количество исследований посвящено изучению индивидуально-психологических особенностей спортсменов в оптимальном возрасте для достижения высокого результата в спорте [8; 9]. В последние годы возрастает количество исследований универсальных и специфических для различных видов спорта детерминант надежности, стабильности и результативности спортсменов [10], ведутся исследования по проблемам психологической подготовки непосредственно в спорте высших достижений, изучаются психолого-педагогические условия формирования субъекта деятельности в сфере физической культуры и спорта [11], возрастает исследовательский интерес к проблеме сохранения психического здоровья спортсменов, «требующей немедленных широкомасштабных исследований» [12–16].

В целом анализ ситуации, сложившейся вокруг спорта высших достижений, изучение самой сути и степени разработанности существующих подходов к решению проблемы повышения профессионального долголетия высококвалифицированных спортсменов с учетом глобальных вызовов и задач, стоящих в настоящее время на государственном уровне перед сферой физической культуры и спорта, обосновывает с научно-практической точки зрения столь пристальное акцентирование внимания в данной работе на вопросах повышения спортивной результативности спортсменов и сохранения психологического здоровья и повышения их психической адаптации и позволяет нам актуализировать проблему поиска оснований для разработки программы психолого-педагогического обеспечения профессиональной успешности спортсменов спортивных сборных команд России. Ее применение в системе комплексной подготовки спортсменов позволило бы, с одной стороны, создать условия для достижения стабильных высоких (максимальных) спортивных результатов, с другой – сохранить психическое здоровье и повысить уровень психической адаптации спортсменов.

Целью настоящего исследования стал сравнительный анализ особенностей устойчивости жизненного мира (УЖМ) спортсменов с различной профессиональной успешностью. Определение особенностей УЖМ спортсменов в качестве *предмета* исследования и закономерный (в соответствии с целью) его дизайн и логика исходят из ранее сформулированной нами психологической модели профессиональной успешности в спорте высших достижений с позиций здоровьесберегающего подхода [17]. В рамках предложенной

[1] Стратегия развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2020 г. Распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009 № 1101-р. Режим доступа: http://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/ (дата обращения: 10.11.2019).

[2] Отдел медико-психологического обеспечения спортивных сборных команд России. Режим доступа: https://www.sportfmba.ru/otdel-mediko-psikhologicheskogo-obespecheniya-sportivnykh-sbornykh-komand-rossii (дата обращения: 10.11.2019).

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

модели стабильно высокие показатели психологического здоровья рассматриваются как специфический индикатор эффективной профессионализации спортсмена, в то время как готовность и способность к здоровьесбережению – как индивидуально-психологическое свойство личности человека, отвечающее требованиям профессии и являющееся условием успешного выполнения соответствующей деятельности (другими словами, профессионально важное качество). Согласно данной модели оптимальное сочетание (баланс) стабильно высоких показателей спортивной результативности и уровня психологического здоровья и психической адаптации спортсменов обеспечивается гармонично сформированными специфическими системными психологическими характеристиками, поскольку наличия одних только профессионально важных качеств, в их традиционном понимании влияющих, в первую очередь, на эффективность осуществления труда, (совершенствование которых приводит к мастерству в профессии) даже при условии их максимальной выраженности очевидно недостаточно для обеспечения процесса сохранения психологического здоровья. Иначе у самых титулованных атлетов, мастеров спорта, мастеров спорта международного класса и заслуженных мастеров спорта признаки дисфункциональных расстройств и состояний диагностировались бы за редким исключением [17].

Не противореча основам методологического исследования спорта и спортивной деятельности [18], в данном исследовании мы предлагаем решение задачи поиска путей психолого-педагогического обеспечения профессиональной успешности в спорте высших достижений с позиций системной антропологической психологии [19] и принципов и положений концептуальных оснований теории жизненного самоосуществления человека [20], определяющих возможность изучения универсальных системных психологических характеристик (эмерджентных свойств человека).

Учитывая особенности профессионализации высококвалифицированных спортсменов, разумно предположить, что именно диспропорциональность процесса интеграции профессионального и личностного самоопределения в большей степени может привести к тому, что спортсмен будет демонстрировать тождественность жизни не целостно, а фрагментарно, при этом устойчивость жизненного мира такого человека будет недостаточно выражена или вовсе отсутствовать, что, вероятно, может сыграть не последнюю роль в запуске механизмов психической дезадаптации у спортсменов. Решение проблемы УЖМ в меняющемся мире сложна как теоретически, так и в конкретно-практических аспектах, как решение задачи «присутствия, сохранения человека как сущности, организма, индивидуальности, личности» [21, с. 333], что важно, ведь «без сохранения устойчивости реализация физических и духовных потенций невозможна» [22, с. 92]. УЖМ, как психологический феномен являясь фундаментом для реализации потребности человека к оптимизации собственного потенциала, результатом которой становится гармоничное развитие во всех сферах жизненного самоосуществления человека, непрерывный личностный рост, актуализация в творчестве и профессии, сохранное здоровье, обеспечивает возможность «самоосуществления проекта своей жизни» [22, с. 92–93]. Целесообразность изучения феномена УЖМ человека у высококвалифицированных спортсменов с их экстремальными нагрузками, частыми травмами, неудачами на соревнованиях высокого уровня, вынужденными разлуками с родными и близкими (депривация) и другими стресс-факторами продиктована уже имеющимися на сегодняшний момент данными, подтверждающими снижение степени устойчивости жизненного мира у людей, попадающих в кризисные ситуации [23]. Зарубежные авторы, рассматривая спорт высших достижений с точки зрения системной теории позитивного спорта, согласно которой позитивный спорт – это «целостная система человеческих взаимодействий, которые являются источником счастья, целостного развития и эффективных отношений во время спортивной карьеры, а также после окончания карьеры, таким образом, выходя за рамки самого спорта на протяжении всей жизни», подчеркивают важность «позитивной вовлеченности» спортсменов в сценарий собственной жизни, благодаря чему происходит «эффективная передача навыков из спорта в другие жизненные области» [24].

Методы и материалы

Исследование проводилось поэтапно на базе Центра современных психологических технологий ФГБУ «Федеральный сибирский научно-клинический центр Федерального медико-биологического агентства» в рамках медико-психологического сопровождения спортсменов сборных команд России. Исследование одобрено локальным этическим комитетом ФГБОУ ВО КрасГМУ им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России.

Общую *выборку* исследования на разных его этапах составили 354 высококвалифицированных спортсмена, непрерывно входивших в период с 2013 по 2016 г. в основные составы спортивных сборных команд России по различным видам спорта (227 мужчин, средний возраст 23,8±5,7 и 127 женщин, средний возраст 22,6±6,376). Из них 33 человека имели почетное звание «Заслуженный мастер спорта» (являлись чемпионами и призерами

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

Олимпийских игр, победителями чемпионатов мира и т. д.), 74 являлись мастерами спорта международного класса, 145 – мастерами спорта и 104 – кандидатами в мастера спорта.

Для реализации поставленной цели были использованы следующие *методы*:

1) аналитический метод: анализ медицинской документации Центра спортивной медицины и Центра современных психологических технологий ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России;

2) клинико-психологические методы: наблюдение, структурированное интервью, анкетирование с применением специально разработанной анкеты «Моя спортивная карьера»;

3) психодиагностическое тестирование с использованием авторской методики И. О. Логиновой «Изучение устойчивости жизненного мира человека» [25].

На первом этапе нашей задачей стало разделение исходной выборки (N=354) на подгруппы для дальнейшего сравнительного анализа УЖМ спортсменов с различной степенью профессиональной успешности. Критерием, взятым за основу данного деления, выступила специфика сочетаний показателей спортивной результативности и психической адаптации спортсменов обоего пола. На втором этапе были непосредственно проанализированы особенности устойчивости жизненного мира спортсменов с различной профессиональной успешностью и сделаны соответствующие выводы.

Результаты и их обсуждение

Для реализации поставленных задач была проанализирована вся имеющаяся документация ФГБУ ФСНКЦ ФМБА России, относящаяся к медико-психологическому сопровождению участников исследования. Для каждого испытуемого была зафиксирована текущая группа психической адаптации спортсмена и дана динамическая оценка состояния психологического здоровья за последние три года. Документальный анализ показателей по группам психической адаптации спортсменов сборных команд России за последние три года позволил получить развернутую динамическую картину состояния психологического здоровья национальной спортивной элиты. Сделанные выводы могут быть расценены как объективные медицинские данные, требующие особого внимания и подтверждающие актуальность выбранной проблематики исследования. Достоверность полученной информации обеспечивается установленным протоколом осмотра спортсменов психологом в рамках углубленного медицинского осмотра (УМО проводится 1 раз в 6 месяцев) для формирования итогового заключения (вывода) о состоянии психологического здоровья спортсмена (итоговый вывод о группе психической адаптации спортсмена)[3].

Распределение спортсменов по группам психической адаптации представлено в таблице 1.

Подавляющее большинство респондентов обоего пола (45,6 % мужчин и 50,3 % женщин) имели группу психической адаптации IIIБ. Это свидетельствует о характерном почти для половины всей выборки (167 человек, 47,1 %) выраженном снижении функционального состояния ВНС и / или ЦНС, что классифицируется как существенное проявление дезадаптационных расстройств и состояний. У 74 спортсменов (20,9 %) была диагностирована I группа психической адаптации. Наибольшие межполовые различия обнаружились в частоте распространенности полярных групп (I и IIIА, Б). Так, высокая степень психической адаптации, а также отсутствие вероятности появления в ближайший период (от момента крайнего обследования) дезадаптационных расстройств и состояний (I группа) были выявлены у 23,7 % мужчин и 15,7 % женщин, что свидетельствует о том, что в целом женщины-спортсменки менее психически адаптированы, чем мужчины. Данное предположение находит подтверждение и при анализе численности респондентов с группами IIIА и IIIА, Б. Выраженная невротическая симптоматика, высокий уровень стресса и психоэмоционального напряжения были выявлены у 3,5 % мужчин и 6,3 % женщин. В сочетании с существенным снижением функционального состояние ВНС и / или ЦНС данная симптоматика фиксировалась у 3,5 % мужчин и 7,3 % женщин соответственно.

Оценка спортивной результативности проводилась с применением специально разработанной анкеты «Моя спортивная карьера» [26]. По результатам анкетирования было установлено, что с объективной точки зрения стабильно высокими и / или растущими результаты могут быть названы у 141 мужчины (62,1 %) и 65 женщин (51,1 %). Соответственно, у 86 мужчин (37,9 %) и 62 женщин (48,9 %) спортивные результаты могут быть охарактеризованы как нестабильные и / или снижающиеся.

Показательно, что не во всех случаях объективные данные о результативности соответствовали субъективному восприятию собственных достижений респондентами (таблица 2).

[3] Организация, порядок и методы проведения медико-психологического обеспечения углубленного медицинского обследования спортсменов сборных команд России: методические рекомендации. М.: ФГБУ ФНКЦСМ ФМБА России, 2014. 49 с.

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

Таблица 1. Распределение спортсменов по группам психической адаптации (по результатам обследования у психолога в марте 2016 г.)

Table 1. Distribution of athletes according to groups of mental adaptation (according to the results of a psychological examination in March 2016)

Группа психической адаптации	Характеристика групп психической адаптации (обоснование итогового вывода по результатам обследования у психолога в рамках УМО)	Мужчины (количество человек, %)	Женщины (количество человек, %)
I	Вероятность появления дезадаптационных расстройств и состояний не выявлена (вывод делается при отсутствии отклонений от нормы)	54 (23,7 %)	20 (15,7 %)
II	Существенных проявлений дезадаптационных расстройств и состояний не выявлено. Рекомендуется обратить внимание на имеющиеся неблагоприятные особенности (вывод делается при выявлении единичных отклонений от нормы, либо при получении средних значений показателей по всем тестам)	54 (23,7 %)	26 (20,4 %)
IIIA	Выявлены существенные проявления дезадаптационных расстройств и состояний (вывод делается при наличии у обследуемого спортсмена сочетаний любых из нижеперечисленных особенностей: депрессивной и / или тревожной и / или обсессивно-фобической симптоматики и / или астенического и / или вегетативного симптомокомплекса и / или снижения когнитивного уровня)	8 (3,5 %)	8 (6,3 %)
IIIБ	Выявлены существенные проявления дезадаптационных расстройств и состояний (вывод делается при наличии у обследуемого спортсмена сочетаний любых из нижеперечисленных особенностей: снижения функционального состояния ВНС и / или ЦНС)	103 (45,6 %)	64 (50,3 %)
IIIA, Б	Выявлены существенные проявления дезадаптационных расстройств и состояний (выставляется при сочетании депрессивной и / или тревожной симптоматики и / или астенического и / или вегетативного симптомокомплекса и / или снижения когнитивного уровня со снижением функционального состояния ВНС и / или ЦНС	8 (3,5 %)	9 (7,3 %)

Таблица 2. Сравнение объективных данных о результативности с субъективным восприятием собственных достижений респондентами

Table 2. Comparison of objective performance data with the subjective perception of their own achievements by respondents

Характер спортивной результативности	Мужчины	Женщины
Спортсмены с высокой результативностью (по объективным данным результаты непрерывно улучшаются или остаются стабильно высокими)	141 (62,1 %)	65 (51,1 %)
– несовпадение субъективной и объективной оценки (спортсмен не отмечает у себя положительной динамики результативности, при этом данные о его соревновательной успешности говорят об обратном)	7 (4,9 %)	24 (36,9 %)
– совпадение объективной и субъективной оценки	134 (95,1 %)	41 (63,1 %)
Спортсмены с низкой результативностью (по объективным данным результаты снижаются или остаются нестабильными)	86 (37,9 %)	62 (48,9 %)
– несовпадение субъективной и объективной оценки только объективно (спортсмен утверждает, что его результативность повышается, при этом данные о его соревновательной успешности говорят об обратном)	8 (9,3 %)	2 (3,2 %)
– совпадение объективной и субъективной оценки	78 (90,7 %)	60 (96,7 %)

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

Из таблицы 2 видно, что женщины склонны к более критичной оценке своих результатов. Показательна достаточно распространенная среди спортсменок (36,9 %) с действительно высокими (с объективной точки зрения) результатами (для сравнения – аналогичная оценка была зафиксирована всего у 4,9 % мужчин) *тенденция к игнорированию или даже принижению собственных спортивных успехов*, что позволяет, вероятно, судить о ней как о специфической для достижения и поддержания высокого результата применительно к женскому спорту и требует дальнейшего изучения психологической природы, лежащей в ее основе. Напротив, мужчинам в большей степени чем женщинам свойственно оставаться сверхоптимистичными в оценке своих спортивных достижений – 9,3 % мужчин (для сравнения – данная тенденция прослеживается у 3,2 % женщин), имеющих объективно низкие и / или нестабильные результаты, оценивают себя как высокорезультативных спортсменов.

Дальнейший анализ полученных данных был выстроен таким образом, чтобы разобраться – насколько понятие *высокоадаптированный спортсмен* соотносится с понятием *высокорезультативный спортсмен*. В частности, стояла задача прояснить, сколько среди высокорезультативных спортсменов атлетов с I группой психической адаптации, а также выяснить, добиваются ли высоких стабильных результатов спортсмены с выраженными дисфункциональными расстройствами и состояниями. Результаты данного анализа представлены в таблице 3.

Как видно из таблицы 3, из 54 мужчин с I группой психической адаптации 52 спортсмена (96,2 %) демонстрируют высокие стабильные результаты. Также большое количество высокорезультативных спортсменов и среди атлетов с группой психической адаптации II – 46 человек (85,1 %). У 62 спортсменов (72 %) с низкими и / или нестабильными результатами зафиксирована группа психической адаптации IIIБ, что значительно превышает количество испытуемых с аналогичной группой здоровья среди высокорезультативных спортсменов, где численность таких респондентов составила 41 человек (29,2 %). 87,5 % всех спортсменов с выраженными невротическими состояниями (14 человек из 16 с группами психической адаптации IIIА, IIIА, Б) попали в подгруппу атлетов с низкими и / или нестабильными результатами. В целом полученные на мужской выборке данные о соответствии компонентов психологического здоровья показателям спортивной результативности обнаруживают следующую закономерность – выскоадаптированные психологически здоровые мужчины добиваются и длительно сохраняют на высоком уровне максимальные спортивные результаты, в то время как спортсмены с выраженными дезадаптационными расстройствами и состояниями

Таблица 3. Спортивная результативность спортсменов спортивных сборных команд РФ в соответствии с группами психической адаптации

Table 3. Sports results of athletes of national teams of the Russian Federation in accordance to the groups of mental adaptation

Мужчины			
Распределение по группам здоровья (N=227)		**Мужчины, объективно демонстрирующие стабильно высокие результаты (N=141)**	**Мужчины, чьи спортивные результаты объективно снижаются или остаются стабильно низкими (N=86)**
I	54 (23,7 %)	52 (36,8 %)	2 (2,3 %)
II	54 (23,7 %)	46 (32,6 %)	8 (9,3 %)
IIIА	8 (3,5 %)	1 (0,7 %)	7 (8,2 %)
IIIБ	103 (45,6 %)	41 (29,2 %)	62 (72 %)
IIIА,Б	8 (3,5 %)	1 (0,7 %)	7 (8,2 %)
Женщины			
Распределение по группам здоровья (N=127)		**Женщины, объективно демонстрирующие стабильно высокие результаты (N=65)**	**Женщины, чьи спортивные результаты объективно снижаются или остаются стабильно низкими (N=62)**
I	20 (15,7 %)	7 (10,7 %)	13 (20,9 %)
II	26 (20,4 %)	14 (21,5 %)	12 (19,3 %)
IIIА	8 (6,3 %)	4 (6,1 %)	4 (6,4 %)
IIIБ	64 (50,3 %)	37 (56,9 %)	27 (43,5 %)
IIIА,Б	9 (7,3 %)	3 (4,8 %)	6 (9,9 %)

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

чаще остаются нерезультативными или демонстрируют успехи нестабильно (то взлеты, то падения).

Любопытно, что выявленное и на первый взгляд *очевидно логичное соответствие не обнаруживает подтверждения в женской выборке* – так, среди спортсменок с I группой психической адаптации у 13 человек (65 %) спортивные результаты продолжали оставаться долгое время на низком уровне. В то время как среди высокорезультативных стабильных спортсменок практически также часто встречались респондентки с ярко выраженной невротической симптоматикой (группа здоровья IIIА), как и в группе женщин с низкими и / или нестабильными результатами – по 4 человека в каждой, что составило 6,1 % и 6,4 % соответственно. Более того, 37 спортсменок (56,9 %) с высокими результатами имели группу психической адаптации IIIБ, т. е. у них отмечалось значительное снижение функционального состояния ВНС и / или ЦНС, а у 3 человек (4,8 %) в дополнение к этому был диагностирован выраженный невроз (группа здоровья IIIА, Б). Все это указывает на отсутствие линейной связи между категориями *психическая адаптация* и *спортивная результативность* в случае, если речь идет о высококвалифицированных спортсменках, а также может служить практическим обоснованием актуальности проведения дальнейших исследований, направленных на поиск и изучение специфических психологических характеристик атлетов обоего пола, лежащих в основе развития высоких адаптационных возможностей и сохранения психологического здоровья в условиях актуализации и непрерывного роста спортивных достижений.

В результате систематизации всех полученных на подготовительном этапе исследования данных были сформированы 6 подгрупп испытуемых для дальнейшего сравнительного анализа (таблица 4).

Сравнительный анализ спортсменов по формальным характеристикам показал, что в каждой из подгрупп присутствуют представители самых разнообразных видов спорта с уровнем спортивной квалификации от КМС до ЗМС. Показательны обнаруженные различия в среднем возрасте начала занятий спортом под руководством тренера в детских спортивных клубах, ДЮСШ, секциях. Так, самый ранний средний возраст начала занятий спортом был зафиксирован в группе мужчин со сниженными показателями психической адаптации и нестабильными или снижающимися спортивными результатами и составил 9,9±3,5 лет. Позже всех (в среднем) начинали заниматься спортом женщины (12,6±4,4 лет), у которых на момент исследования отмечалась положительная динамика спортивного результата, однако имелись трудности психической адаптации. Средний возраст мужчин и женщин – представителей подгрупп спортсменов со стабильно высокими спортивными результатами и хорошими показателями психологического здоровья – составил соответственно 11,8±4,3 и 11,0±3,2 лет. Данный возрастной период начала занятий спортом под руководством тренера в специализированных детско-юношеских спортивных учреждениях *может быть условно назван оптимальным для достижения максимального спортивного результата и сохранения здоровья.* Анализ анкет испытуемых показал наличие интересной общей тенденции не связывать напрямую момент начала спортивной карьеры с временем прихода в детско-юношеское специализированное спортивное учреждение. Спортсмены зачастую субъективно отмечают начало карьеры как более раннее, еще до начала занятий под руководством тренера.

Анализ полученных данных по методике И. О. Логиновой «Изучение устойчивости жизненного мира человека» позволил определить величину диапазона средних значений показателей УЖМ человека высококвалифицированных спортсменов, который варьировался от 38,4 в подгруппе IIМ (минимум) до 57,5 баллов в подгруппе IЖ (максимум). При этом в подгруппах IМ и IЖ (профессионально успешные спортсмены) были зафиксированы максимальные средние значения показателей УЖМ – 57,5 и 49,2 баллов соответственно, что превышает среднегрупповые результаты, полученные ранее на выборке студентов, однако остается ниже среднего показателя УЖМ для взрослой выборки (таблица 5).

Таблица 4. Критерии деления исходной выборки на подгруппы
Table 4. Criteria for dividing the initial sample into subgroups

Подгруппа	Пол	Количество человек	Наличие стабильно высоких спортивных результатов	Наличие стабильно высоких показателей уровня психической адаптации
IМ	муж.	44	+	+
IIМ	муж.	15	+	–
IIIМ	муж.	16	–	–
IЖ	жен.	12	+	+
IIЖ	жен.	13	+	–
IIIЖ	жен.	18	–	–

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

Таблица 5. Сравнительный анализ отдельных показателей (особенностей) УЖМ у спортсменов с различной профессиональной успешностью

Table 5. Comparative analysis of individual indicators (features) of the stability of the life world of athletes with different professional success

№	Особенности УЖМ	Среднее значение исследуемых особенностей УЖМ					
		IM (n=44)	IIM (n=15)	IIIM (n=16)	IЖ (n=12)	IIЖ (n=13)	IIIЖ (n=18)
1	Временной модус событий	5,0±2,5	3,4±0,8	4,1±1,8	5,1±2,4	4,5±2,5	4,2±2,2
2	Соотношение глаголов	4,4±1,5	3,6±0,9	3,2±0,6	4,0±1,0	3,7±1,0	3,7±1,0
3	Критерий выбора содержания событий	6,1±3,0	4,9±2,7	4,5±1,7	8,3±2,4	5,3±2,2	4,8±2,5
4	Общий эмоциональный фон событий	8,5±2,3	7,8±2,7	7,3±2,7	8,1±2,7	7,6±2,5	7,2±2,8
5	Значение описываемых событий в жизни	6,7±2,8	4,5±1,8	6,3±3,0	7,0±3,2	5,2±1,5	5,3±2,2
6	Отношение к событиям	6,5±2,6	5,1±2,1	6,3±2,6	8,7±2,2	6,3±2,5	5,2±1,8
7	Непрерывность личностной истории	6,8±3,3	4,6±2,3	6,8±2,9	8,7±2,2	4,5±2,5	6,2±3,1
8	Рефлексивная позиция автора	5,2±1,8	4,3±0,9	5,6±2,2	7,3±2,8	5,1±2,3	5,5±2,2
9	УЖМ человека	49,2±10,6	38,4±7,7	43,5±8,7	57,5±6,6	42,2±8,7	42,2±7,1

Более высокая степень УЖМ, характерная для профессионально успешных испытуемых обоего пола, была подтверждена статистически (U-критерий Манна-Уитни) (таблица 6).

Таблица 6. Определение статистической достоверности различий между показателями УЖМ в исследуемых подгруппах (U-критерий Манна-Уитни)

Table 6. Determination of the statistical significance of differences between indicators of stability of the life-world in the studied subgroups (Mann-Whitney U-test)

Подгруппы для сравнения	Эмпирическое значение показателя U-критерия
IM и IIM	U=138,0**
IM и IIIM	U=253,0*
IIM и IIIM	U=166,0*
IЖ и IIЖ	U=13,5**
I Ж и IIIЖ	U=11,5**
IIЖ и IIIЖ	–
IM и IЖ	U=391,5**

Прим.: указаны статистически достоверные различия: * – вероятность допустимой ошибки p-value≤0,05; ** – вероятность допустимой ошибки p-value≤0,01.

Дальнейший количественный и качественный анализ эссе испытуемых обнаружил существенные различия как в степени, так и в характере проявления УЖМ мира атлетов в зависимости от группы психической адаптации и спортивной результативности (рис.).

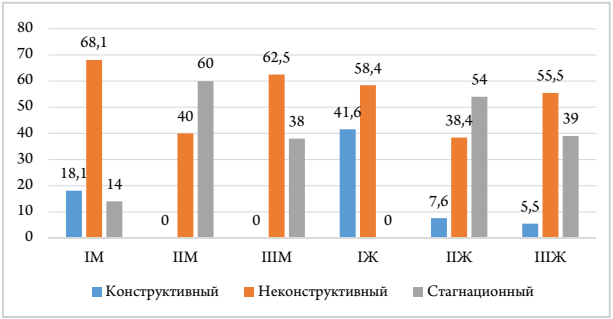


Рис. Сравнительный анализ характера проявления УЖМ у спортсменов с различной профессиональной успешностью, %

Fig. Comparative analysis of the nature of the manifestation of the stability of the vital world in athletes with different professional success, %

Так, в подгруппах IM и IЖ было выявлено наибольшее количество респондентов с конструктивным характером проявления УЖМ (18,1 % и 41,6 % соответственно). Отметим, что в подгруппах мужчин с низкими показателями психической адаптации вне зависимости от характера демонстрируемых спортивных результатов (подгруппы IIM и IIIM) не было зафиксировано ни одного случая проявления конструктивного характера УЖМ. Интересен тот факт, что для спортсменов обоего пола с высокими стабильными результатами на фоне сниженных показателей психической адаптации (подгруппы IIM и IIЖ) характерно

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

доминирование стагнационного характера проявления устойчивости жизненного мира (у 60 % мужчин и 54% женщин). В остальных подгруппах (IМ, IIIМ, IЖ и IIIЖ) существенно преобладал (>55 %) неконструктивный характер проявления УЖМ.

Дальнейший сравнительный анализ специфических критериев, определяющих характер проявления УЖМ в каждой из исследуемых подгрупп, был проведен посредством сравнения средних значений отдельных показателей, являющихся индикаторами характера проявления УЖМ, в соответствии с диагностической формой методики и качественного анализа характера проявления отдельных особенностей УЖМ человека (таблица 7).

психологической системой. Кроме этого, представители данной подгруппы чаще проявляли способность к эффективному взаимодействию с окружающей действительностью, демонстрируя не только готовность к изменениям уже выработанных устойчивых форм поведения под влиянием обстоятельств, но и осознание необходимости и ценности таких изменений. Нами было замечено, что именно ценностное отношение к событиям определяло общий положительный эмоциональный фон испытуемых данной подгруппы вне зависимости от содержания описываемых событий. Успешные спортсмены с высокой степенью психической адаптации в большей степени были склонны анализировать собственные жизненные

Таблица 7. Определение статистической достоверности различий между показателями особенностей УЖМ в исследуемых подгруппах (U-критерий Манна-Уитни)

Table 7. Determination of the statistical significance of differences between the indicators of the characteristics of the stability of the lifeworld in the studied subgroups (Mann-Whitney U-test)

№	Особенности УЖМ	Подгруппы для попарного межгруппового сравнения (эмпирическое значение показателя U и вероятность допустимой ошибки (p-value) указаны только для случаев обнаружения статистической достоверности различий)						
		I М с IIIМ	IМ с IIМ	IIМ с IIIМ	I Ж с IIIЖ	IЖ с IIЖ	IIЖ с IIIЖ	IМ с IЖ
1	Временной модус событий	–	204,0**	–	–	–	–	–
2	Соотношение глаголов	178,0**	232,0*	–	–	–	–	–
3	Критерии выбора содержания событий	–	–	–	36,0**	32,0**	–	374,0**
4	Общий эмоциональный фон событий	270,0*	–	–	–	–	–	–
5	Значение описываемых событий в жизни	–	188,0**	159,0*	–	–	–	–
6	Отношение к событиям	–	230,5*	–	34,5**	42,0**	–	373,0**
7	Непрерывность личностной истории	–	228,0*	173,0**	60,0**	19,5**	155,5*	349,5*
8	Рефлексивная позиция автора	–	247,5*	160,0*	70,5*	44,5*	–	367,5**

Прим.: указаны статистически достоверные различия: * – вероятность допустимой ошибки p-value≤0,05; ** – вероятность допустимой ошибки p-value≤0,01.

Сравнительный анализ выявленных различий между показателями особенностей УЖМ и характера проявления особенностей УЖМ показал, что несмотря на то, что конструктивный характер проявления УЖМ у спортсменов подгруппы IМ был зафиксирован только в 18,1 % случаев, мужчины данной подгруппы по сравнению с остальными спортсменами мужского пола чаще обнаруживали тенденции, указывающие на нарастание степени устойчивости жизненного мира. В частности, намного чаще, чем в других мужских подгруппах, отмечалось наличие *эффекта наращивания* новообразований

дефициты здесь и сейчас. Подобный анализ, как правило, завершался осознанием возможности подойти к проблемам и трудностям, придав им иное значение и смысл. В большинстве случаев попытки спортсменов данной подгруппы отрефлексировать значимые события собственной биографии (преимущественно речь идет о событиях, привычно оцениваемых как негативные или стрессовые – спортивная неудача, нерезультативность, проигрыш, ошибка, травмы, конфликты, изменение статуса в сборной и т.д.) и разрешить внутренние и внешние конфликты творчески (в том числе через проигрывание

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

иных возможных вариантов проживания данных событий посредством визуализации и моделирования), побуждали к высокой поисковой активности, нацеленной на обнаружение новых ресурсов и раскрытию ряда альтернативных способов взаимодействия с миром, что закономерно заканчивалось модификацией вектора личностного развития, пересмотром приоритетов и постановкой новых жизненных целей (это, в свою очередь, также объясняет нелогичное, на первый взгляд, соотношение глаголов (настоящего и будущего времени) и временного модуса выбранных для описания жизненных событий (события прошлого и настоящего времени) в эссе большинства атлетов данной подгруппы). Такое моделирование ситуаций чаще было направлено на поиск более оптимальных вариантов разрешения противоречий между образом мира и образом жизни человека, что, как известно, обеспечивает непрерывность процесса гармонизации (синтонности) взаимоотношений человека с окружающей реальностью. Наличие данной тенденции позволяет предположить, что в будущем, сталкиваясь с аналогичными проблемными обстоятельствами, эти спортсмены будут с каждым разом демонстрировать все более эффективные паттерны когнитивного и аффективного отреагирования, более адаптированные поведенческие отдельные реакции и модели, в результате чего будет укрепляться самотождественность и готовность взять ответственность за реализацию собственных возможностей (решение проблем ответственности и свободы выбора для преодоления жизненных дефицитов). Все это позволяет говорить о наличии определенного потенциала к успешности самоосуществления в условиях реальной жизнедеятельности таких спортсменов.

Конструктивный характер УЖМ был зафиксирован почти у половины (41,6 %) женщин-спортсменок с высокими стабильными спортивными достижениями и высокой степенью психической адаптации (подгруппа ІЖ). По сравнению с мужчинами подгруппы ІМ, женщины данной подгруппы отличались более ценностным отношением к событиям, которые определяются как уплотнение мира вокруг человека за счет единства пространственных, временных и смысловых значимых контекстов, а также наличием более целостной рефлексивной позиции, когда предметом рефлексии выступает смысловой контекст всей жизни человека, а не отдельных ее событий (таблица 8).

Таблица 8. Сравнительный анализ компонентов УЖМ у профессионально успешных спортсменов мужчин и женщин (U-критерий Манна-Уитни)

Table 8. Comparative analysis of the components of the stability of the lifeworld among professionally successful athlets (Mann-Whitney U-test)

№	Компоненты УЖМ	Сравнение ІМ с ІЖ
1	Временной модус событий	–
2	Соотношение глаголов	–
3	Критерии выбора содержания событий	374,0**
4	Общий эмоциональный фон событий	–
5	Значение описываемых событий в жизни	–
6	Отношение к событиям	373,0**
7	Непрерывность личностной истории	349,5*
8	Рефлексивная позиция автора	367,5**
9	Устойчивость жизненного мира человека	391,5**

Прим.: указаны статистически достоверные различия: * – вероятность допустимой ошибки p-value≤0,05; ** – вероятность допустимой ошибки p-value≤0,01.

Отметим, что эссе спортсменок подгруппы ІЖ выделялись к тому же на фоне всех остальных преобладанием хронотопического критерия выбора содержания описываемых событий. В своих повествованиях спортсменки совмещали биографический и топологический критерии, что позволяло им описывать жизненные события в призме единства пространства и времени жизни человека. Кроме этого, их сочинения отличались более развитой способностью анализировать свой жизненный путь целостно, без отождествления себя с отдельными конкретными событиями, что в противном случае превращало бы жизнь в мозаику. Целостный подход к анализу индивидуального жизненного пути позволил респонденткам данной подгруппы отразить в эссе не только причинно-следственные, но и смысловые взаимосвязи самых разнообразных событий собственной биографии (даже тех событий, которые, на первый взгляд, были

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

непохожи или даже противоположны как по содержанию, так и по эмоциональному окрасу), что делало их личностные истории монолитными и наполненными, свидетельствуя о наличии у данной подгруппы спортсменок сформированной, непрерывной и устойчивой общей жизненной линии становления человека в контексте взаимосвязанных во времени, пространстве и сознании человека событий.

У спортсменов обоего пола с высокими стабильными результатами на фоне сниженных показателей психической адаптации (подгруппы IIМ и IIЖ) преобладал стагнационный характер проявления устойчивости жизненного мира. Такой характер проявления УЖМ не способствует продуктивному и оптимальному самоосуществлению и характеризуется отсутствием ценностного отношения к жизни, снижением способности к самоанализу и рефлексии и, как следствие, неумением разглядеть перспективы дальнейшего развития. Такие спортсмены и спортсменки в большей степени демонстрируют шаблонные модели поведения, а доминирование стереотипных продуктов жизнедеятельности в совокупности с неспособностью адекватно оценить жизненные дефициты и неумением нестандартно, творчески подойти к решению жизненных трудностей существенно снижает их общую адаптивность и спортивную результативность.

Анализ признаков, указывающих на неконструктивный характер проявления УЖМ (доминирует в подгруппах IМ, IIIМ, IЖ и IIIЖ), показал, что для спортсменов подгрупп IМ, IЖ и IIIМ, IIIЖ эти признаки существенно разнятся, что говорит о различиях в характере дефицитарности процесса становления жизненного самоосуществления психологической системы. Так, для успешных спортсменов с высокими показателями психической адаптации неконструктивный характер проявления УЖМ чаще связан с ощущением недостатка собственных ресурсов и потенциала среды для разрешения противоречий между образом мира и образом жизни (при этом данные противоречия спортсменами чаще все-таки осознаются). Для сравнения: спортсмены с низкими и / или нестабильными спортивными достижениями и снижением уровня психической адаптации демонстрируют отсутствие равновесия между желаемым образом мира и реальностью, которая чаще остается неотрефлексированной, на фоне чего происходит утрата жизненных целей, смыслов, а жизненная линия развития приобретает прерывистый характер, чаще представляя собой череду важных, но не связанных между собой событий собственной биографии, имеющих в основном негативную эмоциональную окраску с тенденцией к застреванию в этих событиях без способности к обнаружению альтернативных способов разрешения негативных обстоятельств прошлого здесь и сейчас и переосмыслению опыта для преодоления внутренних противоречий, ассоциированных с данными обстоятельствами собственной жизни.

Заключение

В целом, обобщая результаты исследования УЖМ спортсменов с разной степенью спортивной результативности и уровнем психической адаптации, можно сделать вывод, что профессионально успешным спортсменам и спортсменкам в большей степени характерно соответствие режима функционирования психологической системы требованиям среды. Такие спортсмены демонстрируют более высокую устойчивость жизненного мира, выражающуюся в тождественности собственной жизни и целостности системы человек-мир, тенденции к оптимизации своего потенциала, способности к такому взаимодействию с обстоятельствами жизни и самоорганизации своего жизненного пространства, чтобы это способствовало укреплению здоровья, личностному росту и эффекту непрерывного наращивания позитивных новообразований психологической системой.

Рассматривая проблему достижения стабильно высоких результатов в спорте высших достижений сквозь призму сохранения психологического здоровья и обращаясь к теоретико-методологическому аппарату системной антропологической психологии и положений концептуальных оснований теории жизненного самоосуществления, была обнаружена и эмпирически подтверждена специфическая роль УЖМ спортсменов для повышения их профессиональной успешности. Полученные данные открывают новые перспективные возможности в организации психолого-педагогического обеспечения процесса спортивной подготовки спортсменов спортивных сборных команд для повышения профессионального долголетия последних.

Литература

1. Довжик Л. М., Бочавер К. А. Эффективное совладающее поведение в спорте: что выводит из равновесия и как его снова обрести // Клиническая и специальная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 1–22. DOI: https://doi.org/10.17759/psyclin.2016050201
2. Симоненкова И. Проблема диагностики психологических навыков спортсменов (по материалам зарубежных исследований) // Спортивный психолог. 2015. № 3. С. 63–66.

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

3. Горбунов Г. Д. Психопедагогика спорта. М.: Советский спорт, 2014. 328 с.
4. Сопов В. Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте. М.: Департамент физ. культуры и спорта г. Москвы, 2010. 120 с.
5. Ильина Н. Л. Психология тренера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. 109 с.
6. Хозина С. Р., Вощинин А. В., Неверкович С. Д. Теоретическая модель процесса формирования рефлексивного мышления спортсмена // Рудиковские чтения: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 мая 2016 г. М.: РГУФКСМиТ, 2016. С. 123–127.
7. Стамбулова Н. Б. Психология спортивной карьеры: дис. … д-ра психол. наук. СПб., 1999. 417 с.
8. Мельников В. М., Юров И. А. Акмеологические условия и предпосылки прогнозирования спортивных достижений // Спортивный психолог. 2014. № 1. С. 34–38.
9. Мельников В. М., Юров И. А. Психологическое моделирование спортивной успешности // Рудиковские чтения: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 мая 2016 г. М.: РГУФКСМиТ, 2016. С. 347–350.
10. Алексеев В. Ю., Маркелов В. В. Системная детерминация надежности соревновательной деятельности юных спортсменами // Спортивный психолог. 2015. № 3. С. 52–55.
11. Малкин В. Р., Рогалева Л. Н. Спорт – это психология. М.: Спорт, 2015. 176 с.
12. Ohlert J., Kleinert J. M. Coping with developmental tasks and well-being in elite athletes // Sport Psychology: Linking theory to practice: Proc. XIV ISSP World Congress of Sport Psychology. ISSP 14th World Congress, Sevilla, 10–14 July, 2017. P. 138.
13. Алёшичева А. В. Влияние занятий спортом на психическое здоровье спортсменов // Спортивный психолог. 2015. № 4. С. 43–49.
14. Алёшичева А. В. Социально-психологические факторы, влияющие на личность и психическое здоровье спортсменов разного пола // Рудиковские чтения: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 мая 2016 г. М.: РГУФКСМиТ, 2016. С. 61–65.
15. Алёшичева А. В. Психологическое здоровье спортсменов-профессионалов, занимающихся экстремальными видами спорта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 38–44. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-38-44
16. Kenttä G. A mental health clinic to support elite sports: a multidisciplinary approach integrating performance psychology, clinical psychology and psychiatry // Sport Psychology: Linking theory to practice: Proc. XIV ISSP World Congress of Sport Psychology. ISSP 14th World Congress, Sevilla, 10–14 July, 2017. P. 137–138.
17. Логинова И. О., Севостьянова М. С. Здоровьесбережение как индикатор эффективной профессионализации спортсменов национальных сборных команд России // Комплексные исследования человека: Психология: Материалы VII Сибирского психологического форума / под ред. О. М. Краснорядцевой. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2017. Ч. 2. Здоровье человека на пути к постинформационному обществу. С. 89–92.
18. Непопалов В. Н. Основы методологического исследования спорта и спортивной деятельности // Рудиковские чтения: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11–12 мая 2017 г. М.: РГУФКСМиТ, 2017. С. 59–67.
19. Клочко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20. DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/56/2
20. Логинова И. О. Концептуальные основания теории жизненного самоосуществления человека: продолжение идей системной антропологической психологии // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 73–77.
21. Клочко В. Е., Лукьянов О. В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.
22. Логинова И. О., Живаева Ю. В., Чернова Е. И. Изучение особенностей устойчивости жизненного мира в зависимости от характера социокультурной идентичности // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3. С. 89–94.
23. Логинова И. О. Особенности устойчивости жизненного мира человека в кризисных условиях жизнедеятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 2. С. 21–26.

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

24. Pogorzelska A., Krukowska A., Poczwardowski A., Kurach T., Zienowicz A. Positive sport as a system: Exploring the relationship between athletic and life excellence // Sport Psychology: Linking theory to practice: Proc. XIV ISSP World Congress of Sport Psychology. ISSP 14th World Congress, Sevilla, 10–14 July, 2017. P. 85–86.
25. Логинова И. О. Исследование устойчивости жизненного мира человека: методика и психометрические характеристики // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 18–28.
26. Логинова И. О., Севостьянова М. С. Специфика взаимосвязи жизнестойкости с мотивами занятий спортом у профессиональных спортсменов с разной стабильностью результатов: сравнительный анализ // Спортивный психолог. 2016. № 2. С. 58–63.

Lifeworld Stability in Qualified Athletes with Various Levels of Professional Success: Comparative Analysis

Irina O. Loginova [a, @, ID]; Mariya S. Sevost'yanova [b]

[a] Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, 1, P. Zeleznyaka St., Krasnoyarsk, Russia, 660022
[b] Federal Siberian Research Clinical Centre under the Federal Medical Biological Agency, 26, Kolomenskaya St., Krasnoyarsk, Russia, 660037
[@] loginova70_70@mail.ru
[ID] http://www.researcherid.com/rid/Y-6673-2018

Received 12.12.2018. Accepted 21.01.2019.

Abstract: The article continues a series of studies devoted to the actual problem of increasing sports effectiveness and the growth of professional longevity of highly qualified athletes – members of Russian national sports teams. Not contradicting the methodological foundations of research of sports activities, the authors propose a solution to the problem of psychological and pedagogical support of professional success in sports of higher achievements. The research is based on the systemic anthropological psychology and the theory of human self-realization. The subject of this study is the peculiarities of the stability of the lifeworld in athletes with various levels of professional success. The paper features a comparative analysis, the results of which clearly illustrate the specific features of the manifestation of the lifeworld stability in athletes with various levels of professional success. It was empirically proved that the high degree of life-world stability and the constructive nature of its manifestation are the psychological conditions for the optimal combination of processes of achieving high athletic results and maintaining a high level of mental adaptation. It determines the sustainability of the lifeworld as a systemic psychological characteristic responsible for the effective professionalization in the sport of higher achievements. This allows the authors to conclude that the program of psychological and pedagogical support introduced in this paper will probably improve sports effectiveness and mental adaptation of athletes, contributing to the growth of their professional longevity.

Keywords: sports of the highest achievements, life-world stability, professional success of sportspeople, sports performance, mental adaptation, professional longevity

For citation: Loginova I. O., Sevost'yanova M. S. Lifeworld Stability in Qualified Athletes with Various Levels of Professional Success: Comparative Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 87–100. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-87-100

References

1. Dovzhik L. M., Bochaver K. A. Efficient coping behavior in sport: what disturbs our equanimity and how to gain it back. *Klinicheskaia i spetsial'naia psikhologiia*, 2016, 5(2): 1–22. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17759/psycljn.2016050201
2. Simonenkova I. The problem of diagnosing the psychological skills of athletes (based on foreign studies). *Sportivnyi psikholog*, 2015, (3): 63–66. (In Russ.)
3. Gorbunov G. D. *Psychopedagogy of sport*. Moscow: Sovetskii sport, 2014, 328. (In Russ.)

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-87–100

4. Sopov V. F. *Theory and methods of psychological training in modern sports*. Moscow: Departament fiz. kul'tury i sporta g. Moskvy, 2010, 120. (In Russ.)
5. Ilina N. L. *Psychology of coach*. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2016, 109. (In Russ.)
6. Khozina S. R., Voshchinin A. V., Neverkovich S. D. Theoretical model of the formation of athlete's reflexive thinking. *Rudikovskie readings*: Proc. XII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, May 26–27, 2016. Moscow: RGUFKSMiT, 2016, 123–127. (In Russ.)
7. Stambulova N. B. *Psychology of sports career*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Saint-Petersburg, 1999, 417. (In Russ.)
8. Melnikov V. M., Yurov I. A. Acmeological conditions and prerequisites for predicting sports achievements. *Sportivnyi psikholog*, 2014, (1): 39–38. (In Russ.)
9. Melnikov V. M., Yurov I. A. *Psychological modeling of sports success. Rudikovskie readings*: Proc. XII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, May 26–27, 2016. Moscow: RGUFKSMiT, 2016, 347–350. (In Russ.)
10. Alekseev, V. Yu. Markelov V. V. System determination of the reliability of competitive activity of young athletes. *Sportivnyi psikholog*, 2015, (3): 52–55. (In Russ.)
11. Malkin V. R., Rogalev L. N. *Sport is psychology*. Moscow: Sport, 2015, 176. (In Russ.)
12. Ohlert J., Kleinert J. M. Coping with developmental tasks and well-being in elite athletes. *Sport Psychology: Linking theory to practice*: Proc. XIV ISSP World Congress of Sport Psychology. ISSP 14th World Congress, Sevilla, 10–14 July, 2017, 138.
13. Aleshicheva A. V. The impact of sports on the mental health of athletes. *Sportivnyi psikholog*, 2015, (4): 43–49. (In Russ.)
14. Aleshicheva A. V. Socio-psychological factors influencing on the personality and mental health of athletes of different gender. *Rudikovskie readings*: Proc. XII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, May 26–27, 2016. Moscow: RGUFKSMiT, 2016, 61–65. (In Russ.)
15. Aleshicheva A. V. Psychological health of professional athletes involved in extreme sports. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (3): 38–44. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2016-3-38-44
16. Kenttä G. A mental health clinic to support elite sports: a multidisciplinary approach integrating performance psychology, clinical psychology and psychiatry. *Sport Psychology: Linking theory to practice*: Proc. XIV ISSP World Congress of Sport Psychology. ISSP 14th World Congress, Sevilla, 10–14 July, 2017, 137–138.
17. Loginova I. O., Sevost'yanova M. S. Health-saving as an indicator of effective professionalization of athletes in the national teams of Russia. *Complex human studies: Psychology*: Proc. VII Siberian Psychological Forum. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU, 2017, part 2. Human health on the road to a post-information society, 89–92. (In Russ.)
18. Nepopalov V. N. Basics of methodological research of sports and sports activities. *Rudikovskie readings:* Proc. XIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, May 11–12, 2017. Moscow: RGUFKSMiT, 2017, 59–67. (In Russ.)
19. Klochko V. E., Galajinsky E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2015, (56): 9–20. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/17267080/56/2
20. Loginova I. O. Conceptual foundations of the human's life self-fulfillment theory: continuation of systemic anthropological psychology ideas. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, (2): 73–77. (In Russ.)
21. Klochko V. E., Lukyanov O. V. Personal identity and the problem of personal steadiness in the changing world: systematic and anthropological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (324): 333–336. (In Russ.)
22. Loginova I. O., Zhivaeva J. V., Chernova E. I. The stability of the life-world study depending on the nature on the natute of social and cultural identity. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2012, (3): 89–94. (In Russ.)
23. Loginova I. O. Features of individual outlook stability in critical situation. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2011, (2): 21–26. (In Russ.)
24. Pogorzelska A., Krukowska A., Poczwardowski A., Kurach T., Zienowicz A. Positive sport as a system: Exploring the relationship between athletic and life excellence. *Sport Psychology: Linking theory to practice*: Proc. XIV ISSP World Congress of Sport Psychology. ISSP 14th World Congress, Sevilla, 10–14 July, 2017, 85–86.
25. Loginova I. O. Research of stability of the man's lifeworld: the method and psychometric characteristics. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2012, (3): 18–28. (In Russ.)
26. Loginova I. O., Sevost'yanova M. S. The specifics of interrelation of hardiness with sports motivation of professional athletes with different stability of results: comparative analysis. *Sportivnyi psikholog*, 2016, (2): 58–63. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

оригинальная статья
УДК 159.9

Образы представителей России и США у российской молодежи

Егор Б. Марин [a, b, @]

[a] Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского, 690059, Россия, г. Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50а
[b] Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, филиал в г. Находка, 692902, Россия, г. Находка, ул. Озерная, 2
[@] egor-marin@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2018. Принята к печати 21.01.2019.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования образов *типичного русского* и *типичного американца* в представлении российской молодежи на примере студентов Дальневосточного федерального университета. Реконструкция образа проводилась с применением такого метода психосемантики, как вербальные ассоциации. Данные были обработаны с применением методов математической статистики. Смысловой анализ позволил определить особенности представлений и эмоционального отношения респондентов к *типичному русскому* и *типичному американцу*, смысловой контраст содержания в некоторых категориях. Применение критерия Фишера позволило выявить значимые различия по содержанию ряда категорий ассоциаций. Автостереотип, как показало исследование, отличается в основном положительной направленностью, направленность гетеростереотипа двойственная. В образе *типичного русского* отразились, прежде всего, положительные качества: доброта, открытость и патриотизм. В представлениях о *типичном американце* проявились как положительные (активность, харизма, коммуникативные качества, тактичность), так и отрицательные качества (лицемерие и ложь). Обобщенный образ *типичного американца* в представлении молодых россиян – внешне приятный, активный и общительный, но внутренне лицемерный, лживый и корыстолюбивый. Как мы полагаем, в содержании гетеростереотипа отразилось определенное недоверие молодежи к *типичному американцу*. Выявленные отрицательные характеристики гетеростереотипа могут повлиять на снижение толерантности молодежи к Америке и ее представителям. Результаты исследования могут быть полезны представителям органов государственной власти, образовательных учреждений. Полученные данные могут быть использованы при формировании поликультурной образовательной среды в российских университетах.

Ключевые слова: психосемантика, представление, ассоциация, этнический стереотип, студенты, толерантность, имидж

Для цитирования: Марин Е. Б. Образ представителей России и США у российской молодежи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 101–111. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

Введение

Актуальность нашего исследования определяется ростом социальной мобильности в глобальном мире. Эти процессы хорошо заметны в трансграничном Владивостоке. Каждый год заметен рост числа иностранных туристов в нашем городе. На примере ведущих вузов города, таких как Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) и Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского, мы наблюдаем рост числа иностранных студентов, приезжающих для обучения в российских университетах.

С целью определить готовность к межэтническим контактам российских студентов мы изучили их представления об этносах, проживающих в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Непосредственно в данной статье представлены результаты исследования представлений российских студентов о гражданах США. Америка является одной из основных стран АТР и важным участником глобального рынка. Однако отношения России и США мало развиты, что касается как сферы бизнеса и туризма, так и контактов в образовательной и культурной среде. К тому же в последнее время политические отношения ухудшились, и это влияет на атмосферу в других сферах межэтнических контактов.

В недавнем прошлом в России существовало восхищение американской культурой и политической системой. Это было заметно как на уровне политики российского государства, которое следовало в фарватере Запада, так и на уровне молодежной массовой культуры. Однако в наши дни страны оказались в конфликте. Изменило ли

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

это восприятие Америки и американцев молодым поколением, как российская молодежь сегодня воспринимает США и американцев? С целью определить ответы на эти вопросы было предпринято исследование представлений российской молодежи о *типичном американце* и *типичном русском*. Эмпирическое исследование такого характера дает возможность выявить основное содержание этнического стереотипа, изучить его эмоционально-оценочный компонент, определить категории оценивания этнических объектов. Интерес представляет и возможность сравнения представлений о типичном представителе Америки и о типичном представителе нашей страны. Такое сравнение может позволить оценить сходство и различие автостереотипа и гетеростереотипа.

В данной работе реконструкция представлений о типичных представителях России и США проводилась с применением психосемантического подхода. Психосемантический подход позволяет выявить систему значений изучаемой группы респондентов, исследовать нюансы их ментальных характеристик. Этот подход позволяет изучать как групповые представления, так и индивидуальные значения и смыслы респондентов. Психосемантика позволяет исследовать и реконструировать структуры субъективного опыта (системы значений и смыслов), основываясь на нем, выстраивается образ мира человека. В задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя [1].

Методы и материалы

В теоретическом аспекте наше исследование опирается на ряд концепций отечественных и зарубежных авторов, в их числе концепция социального стереотипа У. Липпмана [2], теория этноцентризма У. Самнера [3], концепция стереотипизации Г. Теджфела [4]. В отечественной науке анализ этнических стереотипов представлен в трудах таких ученых, как Г. У. Солдатова [5], Т. Г. Стефаненко [6–7], А. Н. Татарко и Н. М. Лебедева [8], А. П. Миньяр-Белоручева и М. Е. Покровская [9] и др.

Понятие социального стереотипа было впервые использовано еще У. Липпманом в 1922 г. В современной науке стереотип рассматривается по-разному в зависимости от направления, например, З. В. Сикевич определяет стереотип как представление о социальном объекте, которое выражает привычный способ восприятия и действия [10].

Сравнительный анализ этнической идентичности, автостереотипов и гетеростереотипов дан Г. У. Солдатовой [5; 11]. Под автостереотипами понимается сумма представлений о характерных чертах и особенностях своей этнической группы. Как правило, они содержат культурно одобряемые признаки. Под гетеростереотипами понимается совокупность представлений данной группы о других этнических группах. Эти представления могут носить как положительный, так и отрицательный или нейтральный характер и связаны с историей отношений данной группы с другими этносами. Встречаясь с новой для себя этнической группой, люди склонны сравнивать ее представителей со своим этносом, использовать привычные категории оценивания. Г. У. Солдатовой, кроме того, разработана концепция, объясняющая механизмы изменения и трансформации этнического стереотипа [5].

Одним из перспективных является междисциплинарный подход к изучению социального стереотипа [10; 12; 13]. Различные аспекты межкультурных отношений и коммуникации исследуются в работах Л. Г. Почебут [14], С. Д. Гуриевой [15; 16], А. И. Донцова и др. [17].

В последние годы изучение этнических стереотипов ведется на Дальнем Востоке России, межэтнические отношения изучаются в работах таких исследователей, как М. А. Мельникова, В. В. Калита, Н. В. Виничук [18–20]. Ими были выявлены содержательные характеристики этнических стереотипов русских и китайцев, описаны стадии формирования этнических стереотипов у русских и китайских жителей приграничья [18].

Кроме того, для нашего исследования определенную значимость представляют работы, посвященные психологической адаптации. Среди авторов, изучающих проблемы психологической адаптации, можно упомянуть А. Н. Татарко, Н. М. Лебедеву [8], Т. Г. Стефаненко [6], А. А. Налчаджяна [21], А. А. Реана и др. [22]. Немало работ российских, в том числе дальневосточных авторов, посвящено анализу адаптированности зарубежных студентов в России [20].

Растущий приток иностранных студентов в российские вузы требует решения многих проблем – не только по организации учебного процесса, но и по адаптации зарубежных студентов. Исследователи приходят к выводу, что для успешной социально-психологической адаптации иностранных студентов, приехавших учиться в Россию, необходимо формирование этнокультурной компетентности как у самих зарубежных студентов, так и у россиян [6].

В русле данных концепций нами было предпринято исследование образов *типичного американца* и образа *типичного русского* в представлении студентов ДВФУ. Анализ представлений о себе и об актуальных партнёрах по коммуникации является эффективным инструментом измерения межэтнических отношений. Реконструкция образов *типичного русского* и *типичного американца* была выполнена с применением психосемантического подхода: в данном исследовании был применен

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

один из психосемантических методов – метод свободных вербальных ассоциаций. Психосемантические методы включают такие способы изучения психических явлений, которые позволяют выявить индивидуальные и групповые системы значений и смыслов и установить связи между ними.

Под значением в науке принимают обобщенную идеальную модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности [23]. Значения существуют в индивидуальном сознании в различных формах: образах, символах, коммуникативных и ритуальных действиях, а также словесных понятиях. Задачей экспериментальной психосемантики является реконструкция субъективных семантических пространств, которые выступают формой репрезентации опыта субъекта. Пространство значений в сознании субъекта, описывающих ту или иную значимую область, именуют семантическим пространством.

Наиболее известные методы психосемантического исследования следующие: метод анализа изображений или описаний слов, состояний, ситуаций, отношений; метод определения понятия; метод классификации; метод субъективного шкалирования; ассоциативный эксперимент; метод формирования понятий; метод личностных конструктов Дж. Келли; метод семантического радикала; метод контекстной и семантической реконструкции и конструирования; метод сравнения и трансляции семантических описаний при обучении; формирующие и обучающие психосемантические эксперименты; лонгитюдные психосемантические эксперименты; метод семантического дифференциала.

Одним из удобных в применении методов психосемантики является ассоциативный эксперимент. Этот метод относится к одному из первых проективных методов и наиболее разработанной технике семантического анализа. Классический вариант метода свободных ассоциаций выглядит следующим образом: испытуемый должен в ответ на предъявленное слово (стимул) быстро проговорить первые пришедшие на ум слова (реакции). При этом фиксируется необычная реакции в виде паузы, смеха, бормотания, жалобы, объяснения своей реакции, поведенческие и вегетативные проявления и т. п. Когда такая реакция присутствует, можно говорить о связи данной реакции с аффективным комплексом.

Ассоциативный эксперимент позволяет изучить представления группы людей об изучаемом объекте, лексикон и лексические связи, осуществить поиск ключевых стимулов и оценочных шкал при создании семантического инструментария и т.д. [1]. Ассоциации разделяют на парадигматические и синтагматические. Парадигматические ассоциации являют собой слова-реакции одного грамматического класса, что и слова-стимулы (например, мужчина – женщина, много – мало и т. д.). Парадигматические ассоциации подчиняются принципу минимального контраста, сформулированному Д. Мак-Нейлом, согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Раскрытие принципа минимального контраста проясняет, почему по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, даваемых на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в данном слове. Синтагматические ассоциации имеют отличный грамматический класс от класса слов-стимулов (птица – летит, война – боль и т.д.) [1].

Ассоциативный эксперимент проводится в основном с большим количеством людей, что позволяет из полученных данных выявить частоту распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Мерой семантической близости (расстояния) пары слов признается степень совпадения распределения ответов, т. е. степень подобия объектов анализа устанавливается через сходство данных на них ассоциаций. Метод множественных свободных вербальных ассоциаций является гибким инструментом, позволяющим выявить систему представлений респондентов, понять их ментальные особенности, изучить эмоционально-оценочные компоненты этнических стереотипов. Этот метод позволяет выявить семантические категории, применяемые изучаемой группой.

Алгоритм применения методов психосемантики описан в работах В. П. Серкина [1], А. Г. Шмелева и др. [24], В. Ф. Петренко [23; 25].

Результаты по достоверности различий выраженности различных категорий в автостереотипе *типичный русский* и гетеростереотипе *типичный американец* оценивались с помощью критерия углового преобразования Фишера. Критерий Фишера использовался при критических значениях $\varphi^*_{крит}$=1,64 (p≤0,05) и $\varphi^*_{крит}$=2,31 (p≤0,01). Результаты ($\varphi^*_{эмп}$) занесены в сравнительную таблицу 3.

Организация исследования и выборка

Эмпирическое исследование проводилось на базе ДВФУ в период с декабря 2017 г. по март 2018 г. Сбор и обобщение материалов осуществлялись с помощью студентки специальности Психология Мироновой Анны Павловны в рамках выполнения ею дипломной работы. Для достижения цели были исследованы 4 группы студентов разных курсов, обучающихся по различным гуманитарным

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

специальностям (психология, конфликтология, философия, теология) в Школе искусств и гуманитарных наук ДВФУ. Общая выборка составила 53 студента. Возраст испытуемых – от 17 лет до 21 года.

Результаты исследования

Образы *типичного русского* и *типичного американца* были получены в ходе исследования с применением ассоциативного метода.

Классификация объектов, разработанная М. А. Мельниковой для анализа этнических стереотипов [18], была проанализирована нами и расширена, были исключены неактуальные для данного материала и добавлены новые категории: *личностные качества, отношение к людям, негативная символика*.

На стимул *типичный русский* было получено на двадцать процентов больше ассоциаций (268), чем на стимул *типичный американец* (197). Ассоциации представлены в десяти категориях на стимул *типичный русский* и в девяти категориях на стимул *типичный американец* (таблица 1).

Асимметрия очевидна, прежде всего, в категории *спиртные напитки*. В этой категории *типичного русского* характеризуют 13 ассоциаций, а *типичного американца* – ни одна. Как можно предположить, данная категория не важна для оценки *типичного американца*, при высокой ее важности для оценки *типичного русского*.

Асимметрично наполнена и такая категория, как *природа, растения* и *животные*. *Типичный американец* не ассоциируется с природными объектами, тогда как на стимул *типичный русский* дано 13 ассоциаций (таблица 1).

В категории *пища, безалкогольные напитки* гетеростереотип имеет 14 ассоциаций, а в автостереотипе *типичный русский* нет ассоциаций.

Анализ смыслового содержания автостереотипа и гетеростереотипа показал немало существенных различий (таблица 2[1]). В категории отношение к труду и закону заметна разница между однозначно положительным образом американца (трудолюбивый, деловой, знает свои права) и противоречивым представлением о *типичном русском*: целеустремленный, трудолюбивый, но и ленивый. Анализ смыслового содержания категории *личностные качества* показывает, что *типичный русский* характеризуется преимущественно положительными качествами (всего 87 ассоциаций): сильный (сила) (на первом месте с количеством 15 ассоциаций), сильный духом, веселый, умный, твердый, мечтательный, храбрый и т. д. Но присутствуют и отрицательные качества (32 ассоциации): эгоистичный, лицемерие, мстительный, безрассудство и т. д. При

Таблица 1. Наполненность категорий ассоциаций, полученных на стимулы *типичный русский* и *типичный американец*

Table 1. Fullness of categories of associations received on incentives "the typical Russian" and "the typical American"

№	Категории ассоциаций	Типичный русский (количество ассоциаций / %)	Типичный американец (количество ассоциаций / %)
1	Личностные качества	119 / 44,5 %	72 / 37 %
2	Отношение к людям	46 / 17 %	31 / 16 %
3	Отношение к труду и закону	25 / 9 %	13 / 6 %
4	Природа, растения и животные	16 / 6 %	–
5	Культурные объекты и атрибуты	15 / 5,5 %	31 / 16 %
6	Спиртные напитки	13 / 5 %	–
7	Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	13 / 5 %	24 / 12 %
8	Негативная символика	10 / 4 %	4 / 2 %
9	Государственная и коммерческая символика	8 / 3 %	4 / 2 %
10	Техника и здания	3 / 1 %	4 / 2 %
11	Пища, безалкогольные напитки	–	14 / 7 %
Всего		268 / 100 %	197 / 100 %

характеристике *типичного американца* в гетеростереотипе примерно равно представлены положительные и отрицательные качества (по 36 ассоциаций). Отрицательные характеристики связаны с человеческими качествами, такими как лицемерие (на первом месте по количеству ассоциаций), ложь, корыстолюбие, скрытность. Можно сделать вывод о том, что молодые россияне относятся к *типичному американцу* с недоверием. Положительные же качества американца связаны с качествами активности и харизмой: активностью, подвижностью, уверенностью, обаянием, оптимизмом, веселостью.

Ниже проанализированы данные по достоверности процентных различий содержания авто- и геторостреотипа

[1] В таблице 2 представлены групповые ассоциативные универсалии, за исключением категорий с единичными ассоциациями.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

Таблица 2. Ассоциации респондентов: *типичный русский и типичный американец*
Table 2. Respondent associations: "the typical Russian" and "he typical American"

Категории ассоциаций	Типичный русский (ассоциация – количество)	Типичный американец (ассоциация – количество)
Государственная и коммерческая символика	Путин – 5, кремль – 2	Трамп – 4
Личностные качества	Позитивные	
	Сильный (сила)– 15, сильный духом – 2, веселый – 7, умный – 5, твердый – 4, мечтательный – 4, храбрый – 3, опытный – 3, спокойный – 3, эмоциональный – 3, достоинство – 2, с чувством юмора – 2, смелый – 2, оптимист – 2, серьезный – 2, самовольный – 2	Веселый – 4, оптимист – 4, простой – 3, активный – 3, подвижный – 3, уверенный – 3, открытый – 2, обаятельный – 2, спокойный – 2
	Отрицательные	
	Эгоистичный – 5, вспыльчивость – 3, лицемерие – 3, мстительный – 3, безрассудство – 3, вредный – 2, черный юмор – 2, холодный – 2, агрессивный – 2	лицемер – 5, лжец – 3, хитрый – 3, корыстолюбив – 2, самодовольный – 2, скучный – 2, эгоизм – 2, скрытный – 2
Отношение к людям	Добрый – 13, открытый – 5, патриотичный – 5, отзывчивый – 4, грубый – 3, справедливый – 2, общительный – 2, простой – 2, нетолерантность – 2, подлый – 2	Тактичность – 6, толерантность – 5, доброжелательный – 4, добрый – 3, общительный – 3
Отношение к труду и закону	Целеустремленный – 5, ленивый – 5, упорный – 4, трудолюбивый – 3, халявщик – 2	Трудолюбивый – 2, знает свои права – 2, деловой – 2, аккуратность – 2
Негативная символика	Коррупция – 2	Нелегкая жизнь – 1, понаехали – 1, пустые разговоры – 1, дети с ружьями в школах – 1
Спиртные напитки	Водка – 6, любит выпить – 3, пьяный – 2	–
Пища, безалкогольные напитки	–	Бургер – 7, фаст-фуд – 3, любит фаст-фуд – 2, кока-кола – 2
Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	Красивый – 3, брутальный – 1, крепкий – 1, выносливый – 1, мало улыбается – 1, мужчина – 1, борода – 1, славянская внешность – 1, светлые волосы – 1, пузо – 1	Улыбка – 7, крупный – 3, красивый – 2, негры – 2, классная прическа – 2, костюм – 2
Природа, растения и животные	Холод – 4, медведи – 2	–
Культурные объекты и атрибуты	Балалайка – 3, масленица – 3, русский язык – 2	Hollywood – 5, хорошее кино – 3, ЛГБТ – 2, гей – 2, деньги – 2, Статуя свободы – 2
Техника и здания	Завод – 2, АК-47 – 1	Оружие – 1, айфон – 1, чистый домик – 1, пикап – 1

по категориям (таблица 3). В тексте далее гипотеза о значимом различии процентной доли обозначается как H1, гипотеза об отсутствии значимых различий обозначается как H0.

Результаты по достоверности различий процентных долей в категории *личностные качества* попадают в зону неопределенности (φ*эмп=2,096), соответственно, H1 гипотеза о значимом различии процентной доли по данной категории принимается на уровне ρ=0,05 (таблица 3). Следовательно, различие процентного соотношения подтверждается и является статистически значимым. С целью проверить гипотезу о значимости различий между представленностью позитивных и отрицательных личностных качеств в автостереотипе и гетеростереотипе мы оценили различия между ними с использованием критерия Фишера. Выделив в категории *личностные качества* подкатегории *положительные личностные качества* и *отрицательные личностные качества*, мы оценили различия междуними математически. Учитывалось общее количество

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

ассоциаций в каждой подкатегории, включая единичные ассоциации. Результаты по достоверности различий процентных долей в подкатегории *положительные личностные качества* попадают в зону значимости ($\varphi^*_{эмп}$=3,405), соответственно, H1 гипотеза о значимом различии процентной доли по данной категории принимается на уровне ρ=0,01 (таблица 4). Таким образом, автостереотип *типичный русский* содержит более выраженное представление о положительных личностных качествах, чем гетеростереотип *типичный американец*. Результаты по достоверности различий процентных долей в подкатегории *отрицательные личностные качества* попадают в зону неопределенности ($\varphi^*_{эмп}$=1,994), следовательно, гипотеза о наличии различий принята на уровне ρ=0,05. Выраженность отрицательных личностных качеств в гетеростереотипе значимо выше, чем в автостереотипе.

К неравномерно наполненным категориям можно отнести категорию *культурные объекты и атрибуты* (более наполнен гетеростереотип, чем автостереотип). При раскрытии образа *типичного русского* респонденты дали ряд ассоциаций с атрибутами традиционной русской культуры: балалайка, масленица, русский язык. *Типичный американец* ассоциируется с американским кинематографом, достопримечательностями США, деньгами. Эти результаты соответствуют данным, полученным при помощи методики *пиктограмма*. Результаты по достоверности различий процентных долей в данной категории попадают в зону значимости ($\varphi^*_{эмп}$=3,66), соответственно, H1 гипотеза о значимом различии процентной доли по данной категории принимается на уровне ρ=0,01 (таблица 3). Следовательно, различие процентного соотношения подтверждается и является статистически значимым.

Анализ смыслового содержания автостереотипа и гетеростереотипа по категории *индивид*: *отдельные элементы внешнего вида* показывает наличие определенного смыслового контраста в образах *типичного русского* и *типичного американца*. *Американец* ассоциируется с положительными внешними данными: улыбчивостью, красотой, хорошей прической, костюмом. Единичные

Таблица 3. Значимость различий процентных долей ассоциаций в категориях
Table 3. Significance of differences in the percentage of associations in the categories

Категории ассоциаций	Типичный русский (количество ассоциаций / %)	Типичный американец (количество ассоциаций / %)	Зона незначимости	Зона неопределенности	Зона значимости
Государственная и коммерческая символика	8 / 3 %	4 / 2 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,605, H1 отклонена	–	–
Личностные качества	119 / 44,5 %	72 / 37 %	–	$\varphi^*_{эмп}$=2,096, H0 отклонена	–
Отношение к людям	46 / 17 %	31 / 16 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,339, H1 отклонена	–	–
Отношение к труду и закону	25 / 9 %	13 / 6 %	$\varphi^*_{эмп}$=1,018, H1 отклонена	–	–
Негативная символика	10 / 4 %	4 / 2 %	$\varphi^*_{эмп}$=1,018, H1 отклонена	–	–
Спиртные напитки	13 / 5 %	–	–	–	–
Пища, безалкогольные напитки	–	14 / 7 %	–	–	–
Индивид. Отдельные элементы внешнего вида	13 / 5 %	24 / 12 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=2,907, H1 принята
Природа, растения и животные	16 / 6 %	–	–	–	–
Культурные объекты и атрибуты	15 / 5,5 %	31 / 17 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=3,66, H1 принята
Техника и здания	3 / 1 %	4 / 2 %	$\varphi^*_{эмп}$=0,859, H1 отклонена	–	–
Всего	268 / 100 %	197 / 100 %	–	–	–

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

Таблица 4. Значимость различий процентных долей ассоциаций в подкатегориях категории личностные качества

Table 4. Significance of differences in the percentage of associations in the subcategories of the category "personal qualities"

Подкатегории ассоциаций	Типичный русский (количество ассоциаций / % от общего числа ассоциаций)	Типичный американец (количество ассоциаций / % от общего числа ассоциаций)	Зона незначимости	Зона неопределенности	Зона значимости
Положительные личностные качества	87 / 32,5 %	36 / 18,5 %	–	–	$\varphi^*_{эмп}$=3,405, принята H1
Отрицательные личностные качества	32 / 12 %	36 / 18,5 %	–	$\varphi^*_{эмп}$=1,994, H0 отклонена	–

ассоциации содержали ассоциации со смехом, хорошей одеждой и т. д. Черты образа *типичного американца* могут быть объединены такой характеристикой, как шарм. В автостереотипе в данной категории наличествует только одна групповая ассоциативная универсалия *красивый*. Если учитывать и единичные ассоциации (крепкий, выносливый, брутальный, мужчина и т. д.), то русский характеризуется качествами, которые могут быть объединены характеристикой *брутальность*. Достоверность различий между процентными долями по категории *индивид*: *отдельные элементы внешнего вида* также попадает в зону значимости на уровне ρ=0,01 (таблица 3). Больше ассоциаций содержит гетеростереотип.

В категории *отношение к людям* в автостереотипе представлены и положительные, и отрицательные качества, в гетеростереотипе преобладают положительные ассоциации. *Типичный русский* характеризуется респондентами как добрый, открытый, патриотичный, отзывчивый, справедливый, общительный, простой. Среди отрицательных качеств респонденты назвали грубость, нетолерантность, подлость. *Типичный американец* охарактеризован студентами как тактичный, толерантный, доброжелательный, добрый, общительный.

Итак, в образе *американца* на первом месте – положительные коммуникативные качества, а в образе русского – «былинные» доброта, открытость и патриотизм.

Выводы по ассоциативной методике

1. Анализ полученных данных свидетельствует, что образ *типичного русского* более наполнен содержанием. На стимул *типичный русский* от респондентов было получено почти на четверть больше ассоциаций (268), чем на стимул *типичный американец* (197).

2. При этом ассоциации более плотно наполняют категории автостереотипа *типичный русский* (плотно наполнены 9 из 11 категорий), чем категории гетеростереотипа *типичный американец* (плотно наполнены 6 категорий из 11).

3. Асимметрия заметна в категории *спиртные напитки*, кроме того, в категориях *природа, растения и животные* и *пища, безалкогольные напитки*.

4. Смысловой анализ позволил выявить смысловой контраст содержания, прежде всего, в категории *индивид: отдельные элементы внешнего вида*. Представления о внешности *типичного русского* (брутальность) разительно отличаются от образа *типичного американца* (шарм).

5. Применение критерия Фишера позволило выявить значимые различия по содержанию ряда категорий ассоциаций. Результаты по достоверности различий процентных долей в таких категориях, как *индивид: отдельные элементы внешнего вида*, культурные объекты и атрибуты, попадают в зону значимости на уровне ρ=0,01 (таблица 3). Результаты по достоверности различий процентных долей в такой категории, как *личностные качества* попадают в зону значимости на уровне ρ=0,05 (таблица 3).

6. Существуют значимые различия в представленности положительных и отрицательных личностных качеств *типичного русского* и *типичного американца*. Как мы полагаем, в содержании гетеростереотипа отразилось определенное недоверие к *типичному американцу* в противоположность с положительным отношением к *русскому* в автостереотипе.

7. В образе *типичного русского* отразились, прежде всего, такие положительные качества, как доброта, открытость и патриотизм. По мнению молодых россиян, *типичный русский* – сильный, добрый, открытый, патриотичный, но вспыльчивый и временами любящий выпить.

8. В представлениях о *типичном американце* проявились как весомые положительные (активность, шарм, тактичность), так и выраженные отрицательные качества (лицемерие и ложь).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

Заключение

Применение психосемантического подхода позволило выявить представления молодых россиян о *типичном русском* и *типичном американце*, показать специфику их этнических стереотипов. Анализ результатов метода свободных вербальных ассоциаций свидетельствует о том, что в представлении студентов существуют значимые культурные различия между образами типичным русским и типичным американцем. Автостереотип отличается в основном положительной направленностью, направленность гетеростереотипа – двойственная. Студенты показали информированность о различных сторонах жизни и личностных качествах и *типичного русского*, и *типичного американца*, при этом автостереотип больше наполнен содержанием.

Нами были выявлены значимые различия в представленности положительных и отрицательных личностных качеств *типичного русского* и *типичного американца*, а также в наполненности некоторых категорий ассоциаций. Значительно более содержательное представление о личностных качествах *типичного русского* объяснимо собственным опытом респондентов. Образ *типичного американца*, как мы полагаем, формировался под влиянием различных источников информации, прежде всего СМИ. Можно предположить, что критическая подача СМИ информации об Америке оказывает влияние на представления молодежи об американцах.

Направленность гетеростереотипа – двойственная (и положительная, и отрицательная). С одной стороны, студенты видят положительные характеристики в отношении *типичного американца* к труду и к людям – трудолюбие, тактичность и толерантность в общении. К положительным его личностным характеристикам отнесены активность, харизма и коммуникативные качества. Однако среди личностных качеств *американца* в представлении студентов четко выражены отрицательные черты, прежде всего, лицемерие и ложь, хитрость и корыстолюбие.

Обобщенный образ *типичного американца* в представлении молодых россиян – внешне приятный, активный и коммуникабельный, но внутренне лицемерный, лживый и корыстолюбивый. Как мы полагаем, в содержании гетеростереотипа отразилось определенное недоверие молодежи к *типичному американцу*. Выявленные отрицательные характеристики гетеростереотипа могут повлиять на снижение толерантности молодежи к Америке и ее представителям. Однако образ *типичного американца* не является на данный момент полностью отрицательным, что означает, что сохраняется возможность нормализации отношений между двумя странами.

Образ *типичного русского* в представлении студентов в основном положительный. В образе русского отразились такие положительные качества, как доброта, открытость и патриотизм. Эти качества традиционно приписывались русскому народу, поэтому можно сказать, что современная молодежь во многом унаследовала традиционный образ русского человека. При этом в представлении о *типичном русском* присутствует и немалая доля негативных характеристик, таких как вспыльчивость, эгоистичность, грубость. Как показало наше исследование, позитивные черты в образе *типичного русского* связаны с особенностями русской культуры, личностными качествами русского человека. Негативной характеристикой в образе *типичного русского* является повышенная роль алкоголя в жизни и некоторые личностные качества. Обобщенный образ *типичного русского* в сознании молодых россиян – сильный, добрый, открытый, патриотичный, но эгоистичный и временами любящий выпить.

Литература

1. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: Пчела, 2008. 378 с.
2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
3. Sumner W. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. Boston: Ginn and Co., 1906. 692 p.
4. Tajfel H., Fraser C. Introducing social psychology. Harmondsworth: Penguin, 1978. 490 p.
5. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2013. 224 с.
7. Stefanenko T. G., Kupavskaya A. S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication // Psychology in Russia: State of the Art. 2010. T. 3. C. 550–564.
8. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 238 с.
9. Миньяр-Белоручева А. П., Покровская М. Е. Этнические стереотипы в англоязычном пространстве: визуальные образы-персонификации и вербальные образы-антропонимы // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 1. С. 52–65.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

10. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 203 с.
11. Солдатова Г. У. Этнические идентичности народов России и границы межкультурного понимания // Психологическое обозрение. 1997. № 2. С. 17–21.
12. Агеев В. С. Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 135–140.
13. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
14. Почебут Л. Г. Межкультурная коммуникативная компетентность как выражение человеческих отношений // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 5–15.
15. Гуриева С. Д. Социально-психологические феномены в межэтнических отношениях // Социальная психология общения / под общ. ред. А. Л. Свенцицкого. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 81–107.
16. Гуриева С. Д. Межкультурное общение // Социальная психология общения / под общ. ред. А. Л. Свенцицкого. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 107–123.
17. Донцов А. И., Перелыгина Е. Б., Караваева Л. П. Межкультурные взаимодействия и социальная дистанция // Национальный психологический журнал. 2014. № 2. С. 3–10. DOI: https://doi.org/10.11621/npj.2014.0201
18. Калита В. В., Мельникова М. А. Этнические стереотипы жителей Дальневосточного приграничья (на примере россиян и китайцев). Владивосток: Дальнаука, 2007. 125 с.
19. Калита В. В., Марин Е. Б. Образ «типичного китайца» и «типичного русского» в представлении китайских студентов, обучавшихся в России // Национальный психологический журнал. 2013. № 3. С. 28–41. DOI: https://doi.org/10.11621/npj.2013.0304
20. Виничук Н. В., Калита В. В., Аристова И. Л., Долгова М. В., Жилина Е. В. Психологическое сопровождение межкультурной адаптации иностранных студентов в полиэтническом образовательном пространстве ДВФУ: групповые формы работы. Владивосток: ДВФУ, 2013. 119 с.
21. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
22. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.
23. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
24. Шмелев А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: МГУ, 1988. 118 с.
25. Петренко В. Ф., Гладких Н. Ю., Митина О. В. Психосемантическое исследование восприятия политических деятелей гражданами Южной Кореи // Историческая психология и социология истории. 2016. Т. 9. № 2. С. 85–104.

Images of Russians and Americans as Seen by Russian Adolescents

Egor B. Marin [a, b, @]

[a] Admiral Nevelskoy Maritime State University, 50a, Verkhneportovaya St., Vladivostok, Russia, 690059
[b] Vladivostok State University of Economics and Service (Nakhodka branch), 2, Ozernaya St., Nakhodka, Russia, 692902
[@] egor-marin@yandex.ru

Received 01.12.2018. Accepted 21.01.2019.

Abstract: The present research features the image of "the typical Russian" and "the typical American" as perceived by Russian adolescents (students of the Far Eastern Federal University). The images were reconstructed using methods of psychosemantics, e.g. verbal associations. The data were processed using the methods of mathematical statistics. The semantic analysis helped to define the ideas and emotional attitude of the respondents to "the typical Russian" and "the typical American", as well as the semantic contrast of the content in some categories. The Fisher criterion revealed significant differences in the content of certain categories of associations. The stereotype displayed a predominantly positive orientation, while the orientation of the heterostereotype was ambivalent. The image of "the typical Russian" reflected primarily such positive qualities as kindness, openness, and patriotism. Both positive (activity, tact) and negative qualities (hypocrisy and lies) were manifested in the ideas about the "typical American". The positive personal characteristics included activity, charisma, and communicative skills. However, the personal qualities of the "American" clearly expressed some negative traits, e.g. hypocrisy and lies. The generalized

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

image of "the typical American" is outwardly pleasant, active, and sociable but internally hypocritical, deceitful and self-serving. The content of the heterostereotype reflected a certain distrust of young people to "the typical American". The negative characteristics of the heterostereotype may reduce tolerance of young people to the USA and its representatives. The results of the study may be useful to representatives of public authorities and educational institutions. The obtained data can be used to shape multicultural educational environment in Russian universities.

Keyword: psychosemantics, representation, associations, ethnic stereotype, students, tolerance, image

For citation: Marin E. B. Images of Russians and Americans as Seen by Russian Adolescents. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 101–111. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

References

1. Serkin V. P. *Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics.* Moscow: Pchela, 2008, 378. (In Russ.)
2. Lippmann W. Public opinion, transl. Barchunova T. V., eds. Levinson K. A., Petrenko K. V. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004, 384. (In Russ.)
3. Sumner W. *Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals.* Boston: Ginn and Co., 1906, 692.
4. Tajfel H., Fraser C. *Introducing social psychology*. Harmondsworth: Penguin, 1978, 490.
5. Soldatova G. U. *Psychology of interethnic tension*. Moscow: Smysl, 1998, 389. (In Russ.)
6. Stefanenko T. G. *Ethnopsychology*. Moscow: Aspekt Press, 2013, 224. (In Russ.)
7. Stefanenko T. G., Kupavskaya A. S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2010, vol. 3, 550–564.
8. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. *Methods of ethnic and cross-cultural psychology.* Moscow: Izd. dom VShE, 2011, 238. (In Russ.)
9. Minyar-Beloroucheva A. P., Pokrovskaya M. E. Ethnic stereotypes in the English language space: a visual imagery-personification and verbal images-the anthroponyms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*, 2013, (1): 52–65. (In Russ.)
10. Sikevich Z. V. *Sociology and psychology of national relations*. Saint-Petersburg: Izd-vo Mikhailova V. A., 1999, 203. (In Russ.)
11. Soldatova G. U. Ethnic identities of the peoples of Russia and the boundaries of intercultural understanding. *Psikhologicheskoe obozrenie,* 1997, (2): 17–21. (In Russ.)
12. Ageev V. S. The Influence of cultural factors on the perception and evaluation of human. *Voprosy psichologii*, 1985, (3): 135–140. (In Russ.)
13. Ageev V. S. Psychological research of social stereotypes. *Voprosy psichologii*, 1986 (1): 95–101. (In Russ.)
14. Pochebut L. G. Intercultural communicative competence as a manifestation of human relationships. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2013, 34(4): 5–15. (In Russ.)
15. Gurieva S. D. Socio-psychological phenomena in inter-ethnic relations. *Social psychology of communication*, ed. Sventsitsky A. L. Moscow: INFRA-M, 2017, 81–107. (In Russ.)
16. Gurieva S. D. Intercultural communication. *Social psychology of communication*, ed. Sventsitsky A. L. Moscow: INFRA-M, 2017, 107–123. (In Russ.)
17. Dontsov A. I., Perelygina E. B., Karavayeva L. P. Intercultural interaction and social distance. *National psychological journal*, 2014, (2): 3–10. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.11621/npj.2014.0201
18. Kalita V. V., Melnikova M. A. E*thnic stereotypes of the residents of the far Eastern border region (on the example of Russians and Chinese)*. Vladivostok: Dal'nauka, 2007, 125. (In Russ.)
19. Kalita V. V., Marin E. B. The image of "the typical Chinese" and "the typical Russian" in the representation of Chinese students who study in Russian universities. *National psychological journal*, 2013, (3): 28–41. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.11621/npj.2013.0304
20. Vinichuk N. V., Kalita V. V., Aristova I. L., Dolgova M. V., Zhilina E. V. *Psychological support for intercultural adaptation of foreign students in multi-ethnic educational space of the University: group work*. Vladivostok: DVFU, 2013, 119. (In Russ.)
21. Nalchadzhian A. A. *Psychological adaptation. Mechanisms and strategies*. 2nd ed. Moscow: Eksmo, 2010, 368. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-101–111

22. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psychology of personality adaptation.* Saint-Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2006, 479. (In Russ.)
23. Petrenko V. F. *Basics psychosemantics*. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2005, 480. (In Russ.)
24. Shmelev A. G., Pokhilko V. I., Kozlovskaia-Telnova A. I. *Workshop on experimental psychosemantics. Thesaurus of personality traits*. Moscow: MGU, 1988, 118. (In Russ.)
25. Petrenko V. F., Gladkikh N. Yu., Mitina O. V. Psychosemantic study of perceptions of political figures citizens of South Korea. *Istoricheskaia psikhologiia i sotsiologiia istorii*, 2016, 9(2): 85–104. (In Russ.)

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.9

Пролегомены к системно-антропологической теории мышления

Николай И. Нелюбин [a, @]

[a] Омский государственный педагогический университет, 644099, Россия, г. Омск, ул. Партизанская, 4а
[@] nelubin2001@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.02.2019. Принята к печати 04.03.2019.

Аннотация: В статье представлен опыт построения предварительной концептуальной оптики, необходимой для осмысления проблемы мышления с позиции постнеклассической психологии. Вскрываются и анализируются методологические пробелы в постановке и решении проблемы мышления в рамках позитивистски-ориентированных подходов. В статье представлено, что они преимущественно сосредоточены на построении одномерно-инструментального взгляда на мыслящего человека как на гносеологического субъекта, который в ряде случаев редуцируется до оператора когнитивных процессов, искусственно выведенного за рамки собственной историчности и экзистенциальных данностей жизни. Раскрывается экзистенциально-антропологическая данность мышления человека, взятого в контексте собственного жизненного мира и собственных жизненных отношений, а также в контексте трансспективы становления и усложнения его когитальной идентичности. Обоснован взгляд, согласно которому мышление целостно понятого человека выступает как форма жизнеосуществления, а все события мышления являются свидетельствами его попыток тематизации и конституирования своей когитальной идентичности, его сопротивления когитальной деиндивидуации. В заключение подчеркивается необходимость расширения исследовательского фокуса психологии мышления таким образом, чтобы ее положительная эвристика не ограничивалась психическим аппаратом усредненного оператора когнитивных процессов, а включала в себя экзистенциальные данности и возможности живой исторической личности, реализующей в мышлении значимые бытийные отношения с собой и миром.

Ключевые слова: постнеклассическая психология, антропология, бытие, когитальная идентичность, жизненные отношения, смысл

Для цитирования: Нелюбин Н. И. Пролегомены к системно-антропологической теории мышления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 112–120. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-112–120

Введение

Целью данной статьи является построение предварительных *концептуальных контуров* теории, в которой проблема мышления человека получила бы осмысление с учетом ее исходной антропологической полноты. На современном этапе развития психологической науки, со свойственными для него меж- и трансдисциплинарными дискурсами, эта попытка может быть реализована в русле антропологической психологии. Собственно, это исходное эпистемологическое русло, в котором проблема мышления была впервые поставлена как императив уготованного к мышлению человека: «Познай самого себя!». М. К. Мамардашвили неоднократно подчеркивал, что «история человеческого мышления» начала складываться «как размышление о самом себе» [1, с. 59]. Уже для античных философов было понятно, что теоретическое мышление есть не что иное, как духовное упражнение, сущность которого заключается «не в накоплении рассуждений или в массе выученных знаний, но в том, чтобы теория стала в нас самих природой и жизнью» [2, с. 248]. В результате культивирования такой практики мышления человек становился носителем живого знания, в котором снимался разрыв между его бытийными и познавательными отношениями, между модусом познания и модусом бытия. С. Л. Франк описывал этот эффект так: «Своеобразие такого живого знания в том и состоит, что в нем уничтожается противоположность между предметом и знанием о нем: знать что-либо в этом смысле и значит не что иное, как быть тем, что знаешь» [3, с. 362].

Вместе с тем развитие психологии в XIX–XX вв. показало, что проблема мышления, сформулированная изначально в предельно антропологическом ключе, не выдержала «радикального натиска эмпиризма» (выражение Г. Маркузе [4]) и была сведена его представителями к структурному или операционалистскому фокусу рассмотрения, вписанному в рациональность количественных

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

измерений. Проблема мышления, поставленная в философии как проблема экзистенциальной топики мыслящего человека в контексте его жизненной истории, в психологии была редуцирована к лабораторному представлению о мышлении, – к проблеме метрики мыслительных операций внутри заданной экспериментальной ситуации, вырывающей человека из истории становления его мысли. В рамках одномерного инструментально-операционального взгляда (который на протяжении XX в. занимал доминирующее положение в когнитивных науках) она была редуцирована, как отмечал Г. Маркузе, к «эмпирической трактовке понятий, значение которых сужается до частных операций и поведенческих реакций» [4, с. 29]. Ее изначальная предельно антропологическая постановка оставалась вне поля интересов позитивистски-ориентированной «фабрики» психологического познания.

Тем не менее она все отчетливее заявляла о себе в качестве жизненной необходимости человека размышлять (В. В. Бибихин, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, М. Хайдеггер, К. Ясперс). Так, для В. В. Бибихина опыт мышления это, прежде всего, «попытка – ничем не обеспеченная – вернуть жизни, моей человеческой, то, чем она с самого начала размахнулась быть: отношением к миру, не картине, а событию» [5]. Мышление, взятое в экзистенциально-антропологическом ракурсе, это всегда отвоевывание предельной возможности быть присутствующим и еще устанавливающимся в собственном бытии в противовес капитуляции перед распадом и хаосом эпизодических тождеств с трафаретными способами концептирования. Дробление мышления как целостного жизненного акта до суммы отдельных мыслительных операций, разворачивающихся будто бы в вакууме когнитивной сферы, зачастую приводило к утрате самого предмета. О непродуктивности этой исследовательской тенденции предупреждал А. Н. Леонтьев: «всякое дробление приводит к уничтожению раздробляемого и к рождению его частей. Дробить можно, но тогда вы переходите к порожденным дроблением реальностям, вы утрачиваете реальность исследуемую, анализируемую» [6, с. 271]. Раскрытие экзистенциально-антропологической данности мышления, взятого в контексте жизненного мира и жизненных отношений мыслящего человека, решающего не столько когнитивную задачу, сколько задачу на жизненный смысл, – все еще представляет для психологии зону ее ближайшего развития. Вместе с тем понимание того, что вектор познавательной направленности человека всегда прокладывается в русле ценностной направленности, – уже сегодня начинает воплощаться в рамках аксиопедагогики [7].

Последствия элиминации экзистенциально-антропологической сущности мышления

В свое время К. Ясперс в работе «Разум и экзистенция» высказал обеспокоенность относительно того, к чему в гуманитарных науках начинала сводиться сущность мышления: «Сущность мышления и знания обыкновенно понимают слишком узко, в смысле механистически мыслящего рассудка, работа которого исчерпывается различением, определением и упорядочением» [8, с. 130]. Эта тенденция стала предметом специального критического анализа в работах представителей франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера). Рассуждая о ширящейся в XX в. рыночной ориентации человека, Э. Фромм подчеркивал, что, становясь инструментом манипуляции, мышление утрачивает свою плодотворность: «Познание человеком самого себя, психология, которая в великой традиции западного мышления считалась условием добродетели, правильной жизни, счастья, выродилась в инструмент для лучшего манипулирования другими и самим собой в рыночных изысканиях, в политической пропаганде, в рекламе и т. д.» [9]. «Ментальное приспособление» к хорошо продаваемым интеллектуальным трендам, спустя десятилетия после прозорливого замечания Э. Фромма, еще больше укрепилось в арсенале познавательных стратегий современного человека. «Истина, добываемая проникновением в сущность явления, – как и отмечал автор, – становится вышедшим из употребления понятием» [9]. Инструментальная рассудочная активность, оторванная от этики присутствующего в мышлении человека, становится сегодня весьма распространенной и легитимированной формой квазимышления (эта тенденция проанализирована нами в ряде статей [10; 11]).

М. Хайдеггер указывал на комичность теоретических разработок проблемы мышления, которые ведутся за границами экзистенциальной антропологии: «сколь гротескны все попытки объяснить познание из него самого» [цит. по: 8, с. 172]. Большинство этих попыток не выходили за пределы эпистемологического корпуса формальной логики, в границах которого и строились соответствующие концепции мышления. Ж. Пиаже в свое время отмечал, что каждая новая «"психология мышления" завершается тем, что превращает мышление в зеркало логики, и именно здесь лежит источник тех трудностей, которые она не в состоянии преодолеть» [12, с. 13]. Признанный классик психологии мышления, прежде всего, имел в виду недостаточность генетической перспективы в теориях его предшественников и современников, которые занимались преимущественно структурным анализом конечных стадий и результатов интеллектуальной деятельности, обходя стороной феноменологию

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

становящегося мышления (особенно тех вех его становления, когда субъект мышления не ведает правил формальной логики). Но вместе с тем Ж. Пиаже критиковал своих коллег за панлогизм, культивирование которого существенно обедняет, а зачастую и сводит на нет собственно психологический анализ проблемы мышления. Не выходя за рамки формально-логических операций, сложно увидеть психологическую реальность мышления, его экзистенциальную текстуру, в которой бы проступали жизненные отношения и смыслы человека, размышляющего не в вакууме экспериментальной ситуации, а в контексте всей истории становления его когитальной идентичности.

С подобной критикой в конце 80-х гг. XX в. выступил и классик когнитивной психологии Дж. Брунер, подчеркивая, что «взгляд на мышление, который успешно привел некоторых своих энтузиастов к вере, что всякое мышление возможно редуцировать к машинной вычислительности» не может быть универсальным [13, с. 9]. По убеждению ученого, есть иные – нарративные формы мышления, – свободные от формально-логических операций и вычислительных процедур, выходящие за рамки верификации, но моделирующие и определяющие жизнь человека гораздо сильнее, чем формальное мышление.

Озабоченность по поводу вымывания из научного знания бытийного отношения к познаваемому высказывалась в трудах представителей отечественной религиозной философии. Так, Н. А. Бердяев констатировал: «Человек потерял силу познавать бытие, потерял доступ к бытию и с горя начал познавать познание» [14, с. 3]. И далее: «Выбрасывание познания из бытия есть роковой плод рационалистического просвещения, не изжитого до конца и не преодоленного. Акт познания не считается бытийственным актом» [14, с. 5]. Неутешительная картина развития подобной гносеологической ситуации была описана А. А. Ухтомским: «Наука как спокойное складывание кирпичик за кирпичиком некоего храма усредненных, для всех "удовлетворительных" истин с принципом самоутверждения и энтропического покоя "безэмоциональной мысли"!» [15, с. 309]. Замыкание теории познания на гносеологическом субъекте, очищенном от жизненных отношений конкретной человеческой личности стало тупиковым и даже трагичным (по замечанию Н. А. Бердяева) пунктом философско-психологической мысли в первой половине XX в. К подобным тупикам приводит упущение из фокуса рассмотрения проблемы мышления ее персонологического аспекта, придание забвению того факта, что «интеллектуальная или мыслительная проблема разыгрывалась в теле драматичной судьбы личности» [1, с. 71].

Предмет постнеклассической психологии мышления

Традиция психологического анализа проблемы мышления в контексте жизненных отношений человека, хотя и не была оформлена в самостоятельный парадигмальный проект, но время от времени заявляла о себе в форме принципиальных высказываний и предупреждений, принадлежащих одним из самых влиятельных фигур философско-психологического сообщества. Еще Э. Гуссерль в своих поздних работах отмечал: «Мышление должно отталкиваться от жизненных проблем, а не от теорий» [цит. по: 16, с. 12].

Схожую мысль высказал и Л. С. Выготский: «…как только мы оторвали мышление от жизни (от динамики) – взяли его как понятие психического, а не психологического – мы закрыли себе всякий путь к выяснению и объяснению его главнейшего свойства: определять образ жизни и поведения» [цит. по: 17, с. 129]. М. К. Мамардашвили подчеркивал, что факт знания, взятый в его событийном срезе, «похож (по структуре) на другие факты личностного действия» [18, с. 201–202]. Факты знания, обнаруживаемые и создаваемые познающим человеком, не отгорожены от его индивидуального бытия, они всегда есть точки индивидуации. Мышление, если его рассматривать в фокусе экзистенциально-феноменологической антропологии М. К. Мамардашвили, разворачивается в особом «квазипространстве», мыслительных задач и противоречий, переживаемых субъектом мышления как напряженные моменты «когитальной индивидуации», «имеющих смысл и представляющих глубинную топологию возможных событий знания и понимания» [18, с. 202].

Такой взгляд на проблему мышления позволяет преодолеть позитивистский стандарт познания со свойственной ему традицией элиминировать экзистенциальные данности и задачи познающего человека из ситуации мышления. Именно при таком ракурсе рассмотрения мышления человек предстает в нем как «творец и участник бытия». Он становится и «волевым, и интимно-чувствующим, и напряженно проникающим мыслью участником того участка бытия, с которым сейчас соприкасается его жизнь» [15, с. 406]. Подобный системно-антропологический эффект достигается ценой такого усилия, которое М. К. Мамардашвили называл жутким трудом мысли: «то, с чем мы имеем дело, происходит на пределе человечески возможного, мысль доступна человеку на пределе напряжения всех его сил» [1, с. 30]. Эти идеи явственно резонируют с программными положениями системной антропологической психологии о том, что ее предметом «является "целостный человек", т.е. взятый в единстве со всей многомерностью его бытия в создаваемом им самим многомерном пространстве жизни» [19, с. 10].

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

Примечательно, что охват целостного человека был начат в экспериментальных исследованиях, выполнявшихся в рамках проектирования О. К. Тихомировым смысловой теории мышления. Под его руководством группой ученых (И. А. Васильевым, Е. Ю. Виноградовым, В. Е. Клочко, В. Л. Поплужным и др.) были выявлены и описаны механизмы эмоциональной регуляции мыслительной деятельности человека, такие как *эмоциональное наведение* и *эмоциональная коррекция*. В частности, было установлено, что эмоциональные оценки выступали в качестве индикатора зарождающегося «нового принципа решения» мыслительной задачи, отодвигающего на второй план «старый», изжитый принцип, поисковый и творческий потенциал которого уже исчерпан [20, с. 66]. Если взглянуть на антропологическую ситуацию когитального субъекта из сегодняшнего дня развития системной антропологической психологии, то мышление целостно понятого человека, взятого в контексте онтологии его жизненного мира, можно представить как форму жизнеосуществления.

По замечанию Г. П. Щедровицкого, «мышление всегда порождает нечто новое относительно своей собственной системы, а поэтому мы неизбежно должны рассматривать функционирование мышления как саморазвитие» [21]. Мышление выступает как сущностная сила, позволяющая создавать, усложнять и преобразовывать многомерное «пространство жизни». Здесь оно фактически выступает как один из модусов жизнетворчества, которое по выражению С. С. Хоружего есть «специфическая модель построения личности и судьбы, когда творчество и жизнь взаимно обращены друг к другу, так что мир мысли и стихия чувств, действия и поступки и все, что вовлекается в орбиту существования, соединены и сплавлены воедино, в интеллектуальное и экзистенциальное целое» [22, с. 245]. В серии экспериментальных исследований стратегий мыслительной деятельности, проведенных О. М. Краснорядцевой, было установлено, что «главное качество всех проявлений мышления в реальной жизнедеятельности заключается в его включенности в конкретный момент бытия человека» [23, с. 77].

С этих позиций предметом постнеклассической психологии мышления становится мыслящий человек, преобразующий множественные измерения собственного бытия в целостное и осмысленное пространство *когитальной индивидуации*, и трансформирующий каждую новую ситуацию мышления в *событие знания и понимания*. Он в случае свободной инициации мышления откликается именно на те условия и переменные познавательной задачи, которые скрывают в себе возможности деятельного, созидательного укоренения в собственном бытии, – содержат, выражаясь словами М. Хайдеггера, возможности для возникновения «тяга» бытия.

Новое антропологичекое прочтение получает и феномен чувствительности к проблемам, изучавшийся в рамках смысловой теории мышления О. К. Тихомирова. Противоречие в случае реального мышления человека должно не только регистрироваться им рациональным путем, но и переживаться как особый топос бытия, в котором могут возобновляться, порождаться и реализовываться возможности становления его как целостного (а не рассеянного по дискретно-временным эпизодам мыслительной активности) «когитального субъекта», перед которым стоит предельно экзистенциальная задача, – сбыться, осуществиться в собственном мышлении. Один из предтеч постнеклассической психологии – А. А. Ухтомский – заметил: «Реальное мышление знает очень хорошо, что мысль человека это уже начатки действия и проекты, так или иначе могущие осуществиться и направленные на то, чтобы осуществиться» [15, с. 425]. Такой взгляд на проблему инициации мышления позволяет и по-новому осмыслить тот факт, что «обнаруженное познавательное противоречие для одних людей означает возможность мыслить, а для других – необходимость "уйти" от мышления» [23, с. 75].

Упомянутый выше исходный императив когитального субъекта «Познай самого себя!», оставленный нам в наследие дельфийским оракулом, постоянно и неудобно напоминал исследователям об экзистенциальном векторе разработки проблемы мышления. С подачи целой плеяды выдающихся ученых – М. Хайдеггера, К. Ясперса, М. Шелера, М. Фуко, В. В. Бибихина, М. К. Мамардашвили – проблема мышления должна была стать ключевой для экзистенциально-антропологического дискурса в психологии. Однако сегодня она все еще остается вотчиной когнитивных наук, исследовательские программы которых старательно обходят стороной человека, решающего не столько когнитивную, сколько бытийно-познавательную задачу.

Со значительным запозданием в современной психологии мышления начинает осваиваться постулат Н. А. Бердяева, согласно которому «познание по глубочайшей своей сущности не может быть лишь послушным отражением действительности, приспособлением к данности – оно есть также активное преображение, осмысливание бытия» [24, с. 117]. Настоящей фигурой мышления является не познаваемая вещь, а наша внутренняя познавательная установка по отношению к вещи, коррелирующая, скорее, со способом бытия, чем с когнитивной стратегией мышления, в которой сущностные силы человека сжимаются до комплекса

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

способностей к переработке информации. Если мыслящее сознание отвлекается от бытия, то «прекращается ответственность за бытие», – считал К. Ясперс. Вместо мышления как жизненного акта «начинается пустая игра разлагающего интеллектуализма» [8, с. 84]. Без стремления человека быть мыслящей действительностью его «бытие распадется в пустой игре универсального касания всякой действительности» [8, с. 111]. Чисто интеллектуалистское скольжение по гладкой поверхности семантически опознанного и условно понятного, безотносительно к тому, чего требует, к чему призывает понимаемое, превращает человека в отчужденного анонима, не желающего узнавать себя ни в предмете, ни в способе своего познавательного отношения. Тот, кто утверждает, будто себя-то он знает, причем безотносительно к своему бытийно-познавательному отношению к миру, будто нет никакой связи между его мышлением и его же способом бытия, на поверку знает себя столь же поверхностно и фрагментарно, поскольку любой способ человеческого бытия обретает свои очертания в среде мышления.

Мышлению как экзистенциальному акту всегда сопутствует бытийное отношение к тому, что познается. Предмет мышления нельзя захватить внешне, сохраняя онтологическую дистанцию. Чтобы удерживать предмет мышления, необходимо удерживать себя при событии мысли («быть в мышлении», словами М. К. Мамардашвили), необходимо поддерживать состояние познавательного интереса (гносеологической интриги) по поводу тех возможностей, которые могут открыться в мышлении. Бытийное отношение к предмету мышления – это сложный комплекс смысловых связей, образующих единый бытийно-познавательный контекст, в котором познаваемая вещь наличествует уже не сама по себе, а занимает определенное место в онтологическом континууме жизни человека. Предмет мышления словно попадает в силовое поле занимавшего его жизненного вопроса, ответить на который ему теперь предстоит не столько путем решения интеллектуальной задачи, сколько путем реализации своего бытийно-познавательного отношения к предмету, когда «вот-бытие позволяет чему-то попадаться навстречу» [25, с 172].

Реализация указанного отношения требует преобразования себя и собственного жизненного пространства, так чтобы привычные и даже рутинные познавательные ситуации начинали высвечиваться в нем под знаком предельно смыслонесущего жизненного события. Если мы стремимся в познании к обратному, – орудуя мыслью из состояния полного забвения необходимости сбыться, осуществиться в собственном мышлении (как предельной необходимости мыслящего человека с точки зрения М. К. Мамардашвили [1]), избегая напряжения, которого требует реализация бытийного отношения к познаваемому, «мы начинаем задыхаться в нашем сужающемся жизненном пространстве» [5], а мышление оборачивается «фальшивой логизацией» [8, с. 115]. Расширение границ взора, который улавливает новые возможности мышления, идет рука об руку с процессом расширения жизненного пространства. И наоборот: жизненное пространство видится человеку стесняющим и ограничивающим его бытийные возможности до тех пор, пока фокус его мышления блуждает по заведомо знакомым и не требующим особого напряжения познавательным ситуациям, которые позволяют ему удерживаться в границах прежней самотождественности.

Следовательно, мышление как способ бытия в мире релевантно способу самобытия. Насколько познавательный акт человека имеет конструктивно-преобразующую направленность, настолько он содержит в себе возможность преобразования его способа самобытия. М. К. Мамардашвили настаивал: «Вопрос о мышлении, как это ни парадоксально, и есть вопрос о существовании, о бытии. Лишь находясь в состоянии невыразимой мысли, мы оказываемся в состоянии страсти доказательства миру своего существования. Когда страстно стремимся доказать, что живем вовсе не случайно, не напрасно» [1, с. 36–37]. Познавательные возможности, на которые человек откликается, есть одновременно возможности самоосуществления, но самоосуществления не в смысле вновь и вновь повторяющегося проецирования сложившейся самоидентичности на новые тематические области, а в смысле реализации необходимости рефлексивно собирать, стягивать центр самого себя (рефлексивно центрироваться) к такой точке (событию мышления), в которой познавательное противоречие, обнаруживаемое человеком как субъектом мышления, становится максимально релевантным (вплоть до полного исчезновения различения) тому бытийному вопросу, который перед ним поставлен самой жизнью и ответить на который можно лишь в той мере, в какой он сможет стать другим по отношению к себе сложившемуся, сможет преодолеть инерцию прежней самотождественности.

Здесь следует вспомнить центральный вопрос М. Хайдеггера: «Что зовется мышлением?». Если сделать именно тот смысловой акцент, который и был предложен основоположником экзистенциально-ориентированного подхода к проблеме мышления, то получится: «К чему взывает, что актуализирует мышление как бытийную возможность?»; «К какой мысли-поступку призван человек ситуацией мышления, которая заявляет о себе как о ситуации экзистенциальной?». Другими словами: «К какой

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

бытийной возможности апеллирует мышление?». Подобный зов мышления зачастую воспринимается как угроза инерции привычного способа жизни, «служит основанием замешательства от мышления, из которого возникает склонность отвергнуть мышление как мешающее жизни» [8, с. 130], подменить его эрзацем мышления, – такой гностической ширмой, которая не позволяет замечать экзистенциальные вызовы и беспокойства.

Мысль может нарастать и развиваться только в моментах преодоления освоенной и обжитой картины мира, когда она пробивается к тем со- и запредельным областям мышления, которые интригуют и подчас пугают своей предметностью, ибо она уже не есть предметность эгоцентричного мировосприятия, а является предметностью смыслопорождающего воображения, прорвавшегося за границы привычной картины мира. Иначе «хроническое недомыслие», когда отработанная, косная, ригидная формация мышления выступает средством бесконечного воспроизводства и удержания человеком себя, своего взгляда на мир в оправе инерционного мировосприятия. Такое состояние М. К. Мамардашвили сравнивал со смертельной болезнью когитального субъекта, когда он не в состоянии родиться в собственном мышлении [1; 18].

Заключение

Итак, перед современной психологией мышления назрела необходимость включить в свое предметное поле «сознающего свои познавательные усилия человека» [26, с. 22], так чтобы в ней начали проступать обстоятельства и формы его духовного опыта (М. Фуко), длительное время остававшиеся в тени опыта когнитивного. Точка зрения, согласно которой человек, погружаясь в мышление, тем самым оказывается в предуготованном и давно объективированном мире логических форм и «гносеологических трафаретов», не удовлетворяет требованиям современной постнеклассической психологии. Однако то, что для представителей постнеклассической психологии является вполне очевидным, порою для многих современных психологов все еще является невероятным или крамольным. Например, совершенно очевидно то, что единицей мышления является смысл, что существует соразмерность смысловой организации мыслящего человека и смысла, обнаруживаемого в предмете по ходу разворачивания мыслительной деятельности [20]. «В мышлении человек занимается вопрошанием смысла, поиском, обнаружением, приписыванием смысла. Он осмысливает, переосмысливает, обессмысливает окружающий мир и себя самого, открывает соответствия и несоизмеримость смыслов» [27, с. 6], – подчеркивает философ И. Т. Касавин.

Вместе с тем многие современные университетские преподаватели психологии диктуют студентам под запись дефиницию одномерного мышления, доставшееся в наследство от классической психологии и кочующее из одного учебника в другой, в которой оно сужается до психического познавательного процесса обобщенного и опосредованного отражения предметов и явлений объективного мира в их существенных связях и проявлениях. Пока господствуют подобные трактовки, в психологии мышления отсутствует и не предвидится человек, решающий обобщенно опосредованно и пристрастно конструктивную (так как предмет мышления строится, а не отображается) задачу «на смысл». Если несколько переформулировать дильтеевское понимание предмета исследования в психологии применительно к предмету антропологически-ориентированной психологии мышления, то следует заключить, что это, прежде всего, «живая личность» в контексте действующей истории становления ее мысли.

Рассмотрение проблемы мышления в рамках психического аппарата препятствует становлению в психологии антропологического взгляда на человека мыслящего в контексте своей жизненной истории и своего действительного мира. «Подлинное мышление», как подчеркивает К. Ясперс, «отбрасывает меня в конкретную историчность моего бытия» [8, с. 70]. Мысль может получить свое жизненное наполнение «лишь в экзистенциальной историчности» [16]. В качестве предмета научной рефлексии мышление человека должно браться «в его духовном вот-бытии и, стало быть, в горизонте его историчности» [16, с. 21]. Похожее замечание сформулировал и Ж. Пиаже: «когнитивные формы зависят не только от существующего в данный момент "поля", но также от всей предшествующей истории действующего субъекта» [12]. Сама онтологическая ситуация человека транстемпоральна: «целый (аутентичный) человек живет не во времени, а в полноте времен» [19, с. 16]. Как отмечает Б. С. Братусь, «человек истинен не в модусе наличия, а в модусе возможности, долженствования, вернее, сопряжения полюсов сущего и должного, наличного и возможного» [28]. Все события мышления субъекта когитальной индивидуации стремятся к «транстемпоральному консонансу» [29], к такому смысловому контрапункту, в котором порождается многомерность жизненного мира мыслящего в контексте собственной историчности человека.

Антропоцентрированная психологическая теория мышления должна восполнить гносеологические пробелы когнитивно-ориентированных теорий, преимущественно сосредоточенных не на целокупном человеке,

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

реализующем в бытийно-познавательной активности свои сущностные силы, а на гносеологическом субъекте, который в ряде случаев редуцируется до оператора когнитивных процессов. Такая ситуация лишь усиливает разрыв между жизненными отношениями живой конкретной личности (творящей в познавательных актах свою историю) и когнитивными процессами, происходящими в психическом аппарате гносеологического субъекта. Целостный познающий человек расщепляется на две не сообщающиеся и не узнающие друг друга инстанции: живую историческую личность, реализующую в познании жизненные отношения и оператора когнитивных процессов, функционирующего по адаптивному принципу в рамках заданной ситуации мышления, очищенной от его персональной истории бытийных отношений с миром и собой. В стремлении к построению объективной теории мышления нарушается базовый принцип познания: «Только бытие в силах познавать бытие» [14, с. 14].

Мысль не есть продукт мышления (взятого в чисто когнитивной плоскости), отграниченный от всей персональной истории становления, нарастания мысли и самоустановления человека в мышлении. Все, что в мышлении устанавливалось в качестве предмета мысли, является свидетельством многочисленных попыток человека тематизировать свою когитальную идентичность, вопрошающую о смысле, обращенную к трансграничным и вместе с тем референтным по отношению к ней идеям и вопросам. Персональная антология мысли есть собрание всех переживаемых и знаково-символически оформляющихся свидетельств трансценденции человека за пределы актуальной ситуации мышления, которая подчинена инерции само собой разумеющегося. Мыслящий человек постоянно преодолевает границы привычного и очевидного ментального опыта (релевантного состоянию вульгарной понятности), устремляясь в область интригующей неопределенности, к «напряженным возможностям» мышления (В. Е. Клочко), в которых ему (человеку) предстоит сбываться в качестве аутентичного актора, действующего и рефлексирующего от лица собственной экзистенциальной необходимости осмысленного и созидательного присутствия в мире.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
2. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М., СПб.: Степной ветер; Коло, 2005. 448 с.
3. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. 656 с.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
5. Бибихин В. В. Узнай себя. СПб.: Наука, 1998. 577 с.
6. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 509 с.
7. Яницкий М. С., Серый А. В., Пелех Ю. В. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии // Философия образования. 2013. № 1. С. 175–186.
8. Ясперс К. Разум и экзистенция / пер. А. К. Судакова. М.: Канон+; Реабилитация, 2013. 336 с.
9. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 350 с.
10. Нелюбин Н. И. Эрзац-мышление как атрибут квазиидентичности человека в эпоху постмодерна // Комплексные исследования человека: психология: материалы VII Сибирского психологического форума, 28–29 ноября 2017 г. Томск, 2017. С. 159–162.
11. Нелюбин Н. И. Эрзац-мышление как атрибут существования современного человека // Психология и психотехника. 2017. № 4. С. 37–46. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24320
12. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003. 192 с.
13. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2005. № 1. С. 9–29.
14. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
15. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
16. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / пер. Э. Сагетдинова. М.: Территория будущего, 2006. 320 с.
17. Завершнева Е. Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л. С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 132–145.
18. Мамардашвили М. К. Стрела познания. М.: Тайдекс Ко, 2004. 264 с.
19. Клочко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

20. Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 192 с.
21. Щедровицкий Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.
22. Хоружий С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с.
23. Краснорядцева О. М. Чувствительность к проблемам как характеристика инновационного потенциала личности // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33. С. 13–19.
24. Бердяев Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: Изд-во Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1916. 358 с.
25. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени / пер. Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
26. Гусейнов А. А., Лекторский В. А., Щедрина Т. Г., Чубаров И. М., Порус В. Н., Янцен В. В., Пружинин Б. И., Автономова Н. С., Найман Е. А., Вендитти М., Микешина Л. А., Денн М. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. К 130-летию Г. Г. Шпета. Встреча вторая (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 3–39.
27. Касавин И. Т. Смысл как проблема эпистемологии и науки // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 13. № 3. С. 5–16.
28. Психология и этика: опыт построения дискуссии / ред. Б. С. Братусь. Самара: Бахрах-М, 1999. 128 с.
29. Лукьянов О. В. Идентичность – элемент транстемпорального мира и фронт экзистенциального опыта // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 31–35.

Prolegomena to the System-Anthropological Theory of Thinking

Nikolay I. Nelyubin [a, @]

[a] Omsk State Pedagogical University, 4a, Partizanskaya St., Omsk, Russia, 644099
[@] nelubin2001@yandex.ru

Received 09.02.2019. Accepted 04.03.2019.

Abstract: The article features preliminary "conceptual optics" necessary for understanding the problem of thinking from the perspective of post-non-classical psychology. The study focused on methodological gaps in the formulation and solution of the problem of thinking within the framework of positivist-oriented approaches. They proved to be connected with building a one-dimensional-instrumental view of a thinking person as a gnoseological subject. The view is often reduced to an operator of cognitive processes, artificially derived from the framework of one's own historicity and existential datum of life. It reveals the existential-anthropological givenness of human thinking, taken in the context of one's own life world and one's own life relationships, as well as in the context of the trans-perspective of becoming and complicating its "cogital identity". The author substantiates the view that thinking of a holistically understood person acts as a form of life-realization, and all thinking events are evidence of one's attempts to thematisation and constitution of one's "cogital identity" and resistance to "co-de-individualization". The study revealed a need to expand the research focus of the psychology of thinking, so that its positive heuristics were not limited to the mental apparatus of the averaged operator of cognitive processes, but include existential givenness and the capabilities of a living historical personality that realizes meaningful existential relations with itself and the world in thinking.

Keywords: post-non-classical psychology, anthropology, being, cogital identity, life relationships, meaning

For citation: Nelyubin N. I. Prolegomena to the System-Anthropological Theory of Thinking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 112–120. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-112–120

References

1. Mamardashvili M. K. *Aesthetics of thinking*. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii, 2000, 416. (In Russ.)
2. Ado P. *Spiritual exercises and ancient philosophy*. Moscow, Saint-Petersburg: Stepnoi veter; Kolo, 2005, 448. (In Russ.)
3. Frank S. L. *The subject of knowledge. Human soul*. Saint-Petersburg: Nauka, 1995, 656. (In Russ.)

DOI: 10.21603/ 2078-8975-2019-21-1-112–120

4. Markuze G. *Eros and civilization. One-dimensional man. A study of the ideology of a developed industrial society*. Moscow: AST, 2002, 526. (In Russ.)
5. Bibikhin V. V. *Recognize yourself.* Saint-Petersburg: Nauka, 1998, 577. (In Russ.)
6. Leont'ev A. N. *Lectures on general psychology*. Moscow: Smysl, 2000, 509. (In Russ.)
7. Yanitsky M. S., Seryi A. V., Pelekh Yu. V. The value-and-meaning paradigm as a basis of the post-nonclassical pedagogical psychology. *Philosophy of education*, 2013, (1): 175–186. (In Russ.)
8. Jaspers K. *Mind and existence*, transl. Sudakov A. K. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiia, 2013, 336. (In Russ.)
9. Fromm E. *Man for himself*. Moscow: AST: AST MOSKVA, 2010, 350. (In Russ.)
10. Nelyubin N. I. Ersatz thinking as an attribute of human quasi-identity in the postmodern era. *Complex human studies: psychology*: Proc. VII Siberian Psychological Forum. November 28–29, 2017. Tomsk, 2017, 159–162. (In Russ.)
11. Nelyubin N. I. Ersatz thinking as an attribute of the existence of modern man. *Psikhologiia i psikhotekhnika*, 2017, (4): 37–46. DOI: https://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24320 (In Russ.)
12. Piaget J. *Psychology of intellect*. Saint-Petersburg: Piter, 2003, 192. (In Russ.)
13. Bruner J. Life as a narrative. Postneklassicheskaia psikhologiia. *Sotsialnyi konstruktsionizm i narrativnyi podkhod*, 2005, (1): 9–29. (In Russ.)
14. Berdiaev N. A. *About the appointment of a person*. Moscow: Respublika, 1993, 383. (In Russ.)
15. Ukhtomskii A. A. *Dominant*. Saint-Petersburg: Piter, 2002, 448. (In Russ.)
16. Heidegger M. *What is called thinking?* Transl. Sagetdinov E. Moscow: Territoriia budushchego, 2006, 320. (In Russ.)
17. Zavershneva E. Yu. L. S. Vygotsky's notebooks, notes, scientific notebooks: Family archive findings. *Voprosy psihologii*, 2008, (1): 132–145. (In Russ.)
18. Mamardashvili M. K. *Arrow of knowledge*. Moscow: Taideks Ko, 2004, 264. (In Russ.)
19. Klochko V. E., Galajinskiy E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: framework of categories. *Siberian Journal of Psychology*, 2015, (56): 9–20. (In Russ.)
20. Vasil'ev I. A., Popluzhnyi V. L., Tikhomirov O. K. *Emotions and thinking.* Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980, 192. (In Russ.)
21. Shchedrovitskii G. P. *Thinking – Understanding – Reflection*. Moscow: Nasledie MMK, 2005, 800. (In Russ.)
22. Horuzhii S. S. *Lantern Diogenes. A critical retrospective of European anthropology*. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010, 688. (In Russ.)
23. Krasnoryadtseva O. M. Sensitivity to problems as description of innovative potential of a personality. *Siberian Journal of Psychology*, 2009, (33): 13–19. (In Russ.)
24. Berdiaev N. A. *The meaning of creativity (the experience of justifying the person)*. Moscow: Izd-vo G. A. Lemana i S. I. Sakharova, 1916, 358. (In Russ.)
25. Heidegger M. *Prolegomena to the history of the concept of time*, transl. Borisov E. Tomsk: Vodolei, 1998, 384. (In Russ.)
26. Guseinov A. A., Lektorsky V. A., Shchedrina T. G., Chubarov I. M., Porus V. N., Janzen W., Pruzhinin B. I., Avtonomova N. S., Naiman E. A., Venditti M., Mikeshina L. A., Dennes M. Gustav Shpet and modern philosophy of humanitarian knowledge (a round-table discussion). *Voprosy filosofii*, 2010, (7): 3–39. (In Russ.)
27. Kasavin I. T. Meaning as a problem of epistemology and science. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2007, (3): 5–16. (In Russ.)
28. Psychology and ethics: the experience of building a discussion, ed. Bratus' B. S. Samara: Bahrakh-M, 1999, 128. (In Russ.)
29. Lukyanov O. V. Identity as an element of transtemporal world and the front of existential experience. *Siberian Journal of Psychology*, 2007, (26): 31–35. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

CC BY

оригинальная статья
УДК [613.2:378.1]:159.923:001.8

Нарушение пищевого поведения и риск его развития у студентов в зависимости от уровня личностной тревожности

Лариса А. Проскурякова [a, @, ID]

[a] Новокузнецкий филиал (институт) Кемеровского государственного университета, 654041, Россия, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, 23
[@] lora-al@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-9583-9161

Поступила в редакцию 15.01.2019. Принята к печати 13.02.2019.

Аннотация: В статье изучается нарушение пищевого поведения и риск его развития у студентов в зависимости от их уровня личностной тревожности в гендерном аспекте. Представлен анализ взаимосвязи уровня личностной тревожности и компульсивного, экстернального типов пищевого поведения у девушек-студенток. Выборку составили 70 человек, из которых 52,9 % имеют высокий уровень личностной тревожности (доля девушек составляет 83,8 %). У 95,7 % студентов установлено нарушение пищевого поведения (по компульсивному типу – 64,2 %, по экстернальному – 21,4 %). Наличие нарушения пищевого поведения в данном возрасте не сопровождается изменением массы тела. Повышение уровня личностной тревожности способствует увеличению риска развития сразу трех видов нарушений питания у студентов в 11,5 раз. С повышением уровня личностной тревожности в 12,5 раз увеличивается риск развития экстернального переедания и в 1,5 раза – компульсивного типа пищевого поведения. Выявлены гендерные особенности развития нарушений пищевого поведения: девушки с высоким уровнем личностной тревожности в 5,68 раз имеют выше риск нарушения пищевого поведения различных типов. Изучение способности справляться со стрессом у студентов с различным уровнем личностной тревожности с учетом гендера не показало статистически значимых различий по группам исследования. Полученные результаты требуют разработки комплекса психопрофилактических мероприятий по формированию стереотипов рационального питания у студентов.

Ключевые слова: личностная тревожность, студенты, относительный риск, рациональное пищевое поведение, нерациональное пищевое поведение

Для цитирования: Проскурякова Л. А. Нарушения пищевого поведения и риск его развития у студентов в зависимости от уровня личностной тревожности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 121–129. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

Введение

Нарушения пищевого поведения (ПП) являются многогранной проблемой современного научного мира [1]. Именно пищевые стереотипы, определяющие ПП, представляют собой основную сложность данной проблемы, с которой сталкивается человек при желании изменить свое питание в связи с формированием избыточной массы тела или развитием алиментарно-зависимых заболеваний [2; 3]. Известно множество причин нарушения пищевого поведения, одной из которых является такой психологический параметр личности, как тревожность [4; 5]. Тревожность как естественная и обязательная характеристика человека может быть личностной и ситуативной (реактивной) [6; 7].

Ситуативная тревожность связана с конкретной внешней ситуацией, ее уровень часто изменчив и зависит от множества факторов. Уровень личностной тревожности генетически детерминирован и отражает индивидуальную предрасположенность субъекта к тревоге. Повышенный уровень личностной тревожности предполагает наличие тенденции воспринимать достаточно широкий диапазон объективно безопасных ситуаций как опасные, угрожающие, отвечать на каждую из них определенной реакцией [8]. Постоянно повторяющиеся ответные реакции в течение времени могут вызывать патологические нарушения ПП человека, привести к формированию вредных привычек и, как следствие, развитию хронических неинфекционных заболеваний. Известно, что студенческий этап жизни – период получения высшего

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

образования, как правило, сопровождается множеством сложных, тревожных жизненных ситуаций [9; 10]. Питание студентов уже не контролируется родителями. Их рацион зависит от собственной компетентности по вопросам физиологической потребности организма в макро- и микронутриентах с учетом пола, возраста, характера труда, психофизиологических особенностей личности и т. д. Поэтому студенческая молодежь является группой риска формирования нарушений ПП и состояния здоровья [11; 12].

В связи с этим была поставлена цель – провести анализ риска нарушений пищевого поведения студентов с различным уровнем личностной тревожности для разработки комплекса психопрофилактических мероприятий по формированию стереотипов рационального питания.

Методы исследования

Исследование проводилось в крупном промышленном центре Западной Сибири. Одномоментно было обследовано 70 студентов вузов в возрасте 18–20 лет – 18 IQR [18–20] (из них 67,1 % (47/70) девушек и 32,9 % (23/70) юношей), из которых 52,9 % [40,6–64,9] (37/71) отнесены к группе А (студенты с высокой личностной тревожностью) и 47,1 % [35,1–59,4] (33/71) – к группе Б (студенты с низкой тревожностью). Медиана возраста в группе А составляет 19 IQR (18–20) лет, в группе Б – 18 IQR (18–19), группы сопоставимы по возрасту U=0,739, p=0,460.

Выявлялся уровень личностной тревожности по методике субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина [13]. При интерпретации показателей тревожности ориентировались на шкалу: до 30 баллов – низкая; 31–44 балла – умеренная; 45 и более – высокая. Отдельно сформированы подгруппы А и Б для юношей и девушек. Количество девушек подгруппы А составило 66 % [50,7–79,1] (31/47), подгруппы Б – 34 % [20,9–49,3] (16/47) соответственно. Медиана возраста девушек в группе А – 19 IQR (18–20), в группе Б – 18 IQR (18–19), группы сопоставимы по возрасту U=1,03, p=0,304. Юношей подгруппы А – 26,1 % [10,2–48,4] (6/23), в подгруппе Б – 73,9 % [51,6–89,8] (17/23). Медиана возраста юношей в группе А – 19 IQR (18–19), в группе Б – 18 IQR (18–21), группы сопоставимы по возрасту U=0,156, p=0,876.

Способность справляться со стрессом изучали по методике К. Байера, Л. Шейнберга «Умеете ли вы справляться со стрессом», в которой 0–3 балла – это высокий уровень владения собой; 4–7 баллов – способность справляться со стрессом на среднем уровне; 8 и более баллов – низкий уровень [13].

Для изучения ПП использовался Голландский опросник пищевого поведения *DEBQ (The Dutch Eating Behaviour Questionnaire)*, адаптированный Т. Г. Вознесенской [14]. Выделяли 4 типа нарушения ПП: эмоциогенное, экстернальное, компульсивное и ограничительное. Из 30 вопросов анкеты для оценки ограничительного типа ПП использовались первые 10 вопросов (за норму взят средний балл 2,4), для выявления эмоциогенного типа ПП – вопросы с 11 по 23 (нормальное значение – 1,8) и экстернального типа ПП – вопросы 24–33 (норма – 2,7 баллов); компульсивное оценивалось по дополнительной шкале – вопросы 34–39 (норма – 1,5). Индекс массы тела рассчитывали по формуле: ИМТ = масса тела/рост^2 (кг/м^2). При оценке результатов использовали рекомендации Всемирной организации здравоохранения (1997): дефицит массы тела при ИМТ<18,0 кг/м^2; нормальная масса – при ИМТ 18,0–24,9 кг/м^2; избыточная масса тела – при ИМТ 25,0–29,9 кг/м^2.

Полученные материалы формировались в базы данных. Описательная статистика количественных показателей представлена медианой и интерквартильным размахом, качественных показателей – долей и 95 % доверительным интервалом доли, рассчитанным методом Клоппера-Пирсона. Сравнение рисков осуществлялось с помощью расчета относительного риска и его 95 % доверительного интервала. Сравнение количественных показателей в двух группах проводилось с помощью U-критерия Манна-Уитни. Сравнение долей в двух и более группах осуществлялось с помощью критерия Хи-квадрат (χ^2), а в случае наличия ожидаемых частот в таблице сопряженности менее 5 % применялся точный критерий Фишера (p по Фишеру). Корреляция между дихотомической и количественной переменной рассчитывалась с помощью точечно-бисериального коэффициента корреляции (rpb) [15].

Для определения характера и параметров взаимосвязи количественной и дихотомической переменных применялась однофакторная логистическая регрессия с последующим анализом чувствительности (определение зоны высокого риска) и специфичности (определение зоны низкого риска).

Расчеты проводились в свободно распространяемой программной среде статистической обработки данных R-3.4.0.

Результаты исследования

Среди обследованных студентов 52,9 % [40,6–64,9] имели высокий уровень личностной тревожности, среди которых доля девушек составляет 83,8 % (таблица 1).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

Таблица 1. Распределение студентов по уровню тревожности

Table 1. Distribution of students according to anxiety level

Группы исследования	Девушки	Юноши
	% [95 % ДИ]	% [95 % ДИ]
Группа А	83,8 [68–93,8]	16,2 [6,2–32]
Группа Б	48,5 [30,8–66,5]	51,5 [33,5–69,2]

Студентов с низким и умеренным уровнем тревожности было 47,1 % [35,1–59,4].

Оценка нарушений пищевого поведения в группах исследования показала, что в группе А у 37 % 100 [90,5–100] студентов выявлены различные типы нарушения ПП, а в группе Б – у 30 % 90,9 [75,7–98,1] соответственно (p=0,100). Однако при этом у студентов группы А статистически значимо чаще встречаются одновременно несколько видов нарушений ПП, чем у студентов группы Б: в 11,59 [1,6–83,9] раз (на 32,1 %) выше потенциальный риск развития сразу трех видов нарушений питания при высоком уровне тревожности, чем при ее низком и умеренном уровнях (таблица 2).

Выявлены гендерные различия в распространении типов нарушения ПП. Установлено, что у девушек группы А в 5,68 [1,01–40,2] раз (на 29,2 %) выше потенциальный риск развития сразу нескольких видов нарушений ПП, чем у девушек-студенток группы Б. Так, у 35,5 % [19,2–54,6] девушек с высоким уровнем личностной тревожности установлено наличие экстернального, ограничительного и компульсивного типов ПП, в сравнении с 6,3 % [0,2–30,2] девушек, имеющих нормальный и низкий уровень личностной тревожности, различия статистически значимы (p=0,026). Однако среди юношей сравниваемых групп статистически значимых различий одновременно встречающихся нескольких типов нарушений ПП не выявлено (среди юношей группы А – 33,3 % [4,3–77,7] имеют три вида нарушений ПП, в группе Б – 0 % [0–19,5] юношей соответственно при p=0,059).

Особого внимания заслуживает факт того, что определение ИМТ в обследуемых группах, несмотря на имеющиеся нарушения ПП в данном онтогенетическом периоде, как у девушек, так и у юношей, не выявило значимые отклонения их массы тела от установленных показателей. Независимо от уровня тревожности ИМТ студентов в пределах нормы: ИМТ в группе А – 20,55 IQR (19,05–21,88), в группе Б – 21,85 IQR (19,92–25,77) соответственно, U=1,26, p=0,208.

Проведенный анализ представленных видов нарушения ПП в группах исследования показал, что во всей выборке исследования регистрируются все изучаемые типы нарушений ПП, среди которых наиболее часто встречаемым типом ПП является компульсивный: всего студентов 64,2 %. Процент распространенности типов ПП варьирует в группах исследования (таблица 3).

Компульсивный тип пищевого нарушения, характеризующийся амбивалентностью приступов переедания, которые снимают психоэмоциональное напряжение и в то же время являются стрессогенным фактором, вызывая чувство вины, отвращения к себе, страх перед невозможностью контролировать прием пищи, отмечался у 75,7 % студентов группы А и 51,5 % студентов группы Б [16; 17].

Было выявлено, что риск развития компульсивного типа ПП при высокой личностной тревожности (студенты группы А) в 1,47 [1,01–2,14] раз выше (на 24,2 %), чем при низкой и умеренной тревожности (студенты группы Б). При компульсивном переедании человек неосознанно (без видимых причин) потребляет большое количество пищи, преимущественно сладкой и жирной, и чаще в виде так называемых закусок, т.е. в виде дополнительных приемов пищи, не связанных с основными приемами еды. Полагают, что в основе компульсивной гиперфагии лежат механизмы, близкие к таковым при гиперфагической реакции на стресс, который систематически испытывают высокотревожные люди. Они субъективно воспринимают сложные жизненные ситуации и ощущают их как угрозы и напряжения, сопровождаемые или связанные с активацией или возбуждением автономной нервной системы [18].

Реже среди обследуемых студентов встречался экстернальный тип ПП – всего 21,4 %. Распространенность эктернального типа ПП статистически значимо выше в группе А (37,8 %) в сравнении с группой Б (3,0 %). Экстернальный тип ПП связан с повышенной чувствительностью к внешним стимулам потребления пищи: девушки с таким поведением едят в ответ не на внутренние стимулы (голод), а на обонятельные внешние стимулы: вид, запах еды или время приема пищи [19; 20].

Установлено, что риск развития экстернально зависимого питания при высокой тревожности (группа А) в 12,49 [1,73–89,87] раз выше (на 34,8 %), чем при низкой и умеренной (группа Б) личностной тревожности.

Полученные данные схожи с представленными результатами аналогичных исследований в литературных источниках. Так, например, в работе Е. Я. Поляковой и М. В. Пашковой показано, что у тревожных пациенток развивается дисгармоничный характер психологической регуляции поведения с усилением механизмов подавления и вытеснения, существует взаимосвязь тревожных проявлений и нарушений пищевого поведения у пациентов с алиментарными формами ожирения [21–23].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

Таблица 2. Распределение студентов с различным уровнем тревожности по числу нарушений питания у одного человека

Table 2. Distribution of students with different levels of anxiety according to the number of eating disorders per person

Группы	Группа А % [95 % ДИ]	Группа Б % [95 % ДИ]	Статистический критерий различий
Нарушений питания нет	0 [0–9,5]	9,1 [1,9–24,3]	p=0,100
Один вид нарушения питания	24,3 [11,8–41,2]	45,5 [28,1–63,6]	χ^2=3,46, p=0,063
Два вида нарушений питания	40,5 [24,8–57,9]	42,4 [25,5–60,8]	χ^2=0,03, p=0,873
Три вида нарушений питания	35,1 [20,2–52,5]	3 [0,1–15,8]	χ^2=5,34, p=0,021
Всего	100	100	–

Таблица 3. Распространение типов нарушения пищевого поведения в группах исследования (% от общего числа студентов в группе)

Table 3. Distribution of types of eating disorders in the study groups (% of the total number of students in the group)

Тип нарушения пищевого поведения	Группа А % [95 % ДИ]	Группа Б % [95 % ДИ]	Статистический критерий различий
Нарушений нет	0 [0–9,5]	9,1 [1,9–24,3]	p=0,100
Ограничительный	56,8 [39,5–72,9]	45,5 [28,1–63,6]	χ^2=0,89, p=0,345
Эмоциогенный	40,5 [24,8–57,9]	39,4 [22,9–57,9]	χ^2=0,01, p=0,992
Экстернальный	***37,8 [22,5–55,2]***	***3,0 [0,1–15,8]***	***χ^2=10,57, p=0,001***
Компульсивный	***75,7 [58,8–88,2]***	***51,5 [33,5–69,2]***	***χ^2=4,43, p=0,035***
Всего	–*	–	–

Прим.: * – поскольку нарушений может быть более одного, сумма по всем нарушениям не 100 %; полужирным курсивом выделены статистически значимые различия распространенности нарушений пищевого поведения в группах исследования.

По другим типам нарушения ПП статистически значимых различий по сравниваемым группам не установлено. Эмоциогенный и ограничительный типы ПП встречаются у студентов в равной степени, независимо от уровня личностной тревожности.

Рассмотрены гендерные различия распространенности нарушений ПП у студентов в выделенных подгруппах. Выявлено, что только у тревожных девушек значительно чаще встречаются нарушения ПП, у юношей уровень личностной тревожности не влияет на распространенность тех или иных типов нарушений ПП.

Так, у девушек с высоким уровнем тревожности (группа А) потенциальный риск развития экстернального типа ПП в 6,19 [1,01–43,48] раз выше (на 32,4 %), чем у студенток с низким и умеренным уровнем тревожности (группа Б). Экстернальный тип ПП встречается у 38,7 % [21,8–57,8] девушек группы А в сравнении с 6,3 % [0,2–30,2] студенток группы Б (p=0,016), что представлено в таблице 4. Аналогичная ситуация наблюдается и с компульсивным типом ПП, который регистрируется у 80,6 % [62,5–92,5] девушек группы А в сравнении с 43,8 % [19,8–70,1] – в группе Б (χ^2=5,02, p=0,025). Такие типы нарушения ПП, как эмоциогенный и ограничительный, имеют схожий уровень распространения в исследуемых группах. Ограничительный тип ПП в группе А отмечен у 51,6 % [33,1–69,8] девушек, в группе Б – у 37,5 % [15,2–64,6] соответственно (χ^2=0,37, p=0,542). Эмоциогенный тип ПП встречается у 38,7 % [21,8–57,8] студенток группы А и у 50 % [24,7–75,3] девушек группы Б (χ^2=0,19, p=0,667).

Однако у юношей с различным уровнем личностной тревожности не выявлено статистически значимых отличий в формировании определенного типа нарушения ПП (таблица 4).

Проведение корреляционного анализа позволило выявить положительную статистически значимую взаимосвязь между уровнем личностной тревожности и экстернальным, компульсивным типами ПП, что представлено в таблице 5.

Причем только у девушек выявлена статистически значимая взаимосвязь между уровнем личностной тревожности и экстернальным и компульсивным типами ПП. У студентов-юношей аналогичной взаимосвязи не выявлено.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

Таблица 4. Распространение типов нарушений пищевого поведения у студентов с учетом пола (% от общего числа студентов в группе)

Table 4. Distribution of types of eating disorders in students according to gender (% of the total number of students in the group)

Тип нарушения пищевого поведения	Группа А % [95 % ДИ]		Группа Б % [95 % ДИ]		Статистическая значимость взаимосвязи (p)	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Нарушений нет	0 [0–45,9]	0 [0–11,2]	11,8 [1,5–36,4]	6,3 [0,2–30,2]	p=0,100	p=0,100
Ограничительный	83,3[35,9–99,6]	51,6 [33,1–69,8]	52,9 [27,8–77]	37,5 [15,2–64,6]	p=0,178	χ^2=0,37, p=0,542
Эмоциогенный	50 [11,8–88,2]	38,7 [21,8–57,8]	29,4 [10,3–56]	50 [24,7–75,3]	p=0,252	χ^2=0,19, p=0,667
Экстернальный	33,3 [4,3–77,7]	38,7 [21,8–57,8]	0 [0–19,5]	6,3 [0,2–30,2]	p=0,059	***p=0,016***
Компульсивный	50 [11,8–88,2]	80,6 [62,5–92,5]	58,8 [32,9–81,6]	43,8 [19,8–70,1]	p=0,340	***χ^2=5,02, p=0,025***

Прим.: полужирным курсивом выделены статистически значимые различия распространенности нарушений пищевого поведения в группах исследования.

Таблица 5. Коэффициент корреляционной зависимости между уровнем тревожности студентов и типом нарушения пищевого поведения с учетом пола

Table 5. The coefficient of correlation between the level of anxiety of students and the type of eating disorder according to gender

Тип нарушения пищевого поведения студентов	Значение коэффициента корреляции (rpb)			Статистическая значимость взаимосвязи (p)		
	всего по группе	девушки	юноши	всего по группе	девушки	юноши
Эмоциогенный	–0,032	–0,154	0,114	0,792	0,301	0,605
Ограничительный	0,235	0,259	0,367	0,055	0,079	0,085
Экстернальный	***0,441***	***0,471***	0,257	***<0,001***	***0,001***	0,236
Компульсивный	***0,288***	***0,403***	0,041	***0,016***	***0,005***	0,854

Прим.: полужирным курсивом выделены статистически значимые различия распространенности нарушений пищевого поведения в группах исследования.

При повышении уровня личностной тревожности у студентов-девушек на 1 балл вероятность формирования и развития нарушений ПП экстернального типа увеличивается в среднем в 1,27 раз (коэффициент личностной тревожности равен 0,246 (W=7,14, p=0,008), отношение шансов 1,27 [1,07–1,53] –11,9, R^2 Нэйджелкерка равен 0,431).

При значениях личностной тревожности ниже 43 баллов (оптимальный уровень тревожности) прогнозируется низкий риск (менее 20 %) развития нарушений ПП экстернального типа. Высокий риск развития нарушений экстернального типа (80 % и выше) прогнозируется при личностной тревожности от 54 баллов (включительно) и более. Значения шкалы личностной тревожности от 44 до 53 баллов соответствуют зоне неопределенности прогноза.

Аналогичные результаты установлены при выявлении взаимосвязи уровня личностной тревожности и нарушения ПП компульсивного типа у девушек-студенток. Так, при повышении уровня личностной тревожности на 1 балл вероятность развития нарушений компульсивного переедания увеличивается в среднем в 1,13 раз (коэффициент личностной тревожности равен 0,125 (W=10,43, p=0,001), отношение шансов 1,13 [1,05–1,22] –5,22, R^2 Нэйджелкерка равен 0,392).

При низких значениях личностной тревожности (ниже 30 баллов включительно) прогнозируется низкий риск (менее 20 %) развития нарушений питания компульсивного типа у девушек. Высокий риск развития нарушений компульсивного типа (80 % и выше) прогнозируется при высоких показателях личностной тревожности (от 52 баллов включительно и более). Значения шкалы

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

личностной тревожности в диапазоне средних и повышенных значений (от 31 до 51 балла) соответствуют зоне неопределенности прогноза нарушений пищевого поведения.

В данном исследовании установлено, что тревога как свойство личности влияет на развитие нарушений пищевого поведения по экстернальному и компульсивному типам у студентов-девушек. При этом чем выше степень личностной тревожности, тем выше риск развития данных пищевых нарушений. По литературным данным известно, что тревожные люди заедают стресс, что сопровождается развитием эмоциогенного типа переедания [24; 25]. Эмоциогенный тип ПП рассматривается как пищевое нарушение, проявляющееся при психоэмоциональном напряжении, волнении или сразу после окончания действия фактора, вызвавшего стресс, что резко усиливает аппетит, и у человека возникает желание поесть.

Изучение способности справляться со стрессом у студентов с различным уровнем личностной тревожности с учетом гендера не показало статистически значимых различий (по группам исследования: при сравнении группы А и Б $-\chi^2$=3,92, p=0,141; среди тревожных и нетревожных девушек $-\chi^2$=2,98, p=0,22; среди юношей $-\chi^2$=1,14, p=0,565 соответственно), что отражено в таблице 6.

Таблица 6. Распределение студентов по уровню способности справляться со стрессом
Table 6. Distribution of students according to the level of ability to cope with stress

Уровень способности справляться со стрессом	Группа А % [95 %ДИ]		Группа Б % [95 %ДИ]		Всего % [95 %ДИ]	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Низкий	16,7 [0,4–64,1]	16,1 [5,5–33,7]	5,9 [0,1–28,7]	% [95 %ДИ]	8,7 [1,1–28]	10,6 [3,5–23,1]
Средний	66,7 [22,3–95,7]	61,3 [42,2–78,2]	58,8 [32,9–81,6]	0 [0–20,6]	60,9 [38,5–80,3]	63,8 [48,5–77,3]
Высокий	16,7 [0,4–64,1]	22,6 [9,6–41,1]	35,3 [14,2–61,7]	68,8 [41,3–89]	30,4 [13,2–52,9]	25,5 [13,9–40,3]

В связи с этим можно предположить, что ситуативная тревожность, согласно данным литературы, является одним из факторов формирования эмоциогенного, а личностная тревожность у студентов-девушек служит триггером экстернального и компульсивного типов ПП.

Полученные результаты позволяют выделить целевую группу – студенческую молодежь, у которой генетическая черта – высокая личностная тревожность – способствует формированию экстернального и компульсивного типов нарушения ПП. Это требует разработки комплекса психопрофилактических мероприятий по формированию стереотипов рационального питания для студентов вузов, которые необходимо подбирать для каждого студента индивидуально, исходя из его социально-экономических условий жизнедеятельности в период получения высшего образования и особенностей психологического статуса студента. Мероприятия должны включать обязательную поведенческую коррекцию, психологическую поддержку, профилактическое консультирование врачом-диетологом, и поддержку со стороны близких взрослых.

Выводы

1. Более половины студентов (52,9 %) имеют высокий уровень личностной тревожности, среди которых доля девушек составляет 83,8 %.

2. Нарушение ПП установлено у 95,7 % студентов, наиболее распространенный тип – компульсивный (64,2 %). Наличие нарушения ПП в данном возрасте не сопровождается изменением массы тела.

3. Высокий уровень личностной тревожности способствует увеличению риска развития сразу трех видов нарушений питания у студентов в 11,5 раз. С повышением уровня личностной тревожности в 12,5 раз увеличивается риск развития экстернального переедания и в 1,5 раза компульсивного типа пищевого поведения.

4. Гендерные особенности имеют большее значение для студенток-девушек: девушки с высоким уровнем личностной тревожности в 5,68 раз имеют выше риск формирования нарушения ПП различных типов. Для студентов-юношей учет уровня личностной тревожности при профилактике нарушений пищевого поведения нецелесообразен.

5. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости разработки комплекса психопрофилактических мероприятий по формированию стереотипов рационального питания у студентов с учетом генетически детерминированного фактора риска развития нарушений пищевого поведения – уровня личностной тревожности.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

Литература

1. Погожева А. В. Основные нарушения пищевого поведения и их коррекция // Consilium Medicum. 2013. Т. 15. № 4. С. 87–90.
2. Вознесенская Т. Г. Расстройства пищевого поведения при ожирении и их коррекция // Ожирение и метаболизм. 2004. Т. 1. № 2. С. 2–6.
3. Антипина А. И., Вагапова Р. Ф., Гордеева Т. М. Сравнительная оценка показателей питания и здоровья в возрастном аспекте как фактор риска инфекционных заболеваний // Наука, прошлое, настоящее, будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20 мая 2015 г. Уфа, 2015. С. 182–183.
4. Овчарова Р. В. Психологические особенности женщин с нарушениями пищевого поведения // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Физиология, психология и медицина. 2016. № 2. С. 91–97.
5. Чанова А. В. Особенности пищевого поведения у лиц с различным уровнем тревожности в юношеском возрасте // Развитие человека в современном мире: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 19–21 апреля 2016 г. Новосибирск, 2016. С. 234–242.
6. Ханин Ю. Л. Исследование тревоги в спорте // Вопросы психологии. 1978. № 6. С. 94–106.
7. Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000. 320 с.
8. Полшкова Т. А. Проблема ситуативной тревожности в психолого-педагогических исследованиях // Актуальные вопросы современной психологии: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., февраль 2013 г. Челябинск, 2013. С. 107–110.
9. Бычкова С. Е., Клемес В. С. Особенности тревожности студентов разных направлений подготовки // Концепт. 2017. Т. 39. С. 2056–2060.
10. Герасимчик О. А., Гирш Я. В. Оценка пищевого поведения и уровня тревожности в группах детей и подростков с различной массой тела в условиях северных территорий // Фундаментальные и прикладные проблемы здоровьесбережения человека на Севере: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф., 21 октября 2017 г. Сургут, 2017. С. 131–134.
11. Ивакина А. В., Дьяченко Е. В. Личностная тревожность и пищевое поведение студентов медицинского университета // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: материалы I Междунар. (71 Всерос.) науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, 13–15 апреля 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 1893–1896.
12. Гладышев Ю. В. Тревожность как показатель снижения адаптивности студентов к обучению в вузе // Совет ректоров. 2011. № 9. С. 54–56.
13. Глуханюк Н. С., Щипанова Д. Е. Психодиагностика. М.: Академия, 2011. 237 с.
14. Strein van T. The Dutch eating behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional and external eating behavior // International Journal of Eating Disorders. 1986. Vol. 5. Iss. 2. P. 295–315. DOI: https://doi.org/10.1002/1098-108X(198602)5:2%3C295::AID-EAT2260050209%3E3.0.CO;2-T
15. Hazra A., Gogtay N. Biostatistics Series Module 6: Correlation and Linear Regression // Indian Journal of Dermatology. 2016. Vol. 61. Iss. 6. P. 593–601. DOI: https://doi.org/10.4103/0019-5154.193662
16. Палеха Е. С. Особенности психоэмоционального состояния людей с разными типами пищевого поведения // Смальта. 2018. № 1. С. 17–22.
17. Вахмистров А. В. Нарушения пищевого поведения при церебральном ожирении: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2001. 23 с.
18. Вознесенская Т. Г. Причины неэффективности лечения ожирения и способы ее преодоления // Проблемы эндокринологии. 2006. Т. 52. № 6. С. 51–54.
19. Леонова Е. Н. Социально-психологические типы пищевого поведения // Вестник Удмурского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 2. С. 174–181.
20. Проскурякова Л. А., Городештян М. С. Взаимосвязь тревожности с рациональным и нерациональным типом питания // Advanced science: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Пенза, 2018. Ч. 1. С. 236–239.
21. Полякова Е. Я., Пашкова М. В. Личностная тревожность и глубинные влечения у больных алиментарным ожирением: клинико-психологические аспекты // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 4. 227–231.
22. Валитова И. Е., Галиновская А. А. Психологическая оценка предрасположенности девушек-подростков к нарушениям пищевого поведения // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2017. Т. 8. № 3. С. 362–374.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

23. Каирова М. Т., Петанова Е. П. Динамика эмоционально-поведенческих характеристик, ассоциированных с лишним весом у женщин, как условие изменений их пищевого поведения и коррекция веса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 637.
24. Морковина Д. А. Влияние питания на здоровье населения Воронежской области с позиции оценки риска // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2014. № 58. С. 197–200.
25. Лобыкина Е. Н., Проскурякова Л. А., Власенко А. Е., Кан В. Л. Изучение взаимосвязи темперамента и пищевого поведения среди взрослых слушателей Школы здоровья // Профилактическая медицина. 2017. Т. 20. № 6. С. 46–51.

Eating Disorders and the Risk of their Development in Students according to the Level of Personal Anxiety

Larisa A. Proskuryakova [a, @, ID]

[a] Kemerovo State University (Novokuznetsk branch), 23, Tsiolkovsky St., Novokuznetsk, Russia, 654041
[@] lora-al@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-9583-9161

Received 15.01.2019. Accepted 13.02.2019.

Abstract: The research examined eating disorders and the risk of their development in students according to the level of personal anxiety from a gender perspective. An analysis showed a connection between the level of personal anxiety and compulsive and external types of eating behavior in female students. The sample group consisted of 70 people, of whom 52,9 % had a high level of personal anxiety (the proportion of girls was 83,8 %). 95,7 % of students had either compulsive (64,2 %) or external (21,4 %) eating disorder. At this age, an eating disorder does not affect body weight. However, if the level of personal anxiety increases, it escalates the risk of developing at least three types of eating disorders by 11,5 times. With an increase in the level of personal anxiety, the risk of developing external overeating increases by 12,5 times and the risk of developing a compulsive type of eating behavior increases by 1,5 times. The research revealed some gender features of eating disorders development: girls with a high level of personal anxiety proved to have a 5,68 times higher risk of developing various eating disorders. However, a study in the ability to cope with stress in students with different levels of personal anxiety with regard to gender did not show any statistically significant differences in the study groups. The research demonstrated that there is a need in psycho-preventive measures that would shape rational nutrition stereotypes in students.

Keywords: personal anxiety, students, relative risk, rational eating behavior, irrational eating behavior

For citation: Proskuryakova L. A. Eating Disorders and the Risk of their Development in Students according to the Level of Personal Anxiety. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 121–129. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

References

1. Pogozheva A. V. Major eating behavior disorders and their correction. *Consilium Medicum*, 2013, 15(4): 87–90. (In Russ.)
2. Voznesenskaia T. G. Eating behavior disorders in obesity and their correction. *Obesity and Metabolism*, 2004, 1(2): 2–6. (In Russ.)
3. Antipina A. I., Vagapova R. F., Gordeeva T. M. Comparative assessment of nutrition and health indicators in the age aspect as a risk factor for infectious diseases. *Science, past, present, future*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., May 20, 2015. Ufa, 2015, 182–183. (In Russ.)
4. Ovcharova R. V. Psychological characteristics of women with eating disorders. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: fiziologiia, psikhologiia i meditsina*, 2016, (2): 91–97. (In Russ.)
5. Chanova A. V. Eating behavior features with different levels of anxiety in adolescence. *Human development in the modern world*: Proc. VII All-Russian Sci.-Prac. Conf. from Intern. Participation, April 19–21, 2016. Novosibirsk, 2016, 234–242. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-121–129

6. Khanin Iu. L. Study of anxiety in sports. *Voprosy psichologii,* 1978, (6): 94–106. (In Russ.)
7. Druzhinin V. N. *Experimental psychology*. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 320. (In Russ.)
8. Polshkova T. A. The problem of situational anxiety in psychological and pedagogical research. *Actual issues of modern psychology*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., February, 2013. Chelyabinsk, 2013, 107–110. (In Russ.)
9. Bychkova S. E., Klemes V. S. Peculiarities of anxiety of students of different areas of training. *Koncept*, 2017, (39): 2056–2060. (In Russ.)
10. Gerasimchik O. A., Girsh Ya. V. Assessment of eating behavior and anxiety level in groups of children and adolescents with different body weight in the conditions of the northern territories. *Fundamental and applied problems of human health in the North*: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf., October 21, 2017. Surgut, 2017, 131–134. (In Russ.)
11. Ivakina A. V., Dyachenko E. V. Personal anxiety and eating behavior of the students of medical university. *Actual issues of modern medical science and health*: Proc. I Intern. (71 All-Russian) Sci.-Prac. Conf. young scientists and students, April 13–15, 2016. Yekaterinburg, 2016, 1893–1896. (In Russ.)
12. Gladyshev Iu. V. Anxiety as an indicator of reduced adaptability of students to university studies. *Sovet rektorov,* 2011, (9): 54–56. (In Russ.)
13. Glukhaniuk N. S., Shchipanova D. E. *Psychodiagnostics*. Moscow: Academiia, 2011, 237. (In Russ.)
14. Strein van T. The Dutch eating behavior Questionnaire (DEBQ) for assessment of restrained, emotional and external eating behavior. *International Journal of Eating Disorders,* 1986, 5(2): 295–315. DOI: https://doi.org/10.1002/1098-108X(198602)5:2%3C295::AID-EAT2260050209%3E3.0.CO;2-T
15. Hazra A., Gogtay N. Biostatistics Series Module 6: Correlation and Linear Regression. *Indian Journal of Dermatology,* 2016, 61(6): 593–601. DOI: https://doi.org/10.4103/0019-5154.193662
16. Palekha E. S. Peculiarities of psychoemotical state of people with different types of food conduct. *Smalta*, 2018, (1): 17–22. (In Russ.)
17. Vakhmistrov A. V. *Eating behavior disorders in cerebral obesity*. Dr. Med. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2001, 23. (In Russ.)
18. Voznesenskaya T. G. Reasons for obesity treatment inefficiency and modes of its overcoming. *Problemi endocrinologii,* 2006, 52(6): 51–54. (In Russ.)
19. Leonova E. N. Socio-psychological types of eating behavior. *Vestnik Udmurskogo universiteta. Seriia Filosofiia. Psikhologiia. Pedagogika*, 2017, 27(2): 174–181. (In Russ.)
20. Proskuryakova L. A., Gardestad M. S. Interrelation of anxiety in students with rational and irrational type of nutrition. *Advanced science:* Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., 2018, part 1, 236–239. (In Russ.)
21. Poliakova E. Ia., Pashkova M. V. Personal anxiety and inner appetence in patients with alimentary obesity: clinical and psychological aspects. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2018, 16(4): 227–231. (In Russ.)
22. Valitova I. E., Galinovskaya A. A. Psychological assessment of predisposition of adolescent girls to eating disorders. *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*, 2017, 8(3): 362–374. (In Russ.)
23. Kairova M. T., Petanova E. P. The dynamics of emotional / behavioral characteristics associated with obesity in woman as a condition changing eating behavior and body weight correction. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia,* 2014, (5): 637. (In Russ.)
24. Morkovina D. A. Influence of food on health population of the Voronezh region from the risk assessment position. *Nauchno-meditsinskii vestnik Tsentralnogo Chernozemia*, 2014, (58): 197–200. (In Russ.)
25. Lobykina E. N., Proskuryakova L. A., Vlasenko A. E., Kan V. L. Investigation of the relationship between temperament and eating behavior among adult health school students. *Profilakticheskaya meditsina*, 2017, 20(6): 46–51. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.923.2

Самоактуализация, психологическое благополучие и повседневный стресс в период взрослости*

Светлана С. Савенышева [a, @, ID1]; Лариса А. Головей [a, ID2]; Марина Д. Петраш [a, ID3]; Ольга Ю. Стрижицкая [a, ID4]

[a] Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
[@] owlsveta@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0002-7529-1493
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-9252-0980
[ID3] https://orcid.org/0000-0003-4542-7289
[ID4] https://orcid.org/0000-0002-7141-162X

Поступила в редакцию 10.11.2018. Принята к печати 18.02.2019.

Аннотация: Исследование направлено на изучение особенностей и взаимосвязи переживаемого и повседневного стресса, самоактуализации и психологического благополучия у мужчин и женщин в период взрослости. В исследовании приняли участие 360 человек: 126 мужчин и 234 женщины в возрасте 20–60 лет. Анализ уровня переживаемого и повседневного стресса, а также отдельных его видов показал их достоверно более высокий уровень у женщин, по сравнению с мужчинами. Наибольшая выраженность повседневного стресса наблюдается всфере профессиональной деятельности, финансов, семьи и самочувствия. Сравнительный анализ уровня субъективного и психологического благополучия по полу выявил значимо более высокий уровень автономности и компетентности у мужчин. Изучение особенностей самоактуализации у мужчин и женщин в период взрослости показало, что у мужчин выше показатели самопонимания, автономности, умения жить настоящим, профессиональной самореализации, по сравнению с женщинами, тогда как у женщин выше показатели ориентации на общечеловеческие ценности, более позитивный взгляд на природу человека и выше уровень креативности. Анализ взаимосвязей психологического благополучия, параметров самоактуализации и стресса выявил их более тесные связи у женщин, чем у мужчин. Уровень как переживаемого, так и повседневного стресса у мужчин и у женщин связан с компетентностью, аутосимпатией, профессиональной самореализацией, удовлетворенностью жизнью, профессиональной деятельностью и материальным положением. У мужчин уровень повседневного стресса также зависит от позитивного взгляда на природу человека, у женщин имеет значение самопринятие и удовлетворенность общением с родителями.

Ключевые слова: стрессоры повседневной жизни, воспринимаемый стресс, самореализация, удовлетворенность жизнью, личностные ресурсы, возрастные различия

Для цитирования: Савенышева С. С., Головей Л. А., Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю. Самоактуализация, психологическое благополучие и повседневный стресс в период взрослости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 130–140. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

Введение

Современные исследования и психологическая практика показывают, что стресс оказывает существенное влияние на разные стороны как физического, так и психического здоровья человека. В последние десятилетия за рубежом исследователи в области стресса начали уделять внимание проблеме повседневных стрессоров. Было обнаружено более сильное воздействие аккумулированного повседневного стресса по сравнению с сильными жизненными стрессовыми событиями [1–4]. А. Д. Каннер определяет стрессоры повседневной жизни как «раздражающие, фрустрирующие, стрессирующие небольшие события, до некоторой степени характеризующие взаимодействие со средой»[1] [2, p. 3]. Исследования роли повседневных стрессоров показали их существенное воздействие на разные стороны жизни человека. Так, исследования

* Статья подготовлена при поддержке гранта № 16-18-10088 Российского Научного Фонда «Комплексное изучение стрессоров повседневной жизни и ресурсы их преодоления в разные периоды взрослости» 2016–2018 гг.

[1] перевод автора статьи С. С. Савенышевой.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

выявили сильное влияние стрессоров повседневной жизни на психическое здоровье человека [2; 3; 5–10], физическое здоровье человека [1; 5; 11], удовлетворенность отношениями и удовлетворенность жизнью [9; 12; 13].

Большой интерес ученые и исследователи проявляли к гендерным различиям в восприятии стресса. Ими было обнаружено, что у женщин отмечаются как в целом более высокий уровень повседневного стресса, так и уровень внешнего повседневного стресса, диадического повседневного стресса [10; 14–17]. При этом роль факторов возраста и семейного статуса изучены в меньшей степени. Значительное внимание при изучении повседневного стресса было уделено роли копинг-стратегий в совладании со стрессом, однако, роль индивидуально-личностных характеристик исследована недостаточно. Важно отметить, что тема повседневного стресса, его факторов и последствий практически не исследована в отечественной психологии.

В период взрослости для гармоничного развития личности большое значение играет самоактуализация и самореализация. Можно предположить, что человек, реализующий свой потенциал, для которого характерны такие особенности, как самопринятие, автономия, спонтанность, компетентность, чувствует себя более уверенно в различных сложных жизненных ситуациях и, скорее всего, менее интенсивно переживает их.

Анализируя структуру самоактуализации и психологического благополучия, можно увидеть, что их многие компоненты сходны. Мы полагаем, что это тесно связанные понятия, описывающие общий контекст самоосуществления человека. Эмпирическим подтверждением этого являются данные исследования самореализации, самоосуществления и психологического благополучия И. Б. Дермановой, Н. Ф. Головановой [18]. В связи с этим в нашем исследовании мы рассматриваем их совместное влияние на восприятие стресса и повседневного стресса.

Методы и материалы

Целью исследования является изучение особенностей и взаимосвязи переживаемого и повседневного стресса, самоактуализации и психологического благополучия у мужчин и женщин период взрослости.

Гипотеза исследования: при более высоком уровне самоактуализации и психологического и субъективного благополучия и для мужчин, и для женщин характерна меньшая интенсивность воспринимаемого и повседневного стресса.

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 360 человек, из них 126 мужчин и 234 женщины в возрасте 20–60 лет (средний возраст мужчин – 34 года, женщин – 38 лет), с разным образовательным уровнем, проживающих в г. Санкт-Петербурге и г. Архангельске. Из них мужчин, состоящих в браке (или имеющих партнера) – 70,6 %; женщин, состоящих в браке (или имеющих партнера) – 60,7 %.

Методики: опросник повседневных стрессоров (М. Д. Петраш, О. Ю. Стрижицкая, Л. А. Головей, С. С. Савенышева) [19], опросник «Шкала воспринимаемого стресса-10» (адаптация В. А. Абабкова) [20], методика диагностики самоактуализации личности (САМОАЛ) А. В. Лазукина в адаптации Н. Ф. Калина [21], опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф [22], методика «Удовлетворенность жизнью» Э. Динера [23], методика «Факторы профессионального развития» М. Д. Петраш (шкала «Профессиональная самореализация») [24], анкета.

Методы математической обработки: однофакторный дисперсионный анализ, корреляционный анализ по Спирмену, регрессионный анализ.

Результаты

Сравнение показателей стресса у мужчин и женщин с применением однофакторного дисперсионного анализа показало, что как общий уровень переживаемого стресса ($p<0,001$), так и общий уровень повседневного стресса ($p<0,001$) (при одинаковом количестве стрессоров) достоверно выше у женщин, по сравнению с мужчинами (таблица 1).

Изучение видов повседневных стрессоров у мужчин и женщин исследуемой выборки показало следующее. Наибольшая выраженность повседневного стресса наблюдается в сфере профессиональной деятельности, финансов, семьи и самочувствия. Можно отметить различия, связанные с полом: у женщин наиболее выражены стрессоры, касающиеся профессиональной деятельности, самочувствия и семьи, у мужчин – профессиональной деятельности, финансов и семьи. Сравнительный анализ интенсивности стрессоров у мужчин и женщин выявил достоверные различия по большей части групп стрессоров (их уровень выше у женщин): профессиональных ($p<0,01$), отношений с окружающими ($p<0,01$), планирования ($p<0,001$), семейных ($p<0,001$), общего самочувствия ($p<0,001$), личностных переживаний ($p<0,001$), конкуренции ($p<0,001$).

Далее мы провели сравнительный анализ уровня переживаемого стресса и повседневных стрессоров в разных возрастных группах: периода ранней взрослости – 20–30 лет, периода средней взрослости – 31–40 лет и периода поздней взрослости – 41–50 лет. И у мужчин, и у женщин не обнаружено достоверных различий в общих

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

показателях частоты и интенсивности повседневного стресса и уровне переживаемого стресса. При этом можно отметить, что мужчины периода поздней взрослости отмечают меньшее количество повседневных стрессоров, чем мужчины периода ранней и средней взрослости, а интенсивность стрессоров выше в группе мужчин периода средней взрослости. У женщин интенсивность повседневных стрессоров выше в период ранней взрослости. Статистически значимые различия были обнаружены по отдельным группам стрессоров: у мужчин по стрессорам, связанным с финансами, их интенсивность выше у мужчин в период средней взрослости ($p<0,05$), по сравнению с другими возрастными группами; у женщин интенсивность проблем, связанных с семьей, нарастает с возрастом ($p<0,05$), а стрессы, связанные с планированием, выше в период средней взрослости ($p<0,05$).

Интересными оказались данные сравнительного анализа уровня переживаемого стресса и повседневных стрессоров в группах мужчин и женщин с разным семейным статусом (тех, у кого есть партнер, и тех, у кого нет), который показал, что женщины, у которых есть партнер, отмечают большее количество дел и проблем, связанных с ежедневным планированием ($p<0,01$), а мужчины без партнерши отмечают больше проблем в сфере отношений с окружающими ($p<0,01$), конкуренции ($p<0,01$) и больше проблем с личностными переживаниями, в т. ч. чувством одиночества ($p<0,01$).

Исследование уровня психологического и субъективного благополучия у мужчин и женщин в период взрослости показало следующее. Различий между мужчинами и женщинами в уровне общей удовлетворенности жизнью обнаружено не было, тогда как в уровне психологического благополучия традиционно выше показатели у мужчин по параметрам автономности ($p<0,01$) и компетентности ($p<0,01$) (таблица 2). Изучение отдельных параметров удовлетворенности в разных сферах (с помощью анкеты) выявило различия только в удовлетворенности общением с супругом/ой – ее уровень выше у мужчин ($p<0,05$).

Сравнительный анализ особенностей психологического и субъективного благополучия в разных возрастных группах выявил достоверные различия только в уровне психологического благополучия. У мужчин уровень личностного роста выше в период средней взрослости ($p<0,05$), по сравнению с другими возрастными периодами, а у женщин – в период ранней взрослости ($p<0,001$). Также у женщин показатель жизненных целей снижается от периода ранней взрослости к периоду поздней взрослости ($p<0,05$). Общий показатель психологического благополучия и у мужчин, и у женщин наиболее высокий в период средней взрослости и наиболее низкий в период поздней взрослости (у женщин различия статистически

Таблица 1. Средние значения параметров повседневного и переживаемого стресса у мужчин и женщин
Table 1. Average values of the parameters of daily and experienced stress in men and women

Параметры	Среднее		Стандартное отклонение		F	p
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
Методика повседневных стрессоров						
Работа / дело	24,8810	31,2906	21,4899	22,0709	7,035	**0,008**
Взаимоотношения с окружающими	10,7407	15,8832	16,4498	17,8757	7,161	**0,008**
Нарушения планов	15,8571	13,6838	19,1786	17,5998	1,172	0,280
Финансы	21,6667	24,6083	22,2381	23,3052	1,347	0,247
Планирование	12,6984	19,4943	15,4184	19,3287	11,597	**0,001**
Семья	19,1138	27,5142	20,3084	22,8299	11,960	**0,001**
Окружающая действительность	10,9683	14,2051	15,7434	17,5580	2,988	0,085
Самочувствие / чувство одиночества	14,8254	25,0000	17,2163	21,0026	21,707	**0,000**
Общее самочувствие	20,8889	29,8205	18,9070	20,6699	16,217	**0,000**
Конкуренция	16,3175	25,4701	18,8067	21,3668	16,311	**0,000**
Общий показатель стрессоров	93,413	123,940	85,1473	83,8508	10,739	**0,001**
Частота стрессоров	18,222	20,175	13,6416	12,3305	1,906	0,168
Шкала воспринимаемого стресса						
Перенапряжение	13,832	17,056	4,4409	4,7426	39,276	**0,000**
Противодействие стрессу	9,352	9,348	2,8575	2,6350	0,000	0,988

Прим.: полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

Таблица 2. Средние значения параметров психологического и субъективного благополучия у мужчин и женщин
Table 2. Average values of the parameters of psychological and subjective well-being in men and women

Показатели	Среднее		Стандартное отклонение		F	p
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
Методика «Психологическое благополучие»						
Автономность	10,968	10,329	1,7202	1,9430	9,587	**0,002**
Компетентность	11,071	10,355	1,8382	2,1881	9,794	**0,002**
Личностный рост	12,151	12,487	2,0594	1,7754	2,624	0,106
Позитивные отношения	11,310	11,620	1,9077	2,1401	1,853	0,174
Жизненные цели	11,476	11,291	2,1041	1,8393	0,753	0,386
Самопринятие	10,881	10,744	1,9167	2,2048	0,348	0,556
Общий показатель психологического благополучия	67,857	66,825	7,7488	7,9136	1,414	0,235
Методика «Удовлетворенность жизнью»						
Жизнь соответствует идеалу	4,579	4,309	1,1822	1,3736	3,484	0,063
Обстоятельства складываются благополучно	5,151	5,142	1,2137	1,2358	0,005	0,946
Удовлетворенность жизнью	5,016	4,871	1,3623	1,3679	0,917	0,339
Есть все, что нужно	5,024	5,064	1,4503	1,4414	0,064	0,800
Ничего бы не изменил	4,198	4,047	1,7800	1,8598	0,557	0,456
Общая удовлетворенность жизнью	23,968	23,333	5,4946	5,9222	0,989	0,321

Прим.: полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

значимы ($p<0,05$), у мужчин различия находятся на уровне статистической тенденции ($p=0,076$)).

Изучение уровня психологического и субъективного благополучия в группах мужчин и женщин с партнером и без выявило различия только в уровне субъективного благополучия: его уровень выше и у мужчин, и у женщин, у которых есть партнер (у женщин различия статистически значимы ($p<0,05$), у мужчин различия находятся на уровне статистической тенденции ($p=0,089$)).

Исследование особенностей самоактуализации у мужчин и женщин в исследуемой выборке позволило обнаружить статистически значимые различия по различным параметрам (таблица 3). Так, показатели *Ориентация во времени, Автономность, Самопонимание* выше у мужчин ($p<0,01$), а показатели *Ценности* ($p<0,001$), *Взгляд на природу человека* ($p<0,05$), *Креативность* ($p<0,001$) – у женщин. Кроме того, по методике «Факторы профессионального развития» были обнаружены более высокие показатели профессиональной самореализации у мужчин, по сравнению с женщинами ($p<0,05$).

Сравнительный анализ общего уровня самоактуализации в разных возрастных группах не выявил статистически значимых различий, но, как и в случае с психологическим благополучием, наиболее низкий его уровень наблюдается в группе 41–60 лет, по сравнению с возрастом 20–40 лет. Большое количество достоверных различий по отдельным параметрам самоактуализации было обнаружено в разных возрастных группах, причем эти различия отличаются по параметрам в группах мужчин и женщин. Так, более высокий уровень по параметрам *Ориентация во времени, Ценности, Самопонимание, Аутосимпатия, Контактность, Гибкость в общении* обнаруживается у мужчин в период средней взрослости ($p<0,05$). У женщин более высокие показатели выявлены по параметрам *Потребность в познании* и *Спонтанность* ($p<0,05$) в период средней взрослости, а по параметру *Автономность* – наиболее низкие показатели в период поздней взрослости ($p<0,05$).

Исследование особенностей самоактуализации у мужчин и женщин с разным семейным статусом выявило, что у мужчин, у которых есть партнерша, более высокий уровень спонтанности ($p<0,01$) и самопонимания ($p<0,001$), а у женщин, у которых есть партнер, выше показатели по параметру *Ориентация во времени* ($p<0,05$).

Корреляционный анализ взаимосвязей выявил ожидаемую тесную взаимосвязанность параметров самоактуализации и психологического благополучия у мужчин и женщин. Но т. к. целью нашего исследования является изучение взаимосвязи параметров стресса с самоактуализацией и психологическим благополучием, мы подробнее остановимся именно на них.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

Таблица 3. Средние значения параметров самоактуализации у мужчин и женщин
Table 3. Average values of self-actualization parameters in men and women

Показатели	Среднее		Стандартное отклонение		F	p
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
Методика САМОАЛ						
Ориентация во времени	10,440	9,622	2,5271	2,9787	6,858	**0,009**
Ценности	8,413	9,288	2,1846	2,5879	10,392	**0,001**
Взгляд на природу человека	6,821	7,647	2,8499	2,9721	6,509	**0,011**
Потребности в познании	8,179	7,865	2,2257	2,2390	1,609	0,205
Креативность	8,460	9,352	2,2966	2,6320	10,240	**0,001**
Автономность	7,929	7,051	2,6478	2,8386	8,195	**0,004**
Спонтанность	6,857	7,043	2,4746	2,9251	0,366	0,546
Самопонимание	8,667	7,622	2,6488	3,1499	10,038	**0,002**
Аутосимпатия	8,111	7,684	2,6839	3,0955	1,709	0,192
Контактность	8,012	7,667	2,4605	2,4013	1,664	0,198
Гибкость в общении	7,869	7,962	2,2823	2,5204	0,118	0,732
Общая шкала самоактуализации	59,063	58,030	7,3449	9,2831	1,166	0,281
Шкала методики «Факторы профессионального развития»						
Самореализация в профессии	24,484	23,427	3,7411	3,9412	6,099	**0,014**

Прим.: полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Изучение взаимосвязей уровня воспринимаемого стресса с различными параметрами уровня удовлетворенности жизнью у мужчин показало, что он отрицательно связан с общей удовлетворенностью жизнью (методика Динера) ($r=-0,210$, $p<0,05$), а также с удовлетворенностью профессиональной деятельностью ($r=-0,458$, $p<0,01$) (анкета) и удовлетворенностью материальным положением ($r=-0,189$, $p<0,05$) (анкета). Более тесные связи были выявлены у переживаемого стресса у мужчин с уровнем психологического благополучия: общий уровень воспринимаемого стресса отрицательно связан с параметрами *Компетентность* ($r=-0,537$, $p<0,001$), *Позитивные отношения* ($r=-0,215$, $p<0,05$), *Жизненные цели* ($r=-0,192$, $p<0,05$), *Самопринятие* ($r=-0,344$, $p<0,001$) и общим показателем психологического благополучия ($r=-0,389$, $p<0,001$). Регрессионный анализ показал, что предиктором переживаемого стресса у мужчин является компетентность ($\beta=-0,502$, $p<0,001$).

Исследование взаимосвязи уровня повседневного стресса с удовлетворенностью жизнью и психологическим благополучием у мужчин показало, что он отрицательно связан с общим уровнем удовлетворенности жизнью ($r=-0,178$, $p<0,05$), удовлетворенностью материальным положением ($r=-0,233$, $p<0,01$) и уровнем компетентности ($r=-0,288$, $p<0,001$). Предиктором интенсивности повседневного стресса у мужчин является компетентность ($\beta=-0,205$, $p<0,05$). Отдельные группы стрессоров отрицательно связаны с уровнем компетентности и уровнем самопринятия.

Таким образом, мужчины, которым трудно справляться с повседневными делами, которые чувствуют, что неспособны улучшить или изменить окружающие обстоятельства, у которых слабо развито чувство контроля над внешним миром, переживают больший стресс и отмечают большее количество и интенсивность повседневных стрессоров.

Анализ взаимосвязей уровня воспринимаемого стресса с различными параметрами уровня удовлетворенности жизнью у женщин выявил тесную обратную взаимосвязь со всеми параметрами и общим уровнем удовлетворенности жизнью ($r=-0,331$, $p<0,001$) (методика Динера), удовлетворенностью профессиональной деятельностью ($r=-0,315$, $p<0,01$) (анкета) и удовлетворенностью материальным положением ($r=-0,192$, $p<0,01$) (анкета), удовлетворенностью общением с родителями ($r=-0,293$, $p<0,001$) (анкета). Уровень переживаемого стресса также тесно связан со всеми показателями психологического благополучия и общим показателем психологического благополучия ($r=-0,424$, $p<0,001$). Регрессионный анализ показал, что предиктором переживаемого стресса у женщин является компетентность ($\beta=-0,271$, $p<0,001$) и самопринятие ($\beta=-0,241$, $p<0,05$).

Исследование взаимосвязи уровня повседневного стресса с удовлетворенностью жизнью у женщин показало, что он отрицательно связан со всеми параметрами

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

и с общим уровнем удовлетворенности жизнью (r=–0,286, p<0,001), удовлетворенностью материальным положением (r=–0,232, p<0,001) (анкета), удовлетворенностью профессиональной деятельностью (r=–0,204, p<0,01) (анкета) и удовлетворенностью общением с родителями (r=–0,249, p<0,01) (анкета). Уровень повседневного стресса у женщин отрицательно связан с общим показателем психологического благополучия (r=–0,342, p<0,001) и отрицательно связан с такими параметрами психологического благополучия, как *Компетентность* (r=–0,378, p<0,001), *Самопринятие* (r=–0,349, p<0,001), *Позитивные отношения* (r=–0,156, p<0,05), *Жизненные цели* (r=–0,158, p<0,05). Предиктором интенсивности повседневного стресса у женщин является самопринятие (β=–0,207, p<0,01) и компетентность (β=–0,166, p<0,05). Отдельные группы стрессоров также отрицательно связаны преимущественно с уровнем компетентности и уровнем самопринятия.

Таким образом, женщины, неудовлетворенные собой, своим прошлым, которым трудно справляться с повседневными делами, которые чувствуют, что неспособны улучшить или изменить окружающие обстоятельства, у которых слабо развито чувство контроля над внешним миром, переживают больший стресс и отмечают большее количество и интенсивность повседневных стрессоров.

Рассмотрим теперь взаимосвязи стресса и особенностей самоактуализации у мужчин и у женщин.

Уровень переживаемого стресса у мужчин отрицательно связан с отдельными параметрами самоактуализации – с *Аутосимпатией* (r=–0,305, p<0,001), *Ориентацией во времени* (r=–0,271, p<0,01) и *Самопониманием* (r=–0,250, p<0,01). Предиктором общего уровня переживаемого стресса является аутосимпатия (β=–0,273, p<0,01). У женщин обнаруживаются отрицательные связи уровня переживаемого стресса как с общим уровнем самоактуализации (r=–0,275, p<0,001), так и со всеми его параметрами, за исключением параметров *Взгляд на природу человека* и *Потребность в познании*. Предикторами уровня переживаемого стресса у женщин выступают параметры *Аутосимпатия* (β=–0,286, p<0,001) и *Ориентация во времени* (β=–0,177, p<0,01).

Анализ взаимосвязей уровня повседневного стресса и параметров самоактуализации показал следующее. У мужчин только параметр *Взгляд на природу человека* отрицательно связан с общим показателем повседневных стрессоров (r=–0,243, p<0,01) и с такими его видами, как стрессы, связанные с финансами (r=–0,285, p<0,001) и самочувствием (r=–0,252, p<0,01). У женщин, напротив, общий показатель самоактуализации и все ее показатели, за исключением параметра *Взгляд на природу человека*, тесно связаны с общим уровнем повседневного стресса. Регрессионный анализ показал, что предиктором уровня повседневного стресса у женщин является аутосимпатия (β=–0,317, p<0,001).

Таким образом, неуверенные в себе, тревожные женщины переживают стресс и повседневный стресс сильнее, чем уверенные в себе женщины с позитивным самоотношением. У мужчин аутосимпатия, уверенность в себе влияет только на уровень переживаемого стресса, тогда как уровень повседневного стресса зависит от позитивного отношения к людям в целом.

Также можно отметить, что и у мужчин, и у женщин общий уровень повседневного стресса (r=–0,423 (у мужчин), r=–0,295 (у женщин), p<0,001) и уровень переживаемого стресса (r=–0,379 (у мужчин), r=–0,368 (у женщин), p<0,001) очень тесно связаны с профессиональной самореализацией (методика *Профессиональное развитие*).

Обсуждение

Полученные результаты о более высоком уровне переживаемого и повседневного стресса, а также отдельных его видов у женщин, по сравнению с мужчинами, согласуются с данными зарубежных исследований [10; 14–17]. В сочетании со сходными данными по количеству стрессоров это может говорить либо о большей интенсивности переживания стрессоров женщинами, либо о том, что для мужчин не свойственно демонстрировать свои переживания. Интересно, что это не сильно сказывается на уровне субъективного благополучия – удовлетворенность жизнью одинакова у мужчин и у женщин.

Важно отметить, что у мужчин и женщин в первой тройке ведущих стрессоров обнаруживается сходство: и для тех, и для других наиболее частыми и интенсивными являются стрессоры, связанные с самыми значимыми сферами – семьей и работой. При этом для мужчин очень важной сферой являются финансы, что объяснимо с точки гендерных различий, т.к. от мужчин ожидают в большей степени финансовое обеспечение семьи, чем от женщин. Женщины же больше подчеркивают стрессоры, связанные с самочувствием и здоровьем, что, возможно, связано с их большей усталостью (большей нагрузкой в сфере домашнего хозяйства и воспитания), и / или с тем, что у мужчин в меньшей степени принято жаловаться на здоровье.

Изучение влияния возраста на общий уровень повседневного стресса показало, что у мужчин и женщин наблюдаются различия в периодах наибольшей интенсивности стрессоров – у женщин это период ранней взрослости, тогда как у мужчин это период средней взрослости. Возможно, это связано с тем, что женщины в период ранней

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

взрослости решают одновременно много задач – обучения, профессионального развития и создания семьи, и для них часто очень важно решение всех этих задач уже в данный период, тогда как для мужчин ведущей, как правило, является задача профессионального становления. А в период средней взрослости ее актуальность сохраняется, но добавляются стрессоры, связанные с семьей и ее обеспечением, что проявляется в большей интенсивности стрессоров, связанных с финансами в данный период.

Сравнительный анализ выраженности повседневных стрессоров у мужчин и женщин с разным семейным статусом выявил ожидаемо более высокий уровень проблем у женщин, связанных с планированием – им приходится выполнять больше задач, связанных уже со всей семьей. Но интересно, что переживание чувства одиночества выше оказалось у одиноких мужчин, по сравнению с мужчинами, у которых есть партнерша, в отличие от женщин, у которых в переживании чувства одиночества различий не обнаружилось. То есть мужчинами в настоящее время эта ситуация переживается более остро, чем женщинами. Это частично согласуется и с результатами о более высоком уровне субъективного благополучия у мужчин, у которых есть партнерша, по сравнению с одинокими мужчинами.

Исследование психологического благополучия и особенностей самореализации выявило сходные результаты о более высоком уровне автономности у мужчин, что согласуется с гендерными представлениями о большей независимости у мужчин и большей ориентированности на других у женщин. У женщин традиционно обнаружены более позитивное представление о человеке и ориентация на общечеловеческие ценности. Более низкие показатели самоактуализации в позднем возрасте можно объяснить поколенческими (когортными) различиями – современное поколение более ориентировано на самоактуализацию и самореализацию, а более старшее – на самотрансценденцию [25], также это может объясняться снижением количества целей с возрастом.

В нашем исследовании обнаруживается более низкий уровень взаимосвязанности уровня переживаемого стресса и повседневного стресса с психологическим благополучием и самоактуализацией у мужчин, по сравнению с женщинами. Это может говорить либо о роли других факторов в восприятии стресса у мужчин, либо о различном вкладе у мужчин различных параметров данных факторов.

Изучение предикторов воспринимаемого стресса и повседневного стресса у женщин показывает важную роль аутосимпатии и самопринятия, что говорит о большой роли позитивного отношения к себе и согласуется с полученными данными о связи повседневного стресса и самооценки [26]. У мужчин роль аутосимпатии наблюдается только в отношении уровня воспринимаемого стресса.

В связи с достаточно сложным экономическим положением в стране, ожидаемо, оба показателя стресса связаны с удовлетворенностью материальным положением. Роль удовлетворенности профессиональной деятельностью и профессиональной самореализации, а у мужчин еще и компетентности, в общем уровне стресса может объясняться тем, что профессиональная деятельность занимает большую часть времени и является значимой сферой жизни и у мужчин, и у женщин. Кроме того, профессиональные стрессоры в среднем по выборке занимают первые позиции по интенсивности, и при более высоких показателях профессиональной самореализации и удовлетворенности профессиональной деятельностью они будут менее выражены и соответственно в меньшей степени выражен общий уровень стресса и повседневного стресса.

Выводы

1. Анализ уровня переживаемого и повседневного стресса, а также отдельных его видов показал их достоверно более высокий уровень у женщин, по сравнению с мужчинами. Наибольшая выраженность повседневного стресса наблюдается в сфере профессиональной деятельности, финансов, семьи и самочувствия. Фактор возраста и семейного статуса влияет на выраженность только отдельных стрессоров, но не общих показателей.

2. Сравнительный анализ уровня субъективного благополучия не выявил различий, связанных с полом, тогда как по параметрам психологического благополучия был обнаружен значимо более высокий уровень автономности и компетентности у мужчин. Фактор возраста оказывает большее влияние на параметры психологического благополучия, а семейного статуса – на уровень удовлетворенности жизнью.

3. Изучение особенностей самоактуализации у мужчин и женщин в период взрослости показало, что у мужчин выше показатели самопонимания, автономности, умения жить настоящим, профессиональной самореализации, по сравнению с женщинами, тогда как у женщин выше показатели ориентации на общечеловеческие ценности, более позитивный взгляд на природу человека и выше уровень креативности. Наиболее низкие показатели самоактуализации отмечаются в период поздней взрослости.

4. Анализ взаимосвязей стресса и психологического и субъективного благополучия выявил их более тесные связи у женщин, чем у мужчин. И уровень переживаемого стресса, и уровень повседневного стресса у мужчин и у женщин связаны с уровнем удовлетворенности жизнью, удовлетворенности материальным положением,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

профессиональной деятельностью и с компетентностью. Но для женщин также имеет значение самопринятие и удовлетворенность общением с родителями.

5. Исследование взаимосвязей стресса и особенностей самоактуализации также показало их большую взаимосвязанность у женщин, чем у мужчин. Уровень переживаемого стресса и у мужчин, и у женщин связан с аутосимпатией, а уровень повседневного стресса – у женщин с аутосимпатией, а у мужчин – с позитивным взглядом на природу человека.

Литература

1. DeLongis A., Coyne J. C., Dakof G., Folkman S., Lazarus R. S. Relationship of daily hassles, uplifts, and major life events to health status // Health Psychology. 1982. Vol. 1. P. 119–136. DOI: https://doi.org/10.1037/0278-6133.1.2.119
2. Kanner A. D., Coyne J. C., Schaefer C., Lazarus R. S. Comparison of two modes of stress measurement: daily hassles and uplifts versus major life events // Journal of Behavioral Medicine. 1981. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–39. DOI: https://doi.org/10.1007/BF00844845
3. Lazarus R. S. Stress and emotion: a new synthesis. NY: Springer Publishing Co, 1999. 360 p.
4. Pillow D. R., Zautra A. J., Sandler I. N. Major life events and minor stressors: Identifying mediational links in the stress process // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. Vol. 70. P. 381–394. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.2.381
5. Савенышева С. С. Стрессоры повседневной жизни и семейное функционирование: анализ зарубежных исследований // Мир науки. 2016. Т. 4. № 6. С. 28.
6. Almeida D. M. Resilience and vulnerability to daily stressors assessed via diary methods // Current Directions in Psychological Science. 2005. Vol. 14. Iss. 2. P. 64–68. DOI: https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2005.00336.x
7. DeLongis A., Folkman S., Lazarus R. S. The impact of daily stress on health and mood: Psychological and social resources as mediators // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54. P. 486–495. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.3.486
8. Gruen R. J., Folkman S., Lazarus R. S. Dyadic response patterns in married couples, depressive symptoms, and somatic dysfunction // Journal of Family Psychology. 1987. Vol. 1. P. 168–180. DOI: https://doi.org/10.1037/h0080282
9. Williams L. M. Associations of stressful life events and marital quality // Psychological Reports. 1995. Vol. 76. Iss. 3. P. 1115–1122. DOI: https://doi.org/10.2466/pr0.1995.76.3c.1115
10. Bolger N., DeLongis A., Kessler R. C., Schilling E. A. Effects of daily stress on negative mood // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. P. 808–818. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.5.808
11. Ivancevich J. M. Life events and hassles as predictors of health symptoms, job performance, and absenteeism // Journal of Occupational Behaviour. 1986. Vol. 7. P. 39–51.
12. Harper J. M., Schaalje B. G., Sandberg J. G. Daily hassles, intimacy, and marital quality in later life marriages // American Journal of Family Therapy. 2000. Vol. 28. Iss. 1. P. 1–18. DOI: https://doi.org/10.1080/019261800261770
13. Totenhagen C. J., Curran M. A. Daily hassles, sacrifices, and relationship quality for pregnant cohabitors // Family Science. 2011. Vol. 2. Iss. 1. P. 68–72. DOI: https://doi.org/10.1080/19424620.2011.597101
14. Bouchard L. C., Shih J. H. Gender differences in stress generation: Examination of interpersonal predictors // Journal of Social and Clinical Psychology. 2013. Vol. 32. Iss. 4. P. 424–445. DOI: https://doi.org/10.1521/jscp.2013.32.4.424
15. Hamilton S., Fagot B. I. Chronic stress and coping styles: a comparison of male and female undergraduates // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 55. P. 819–823. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.55.5.819
16. Kiecolt-Glaser J. K., Newton T. L. Marriage and health: His and hers // Psychological Bulleting. 2001. Vol. 127. P. 472–503. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.4.472
17. Neff L. A., Karney B. R. How does context affect intimate relationships? Linking external stress and cognitive processes within marriage // Personality and Social Psychology Bulletin. 2004. Vol. 30. Iss. 2. P. 134–148. DOI: https://doi.org/10.1177/0146167203255984
18. Голованова Н. Ф., Дерманова И. Б. Самооценка эффективности самоосуществления как фактор психологического благополучия личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 85–92. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-85-92
19. Петраш М. Д., Стрижицкая О. Ю., Головей Л. А., Савенышева С. С. Опросник повседневных стрессоров // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 57. С. 5.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

20. Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 2. С. 6–15.
21. Диагностика самоактуализации личности (А. В. Лазукин в адаптации Н. Ф. Калина) // Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 426–433.
22. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.
23. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, 2008. Режим доступа: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837
24. Петраш М. Д. Психологическое содержание и факторы возникновения кризисов профессионального развития на этапе начала профессиональной деятельности // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 4. С. 88–100.
25. Дерманова И. Б., Лукина Е. А. Возрастные предпочтения способов самоосуществления // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л. А. Коростылевой. 2005. Вып. 9. СПб.: Санкт-Петербургский университет. С. 21–42.
26. Головей Л. А., Муртазина И. Р. К вопросу о психофизиологических и личностных факторах восприятия повседневных стрессоров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. № 2. С. 136–142. DOI: https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-136-142

Self-Actualization, Psychological Well-Being and Daily Hassles during Adulthood*

Svetlana S. Savenysheva [a, @, ID1]; Larisa A. Golovey [a, ID2]; Marina D. Petrash [a, ID3;] Olga Yu. Strizhitskaya [a, ID4]

[a] Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034

[@] owlsveta@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0002-7529-1493

[ID2] https://orcid.org/0000-0002-9252-0980

[ID3] https://orcid.org/0000-0003-4542-7289

[ID4] https://orcid.org/0000-0002-7141-162X

Received 10.11.2018. Accepted 18.02.2019.

Annotation: The research featured the effect of experienced and daily hassles on self-actualization and psychological well-being in adolescents. The study involved 360 people: 126 men and 234 women aged 20–60 years. The experiment determined the level of experienced stress and daily hassles, as well as its separate types. The women demonstrated a significantly higher level. The greatest severity of daily hassles was observed in the sphere of work, well-being, family, and finance. A comparative analysis of the level of subjective and psychological well-being by gender revealed a significantly higher level of autonomy and competence in men. An analysis of the features of self-actualization showed that the male group had higher indicators of self-understanding, autonomy, ability to live in the present, and professional self-realization, if compared to women. The women demonstrated higher indicators of orientation to universal human values, a more positive view of human nature, and higher levels of creativity. An analysis of the relationship of psychological well-being, parameters of self-actualization and stress revealed their closer ties in women than in men. The level of experienced stress and daily hassles in men and women was related to competence, autosympathy, professional self-realization, life satisfaction, satisfaction of professional activities, and financial situation. In the male group, the level of daily hassles also depended on a positive view of human nature. The women stressed the importance of self-acceptance and satisfaction with communication with parents.

*The article was prepared with the support of grant No. 16-18-10088 of the Russian Scientific Foundation "Complex study of the daily stressors and resources for coping with them in different periods of adulthood" 2016–2018.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

Keywords: stressors of everyday life, perceived stress, self-realization, life satisfaction, personal resources, age differences

For citation: Savenysheva S. S., Golovey L. A., Petrash M. D., Strizhitskaya O. Yu. Self-Actualization, Psychological Well-Being, and Daily Hassles during Adulthood. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 130–140. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-130–140

References

1. DeLongis A., Coyne J. C., Dakof G., Folkman S., Lazarus R. S. Relationship of daily hassles, uplifts, and major life events to health status. *Health Psychology*, 1982, (1): 119–136. DOI: https://doi.org/10.1037/0278-6133.1.2.119
2. Kanner A. D., Coyne J. C., Schaefer C., Lazarus R. S. Comparison of two modes of stress measurement: daily hassles and uplifts versus major life events. *Journal of Behavioral Medicine*, 1981, 4(1): 1–39. DOI: https://doi.org/10.1007/BF00844845
3. Lazarus R. S. *Stress and emotion: a new synthesis*. NY: Springer, 1999, 360.
4. Pillow D. R., Zautra A. J., Sandler I. N. Major life events and minor stressors: Identifying mediational links in the stress process. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, (70): 381–394. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.70.2.381
5. Savenysheva S. S. Daily hassles and family functioning: an analysis of foreign studies. World of Science, 2016, 4(6): 28 (In Russ.)
6. Almeida D. M. Resilience and vulnerability to daily stressors assessed via diary methods. *Current Directions in Psychological Science*, 2005, 14(2): 64–68. DOI: https://doi.org/10.1111/j.0963-7214.2005.00336.x
7. DeLongis A., Folkman S., Lazarus R. S. The impact of daily stress on health and mood: Psychological and social resources as mediators. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, (54): 486–495. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.54.3.486
8. Gruen R. J., Folkman S., Lazarus R. S. Dyadic response patterns in married couples, depressive symptoms, and somatic dysfunction. *Journal of Family Psychology*, 1987, (1): 168–180. DOI: https://doi.org/10.1037/h0080282
9. Williams L. M. Associations of stressful life events and marital quality. *Psychological Reports*, 1995, 76(3): 1115–1122. DOI: https://doi.org/10.2466/pr0.1995.76.3c.1115
10. Bolger N., DeLongis A., Kessler R. C., Schilling E. A. Effects of daily stress on negative mood. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, (57): 808–818. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.57.5.808
11. Ivancevich J. M. Life events and hassles as predictors of health symptoms, job performance, and absenteeism. *Journal of Occupational Behaviour*, 1986, (7): 39–51.
12. Harper J. M., Schaalje B. G., Sandberg J. G. Daily hassles, intimacy, and marital quality in later life marriages. *American Journal of Family Therapy*, 2000, 28(1): 1–18. DOI: https://doi.org/10.1080/019261800261770
13. Totenhagen C. J., Curran M. A. Daily hassles, sacrifices, and relationship quality for pregnant cohabitors. *Family Science*, 2011, 2(1): 68–72. DOI: https://doi.org/10.1080/19424620.2011.597101
14. Bouchard L. C., Shih J. H. Gender differences in stress generation: Examination of interpersonal predictors. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2013, 32(4): 424–445. DOI: https://doi.org/10.1521/jscp.2013.32.4.424
15. Hamilton S., Fagot B. I. Chronic stress and coping styles: a comparison of male and female undergraduates. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, (55): 819–823. DOI: https://doi.org/10.1037/0022-3514.55.5.819
16. Kiecolt-Glaser J. K., Newton T. L. Marriage and health: His and hers. *Psychological Bulleting*, 2001, (127): 472–503. DOI: https://doi.org/10.1037/0033-2909.127.4.472
17. Neff L. A., Karney B. R. How does context affect intimate relationships? Linking external stress and cognitive processes within marriage. *Personality and Social Psychology Bulletin,* 2004, 30(2): 134–148. DOI: https://doi.org/10.1177/0146167203255984
18. Golovanova N. F., Dermanova I. B. The Self-Assessment of Self-Fulfillment Efficiency as a Factor of Psychological Well-Being. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (3): 85–92. DOI:
19. Petrash M. D., Strizhitskaya O. Yu., Golovey L. A., Savenysheva S. S. Inventory of daily stressors. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2018, 11(57): 5. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-130-140

20. Ababkov V. A., Baryshnikova K., Vorontzova-Venger O. V., Gorbunov I. A., Kapranova S. V., Pologaeva E. A., Stuklov K. A. Validation of the Russian version of the questionnaire "Scale of perceived stress-10". *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 16. Psikhologiia. Pedagogika*, 2016, (2): 6–15. (In Russ.)
21. Diagnosis of self-actualization of personality (Lazukin A. V. in adaptation Kalin N. F.). Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Socio-psychological diagnosis of personal development and small groups.* Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2002, 426–433. (In Russ.)
22. Zhukovskaya L. V., Troshikhina E. G. K. Ryff's scale of psychological well-being. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2011, 32(2): 82–93. (In Russ.)
23. Osin E. N., Leontyev D. A. Approbation of the Russian-language versions of the two scales for the rapid assessment of subjective well-being. *Materials of the III All-Russian Sociological Congress*. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2008. Available at: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/pjuun7fz60/direct/78753837 (In Russ.)
24. Petrash M. D. Psychological content and factors of incipient professional-development crisies at the early stages of professional activity. *Experimental Psychology*, 2011, 4(4): 88–100. (In Russ.)
25. Dermanova I. B., Lukina E. A. Age preferences of self-fulfillment methods. *Psychological problems of self-realization of a person*, ed. Korostyleva L. A. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet, 2005, iss. 9, 21–42. (In Russ.)
26. Golovey L. A., Murtazina I. R. On the question of psychophysiological and personal factors of perception of daily stressors. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Educational acmeology. Developmental psychology*, 2018, 7(2): 136–142. DOI: https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-2-136-142

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

оригинальная статья
УДК 159.923.5

Методика исследования компонентов психологической медиакомпетентности родителей младших школьников

Лариса В. Скорова [a, @, ID]; Екатерина В. Черникова [a]

[a] Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
[@] larisa.skorova@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0002-7849-8625

Поступила в редакцию 30.01.2019. Принята к печати 28.02.2019.

Аннотация: Психологическая медиакомпетентность родителей анализируется на основе представлений о психологической медиакомпетентности как мезоуровневом образовании, отличающимся сложнокомпонентным составом. Психологическая медиакомпетентность родителей рассматривается в структуре психологической компетентности родителей. Предлагается исследование когнитивного, практического и рефлексивного компонентов психологической медиакомпетентности родителей. Когнитивный компонент включает в себя знания, позволяющие вступать в медиакоммуникации и анализировать влияние медиатекстов на психику детей; рефлексивный заключается в осознании внутренних изменений после взаимодействия с медиапространством; практический представлен умением реализовывать компетенцию во взаимодействии с детьми. Разработана и апробирована методика исследования этих компонентов у родителей младших школьников, предусматривающая два этапа. На первом этапе, предполагающем две серии, в исследовании принимали участие родители младших школьников. *Первая серия* направлена на выявление практического компонента психологической медиакомпетентности младших школьников и позволяет оценить умение родителей выступать в роли медиаторов взаимодействия детей с медиапространством; представлена ситуациями, описывающими поведение и действия младшего школьника в медиапространстве и выявляющая способы реагирования в них родителей. *Вторая серия* предназначена для выявления когнитивного и рефлексивного компонентов психологической медиакомпетентности и представлена вопросами, выявляющими понимание родителями влияния мультфильма на эмоциональное состояние и поведение ребёнка; написание письма главному герою мультфильма от лица своего ребёнка (после просмотра родителями мультфильма) предполагало исследование практического компонента (умение критически анализировать медиатексты). На втором этапе анализ исследования психологической медиакомпетентности родителей дополнен методом экспертных оценок. Полученные результаты свидетельствуют об использовании родителями конструктивных способов реагирования в ситуациях, связанных с поиском информации в сети Интернет и просмотром деструктивных видеороликов; они недооценивают влияние различных видов медиа на детей, испытывают трудности в их оценке и содержательном обсуждении медиатекстов с детьми.

Ключевые слова: психологическая компетентность, медиапространство, медиатекст, деструктивная информация, психологическая безопасность, психологическая культура

Для цитирования: Скорова Л. В., Черникова Е. В. Методика исследования компонентов психологической медиакомпетентности родителей младших школьников // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 141–151. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

Введение

Необходимость изучения психологической медиакомпетентности родителей обусловлена разнообразием коммуникативного пространства и расширением медиапространства, в которое погружён современный человек, имея беспрепятственный доступ к огромному количеству информации посредством различных средств коммуникации: печатные (книга, газета, журнал, буклет и пр.), электронные (телефон, радио, кино, телевидение), цифровые (социальные сети, сайты, платформы, мобильные приложения); вербальные (все медиа, построенные на устном или письменном тексте) и невербальные (медиа, использующие визуальные образы, акустические системы); визуальные (текстовые и изобразительные) и аудиальные; конвергентные и мультимедийные [1]. Самым беззащитным субъектом в этом пространстве является ребёнок. Уже

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

в дошкольном возрасте дети при посредничестве взрослого проявляют интерес к определённым мультфильмам, видеоиграм, компьютерным программам, длительное время проводят у экранов телевизора или монитора. Вместе с тем они ещё не обладают способностью анализировать большие объёмы поступающей информации, у них не развиты критическое мышление, произвольность, навыки саморегуляции, социального взаимодействия, умение читать и понимать образы, символы и пр. [2]. Таким образом, ребёнок оказывается в большей степени подвержен влиянию медиапространства [3].

В сложившейся ситуации ответственность по защите детей от деструктивной информации лежит прежде всего на родителях [4], которым необходимо уметь критически анализировать различные виды медиапродуктов и выявлять из всего разнообразия безопасные для детей конкретного возраста. Именно родители выступают в качестве посредника между медиапространством и ребёнком, занимая при этом активную или пассивную позицию [5–8]. Родителям необходимо знать содержание той деятельности, в которую включён ребёнок; чувства, эмоции, которые он переживает; факторы, которые воздействуют на его личность [9]. Исследовательским коллективом под руководством Г. У. Солдатовой определены типы родительской медиации в области использования электронных устройств: социальная медиация (активная медиация, выработка правил использования) и техническая медиация (мониторинг, родительский контроль) [3]. Установлено, что каждый второй родитель разговаривает с ребёнком о том, что он делает в Интернете, каждый четвёртый присутствует рядом, когда ребёнок использует Интернет дома, каждый пятый следит за тем, какие сайты ребёнок посещает, и использует жёсткий контроль деятельности ребёнка в Интернете. При этом четверть детей отмечают родительское попустительство (разрешение использовать Интернет как хочется) [3].

В зарубежных публикациях уделяется особое внимание роли родителя в формировании внутрисемейных отношений посредством совместного просмотра телевидения, совместного времяпрепровождения за видеоиграми; отмечается, что в современном медиапространстве родители перестают быть предметом взаимодействия в семейных отношениях; обсуждаются возможности родителей в изменении негативных последствий воздействия СМИ [10–12]. Необходимость повышения психологической культуры родителей, психологической культуры семейных отношений признаётся отечественными исследователями одной из задач системы образования и практической психологии [9].

Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием к родителю как посреднику между медиасредой и ребёнком, а также неразработанностью инструментария, позволяющего выявлять основные характеристики *психологической* медиакомпетентности у родителей. Поэтому целью нашего исследования является разработка и апробация методики исследования компонентов психологической медиакомпетентности и изучение их характеристик у родителей младших школьников.

В отечественной литературе широко представлены исследования медиакомпетентности у будущих специалистов различных специальностей, школьников разных возрастов, родителей. В данных исследованиях медиакомпетентность рассматривается как результат медиаобразования и в обобщённом виде определяется как совокупность знаний, умений и личностных характеристик, позволяющих эффективно работать с медиатекстами и критически оценивать получаемую информацию [13–17], определены структурные компоненты медиакомпетентности, связанные с наличием знаний и умений работать с информацией, ценностно-смысловой и мотивационный компоненты, а также необходимые личностные характеристики: креативное и творческое мышление, коммуникативность [3; 15; 18; 19]. Вместе с тем вопросам психологической медиакомпетентности родителей уделяется недостаточно внимания. Исследователи психологической компетентности, в том числе психологической компетентности родителей, не включают показатели медиакомпетентности в её структуру [20–23]. Психологическое содержание представлено в структуре медиакомпетентности в виде мотивационного, перцептивного, креативного показателей медиакомпетентности личности [19], личностного компонента [24], медиазащищенности (медиаиммунитета) как способности личности сохранять и отстаивать персональную идентичность в меняющихся медиапространствах [25]; при развитии медиакомпетентности отмечается готовность личности к самообразованию [26].

В понимании психологической медиакомпетентности родителей мы исходили из метауровневой модели психологической медиакомпетентности, представленной *психологическим* (понимание особенностей актуализации в процессе медиакоммуникаций когнитивных, эмоционально-волевых, ценностно-смысловых, рефлексивных процессов и способность их регуляции), *семиотическим* (умение осуществлять психологический анализ медиатекстов) и *эстетическим* (понимание знаковых кодов различных областей искусства (музыкальных, литературных, изобразительных, кино, речевых), используемых при

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

создании анализируемых медиатекстов, владение способами их художественной организации) компонентами [27; 28]. Под *психологической медиакомпетентностью родителей* будем понимать часть общей, медиа- и психологической культуры родителей, которая включает в себя знания о психологических механизмах медиакоммуникаций и возрастных особенностях развития личности в медиапространстве, о способах защиты детей от деструктивной медиаинформации и манипулятивного влияния. В данной статье излагается опыт исследования только психологического компонента психологической медиакомпетентности как владения «умениями осуществлять психологический анализ медиапродуктов… с целью определения особенностей их психологического воздействия на потребителя медиаинформации» [27, с. 82], представленный когнитивным, рефлексивным и практическим составляющими, что обусловлено спецификой выборки и анализом имеющихся в литературе характеристик медиакомпетентности.

Поскольку исследование посвящено психологической медиакомпетентности родителей, на основании структурно-содержательного анализа феномена *психологической компетентности* как компонента психологической культуры [29–31] и медиакомпетентности [15; 18; 19] были определены компоненты, позволяющие оценить не только знания родителей об особенностях медиакоммуникаций и возрастных особенностях личности, но и умение критически оценивать и анализировать поступающую информацию, а также выступать в роли медиатора взаимодействия детей с медиапространством. Таким образом, состав когнитивного компонента определили знания, позволяющие вступать в медиакоммуникации и анализировать влияние медиатекстов на психику детей; рефлексивный компонент представлен осознанием внутренних изменений после взаимодействия с медиапространством, осмыслением собственного уровня психологической медиакомпетентности; практический – умением реализовывать компетенцию во взаимодействии с детьми.

Методы и процедура исследования

При выборе метода мы исходили из предмета исследования – психологическая медиакомпетентность родителя – и малоизученности этого феномена. Исследование психологической медиакомпетентности, на наш взгляд, возможно на основании регистрации разнообразных реакций родителей, как правило, основанных на их личном опыте и отношении к медиа, на реальные ситуации, описывающие поведение, действия, эмоциональные реакции детей в медиапространстве и качественного анализа нарративов, предусматривающих рассмотрение и оценку медиаинформации.

При разработке методики исследования исходили из того, что психологическая культура представляет собой процесс и результат фиксации психологического опыта, опыта переживаний личности [32]. Это позволило сформулировать ситуации и способы реагирования на них родителей, исходя из их личного психологического опыта.

В связи с отсутствием диагностического инструментария, направленного на изучение психологической медиакомпетентности, и в соответствии с целью исследования нами была разработана методика исследования психологической медиакомпетентности родителей младших школьников, предусматривающая два этапа. На первом этапе, предполагающем две серии, в исследовании принимали участие родители младших школьников. *Первая серия* направлена на выявление практического компонента психологической медиакомпетентности родителей младших школьников и позволяет оценить умение родителей выступать в роли медиаторов взаимодействия детей с медиапространством. Она включает в себя ситуации, которые описывают поведение и действия младшего школьника в медиапространстве (компьютерные игры, социальные сети, мультфильмы, новостные телепередачи, реклама, музыка) и заканчиваются вопросом «Как бы Вы поступили на месте папы (мамы)?» или «Как бы Вы повели себя на месте папы (мамы) ребёнка и что бы Вы сказали сыну (дочери)?».

Приведём примеры ситуаций.

- «У девятилетнего Димы появилась любимая компьютерная игра, в которой нужно убивать противников. Папа (мама) замечает, что он уже длительное время играет в неё по 2 часа в день».
- «Восьмилетняя Аня всё своё свободное время проводит в социальной сети Вконтакте. На вопросы о том, что именно она там делает, отвечает, что переписывается с друзьями».
- «Серёжа учится в 3 классе. В школе ему часто задают задание: подготовить сообщение (доклад). Поэтому родители разрешают ему пользоваться компьютером и искать информацию в Интернете. Однажды папа (мама) заметил(а), что Серёжа использует Интернет не только для поиска информации, но и для посещения других сайтов, содержащих видео, музыку и т.д.».
- «Во время ужина 9-летней Вики по телевизору показывают вечерний выпуск новостей, в котором описывают нападения учеников на учителей в школах».
- «Первоклассница Маша смотрит мультфильм, в котором главная героиня обижает всех, кого встречает

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

на своём пути, и никто не даёт ей сдачи. Маша смеётся от забавных и колких фраз главной героини».

- «Кирилл (9 лет) любит смотреть видео в Интернете, у него даже появился любимый видео-блоггер, который снимает видеоролики о том, как они с друзьями ночью проникают в заброшенные здания, гуляют там и фотографируются. Кирилл восхищается смелостью этого блоггера и рассказывает маме об этом».
- «Насте (8 лет) понравился мультсериал. Теперь она каждый день смотрит по несколько серий. Папа (мама) замечает, что Настя тратит на просмотр мультфильма всё больше и больше времени».

К каждой ситуации предлагается не менее 5 вариантов реагирования (конструктивного и деструктивного содержания) родителей, характеризующих их поведение, словесные высказывания, эмоциональную оценку: установление *запрета* на взаимодействие с медиатекстом (например, «Запретил(а) бы играть вообще / смотреть мультфильм»), *ограничение* («Ограничил(а) бы время просмотра мультфильма»), тотальный *контроль* за действиями ребёнка в медиапространстве (например, «Зарегистрировал(а)ся(сь) бы во Вконтакте под другим именем, чтобы посещать страничку дочери»), *попустительство* (например, «Ничего бы не делал(а), ведь он играет в свободное от других занятий время»), *открытое доброжелательное обсуждение* или просветительская беседа по поводу медиатекста («Поговорил(а) бы с дочерью об этих виртуальных друзьях, спросил(а) бы, какие они и что любят», «Подобрал(а) бы образовательные сайты, познакомил(а) бы с ними Сашу и научил(а) бы работать с информацией, представленной на них»), *отвлечение / переключение* на другие объекты или деятельность (например, «Отправил(а) делать уроки (или читать книгу)»), *категоричное осуждение,* подбор безопасных медиапродуктов, удовлетворяющих интересам и стремлениям ребёнка. Кроме того, родители имели возможность предложить свой вариант реакции на действия ребёнка в медиапространстве.

Вторая серия исследования (проводилась после знакомства с медиатекстом) предназначена для выявления когнитивного и рефлексивного компонентов психологической медиакомпетентности и представлена: а) вопросами, выявляющими понимание родителями влияния мультфильма на эмоциональное состояние и поведение ребёнка; б) заданием, предполагающим написание письма главному герою мультфильма от лица своего ребёнка, что предполагало исследование практического компонента (умение критически анализировать медиатекст и обсуждать его с ребёнком). В качестве стимульного материала использовался мультфильм «Веселозавр Рекс» (студия *Pixar*, 2012). Выбор мультфильма был обусловлен, с одной стороны, интересом к нему детей, а с другой – наличием конструктов, позволяющих выявить понимание родителями факторов, влияющих на ребёнка. Данные факторы были определены с опорой на психотехническую матрицу медийного воздействия [33]. Для вопроса о влиянии мультфильма на поведение ребёнка были предложены следующие факторы: действия персонажей, слова героев и отношения между персонажами; на эмоциональное состояние – музыкальное сопровождение, цветовая гамма, быстрая смена кадров, очень высокий или низкий тембр голоса, внешний вид и интонации персонажей. Данные вопросы направлены на выявление когнитивного компонента психологической медиакомпетентности: знания родителей о способах влияния медиатекстов на психику ребёнка и о возрастных особенностях восприятия медиа детьми младшего школьного возраста.

Анализ писем позволил: а) выявить, насколько развит навык критического восприятия информации (практический компонент), б) оценить рефлексивный компонент психологической медиакомпетентности родителей, поскольку в письме родители высказывали своё мнение по поводу поведения героев мультфильма и их воздействия на изменение ребёнка. Оценка писем осуществлялась по наличию в тексте нарративов: сочувствие герою (принятие его чувств, объяснение мотивов его действий), оценка поведения главного героя (положительная или отрицательная), альтернативные модели поведения.

В целом оценка результатов по данной методике осуществлялась по количеству выборов родителями конструктивного или деструктивного способов реагирования на действия или поведение ребенка в медиапространстве и на основе качественного анализа выбранных способов реагирования и предложенных ситуаций и заданий после просмотра мультфильма. Конструктивным вариантом реакции на поведение или действия ребёнка в медиапространстве является комплекс мер, называемый родительской медиацией. В родительскую медиацию входят как разрешающие, так и ограничительные стратегии [2]. В данном случае конструктивным являлось организовать доброжелательную просветительскую беседу, подобрать безопасные медиатексты, удовлетворяющие интересам ребёнка, а также ограничить взаимодействие ребёнка с небезопасными медиатекстами, возможно, путём переключения внимания ребёнка на другие интересующие его виды деятельности. Неконструктивными вариантами реакции были тотальный запрет, категоричное осуждение и контроль за действиями ребёнка в медиапространстве, поскольку данные модели поведения родителей не решают проблемы присутствия интереса у ребёнка к небезопасному

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

медиатексту; попустительское отношение, поскольку оно означает снятие ответственности с родителя за безопасность ребёнка в информационном пространстве.

На втором этапе ответы родителей на вопросы, позволяющие оценить умение родителей выступать в роли медиаторов взаимодействия детей с медиапространством и выявляющие понимание психологических особенностей мультфильма, сопоставлялись с экспертной оценкой медиатекста. В качестве экспертов выступили магистранты направления *Психолого-педагогическое образование* (2 курс), освоившие дисциплину *Психологическая безопасность детей в медиапространстве* (n=14), и преподаватели, имеющие опыт анализа медиапродуктов и / или являющиеся сертифицированными экспертами Роскомнадзора, компетентные в сфере обеспечения психологической безопасности детей в медиапространстве (n=7). Им предлагалось выбрать вариант реагирования в предложенных ситуациях, просмотреть мультфильм «Веселозавр Рекс» и выполнить то же задание, которое выполняли родители. При сравнении показателей использовался статистический U-критерий Манна-Уитни, позволяющий выявить достоверность различий признака в ответах экспертов и испытуемых.

В процессе исследования осуществлялось уточнение формулировок ситуаций и вариантов реагирования. Представленные ситуации для родителей чётко сформулированы, реальны, соответствуют возрастным особенностям их детей (младший школьный возраст), взаимосогласованы, каждая из них характеризует поведение, речевые высказывания, эмоциональную оценку (с представлением и конструктивных и деструктивных вариантов) в отношении компьютерных игр, социальных сетей, мультфильмов, новостных телепередач, рекламы, музыки (на каждый элемент медиапространства в методике приведено не менее двух ситуаций). Предлагаемая процедура соответствует цели исследования и структуре психологической медиакомпетентности родителей.

В исследовании принимали участие родители младших школьников (n=49, из них 49 – женщины), посещающих центр скорочтения «Академия памяти» г. Иркутска. Все они имеют высшее профессиональное образование, 88 % родителей состоят в браке, возраст 40 % родителей – более 40 лет (43±2), средний возраст 60 % родителей – 36 лет (±3). Исследование проводилось со всеми родителями одновременно, инструкция по выполнению была единой; родители принимали участие в исследовании добровольно и с интересом. Опыта анализа воздействия медиа на ребёнка ранее участвующие в исследовании родители не имели. Выборка характеризуется однородностью по полу, уровню образования, все родители принадлежат к одной возрастной группе и имеют детей младшего школьного возраста.

Результаты исследования

Исследование компонентов психологической медиакомпетентности родителей показало, что 64 % родителей в целом выбирают конструктивные варианты поведения в ситуациях, описывающих поведение и действия младшего школьника в медиапространстве (практический компонент). Вместе с тем анализ способов реагирования родителей на действия и поведение детей по отношению к конкретному виду медиа показал, что чаще всего конструктивные варианты реагирования используются в ситуациях, связанных с поиском ребёнком информации в сети Интернет и с просмотром деструктивных видеороликов. Менее всего конструктивные варианты демонстрируют родители в ситуациях, связанных с длительностью просмотра ребёнком мультипликационных сериалов, увлечением компьютерными играми и частным использованием социальных сетей: родители склонны запрещать или ограничивать данную деятельность. По отношению к другим объектам медиапространства (реклама игр / игрушек, современные песни, новостные сюжеты) родители склонны выбирать в равной степени как конструктивные, так и деструктивные способы реагирования на поведение детей.

Полученные данные обнаруживают наиболее сложные с точки зрения родителей ситуации, связанные с использованием их детьми медиасредств. В этих случаях родители склонны запрещать или ограничивать активность ребёнка в социальных сетях, запрещать или ограничивать время просмотра мультфильмов и компьютерных игр, т. е. демонстрируют неконструктивный способ регулирования медиаактивности ребёнка. Выбор способов реагирования на поведение и действия младшего школьника в медиапространстве как правило обусловлен личным опытом родителей: сталкивались с подобными ситуациями, имели возможность оценить действия и эмоциональное состояние ребёнка при разных вариантах реагирования, выбирали наиболее действенные по отношению к ребёнку способы реагирования.

Анализ писем, написанных родителями от лица своего ребёнка и адресованных герою мультфильма, позволяет выявить практический и рефлексивный компоненты психологической медиакомпетентности родителей: понимание взрослыми особенностей восприятия ребёнком медийных героев и их поступков, характер оказываемого на детей влияния. Сопоставление содержательных доминант (сочувствие герою, принятие героя и его чувств, объяснение мотивов его действий – отрицательная оценка поведения

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

главного героя – описание альтернативных моделей поведения) писем главному герою мультфильма от лица ребёнка, написанных экспертами и родителями, выявило достоверные различия (различия уровня признака значимы по U-критерию Манна-Уитни при $p<0,05$).

Родители в письмах от лица своего ребёнка гораздо реже (в отличие от экспертов) давали отрицательную оценку герою, описывали альтернативные модели поведения – в 37 % случаев. Кроме того, в письмах родителей в большей мере отрицательная оценка была направлена на действия главного героя в ванной комнате, в письмах экспертов акцент определённо был сделан на то, что Веселозавр Рекс не сумел выбрать себе друзей – окружение, которое провоцировало его на такое поведение. Это свидетельствует о том, что родители обращают внимание на следствие, а не на первоначальную причину, вызывающую такое поведение. Поскольку письма были написаны родителями от лица их детей (как бы ребенок написал письмо в их представлении, т.е. как их ребёнок мыслит), можно предположить, что, во-первых, именно такие ценности, модели поведения и мысли они осознанно или бессознательно транслируют своим детям, и во-вторых, в письмах недостаточно проявляется рефлексивный компонент психологической медиакомпетентности (письма родителей не содержали элементов анализа возможных внутренних изменений после просмотра мультфильма).

Далее родителям предлагалось выбрать из предложенных в методике факторы, влияющие, по их мнению, на поведение и эмоциональное состояние ребёнка после просмотра этого мультфильма, что позволило выявить характеристики когнитивного компонента. Оценка родителями факторов, в целом влияющих на ребёнка, показала, что большинство родителей (72 %) считают, что мультфильм «Веселозавр Рекс» можно смотреть с 6 лет и ранее. Эксперты в этом отношении единогласно отмечают, что данный мультфильм можно смотреть детям, достигшим 12-летнего возраста (или вообще не смотреть). Следует отметить, что родители основываются на поверхностном восприятии медиатекста: сюжет и режим презентации предназначены для детей дошкольного или младшего школьного возрастов, однако форма представления мультфильма является деструктивной по отношению к нарратору, поскольку превышены ресурсы сознания ребёнка (быстрая смена кадров) и используется форс-мажорный режим презентации. Кроме того, происходит эмоциональное давление на ребёнка через аффектогенные фигуры. Транслируются деструктивные модели поведения через идентификацию ребёнка с главным героем.

При оценке факторов, влияющих на поведение (слова героев, отношения между персонажами и их действия) и эмоциональное состояние (музыкальное сопровождение, цветовая гамма, быстрая смена кадров, внешний вид персонажа, интонация, тембр голоса) после просмотра мультфильма, родители выбирали каждый из предложенных вариантов реже, чем эксперты (в среднем на 31 %). По U-критерию Манна-Уитни различия уровня признака в рассматриваемых группах значимы ($p<0,05$). Наиболее смещённой относительно экспертной оценки оказалось мнение родителей по поводу влияния слов персонажей и отношений между героями на поведение ребёнка, а также влияния очень высокого или низкого тембра голоса или быстрой смены кадров на эмоциональное состояние ребёнка. Это может быть связано с тем, что прямое воздействие (действия персонажей) родители могут оценить с точки зрения влияния на поведение их ребёнка, а слова персонажей или отношения между ними оказывают косвенное влияние. Среди факторов, выбранных родителями, влияющими на эмоциональное состояние, оказались «музыкальное сопровождение» и «цветовая гамма» как более понятные им.

Анализ полученных результатов позволяет говорить о том, что родители недооценивают влияние медиатекстов на детей, не всегда могут критически оценить предлагаемый медиатекст и передать данную информацию своему ребёнку. Кроме того, родители не в полной мере осознают, через какие каналы происходит влияние на поведение и эмоциональное состояние ребёнка. Однако в 64 % случаев взаимодействия детей с медиапространством поступают конструктивно. Следовательно, несмотря на недостаток необходимых знаний (характеристика когнитивного компонента) и недостаточную степень понимания внутренних изменений после взаимодействия с медиатекстом (характеристика рефлексивного компонента), действия родителей во многом конструктивны (характеристика практического компонента). Это может быть объяснимо тем, что в основе практического компонента психологической медиакомпетентности родителей лежат не знания, а опыт, накопленный ими в течение жизни посредством интериоризации моделей воспитания и поведения их родителей, изучения литературы по воспитанию детей, проб и ошибок и т.п.

В ходе опроса, проведённого после выполнения заданий, родители отмечали отсутствие у них знаний о влиянии медиапространства на ребёнка, неумение выстраивать конструктивное взаимодействие при увлечённости детьми компьютерными играми, социальными сетями, мультфильмами, рекламой и др. видами медиа. Поэтому результаты исследования могут стать основой для создания развивающей программы по повышению психологической медиакомпетентности родителей.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

Заключение

Результаты исследования конкретизируют представления о психологической медиакомпетентности. При определении содержания и исследовательского инструментария мы исходили из того, что психологическая медиакомпетентность родителя представляет собой способность осуществлять психологический анализ различных медиапродуктов с целью определения особенностей их психологического воздействия на поведение и эмоциональное состояние ребёнка. На основе представлений о психологической медиакомпетентности как мезоуровневом образовании, отличающимся сложнокомпонентным составом, нами разработана и апробирована методика исследования, позволяющая выявить характеристики когнитивного, рефлексивного и практического компонентов психологической медиакомпетентности у родителей младших школьников. В ходе исследования выявлены характеристики компонентов психологической медиакомпетентности младших школьников. Было обнаружено, что когнитивный компонент характеризуется: а) неполным пониманием факторов, оказывающих влияние на поведение и эмоциональное состояние ребёнка: родителями недооценивается влияние слов персонажей и отношений между ними на поведение, а также влияние тембра голоса и внешнего вида героев на эмоциональное состояние ребёнка; б) непониманием каналов влияния информации на ребёнка через медиатексты; в) трудностями в определении возраста, с которого рекомендуется смотреть мультфильмы, и времени, которое ребёнок может проводить перед экраном монитора / телевизора. Для рефлексивного компонента характерно только осмысление собственного уровня психологической медиакомпетентности; осознание изменений, которые происходят в результате восприятия медиатекста и работы с ним, не прослеживается.

Практический компонент характеризуется: а) конструктивными способами реагирования родителей в ситуациях, связанных с поиском информации в сети Интернет и просмотром видеороликов и деструктивными – в отношении компьютерных игр, социальных сетей, мультфильмов; б) трудностями в содержательном обсуждении медиатекстов с детьми. Полагаем, что в основе практического компонента лежит больше субъективное отношение родителей к конкретному виду медиа, личный опыт по взаимодействию с медиа и опыт, перенесённый ими из своей семьи, чем знания о медиапространстве и необходимые умения для организации безопасного взаимодействия детей с медиатекстом.

Выявленные характеристики компонентов психологической медиакомпетентности у родителей младших школьников можно объяснить, во-первых, недостаточным вниманием общества и педагогической общественности к развитию психологической культуры взрослых и, в частности, развитию психологической медиакомепетентности у родителей, во-вторых, расширением медиапространства и увеличением роли медиа в современном мире.

Предложенная методика исследования может быть использована для организации работы с родителями по изучению и развитию у них психологической медиакомпетентности с целью обеспечения безопасного поведения детей в медиапространстве, а полученные результаты могут стать основой для создания развивающей программы по повышению психологической медиакомпетентности у родителей.

Настоящее исследование не претендует на завершённость. Перспективным представляется стандартизация описанной методики исследования психологической медиакомпетентности родителей. Поскольку психологическая медиакомпетентность является метауровневым образованием, возможна её модификация для исследования психологической медиакомпетентности других социальных и профессиональных групп. Кроме того, необходимым представляется описание и исследование уровней психологической медиакомпетентности, соотношение компонентов в её структуре.

Литература

1. Жилавская И. В. Классификация медиа. Проблемы, понятия, критерии // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 169–175.
2. Смирнова Е. О., Абдулаева Е. А., Кремлева А. Ю. Игры и игрушки вашего ребёнка. М.: Русское слово, 2016. 112 с.
3. Полезный и безопасный интернет. Правила безопасного использования интернета для детей младшего школьного возраста / под ред. Г. У. Солдатовой, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Федеральный институт развития образования, 2017. 64 с.
4. Кантор А. Р. Медиаответственность родителей и учителей как фактор формирования системы медиабезопасности подрастающего поколения // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21. С. 266–269.
5. Абдурахманов Р. А. Психологическая культура как актуальная проблема современной школы // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХИГС. Серия: Политология и социология. 2015. № 2. С. 35–39.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

6. Исаева Н. И., Овсяникова Е. А. Характеристики психологической культуры родителей с разными моделями взаимодействия с детьми // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 20. С. 280–289.
7. Linder J. R., Werner N. E. Relationally Aggressive Media Exposure and Children's Normative Beliefs: Does Parental Mediation Matter? // Family Relations. 2012. Vol. 61. Iss. 3. P. 488–500.
8. Navarro R., Serna C., Martínez V., Ruiz-Oliva R. The Role of Internet Use and Parental Mediation on Cyberbullying Victimization among Spanish Children from Rural Public Schools // European Journal of Psychology of Education. 2013. Vol. 28. Iss. 3. P. 725–745. DOI: https://doi.org/10.1007/s10212-012-0137-2
9. Дубровина И. В. Психологическая культура родителей как участников образовательного процесса // Гуманизация образования. 2014. № 1. С. 6–15.
10. Gentile D. A., Nathanson A. I., Rasmussen E. E., Reimer R. A., Walsh D. A. Do You See What I See? Parent and Child Reports of Parental Monitoring of Media // Family Relations. 2012. Vol. 61. Iss. 3. P. 470–487.
11. Padilla-Walker L. M., Coyne S. M., Fraser A. M. Getting a High-Speed Family Connection: Associations Between Family Media Use and Family Connection // Family Relations. 2012. Vol. 61. Iss. 3. P. 426–440. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2012.00710.x
12. Robertson L. A., McAnally H. M., Hancox R. J. Childhood and Adolescent Television Viewing and Antisocial Behavior in Early Adulthood // Pediatrics. 2013. Vol. 131. Iss. 3. P. 439–446. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2012-1582
13. Бабаева Т. Б. Медиакомпетентность в области рекламы: эстетические аспекты // Медиаобразование и медиакомпетентность: слово экспертам / под ред. А. В. Федорова. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. педаг. ин-та, 2009. С. 5–9.
14. Короченский А. П. Медиакритика и система медиаобразования // Медиаобразование и медиакомпетентность: слово экспертам / под ред. А. В. Федорова. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. педаг. ин-та, 2009. С. 58–70.
15. Молчанова Т. В. Состояние проблемы формирования медиакомпетентности студентов технического вуза в теории и практике профессионального образования // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 5. С. 255–259.
16. Мурюкина Е. В., Челышева И. В. Развитие критического мышления студентов педагогического вуза в рамках специализации «Медиаобразование». Таганрог: Кучма, 2007. 162 с.
17. Челышева И. В., Мурюкина Е. В., Рыжих Н. П. Научно-образовательный центр «Медиаобразование и медиакомпетентность»: подготовка будущих педагогов / под ред. И. В. Челышевой. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. педаг. ин-та, 2010. 232 с.
18. Хлызова Н. Ю. Интегрированный подход в процессе формирования медиакомпетентности вторичной языковой личности // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 2. С. 152–155.
19. Федоров А. В. Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям // Инновации в образовании. 2007. № 10. С. 75–108.
20. Аболина Н. С., Остапчук Н. В. Психологическая компетентность личности: содержание, уровни и механизмы развития. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2011. 229 с.
21. Семикин В. В. Психологическая культура в образовании человека. СПб.: Союз, 2002. 155 с.
22. Смирнова Е. О., Быкова М. В. Опыт исследования структуры и динамики детско-родительских отношений // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 3–14.
23. Суворова О. В., Пец О. И. Специфика структуры психологической компетентности родителей младших школьников // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6. С. 241–243.
24. Мулдашев Р. М. Сущность личностного компонента медиакомпетентности студентов педагогических специальностей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 71–76.
25. Жижина М. В. Психологический контекст цифровых медиа: к расширению содержания базовых категорий медиапсихологии // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 221–222.
26. Potter W. J. Media Literacy. Thousand Oaks. L.:Sage Publication. 2001. 423 p.
27. Кыштымова И. М., Скорова Л. В. Психологическая медиакомпетентность: метауровневая модель // Известия Иркутского Государственного Университета. Серия: Психология. 2018. № 23. С. 77–87.
28. Kyshtymova I. M., Skorova L. V., Medvedeva T. A. Development of Psychological Media Competence // Media Education (Mediaobrazovanie). 2018. № 58(4). С. 95–108.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

29. Дубровина И. В. Психологическая культура личности как феномен // Вестник Мининского университета. 2013. № 1. С. 2–15.
30. Егорова Т. Е. Основы построения методологии становления психологической культуры человека // Вестник Нижегородского института управления. 2015. № 2. С. 39–45.
31. Родина И. П. Структурно-содержательные и уровневые характеристики психологической культуры личности // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3. С. 224–228.
32. Валиева Т. В. Методы исследования индивидуальной психологической культуры // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 68–72.
33. Пронина Е. Е. Психологическая экспертиза рекламы. Теория и методика психотехнического анализа рекламы. М.: РИП-холдинг, 2000. 95 с.

Psychological Media Competence of Parents of Primary School Children

Larisa V. Skorova [a, @]; Ekaterina V. Chernikova [a]

[a] Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003

[@] larisa.skorova@gmail.com

[ID] https://orcid.org/0000-0002-7849-8625

Received 30.01.2019. Accepted 28.02.2019.

Abstract. The paper features sychological media competence of parents on the basis of ideas about psychological media competence as a meso-level phenomenon, differing complex composition. The psychological media competence of parents is considered in the structure of their psychological competence, including cognitive, practical, and reflexive components. The cognitive component includes knowledge that allows one to take part in the media communication and analyze the influence of media texts on the psyche of children. The reflexive component is the awareness of internal changes after interacting with media. The practical component is represented by the ability to realize competence in interaction with children. The procedure for diagnosing these components was developed based on the research method of "Psychological media competence of parents of primary school pupils". The first part was represented by situations describing behavior and actions of primary school pupils in media sphere and identifying how parents react to them. The second part included watching an animated film, answering questions that reveal how parents understood the effect of the cartoon on children's emotional state and behavior, and writing a letter to the main character of the cartoon on behalf of their children. The analysis of the psychological media competence study involved a method of expert assessments. The results indicate a certain use of constructive ways of reaction to situations, which are related to information search via internet and watching destructive video. The parents proved to underestimate effect of various media on children and demonstrated problems in assessing and meaningful discussion of the media texts with children.

Keywords: psychological competence, research method, destructive information, psychological security, psychological culture

For citation: Skorova L. V., Chernikova E. V. Psychological Media Competence of Parents of Primary School Pupils. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 141–151. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-141–151

References

1. Zhilavskaya I. V. Classification of media. Issues, definitions and criteria. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2016, 2(4): 169–175. (In Russ.)
2. Smirnova E. O., Abdulaeva E. A., Kremleva A. Iu. *Games and toys for your child*. Moscow: Russkoe slovo, 2016, 112. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

3. *Useful and secure internet. Rules for safe use of the Internet for children of primary school age*, ed. Soldatova G. U. 3rd ed. Moscow: Federalnyi institut razvitiia obrazovaniia, 2017, 64. (In Russ.)
4. Kantor A. R. Parents and teachers media responsibility as a factor of forming media safety of the rising generation. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (21): 266–269. (In Russ.)
5. Abdurakhmanov R. A. Psychological culture as an actual problem of modern school. *Nauchnyi vestnik Volgogradskogo filiala RANKhIGS. Seriia: Politologiia i sotsiologiia*, 2015, (2): 35–39. (In Russ.)
6. Isaeva N. I., Ovsianikova E. A. Characteristics of the psychological culture of parents with different models of interaction with children. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences,* 2013, (20): 280–289. (In Russ.)
7. Linder J. R., Werner N. E. Relationally Aggressive Media Exposure and Children's Normative Beliefs: Does Parental Mediation Matter? *Family Relations*, 2012, 61(3): 488–500.
8. Navarro R., Serna C., Martínez V., Ruiz-Oliva R. The Role of Internet Use and Parental Mediation on Cyberbullying Victimization among Spanish Children from Rural Public Schools. *European Journal of Psychology of Education*, 2013, 28(3): 725–745. DOI: https://doi.org/10.1007/s10212-012-0137-2
9. Dubrovina I. V. Psychological culture of parents as participants in the educational process. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2014, (1): 6–15. (In Russ.)
10. Gentile D. A., Nathanson A. I., Rasmussen E. E., Reimer R. A., Walsh D. A. Do You See What I See? Parent and Child Reports of Parental Monitoring of Media. *Family Relations*, 2012, 61(3): 470–487.
11. Padilla-Walker L. M., Coyne S. M., Fraser A. M. Getting a High-Speed Family Connection: Associations Between Family Media Use and Family Connection. *Family Relations*, 2012, 61(3): 426–440. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1741-3729.2012.00710.x
12. Robertson L. A., McAnally H. M., Hancox R. J. Childhood and Adolescent Television Viewing and Antisocial Behavior in Early Adulthood. *Pediatrics*, 2013, 131(3): 439–446. DOI: https://doi.org/10.1542/peds.2012-1582
13. Babaeva T. B. Media competence in advertising: aesthetic aspects. *Media education and media competence: a word to experts*, ed. Fedorov A. V. Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. pedag. in-ta, 2009, 5–9. (In Russ.)
14. Korochenskii A. P. Media Criticism and Media Education System. *Media education and media competence: a word to experts*, ed. Fedorov A. V. Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. pedag. in-ta, 2009, 58–70. (In Russ.)
15. Molchanova T. V. State of the problem of students' media competence formation in a technical university in theory and practice of professional education. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2014, (5): 255–259. (In Russ.)
16. Muriukina E. V., Chelysheva I. V. *Development of critical thinking of students of a pedagogical university in the framework of the specialization "Media Education"*. Taganrog: Kuchma, 2007, 162. (In Russ.)
17. Chelysheva I. V., Muriukina E. V., Ryzhikh N. P. *Research and Education Center "Media Education and Media Competence": training future teachers.* Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. pedag. in-ta, 2010, 232. (In Russ.)
18. Khlyzova N. Yu. Integrated approach to form media competence of the secondary language personality. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*, 2015, (2): 152–155. (In Russ.)
19. Fedorov A. V. Media competence of a person: from terminology to indicators. *Innovatsii v obrazovanii*, 2007, (10): 75–108. (In Russ.)
20. Abolina N. S., Ostapchuk N. V. *Psychological competence of the individual: the content, levels and mechanisms of development*. Ekaterinburg: Izd-vo RGPPU, 2011, 229. (In Russ.)
21. Semikin V. V. *Psychological culture in human education*. Saint-Petersburg: Soiuz, 2002, 155. (In Russ.)
22. Smirnova E. O., Bykova M. V. Experience in the study of the structure and dynamics of parent-child relationships. *Voprosy psichologii*, 2000, (3): 3–14. (In Russ.)
23. Suvorova O. V., Pets O. I. Specific structure of psychological competence of the parents of younger students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2014, (6): 241–243. (In Russ.)
24. Muldashev R. M. The essence of the personal component of media competence of students of pedagogical specialties. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (2): 71–76. (In Russ.)
25. Zhizhina M. V. Psychological context of digital media: to extension of basic media psychology categories. *Vek informatsii,* 2018, 1(2): 221–222. (In Russ.)
26. Potter W. J. *Media Literacy. Thousand Oaks.* L.:Sage Publication, 2001, 423.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-141-151

27. Kyshtymova I. M., Skorova L. V. Psychological Media Competence: a Meta-Level Model. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2018, (23): 77–87. (In Russ.)
28. Kyshtymova I. M., Skorova L. V., Medvedeva T. A. Development of Psychological Media Competence. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2018, (58(4)): 95–108.
29. Dubrovina I. V. The psychological culture of the personality as a phenomenon. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2013, (1): 2–15. (In Russ.)
30. Egorova T. E. Basics of building a methodology for the formation of a psychological culture of man. *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniia*, 2015, (2): 39–45. (In Russ.)
31. Rodina I. P. Structural, content and level characteristics of the psychological culture of the individual. *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*, 2014, (3): 224–228. (In Russ.)
32. Valieva T. V. Methods of research of individual psychological culture. V*estnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniia i prava*, 2013, (2): 68–72. (In Russ.)
33. Pronina E. E. Psychological examination of advertising. *Theory and methods of psychotechnical analysis of advertising*. Moscow: RIP-kholding, 2000, 95. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

CC BY

оригинальная статья
УДК 159.9.075

Социально-демографические характеристики женщин, ориентированных на карьеру разного типа

Оксана П. Цариценцева [a, @]; Марианна Н. Чеховская [b]

[a] Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19

[b] Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, стр. 1

[@] tsaritsentseva.oksana@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.01.2019. Принята к печати 05.02.2019.

Аннотация: В статье анализируется феномен карьеры в современных социально-экономических условиях. Акцент в исследовании сделан на одном из структурных компонентов карьеры, а именно карьерных ориентациях личности. Раскрывается сущность термина, его роль в планировании и построении карьеры. В статье обосновывается актуальность изучения карьерных ориентаций в социально-профессиональном развитии женщин. Описание результатов эмпирического исследования построено на анализе карьерных ориентаций женщин, которые формируют склонность к карьере определенного типа в контексте их социально-демографических характеристик. Анализируются такие социально-демографические характеристики, как возраст, уровень образования, стаж работы, семейное положение, наличие детей, род занятий, сфера занятости, уровень дохода. Статья раскрывает особенности женщин, характеризующихся доминированием той или иной ведущей карьерной ориентации, а также направленностью на карьеру определенного типа: горизонтальную, вертикальную или направленность на условия. Доказано, что женщины на этапе поздней юности (18–21 год), не состоящие в браке, без детей чаще ориентированы на построение вертикальной карьеры; при построении карьеры ориентированы на конкуренцию, преодоление, решение трудных задач. На этапе ранней зрелости (22–35 лет) у женщин, имеющих детей, чаще обнаруживается ориентация на горизонтальную карьеру. Ориентация на условия в работе характерна для женщин, находящихся в разводе, и вдов. Описаны возможности использования полученных данных в практике психологического консультирования по вопросам карьеры и профориентации.

Ключевые слова: карьерные ориентации, женская карьера, тип карьеры, вертикальная карьера, горизонтальная карьера, якорь карьеры

Для цитирования: Цариценцева О. П., Чеховская М. Н. Социально-демографические характеристики женщин, ориентированных на карьеру разного типа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 152–163. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

Введение

На современном этапе развития нашего общества все более актуальными становятся вопросы планирования и построения карьеры. В условиях экономической нестабильности, реформирования современного образования и изменений на рынке труда, появления новых профессий и видов деятельности и отмирания старых для человека особенно важно сознательно планировать перспективу своего социально-профессионального развития для того, чтобы получить возможность наиболее полно реализовать свой личностный потенциал в социально-профессиональном пространстве общества [1–7]. Особенно остро вопросы планирования и реализации карьеры, на наш взгляд, стоят для женщин [8]. Во-первых, это обусловлено традициями воспитания, зачастую ориентирующими женщину на выбор профессии и карьерной стратегии, которая соответствует ее гендерной роли и поощрению таких черт, как уступчивость, терпимость, нежность, мягкость в высказываниях и пр. Во-вторых, женская карьера связана с необходимостью разрешать неизбежный ролевой конфликт *семья-работа* [9–10], а также преодолевать реальные или субъективные барьеры трудоустройства и карьерного продвижения, связанные с негативными гендерными стереотипами, отказом в продвижении со стороны руководства, недооценкой женщинами своего профессионального потенциала, боязнью успеха и пр. [11–13].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

Тем не менее мы можем констатировать рост количества профессионально- и карьерно-ориентированных женщин. Важно отметить, что женщины заняты во всех сферах общества и реализуют не только горизонтальное, но и вертикальное, и центростремительное перемещение по должностям, проектам и социально-профессиональным позициям [3; 14–17].

На сегодняшний момент проблема женской карьеры приобрела междисциплинарный статус и вышла на уровень нового концептуального осмысления, привлекая внимание все большего числа психологов (А. А. Гончарова, Е. Н. Жорникова, М. В. Сафонова, Ф. О. Семенова, С. Н. Ситдикова и др.), социологов (Л. Г. Гарипова, А. Л. Журавлев, Е. Б. Задорожникова, С. В. Митюнина, Г. В. Турецкая и др.), политологов (А. В. Гришин, В. В. Макеев, В. В. Мошненко, В. А. Рамих и др.), педагогов (О. В. Воронина, Л. Д. Зубцова, Е. В. Киселева, Е. А. Юлкина) и др.

Наиболее разрабатываемыми проблемами в психологии женской карьеры являются особенности карьеры женщин-предпринимателей (Е. К. Завьялова, О. Ш. Кричевская, С. Т. Посохова, Г. В. Турецкая, А. Е. Чирикова), женщин-менеджеров (Т. В. Бендас, Е. Г. Молл, М. Ш. Солмакова); личностные особенности карьерно-ориентированных женщин (М. В. Сафонова, Ф. О. Семенова и др.); ролевой конфликт работающих женщин (В. А. Васюнина, О. А. Гаврилица, Е. В. Трофимова); психологические стратегии выхода женщин из конфликтной ситуации *семья-работа* (Ю. Е. Алешина, Т. А. Гурко, Э. Е. Новикова).

Методы и материалы

В данной статье мы предприняли попытку описать и проанализировать социально-демографические характеристики личности женщин, ориентированных на карьеру разного типа. Изучение социально-демографических характеристик личности с разными доминирующими карьерными ориентациями может стать важным основанием для разработки направлений профориентационной помощи и карьерного тьюторинга. Кроме того, полученная информация дополнит имеющиеся исследования относительно феномена карьерных ориентаций.

Карьеру мы рассматриваем как многомерный социально-психологический феномен, связанный с целевой активностью человека и обеспечивающий ему ощущение успешной профессиональной самореализации, формирующийся на всех этапах жизненного пути человека в пространстве процессов самоопределения, самоорганизации и персонализации, а также обусловленный развитием саморефлексии [18]. Выбор карьеры предполагает неоднозначное видение одной предметной области разными людьми и подчиняется культуральной и социальной специфике конкретного общества. Очевидно, что карьера представляет собой процесс и результат реализации замыслов личности, связанных с социально-профессиональной сферой общества [19–21].

Важным структурным компонентом карьеры, направляющим и определяющим движение человека в социально-профессиональном пространстве, являются карьерные ориентации личности. Понятие *карьерная ориентация* соотносится с понятием *якорь карьеры*, который использовал Э. Г. Шейн в своих исследованиях [22; 24].

Карьерные ориентации возникают в процессе социализации, на основе и в результате научения в начальные годы развития карьеры, они устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время. Карьерные ориентации есть смысл, который человек хочет реализовать при выборе и осуществлении своей карьеры, это индивидуальное сочетание и последовательность аттитюдов, связанных с опытом и активностью в сфере работы на протяжении всей жизни. В структуре карьерной ориентации Э. Г. Шейн выделяет представление о своих способностях и талантах, представление о своих потребностях и мотивах, представление о своих отношениях и ценностях [22]. Каждый человек обладает своим собственным набором якорей, выделяя в приоритеты при этом один ориентир, задающий тон всей стратегии построения карьеры. Когда люди осведомлены о якорях, влияющих, или в данном случае «прикрепляющих» их к тому или иному карьерному пути, становится возможным осуществлять наиболее эффективный поиск значимой для них работы и реализовывать определенную карьерную стратегию с опорой на ресурсы своего карьерного потенциала. Планируя свое профессиональное будущее, намечая конкретные события – цели, планы, человек исходит, прежде всего, из определенной иерархии карьерных якорей, представленной в его сознании. Карьерные ориентации не имеют той определенности, которая присуща сформированным на должном уровне карьерным целям и планам. Благодаря этому они выполняют более гибкую регулятивную функцию. Место и значение карьерных ориентаций в карьере личности показано на рисунке.

Для диагностики иерархии карьерных ориентаций женщин мы применили реадаптированный вариант опросника Э. Г. Шейна «Карьерные ориентации» [23]. Опросник состоит из 40 утверждений, по которым нужно высказать степень своего согласия или несогласия. Обработка результатов производится с целью выявления доминирующих карьерных ориентаций у опрашиваемых.

Э. Г. Шейн выделяет восемь основных карьерных ориентаций.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

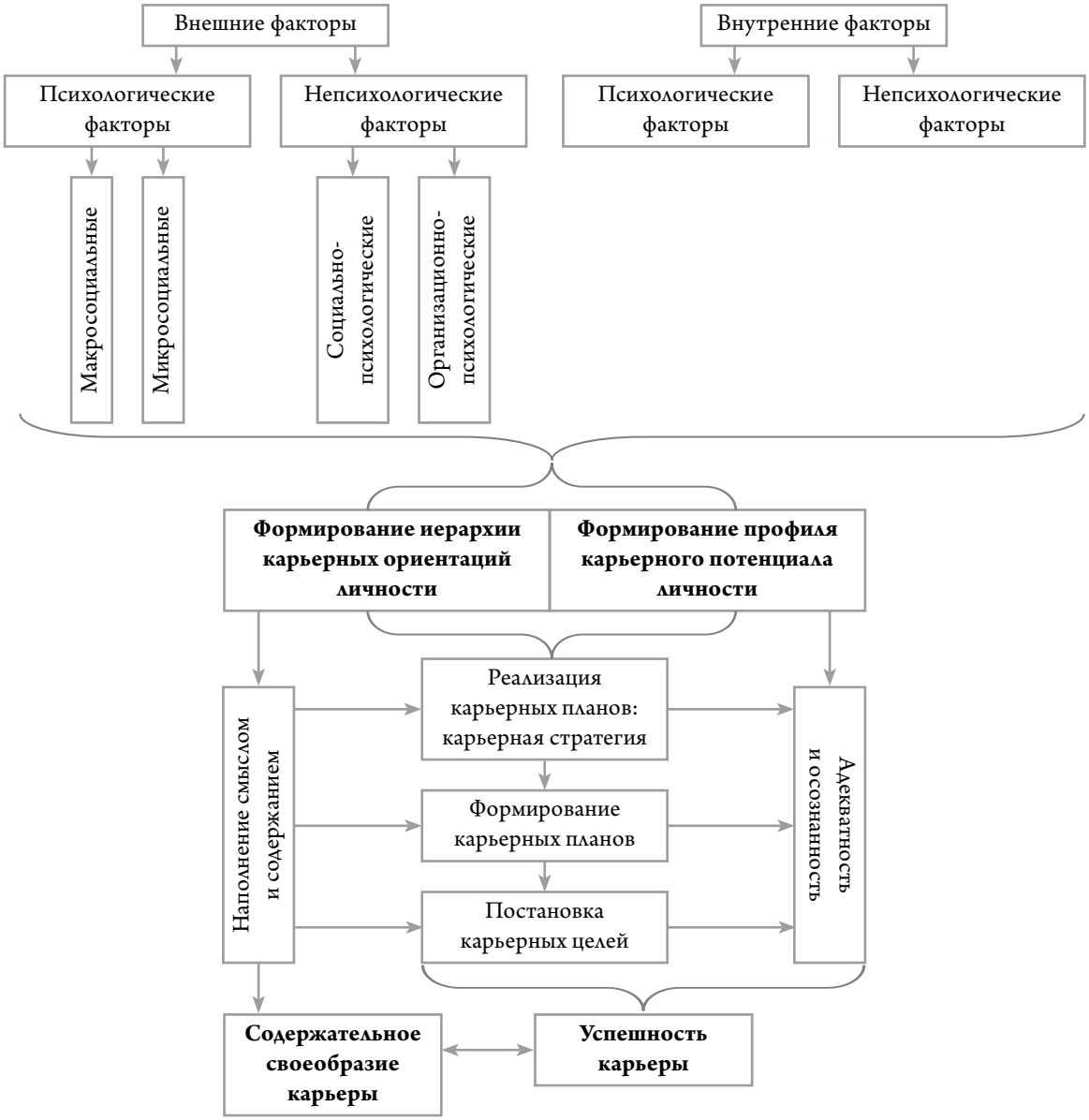


Рис. Структура карьеры специалиста
Fig. Structure of career of an expert

1. *Профессиональная компетентность.* Эта ориентация связана с наличием способностей и талантов в определенной области (научные исследования, техническое проектирование, финансовый анализ и т. д.).

2. *Менеджмент.* В данном случае первостепенное значение имеют ориентация личности на интеграцию усилий других людей, полнота ответственности за конечный результат и соединение различных функций организации.

3. *Автономия (независимость).* Первичная забота личности с такой ориентацией – освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений.

4. *Стабильность.* Эта карьерная ориентация обусловлена потребностью в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы. Различают два типа стабильности – стабильность места работы и стабильность места жительства. Стабильность места работы подразумевает поиск работы в такой организации, которая обеспечивает определенный срок службы, имеет хорошую репутацию (не увольняет рабочих), заботится о своих работниках после увольнения и платит большие пенсии, выглядит более надежной в своей отрасли. Человек второго типа, ориентированный на стабильность места жительства, связывает себя с географическим регионом, пуская корни в определенном месте, вкладывая сбережения в свой дом, и меняет работу или организацию только тогда, когда это предотвращает его срывание с места.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

5. Служение. Основными ценностями при данной ориентации являются работа с людьми, служение человечеству, помощь людям, желание сделать мир лучше и т. д.

6. *Вызов*. Основные ценности при карьерной ориентации этого типа – конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач. Человек ориентирован на то, чтобы бросать вызов.

7. *Интеграция стилей жизни.* Человек ориентирован на интеграцию различных сторон образа жизни.

8. *Предпринимательство*. Человек с такой карьерной ориентацией стремится создавать что-то новое, он хочет преодолевать препятствия, готов к риску [24].

Кроме того, опросник позволяет выявить ориентацию на определенный тип карьеры: горизонтальный, вертикальный или ориентацию на условия.

Являясь компактным, экономичным в проведении и обработке, опросник «Карьерные ориентации» может использоваться в качестве скринингового инструмента в профконсультационной практике, менеджменте, коучинге для определения приоритетного направления профессионального продвижения и карьерного развития, прогнозирования качественных характеристик профессиональной Я-концепции в процессе профессионализации [23].

В исследовании приняли участие 122 женщины в возрасте 18–65 лет – простая случайная выборка.

Результаты и обсуждение

На первом этапе мы проанализировали ориентацию женщин на тип карьеры. Данные ориентации мы назовем целеобразующими в карьере. Известны и наиболее распространены следующие траектории движения личности в социально-профессиональном пространстве общества: вертикальная, предполагающая должностной рост; горизонтальная, связанная с профессиональным ростом; ориентация на условия, которая связана с внешними факторами карьеры, а не с внутренними. В случае с карьерной ориентацией на условия речь идет не о должностном и профессиональном росте, основной заботой такого работника является комфортное пребывание на рабочем месте, дающее гарантии, определенность и стабильность.

Результаты показали, что женщины чаще всего ориентированы на горизонтальную карьеру (44 % от общей выборки). Подобная карьера предполагает рост уровня мастерства, увеличение компетенций и повышение компетентности в решении профессиональных задач. Специалист, ориентированный на горизонтальную карьеру, стремится к получению специализированных и уникальных умений, которыми обладает небольшое количество людей, обозначенные тенденции делают специалиста весьма ценным и порой незаменимым в своей организации. Продвижение по горизонтали связано со сменой обязанностей, заработной платы, расширением функционала, но положение в структуре, как правило, остается прежним. В данном случае понятие непосредственно карьерной лестницы не совсем применимо. Пример горизонтального движения – это повышение в разрядах, научных степенях и пр.

На втором месте по частоте встречаемости располагаются ориентация на условия и отсутствие ориентации на карьеру (по 21 % от общей выборки). Ориентация на условия предполагает стремление специалиста к стабильности, определенности, гарантиям, комфорту, благоприятному климату в организации и пр. – перечисленные бонусы, безусловно, обеспечивают женщине уверенность в будущем. Объяснить полученный результат, на наш взгляд, можно тем, что для женщины успех отождествляется с ситуацией, когда присутствует гармония всех сторон жизни: семья, работа, досуг, здоровье [15]. Данная гармония возможна в том числе благодаря такой карьере, которая гарантирует блага, не слишком влияя на другие сферы. Отсутствие ориентированности на построение карьеры у женщин зачастую связано с тем, что у женщины, которая социализируется традиционными путями, формируются феминные жизненные ориентации и личностные качества, направляющие женщину на реализацию в семейной сфере, воспитании детей и пр. [13]. Тем более что замужняя женщина сталкивается еще и с особенностями структуры супружеской семьи, которую, несмотря на все трансформации, можно по-прежнему охарактеризовать как умеренно патриархальную. При такой структуре отношение мужа к работающей и карьерно-ориентированной жене, скорее всего, будет нейтральным, а в некоторых случаях и отрицательным. Таким образом, отказ женщины от карьеры может быть связан со страхом утратить свою женственность и не справиться с реализацией своих основных функций в семье. Женщины чаще, чем мужчины, пассивны в планировании деловой карьеры [10].

Ориентация на вертикальную карьеру выражена лишь у 14 % женщин в нашей выборке. Вертикальная карьера связана с перемещением специалиста в организационной иерархии. Именно с этим направлением зачастую и ассоциируют понятие карьеры. Ориентация на вертикальную карьеру предполагает должностной рост, повышение уровня заработной платы, рост ответственности зачастую связаны с выполнением управленческих функций (начальник отдела, руководитель проекта и пр.).

Анализируя содержание доминирующих карьерных якорей в индивидуальной иерархии карьерных ориентаций

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

женщин, можно отметить относительно равномерное распределение выборов.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на участие в нашем исследовании женщин разного возраста с разным стажем работы, наиболее обширной стала подгруппа, в которой доминирующий якорь не выражен (48 %). В данной подгруппе мы не смогли выделить ту карьерную ориентацию, которая бы значимо отличалась от других, чаще всего несколько карьерных ориентаций являлись рядоположенными. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что вопросы планирования карьеры, ее осознанного построения и реализации в большинстве случаев не являются первостепенными для специалистов в целом и для женщин в частности. Планирование и реализация карьеры осуществляются в основном стихийно или на основе внешнего контроля, что уводит специалиста от поиска индивидуальных, личностных смыслов карьеры.

Следующими предпочитаемыми якорями стали *Интеграция стилей жизни* и *Служение* (по 11 % от общей выборки). Стремление к интеграции стилей жизни проявляется в том, что женщины стремятся к сбалансированности индивидуальных потребностей, интересов семьи и профессионального продвижения, не желая чрезмерного превалирования в одном из направлений. Близка по содержанию и ориентация женщин на служение, которая предполагает преданность делу, ориентацию на гуманистические ценности (стремление сделать мир лучше, помогать людям). Обозначенные карьерные ориентации несомненно сочетаются с традиционной феминной ролью в обществе. На третьем месте располагаются такие карьерные ориентации, как *Вызов* и *Профессиональная компетентность* (по 10 % от общей выборки). *Профессиональная компетентность* связана с ориентацией на содержание профессиональной деятельности, наличие способностей и талантов в определенной области, стремление стать мастером своего дела. *Вызов* – это та карьерная ориентация, содержание которой не совсем типично для традиционной феминной роли. Тем не менее она была нами зафиксирована, и в дальнейшем мы проанализируем социально-демографические характеристики тех женщин, у которых данный якорь стал наиболее выраженным. Здесь мы можем предположить, что в процессе социализации сформировались маскулинные черты, такие как склонность к риску, напористость, амбициозность и пр. Отметим, что *Вызов* связан с тем, что профессиональные задачи рассматриваются с точки зрения выигрыша или проигрыша. Для специалистов с подобной карьерной ориентацией важно доказать и продемонстрировать свою профессиональную компетентность и квалификацию в решении сложных профессиональных задач.

Незначительный процент женщин (7 %) ориентированы в карьере на стабильность места жительства, что предполагает приоритет должностей, рабочих мест, не связанных с командировками и переездами. Данная ориентация вполне соотносится с традиционной ролью женщины и матери в российском обществе. И еще одна карьерная ориентация, которую мы обнаружили у 3 % женщин – организаторская компетентность. Именно эти женщины ориентированы на должностной рост и стремятся управлять другими людьми, организацией в целом. Можно предположить, что у этих женщин социализация шла по маскулинному типу, формируя черты личности, приписываемые традиционной мужской половой роли в обществе и предполагающей стремление к лидерству, руководству, доминированию. Показательным для женщин является и тот факт, что такие карьерные ориентации, как автономия, предполагающая стремление к независимости; предпринимательская креативность, связанная с ориентацией на свое дело, не встретились ни у одной женщины, участвовавшей в нашем исследовании.

Нашу выборку мы разделили по целеобразующим карьерным ориентациям: вертикальная, горизонтальная, ориентация на условия. Четвертая группа – это группа женщин, которые по полученным нами данным не ориентированы на карьеру. Каждую из групп мы описали по следующим социально-демографическим характеристикам: возраст, уровень образования, семейное положение, наличие и количество детей, сфера труда, род занятий, общий стаж работы, уровень ежемесячного дохода (таблица). За 100 % мы принимали подвыборку женщин, ориентированных на карьеру определенного типа, для каждой анализируемой нами социально-демографической характеристики мы рассчитывали процент от соответствующей группы.

Ориентация на вертикальную карьеру

76 % женщин, ориентированных на вертикальную карьеру, – это женщины в возрасте 18–21 год. Вероятно, это возрастной период, который не связан с замужеством, деторождением, а связан с получением профессионального образования и наработкой компетентности в выбранной области. На последующих возрастных этапах ориентация на вертикальную карьеру обнаруживается лишь у 26 %.

Образование у женщин, стремящихся к вертикальному восхождению, преимущественно высшее – 50 % от всей подвыборки. Среднее и средне-профессиональное образование встречается у 25 % женщин и в первом,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

и во втором случае. Наличие среднего и средне-профессионального образования в данном случае обусловлено не отсутствием ориентации на повышение своего образовательного уровня, а возрастом опрашиваемых женщин с преобладанием данной ориентации.

Семейное положение этих женщин, соответственно, не замужем – 90 % и без детей – 75 % опрошенных с выраженной вертикальной ориентацией. По роду занятий эти женщины студенты – 61 %, специалисты, госслужащие и квалифицированные работники – по 13 % в каждой обозначенной категории.

Среди женщин, ориентированных на вертикальную карьеру, преобладают женщины (51 %), которые свою карьеру рассматривают как вызов. Такие женщины выбирают для себя сложные профессиональные задачи, стремятся к конкуренции, разными способами пытаясь продемонстрировать свое превосходство.

Таким образом, преобладание вертикальной карьерной ориентации мы обнаружили среди женщин юношеского возраста, которые еще не создали семью, занимаются получением образования с уровнем ежемесячного дохода до 12 тыс. руб. (описание дано по преобладающей тенденции). При построении карьеры стремятся к решению сложных профессиональных задач, что позволит доказать свое превосходство. Женщины с преобладанием этой карьерной ориентации отличаются экстраверсией [23]. Они характеризуются эмоциональной устойчивостью, широкими интересами, обращенностью к новым идеям, эмоциям и нетрадиционным ценностям; целостным восприятием действительности и предпочтением интуиции в качестве способа обработки информации; при взаимодействии с внешним миром опираются на сбор информации, что позволяет им действовать гибко и адаптивно, ориентируясь на процесс, а не на результат.

Таблица. Социально-демографические характеристики женщин с разными карьерными ориентациями, %
Table. Social and demographic characteristics of women with different career orientations, %

Критерий анализа	Ориентация на определенный тип карьеры			
	Вертикальная	Горизонтальная	Условия	Не выражена
Возраст				
18–21 лет	76	4	38	28
22–35 лет	12	52	38	22
36–60 лет	12	30	24	36
Старше 60 лет	0	14	0	14
Уровень образования				
Среднее	25	7	15	8
Средне-специальное	25	7	23	16
Высшее	50	67	39	46
Два и более высших образований	0	12	23	22
Наличие ученой степени	0	7	0	8
Семейное положение				
Не замужем	90	15	46	31
Замужем	10	63	54	61
В разводе	0	11	0	8
Вдова	0	11	0	0
Наличие детей				
Нет детей	75	33	54	31
1 ребенок	25	11	23	23
2 ребенка	0	45	23	46
3 и более детей	0	11	0	0
Род занятий				
Студент	61	11	39	23
Специалист	13	33	15	23

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

Критерий анализа	Ориентация на определенный тип карьеры			
	Вертикальная	**Горизонтальная**	**Условия**	**Не выражена**
Творческий работник	0	4	7	7
Руководящий работник	0	4	0	15
Предприниматель	0	0	7	0
Пенсионер	0	18	15	15
Квалифицированный рабочий	13	11	0	7
Государственный служащий	13	15	15	7
Военнослужащий	0	4	0	0
Сфера деятельности				
Бизнес	0	26	23	0
Искусство / творчество	12	4	0	8
Медицина	12	15	7	15
Образование	50	22	31	39
Политическая сфера	0	18	8	30
Без определения	26	15	31	8
Уровень дохода				
До 12 тыс. руб.	38	15	24	24
До 20 тыс. руб.	25	45	31	38
До 30 тыс. руб.	0	22	24	17
До 60 тыс. руб.	0	15	0	7
До 90 тыс. руб.	25	0	7	7
Более 90 тыс. руб.	12	3	14	7
Доминирующий якорь карьеры				
Профессиональная компетентность	12	15	0	8
Организаторская компетентность	12	0	7	0
Автономия	0	0	0	0
Служение	0	15	7	15
Вызов	51	4	8	0
Предпринимательская креативность	0	0	0	0
Стабильность места работы	0	0	0	0
Стабильность места жительства	0	11	0	8
Интеграция стилей жизни	0	4	31	15
Не выражен	2	51	47	54

Ориентация на горизонтальную карьеру

Ориентация на горизонтальную карьеру в большей степени выражена среди женщин в возрасте 22–35 лет – 52 %, в возрасте 36–60 лет данная ориентация встречается у 30 % женщин. Как ранее мы отметили, это достаточно распространенная карьерная ориентация среди женщин.

Женщины, ориентированные на горизонтальную карьеру – это женщины, имеющие высшее образование (67 %). Рассматривая семейное положение этих женщин, можно отметить, что большинство из них замужем (63 %) и имеют двоих детей (45 %).

Преобладающий процент женщин этой подгруппы представлен специалистами (33 %), занятыми в сфере бизнеса (26 %) и образования (22 %) с уровнем дохода до 25 тыс. руб. (45 %).

Доминирующий карьерный якорь не выражен у 51 % женщин, относящихся к данной подгруппе. Подобный результат может быть следствием того, что в данной ориентации специалисты-женщины выбирают себе работу,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

организацию и продолжают оставаться в одной должностной позиции, следуя лишь внешней необходимости периодически повышать свою квалификацию и наращивать профессиональное мастерство, не задумываясь о том, какие внутренние смыслы они реализуют в своей профессиональной деятельности. То есть, если мы говорим, что карьера – это более или менее осознанный проект своего социально-профессионального будущего, то для женщин данной подгруппы карьера – менее осознанный путь реализации себя в социально-профессиональном пространстве общества. Хотя обращает на себя внимание тот факт, что на втором месте мы обнаруживаем такие карьерные якоря, как *Служение* и *Профессиональная компетентность* (по 15 %), что указывает на наличие в данной подгруппе тех специалистов, которые не просто работают, но и реализуют определенный смысл своей деятельности, который выражается либо в стремлении стать мастером своего дела, либо в стремлении быть полезным другим.

Ориентация на условия работы

Выраженность данной ориентации представлена примерно в равных диапазонах значений по всем возрастным группам (24–38 %). Исключение составила лишь группа женщин старше 60 лет, для них ориентация на условия работы не стала характерным направлением (0 %).

Женщины, ориентированные на условия работы, характеризуются большей вариативностью в уровне образования. Здесь по-прежнему преобладающим уровнем образования является высшее образование (39 %), однако и другие варианты представлены, хотя и в чуть меньшем количестве (среднее образование – 15 %, средне-специальное – 23 %, два и более высших – 23 %). Данный факт указывает, на наш взгляд, на то, что для современных российских женщин ценность высшего образования вполне очевидна и неоспорима, однако современный рынок труда дает возможность реализовывать свои карьерные замыслы в обозначенном направлении и при иных вариантах профессионального образования.

Относительно семейного положения можно отметить, что доминирующей линии выделить здесь не представляется возможным. На условия ориентированы женщины как замужние (54 %), так и незамужние (46 %), причем различия не являются статистически значимыми. Чаще эти женщины без детей (54 %), объяснить полученную закономерность мы можем ориентированностью этой подгруппы женщин на гедонистические ценности, стремлением к удовольствию и пр. Еще раз напомним, что в этой подгруппе находятся женщины разного возраста, разного уровня образования, замужем, но в преобладающем количестве случаев без детей. Для таких женщин важно не то, кем они работают, а то, в каких условиях осуществляется их деятельность, дает ли им организация гарантии, ощущение стабильности, возможность уделять внимание и иным сферам своей жизни.

Уровень дохода женщин не превышает 30 тыс. руб. (24 %), чаще они затрудняются определить сферу своей деятельности (31 %), что может быть связано с частым переходом с одного рабочего места на другое и, как следствие, смену сфер. Вероятно, что женщины данной подгруппы в большей степени ориентированы не на содержание деятельности, а на то, что эта деятельность приносит в качестве мотивирующих факторов. Подтверждает полученный вывод еще и то, что распространенным якорем здесь является *Интеграция стилей жизни* – 31 %. Данный якорь предполагает ориентацию на сбалансированность индивидуальных потребностей, интересов семьи и профессионального продвижения. Эта карьерная ориентация основана на дилемме *работа-отдых*. Невозможность удовлетворить потребность в оптимальном сочетании карьеры и личной жизни ведет к росту эмоционального напряжения. Женщины с преобладанием карьерной ориентации *Интеграция стилей жизни* отличаются, по мнению А. А. Жданович, мотивацией избегания неудач, они характеризуются восприятием себя как активного и динамичного человека, общительностью, готовностью к сотрудничеству и совместной работе. В то же время чаще ведущий якорь не определяется – 47 %.

Женщины, не ориентированные на карьеру

Женщин, не ориентированных на карьеру, больше всего в 36–60 лет (36 %). Однако и в группе 18–21 лет тоже не так редко (28 %) встречается ориентация не на карьеру, а на поиск занятости и способа заработка. Характерным является отмечаемый Т. В. Андреевой факт, что даже у большинства женщин, которые в юности выбирали творческую работу, в зрелом возрасте (около 30 лет) преобладает семейная направленность. Это согласуется с выявленным Э. С. Чугуновой фактом, что среди инженеров с индифферентной установкой к творческой профессиональной деятельности женщин в 2 раза больше, чем мужчин [10].

Уровень образования женщин, не ориентированных на карьеру, как и в других подгруппах, – высшее (46 %), но встречаются и иные варианты (среднее, средне-специальное, хотя и в чуть меньшем диапазоне значений, от 8 % до 22 %).

По семейному положению преобладает статус «замужем» – 61 % и наличие двоих детей – 46 %. Здесь налицо преобладание семейной сферы над профессиональной.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

Возможно, будучи замужем и имея двоих детей, женщина в большей степени ориентирована на реализацию традиционных функций и ролей, нежели карьерно-профессиональных. Наличие семьи служит серьезным препятствием для карьерного роста женщин. Результаты анкетного опроса женщин-предпринимателей, владеющих собственными предприятиями в США, показали, что свое дело большинство из них начали в 35–45 лет и только 55 % из них имеют мужа и детей [3; 25]. Успешная карьера часто связана для женщин с ролевым конфликтом *работа-семья*, дисгармонией в семейных отношениях [8].

В основном женщины относятся к студентам – 23 % или специалистам – 23 % по роду своей деятельности. В то же время интересным является и факт, что в данной подгруппе мы обнаружили руководящих работников – 15 % и пенсионеров – 15 %. И если относительно пенсионеров вопросов о причинах отсутствия ориентации на карьеру не возникает, то наличие женщин-руководителей в данной подгруппе – это интересный факт. Тем более что 15 % – это самый большой процент женщин-руководителей в сравнении с другими ориентациями (вертикальной, горизонтальной или ориентацией на условия). Объяснить полученный факт мы можем стечением обстоятельств, по причине которых женщины не ставят перед собой целей вертикального / должностного восхождения, однако профессиональная ситуация способствует продвижению женщины до позиции руководителя. Мы не можем назвать наличие женщин-руководителей в подгруппе женщин, не ориентированных на карьеру, иначе чем «вынужденная карьера» [21]. Уровень дохода женщин – до 20 тыс. руб. (38 %).

Доминирующий карьерный якорь в данной подгруппе не выделяется у 54 % женщин. Следовательно, в подобной ситуации сложно определить смыслоообразующие ориентации профессиональной деятельности этих женщин.

Таким образом, нами были описаны социально-демографические характеристики женщин, ориентированных на карьеру разного типа.

С целью более детального анализа относительно статистической значимости различий мы обратились к непараметрическому критерию – критерию Фишера (φ-критерий) с целью проверки следующих гипотез (здесь мы приводим только те гипотезы, которые нашли свое подтверждение):

1) ориентация на вертикальную карьеру чаще встречается среди женщин в возрасте от 18 до 21 года ($\varphi^*_{эмп}$=1,68, p<0,05); которые не замужем ($\varphi^*_{эмп}$=2,06, p<0,05); и / или без детей ($\varphi^*_{эмп}$=3,2, p<0,01); по роду занятий – студенты ($\varphi^*_{эмп}$=1,82, p<0,05); доминирующим якорем является *Вызов* ($\varphi^*_{эмп}$=2,24, p<0,05);

2) ориентация на горизонтальную карьеру чаще проявляется у женщин в возрастном диапазоне от 22 до 35 лет ($\varphi^*_{эмп}$=2,3, p=0,01), которые имеют 2 детей (в подгруппе женщин, ориентированных на вертикальную карьеру не были обнаружены женщины, имеющие 2 и более детей – 0 %); занятых в сфере бизнеса (при вертикальной ориентации и отсутствии ориентации на карьеру представителей данной сферы не обнаруживается – 0 %);

3) ориентация на условия характерна для женщин, находящихся в разводе и вдов ($\varphi^*_{эмп}$=2,37, p<0,01); а также специалистов, занятых в сфере бизнеса (при вертикальной ориентации и отсутствии ориентации на карьеру представителей данной сферы не обнаруживается – 0 %); такой якорь карьеры, как *Профессиональная компетентность*, в данной подгруппе не встречается (0 %); однако интеграция стилей жизни – якорь распространенный в данной подгруппе, в отличие от женщин, ориентированных на вертикальную и горизонтальную карьеру ($\varphi^*_{эмп}$=2,34, p<0,01);

4) отсутствует выраженная ориентация на карьеру у женщин, выбирающих интеграцию стилей жизни в качестве ведущего карьерного якоря, в отличие от женщин, ориентированных на вертикальную и горизонтальную карьеру ($\varphi^*_{эмп}$=2,34, p<0,01).

Заключение

Подводя итог нашего исследования, отметим, что социально-демографические особенности женщин, ориентированных на карьеру определенного типа, несомненно, имеют отличия: женщины на этапе поздней юности (18–21 год), не состоящие в браке, без детей чаще ориентированы на построение вертикальной карьеры; при выборе карьерной цели они ориентированы на конкуренцию, преодоление, решение трудных задач. На этапе ранней зрелости (22–35 лет) у женщин, имеющих детей, чаще обнаруживается ориентация на горизонтальную карьеру. Ориентация на условия в работе характерна для женщин, находящихся в разводе, и вдов.

Обнаруженные и описанные особенности социально-демографических характеристик женщин, ориентированных на карьеру разного типа, дополняют существующие гендерные исследования по психологии карьеры и являются основанием для выдвижения новых исследовательских гипотез и задач, таких как изучение особенностей женщин, ориентированных на вертикальную карьеру, за счет увеличения объема выборки; описание и анализ личностных характеристик женщин, не ориентированных на карьеру или ориентированных на условия; анализ аксиологических оснований женской карьеры и др.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

Полученные результаты могут быть использованы в практике организации психологической консультативной помощи женщинам по вопросам карьеры; а также руководителями организаций и менеджерами по персоналу в их практической работе, при формировании кадрового резерва и планированию мероприятий по обучению персонала.

Литература

1. Джанерьян С. Т. Профессиональные Я-концепции мужчин и женщин со стабильным типом карьер // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 3. С. 80–83.
2. Могилевкин Е. А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 336 с.
3. Молл Е. Г. Управление карьерой менеджера. СПб.: Питер, 2003. 351 с.
4. Митина Л. М. Личностно-профессиональное развитие учителя: стратегии, ресурсы, риски. СПб.: Нестор-История, 2018. 456 с.
5. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. М.: МОСУ, 2001. 272 с.
6. Семенова Ф. О. Психология профессионализации: выбор профессии и планирование профессиональной карьеры в юности. СПб.: Копи-Р Групп, 2010. 322 с.
7. Weng Q., McElroy J. C. Vocational self-concept crystallization as a mediator of the relationship between career self-management and job decision effectiveness // Journal of Vocational Behavior. 2010. № 76. P. 234–243.
8. Митина Л. М., Колмакова И. Г., Митин Г. В., Брендакова Л. В. Ролевые конфликты в профессиональной карьере женщин-учителей и женщин-руководителей в сфере образования // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. № 2. С. 124–128.
9. Когель Д. Д., Рикель А. М. Представления о взаимосвязи успешности карьеры и романтических отношений // Национальный психологический журнал. 2015. № 1. С. 111–118.
10. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002. 544 с.
11. Сухов А. Н., Гераськина М. Г., Лафуткин А. М., Чечкова А. В. Социальная психология / под ред. А. Н. Сухова. М.: Юнити-Дана, 2014. 615 с.
12. Гендерная педагогика и психология / под ред. О. И. Ключко. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 115 с.
13. Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
14. Котоманова О. В. Профессиональная карьера как путь личностного развития женщины // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 102–106.
15. Толстая С. В. Современная женщина: карьера или семья? // European research. 2015. № 6. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-zhenschina-kariera-ili-semya (дата обращения: 18.12.2018).
16. Камнева Н. А. Исследование переживания свойств личности супругов в гендерном конфликтном поведении, связанного с работой // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 110–114.
17. Галиакберова Н. Р. Гендерная асимметрия российского общества // Университетское образование: материалы VII Междунар. науч.-методич. конф. Пенза, 2003. С. 138–140.
18. Шнейдер Л. Б., Акбиева З. С., Цариценцева О. П. Психология карьеры. М.: Юрайт, 2018. 187 с.
19. Кочнева Е. М., Костылева Е. А., Арсакова Ю. Е., Ильина Е. В. Карьера как предмет исследований в психологии: парадоксы, риски и возможности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. № 2. С. 238–241.
20. Панкратова И. А. Феномен образа карьеры в отечественной психологии // Российский психологический журнал. 2008. Т. 5. № 3. С. 99–101.
21. Пушкарева Л. Г., Мусин А. Размышления о карьере (по данным опроса молодежи) // Концепт. 2014. № S2. С. 16–20.
22. Schein E. H. Organizational culture and leadership // The Learning Organization. 1999. Vol. 6. № 4. P. 163–172.
23. Жданович А. А. Реадаптация опросника «Карьерные ориентации» и его стандартизация на студенческой выборке // Психологический журнал. 2007. № 4. С. 4–22.
24. Schein E. H. Career Anchors: Participants Workbook. San Francisco: Pfeiffer. 2006. 72 p.
25. Столяренко А. М. Психология менеджмента. М.: Юнити-Дана, 2015. 455 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

Social and Demographic Characteristics of the Women Focused on Career of Different Type

Oksana P. Tsaritsentseva [a, @]; Marianna N. Chekhovskaya [b]

[a] Orenburg State Teacher Training University, 19, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460014

[b] Bauman Moscow State Technical University, buil. 1, 5, 2-nd Baumanskaya St., Moscow, Russia, 105005

[@] tsaritsentseva.oksana@yandex.ru

Received 10.01.2019. Accepted 05.02.2019.

Abstract: The article features the phenomenon of career in modern social and economic conditions. The research studied career orientations of the personality, e.g. its definitions and role in career planning. The authors proved the relevance of studies in career orientation for social and professional development of women. The empirical research involved career orientations of women with inclination to a certain type of career in the context of their social and demographic characteristics. The authors analyzed such social and demographic characteristics as age, qualifications, work experience, marital and parental status, occupation, the sphere of employment, and income level. The research revealed specific features of women characterized by domination of a certain career orientation type, i.e. horizontal, vertical, or conditions-oriented. 18–21-year-old unmarried childless women appeared to be focused on vertical career, competition, overcoming, difficult tasks, etc. 22–35-year-old mothers were more likely to reveal orientation to the horizontal type of career planning. Divorcees and widows tended to be conditions-oriented. The obtained data can be used in career guidance.

Keywords: career orientations, female career, career type, vertical career, horizontal career, career anchor

For citation: Tsaritsentseva O. P., Chekhovskaya M. N. Social and Demographic Characteristics of the Women Focused on Career of Different Type. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 152–163. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

References

1. Dzhaneryan S. T. Professional I-concepts of men and women with stable type a pit. *University news. North-Caucasian region. Social sciences series*, 2005, (3): 80–83. (In Russ.)
2. Mogilevkin E. A. *Career growth: diagnostics, technology, training*. Saint-Petersburg: Rech, 2007, 336. (In Russ.)
3. Moll E. G. *Management of career of the manager*. Saint-Petersburg: Piter, 2003, 351. (In Russ.)
4. Mitina L. M. *Personal and professional development of the teacher: strategy, resources, risks*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018, 456. (In Russ.)
5. Shneider L. B. *Professional identity.* Moscow: MOSU, 2001, 272. (In Russ.)
6. Semenova F. O. *Psychology of professionalization: the choice of profession and the planning of a professional career in adolescence*. Saint-Petersburg: Kopi-R Grupp, 2010, 322. (In Russ.)
7. Weng Q., McElroy J. C. Vocational self-concept crystallization as a mediator of the relationship between career self-management and job decision effectiveness. *Journal of Vocational Behavior*, 2010, (76): 234–243.
8. Mitina L. M., Kolmakova I. G., Mitin G. V., Brendakova L. V. Role conflicts in professional career of women-teachers and women-leaders in education. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2016, 26(2): 124–218. (In Russ.)
9. Kogel D. D., Rikel A. M. Of the relationship of a successful career and romance. *Natsionalny Psikhologichesky Zhurnal*, 2015, (1): 111–118. (In Russ.)
10. Ilin E. P. *Differential psychophysiology of the man and woman*. Saint-Petersburg: Piter, 2002, 544. (In Russ.)
11. Sukhov A. N., Geraskina M. G., Lafutkin A. M., Chechkova A. V. *Social psychology*, ed. Sukhov A. N. Moscow: Iuniti-Dana, 2014, 615. (In Russ.)
12. *Gender pedagogics and psychology*, ed. Kliuchko O. I. Moscow, Berlin: Direkt-Media, 2015, 115. (In Russ.)
13. Bendas T. V. *Gender psychology.* Saint-Petersburg: Piter, 2006, 431. (In Russ.)
14. Kotomanova O. V. Professional career as a path of personal development of women. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (5): 102–106. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-152–163

15. Tolstaia S. V. Modern woman: career or family? *European research*, 2015, (7). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-zhenschina-kariera-ili-semya (accessed 18.12.2018). (In Russ.)
16. Kamneva N. A. Research experience of individual spouses' properties in gender conflict behavior related to work. *Tambov University Review. Series Humanities*, 2013, (2): 110–114. (In Russ.)
17. Galiakberova N. R. Gender asymmetry of the Russian society. *University education*: Proc. VII Intern. Sci.-Method. Conf. Penza, 2003, 138–140. (In Russ.)
18. Shneider L. B., Akbieva Z. S., Tsaritsentseva O. P. *Career psychology.* Moscow: Iurait, 2018, 187. (In Russ.)
19. Kochneva E. M., Kostyleva E. A., Arsakova Ju. E., Ilina E. V. Career as subject of researches in psychology: paradoxes, risks, and opportunities. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2016, (2): 238–241. (In Russ.)
20. Pankratova I. A. Phenomenon of an image of career in domestic psychology. *Russian Psychological Zhurnal*, 2008, 5(3): 99–101. (In Russ.)
21. Pushkareva L. G., Musin A. Thinking about a career (according to the youth survey). *Koncept*, 2014, (S2): 16–20. (In Russ.)
22. Schein E. H. Organizational culture and leadership. *The Learning Organization*, 1999, 6(4): 163–172.
23. Zhdanovich A. A. Readaptation of the questionnaire "Career orientations" and its standardization on student's selection. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2007, (4): 4–22. (In Russ.)
24. Schein E. H. *Career Anchors: Participants Workbook*. San Francisco: Pfeiffer, 2006, 72.
25. Stoliarenko A. M. *Management Psychology.* Moscow: Iuniti-Dana, 2015, 455. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета, 2019, 21(1)
DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

оригинальная статья
УДК 81'42

Когнитивный сценарий вербализации концепта *threat* в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа)

Ксения О. Гаус [a]; Марина Ю. Рябова [a, @, ID]

[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@] mriabova@inbox.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-2288-7098

Поступила в редакцию 05.02.2018. Принята к печати 20.02.2019.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются основные единицы когнитивной лингвистики (фрейм, сценарий и концепт) с позиции теорий и концепций известных ученых и ведущих специалистов в данной области, а также роль концепта *threat* в современном политическом медиадискурсе как универсального средства речевого воздействия. Представляются результаты построения номинативного поля концепта *threat*, выявленные в ходе исследования лексических единиц, принадлежащих как к ядру, так и к периферии номинативного поля указанного концепта. Выводятся и подробно рассматриваются наиболее частотные сценарии угрозы (общий и частные: прямая угроза, косвенная угроза, открытая угроза, скрытая угроза); дается их характеристика; приводятся примеры, взятые из недавних высказываний Д. Трампа. На основании анализа вышеупомянутых высказываний выявляются наиболее характерные атрибуты концепта *threat*, а именно глаголы деструктивной семантики, ядерные лексемы поля концепта и др. Данная статья отражает особенности вербальной репрезентации концепта *threat* и цели использования речевого акта угрозы как универсального инструмента воздействия в современной политической коммуникации.

Ключевые слова: номинация, фрейм, когнитивный признак, пропозиция, категоризация, смысл

Для цитирования: Гаус К. О., Рябова М. Ю. Когнитивный сценарий вербализации концепта *threat* в медиадискурсе (на материале высказываний Д. Трампа) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 164–170. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

Введение

Когнитивная лингвистика представляет собой относительно новое и интенсивно развивающееся направление языкознания. В целом когнитивизм рассматривается как совокупность наук, охватывающая работы по исследованию общих принципов, которые управляют мыслительными процессами. Исходя из этого, язык воспринимается как средство, с помощью которого можно получить доступ к этим процессам. В языке зафиксировано мышление человека; язык представляется познавательным механизмом, семиотической системой, которая определенным образом кодирует и преобразует информацию.

Согласно определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика исследует язык как когнитивный механизм, участвующий в кодировании и трансформировании информации [1, с. 53–55].

Можно сделать вывод, что когнитивная лингвистика представляет собой направление в языкознании, изучающее проблемы соотнесения языка и сознания, значение языка для концептуализации и категоризации окружающей действительности, когнитивных процессов и синтезирования накопленного человечеством опыта, а также взаимосвязи и взаимодействие различных познавательных способностей человека и языка. [1, с. 56].

Возникновение и становление современной когнитивной лингвистики обязано работам таких американских и отечественных авторов, как Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джакендофф, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев и ряда других.

Единицами когнитивной лингвистики, с помощью которых осуществляется когнитивный анализ, предпринятый в настоящей работе, являются такие понятия, как *схема, модель, фрейм, сценарий* и *концепт.* Остановимся подробнее на последних.

Когнитивный анализ концепта *threat*

Термин *фрейм* широко распространен не только в исследованиях искусственного интеллекта, но и в социологии, психологии и лингвистике. Под фреймом понимается «модель абстрактного образа, минимально возможное

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

описание сущности какого-либо объекта, явления, события, ситуации, процесса» [1, с. 187]. В лингвистике он фигурирует как общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель. Исследователи отмечают более прикладной характер фрейма, возможность его применения на разных уровнях языка и адаптируемость к задачам исследования.

В социологической концепции И. Гофмана и Г. Бейтсона [2] фрейм описан как иерархическая, каркасная структура, являющаяся «аналитическими лесами» для осознания человеком собственного опыта. Фреймам присущи некоторые организующие принципы, которым они подчиняются. Эти принципы обуславливают определенные события и субъективное участие человека в них.

Фрейм – это «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия»[1], в нашем случае таким понятием является акт угрозы, вызванной определенной ситуацией и реализуемой некоторым набором реакций. Фрейм фиксирует характерные или типичные характеристики категоризуемого понятия для определенной культуры, что обуславливает его прогностический и оценочный потенциал. В частности, это касается ситуаций социального взаимодействия и ежедневных бытовых эпизодов. Фреймы обеспечивают когнитивное восприятие мира, т. е. с помощью фрейма накапливается и обобщается информация об определенном концепте, репрезентируется гендерная специфика ситуативного поведения и реализуется прескриптивная функция.

Для данного исследования целесообразно использовать термин *фрейм* как систему данных, необходимых для представления стереотипной ситуации; как структуру, которую образуют некоторые значения, связанные определенными отношениями. Фрейм – это дискурсивные или ментальные модели, которые связаны с идеями сценария или схемы возможной ситуации [3, с. 31]. Подобные фреймы содержат основные варианты изменения фокуса внимания, информацию о главных действующих лицах, сюжетных формах, развитии действия и т. д. При таком понимании термина фрейм достаточно близким к нему оказывается термин *сценарий*.

По мнению В. З. Демьянкова, сценарий – это «разновидность структуры сознания (репрезентации), одно из основных понятий концепции М. Минского» [1, с. 181]. Сценарий формируется уже после трактования текста, вследствие установления ключевых лексем и положений текста и их расположения согласно *сценарным* рисункам, которые воссоздаются по памяти на основе стандартных, стереотипных значений, закрепленных за терминальными компонентами структуры. «Индивидуальные утверждения, находимые в дискурсе, приводят к временным представлениям (соответствующим понятию "глубинной структуры"), быстро перестраиваемым или усваиваемым по ходу работы над разрастающимся сценарием» [4].

Можно даже говорить о *сценарном фрейме*, который представляет типовую структуру некоторого события / ситуации, объединяющую характерные признаки этого события / ситуации, или структуру данных относительно некоторой темы [4]. Исходя из положений Р. Шенка и Р. Абельсона, можно сделать вывод, что сценарий – это ряд действий, расположенных в определенной последовательности и характеризующих обыденные ситуации [5]. Такая консеквентность действий базируется на принципе каузальной связи, т. е. следующее действие может произойти только в условиях, являющихся результатом каждого предыдущего действия.

В каждом сценарии присутствуют свои исполнители ролей, в нашем случае ими являются адресант и адресат угрозы. У сценария есть различные интерпретации, отражающие возможные направления развития события. Сценарный фрейм угрозы можно представить в виде модели импликации:

$$if\ S2\ P \rightarrow S1\ H\ S2,$$

где *S2* – адресат, *P* – пропозиция события, действия, нежелательного (неприемлемого) для *S1* – адресанта, в результате (при условии) осуществления данного события *S1* – адресант нанесет ущерб (*H*) адресату – *S2*.

Вслед за известными учеными концепт понимается в данной работе как ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [6]. З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют в сознании человека следующие базисные принципы формирования концепта:

- непосредственно эмпирический опыт человека;
- предметная деятельность;
- мыслительные операции с уже существующими в сознании человека концептами;
- языковое общение;
- сознательное познание языковых единиц.

В структуре большей части концептов возможно выделить вербальную (языковое выражение) и невербальную части (ментальные репрезентации невербального типа –

[1] Концепция образовательной программы «Когнитивные исследования». Режим доступа: http://kogni.narod.ru/concept.htm (дата обращения: 31.01.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

образы, схемы и т. д.). Также структура концепта содержит ряд компонентов, или концептуальных признаков, среди которых выделяют основной (актуальный) признак; дополнительный (пассивный) признак; внутреннюю форму.

Основной признак концепта является значимым для всех носителей культуры и хорошо им известен, дополнительный признак актуален лишь для некоторой группы носителей культуры, внутреннюю форму выделяют как этимологический признак, определяющий внешнюю, т. е. знаковую форму выражения концепта. Последний компонент концепта обычно не осознается большинством носителей языка в повседневной жизни.

Компоненты концепта выделяют и по другим основаниям. Как в сложный ментальный комплекс в структуру концепта входят смысловое содержание, аксиологический признак, универсальный признак, национально-культурный признак, социальный признак, групповой признак, индивидуально-личностный признак.

В более широком смысле структуру концепта можно представить как ядро концепта (его основное понятие) и периферию концепта (все то, что несет дифференциальные признаки культуры, традиций, национального и личного опыта).

Неоднозначное решение находит проблема соотношения понятий *фрейм* и *концепт* и *фрейм* и *сценарий*. Отталкиваясь от родовидовых отношений, концепт относят к родовому понятию по отношению к фрейму, если же исходить из соотношения фрейма и концепта как сложного и простого понятий, фрейм определяют как род сложного концепта. Данные понятия рассматриваются как виды концептуальных структур, обладающих сходными и различными чертами [7]. Взаимосвязь фрейма и сценария как двух когнитивных категорий представляется достаточно тесной. Сценарий представляет собой «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении» [8, с. 18]. По мнению М. Минского, фрейм и сценарий – это два вида фреймов, единственное различие заключается в том, что фрейму присуща статичная природа, а сценарию – динамичная, отличающаяся протяженностью во времени и пространстве. Согласно С. А. Жаботинской, фрейм как концептуальная структура предполагает возможность его преобразования в сценарий при переходе в динамичное состояние, когда терминальные узлы и слоты функционируют в действии [9].

Непрекращающееся распространение таких процессов, как глобализация и урбанизация, которые являются катализаторами возрастания значимости информационно-коммуникационных технологий и их влияния на все стороны жизни современного общества, вызывает повышенный интерес лингвистов к политической коммуникации, а также появление и становление таких направлений исследований, как, например, медиалингвистика.

Сегодня в условиях обострения политической борьбы на международной арене и повышения духа соперничества, существующего в данной сфере, можно отметить все возрастающую степень агрессивности и враждебности в поведении политиков, в выступлениях которых все чаще звучат различного рода угрозы. Речевой акт угрозы является наиболее эффективным и функциональным средством для подобного воздействия, т. к. отрицательные реакции, появляющиеся у адресата в ответ на угрозу, максимально интенсивно влияют на чувства и действия и вследствие этого являются одним из самых продуктивных механизмов воздействия.

Стереотипизированные средства вербализации концепта в ходе коммуникативного акта обуславливают возможность достижения иллокутивной цели соответствующего акта. Так, лексема *threat* (как ключевой номинант данного концепта) и ее производные выступают как основной способ актуализации концепта угрозы в современном политическом медиадискурсе США.

Исследование показало, что ядро номинативного поля концепта *threat* составляют такие лексические единицы, как *threat, threatening, threaten, threateningly, threatening statement, under threat, statement, remark, commination, intimidation, menace, warning, ultimatum, promise, oath* и др.

К периферии номинативного поля концепта *threat* можно отнести такие лексические единицы, как *peril, hazard, risk, danger, harm, foreboding, presage, imminence, jeopardy, negative consequences, trouble, pain, painful, harmful, shout, regret, injury, destroy, destruction, kill, death, die, damage, shut, keep silent, direct, hint, allude, turn a blind eye to, aggression, raise someone's voice, not safe, weapon, darkness, dark future* и др.

Современные ценностные политические ориентиры в формировании языкового образа политического деятеля совмещают в себе прямолинейность, открытость и даже дерзость и резкость в речи, с одной стороны, и традиционную уклончивость, умение сгладить острые углы – с другой. Подобные контрастивные признаки современного политического медиадискурса обуславливают наличие широкого спектра номинаций, относящихся как к ядру, так и к периферии номинативного поля концепта threat.

Вербализация концепта *threat* в современном политическом медиадискурсе происходит по нескольким сценариям.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

Общий сценарий угрозы: *if S2 P → S1 H S2 – The addressant tells the addressee that he will do something negative to the addressee if the addressee does something wrong*, ср.:

If he does anything with respect to Guam or any place else that's an American territory or an American ally, he will truly regret it and he will regret it fast[2] (Если он предпримет что-либо в отношении Гуама или любого другого места, являющегося территорией или союзником Америки, он действительно пожалеет об этом и пожалеет он об этом быстро)[3].

Директная схема кодирования актантов (*S=P=A*) характеризует одинаково маркированные или совсем не маркированные актанты, роли и отношения которых можно определить исходя из контекста предложения. Общий сценарий угрозы представляет собой условную конструкцию такого типа, как правило, содержащую какой-либо глагол деструктивной семантики в главной части синтаксически сложного высказывания как один из самых ярких атрибутов речевого акта угрозы. Также в этом сценарии часто встречаются слова, интенсифицирующие коннотацию серьезности последствий для адресата, в данном примере – наречие *truly* (в значении: *to the fullest degree; absolutely or completely – used for emphasis* / в полной мере; абсолютно, полностью) используется для эмфазы[4]. Нередко эмфатизация угрозы происходит с помощью лексических повторов и параллельных конструкций. Глагол *regret* (в значении: *feel sorry about something you have done and wish you had not done it* / испытывать сожаление о каком-либо совершенном поступке и желать не совершать его) с семантикой результативного сожаления относится к периферии номинативного поля концепта *threat* и часто используется адресантом угрозы для того, чтобы охарактеризовать неблагоприятные для адресата последствия в случае нежелательных действий или поведения.

Частные сценарии угрозы могут представлять собой такие разновидности коммуникативных актов, как прямая угроза, косвенная угроза, открытая угроза, скрытая угроза.

Прямая угроза: *S2 P – The addressant tells the addressee to do / not to do something in order to avoid negative consequences*. Например:

Do not underestimate us. Do not try us[5] (Не стоит нас недооценивать. Не стоит нас испытывать).

Номинативно-аккузативная стратегия кодирования актантов (*A=S; P*) характеризует одинаково маркированные агенс и статичный актант, в то время как пациенс обозначается иначе. Приведенный пример представляет собой восклицательное или утвердительное предложение, содержащее глагол в повелительном наклонении (в данном случае – глаголы оценочной семантики в отрицательной конструкции) и обладающее коннотативным значением угрозы. В данном случае адресант непосредственно обращается с угрозой к адресату. Для данного сценария характерными особенностями на синтаксическом уровне являются параллельность конструкций и парцелляция, а также частотное употребление отрицательной частицы *not*. В данном примере используется местоимение 2-го лица множественного числа *us*, что выводит угрозу с личностного уровня на уровень государства и даже глобализирует ее. Подобный выбор лексики призван показать, что за угрозой адресанта стоит не один человек, а объединенные силы всей страны и союзных государств.

Косвенная угроза: *as S2 P → S1 H S2 – The addressant tells the 3d person that he will do something negative to the addressee if the addressee does something wrong*. Например:

You can tell them we're going to knock the s… out of ISIS because they let you down and they left[6] (Можете передать им, что мы выбьем все д… из ИГИЛа, потому что они подвели вас и бросили).

Номинативно-аккузативная стратегия кодирования актантов (*A=S; P*) описывает одинаковое обозначение активного и статичного актантов при особой маркировки пациенса. Данное высказывание представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточными дополнительным и условным (или причины), при этом в главной части часто имеется глагол в повелительном наклонении, как правило, с семантикой коммуникационного сообщения или в сочетании с модальным глаголом. В данном случае адресант опосредованно передает угрозу адресату через третьих лиц, что снижает авторитетность адресата в глазах целевой аудитории и располагает ее к адресанту. Употребление глагола с деструктивной семантикой и нецензурной лексики, принадлежащих

[2] Pappas A. Trump: Kim Jong Un 'will regret it fast' if he attacks Guam, US allies // Fox News. 2017. August 11. Fox News. Режим доступа: https://www.foxnews.com/politics/trump-kim-jong-un-will-regret-it-fast-if-he-attacks-guam-us-allies (дата обращения: 31.01.2018).

[3] Здесь и далее перевод авторов статьи.

[4] Oxford Dictionaries. Режим доступа: http://www.oxforddictionaries.com (дата обращения: 31.01.2018).

[5] Longman Dictionary of Contemporary English Online. Режим доступа: http://www.ldoceonline.com (дата обращения: 31.01.2018).

[6] Donald Trump mocks President Obama for his 'gentle bombing' of ISIS – to save the environment – while jetting to Hawaii to play golf // Mail Online News. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-3432771/Donald-Trump-mocks-President-Obama-gentle-bombing-ISIS-save-environment-jetting-Hawaii-play-golf.html (дата обращения: 31.01.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

к периферии номинативного поля концепта *threat*, является характерной чертой не только данного сценария угрозы, подобное можно встретить во всех выделенных нами типах, что обусловлено агрессивным характером выражения угрозы.

Открытая угроза: *S*2 *P* → *S*1 *H S*2 – *The addressant states that the addressee is in a vulnerable position*. Например:

The weapons you are acquiring are not making you safer[7] (Оружие, которое вы закупаете, не делает ваше положение безопаснее).

Директная схема кодирования актантов (*S*=*P*=*A*) описывает одинаково маркированные или не маркированные актанты, чьи роли и отношения возможно выделить исходя из контекста предложения. Данный пример представляет собой утвердительное предложение, констатирующее опасность ситуации, в которой находится адресат высказывания. В рассматриваемом примере можно отметить смысловой контраст (большое количество оружия = большая угроза со стороны противников), подчеркивающий агрессивные намерения оппонента в отношении адресата угрозы. Отрицательная конструкция с глаголом семантики обеспечения отсутствия угрозы или риска опасности, призванная снизить степень угрозы, в данном случае наоборот интенсифицирует серьезность опасности.

Скрытая угроза: *if S*2 *P* → (*may cause*) *H S*2 – *The addressant warns the addressee that something negative may happen to the addressee*. Например:

"*They are putting your regime in grave danger*", – *warned Mr Trump*. "*Every step you take down this dark path increases the peril you face*"[8] (Они подвергают ваш режим серьезной опасности, – предостерег г-н Трамп. – Каждый ваш шаг по направлению этой темной дорожки увеличивает степень опасности, с которой вы столкнетесь).

Директная схема кодирования актантов (*S*=*P*=*A*) характеризует одинаково маркированные или совсем не маркированные актанты, роли и отношения которых можно определить исходя из контекста предложения, представляет собой предложение, содержащее ключевые лексемы, репрезентирующие схожие, но менее категоричные с точки зрения негативных последствий концепты и тем самым эвфемизирующее угрозу: *warn* (в значении: *inform someone in advance of a possible danger, problem, or other unpleasant situation* / заранее сообщить кому-либо о возможной опасности, проблеме или другого рода неприятной ситуации)[9]. В данном примере также можно наблюдать лексические единицы и их сочетания, принадлежащие к периферии номинативного поля концепта *threat – grave danger* / серьезная опасность, *dark path* / темная дорожка, *peril* / опасность – и являющиеся характерными атрибутами сценариев угрозы в современном политическом медиадискурсе.

Заключение

Язык СМИ вызывает устойчивый интерес у современных лингвистов, т. к. является не только отражением актуального состояния языка, но и сильнейшим средством воздействия на аудиторию. Частое появление концепта угрозы в современном политическом медиадискурсе отражает взаимодействие политических деятелей как универсальный способ оказания влияния и привлечения внимания как адресата угрозы, так и читателя, ограниченный традицией медиатекста [11].

Таким образом, в структуре концепта можно выделить понятийную, лингвистическую и образную составляющие, рассматриваемые как план содержания, выражения и образа соответственно. На основании анализа контента современных политических изданий, находящихся в открытом доступе, можно классифицировать вербальное выражение угрозы по нескольким наиболее часто встречающимся сценариям, которые были выделены на основе репрезентации концепта *threat* в заявлениях Д. Трампа. Лексический и синтаксический анализ примеров, выражающих коммуникативные акты угрозы, позволяет сделать вывод, что во всех выделенных сценариях самыми частотными атрибутами концепта являются ядерные лексические единицы поля, глаголы деструктивной семантики, лексика сниженного регистра, отрицательные и параллельные конструкции, а также употребление личных местоимений во множественном числе. Когнитивные сценарии, актуализирующие концепт *threat* в исследованных дискурсах, вариативны и представляют собой следующие коммуникативные акты: открытая угроза / прямая угроза или косвенная / скрытая угроза, коррелирующие между собой по принципу повышения / ослабления степени перформативности соответсвующего коммуникативного акта.

[7] Donald Trump warns North Korea: 'Do not try us' // BBC News. 2017. November 8. Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-asia-41910167 (дата обращения: 31.01.2018).

[8] Там же.

[9] Oxford Dictionaries…

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

Литература

1. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
3. Рябова М. Ю. Лингвистические категории идеологического анализа медиа-дискурса. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 96 с.
4. Minsky M. A framework for representing knowledge // Frame conceptions and text understanding. Ed. D. Metzing. B.; NY: Gruyter, 1980. P. 1–25.
5. Schank R., Abelson R. Scripts Plans and Knowledge // Advance Papers of Fourth Intern. Joint Conf. on Artif. Intell. 1975. № 2. P. 151–157.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 477 с.
7. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
8. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 358 с.
9. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: материалы Междунар. конф. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 141–159.
10. Гаус К. О., Рябова М. Ю. Концепт «threat» в медиадискурсе // Актуальные вопросы филологии и переводоведения в свете современных исследований: сб. науч. ст. по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева, 20 октября 2017 г. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2017. С. 74–78.

Cognitive Script of Verbalization of Concept "Threat" in Media Discourse (as Exemplified in D. Trump's Statements)

Ksenija O. Gaus [a]; Marina Yu. Riabova [a, @, ID]

[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] mriabova@inbox.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0003-2288-7098

Received 05.02.2018. Accepted 20.02.2019.

Abstract: The paper presents such basic units of cognitive linguistics as frame, script, and concept from the perspective of theories and concepts introduced by leading scientists. It introduces some results of the construction of the nominative field of the concept "threat". The research featured the concept "threat" in the political mass media discourse as a universal means of speech influence. The lexical units under analysis belonged both to the core and periphery of the nominative field of the concept. The authors defined the most frequent scripts of the concept "threat", both general and particular, e. g. direct threat, indirect threat, explicit threat, and implicit threat. Their structural characteristics were based on the examples from D. Trump's statements. The most characteristic attributes of the concept "threat" proved to be verbs of destructive semantics, nuclear lexemes of the concept field, etc. This article reflects the features of the verbal representation of the concept "threat", as well as the purposes of the speech act of threat as a universal leverage in the modern political communication.

Keywords: nomination, frame, cognitive feature, proposition, categorization, sense

For citation: Gaus K. O., Riabova M. Yu. Cognitive Script of Verbalization of Concept "Threat" in Media Discourse (as Exemplified in D. Trump's Statements). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 164–170. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-164–170

References

1. Kubriakova E. S., Demiankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Iu. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 245. (In Russ.)
2. Gofman I. *Frame analysis: an essay on the organization of experience*, eds. Batygin G. S., Kozlova L. A. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2003, 752. (In Russ.)
3. Riabova M. Iu. *Linguistic categories of ideological analysis of mass media discourse*. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2008, 96. (In Russ.)
4. Minsky M. A framework for representing knowledge. *Frame conceptions and text understanding*, ed. Metzing D. B.; NY: Gruyter, 1980, 1–25.
5. Schank R., Abelson R. Scripts Plans and Knowledge. *Advance Papers of Fourth Intern*. Joint Conf. on Artif. Intell, 1975, (2): 151–157.
6. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: GNOZIS, 2004, 477. (In Russ.)
7. Boldyrev N. N. Conceptual basis of language. *Cognitive language studies. Iss. IV. Conceptualization of the world in language.* Moscow: In-t iazykoznaniia RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009, 25–77. (In Russ.)
8. Baranov A. N. *Introduction to Applied Linguistics.* Moscow: Editorial URSS, 2001, 358. (In Russ.)
9. Zhabotinskaia S. A. Conceptual analysis: frame types. *At the junction of the paradigms of linguistic knowledge at the beginning of the XXI century: grammar, semantics, word formation:* Proc. Intern. Conf. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2003, 141–159. (In Russ.)
10. Gaus K. O., Riabova M. Yu. The concept "threat" in media discourse. *Current issues of philology and translation studies in the light of modern research*: Proc. XIV Intern. Sci.-Prac. Conf., eds. Kormilina N. V., Shugaeva N. Iu., October 20, 2017. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I. Ia. Iakovleva, 2017, 74–78. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

CC BY

оригинальная статья
УДК 811.111:378.147.311.4

Формирование иноязычной презентационной компетенции студентов лингвистических направлений в условиях обучения в сотрудничестве

Александра И. Дашкина [a, @]; Ольга Н. Злобина [b]

[a] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
[b] Удмуртский государственный университет, 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
[@] wildroverprodigy@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.05.2018. Принята к печати 07.02.2019.

Аннотация: В статье рассматривается необходимость формирования иноязычной презентационной компетенции у студентов лингвистических направлений. Целью описываемого в статье исследования является эффективность формирования указанной компетенции в условиях обучения в сотрудничестве. Иноязычная презентационная компетенция определяется как набор знаний, умений, навыков и психологических характеристик, требующихся для проведения публичного выступления. Приводятся следующие критерии оценки сформированности иноязычной презентационной компетенции: владение иностранным языком и предметным содержанием, умение структурировать речь, создавать слайды, и подготавливать устный доклад на адекватном уровне. Критериями оценки последнего являются темп и громкость речи, зрительный контакт с аудиторией, произношение, использование слов для заполнения речевых пробелов, энтузиазм, наличие / отсутствие ошибок и плавность изложения. Компонентами структуры презентационной компетенции являются личностные характеристики докладчика: уверенность в себе, энергичность, целеустремлённость, адекватность самооценки, эрудированность, эмпатия и стремление к личностному росту. С целью выявления целесообразности организации совместной учебно-познавательной деятельности студентов на этапе подготовки презентации был проведён эксперимент. В экспериментальных группах подготовка презентаций проходила в условиях обучения в сотрудничестве, в то время как в контрольных группах студенты готовили презентации в автономном режиме. В ходе эксперимента были проведены четыре презентации и прослежен прогресс студентов на основе сравнения презентаций по критериям оценки устного доклада. В экспериментальных группах прослеживался намного больший прогресс, чем в контрольных группах. Результаты проведённого эксперимента демонстрируют, что формирование иноязычной презентационной компетенции у студентов лингвистических направлений является более эффективным в условиях обучения в сотрудничестве.

Ключевые слова: доклад, подготовка слайдов, критерии оценки, презентация, малая группа, владение иностранным языком

Для цитирования: Дашкина А. И., Злобина А. Н. Формирование иноязычной презентационной компетенции студентов лингвистических направлений в условиях обучения в сотрудничестве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 171–184. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

Введение

Современные специалисты часто сталкиваются с необходимостью выступать перед аудиторией с презентациями, связанными с их профессиональной деятельностью. В связи с расширяющимися международными экономическими, научными и политическими контактами выступления часто проводятся на английском языке.

Специалисты, окончившие лингвистические вузы и факультеты, сталкиваются с необходимостью проводить презентации на иностранном языке. Если они ведут научное исследование, им приходится выступать с докладами о его результатах на конференциях, проводимых за рубежом. Выпускники, избравшие карьеру преподавателя или учителя иностранного языка, не только выступают с презентациями перед аудиторией учащихся, но и делают презентации на международных педагогических мероприятиях. Современное занятие в школе или вузе часто включает в себя «учебную презентацию, которая создана для решения дидактических задач и направлена на повышение эффективности образовательного процесса» [1, с. 14].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

Педагоги используют презентацию не только как инструмент введения нового учебного материала, но и как способ контроля выполнения заданий. Учащиеся проводят самостоятельное исследование и подготавливают отчёт о его результатах в форме презентации. Педагог школы или вуза должен помочь учащимся овладеть искусством проведения презентации и сформировать у них презентационную компетенцию.

Специалисты, чья деятельность связана с переводом, должны подготавливать и переводить презентации на иностранном языке для профессионалов в разных областях, пользующихся их услугами. Для решения указанных задач переводчик должен сам владеть приёмами, применяемыми в публичных выступлениях, такими как структурирование речи, размещение информации на слайдах, стилистические средства, установление контакта с аудиторией. Это означает, что презентационная компетенция должна быть сформирована у студентов лингвистических направлений, специализирующихся в переводе.

Необходимость формирования иноязычной презентационной компетенции у студентов, обучающихся по лингвистическим направлениям, обусловлена тем, что она напрямую связана с профессиональными компетенциями, прописанными в образовательном стандарте. Согласно ФГОС высшего образования по направлению подготовки *45.03.02 Лингвистика* (уровень бакалавриата) от 25.08.2014, в результате освоения программы бакалавриата у выпускника должны быть сформированы профессиональные компетенции (ПК), среди которых можно выделить следующие:

- способность осуществлять устный последовательный перевод и устный перевод с листа с соблюдением норм лексической эквивалентности, соблюдением грамматических, синтаксических и стилистических норм текста перевода и темпоральных характеристик исходного текста (ПК-12);
- способность владеть основами системы сокращенной переводческой записи при выполнении устного последовательного перевода (ПК-13);
- способность владеть этикой устного перевода (ПК-14);
- способность владеть международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода (сопровождение туристической группы, обеспечение деловых переговоров, обеспечение переговоров официальных делегаций) (ПК-15).

Презентационная компетенция напрямую коррелирует с компетенциями, прописанными в образовательном стандарте, т. к. устный перевод, как правило, является публичным и предусматривает владение различными жанрами публичной речи. Переводчик в любой ситуации устного перевода должен уверенно держаться, говорить достаточно громко и четко, не злоупотреблять жестами, уметь установить визуальный контакт со своей аудиторией. Его речь должна быть грамотной, а следовательно, ему необходимо исключить вокализованные паузы и слова-паразиты.

Поиск новых способов формирования презентационной компетенции у студентов представляется особенно актуальным в настоящее время, когда академическая мобильность является одним из критериев оценки научной деятельности вуза. Иноязычные мультимедийные презентации могут использоваться при чтении лекций и при выступлениях на конференциях как в своей стране, так и за рубежом. Однако в большинстве трудов иноязычная презентационная компетенция рассматривается как способ представления результатов исследования по неязыковым направлениям подготовки, и в них не уделяется достаточного внимания её формированию у студентов переводческих направлений, хотя именно переводчику отводится важная роль в международном обмене научной информацией.

Исследование, цель которого состояла в поиске новых путей формирования презентационной компетенции у студентов переводческих направлений, позволило решить следующие задачи:

1) проанализировать научные труды, посвящённые формированию иноязычной презентационной компетенции, и на их основе сформулировать её рабочее определение;

2) предложить структуру презентационной компетенции, наглядно представить её в виде схемы и проанализировать каждый из её компонентов;

3) провести пилотный эксперимент с целью выявления эффективности формирования презентационной компетенции в условиях обучения в сотрудничестве;

4) на основе эксперимента сделать выводы о целесообразности формирования презентационной компетенции путём обучения в сотрудничестве.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанная модель формирования презентационной компетенции путём обучения в сотрудничестве может применяться при обучении студентов лингвистических направлений, особенно в группах учащихся с разным уровнем языковой подготовки. Результаты исследования могут быть использованы при обучении студентов неязыковых вузов проведению иноязычной профессионально-ориентированной презентации по своему направлению подготовки.

Понятие презентационной компетенции рассматривалось в ряде научных трудов, но впервые было введено

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

М. И. Малетовой, которая определяла её как способность планирования, формулирования и прогнозирования основной предстоящей деятельности и её успешную публичную презентацию на основе использования средств вербальной и невербальной коммуникации [2]. В данном определении презентационной компетенции автор уделяет большое внимание содержательной стороне подготовки презентации. Под предстоящей деятельностью понимается научное исследование, структура и содержание которого будут представлены в ходе публичного выступления. Однако в нашем исследовании основное внимание будет уделяться самой публичной презентации и эффективному использованию средств вербальной и невербальной коммуникации.

Понятие презентационной компетенции также рассматривается в работе авторов Н. М. Полетаевой и Е. А. Борисовой, которые определяют её как «способность успешно представлять идеи и результаты своей, а также коллективной профессиональной деятельности в устной или письменной формах на русском и иностранном языках» [3, с. 93]. Поскольку в данном определении идёт речь о коллективной профессиональной деятельности, оно напрямую связано с нашим исследованием, поскольку в данной статье презентационная компетенция формируется в процессе совместной работы студентов, объединённых в малые группы.

Основываясь на предыдущих определениях презентационной компетенции и на задачах нашего исследования, под иноязычной презентационной компетенцией мы будем подразумевать набор знаний, умений, навыков и психологических характеристик, требующихся для проведения публичного выступления. Они включают в себя не только определённый уровень владения языком, тщательную подготовку, компетентность в области своего научного направления и некоторый набор технических навыков, но и личностные свойства, позволяющие докладчику установить контакт с аудиторией.

В ходе исследования нами были проанализированы научные труды, посвящённые различным аспектам презентационной компетенции (В. М. Литвиновой, О. А. Калугиной, Н. В. Чернышковой, В. С. Пономаревой, А. П. Шмаковой) [4–7]. В них рассматривались такие вопросы, как использование презентаций в системе дистанционного обучения, возможности применения мультимедийных презентаций в образовательном процессе высшей школы и др. Новизна данного исследования состоит в том, что в нём была предпринята попытка продемонстрировать с помощью эксперимента более высокую эффективность формирования презентационной компетенции, достигаемую в процессе обучения в сотрудничестве. На основании изученных трудов и собственного опыта преподавания в вузе нами была разработана структура презентационной компетенции, которая легла в основу критериев оценки, применяемых нами при анализе выступлений студентов, участвовавших в эксперименте. Мы представили процесс формирования презентационной компетенции при обучении в сотрудничестве в виде последовательных этапов, которые были опробованы в проведённом эксперименте. С целью поиска новых способов формирования иноязычной презентационной компетенции была разработана её общая структура и определены её основные компоненты.

Структура иноязычной презентационной компетенции

Разработанная в ходе исследования структура презентационной компетенции напрямую соотносится с общепринятым компетентностным подходом. Так, И. А. Зимняя выделяла компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения. Среди них она выделила «профессиональное развитие; языковое и речевое развитие; владение иностранным языком» [8, с. 23]. Представленная в данном исследовании структура иноязычной презентационной компетенции включает владение предметным содержанием, которое является следствием профессионального развития; умение структурировать речь, которое формируется вследствие речевого развития, и владение иностранным языком.

Во вторую группу компетенций, рассматриваемых И. А. Зимней, входят компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы. Среди них были указаны компетенции социального взаимодействия с коллективом и партнёрами и сотрудничество [8, с. 23]. Вторая группа компетенций связана с личностными характеристиками, входящими в состав иноязычной презентационной компетенции. На соотношение между компетенциями, связанными с социальным взаимодействием человека и социальной сферы, и иноязычной презентационной компетенцией указывает тот факт, что в экспериментальных группах при подготовке презентации применялось обучение в сотрудничестве, в процессе которого у студентов формировались навыки межличностного общения.

Иноязычная презентационная компетенция также напрямую соотносится с третьей группой компетенций, выделенных И. А. Зимней. Указанная группа включает компетенции, относящиеся к деятельности человека. Среди них необходимо, прежде всего, выделить такие компоненты, как продуктивное и репродуктивное познание, исследование, интеллектуальную деятельность, поскольку они все являются аспектами подготовки презентации. Учебно-познавательную деятельность по созданию

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

презентации можно рассматривать как процесс продуктивного познания, поскольку её конечным результатом является интеллектуальный продукт в виде подготовленного доклада по теме, сопровождаемого средствами наглядности. Репродуктивное познание является компонентом презентационной компетенции, поскольку презентация воспроизводится (репродуцируется) в виде публичного выступления. Такие компоненты третьей группы компетенций, выделенной И. А. Зимней, как исследование и интеллектуальная деятельность, соотносятся со структурой иноязычной презентационной компетенции, а именно с такой её составляющей, как владение предметным содержанием.

К группе компетенций, относящихся к деятельности человека, также относятся «компетенции информационных технологий: приём, переработка, выдача информации; мультимедийные технологии» [8, с. 23]. Указанные компетенции соотносятся с умением правильно подготовить слайды, которое является частью структуры иноязычной презентационной компетенции.

Все компоненты иноязычной презентационной компетенции находятся в тесной взаимосвязи и вместе представляют собой единую структуру. Её основными составляющими являются высокий уровень владения языком, на котором проводится презентация; знание предметной области, которой посвящена презентация; чёткая структура доклада, обеспечивающаяся наличием речевых маркеров; умение правильно подготовить слайды, а также хорошо подготовленный устный доклад. На основании последнего оценивается качество подготовки презентации. Доклад, в свою очередь, оценивается по таким критериям, как темп и громкость речи, зрительный контакт с аудиторией, произношение, уместное использование слов для заполнения пауз, энтузиазм, проявляемый в процессе выступления, количество допущенных ошибок и плавность изложения.

Одним из основных компонентов иноязычной презентационной компетенции является высокий уровень владения иностранным языком, на котором проводится презентация. Можно возразить, что недостаточная языковая подготовка легко компенсируется заучиванием наизусть текста выступления. Однако при низком уровне владения языком докладчик всё же может допустить ошибки, прежде всего, в произношении. Боязнь допустить ошибку вызывает неуверенность, которая отрицательно влияет на общее впечатление от презентации. Наиболее серьёзные проблемы возникают после выступления, когда докладчику предстоит без подготовки отвечать на вопросы из аудитории.

У докладчика с недостаточным уровнем профессиональной подготовки при необходимости отвечать на вопросы слушателей возникают проблемы, аналогичные описанным выше. «Содержание без стиля остаётся незамеченным, а стиль без содержания не имеет значения» [9, с. 6]. Докладчик может с уверенностью вести презентацию только в том случае, если разбирается в предметном содержании намного лучше, чем слушатели. Два основных компонента презентационной компетенции – достаточный уровень как языковой, так и профессиональной подготовки – находятся в неразрывной связи.

Ещё одним компонентом презентационной компетенции является умение структурировать свою речь таким образом, чтобы она была чётко регламентирована по времени и включала все основные содержательные моменты. Данный компонент неразрывно связан с уровнем профессиональной подготовки специалиста, поскольку докладчик должен быть компетентным в своей сфере деятельности для того, чтобы кратко изложить свои идеи языком, доступным для понимания любой аудитории. Указанный компонент непосредственно связан с уровнем языковой подготовки докладчика, который должен с большой точностью передать свои идеи на иностранном языке.

Помимо профессиональной и языковой подготовки, для точной передачи идей требуются некоторые знания, умения и навыки, непосредственно связанные с устными выступлениями. Например, докладчик должен учитывать, что «идеальная презентация имеет трёхкомпонентную структуру: 1) вступление; 2) основную часть; 3) заключение» [10, с. 12]. Слушателям легче воспринимать презентацию, если они могут с лёгкостью распознать в потоке речи её отдельные части, поэтому необходимо использовать речевые маркеры, помогающие аудитории понять намерения выступающего *(today I am going to talk about, first of all, now let's move on to, I'd like to recap* и т. д.). Умение использовать маркеры такого рода в своей презентации связано с языковой подготовкой докладчика.

Подготовка слайдов для презентации является важным компонентом иноязычной презентационной компетенции, связанным с профессиональной подготовкой докладчика. Изначально программы для подготовки презентаций типа *PowerPoint* использовались в рекламных целях, и на каждом слайде размещался минимальный объём информации, поскольку так можно было оказать максимальное воздействие на сознание потенциальных покупателей. Точно такие же принципы должны учитываться при подготовке слайдов для научной или учебной презентации.

Для обеспечения максимального воздействия на аудиторию при помощи слайдов профессионал высокого уровня должен кратко изложить на слайдах основные

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

идеи, не переполняя их текстом. При подготовке слайдов докладчик должен учитывать, что если на них помещено слишком много текстовой информации, аудитория перестаёт воспринимать доклад на слух и начинает читать текст на экране.

Подготовка слайдов также связана с уровнем владения иностранным языком докладчика, поскольку размещённый на них текст не должен содержать ошибок. Они более заметны на слайдах, чем в устном докладе, и могут произвести неблагоприятное впечатление на аудиторию.

Одним из наиболее важных компонентов является подготовка к устному докладу. Время и усилия, которые затрачиваются на неё докладчиком, зависят от его индивидуального уровня профессиональной и языковой подготовки. При недостаточной профессиональной подготовке докладчику приходится пользоваться многочисленными справочными материалами в Интернете и в печатном представлении для уточнения непонятной информации и нахождения ответов на предполагаемые вопросы.

При недостаточной языковой подготовке докладчик должен проверить произношение незнакомых слов по словарям, доступным в Интернете, поскольку ошибки в произношении могут сильно повлиять на понимание. Докладчики, ощущающие, что их языковой уровень недостаточен для успешного проведения презентации, иногда вынуждены заучивать наизусть текст выступления. Иначе, даже если докладчику кажется, что он может изложить речь своими словами, «в обстановке стресса забываются простейшие слова и выражения, и допускаются лексические и грамматические ошибки» [11, с. 47]. При высокой профессиональной и языковой подготовке достаточно несколько раз проговорить текст выступления, используя слайды в качестве зрительной опоры, не считывая с них информацию. Хорошая подготовка к презентации может компенсировать некоторые личностные характеристики докладчика, препятствующие успешному выступлению.

Личностные характеристики докладчика как компоненты структуры презентационной компетенции

Для проведения успешной презентации докладчик должен обладать определённым набором личностных качеств, таких как «уверенность в себе, энергичность, целеустремлённость, адекватность самооценки, эрудированность, эмпатия и стремление к личностному росту» [2, с. 12]. Хотя первое из вышеперечисленных качеств является личностной характеристикой, часто определяется степенью подготовки к презентации. При недостаточном уровне владения языком и отсутствии компетентности в своём профессиональном направлении степень уверенности докладчика значительно снижается.

Энергичность является важным компонентом структуры презентационной компетенции. Отсутствие активности и настойчивости в достижении целей может отрицательно сказаться на качестве подготовки к презентации. Во время выступления низкий тонус, пассивность и безынициативность докладчика могут вызвать отсутствие интереса аудитории.

Целеустремлённость влияет на успешность выступления, поскольку без направленности на результат докладчик часто отвлекается от темы презентации и не может сосредоточиться на основной идее. На этапе подготовки выступления отсутствие целеустремлённости может привести к затруднениям при отборе материала для доклада. Необходимо учитывать, что «презентация – самый худший из возможных способов передать другому человеку большие объёмы информации» [9, с. 26]. Вместо этого целесообразно посвятить всю презентацию подробному изложению одной или двух идей, что позволит докладчику говорить в таком темпе, который способствует лучшему усвоению информации слушателями. Под целеустремлённостью при подготовке презентации понимается умение сконцентрировать внимание и усилия на одной или двух основных мыслях.

Адекватность самооценки также играет большую роль при подготовке и проведении презентации. Если докладчик понимает, что его уровень владения языком и профессиональная подготовка недостаточны для выступления перед широкой аудиторией, он сознаёт, что необходимо уделить больше внимания заучиванию наизусть текста выступления, проверить правильность лексики и грамматики в тексте выступления и отработать произношение. Однако докладчик с заниженной самооценкой может испытывать неуверенность во время презентации, что может сказаться на её качестве.

Эрудиция докладчика может помочь ему во время презентации, поскольку он может использовать свои широкие познания во многих областях для того, чтобы заинтересовать слушателей. Благодаря всесторонней образованности докладчик может использовать различные приёмы, такие как приведение примеров из истории или литературы. Эрудированный докладчик может с большей уверенностью отвечать на вопросы аудитории.

Ещё одним важным компонентом презентационной компетенции является эмпатия. Сопереживание эмоциональному состоянию слушателей и безошибочное определение их настроения возможны только в том случае, если докладчик выяснит как можно больше о потенциальной аудитории до проведения презентации. Способность к эмпатии может позволить докладчику установить контакт со слушателями и при необходимости

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

изменять манеру выступления в зависимости от настроения слушателей.

Стремление к личностному росту также является важным качеством докладчика с высоким уровнем сформированности презентационной компетенции. Наличие у него саморазвивающейся сущности побуждает его к передаче слушателям своих знаний и опыта, а стремление к личностному росту стимулирует докладчика к дальнейшему формированию презентационной компетенции в случае неудачного выступления.

Все перечисленные личностные характеристики являются компонентами презентационной компетенции, которая формируется наиболее успешно в условиях обучения в сотрудничестве.

Формирование презентационной компетенции при обучении в сотрудничестве

Одним из педагогических условий формирования презентационной компетенции является «организация взаимодействия в системе "студент-студент" на основе партнёрства и интерактивности» [2, с. 12]. Для подготовки презентации необходимо предварительное исследование, которое может выполняться либо индивидуально каждым студентом, либо в парах или малых группах. Проведение учащимися совместного исследования представляется особенно актуальным в группах с большой наполняемостью. Совместная учебно-познавательная деятельность особенно эффективна, если в пары или малые группы объединяются студенты с разным уровнем владения языком.

Поскольку исследование, на основе которого подготавливается презентация, является внеаудиторной формой работы, пары или малые группы учащихся обмениваются необходимой информацией по Интернету. Перед началом совместной деятельности педагог распределяет исследовательские задачи между парами или малыми группами. Обычно на самостоятельную подготовку выносятся темы, которые не могут быть подробно изучены на аудиторных занятиях из-за недостатка времени. Презентация, создаваемая студентами в результате совместной деятельности, является как формой отчёта о выполненной работе, так и фрагментом занятия, способом передать информацию другим студентам в группе.

Презентация, подготавливаемая в парах или малых группах, является эффективным способом введения учебного материала, поскольку слушатели воспринимают информацию одновременно по визуальному и по слуховому каналам. Подготовленная студентами презентация избавляет педагога от необходимости её создания. Процесс разработки учебной презентации – «всегда большая, кропотливая и сложная работа, требующая временных затрат» [1, с. 15]. Однако презентации должны использоваться на занятиях, поскольку с их помощью обеспечивается смена видов деятельности. Подготовка презентаций парами или малыми группами студентов является решением указанной проблемы.

Совместная учебно-познавательная деятельность по подготовке презентации состоит из трёх этапов: «1. Подготовка к выполнению группового задания (постановка познавательной задачи, инструктаж, раздача дидактического материала по группам); 2. Групповая работа; 3. Заключительная часть (сообщение о результатах работы в группах)» [12, с. 11]. Необходимо отметить, что на первом этапе педагог не только распределяет темы, но и назначает в каждой паре или малой группе учащегося с более высоким уровнем владения языком, ответственного за выполнение задания.

Как было указано выше, групповая работа осуществляется посредством общения через Интернет. Учащиеся с высоким уровнем владения языком не только выполняют свою часть работы, но и проверяют материалы, полученные ими от партнёров по паре или малой группе. Далее каждый из учащихся выделяет в отобранном материале ключевые идеи, которые необходимо включить в презентацию. Студенты, ответственные за выполнение заданий в парах или малых группах, осуществляют окончательное корректирование материала для презентации и отсылают его партнёрам по группам, чтобы последние поместили основные тезисы на слайдах. На следующем этапе групповой внеаудиторной работы студенты с высоким уровнем владения языком проверяют готовые слайды и по необходимости исправляют ошибки.

На последнем этапе подготовки презентации текст выступления разделяется между студентами, входящими в каждую пару или малую группу. Студенты, ответственные за выполнение заданий, выучивают не только свою часть выступления, но также проверяют по *Skype* уровень подготовленности своих партнёров, репетирующих свою часть доклада. Презентации проводятся парами или малыми группами на аудиторном занятии, причём каждый студент, независимо от уровня владения языком, выступает со своей частью доклада.

При подготовке презентации в условиях обучения в сотрудничестве формируются все компоненты иноязычной презентационной компетенции. Прежде всего, у всех участников повышается уровень владения языком и профессиональной подготовки за счёт того, что каждый студент выполняет свою часть работы по подготовке и проведению презентации. При обучении в сотрудничестве все студенты вынуждены принимать участие в решении поставленной задачи, и никто из них не может

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

избежать выполнения своей части работы. При этом учащиеся с недостаточной языковой или профессиональной подготовкой улучшают свой уровень владения языком и знаний в своей профессиональной области за счёт индивидуальных консультаций, получаемых ими от студентов, ответственных за выполнение заданий. Студенты с высоким уровнем языковой подготовки получают дополнительную языковую и профессионально-ориентированную практику, обучая менее подготовленных учащихся. Опыт показывает, что учащиеся с высоким уровнем языковой подготовки часто являются компетентными в своей профессиональной области.

Умение структурировать свою речь, которое, как было указано выше, является важным компонентом презентационной компетенции, который может улучшаться за счёт обучения в сотрудничестве. У учащихся с высоким уровнем владения языком происходит закрепление знаний, умений и навыков, требующихся для составления плана выступления, разделения речи на логические части и использования слов и словосочетаний, вводящих каждую отдельную идею. На аудиторном занятии педагог вводит речевые маркеры, помогающие аудитории понять намерения выступающего. Далее студенты с высоким уровнем языковой подготовки помогают своим партнёрам правильно использовать маркеры в выступлении.

Студенты улучшают своё умение структурировать речь на этапе совместной деятельности, связанном с отбором основных идей для включения в презентацию, а также на этапе подготовки слайдов. Учащиеся с высоким уровнем языковой подготовки помогают своим партнёрам кратко излагать свои идеи в виде тезисов, одновременно получая дополнительную практику указанного вида деятельности. На этапе совместной подготовки к устному докладу, осуществляемой посредством программ, обеспечивающих видеосвязь через Интернет, студенты с недостаточным уровнем языковой подготовки повышают своё умение произносить монологическую речь. Студенты, ответственные за выполнение задания, исправляют грамматические, фонетические и лексические ошибки своих партнёров, тем самым повышая свой собственный уровень владения языком.

При подготовке презентации в парах или малых группах происходит формирование личностных качеств, являющихся составными частями презентационной компетенции. «Учебное сотрудничество способствует не только формированию индивидуальных учебных действий в единстве всех их компонентов, но и развитию личности обучающегося» [13, с. 368]. Учащиеся становятся активнее, у них проявляется альтруизм, желание помочь своим партнёрам. Даже у студентов, основной характеристикой которых являлось отсутствие трудолюбия, появляется чувство ответственности за выполнение общего задания.

Основной особенностью формирования иноязычной презентационной компетенции у студентов лингвистических направлений является совпадение двух её компонентов: языковой и профессиональной подготовки. Другими словами, для учащегося, специализирующегося в лингвистике, высокий уровень языковой подготовки означает, что он является компетентным в своей профессиональной области. Педагоги, преподающие предметы гуманитарного цикла, могут дать парам или малым группам студентов задание подготовить презентации на различные темы. В данной статье мы будем рассматривать формирование иноязычной презентационной компетенции на примере совместной подготовки презентаций студентами переводческого отделения.

Пилотный эксперимент по выявлению эффективности формирования презентационной компетенции в условиях обучения в сотрудничестве

Пилотный эксперимент, целью которого было выявление целесообразности организации совместной учебно-познавательной деятельности студентов на этапе подготовки презентации, проводился с сентября 2016 г. по январь 2017 г. на базе Института языка и литературы в Удмуртском государственном университете г. Ижевска. 108 студентов-бакалавров, обучающихся на 4 курсе по кафедре Перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), приняли участие в эксперименте. 72 студента изучали в качестве основного языка английский, в то время как для 36 студентов базовым языком являлся немецкий, а английский изучался ими как второй иностранный язык. Все студенты 4 курса переводческого отделения за осенний семестр должны пройти курс *Публичное выступление на иностранном языке*.

Данный курс, включающий в себя как лекционные, так и практические занятия, является неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки переводчика, т. к. устный перевод осуществляется перед широкой аудиторией и предусматривает знание характеристик различных жанров публичной речи. Преподаватель, ведущий указанный курс, должен подготовить студентов к переводу публичного выступления путём ознакомления их с основными характеристиками публичной речи в целом. Лекционные занятия предполагают знакомство со структурой публичных выступлений разного жанра. Отдельно рассматриваются такие аспекты публичного выступления, как ориентация на аудиторию, технологию привлечения внимания, акцентирования мысли. В качестве примеров

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

студентам предъявляются образцы успешных публичных выступлений, сопровождаемые анализом средств, обеспечивающих их эффективность.

Для достижения максимально высоких результатов при изучении указанного курса необходим ряд условий. Преподавателю, ведущему курс на английском языке, особенно важно обращать внимание на собственную речь и манеру подачи материала, поскольку, если он не будет служить хорошим образцом для студентов, эффективность курса будет сведена к нулю. Наряду с этим необходимо применение современных технических средств обучения, облегчающих работу преподавателя. Так, аудио- и видеоматериалы, имеющиеся на кафедре, позволяют варьировать формы работы, знакомить студентов с аутентичным материалом.

Особое значение имеет успешное осуществление практического блока курса. В течение семестра каждый студент должен подготовить и презентовать три речи различных жанров (информационную, убеждающую и торжественную). На экзамен выносится еще одна информационная речь, которую студенты должны подготовить совершенно самостоятельно и презентовать перед аудиторией. Преподавателю необходимо организовать систематическую самостоятельную работу студентов по подготовке собственного публичного выступления. Нельзя допускать спонтанности и несерьезного подхода к презентациям такого рода. Выступления должны быть хорошо продуманы не только на содержательном уровне, но и в плане структуры, сбалансированности отдельных компонентов речи, используемых средств выразительности.

Студенты должны знать, что преподаваемый им курс является необходимым для успешного овладения следующим курсом *Перевод и публичное выступление*, поскольку в процессе перевода публичных выступлений на последующих этапах обучения им придется демонстрировать приобретенные навыки.

Самая большая трудность в изучении данного курса заключается в том, что он полностью ведется на английском языке и все речи должны быть подготовлены и представлены на английском языке. За 10 лет преподавания данного курса можно обобщить основные сложности, с которыми сталкиваются студенты. Прежде всего, большинство студентов страдает от страха публичных выступлений. В рамках данного курса этот страх усиливается, т. к. студентам нужно выступать с презентацией не на родном, а на иностранном языке. Студенты немецкого отделения, для которых английский язык является вторым иностранным, испытывают страх публичных выступлений ещё в большей степени, чем учащиеся, для которых английский язык является базовым. Страх выступать перед аудиторией негативно влияет на качество доклада, и презентация не производит на аудиторию должного эффекта, несмотря на правильную структуру и качественное содержание.

Мы предположили, что подготовка презентаций в сотрудничестве, при котором студенты, изучающие английский язык в качестве базового, будут оказывать помощь учащимся, у которых основным языком является немецкий, приведёт к более высокой степени сформированности презентационной компетенции, чем индивидуальная работа над докладом. Качество презентации оценивалось по восьми критериям: 1) темп речи (*speech rate*), 2) ромкость речи (*volume*), 3) зрительный контакт (*eye contact*), 4) произношение (*pronunciation*), 5) использование слов для заполнения пауз (*vocal fillers*), 6) энтузиазм (*enthusiasm*), 7) ошибки (*mistakes*), 8) плавность изложения (*smooth delivery*). В ходе курса студенты должны были подготовить и провести четыре презентации, последняя из которых являлась экзаменационной. Каждый указанный выше критерий оценивался по пятибалльной шкале.

В экспериментальных группах подготовка презентаций проходила в условиях обучения в сотрудничестве. Перед началом подготовки каждой презентации педагог распределил их темы между малыми группами студентов, в которых в большинстве случаев на одного учащегося, изучавшего английский в качестве второго иностранного языка, приходилось два студента, для которых английский являлся основным языком. Указанное соотношение являлось оптимальным, поскольку студенты с более высоким уровнем языковой подготовки должны были выполнять свою часть задания и осуществлять проверку работы, выполненной их партнёром с недостаточным уровнем владения языком. Поскольку контроль над работой менее подготовленного партнёра по малой группе выполняется двумя студентами, их нагрузка по оказанию помощи становится менее значительной. В таблице 1 приведены этапы подготовки презентации.

Групповая работа по подготовке доклада предлагалась в качестве домашнего задания, и партнёры по малым группам работали над презентацией посредством общения через Интернет. В экспериментальных группах на первом этапе подготовки учащиеся отбирали в Интернете материалы по теме подготавливаемой презентации. Студенты с более высоким уровнем владения языком проверяли материалы, отобранные их партнёрами. Далее учащиеся выделяли в отобранных текстах ключевые идеи для включения их в презентацию. Учащиеся с более высоким уровнем языковой подготовки осуществляли окончательное корректирование отобранных для презентации идей и отсылали их по электронной почте своим партнёрам

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

по малым группам, которые создавали слайды презентации с основными тезисами. Далее студенты с более высоким уровнем владения языком проверяли готовые слайды и при необходимости осуществляли их корректирование.

Таблица 1. Этапы подготовки презентации
Table 1. The stages of developing a presentation

Вид деятельности	Исполнители
Отбор материала в Интернете	Все партнёры, проверяют студенты с высоким уровнем подготовки
Отбор ключевых идей	Все партнёры, проверяют студенты с высоким уровнем подготовки
Окончательное корректирование идей для презентации	Студенты с высоким уровнем подготовки
Подготовка слайдов с основными тезисами	Студенты с недостаточным уровнем подготовки
Корректирование слайдов	Студенты с высоким уровнем подготовки
Проведение презентации	Все партнёры

На последнем этапе тексты презентаций распределялись в каждой малой группе между всеми партнёрами. Студенты, базовым языком которых являлся английский, выучивали свою часть выступления, а также проверяли по *Skype* качество подготовки презентации их партнёрами. Последним этапом являлось проведение презентаций на аудиторном занятии, причём все партнёры по малым группам выступали со своими частями доклада. В таблицах 2 и 3 приведены оценки проведённых 63 студентами экспериментальных групп в ходе эксперимента презентаций по отдельным критериям.

В таблице 2 показаны оценки за презентации, проведённые 31 студентом экспериментальных групп, изучавших английский в качестве базового языка. Оценки выставлялись по пятибалльной шкале, и по каждому критерию вычислялся средний показатель по группе. Далее высчитывалась итоговая оценка по четырём презентациям. Сопоставление оценок за первую и итоговую презентации показывает, что результаты выросли на 15 %.

Из таблицы 3 видно, что средний показатель в экспериментальных группах среди 32 студентов, изучавших немецкий в качестве базового языка, повысился на 37,4 % (если сравнивать оценки за первую и итоговую презентацию). Сравнение результатов в начале эксперимента с показателями по итоговой презентации позволило прийти к заключению, что особое улучшение наблюдается в таких компонентах, как темп речи, зрительный контакт, отсутствие ошибок и плавность изложения. В целом к концу эксперимента наблюдалось улучшение качества проведения презентаций по всем критериям. Сравнение таблиц 2 и 3 показывает, что улучшение качества более показательно среди студентов с базовым немецким языком. Это объясняется тем, что учащиеся с базовым английским языком проводили презентации на достаточно высоком уровне уже в начале эксперимента. Даже за первую презентацию учащиеся получили оценки не ниже 4 баллов. Среди студентов с базовым немецким языком возрастание результатов было более показательным, поскольку оценки за первую презентацию были достаточно низкими.

В контрольных группах, в состав которых входили как студенты с базовым английским языком, так и студенты, изучавшие немецкий в качестве основного языка, проводилось то же количество презентаций, подготовка к которым проводилась по тем же этапам, что и в экспериментальных группах (таблица 1). Основное отличие заключалось в том, что каждый студент подготавливал презентацию самостоятельно. Оценки за презентации, проведённые в ходе эксперимента в контрольных группах, в которых общее количество студентов составляло 45 человек, приведены в таблицах 4 и 5.

Среди учащихся, изучавших немецкий в качестве базового языка, итоговая оценка за презентации к концу эксперимента возросла на 2,5 % (на 34,9 % меньше, чем в экспериментальных группах). Показатели в контрольных группах возросли настолько незначительно, поскольку учащиеся не получали помощи и необходимых объяснений от студентов с более высоким уровнем владения языком. Учащиеся не получали контролируемой практики, поэтому, как видно из таблицы, в ходе эксперимента по большинству критериев не наблюдалось устойчивого роста.

Показатели студентов с базовым английским языком в контрольных группах не возросли и даже снизились на 2,5 %. Отсутствие заметных улучшений в качестве проведения презентаций объясняется тем, что студенты с более высоким уровнем владения языком не получали дополнительной практики за счёт объяснения материала учащимся, для которых английский не являлся базовым языком.

Студенты контрольных групп затрачивали больше усилий на подготовку, чем студенты экспериментальных групп, поскольку они были вынуждены полностью выучивать текст выступления, не разделяя его с партнёрами. Однако, в отличие от экспериментальных групп, они не обсуждали отбираемый материал, не создавали слайды в процессе совместной работы и не опрашивали друг друга в процессе подготовки выступления. Они не ощущали ответственности за результаты работы всей группы, поэтому их уровень мотивации был ниже, чем в экспериментальных группах.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

Таблица 2. Оценка презентаций студентов с базовым английским языком в экспериментальных группах

Table 2. The assessment of the presentations made by the ESL students in the experimental groups

Критерии оценки	Презентация			
	№ 1	№ 2	№ 3	Итоговая
Темп речи (*speech rate*)	5	5	5	5
Громкость речи (*volume*)	4	4	5	5
Зрительный контакт (*eye contact*)	4	4	5	5
Произношение (*pronunciation*)	5	5	5	5
Использование слов для заполнения пауз (*vocal fillers*)	4	4	4	5
Энтузиазм (*enthusiasm*)	4	4	4	5
Ошибки (*mistakes*)	4	4	5	5
Плавность изложения (*smooth delivery*)	4	5	5	5
Итоговая оценка (*final grade*)	4,25	4,38	4,75	5

Таблица 3. Оценка презентаций студентов с базовым немецким языком в экспериментальных группах

Table 3. The assessment of the presentations made by the GSL students in the experimental groups

Критерии оценки	Презентация			
	№ 1	№ 2	№ 3	Итоговая
Темп речи (*speech rate*)	3	4	4	5
Громкость речи (*volume*)	4	4	5	5
Зрительный контакт (*eye contact*)	3	4	4	5
Произношение (*pronunciation*)	2	3	4	4
Использование слов для заполнения пауз (*vocal fillers*)	3	4	5	5
Энтузиазм (*enthusiasm*)	4	4	5	5
Ошибки (*mistakes*)	2	4	4	5
Плавность изложения (*smooth delivery*)	3	4	5	5
Итоговая оценка (*final grade*)	3	3,87	4,5	4,87

Таблица 4. Оценка презентаций студентов с базовым немецким языком в контрольных группах

Table 4. The assessment of the presentations made by the GSL students in the control groups

Критерии оценки	Презентация			
	№ 1	№ 2	№ 3	Итоговая
Темп речи (*speech rate*)	4	4	3	4
Громкость речи (*volume*)	3	4	4	3
Зрительный контакт (*eye contact*)	3	3	2	3
Произношение (*pronunciation*)	3	2	4	3
Использование слов для заполнения пауз (*vocal fillers*)	4	4	3	4
Энтузиазм (*enthusiasm*)	3	3	4	4
Ошибки (*mistakes*)	3	3	3	3
Плавность изложения (*smooth delivery*)	3	3	2	3
Итоговая оценка (*final grade*)	3,25	3,25	3,125	3,375

Таблица 5. Оценка презентаций студентов с базовым английским языком в контрольных группах

Table 5. The assessment of the presentations made by the ESL students in the control groups

Критерии оценки	Презентация			
	№ 1	№ 2	№ 3	Итоговая
Темп речи (*speech rate*)	4	4	4	4
Громкость речи (*volume*)	5	4	4	5
Зрительный контакт (*eye contact*)	5	4	5	4
Произношение (*pronunciation*)	4	4	5	4
Использование слов для заполнения пауз (*vocal fillers*)	4	5	5	4
Энтузиазм (*enthusiasm*)	5	5	4	5
Ошибки (*mistakes*)	4	4	5	4
Плавность изложения (*smooth delivery*)	5	4	4	5
Итоговая оценка (*final grade*)	4,5	4,25	4,5	4,375

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

Обсуждение результатов эксперимента

Акцентируем внимание на преимуществах формирования иноязычной презентационной компетенции у студентов лингвистических направлений в условиях обучения в сотрудничестве.

Результаты проведённого эксперимента демонстрируют, что формирование иноязычной презентационной компетенции у студентов лингвистических направлений является более эффективным в условиях обучения в сотрудничестве. Одним из важных преимуществ коллективной подготовки презентации является то, что «группа может вовлечь в проект больше ресурсов, чем кто-либо, работающий в одиночку» [14, с. 42]. Именно поэтому, если на этапе отбора материала студенты работают совместно, каждый участник может сделать свой вклад в презентацию, найдя необходимую информацию по теме доклада в Интернете.

Ещё одним преимуществом обучения в сотрудничестве является повторение, которое выполняет две функции: «Первая из них заключается в том, чтобы удерживать информацию в кратковременной памяти, предотвращать её забывание. Вторая функция повторения – это перевод информации из кратковременной памяти в долговременную память и, тем самым, повышение прочности следов в долговременной памяти» [15]. Благодаря тому, что студенты, чьим базовым языком являлся английский, оказывали помощь студентам, изучавшим немецкий в качестве основного языка, они многократно повторяли информацию, объясняя её своим партнёрам по малой группе. Поэтому в экспериментальных группах показатели студентов с базовым английским языком показатели возросли на 2,5 %, тогда как в контрольных группах наблюдалось снижение показателей на 2,5 %.

Показатели студентов экспериментальных групп с базовым немецким языком повысились намного больше, чем в контрольных группах, поскольку, благодаря сотрудничеству со студентами с высоким уровнем владения иностранным языком, они были в большей степени уверены в приобретаемых ими знаниях, чем студенты, работавшие индивидуально. Учащиеся экспериментальных групп с недостаточным уровнем владения языком могли в любой момент получить помощь в процессе выполнения домашнего задания на каждом этапе подготовки презентации.

Более высокие показатели в экспериментальных группах были достигнуты также «за счёт создания эмоциональной атмосферы обучения, положительного эмоционального тонуса учебного процесса, благоприятного общения в учебном процессе, основанного на педагогике сотрудничества» [16, с. 8]. В процессе обучения в сотрудничестве между студентами в малых группах установились позитивные партнёрские взаимоотношения, основанные на совместном достижении общей цели. Благодаря этому все партнёры в малых группах испытывали ответственность за качество подготовки презентации.

Презентации в экспериментальных группах отличались глубоким и интересным содержанием, хорошо изложенным на английском языке. Доклады студентов отличались чёткой структурированностью, обеспечиваемой за счёт речевых маркеров. Слайды, выполняющие функцию зрительной опоры, не были перегружены текстом и не отвлекали слушателей от устного сообщения. Сам доклад был хорошо подготовлен благодаря тому, что студенты могли совместно репетировать его, используя *Skype*. Как продемонстрировали результаты эксперимента, все критерии оценки устного доклада были намного выше в экспериментальных группах. Поскольку устное выступление являлось способом оценки качества презентации, можно сделать вывод, что обучение в сотрудничестве способствовало более высокой степени сформированности всех компонентов иноязычной презентационной компетенции.

Действительно, благодаря обучению в сотрудничестве улучшились все составляющие иноязычной презентационной компетенции. В целом критерии оценки презентаций могут свидетельствовать о сформированности презентационной компетенции студентов. Исходя из структуры компонентов иноязычной презентационной компетенции, все критерии оценки входят в составляющую презентационной компетенции, которая обозначена как «хорошо подготовленный устный доклад». Однако более высокие показатели в экспериментальных группах, согласно представленным в исследовании критериям оценки, указывают на более высокий уровень сформированности презентационной компетенции у входящих в них студентов. Например, такие критерии, как плавность изложения, темп и громкость речи, указывают как на личностные характеристики докладчика, так и на владение предметным содержанием. У неуверенного в себе человека с низкой самооценкой плавность изложения, темп и громкость речи не всегда будут соответствовать норме даже при хорошей подготовке, знании языка и предметного содержания. Недостаточное владение предметным содержанием также может повлиять на плавность изложения, темп и громкость речи и привести к снижению общей оценки за презентацию даже у уверенного студента, владеющего навыками публичного выступления.

Владение иностранным языком влияет на такие критерии оценки, как плавность изложения, произношение,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

использование слов для заполнения пауз и наличие / отсутствие ошибок. Однако необходимо отметить, что ошибки могут свидетельствовать о недостаточном уровне владения как иностранным языком, так и предметным содержанием. С умением структурировать речь соотносятся такие критерии, как плавность изложения и использование слов для заполнения пауз. Это означает, что на один и тот же критерий оценки одновременно могут влиять несколько составляющих презентационной компетенции и, наоборот, несколько критериев оценки могут соотноситься с одним её компонентом. Более значительное возрастание показателей согласно всем критериям оценки в экспериментальных группах свидетельствует о более высоком уровне сформированности презентационной компетенции. Результаты эксперимента указывают на более высокую эффективность формирования иноязычной презентационной компетенции в условиях обучения в сотрудничестве.

Выводы

Проведение презентаций на иностранном языке является неотъемлемым компонентом подготовки студентов лингвистических направлений, в том числе учащихся, специализирующихся в переводе, к их последующей профессиональной деятельности. Анализ научных трудов, посвящённых формированию иноязычной презентационной компетенции, позволил нам установить, что в них не уделяется достаточного внимания преимуществам её формирования в условиях обучения в сотрудничестве. Новизна данного исследования заключается в том, что в нём основное внимание уделяется совместной деятельности студентов по подготовке презентаций.

На основе разработанной нами структуры презентационной компетенции были определены критерии оценки презентации, которые были использованы при подведении итогов эксперимента. Его результаты продемонстрировали, что совместная деятельность студентов значительно повышает показатели по всем критериям оценки презентаций, и следовательно, в целом приводит к возрастанию эффективности формирования презентационной компетенции.

Разработанная в результате исследования схема подготовки презентаций может применяться как при обучении студентов лингвистических направлений, так и на занятиях по профессионально-ориентированному иностранному языку со студентами неязыковых вузов. Обучение в сотрудничестве при подготовке презентации особенно эффективно в группах, в которых обучаются студенты с разными уровнями языковой подготовки.

Литература

1. Лесин С. М., Махотин Д. А., Медведев П. С., Москвина К. А. Учебная презентация как мультимедийное средство обучения. М.: МГПУ, 2013. 73 с.
2. Малетова М. И. Технология развития презентационных компетенций будущих экономистов (на материале занятий по английскому языку): автореф. дис. … канд. пед. наук. Ижевск, 2011. 24 с.
3. Полетаева Н. М., Борисова Е. А. Презентационная компетентность в структуре профессиональной деятельности специалиста // Человек и образование. 2018. № 1. С. 92–96.
4. Литвинова В. М. Формирование презентационных умений студентов на занятиях по иностранному языку как составляющей профессиональной компетентности будущих специалистов // Научное обеспечение развития АПК в современных условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 15–18 февраля 2011 г. Ижевск, 2011. С. 268–271.
5. Калугина О. А., Чернышкова Н. В. Презентация в формировании коммуникативной компетентности // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. 2012. № 3. С. 159–164.
6. Пономарева В. С. Развитие коммуникативно-презентационной компетентности у бакалавров педагогического направления на базе электронных курсов СФУ в системе дистанционного обучения "MOODLE" // Инновационное развитие российской экономики: материалы VII Междунар. науч.-практ. Форума, 17–24 ноября 2014 г. М., 2014. С. 88–91.
7. Шмакова А. П. Развитие способности будущего учителя к педагогическому творчеству на основе использования презентационных технологий // Ученые записки ИИО РАО. 2008. № 28. С. 211–215.
8. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
9. Харитонова О. В., Тервинская Ю. В. English for Effective Scientific Presentations. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 91 с.
10. Попова О. Ю. Методика обучения иноязычным презентационным умениям студентов неязыковых вузов (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. пед. наук. Волгоград, 2005. 26 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

11. Гусева С. Г., Филон С. А. Дебаты: за и против. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 58 с.
12. Гришин В. Н. Организация самостоятельной работы студентов в процессе группового взаимодействия: автореф. дис. … канд. пед. наук. Елец, 2000. 16 с.
13. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 448 с.
14. Бут У. К., Коломб Г. Дж., Уильямс Дж. М. Исследование: шестнадцать уроков для начинающих авторов / пер. с англ. А. Станиславского. М: Флинта: Наука, 2007. 360 с.
15. Асмолов А. Г. Принципы организации памяти человека: системно-деятельностный подход к изучению познавательных процессов. М.: Изд-во Московского университета, 1985. 103 с.

Developing Foreign Language Presentation Competence of Linguistic Majors through Cooperative Learning

Alexandra I. Dashkina [a, @]; Olga N. Zlobina [b]

[a] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Polytechnitcheskaya St., Saint-Petersburg, Russia, 195251
[b] Udmurt State University, 1, Universitetskaya St., Izhevsk, Russia, 426034
[@] wildroverprodigy@yandex.ru

Received 31.05.2018. Accepted 07.02.2019.

Abstract: It is essential for linguistic majors to acquire the foreign language presentation competence. This competence includes a complete set of knowledge, aptitudes and skills, as well as psychological characteristics one needs to make a public speech. The experiment described in the article was aimed at ascertaining whether this competence can be formed more efficiently through cooperative learning. In order to assess the extent to which the foreign language presentation competence has been developed, the authors considered the following criteria: foreign language proficiency, knowledge of the subject matter, the ability to structure the presentation and to make slides, and a carefully prepared report. When the report was assessed, the following criteria were taken into account: speech rate and volume, eye contact, pronunciation, vocal fillers, enthusiasm, whether or not mistakes were made and whether the delivery was polished. Such personality traits as self-confidence, intensity, determination, adequate self-evaluation, general knowledge, empathy and willingness to develop oneself are also the inherent components of the foreign language presentation competence. An experiment was conducted to find out whether presentations should be prepared in the process of cooperative learning or individually. In the experimental groups presentations were prepared cooperatively, and the students with a high level of foreign language proficiency helped the ones whose knowledge was rudimentary. In the monitoring groups the students worked individually. Four presentations were made and the students' progress by the end of the experiment was assessed on the basis of the criteria applied to a public report. In the experimental groups, the students made more progress than those in the monitoring groups. The experiment clearly demonstrates that linguistic majors develop the foreign language presentation competence through cooperative learning.

Keywords: report, preparing the slides, assessment criteria, presentation, small group, foreign language proficiency

For citation: Dashkina A. I., Zlobina O. N. Developing Foreign Language Presentation Competence of Linguistic Majors through Cooperative Learning. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 171–184. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-171–184

References

1. Lesin S. M., Makhotin D. A., Medvedev P. S., Moskvina K. A. *Educational presentation as a multimedia learning tool*. Moscow: MGPU, 2013, 73. (In Russ.)
2. Maletova M. I. *Technology of development of the presentation competencies of future economists (on the material of classes in the English language)*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Izhevsk, 2011, 24. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-171-184

3. Poletayeva N. M., Borisova E. A. Presentation competence in the structure of a specialist's professional activity. *Chelovek i obrazovanie*, 2018, (1): 92–96. (In Russ.)
4. Litvinova V. M. Formation of presentation skills of students in the classroom in a foreign language as a component of professional competence of future specialists. *Scientific support for the development of agriculture in modern conditions*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., February 15–18, 2011. Izhevsk, 2011, 268–271. (In Russ.)
5. Kalugina O. A., Chernyshkova N. V. Presentation in formation of communication competence. *Gosudarstvennyi universitet Minfina Rossii. Finansovyi zhurnal*, 2012, (3): 159–164. (In Russ.)
6. Ponomareva V. S. Development of communicative-presentation competence among bachelors of pedagogical direction on the basis of SFU electronic courses in the distance learning system "MOODLE". *Innovative development of the Russian economy*: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Forum, November 17–24, 2014, Moscow, 2014, 88–91. (In Russ.)
7. Shmakova A. P. Development of the ability of the future teacher to pedagogical creativity through the use of presentation technologies. *Uchenye zapiski IIO RAO*, 2008, (28): 211–215. (In Russ.)
8. Zimniaia I. A. *Key competencies as an effective target basis of a competence-based approach in education*. Moscow: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004, 42. (In Russ.)
9. Kharitonova O. V., Tervinskaia Iu. V. *English for Effective Scientific Presentations.* Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2013, 91. (In Russ.)
10. Popova O. Iu. *Methods of teaching foreign language presentation skills of students of non-linguistic universities (on the material of the English language)*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2005, 26. (In Russ.)
11. Guseva S. G., Filon S. A. *Debate: Pro and Contra*. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2014, 58. (In Russ.)
12. Grishin V. N. *Organization of independent work of students in the process of group interaction.* Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Elets, 2000, 16. (In Russ.)
13. Zimniaia I. A. Pedagogical psychology. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2010, 448. (In Russ.)
14. Booth W. C., Colomb Gr. G., Williams J. M. *Study: Sixteen Lessons for Beginner Writers,* transl. Stanislavskii A. Moscow: Flinta: Nauka, 2007, 360. (In Russ.)
15. Asmolov A. G. *Principles of human memory organization: a system-activity approach to the study of cognitive processes*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1985, 103. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

оригинальная статья
УДК 81.42

Роль речевого стереотипа в формировании стереотипа поведения (на материале французской социальной рекламы)

Елена Г. Желудкова [a, @, ID]

[a] Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
[@] jld@rambler.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-6502-7798

Поступила в редакцию 28.03.2018. Принята к печати 28.04.2018.

Аннотация: Предметом исследования является речевой стереотип на этапе его формирования. Мы преследуем цель пронаблюдать процесс формирования стереотипа социально одобряемого поведения с помощью речевых стереотипов, которые объединяются в общий концепт *продуктовое расточительство*. В процессе анализа буклетов французской социальной рекламы, тема которых *gaspillage alimentaire,* были выявлены и описаны речевые стереотипы, формирующие этот концепт, охарактеризованы механизмы стереотипизации и способы воздействия стереотипов на адресата в дискурсе социальной рекламы. В результате проведенного анализа был сделан вывод о ключевой роли речевого стереотипа, отсылающего адресата к уже существующим моделям поведения, в формировании новых моделей, которые востребованы во французском социуме. Результаты исследования способствуют лучшему пониманию речевого поведения носителей разных культур и могут быть использованы в качестве демонстрационного и доказательного материала в курсах лингвокультурологии, стилистики французского языка, анализа дискурса.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, речевое воздействие, дискурс рекламы, концепт, речевой стереотип

Для цитирования: Желудкова Е. Г. Роль речевого стереотипа в формировании стереотипа поведения (на материале французской социальной рекламы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 185–190. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

Введение

Исследования стереотипов многоплановы и присутствуют в разных парадигмах, в связи с чем их классификация довольно разносторонняя. Традиционно исследуются этнические и этнокультурные стереотипы, которые связаны с понятиями этноса и национальной культуры и транслируют представления носителей определенной культуры о себе и о представителях другой культуры. Эти стереотипы входят в более объемный разряд социальных стереотипов. Социальные стереотипы характеризуют личность с точки зрения ее саморепрезентации и поведения в социуме. Как подчеркивают В. О. Попова и Е. А. Балезина [1], социальный стереотип является не только средством категоризации, но и средством манипуляции. Такой процесс мы можем наблюдать в СМИ, где стереотипы являются инструментом манипулирования массовым сознанием. Таковы, например, политические или экономические стереотипы, транслируемые массам с целью формирования их ценностей и установок.

Н. Г. Брагина называет стереотип симулякром банальности и относит его к базисным категориям массмедийного и масскультурного общества, подчеркивая, что стереотип опосредует миф в обыденное знание «как составную часть само собой разумеющегося, здравого смысла, врожденных знаний» [2].

Ю. Н. Караулов [3] подчеркивает пересечение в стереотипе различных уровней языковой личности: вербально-ассоциативного, лингвокогнитивного и мотивационно-аффективного. С точки зрения когнитивного подхода стереотипы представляют собой стандартные суждения о стандартных ситуациях, составляющие основу менталитета [4]. В этой парадигме стереотип соотносится с концептом, который рассматривается как основа стереотипа. Однако, В. А. Пищальникова [5] отмечает деятельностную ориентированность стереотипа, обусловленную тем, что в основе его лежит эмоция, определяющая социально одобренное отношение к знанию, передаваемому стереотипом, в отличие от концепта, который отражает реальность. Автор подчеркивает, что языковые средства для передачи стереотипа ограничены стандартным набором. Функциональную особенность стереотипа, проявляющуюся в коммуникативном поведении, отмечает В. В. Красных [6].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

Е. П. Буторина [7] в этой связи отмечает, что стереотипы используются в репродуктивном поведенческом мышлении, которое, в отличие от творческого когнитивного мышления, обеспечивает консервативное поведение, столь важное для выживания.

В лингвистических исследованиях употребляются понятия *клише, языковой стереотип, речевой стереотип, фразеологизм, цитата, афоризм, лозунг* и т. д. Как отмечает В. А. Рыжков [8], стереотипизированными могут быть как отдельные вербальные единицы, так и целый текст. Таким образом, стереотипу приписывается ряд характеристик, среди которых обобщение, связь с национальной культурой, реализация в языке и речи в виде более или менее фиксированных единиц языка. В данной статье мы уделим внимание стереотипизации в рекламном дискурсе. При этом нас будет интересовать процесс создания стереотипа первоначально на речевом уровне с целью формирования определенного стереотипного поведения.

Понятие *речевой стереотип* попадало в поле внимания ряда исследователей. Т. М. Николаева [9] понимает под речевым стереотипом отрезок высказывания (или целое высказывание), включенный в контекст, представленный «свободными» компонентами высказывания. Причем такое высказывание воспринимается говорящим как чужая речь. Стереотип представлен клише-цитатой, паремией, названием фильма, шлягера и т. д. Автор обращает внимание на то, что такие стереотипы используются в знак согласия или несогласия. В случае согласия их использование указывает на принадлежность говорящего к определенной группе, т. е. им приписывается функция социализации. В случае неприятия говорящий подчеркивает, что данное высказывание для него чужое, он может трансформировать стереотип, внося субъективную оценку.

В. Е. Чернявская [10] отмечает связь речевого стереотипа с понятием речевого штампа, т. е. механически употребленного высказывания, потерявшего языковую выразительность, или речевого клише – повторяющегося выражения. По мнению автора, если использование стереотипа частотно, у его адресата отключается рефлексия, и описываемые стереотипом области жизни воспринимаются некритично.

И. В. Одарюк [11] понимает речевой стереотип как готовую речевую формулу, быстро и экономно передающую общезначимое и общепонятное содержание в типичных ситуациях общения, выбирая которую, автор формирует положительное, нейтральное или отрицательное отношение у читателей к речевому событию.

В целом речевому стереотипу приписывается ряд характеристик. Во-первых, это речевая формула, сформированная до момента ее употребления в данном дискурсе, заимствованная в другом дискурсе, в литературном источнике или принадлежащая определенному автору. Во-вторых, речевой стереотип формирует ментальный образ, а также отношение к нему, т. к. непосредственно воздействует на эмоции. Использование речевых стереотипов регламентируется социальными, культурными, этническими рамками.

Стоит отметить волатильность категории речевого стереотипа по отношению, скажем, к языковому стереотипу. Как нами было замечено, речевой стереотип может возникать в результате возникновения какого-то явления в жизни общества и уходить вместе с исчезновением этого явления [12].

В этой связи интересно пронаблюдать функционирование речевых стереотипов в рекламном дискурсе. Следует отметить, что речь пойдет о рекламе социальной, а не коммерческой. И. А. Гольман и Н. С. Добробабенко [13] определяют рекламу как любую форму неличного представления и продвижения коммерческих идей, товаров и услуг, оплаченную четко указанным рекламодателем.

Социальная реклама, как нас информирует информационно-справочный портал «Индустрия рекламы», направлена на изменение моделей социального поведения и привлечение внимания к общественно значимым явлениям и проблемам. Она представляет собой особую форму неличного представления и продвижения социальных идей, поведения и практик, способствующих как гуманизации общества в целом, так и достижению отдельных целей, полезных с точки зрения общественного блага[1].

Рекламный дискурс, включающий в себя рекламный текст, устанавливает связь и взаимодействие между адресантом и адресатом этого текста. Поскольку цель социальной рекламы в том, чтобы изменить поведение индивида в обществе в отношении объекта рекламы, сформировать новую модель поведения, новые ценности, то адресат социальной рекламы – это широкая аудитория, все общество или большая его часть, а адресант – это либо общественные организации, которые осуществляют просветительскую деятельность, либо государство. Как отмечает С. И. Киреев [14], социальный дискурс отличается от коммерческого своим мотивом и тональностью. Если коммерческий дискурс наполнен радостными красками, здесь используются мотивы радости, благополучия, выгоды, то в дискурсе социальной рекламы используются шокирующие, негативные темы для усиления суггестивного эффекта.

[1] Индустрия рекламы. Информационно-справочный портал. Режим доступа: http://adindustry.ru/doc/1132 (дата обращения: 15.02.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

Функции речевого стереотипа в рекламном дискурсе

Рассмотрим, как функционируют речевые стереотипы в дискурсе французской социальной рекламы, посвященной борьбе против выбрасывания продуктов питания, еще пригодных к потреблению, против так называемого пищевого расточительства: gaspillage alimentaire. Причины кампании против него более чем серьезные. Каждый год, по исследованиям Агентства по защите окружающей среды и энергосбережению Франции[2], 10 млн т продуктов выбрасывается в стране на свалку, то есть 29 кг в год на одного человека.

Причины такого поведения потребителей не всегда оправданы. Это может быть покупка чрезмерного количества продуктов, которые не съедаются и портятся в холодильнике, неправильное хранение продуктов. В масштабах торговли это несоблюдение правил хранения в торговых сетях, чрезмерная требовательность покупателей, выбирающих продукт не только по качеству, но и по внешнему виду и т. д. В связи с существующей проблемой во Франции была объявлена кампания по борьбе с расточительством, одним из первых шагов которой стало информирование населения о существовании проблемы и формирование негативного отношения к ней посредством социальной рекламы.

Обратимся к содержанию некоторых рекламных буклетов на тему пищевого расточительства. Одним из первых появился буклет, содержащий фразеологизм *gaspillage alimentaire*: *Un petit pois pour l'homme – un gros poids pour l'humanité / Ne laissez pas le gaspillage alimentaire marquer l'Histoire*[3].

Как мы уже упомянули выше, механизм возникновения речевого стереотипа четко связан с возникновением проблемы. Термин *gaspillage*[4] соотносится в сознании французов уже не с материальной сферой (трата денег), а с тратой электроэнергии, природных ресурсов и с недавнего времени продуктов питания. Успешно использованный в кампании по экономии тепла и электроэнергии теперь он формирует негативное отношение французского потребителя к неразумному расходованию продуктов питания. Термин *gaspillage* обрел черты европейского, а не только французского концепта. Несмотря на то, что он не возник из массового сознания, а был навязан последнему СМИ, транслирующими императив государственного масштаба, данный концепт представляет собой определенный ментальный образ и диктует модель поведения. Новая задача, стоящая перед СМИ, в том, чтобы, расширяя поле данного концепта, ввести в обиход, закрепить как негативную модель поведения продуктовое расточительство – *gaspillage alimentaire*. В приведенном выше примере важность феномена усилена гиперболизацией войти в Историю как чего-то глобального и действительно важного, от чего зависят условия существования человечества. Для экспликации феномена использована игра слов, строящаяся на противопоставлении омофонов *pois* / *poids* (горох / груз, вес) и лексем *homme* / *humanité* (человек / человечество). Дискурс данной рекламы строится как призыв к действию. У адресата рекламы формируется позиция экономно относиться к пище за счет открытого призыва в форме императива *Ne laissez pas*.

Тот же концепт встречается и в более агрессивном с точки зрения воздействия на адресата дискурсивном пространстве, как в следующем лозунге: *Gaspillage alimentaire = 55 % de la production agricole mondiale. Et vous, combien de tranches allez-vous jeter aujours'hui*?[5]. Стереотип *Gaspillage alimentaire* подвергается статистической расшифровке, а рекламный текст имеет прямую адресацию к потребителю за счет местоимения *vous*.

Данный концепт – искусственный конструкт, с помощью которого формируется модель ответственного пищевого поведения индивида, что, безусловно, является тяжелой задачей, учитывая пассивность и неповоротливость общественного сознания. В связи с этим авторы рекламных буклетов используют часто речевые стереотипы из других сфер жизни, дабы сформировать понятийное поле данного концепта.

Таким образом, проблема продуктового расточительства мыслится в рекламе не только в глобальном масштабе, но и в более конкретных его проявлениях: *Et si vos restes valaient de l'or*?[6] Речевой стереотип *valer de l'or*, характеризующий обычно дружбу, преданность, т. е. явления абстрактного порядка, используется в отношении предметного объекта – остатков пищи. Автор в данном случае приравнивает недоеденную еду к чему-то не менее ценному, чем еда, и иронично задаёт риторический вопрос аудитории, заведомо зная, что никто не выбросил бы драгоценную

[2] Pertes et gaspillages alimentaires: l'état des lieux et leur gestion par etapes de la chaine alimentaire. Режим доступа: http://www.ademe.fr/sites/default/files/assets/documents/pertes-gaspillages-alimentaires-etat-lieux-201605-synt.pdf (дата обращения: 15.02.2018).

[3] Une campagne efficace et créative contre le gaspillage alimentaire // Pinterest. Режим доступа: https://ru.pinterest.com/pin/446560119276161578/?lp=true (дата обращения: 15.02.2018).

[4] неоправданные траты, транжирство, разбазаривание, расточительство.

[5] Gaspillage alimentaire // Pinterest. Режим доступа: https://ru.pinterest.com/pin/379780181053201508/ (дата обращения: 15.02.2018).

[6] A Angers, "Et si vos restes valaient de l'or" // Angers info. 12.03.2016. Режим доступа: http://www.my-angers.info/03/12/a-angers-et-si-vos-restes-valaient-de-lor/54615 (дата обращения: 15.02.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

вещь. Цель такой рекламы – заставить задуматься о судьбе выбрасываемых продуктов и о собственном потребительском поведении в целом.

Автор следующего рекламного текста прибегает к персонификации потребляемых продуктов, которые говорят о себе с аудиторией напрямую: *Je ne suis pas une stare de la pub mais j'ai le même goût*[7]. Неидеальные с виду продукты также имеют хорошие вкусовые качества, тем самым они имеют право на то, чтобы их использовали в пищу. Стоит отметить, что в данном случае представленный речевой стереотип *une stare de la pub* отражает социальный стереотип поведения: общество зачастую больше привлекает бренд, активно рекламируемые продукты, которые становятся популярными. Более того, в рекламе любой такой продукт должен всегда выглядеть безупречно и аппетитно. Текст служит сопровождением изображению не очень привлекательной груши, от покупки которой отказываются из-за ее плохого внешнего вида. В данном случае авторская ирония служит для того, чтобы вызвать определённые чувства у публики, возможно чувства некоторого раскаяния и стыда.

Использование трансформированных идиоматических выражений отсылает аудиторию к общему национально-культурному багажу: *Qui jette un oeuf, jette un boeuf / STOP au gaspillage alimentaire / MANGER c'est bien / JETER ça craint*![8] Основной лозунг данной рекламы заявлен в конце текста, он повторяется от одного буклета к другому. Лозунг выражен оппозицией *MANGER c'est bien / JETER ça craint*! Оппозиция *есть / выбрасывать* абсолютно эксплицитна, не содержит метафорического переноса и однозначна. Для привлечения внимания к основной идее используются различные речевые стереотипы. В данном случае *Qui jette un oeuf, jette un boeuf* представляет собой речевой стереотип, образованный в процессе трансформации пословицы *Qui vole un oeuf, vole un boeuf* (Кто крадёт яйцо, крадёт корову). Смысл данной пословицы в том, что, украв не очень важный предмет, в следующий раз человек уже украдёт что-то более крупное. Как следствие, смысл всем известного изречения аудитория невольно перенесёт на рекламный лозунг, чего и добивается автор: выбрасывая одно яйцо, человек не задумывается о масштабах расточительства. Стереотипизированность высказывания, таким образом, не вызывает критического отношения со стороны аудитории, а, как известно из психологии, если человек согласился однажды с каким-либо мнением, шансы на повторное его согласие возрастают.

Часто благодаря лексике из разговорного регистра рекламодателю удаётся вызывать доверие у людей: *Remplir son assiette c'est chouette, si c'est pour la poubelle c'est bête*! / *A la cantine, pas la peine d'avoir les yeux plus gros que le ventre*! / *STOP au gaspillage alimentaire / MANGER c'est bien / JETER ça craint*![9] Оппозиция речевых стереотипов *c'est chouette – c'est bête*, двух просторечных эпитетов, характеризующих положительно и отрицательно действие *наполнить тарелку* и *выбросить*, фактически дублируют оппозицию предыдущего примера. Вторая часть рекламного текста представлена поговоркой *les yeux plus gros que le ventre*, характеризующей несдержанное потребление. Главная мысль представленной части заключается в том, что важно есть столько, сколько того требует желудок, и контролировать себя при виде огромного количества разной еды. Ведь зачастую человек от разнообразия блюд теряется и берёт больше, чем его желудок способен усвоить. Итог один – еда в мусорном ведре.

Наконец, разговорный регистр служит вкраплением в нормативную речь, создавая особый суггестивный эффект. Речь об эпитете *moche* (уродливый, некрасивый), характеризующем в данном случае внешний вид фруктов и овощей. Сеть магазинов *Intermarché* использовала следующий лозунг: *Pour votre santé mangez 5 fruits et légumes moches par jours / Avec les fruits et légumes moches, Intermarché lutte contre le gaspillage alimentaire*[10]. Автор взял за основу рекламу правильного питания *Pour votre santé mangez 5 fruits et légumes par jours*. Но для данного случая он добавил иронии, используя эпитет *moches*, и обыграл текст в пользу главной идеи: внешне некрасивые продукты не менее полезные и вкусные, чем их более симпатичные с виду «собратья». Серьёзность и реалистичность данного лозунга представляет «новый мир», где является уже общепринятым употреблять в пищу «некрасивые фрукты и овощи».

Более того, неприятные с виду продукты питания смело рекламируются всеми известным магазином *Intermarché*, что также внушает доверие покупателям: *Blanche Neige aurait du croquer une pomme moche / Jeter*

[7] Une campagne efficace et créative contre le gaspillage alimentaire // Pinterest. Режим доступа: https://ru.pinterest.com/pin/446560119276161578/?lp=true (дата обращения: 15.02.2018).

[8] Gaspillage alimentaire: "Qui jette un œuf jette un bœuf" // Al-Kanz. 03.02.2013. Режим доступа: http://www.al-kanz.org/2013/02/03/gaspillage-alimentaire (дата обращения: 15.02.2018).

[9] Les enfants sensibilisés au gaspillage à la cantine. // Ouest France. 11.06.2015. Режим доступа: https://www.ouest-france.fr/bretagne/sainte-helene-56700/les-enfants-sensibilises-au-gaspillage-la-cantine-3471384 (дата обращения: 15.02.2018).

[10] Gaspillage alimentaire: "Qui jette un œuf jette un bœuf" // Al-Kanz. 03.02.2013. Режим доступа: http://www.al-kanz.org/2013/02/03/gaspillage-alimentaire (дата обращения: 15.02.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

moins = manger mieux[11]. Вторя рекламе торговой сети, автор данного рекламного буклета взял за основу сюжет знаменитой сказки «Белоснежка и семь гномов», где главная героиня съедает отравленное яблоко. Он иронизирует над потребителем, который слишком критично относится к продуктам и может легко их выбрасывать за любой физический изъян. Таким образом, через авторскую иронию публика понимает главный посыл рекламы, который заключается в том, что некрасивые с виду фрукты ничуть не хуже для здоровья и их можно употреблять в пищу наравне с другими.

Заключение

Пронаблюдав функционирование речевых стереотипов в дискурсе социальной рекламы, направленной на борьбу с пищевым расточительством во Франции, мы можем сделать следующий вывод: поскольку цель социальной рекламы в формировании нового образца социального поведения, просматривается тенденция создать сначала его ментальный прототип, прибегая к его языковой детерминации. С этой целью используются речевые стереотипы, характеризующие различные сферы жизни, трансформированные и адаптированные применительно к предложенной идее. Их задача на примере проанализированного материала в раскрытии содержания концепта gaspillage alimentaire с целью вывода его на более высокий уровень, фиксирующий стереотип поведения.

Литература

1. Попова В. О., Балезина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2. С. 88–94.
2. Брагина Н. Г. Мифология стереотипа и обыденное сознание // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 348–356.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2003. 261 с.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Изд. 4-е, стер. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.
5. Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алт. госуниверситета, 1999. 173 с.
6. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Буторина Е. П. Стереотипы в описании черт характера при деловом общении. // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 378–394.
8. Рыжков В. А. Регулятивная функция стереотипов // Знаковые проблемы письменной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев: КГПИ, 1985. С. 15–21.
9. Николаева Т. М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 112–131.
10. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Директ-медиа, 2014. 185 с.
11. Одарюк И. В. Специфика употребления автором речевых стереотипов в художественном произведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8-2. С. 131–133.
12. Желудкова Е. Г. Образы русских женщин в современной французской литературе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-3. С. 149–152.
13. Гольман Н. А., Добробабенко Н. С. Практика рекламы. Десять уроков для советского бизнесмена. Новосибирск: Интербук, 1991. 142 с.
14. Киреев С. И. Дискурс и концептосфера социальной рекламы: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 19 с.

[11] Aujourd'hui, Blanche neige aurait dû croquer une pomme moche // Alim'agri. 11.10.2016. Режим доступа: http://agriculture.gouv.fr/si-lantigaspi-metait-conte (дата обращения: 15.02.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

The Role of Speech Stereotype in the Formation of Speech Behavior: a Case Study of the French Social Advertising

Elena G. Zheludkova [a, @, ID]

[a] Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
[@] jld@rambler.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-6502-7798

Received 28.03.2018. Accepted 28.04.2018.

Abstract: The research features the speech stereotype at the stage of its formation. The author observes the way stereotype of socially approved behavior are formed with the help of speech stereotypes united by the concept of "product waste". An analysis of "gaspillage alimentaire" social advertising revealed some speech stereotypes, stereotyping mechanisms, as well as the way they influence the recipient of the social advertising discourse. The author states the key role of the speech stereotype that address the recipient to the existing models of behavior and in the formation of new models that are in demand in the French society. The results of the research contribute to a better understanding of the speech behavior in different cultures and can be used in the courses of cultural linguistics, French language stylistics, and discourse analysis.

Keywords: discourse, communication, speech impact, advertising discourse, concept, speech stereotype

For citation: Zheludkova E. G. The Role of Speech Stereotype in the Formation of Speech Behavior: a Case Study of the French Social Advertising. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 185–190. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-185–190

References

1. Popova V. O., Balezina E. A. Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiia. Psikhologiia. Sotsiologiia*, 2015, (2): 88–94. (In Russ.)
2. Bragina N. G. Mythology of the stereotype and everyday consciousness. *Stereotypes in language, communication and culture*. Moscow: RGGU, 2009, 348–356. (In Russ.)
3. Karaulov Iu. N. *Russian language and linguistic persona.* Moscow: Editorial URSS, 2003, 261. (In Russ.)
4. Popova Z. D., Sternin I. A. *Language and national picture of the world*. Moscow: Berlin: Direkt-Media, 2015, 101. (In Russ.)
5. Pishchal'nikova V. A. *Psychopoethics*. Barnaul: Izd-vo Alt. gosuniversiteta, 1999, 173. (In Russ.)
6. Krasnykh V. V. *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology. Lecture course.* Moscow: Gnozis, 2002, 284. (In Russ.)
7. Butorina E. P. Stereotypes in the description of character traits in business communication. *Stereotypes in language, communication, and culture*. Moscow: RGGU, 2009, 378–394. (In Russ.)
8. Ryzhkov V. A. Regulatory function of stereotypes. *Significant problems of written communication*. Kuibyshev: KGPI, 1985, 15–21. (In Russ.)
9. Nikolaeva T. M. Speech, communication and mental stereotypes: sociolinguistic distribution. *Language as a means of cultural transmission*. Moscow: Nauka, 2000, 112–131. (In Russ.)
10. Cherniavskaia V. E. *Discourse of power and discourse power: problems of speech impact*. Moscow: Direkt-media, 2014, 185. (In Russ.)
11. Odaryuk I. V. Specificity of speech stereotypes use by writer in work of fiction. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, (8-2): 131–133. (In Russ.)
12. Zheludkova E. G. Russian women's image in the modern french literature. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-3): 149–152. (In Russ.)
13. Gol'man N. A., Dobrobabenko N. S. *The practice of advertising. Ten lessons for the Soviet businessman*. Novosibirsk: Interbuk, 1991, 142. (In Russ.)
14. Kireev S. I. *Discourse and concept sphere of social advertising*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2008, 19. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

CC BY

оригинальная статья
УДК 811.1/.2

Концепт *деньги* в контексте национальных лингвокультур

Татьяна Ю. Залавина [a, @ ID1]; Наталья В. Дерина [a, ID2]; Лилия С. Полякова [a, ID3]; Юлия В. Южакова [a, ID4]

[a] Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38
[@] tania_mgn@rambler.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-0210-7963
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-0613-0864
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-9990-7694
[ID4] https://orcid.org/0000-0001-6790-044X

Поступила в редакцию 19.08.2018. Принята к печати 13.12.2018.

Аннотация: В статье представлен аналитический обзор научных работ, посвящённых одному из актуальных исследований когнитивной лингвистики, лингвокультурологии – концепту *деньги*, входящему в корпус базовых концептов европейской цивилизации. Концепты как сложные ментальные образования притягивают особое внимание ученых, изучающих проблему языковой концептуализации окружающего человека мира. Языковые единицы разных уровней исследуются в их соотнесенности с когнитивной структурой знания – концептом. Основу работы составляет систематизация большинства существующих научных результатов вербальной репрезентации, структурирования концепта *деньги* в контексте русского, английского, немецкого, французского языков. Сопоставительный анализ способов и средств вербальной репрезентации исследуемого концепта в русском, английском, немецком, французском языках устанавливает совокупность универсальных и специфичных черт, воплощающих сущность концепта *деньги* в указанных национальных лингвокультурах. Полученные данные научных изысканий представляют возможности воплощения общекультурного концепта *деньги* в национальных языках. Практическая ценность определяется тем, что систематизированные полученные научные данные в рассматриваемой понятийной области могут быть использованы учёными при составлении лингвокультурологических словарей базовых концептов европейской культуры, а также при разработке учебных курсов, для которых эти словари станут содержательной базой.

Ключевые слова: языковая репрезентация, национальный язык, европейская культура, экстралингвистические знания, лингвокультурная специфика, интеграция методов исследования

Для цитирования: Залавина Т. Ю., Дерина Н. В., Полякова Л. С., Южакова Ю. В. Концепт *деньги* в контексте национальных лингвокультур // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 191–196. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

Введение

Одним из актуальных направлений современной лингвистической науки является когнитивная лингвистика, предметом изучения которой становятся ментальные образования: концептуальная картина мира, концептуальные категории, концепты, фреймы и т. д. В последние десятилетия познание языка сфокусировано на обсуждении проблемы взаимосвязи культуры, языка и сознания в рамках интеграции междисциплинарных научных знаний [1]. Поэтому пристальное внимание уделяется исследованию концептов и воплощающих их вербальных средств в рамках лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, дискурсологии. Достаточно большое количество научных статей, диссертационных исследований затрагивают проблему репрезентации базовых концептов европейской цивилизации, свидетельствуют об актуальности изучения данных феноменов в соотнесенности с национальным культурным миром, национальным менталитетом этноса, не исключая присутствия в различных национальных концептосферах схожих свойств мировосприятия. Концепт отмечается как смысл, маркированный культурной составляющей, а также репрезентированный своим набором языковых знаков, формирующих определенную лексическую и семантическую парадигму. К базовым можно отнести ряд концептов, которые отражают феномены, занимающие в жизни этноса доминантное место, подтверждая свой статус воплощающими их языковыми знаками разных уровней. К ним принадлежат социально-ориентированные концепты (*семья, труд*), концепты интеллектуальной сферы (*ум*), концепты

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

эмоциональной сферы (*любовь*), ценностно-ориентированные концепты, представляющие морально-нравственные ценности (*правда*), материальные ценности (*деньги*) и мн. др.

Учеными разработаны не только теоретические основы категории концепта, но и предложены разнообразные научные описания лексико-фразеологических, синтаксических концептов.

Высоко оценены основополагающие работы учёных-лингвистов и их фундаментальный вклад в области изучения структуры, когнитивных признаков, специфических свойств концептов, закрепленных в языковом сознании носителей языков [2–8]. Многотомный научный труд «Антология концептов» под редакцией учёных-лингвистов В. И. Карасика, И. А. Стернина основан на диссертационных исследованиях и представлен широким спектром описания сложных ментальных образований – концептов, на которых уже сфокусировано внимание лингвистов. Раскрыто содержание концептов *жизнь, женщина, труд, встреча, деньги, грех, наказание, собственность, дружба, душа, здоровье, любовь, язык* и других важных для человеческого общества концептов [9].

Современные тенденции изучения концепта *деньги*

Обращение к концепту *деньги* обусловлено тем, что данный концепт как фрагмент языковой картины мира позиционируется в системе национальных ценностей этноса. С древних времён и по настоящее время *деньги* интегрировались в нашу жизнь, демонстрируя к себе отношение этноса на фоне происходящих в обществе перемен [10; 11]. Актуальность работы доказывается проявленным лингвистами особым интересом к концептуальным исследованиям в целом, к изучению способов обозначения понятийной сферы *деньги* языковыми средствами, идентификацией универсальных характеристик и особенностей когнитивных проявлений этносов, закреплённых в значениях языковых единиц разных уровней. Целью статьи является сопоставительный аналитический обзор большинства существующих научных результатов исследования концепта *деньги* на материале европейских языков (русский, английский, немецкий, французский). Задачами являются сопоставительный анализ способов и средств языковой репрезентации концепта *деньги* в русском, английском, немецком, французском языках, обзор установленных универсальных и специфичных черт, воплощающих сущность концепта *деньги* в указанных национальных языках. Систематизация полученных данных научных изысканий в указанной понятийной области определяет научную ценность работы при составлении лингвокультурологических словарей базовых концептов европейской культуры, а также при разработке учебных курсов, для которых эти словари станут содержательной основой.

В современных изысканиях наблюдается тенденция исследования воплощения концепта *деньги* на материале разных национальных языков (русского, английского, французского, немецкого) в сопоставительном аспекте [10; 12; 13]. На фоне актуального в современной лингвистике антропоцентрического подхода учёных интересует процесс реконструкции концептов на материале различных фрагментов и субсистем лингвокультуры [14], концептуализации отношения к деньгам [10], неоднозначность отношения к деньгам в национальных (русском, английском, немецком, французском) мировосприятиях, что дает возможность говорить и о различиях в способах и средствах вербализации исследуемого концепта [12; 15]. Особый акцент ставится на исторический аспект развития концепта *деньги*, например, в России и Великобритании [11], во Франции [12].

Ученые отдают предпочтение такому языковому материалу, как фразеологические единицы, включая паремии, афоризмы, лингвокультурологический анализ которых раскрывает национально-культурную неповторимость народа, выявляет культурно-специфические компоненты [10; 15–17]. В них «образно и метко подмечены важные, существенные моменты жизнедеятельности человека. Исследуя их, можно приобщиться к культуре страны изучаемого языка» [12, с. 22].

Поскольку *деньги* входят в круг насущных интересов человека с древнейших времен, пословицы и поговорки отражают традиционную позицию относительно концепта *деньги* как кванта знания языковой картины мира (как способ концептуализации действительности) [16]. Интеграция лингвокогнитивного, лингвокультурологического, психолингвистического и антропоцентрического подходов рассматривается лингвистами как методологические основания анализа вербализации концепта *деньги*. Выбор методов, методик и анализов исследования языковых единиц, воплощающих концепт *деньги*, определяется поставленными в работах исследователей конкретными задачами. Чаще всего ученые используют полевый метод лексических или концептуальных полей, метод дефиниционной интерпретации, сопоставительный метод для идентификации универсальных и национальных маркеров [10; 12; 14; 16], концептуальный анализ для выявления прагматических составляющих (гештальтов) [15], классификацию языковых единиц на семантические группы [15; 18], фреймовую классификацию для выявления актуальных смыслов паремиологических знаков [12], эксперимент с целью верификации описания языковых

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

знаков в национальных паремиологических фондах [13], ассоциативный эксперимент с целью уточнения специфики отражения денег в обыденном сознании этноса [14; 15], диахронический анализ для изучения концепта *деньги* в историческом развитии и становления денежной номенклатуры [11], метод семантического дифференциала, в процессе которого группой студентов оценивалось понятие *деньги* для создания семантического профиля концепта *деньги* [19].

Несмотря на то, что большинство ученых в качестве языкового материала исследования отдают предпочтение выразительным и экспрессивным средствам языковой системы – фразеологизмам, пословицам, поговоркам, афоризмам, полученные результаты при изучении концепта *деньги* по-своему уникальны. Так, исследование учёного А. Ю. Корбут основано на материале пословиц и сказок русского народа, представляющих традиционный исторический, а значит базовый слой концепта *деньги*. Для традиционного русского языкового сознания характерно наличие абстрактных свойств (*деньги* – это богатство), которые образуют ядро концепта *деньги*. В отличие от исторического, стабильного слоя концепта актуальный слой концепта *деньги* подвержен изменениям, что дает возможность лингвисту изучить динамику репрезентации рассматриваемого концепта в русском языке [16].

Лингвистом И. А. Майоренко исследуется концептуализация понятия *деньги* в лексико-фразеологическом корпусе русского, английского и французского языков, определяются общие и специфические характеристики отношения к деньгам в русской, английской и французской лингвокультурных обществах в процессе их актуализации в лексических единицах, идиомах, паремиях и афоризмах. Отмечается общий антропоцентрический характер для русской, английской и французской идиоматической сферы исследуемого концепта. Отличия проявляются в конфигурациях паремического поля рассматриваемых языков, в отсутствии основы метафоризации человеческих качеств феноменом *деньги* для русского сознания, для английского менталитета характерны единичные варианты метафоризации человеческих качеств, а для французского сознания – частотность такой метафоризации [10].

На основе выбора различных методов, методик, анализов исследования и их интеграции подтверждается подвижность данного концепта через различия и изменения отношения к деньгам в национальных русской, английской, немецкой, французской лингвокультурах [13].

Гипотетические модели структуры концепта *деньги*, предложенные исследователями, указывают на универсальность этого феномена и одновременно на «разное содержание концепта в сознании носителей разных языков» [13] Например, в предложенной полевой структуре концепта *деньги* исследователем Е. В. Палеевой отмечается неоднозначность отношения к деньгам в русском и английском мировосприятии, а «различия заключаются в признаках *большие*, выделяемого носителями русского языка как один из самых ярких когнитивных признаков, и *power* – когнитивный признак, подчеркивающий силу и значение денег для современного носителя английского языка. ...Для носителей русского языка также актуальными являются действия: *одолжить, давать взаймы*, тогда как для представителей англоязычной лингвокультуры наиболее яркие ассоциации – действия: *to sell* (*продавать*), *to deposit* (*класть в банк*), *to work* (*работать*)» [13, с. 15].

В когнитивной науке имеют место быть такие структуры репрезентации знаний, как мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии. Возможность варьирования семантики паремиологических единиц – это важный принцип, который учитывался лингвистами при классификации пословиц, объективирующих концепт *деньги*. Метод фреймовой классификации паремий позволяет идентифицировать актуальные смыслы пословиц во французском языке: *деньги* – накопление, движение; *деньги* – это труд, работа; *деньги* – разумная трата, бережливость, сохранение; *деньги* – это мимолетность; *деньги* – власть; *деньги* VS жадность, скупость; *деньги* VS счастье, любовь, дружба, репутация [12, с. 32].

В результате аналитического сопоставления суждений о деньгах, заключенных в русских и французских паремиях, лингвист Н. В. Ермакова классифицирует паремии по трем группам. В первой группе сосредоточены антиномичные паремии, в которых присутствует противоречие по отношению к одной и той же ситуации. Во второй группе представлен концепт *деньги* в сравнении с другими концептами. Паремии в третьей группе объединены тематикой использования денег [17].

Лингвистом Н. Э. Агарковой для лучшего представления и понимания, каким образом структурирован концепт *money*, предложена классификация лексико-фразеологических и паремических средств английского языка, основанная на сочетании лексемы *money* с интенциональными предикатами: 1) *money* + глаголы движения (*come / in / from / back, go, move / in / out, arrive, walk / out, land in, hopscotch*); 2) *money* + глаголы чувства и восприятия (*like, look, want, know*); 3) *money* + глаголы говорения (*talk, recommend, answer*); 4) *money* + глаголы действия (*make, work, buy, work, do strange things, burn*) [15, с. 79].

Исследователи Е. А. Камышанченко, Н. В. Нерубенко на примере английских и немецких пословиц,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

воплощающих концепт *деньги*, доказывают, что сходство в интепретации этого концепта английским и немецким этносами проявляется при идентификации таких семантических групп, как *Власть денег, Влияние денег на человека, Деньги выше, чем моральные ценности, Моральные ценности выше, чем деньги.* Различия в сопоставляемых языках проявляются, прежде всего, в компонентном составе паремий, что объясняется образной основой, отражающей особенности национального восприятия и категоризации мира, своеобразие национального быта, традиций английского и немецкого этносов [20, с. 80].

Учёным Л. И. Федяниной установлена признаковая структура концепта *Geld*, характерная для немецкой языковой картины мира. В неё вошли антропоморфные, природные и другие признаки, среди которых в количественном показателе доминируют антропоморфные признаки: *движение / действия; семья / друзья; голос; болезнь / здоровье; профессии / социальные роли;* а также признаки *труд, характер* денег. Данный концептуальный признак включает номинации из личной сферы человека – физиологии и личного окружения [14, с. 114].

Заключение

Таким образом, результаты исследования демонстрируют доминирование научного интереса к изучению вербализации концептов не только на материале одного языка, но и при сопоставлении двух и более языков. Научные работы по исследованию концепта *деньги* вносят свой ценный теоретический и практический вклад в когнитивную лингвистику, лингвокультурологию. Исследователи, опираясь на экстралингвистические знания о деньгах, раскрывают более полное содержание данного концепта как фрагмента жизнедеятельности этноса с точки зрения особенностей и неповторимости национальной ментальности, отраженной в языковых средствах. Раскрытие лингвокультурной специфики, связанной с исследуемым концептом, способствует лучшему пониманию национальных ценностных ориентаций и особенностей коммуникативного поведения этносов. Сопоставительное выявление концептуально-значимых ценностей этносов – представителей лингвокультурных сообществ – на материале разных национальных языков может представлять логичное продолжение научных изысканий.

Литература

1. Южакова Ю. В., Полякова Л. С. Этнические стереотипы в английском политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1. С. 199–202.
2. Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Наука, 1991. 204 с.
3. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 52–57.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
5. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.
6. Концептуальное пространство языка / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. 492 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.
9. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
10. Майоренко И. А. Концептуализация понятия «деньги» в лексической системе и фонде устойчивых единиц русского, английского и французского языков: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 258 с.
11. Денисенкова Ю. С. Развитие концепта «деньги» в историческом аспекте // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5. С. 227–231.
12. Дерина Н. В., Савинова Т. А., Залавина Т. Ю., Зеркина Н. Н., Кисель О. В., Босик Г. А., Полякова Л. С., Южакова Ю. В., Суворова Е. В., Савинова Ю. А. Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация / под. ред. Н. Н. Зеркиной. Магнитогорск: ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», 2017. 97 с.
13. Палеева Е. В. Способы вербализации концепта «деньги» средствами английского и русского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук. Курск, 2010. 19 с.
14. Федянина Л. И. Концепт Geld в немецкой языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 193 с.
15. Агаркова Н. Э. Деньги // Антология концептов / под. ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. С. 73–84.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

16. Корбут А. Ю., Ли Хуйцзы. Сопоставительный анализ репрезентантов концепта «деньги» в китайском и русском языках (традиционный слой) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10. С. 113–119.
17. Ермакова Н. В. Параллелизм концепта «деньги» в русской и французской паремиологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 10. С. 75.
18. Ошева Е. А. Концепт «деньги» в англо-американских пословицах и поговорках // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6-1. С. 390–392.
19. Голубева Е. В. Изучение концепта «деньги» методом семантического дифференциала // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: сб. науч. тр. Всерос. научн. конф. М., 2008. С. 15–21.
20. Камышанченко Е. А., Нерубенко Н. В. Сопоставительный анализ пословиц и поговорок английского и немецкого языков, репрезентирующих концепт «деньги» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 78–80.

Concept "Money" in the Context of National Linguocultures

Tatyana Yu. Zalavina [a, @ ID1]; Natalya V. Derina [a, ID2]; Liliya S. Polyakova [a, ID3]; Yuliya V. Yuzhakova [a, ID4]

[a] Nosov Magnitogorsk State Technical University, 38, Lenina Ave., Magnitogorsk, Russia, 455000
[@] tania_mgn@rambler.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-0210-7963
[ID2] https://orcid.org/0000-0002-0613-0864
[ID3] https://orcid.org/0000-0002-9990-7694
[ID4] https://orcid.org/0000-0001-6790-044X

Received 19.08.2018. Accepted 13.12.2018.

Abstract: This paper presents an analytical review of scientific works devoted to one of the topical studies in cognitive and cultural linguistics, namely, to the concept of "money", which is included in the corpus of basic concepts of European civilization. Concepts as complex mental formations attract special attention of scientists studying the problem of language conceptualization of the person's environmental world. Language units of different levels are studied in their correlation with the cognitive structure of the concept knowledge. The framework consists of systematization of the majority of existing scientific results of verbal representation, structuring of the concept of "money" in the context of Russian, English, German, and French. A comparative analysis of the ways and means of language representation of the concept "money" in Russian, English, German, and French sets the combination of versatile and specific features that embody the nature of the concept of "money" in these national languages. The obtained scientific findings represent the opportunities of embodiment of general cultural concept of "money" in national linguocultures. The practical value is determined by the fact that the obtained structured scientific data in the specified conceptual field can be used by scientists when developing linguoculturological dictionaries of basic concepts of European culture, as well as in the development of training courses with the dictionaries in question as content database.

Keywords: language representation, national language, European culture, extra-linguistic knowledges, linguocultural specificity, integration of research methods

For citation: Zalavina T. Yu., Derina N. V., Polyakova L. S., Yuzhakova Yu. V. Concept "Money" in the Context of National Linguocultures. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 191–196. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

References

1. Yuzhakova Yu. V., Polyakova L. S. Ethnic stereotypes in English political discourse. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2018, (7-1): 199–202. (In Russ.)
2. *Logical analysis of language: cultural concepts*, eds. Arutyunova N. D., Ianko T. E. Moscow: Nauka, 1991, 204. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-191–196

3. Babushkin A. P. Concepts of different types in vocabulary and phraseology and methods of their identification. *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh, 2001, 52–57. (In Russ.)
4. Vorkachev S. G. The concept of happiness: the conceptual and figurative components. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, 2001, 60(6): 47–58. (In Russ.)
5. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Linguocultural concept as a unit of study. *Methodological problems of cognitive linguistics*. Voronezh, 2001, 75–81. (In Russ.)
6. *The conceptual space of language*, ed. Kubryakova E. S. Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005, 492. (In Russ.)
7. Popova Z. D., Sternin I. A. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki, 2001, 192. (In Russ.)
8. Stepanov Yu. S. *Constants: dictionary of Russian culture*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2001, 989. (In Russ.)
9. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 352. (In Russ.)
10. Maiorenko I. A. *Conceptualization of the concept of "money" in the lexical system and the Fund of stable units of Russian, English and French languages*. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2005, 258. (In Russ.)
11. Denisenkova Yu. S. A diachronic analysis of the concept "money". *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013, (5): 227–231. (In Russ.)
12. Derina N. V., Savinova T. A., Zalavina T. Y., Zerkina N. N., Kisel' O. V., Bosik G. A., Polyakova L. S., Yuzhakova Yu. V., Suvorova E. V., Savinova Yu. A. *Multi-discursive space: word, text, communication*, ed. Zerkina N. N. Magnitogorsk: FGBOU VO MGTU im. G. I. Nosova, 2017, 97. (In Russ.)
13. Paleeva E. V. *Methods of verbalization of the concept "money" by means of English and Russian languages.* Cand. Philol. Sci. Diss. Kursk, 2010, 19. (In Russ.)
14. Fedyanina L. I. *The concept Geld in the German language picture of the world.* Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2005, 193. (In Russ.)
15. Agarkova N. E. Money. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 2, 73–84. (In Russ.)
16. Korbut A. Yu., Li Huizi. A comparative analysis of the representatives of the concept money in Chinese and Russian languages. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (95): 113–119. (In Russ.)
17. Ermakova N. V. The overlapping of the concept "money" in Russian and French paremiology. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2012, (10): 75. (In Russ.)
18. Osheva E. A. Concept "money" in English-American proverbs. *Historical and Social-Educational Ideas*, 2015, 7(6-1): 390–392. (In Russ.)
19. Golubeva E. V. Study of the concept "money" by the method of semantic differential. *Linguistic personality. Speech genres. Text*: Proc. All-Russian Sci. Conf. Moscow, 2008, 15–21. (In Russ.)
20. Kamyshanchenko E. A., Nerubenko N. V. The comparative analysis of the English and German sayings representing the concept "money". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki,* 2012, (1): 78–80. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

CC BY

оригинальная статья
УДК 81.367.7

Синтаксическая организация высказываний с цепочками осязательных прилагательных при полимодальном восприятии

Елена В. Иванова [a, @, ID]

[a] Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
[@] elena50682@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-7083-5570

Поступила в редакцию 17.07.2018. Принята к печати 18.01.2019.

Аннотация: В статье рассматривается синтаксическая организация высказываний с цепочками прилагательных, относящихся к разным модусам перцепции, а именно осязательных прилагательных и прилагательных вкуса. Исследуются группы осязательных прилагательных в аспекте полимодальности: тактильные, температурные и гигрометрические прилагательные. Полимодальность проявляется в том, что во время принятия пищи мы чувствуем вкус блюда, а также ощущаем его температуру, мягкость, жесткость, влажность и другие тактильные и гигрометрические характеристики. Предметом исследования является синтаксическая организация высказываний с двучленными адъективными цепочками. Цель статьи – выявление закономерностей в расположении осязательных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса. Приводится статистика употребления отдельных адъективных цепочек, состоящих из осязательного прилагательного и прилагательного вкуса. Сравнительный анализ примеров конструкций с осязательными прилагательными и прилагательными вкуса позволяет выявить закономерности в порядке их следования. В подавляющем большинстве случаев осязательные прилагательные (температурные и тактильные) находятся на первом месте в цепочке, что свидетельствует о том, что осязание является доминирующей модальностью по сравнению со вкусом. Расположение гигрометрических прилагательных в цепочке с прилагательными вкуса зависит от ситуации, в которой происходит процесс восприятия. Варьирование расположения прилагательных в цепочке обусловлено субъективностью восприятия и когнитивной выделенностью. При выведении правил грамматики необходимо учитывать не только перечисленные в статье закономерности, но и отклонения от них.

Ключевые слова: прилагательные вкуса, полимодальность, когнитивная выделенность, тактильные прилагательные, температурные прилагательные, гигрометрические прилагательные, адъективная цепочка

Для цитирования: Иванова Е. В. Синтаксическая организация высказываний с цепочками осязательных прилагательных при полимодальном восприятии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 197–204. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

Введение

Восприятие человека системно и целостно, а значит и полимодально: мы задействуем несколько органов чувств при восприятии объекта. Б. Г. Ананьев писал, что «человеку в целом, как индивиду и личности, соответствует именно сенсорно-перцептивная организация как единая система анализаторов всех без исключений модальностей, включенная, в свою очередь, в общую структуру человеческого развития» [1, с. 8]. Человеку с рождения свойственно единство сенсорной организации. Согласно различным исследованиям, когда младенцы слышат звук в темной комнате, они поворачиваются к источнику звука, стараясь одновременно увидеть и услышать его, причем поворачивают свои глаза к источнику звука даже слепые дети. Только спустя несколько месяцев дети приобретают способность дифференцировать чувства [2, p. 56].

Полимодальность определяется как психологический феномен, основывающийся «на сочетании сенсорных модальностей при доминировании одной или нескольких из них» и обеспечивающий «целостность образа предмета или явления» [3, с. 15]. Во время принятия пищи мы чувствуем вкус блюда, ощущаем его запах, видим исходящий пар и поэтому дуем, чтобы не обжечься. Соответственно, задействованы не только вкусовые рецепторы, но и обонятельные, визуальные и температурные.

Некоторые психологи подчеркивают индивидуальный характер восприятия и рассматривают полимодальное

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

восприятие как «индивидуализированный процесс, частную характеристику индивида, зависящую от функционального состояния как отдельных сенсорных модальностей (обеспечивающих полноценность восприятия модально-специфической информации), так и от уровня их взаимодействия (интегративной активности)» [4, с. 10].

Несмотря на то, что в последнее время появилось достаточно много психологических работ, посвященных явлению полимодальности восприятия, лишь единичные работы упоминают данное явление в языке. Между тем полимодальность можно рассматривать при изучении перцептивных характеристик объекта. С синтаксической точки зрения интересно посмотреть расположение прилагательных, относящихся к разным модусам перцепции. Анализ языкового материала поможет выявить доминирующую модальность при полимодальном восприятии объекта. Доминирующей модальностью «может быть названа та модальность, качественное восприятие которой превалирует в ситуации одновременной актуализации нескольких перцептивных каналов» [5, с. 51].

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно выполнено в русле общих тенденций современной когнитивной лингвистики, рассматривающей языковые процессы сквозь призму антропоцентричности. В данной работе исследуется влияние чувственного восприятия на синтаксическую организацию высказываний с осязательными прилагательными, и выявляются закономерности в их расположении. Это особенно актуально в связи с высокой частотностью случаев варьирования расположения осязательных прилагательных в адъективной цепочке и возникающей в этой связи необходимостью анализа и объяснения причин данного явления.

Методы и материалы. Материалом исследования послужили данные британского и американского национальных корпусов, где были представлены тексты различных функциональных стилей, и примеры, полученные методом сплошной выборки из современных англоязычных художественных произведений английских и американских авторов. Всего было проанализировано 208 примеров.

Для решения задач, поставленных в данной статье, нами используются следующие *методы*: метод сплошной выборки, интерпретационный метод, описательный метод, контекстологический метод, метод количественного анализа.

Предмет и цель исследования. Мы рассмотрим цепочки прилагательных чувственного восприятия в атрибутивной и предикативной позициях, в которых прилагательные связаны сочинительным союзом *and* или бессоюзной связью (с запятой или без нее). В связи с тем, что мы не нашли явные различия в порядке следования прилагательных в атрибутивной и предикативной позициях, в статье будут рассмотрены обе позиции. Предметом исследования является синтаксическая организация высказываний с двучленными (преимущественно) адъективными цепочками.

Осязательные прилагательные часто встречаются в одной цепочке с визуальными прилагательными. Так, употребляясь с прилагательным размера, осязательное прилагательное в подавляющем большинстве случаев занимает второе место в цепочке, а с прилагательным цвета – первое. Более подробно об этом написано в нашей предыдущей статье [6]. В данной работе мы не будем рассматривать случаи употребления осязательных прилагательных с визуальными.

Также осязательные прилагательные встречаются в одной цепочке с одорическими прилагательными и в подавляющем большинстве случаев занимают первое место в цепочке [7]:

– *The women bathed his body where he lay, gently turning him, wiping his limbs and face with* ***soft***, ***scented*** *cloths*[1].

Целью данной статьи является выявление закономерностей в расположении осязательных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса.

Расположение осязательных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса

Осязание и вкус тесно связаны друг с другом, «к вкусовым ощущениям примешиваются тактильные и температурные ощущения от рецепторов, находящихся в области слизистой оболочки во рту. Так, своеобразие "острой" или "вяжущей" пищи главным образом связано с тактильными ощущениями, а характерный вкус мяты в значительной степени зависит от раздражения холодовых рецепторов» [8, с. 188].

Осязательные прилагательные неоднородны. В первую очередь осязание предполагает тактильные ощущения, ощупывание человеком окружающих его предметов – так называемое активное осязание, или *гаптика* [9], соответственно, тактильные прилагательные (*soft, hard, etc.*) являются важной группой осязательных прилагательных. К осязательным ощущениям относятся ощущения тепла и холода. Прилагательные, описывающие данные характеристики, называются температурными (*warm, cold, etc.*). В статье будут также рассмотрены

[1] Storm C. Sign for the sacred. London: Headline Book Pub., 1993. P. 172.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

гигрометрические прилагательные (*moist, damp, dry, etc.*), описывающие такие характеристики, как сырость, влажность, сухость воздуха или объекта.

А. Расположение температурных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса

Ученые, изучающие взаимодействие температурных и вкусовых ощущений, сходятся во мнении, что температура влияет на вкус блюда, хотя вопрос о том, при какой именно температуре происходят вкусовые изменения, остается пока открытым [10, p. 140].

Очень часто в литературе встречаются примеры описания блюд, продуктов, а особенно напитков с использованием двух прилагательных: прилагательного вкуса и температурного, причем первую позицию занимают в 71 % случаев температурные прилагательные (таблица 1).

Таблица 1. Расположение температурных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса
Table 1. Arrangement of temperature adjectives and taste adjectives in a chain of adjectives

Адъективная цепочка	Количество примеров	Процентное соотношение
Cool bitter	3	2,2 %
Bitter cool	0	0 %
Cold sweet	22	15,9 %
Sweet cold	8	5,8 %
Hot salted	3	2,2 %
Salted hot	1	0,7 %
Cool sweet	12	8,7 %
Sweet cool	3	2,2 %
Warm sweet	13	9,4 %
Sweet warm	5	3,6 %
Hot sweet	41	29,8 %
Sweet hot	22	15,9 %
Warm salty	4	2,9 %
Salty warm	1	0,7 %
Итого	**138**	**100 %**
% цепочек с температурным прилагательным на первом месте		**71 %**

– *Coffin drank his **cold sweet** coffee down to the bottom of the cup*[2].

– *His driver sipped **hot sweet** tea from an open plastic cup, oblivious to the potholes and lurching of the van as he navigated the switchbacks of the steep, two-lane road that passes isolated Palestinian villages and gated Jewish settlements*[3].

– *I tried some more of my coffee, but it had gone **cool and bitter***[4].

– *They were stationed near an Oxfordshire village-half-timber houses and a high street pub that sold **warm bitter** beer – and Racket had wasted no time meeting the local fauna*[5].

– *I sopped it up on **hot buttered** crumbly biscuits and washed it down with cool sweet milk*[6].

– *All I'm aware of is the **warm salty** liquid on my tongue*[7].

Мы полагаем, что такое расположение прилагательных можно объяснить тем, что вкусовые рецепторы в первую очередь реагируют на температуру потребляемой еды или напитков, т. к. слишком горячая или холодная пища вызывает неприятные ощущения, к тому же слишком горячая пища может привести к ожогу гортани.

Однако в некоторых случаях температурные прилагательные находятся на втором месте в адъективной цепочке:

– *He bit into it, the **sweet cold** fruit rough against his tongue*[8].

В данном предложении описывается следующая ситуация: мальчик увидел свисающее с дерева одинокое яблоко, выглядящее вполне приличным, сорвал его и впился в него зубами. Фрукт показался ему сладким, при этом вкусовые качества яблока превалировали над температурными характеристиками, что проявляется в расположении прилагательных. В данной ситуации мы сталкиваемся с явлением салиентности, или выделенности, связанной с избирательным характером восприятия. Салиентность проявляется в том, что в процессе восприятия «мы сознательно направляем внимание на одни признаки или объекты больше, чем на другие» [11, с. 18]. Из всех многочисленных когнитивных процессов, протекающих в настоящее время, некоторые отличаются повышенной интенсивностью и выделяются из всех остальных [12, p. 115]. Говоря о порядке слов в предложении, в частности о расположении однородных членов, следует отметить: то, что является более важным, более значимым для субъекта восприятия, помещается в начало цепочки. При этом «значение элемента всей конструкции выдвигается на передний план внимания. Такая

[2] British National Corpus. Режим доступа: http://corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения: 03.06.2018).
[3] Corpus of Contemporary American English. Режим доступа: http://corpus.byu.edu/coca/ (дата обращения: 03.06.2018).
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Kinsella S. The undomestic goddess. London: Black swan, 2006. P. 173.
[8] Corpus of Contemporary American English …

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

дополнительная выделенность обычно сопровождает и усиливает последующий когнитивный эффект, а именно создание концептуального контраста» [13, с. 31].

В следующих двух предложениях мы видим разное расположение температурного прилагательного *hot* и прилагательного вкуса *salted*:

– *When she returned to the room with the* ***salted hot*** *water, Frank and May between them had lifted Andrew on to the bed, and there he was propped up and breathing very heavily now*[9].

– *When the* ***hot, salted*** *water went down Andrew's throat, he gulped, and it would have all spurted out had Peggy, and none too gently, not clamped his jaws together again*[10].

Оба примера взяты из одного романа, однако во втором предложении прилагательное *hot* занимает первое место в цепочке, что соответствует закономерности, описанной выше, а в первом предложении – второе. Данные примеры описывают следующую ситуацию: мужчина употребил чрезмерное количество таблеток и чуть было не умер. Женщины пытались привести его в чувство, и самое верное средство в такой ситуации, по мнению самой старой и мудрой женщины, – это соль и вода. Словосочетание *salted hot water* подчеркивает то, что в воду было добавлено много соли, прилагательное *salted* является более когнитивно выделенным по сравнению с температурным прилагательным *hot*. Во втором предложении мы видим привычное расположение данных прилагательных в связи с тем, что уже нет необходимости еще раз подчеркивать чрезмерное количество соли в воде.

Е. С. Кубрякова писала о конструировании мира, согласно которому «один и тот же реальный объект в окружающей нас действительности и одна и та же объективная ситуация и положение дел в мире могут быть – по воле говорящего – описаны по-разному» [14, с. 15]. В своем конструировании мира человек изменяет язык, при этом «делает это в зависимости от того, какие явления или свойства объектов – для него салиентны, или значимы» [14, с. 16], что отражено в вышеприведенных примерах.

Б. Расположение тактильных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса

На вкус блюда влияют не только температурные, но и тактильные ощущения. Все мы хорошо помним пример из детства про манную кашу с комочками, которая, имея тот же вкус, что и без комочков, вызывала стойкое неприятие и отвращение [15]. Употребляясь в одной адъективной цепочке с прилагательными вкуса, тактильные прилагательные ведут себя таким же образом, что и температурные – в подавляющем большинстве случаев они занимают первую позицию (таблица 2).

Таблица 2. Расположение тактильных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса
Table 2. Arrangement of haptical adjectives and taste adjectives in a chain of adjectives

Адъективная цепочка	Количество примеров	Процентное соотношение
Soft sweet	23	51,1 %
Sweet soft	6	13,4 %
Soft salty	2	4,4 %
Salty soft	0	0 %
Tough bitter	7	15,6 %
Bitter tough	3	6,7 %
Hard salty	2	4,4 %
Salty hard	2	4,4 %
Итого	**45**	**100 %**
% цепочек с тактильным прилагательным на первом месте		**75,6 %**

– *After 10 to 15 minutes of occasional turning, the meat is* ***soft and sweet*** *and makes a wonderful addition to just about everything*[11].

– *We ate pears until we couldn't eat any more, loving the juicy,* ***soft, sweet*** *taste, and filling our pockets with them*[12].

– *A ripe plum resists peeling; to arrive at its heart of sweetness, you first have to pass through the* ***tough bitter*** *gates of its skin*[13].

– *The hot garlic butter sauce poured over the snails obviously has a lot to do with the success of the dish, but to those who say that that is all you taste I have always protested that the* ***soft, salty*** *flesh of the snail is very much part of the enjoyment*[14].

– *She closed her eyes and put her arms around my neck and I kissed her. Her lips tasted* ***soft and salty***[15].

Расположение тактильных прилагательных на первом месте в цепочке обусловлено физиологическими факторами. Б. Г. Ананьев писал, что «тактильные ощущения

[9] British National Corpus…
[10] Там же.
[11] Corpus of Contemporary American English…
[12] Brown C. Coming Up Down Home. Hopewell, NJ: Ecco Press, 1993. P. 98.
[13] Corpus of Contemporary American English…
[14] British National Corpus...
[15] Geras A. The green behind the glass. London: Lions Teen Tracks, 1989. P. 109.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

сопровождают многие другие чувственные деятельности, что объясняется особой ролью кожи как покрова и барьера тела, а вместе с тем участников обмена веществ» [1, с. 15]. Осязание стоит на втором месте после зрения и слуха по важности получаемой с помощью него информации [16]. Некоторые исследователи ставят его на второе и даже на первое место.

В редких случаях на первом месте в адъективной цепочке находится прилагательное вкуса:

– *She loved filling her family with comfort food thick soups and stews, hearty casseroles, pastas in rich sauces and* ***sweet, soft*** *breads*[16].

В данном предложении говорится о блюдах, которые готовила мать героини романа. Будучи деловой женщиной, она все же находила время, чтобы прийти с работы пораньше с сумками продуктов и, проведя несколько часов на кухне, приготовить хороший домашний ужин. Как правило, это происходило в дождливые, мрачные дни, которые женщина называла *soup days* (дословно: дни для супа). Спустя годы в один из таких дождливых дней героиня вспоминает с теплотой и нежностью недавно умершую мать. Она сама пекла хлеб и, без сомнения, он был мягким, поэтому нет необходимости это подчеркивать и ставить *soft* на первое место в цепочке. В детских воспоминаниях хлеб был в первую очередь сладким. В данном контексте прилагательное *sweet* обладает большей когнитивной выделенностью, что отражается на аранжировке прилагательных. При этом мы сталкиваемся здесь с явлением субъективности восприятия: «познавательная деятельность человека не ограничивается простым отражением реального мира, не менее важной составляющей этого понятия является также субъективная интерпретация описываемого объекта. Эта интерпретация заключается в выражении личностного отношения к явлению, субъекту или объекту» [17, с. 296]. Н. Н. Болдырев писал, что человек «выступает активным участником описываемых в языке событий. <…> Определенным знанием, влияющим на формирование смысла высказывания, всегда владеет конкретный человек, а не абстрактный индивид или социум, и именно он отражает в высказывании свое собственное восприятие тех или иных событий» [18, с. 36].

Прилагательные *hard* и *salty* довольно редко употребляются вместе в одной адъективной цепочке для обозначения вкуса блюда, причем их расположение зависит от конкретной ситуации, в которой происходит процесс восприятия. Рассмотрим следующую пару примеров:

– *They also complement* ***hard, salty*** *cheeses, such as cheddar and gruyre*[17].

– *They were* ***salty and hard****; broke between the jaws with an interesting concussion*[18].

В первом предложении речь идет о сортах сыра. Как известно, одной из основных характеристик сыра является твердость / мягкость; количество соли же, равно как и различные добавки для усиления вкуса, считаются дополнительными, а не приоритетными характеристиками. Прилагательное *hard* является более значимым в данной ситуации и занимает первое место в цепочке.

Во втором предложении описываются фирменные хлебные сухарики. Будучи традиционной закуской к пиву, сухарики обязательно должны быть солеными, поэтому прилагательное *salty*, являясь более когнитивно выделенным, располагается в начале адъективной цепочки.

В. Расположение гигрометрических прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса

Гигрометрические прилагательные (прилагательные, описывающие такие характеристики, как влажность, сырость, сухость воздуха или объекта) редко употребляются в одной цепочке с прилагательными вкуса. В связи с этим не представляется возможным вывести закономерности расположения данных прилагательных в адъективной цепочке. Как видно из таблицы 3, гигрометрические прилагательные занимают первое место в цепочке только в 48 % случаев.

Таблица 3. Расположение гигрометрических прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса
Table 3. Arrangement of hygrometric adjectives and taste adjectives in a chain of adjectives

Адъективная цепочка	Количество примеров	Процентное соотношение
Moist sweet	3	12 %
Sweet moist	7	28 %
Dry salty	3	12 %
Salty dry	0	0 %
Dry bitter	1	4 %
Bitter dry	0	0 %
Dry sweet	5	20 %
Sweet dry	6	24 %
Итого	**25**	**100 %**
% цепочек с гигрометрическим прилагательным на первом месте		**48 %**

[16] Corpus of Contemporary American English...

[17] Там же.

[18] Там же.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

Чтобы объяснить синтаксическую организацию предложений с гигрометрическим прилагательным и прилагательным вкуса, необходимо учитывать ситуацию, в которой происходит процесс восприятия. Рассмотрим следующие примеры:

– *If you like your brownies soft and chewy, then you'll love this recipe's secret ingredient* (*sshhh... it's prune baby food!*) *that keeps them* ***moist and sweet***[19].

– *In a delicious and healthful twist on traditional sweet potato biscuits, fat-free and flaky Yam Good Biscuits are made with* ***sweet, moist,*** *boiled yams*[20].

В первом предложении речь идет о шоколадных кексах, которые получаются рыхлыми и влажными внутри благодаря чернослив. Прилагательное *moist*, являясь более релевантным, занимает первую позицию в цепочке. Во втором примере говорится о печенье, приготовленном из сладкого картофеля. В отличие от маффинов и кексов, печенье обычно бывает сухим и рассыпчатым, поэтому *moist* не обладает большей значимостью, гораздо важнее то, что печенье готовится из сладкого картофеля, поэтому *sweet* занимает первое место в цепочке. Таким образом, «выделение объектов носит субъективный характер и зависит от того, как говорящие воспринимают объекты и события и как их конструируют» [11, с. 35].

Что касается расположения в одной цепочке прилагательного вкуса *sweet* и гигрометрического прилагательного *dry*, то следует заметить, что в тех случаях, когда на первом месте находится *sweet*, речь идет, как правило, о разного рода фруктах, тогда как цепочка *dry sweet* описывает сорта вин:

– "*We never had a tree on the table when Baba made it. I don't even know what a lotus tree is.*" "*It's a* ***sweet, dry*** *fruit. Just put out some apricots or prunes,*" *Mom called from the kitchen.* "*That will work.*"[21]

– *They have even taken to making vermouth*: ***dry, sweet*** *and sipping*[22].

В следующем предложении речь идет о популярной в США закуске – вяленой говядине. Прилагательное *dry* находится на первом месте в цепочке, т. к. оно обладает в данном случае большей когнитивной выделенностью, описывая нарезанное ломтиками, подсушенное, вяленое мясо с добавлением соли и приправ:

– *She had vowed not to eat it herself, but last night she had missed Lou terribly and had tried a few of the* ***dry, salty*** *strips while she watched television*[23].

Заключение

Итак, в ходе анализа примеров были выявлены некоторые закономерности в порядке следования осязательных прилагательных в цепочке с прилагательными вкуса: в подавляющем большинстве случаев осязательные прилагательные (температурные и тактильные) находятся на первом месте, что свидетельствует о том, что осязание является доминирующей модальностью по сравнению со вкусом.

Тем не менее в отдельных случаях данные закономерности не действуют, т. к. порядок расположения прилагательных в цепочке может быть обусловлен обстоятельствами описываемой ситуации, внутренним состоянием субъекта восприятия или другими факторами. Говоря о порядке слов в английском языке, Н. А. Кобрина писала, что «в правилах его организации действует общий диалектический закон человеческой ментальной деятельности: значимы не только определенные правила аранжировки компонентов предложения, но и их нарушения, если они достаточно частотны и закреплены в структуре предложения» [19, с. 82]. Полагаем, что это же можно отнести к порядку следования перцептивных прилагательных, а именно осязательных прилагательных в адъективной цепочке с прилагательными вкуса, и при выведении правил грамматик необходимо учитывать не только вышеприведенные закономерности, но и отклонения от них.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Сенсорно-перцептивная организация человека // Познавательные процессы: ощущения, восприятие / ред. А. В. Запорожец, Б. Ф. Ломов, В. П. Зинченко. М.: Педагогика, 1982. С. 7–31.
2. Classen C. Worlds of sense: Exploring the senses in history and across cultures. London: Routledge, 1993. 172 p.
3. Бандурка Т. Н. Исследование полимодальности восприятия у студентов // Психология человека в современном мире. Т. 1. Комплексный и системный подходы в исследованиях психологии человека. Личность как субъект жизненного пути (Материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Барабанщиков, М. И. Воловикова. М.: ИП РАН, 2009. С. 14–20.

[19] Corpus of Contemporary American English...

[20] Там же.

[21] Shushtari J. Kevin. The sweet dry fruit of the lotus tree // The Iowa Review. 2012. Vol. 42. Iss. 1. P. 54. DOI: 10.17077/0021-065X.7115

[22] Corpus of Contemporary American English...

[23] Bender Karen E. Like normal people. Boston: Houghton Mifflin, 2001. P. 3.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

4. Мурашова И. Ю. Полимодальное восприятие дошкольников. Как повысить эффективность преодоления недоразвития речи. М.: Логос, 2018. 310 с.
5. Некрасова Е. Д. Когнитивная обработка языковых стимулов в условиях бимодального аудиовизуального восприятия: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2016. 240 с.
6. Иванова Е. В. Синтаксическая организация высказываний с цепочками визуальных прилагательных при полимодальном восприятии // Успехи современной науки. 2017. Т. 2. № 2. С. 109–113.
7. Иванова Е. В. Принципы аранжировки одорических прилагательных в адъективной цепочке (на материале английского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1. С. 174–178.
8. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2008. 583 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы обшей психологии. СПб.: Питер, 2007. 713 с.
10. Delwiche J. The impact of perceptual interactions on perceived flavor // Food quality and preference. 2004. Vol. 15. № 2. P. 137–146. DOI: https://doi.org/https://doi.org/10.1016/S0950-3293(03)00041-7
11. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 319 с.
12. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar: theoretical prerequisites. Stanford: Stanford university press, 1999. 516 p.
13. Талми Л. Феномены внимания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 23–44.
14. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
15. Яворская М. В. Полимодальность в аспекте перцептивных прилагательных и согиперонимия при ее представлении в RussNet // Структурная и прикладная лингвистика / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. Вып. 8. С. 138–160.
16. Агалакова Т. Б. Синестетическое употребление древнеанглийских «осязательных» прилагательных // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сб. тезисов и ст. по материалам междунар. науч. конф., г. Киров, 6–7 декабря 2006 г. в ознаменование 65-летия фак. лингвистики ВятГГУ. Киров, 2006. С. 11–16.
17. Попова М. И. Перцептуальное пространство наблюдателя // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М., 2006. С. 294–307.
18. Болдырев Н. Н. В поисках оценочного смысла // В поисках смысла / отв. ред. Т. А. Клепикова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. С. 36–51.
19. Кобрина Н. А. Порядок слов в английском предложении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 75–83.

Syntactical Organization of Statements with Chains of Tactile Adjectives in Polymodal Perception

Elena V. Ivanova [a, @, ID]

[a] Irkutsk State University, 1, Karl Marx street, Irkutsk, Russia, 664003
[@] elena50682@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-7083-5570

Received 17.07.2018. Accepted 18.01.2019.

Abstract: The article deals with the syntactic organization of statements with chains of adjectives related to different modes of perception, namely: tactile adjectives and taste adjectives. Such groups of tactile adjectives as haptical, temperature, and hygrometric adjectives were investigated in the aspect of polymodality. Polymodality is manifested in the fact that while eating we feel the taste of the dish, as well as its temperature, softness, hardness, humidity, and other haptical and hygrometric characteristics. The research featured the syntactic organization of statements with two-element adjective chains. The research objective was to identify patterns in the arrangement of tactile adjectives in a chain of adjectives with taste adjectives. The article features some statistics of the use of certain chains of adjectives consisting of a tactile adjective and a taste adjective. A comparative analysis of various contexts of tactile adjectives and taste adjectives allowed the author to deduce some rules

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

of their arrangement, namely: in the vast majority of cases, tactile adjectives (temperature and haptic) are on the first place in the chain, which indicates that touch is the dominant modality compared with taste. The arrangement of hygrometric adjectives in a chain with taste adjectives depends on the situation in which the process of perception takes place. The variation of the arrangement of adjectives in a chain is due to the subjectivity of perception and cognitive emphasis. When deriving grammar rules, it is necessary to take into account not only the regularities listed in the article, but also deviations from them.

Keywords: taste adjectives, polymodality, cognitive emphasis, haptic adjectives, temperature adjectives, hygrometrical adjectives, chain of adjectives

For citation: Ivanova E. V. Syntactical Organization of Statements with Chains of Tactile Adjectives in Polymodal Perception. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 197–204. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-197–204

References

1. Ananyev B. G. Sensory-perceptual organization of man. *Cognitive processes: sensations, perception*, eds. Zaporozhets A. V., Lomov B. F., Zinchenko V. P. Moscow: Pedagogika, 1982, 7–31. (In Russ.)
2. Classen C. *Worlds of sense: Exploring the senses in history and across cultures.* London: Routledge, 1993, 172.
3. Bandurka T. N. Study of students' polymodality of perception. Human psychology in the modern world. Vol. 1. Comprehensive and systematic approaches in the study of human psychology. *Personality as a subject of life's journey*: Proc. All-Russian jubilee Sci. Conf. dedicated to the 120th anniversary of the birth of Rubinstein S. L., October 15–16, 2009, eds. Zhuravlev A. L., Barabanshchikov V. A., Volovikova M. I. Moscow: IP RAN, 2009, 14–20. (In Russ.)
4. Murashova I. Yu. Polymodal perception of preschoolers. *How to improve the efficiency of overcoming speech underdevelopment*. Moscow: Logos, 2018, 310. (In Russ.)
5. Nekrasova E. D. *Cognitive processing of language stimuli under bimodal audiovisual perception*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2016, 240. (In Russ.)
6. Ivanova E. V. Syntactical organisation of utterances with chains of visual adjectives in polymodal perception. *Uspekhi sovremennoj nauki*, 2017, 2(2): 109–113. (In Russ.)
7. Ivanova E. V. Principles of arrangement of olfactory adjectives in a chain of adjectives (based on the English language). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (1): 174–178. (In Russ.)
8. Maklakov A. G. *General psychology*. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 583. (In Russ.)
9. Rubinshteyn S. L. *Basics of General Psychology*. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 713. (In Russ.)
10. Delwiche J. The impact of perceptual interactions on perceived flavor. *Food quality and preference*, 2004, 15(2): 137–146. DOI: https://doi.org/https://doi.org/10.1016/S0950-3293(03)00041-7
11. Iriskhanova O. K. *Focus games in the language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 319. (In Russ.)
12. Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar: theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford university press, 1999, 516.
13. Talmy L. Attention phenomena. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2006, (2): 23–44. (In Russ.)
14. Kubryakova E. S. Language and knowledge: towards the acquisition of knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. *The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 560. (In Russ.)
15. Yavorskaya M. V. Polymodality in the aspect of perceptual adjectives and co-hyperimony when presented in RussNet. *Structural and applied linguistics*, ed. Gerd A. S. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010, iss. 8, 138–160. (In Russ.)
16. Agalakova T. B. Synesthetic use of Old English "tactile" adjectives. *Topical problems of linguistics of the XXI century*: Proc. Intern. Sci. Conf., Kirov, December 6–7, 2006 to mark the 65th anniversary of the fact. linguistics VyatSHU. Kirov, 2006, 11–16. (In Russ.)
17. Popova M. I. Perceptual space of the observer. *Studia Linguistica Cognitiva. Vol. 1. Language and cognition: Methodological problems and prospects*. Moscow, 2006, 294–307. (In Russ.)
18. Boldyrev N. N. In search of an evaluative meaning. *In Search of Meaning*, ed. Klepikova T. A. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2010, 36–51. (In Russ.)
19. Kobrina N. A. Word order in English sentence. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2006, (2): 75–83. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

CC BY

оригинальная статья
УДК 81.11

Пропозиционально-фреймовый подход при описании гнезд однокоренных слов русского языка как репрезентация дискурсивной ментальной деятельности человека

Татьяна В. Калюжная [a, @, ID]

[a] Анапский филиал Московского педагогического государственного университета, 353410, Россия, г. Анапа, ул. Астраханская, 88
[@] ktv2007@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5822-4555

Поступила в редакцию 24.07.2018. Принята к печати 18.02.2019.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению гнезда однокоренных слов русского языка как динамического феномена. В качестве основных единиц репрезентации гнездового единства в работе приняты фрейм и пропозиция. Большинство пропозиций, в которых функционируют производные с *-атор*, обладают высокой степенью типизированности. Под воздействием тенденций русской языковой системы, в результате ассимиляции, указанная типизированность пропозиций подвергается изменениям. Мутация происходит как путем изменения актантов в пропозиции, так и посредством расширения актантной парадигмы и появления новых членов в пропозиции. Ассимиляция в русскую языковую систему позволяет развивать производным с *-атор* полисемичные потенции. Возникающие в современном русском языке окказиональные значения анализируемых дериватов образуют новое гнездовое единство, имеющее типизированную структуру фрейма, членясь на типичные для аналогичных гнезд пропозиции, с тем же ограниченным набором актантов. Пропозиционально-фреймовый подход в описании гнезда однокоренных слов позволяет эксплицировать знания носителей языка об окружающем мире, репрезентировать гносеологическую основу дискурсивной ментальной деятельности человека. Исследование выполнено на материале производных с заимствованными формантами *-атор/-тор.*

Ключевые слова: фрейм, пропозиция, производное, заимствованный формант, гнездовое единство, оязыковленная картина мира

Для цитирования: Калюжная Т. В. Пропозиционально-фреймовый подход при описании гнезд однокоренных слов русского языка как репрезентация дискурсивной ментальной деятельности человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 205–211. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

Введение

В рамках научных изысканий Кемеровской дериватологической школы (под научным руководством проф. Л. А. Араевой) пропозиционально-фреймовому анализу были подвергнуты основные единицы словообразования русского языка – словообразовательный тип и гнездо однокоренных слов [1–5]. Рассмотрение гнезд однокоренных слов русского языка сквозь призму пропозиционально-фреймового подхода соположено с общей тенденцией изучения языковых явлений в рамках антропоморфной лингвистики.

В процессе развития лингвистической мысли русистами были предложены неоднозначные основания для объединения лексических единиц в гнездовые единства, что привело к выделению гнезд разных типов: словообразовательное – в работах И. А. Ширшова [6], а также Е. Л. Гинзбург [7], лексическое – в исследованиях В. В. Виноградова [8], морфемное гнездо закреплено в словаре морфем русского языка А. И. Кузнецовой, Т. Ф. Ефремовой[1]. В работах И. В. Евсеевой зафиксирован термин *лексико-словообразовательное гнездо* [3] – своеобразный интерпретант фрагмента оязыковленной картины мира.

Данное исследование являет собой продолжение рассмотрения комплексной единицы словообразования (гнезда однокоренных слов) с позиции пропозиционально-фреймового описания на примере функционирования дериватов с аффиксом *-атор/-тор* в структуре гнезд однокоренных слов русского языка.

Методы исследования. Исследование проводилось в синхронном аспекте. В качестве ведущих использовались

[1] Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М.: Русский язык, 1986. 1136 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

описательный метод, включающий приемы наблюдения, сопоставления, метод пропозиционально-фреймового анализа, интроспекции, метод сплошной выборки, метод межсистемной дополнительности.

Гнездо однокоренных слов как дискурсивная ситуатема

Гнездо однокоренных слов (а именно этот термин мы берем за основу в нашей работе) является определенной мировоззренческой, ментальной ситуацией, своеобразным фреймом (в данном случае мы отходим от понимания фрейма как некой стереотипной поведенческой модели), эксплицирующим фрагмент картины мира: все предметы и явления выступают не обособленно, а в непосредственной связи друг с другом. Вслед за М. Минским под фреймом мы понимаем ситуационные модели, некие структуры знания, образующие определенное понятие, в котором «ассоциирована информация разных видов» [9, с. 7].

Гнездо однокоренных слов в этой связи интерпретируется как некая ситуатема (термин Н. Б. Лебедевой [10]), описывающая характер познания мира человеком. Однокоренные слова, образующие гнездовое единство, репрезентируют комплексную ситуацию, фреймовое единство, которое, в свою очередь, дробится на несколько мини-ситуаций, являющих собой пропозиции. Пропозиция представляет собой некую предикацию, т. е. соотношение предиката и актантов. В этом случае пропозиционально-фреймовый подход «высвечивает» картину мира, анализ которой может быть представлен как на синхронном, так и на диахронном уровнях.

Гнезда однокоренных слов, включающие производные с формантами *-атор/-тор*, представляют специфичные дискурсивные ситуатемы. Это обусловлено своеобразным характером функционирования данных дериватов в системе русского языка. Во-первых, анализируемые производные являются заимствованиями. Во-вторых, данные лексемы в большинстве случаев имеют ограниченную сферу употребления, это некий терминологический вокабуляр для различных областей науки (ср.: *радиатор, хлоратор, элеватор, навигатор* и др.). В связи с этим производные с *-атор* не являются прототипичными для рядовых носителей русского языка.

Характерной чертой функционирования анализируемых производных в гнездах однокоренных слов является то, что они формируют вокруг себя *типизированные* пропозиции. Как представляется, «большинство слов с *-атор* функционируют в трех основных типах пропозиций» [4, с. 132].

1. Ядро функционирования слов с *-атор* составляют производные, формирующие следующую пропозицию: *субъект* (S) – *предикат* (P) – *результат* (чаще всего это процессуальный, потенциальный результат) (R_0), причем в качестве предиката, как правило (но не всегда), выступает глагол на *-ировать, -изировать, -овать*, а в качестве результата – слово на *-ция, -ние*. Ср.: ***дегустатор*** (S) – ***дегустирует*** (P) – ***дегустация*** (R_0); ***информатор*** (S) – ***информирует*** (P) – ***информация*** (R_0); ***плагиатор*** (S) – ***плагиаторствует*** (P) – ***плагиат*** (R_0) и т. д.

2. Вторым по многочисленности представленных производных является следующий тип пропозиции: *субъект* действия в данном случае в гнезде *не представлен* (X), затем следует *предикат* (P) – *средство* (I) – *результат* (R_0), например, некто (X) ***хлорирует*** (P) ***хлоратором*** (I) для ***хлорирования*** (R_0); некто (X) ***стерилизует*** (P) ***стерилизатором*** (I) для ***стерилизации*** (R_0); некто (X) ***аспирирует*** (P) ***аспиратором*** (I) для ***аспирации*** (R_0), таким образом, слово с *-атор* функционирует в пропозиции в качестве средства действия.

3. Третий тип пропозиции представляет собой некий синтез первых двух типов, а именно совмещение в одной пропозиции функции субъекта и функции средства. Данный тип пропозиции формируют вокруг себя полисемичные дериваты, слово с *-атор* здесь оказывается представлено два раза: *субъект* (S) – *предикат* (P) – *средство* (I) – *результат* (R_0) – *продукт* (R_1). Ср.: ***наркотизатор*** (S) ***наркотизирует*** (P) ***наркотизатором*** (I) *для* ***наркотизации*** (R) *и получения* ***наркоза*** (R_1); ***озонатор*** (S) ***озонирует*** (P) ***озонатором*** (I) *для* ***озонации*** (R_0) и *получения* ***озона*** (R_1).

В пределах этих типов пропозиций наблюдаются некоторые незначительные модификации: если слово с *-атор* не является полисемантом, то субъект действия в данном случае в гнезде не представлен, он является, как правило, членом другого гнезда. Анализируемые производные функционируют в этом случае в следующей пропозиции: *некто* (X) – *предикат* (P) – *средство* (I) – *результат* (R) – *продукт* (R_1), например, *некто* (X) ***пастеризует*** (P) ***пастеризатором*** (I) для ***пастеризации*** (R) и *продукт всего этого – нечто* ***пастеризованное*** (R_1). «Таким образом, субстантивы с *-атор* формируют в гнезде три основные типа пропозиции: 1) (S) – *предикат* (P) – *результат* (R_0); 2) *некто* (X) *предикат* (P) – *средство* (I) – *результат* (R_0); 3) *субъект* (S) – *предикат* (P) – *средство* (I) – *результат* (R_0) – *продукт* (R_1), что свидетельствует о высокой степени типизированности пропозиций, в этом проявляется особый характер их функционирования в русском языке в силу "слабой" ассимиляции в русском языковом сознании и русской языковой картине мира» [4, с. 133].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

Все вышесказанное относится к гнездам однокоренных слов, включающим производные с *-атор*, которые не подверглись русификации и непрочно вошли в русское сознание. Если слово с *-атор* оказывается в русском гнезде или гнезде, то пропозиция подвергается мутации, проявляя некоторые изменения.

Виды мутаций в гнездах с *-атор*

Как представляется, можно говорить о двух видах мутации в гнездах с *-атор*.

I. В пропозиции, которые образуют слова с *-атор*, внедряются новые актанты. Этот вид мутации наблюдается в гнездах, включающих ассимилированные в русскую языковую систему лексемы. Рассмотрим слово император. В подобных гнездах актантами выступают *субъект* (S), *предикат* (P) и *место* (L).

В словообразовательном словаре А. Н. Тихонова[2] гнездо, содержащее дериват император, представлено следующими единицами:

Империя: 1) многонациональное монархическое государство, глава которого, как правило, носил титул императора; 2) государство, имеющее колониальные владения, напр. *Британская И.*; 3) разветвленная сеть магазинов, ресторанов, гостиниц, предприятий, СМИ и т. п., управляющая из единого центра.

Император [*imperator* – повелитель]: 1) почетный титул полководца в республиканском Риме; со времен Августа титул главы римского государства; 2) впоследствии титул многих монархов преимущественно в многонациональных государствах, а также лицо, носящее этот титул.

Императрица: 1) жена императора; 2) титул монархини, а также лицо, носящее этот титул.

Императрицын – относящийся к императрице.

Императорство – пребывание в «должности» императора.

Императорский – прил. к император. *Императорский герб. Императорский дворец.*

Экс-император – бывший император.

Империал – русская золотая монета, чеканившаяся с 1755 г., достоинством в 10 руб., а после 1897 г. – в 15 руб.

Полуимпериал – золотая монета царской России, ценностью в 5 руб. и в 7 руб. 50·коп.

Имперский: 1) прил. к империя (1 зн.); 2) великодержавный. *Имперский взгляд на мир.*

Пропозиция, в которой функционирует слово с *-атор*, образуется такая: ***император*** (S) *осуществляет* ***императорство*** (P) *в* ***империи*** (L). К актанту (L) относятся прилагательные (атрибуты – At) – ***императорский***, ***имперский*** (*в императорском замке, на императорском троне, в имперских владениях*). Одной из важнейших функций адъективов в пропозициональной структуре гнезда однокоренных слов является «притягивание» разных конкретных явлений окружающего мира в конкретную ситуатему. Например, если мы добавим к слову *трон* атрибут *императорский*, то *трон* войдет в указанную пропозицию в функции места действия. Следовательно, атрибуты обеспечивают внешнюю валентность пропозиции, способность притягивать конкретные явления окружающего мира путем приписывания маркирующего признака. Развитая семантика слова *императорский* и, как следствие, высокая сочетаемость создает возможность бытования таких актантов, как способ действия и результат (император может осуществлять императорство с помощью *императорской канцелярии*; в качестве результата возникают *императорские указы*).

S----------P----------L
Император (2) *осуществляет* императорство империя (1)
At
императорский
имперский

Нестандартный для гнезд с *-атор* характер пропозициональных структур в гнезде со словом *император*, на наш взгляд, детерминирован несколькими причинами. Во-первых, члены данного гнезда являются наиболее ранними заимствованиями по сравнению с другими производными с *-атор*. Дериват *император* впервые зафиксирован в русском языке в 50–70-е гг. XVII в. «В Петровское время это слово встр. уже нередко»[3]. В то время как большинство производных с указанным формантом начинают функционировать в языке с XVIII и даже с XIX в. (ср: *плагиатор* заимствовано через немецкий или французский языки в конце XVIII в.)[4]. Во-вторых, в структуре этих гнёзд отсутствуют традиционные для гнёзд с *-атор* мотивирующие на *-ировать, -ация*, что тоже детерминирует вариативность пропозиции. И наконец, сфера функционирования указанных дериватов (с одной стороны, официальная, а с другой – непрофессиональная) не является прототипичной для производных с *-атор*, которые в основном обслуживают узко профессиональную сферу деятельности человека и в других стилевых контекстах

[2] Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. С. 231.

[3] Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. 3-е изд. М., 1999. Т. 1. С. 344.

[4] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т.; пер. с нем. 3-е изд., стереотип. М.: Азбука-Терра, 1996. Т. 3. 832 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

употребляются крайне редко. Все вышеперечисленное свидетельствует о русификации данных гнезд, т. е. об определенной степени их укорененности в русском языковом сознании.

II. Изменение происходит по пути как возникновения новых актантов, так и расширения актантной парадигмы. Под актантной парадигмой мы понимаем «совокупность членов гнезда, выполняющих одну функцию в конкретной пропозиции» [4, с. 138].

Пропозициональные структуры носят типизированный характер, но появляются значительные модификации. Возникает новый актант – способ действия, к тому же расширяется актантная парадигма R_1 (вместо одного-двух членов мы находим пять). Пропозиция выстраивается следующая: ***новатор*** (S) ***новаторствует*** (P) *с целью* ***новации*** (***новизны, новинки, новшества, нововведения***, *нечто* ***новое***) (R_1) *определенным способом действия* – ***по-новому***, *чем-либо* ***новым, новейшим, новеньким*** (например, ***новым методом***) (V).

S----------P----------R_1----------V
новатор новаторствует новация по-новому
новизна |
новинка At
новшество новый
нововведение новейший
новенький

Такая нетипичность детерминирована укорененностью данного гнездового единства в русской ментальности. Древнерусское слово *новый* отмечается с XI в. Производное *новатор* фиксируется этимологами с XIX в. В силу такой укорененности гнездо ассимилировалось в русский дискурс, ситуация начинает дробиться вплоть до мельчайшей нюансировки. Кроме того, нестандартность ситуации в данном гнезде можно объяснить онтологическими признаками прилагательного как части речи: семантика адъектива синтагматична и поливалентна, она проявляется через сочетаемость с другими словами, а т. к. *новый* – слово полисемичное, значит, имеет высокую сочетаемость, этим детерминировано наличие композитов в гнезде, например, среди вариантов актанта *результат* – *нововведение.*

Репрезентируемые явления, имеющие место в данном гнезде, эксплицируют следующие тенденции таксономического развития производных с *-атор* в русской деривационной системе: 1) присоединение иноязычного форманта к русской основе; 2) вариативность пропозициональной структуры, эксплицирующая тончайшие нюансы мысли; 3) существенное увеличение количества членов гнезда, перманентно приводящее к распаду гнездового единства на несколько ситуатем.

Итак, «большинство пропозиций, в которых функционируют производные с *-атор*, обладают высокой степенью типизированности. Под воздействием тенденций русской деривационной системы указанная типизированность пропозиций подвергается мутированию. С одной стороны, это происходит путем изменения актантов в пропозиции (пример со словом *император*), с другой стороны – путем расширения актантной парадигмы и появления новых актантов в пропозиции (в гнезде со словом *новатор*)» [4, с. 139].

По нашему мнению, подобные тенденции изменения пропозиций в составе фрейма в дальнейшем будут усиливаться. Примером тому может служить функционирование в русской языковой системе слова *диктатор*. Семантика этого слова четко зафиксирована в толковых словарях русского языка С. И. Ожегова: «1. Правитель (в 1 знач.), пользующийся неограниченной властью. 2. перен. Тот, кто ведет себя по отношению к другим властно и нетерпимо. Диктаторское поведение»[5]. Гнездовое единство, включающее это слово, содержит следующие однокоренные слова: *диктат, диктаторство, диктаторствовать, диктатура*. Пропозиционально-фреймовый подход репрезентирует следующую ситуатему: ***диктатор*** *субъект* (S) – ***диктаторствует*** *предикат* (P) – ***диктатура*** *средство* (I) – ***диктаторство*** *результат* (R_0) – ***диктат*** *продукт* (R_1). Пропозиции, составляющие фрейм, являются типизированными. Но в последнее время слово *диктатор* употребляется, вероятнее всего, как полисемант с окказиональным значением. Оно стало активно использоваться в дискурсе международной акции «Тотальный диктант», где *диктатором* именуется человек, диктующий текст *Тотального диктанта*. В этом случае производное образовало новое гнездовое единство, включив (на основе, по-видимому, ложной этимологии) новые «однокоренные» слова: ***диктовать, диктовка, диктант, дикция*** и, может быть, ***диктор*** (как синоним диктатора, транслирующего текст). Образовалась ситуатема, описывающая механизм проведения *Тотального диктанта*: ***диктатор*** *субъект* (S) – ***диктует*** *предикат* (P) – ***дикция*** *средство* (I) – ***диктант*** *результат* (R_0), *продукт* (R_1). Актанты *результат* и *продукт* оказались здесь идентичными, совпали в одной лексеме. Данный факт – свидетельство того, что лексема диктатор с окказиональной семантикой в данный момент не вошла

[5] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М: Азбуковник, 1999. С. 165.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

в русское языковое сознание: указанное лексическое значение не зафиксировано в толковых словарях русского языка, слово в этом значении является неологизмом.

S----------P----------I------- R_0, R_1
диктатор диктует дикция диктант
(диктор) (проводит диктовку)

Заключение

1. Постановка вопроса о принципах объединения слов в гнездо предполагала выделение отечественными лингвистами гнезд разных типов (словообразовательное, лексическое, морфемное, гнездо однокоренных слов). Для функционального анализа оказалась важна системная организация гнезд однокоренных слов русского языка.

2. Если рассматривать гнездо как деривационную систему, то о производных с *-атор*/-тор можно сказать, что они устанавливают регулярные полимотивационные отношения. Мотивирующими для производных с *-атор*/*-тор* являются такие члены гнезда, как глаголы на *-ировать, -изировать, -овать*.

3. Другим аспектом системности гнезда однокоренных слов является пропозиционально-фреймовая организация. Этот подход базируется на синтаксической теории словообразования, с одной стороны, и различных методах пропозиционального анализа, выработанного в общем языкознании – с другой. Другим теоретическим исходным пунктом для нас стала теория фрейма, на основании которой мы охарактеризовали гнезда однокоренных слов как многомерную ситуацию, имеющую пропозициональную организацию. Пропозициональный уровень является более дробным, более конкретным по отношению к фреймовому, т. е. все гнездо как фрейм может распадаться на несколько пропозиций – более мелкие однородные ситуации.

4. Предлагаемый нами метод пропозиционального анализа функционирования производных с *-атор/-тор* в гнездах однокоренных слов тесно связан с пропозициональным анализом мотивационных отношений внутри словообразовательного типа. Эта методика была разработана в трудах Л. А. Араевой [1; 11], Е. С. Кубряковой [12; 13], З. И. Резановой [14; 15], М. Н. Янценецкой [16; 17], И. В. Евсеевой [18; 19]. В зарубежной лингвистике системно-функциональная теория словообразования представлена в трудах М. Докулила [20].

5. Дериват с *-атор*, развивая в системе русского языка лексическую составляющую, семиотически наращиваясь, все же имеет типизированную структуру фрейма, членясь на типичные (для гнездовых единств с указанными производными) пропозиции, с тем же ограниченным набором актантов. В результате такого анализа возможно определить деривационный потенциал слова. «Фреймовый анализ позволяет увидеть не только сходства и различия в семантическом устройстве гнезд, но и установить тесные семантические связи между фрагментами разных гнезд» [19, с. 19].

6. Перспективным в этой связи является рассмотрение в сопоставительном аспекте дериватов с формантом *-атор* и формантом *-ист*, вступающих в рамках одного гнезда в синонимические отношения (ср.: *морализатор*, *моралист*). Как представляется, производные с *-ист* будут образовывать менее типизированные пропозиции, что детерминировано более высокой степенью ассимиляции данных дериватов в сознании носителей русского языка.

Таким образом, пропозиционально-фреймовый анализ гнезда однокоренных слов довольно актуален, т. к. лексемы в пределах гнезда эксплицируют гносеологическую основу дискурсивной ментальной деятельности человека.

Литература

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема: Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. 223 с.
2. Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров. Фреймовая структура гнезда. М.: Либроком, 2009. 304 с.
3. Евсеева И. В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2011. 49 с.
4. Ковалева Т. В. Производные с *-атор*/-тор в деривационной системе русского языка: дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 191 с.
5. Образцова М. Н. Пропозиционально-фреймовая организация гнезда однокоренных слов с ядерным компонентом «Пчела» // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. Режим доступа: http://science-education.ru/ru/article/view?id=9668 (дата обращения: 27.07.2018).
6. Ширшов И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке: дис. … д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 1982. 410 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

7. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. 264 с.
8. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука 1977. 312 с.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
10. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Томск, 2000. 55 с.
11. Араева Л. А. Словообразовательный тип: к проблеме определения // Актуальные проблемы русистики: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию профессора кафедры русского языка ТГУ О. И. Блиновой. Томск: ТГУ. 2001. С. 57–58.
12. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
13. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
14. Резанова З. И. Семантические вопросы словообразования. Производящее слово. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 273 с.
15. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.
16. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 242 с.
17. Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 4–33.
18. Евсеева И. В., Пономарева Е. А. Лексико-словообразовательное гнездо: когнитивное моделирование. Красноярск: СФУ, 2018. 199 с.
19. Евсеева И. В., Крейдлин Г. Е. Фреймовое моделирование фрагментов лексико-словообразовательных гнезд с семантикой 'заболевание' // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 5–23. DOI: https://doi.org/10.17223/19986645/49/1
20. Dokulil M. Tvořeni slov v češtině: Teorie odvozování slov. Praha: Nakl, Československé akademie věd, 1962. 263 s.

Propositional-Frame Approach to the Description of Families of Russian Cognate Words as a Representation of Mental Discourse

Tatyana V. Kalyuzhnaya [a, @, ID]

[a] Moscow Pedagogical State University (Anapa branch), 88, Astrakhanskaya St., Anapa, Russia, 353410
[@] ktv2007@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5822-4555

Received 24.07.2018. Accepted 18.02.2019.

Abstract: The research features families of cognate words in the Russian language as a dynamic phenomenon. Frame and proposition were adopted as the basic units of representation of word families. The study focused on derivatives with the borrowed formants *-amop*/-тор (-ator/-tor). Most of the propositions with *-amop* revealed a high degree of typification. This typification of propositions undergoes changes under the influence of the tendencies of the Russian linguistic system and as a result of assimilation. The mutation occurs both by changing the actants in the proposition, as well as by expanding the actant paradigm and the appearance of new members in the proposition. Assimilation results in polysemic potency derivatives. Occasional meanings of the analyzed derivatives form a new family with a typified frame structure. The nests are divided into propositions typical for similar families, with the same limited set of actants. The propositional-frame approach to the description of the families of cognate words makes it possible to express the knowledge of native speakers about the world, as well as to represent the epistemological basis of mental discourse.

Keywords: frame, proposition, derivative, borrowed formant, nest unity, a linguistic picture of the world

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

For citation: Kalyuzhnaya T. V. Propositional-Frame Approach to the Description of Families of Russian Cognate Words as a Representation of Mental Discourse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 205–211. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-205–211

References

1. Araeva L. A. *Word-Formation type as semantic microsystem: Suffixal substances (on the material of Russian dialects)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1994, 223. (In Russ.)
2. Osadchiy M. A. *Monohull vocabulary of Russian folk dialects. Frame structure of the nest*. Moscow: Librokom, 2009, 304. (In Russ.)
3. Evseeva I. V. *Cognitive modeling of the word-formation system of the Russian language (a case study of complex units)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2011, 49. (In Russ.)
4. Kovaleva T. V. *Derivatives of -ator/-tor in the derivational system of the Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2004, 191. (In Russ.)
5. Obraztsova M. N. Propositional-frame organization of families of cognate words with the nuclear component "pchela" (bee). *Modern problems of science and education*, 2013, (4). Available at: http://science-education.ru/ru/article/view?id=9668 (accessed 27.07.2018). (In Russ.)
6. Shirshov I. A. *Plurality of word-formation motivation in the modern Russian language*. Dr. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 1982, 410. (In Russ.)
7. Ginzburg E. L. *Word-formation and syntax*. Moscow: Nauka, 1979, 264. (In Russ.)
8. Vinogradov V. V. *Lexicology and lexicography. Selected works*. Moscow: Nauka, 1977, 312. (In Russ.)
9. Minskiy M. *Frames for presentation of knowledge*. Moscow: Energiia, 1979, 152. (In Russ.)
10. Lebedeva N. B. *Polysituational character of verbal semantics (a case study of Russian prefixed verbs)*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2000, 55. (In Russ.)
11. Araeva L. A. The Word-Forming Type: On the problem of definition. *Actual Problems of Russian Studies*: Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated to the 70th anniversary of O. I. Blinova, Professor of the Russian Language Department, TSU. Tomsk: TGU, 2001, 57–58. (In Russ.)
12. Kubryakova E. S. The role of word formation in the formation of the linguistic worldview. *The Role of the Human Factor in Language: Language and Picture of the World*, ed. Serebrennikov B. A. Moscow: Nauka, 1988, 141–172. (In Russ.)
13. Kubryakova E. S. *Types of linguistic meanings. The semantics of the derived word*. Moscow: Nauka, 1981, 200. (In Russ.)
14. Rezanova Z. I. *Semantic questions of word formation. Producing word*. Tomsk: Izd. Tom. un-ta, 1991, 273. (In Russ.)
15. Rezanova Z. I. *Functional aspect of word formation. Russian derived name*. Tomsk: Izd. Tom. un-ta, 1996, 219. (In Russ.)
16. Yantsenetskaya M. N. *Semantic issues of the theory of word formation*. Tomsk: Izd. Tom. un-ta, 1979, 242. (In Russ.)
17. Yantsetskaya M. N. The propositional aspect of word formation (Review of Works of Siberian Derivatologists). *Actual Problems of Regional Linguistics and History of Siberia*. Kemerovo, 1992, 4–33. (In Russ.)
18. Evseeva I. V., Ponomareva E. A. *Lexico-word-formation nest: cognitive modeling. Krasnoyarsk*: SFU, 2018, 199. (In Russ.)
19. Evseeva I. V., Kreydlin G. E. Frame modeling of fragments of lexical-derivational nests with the 'disease' semantics. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, (49): 5–23. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17223/19986645/49/1
20. Dokulil M. *Tvořeni slov v češtině: Teorie odvozování slov*. Praha: Nakl, Československé akademie věd, 1962, 263.

Вестник Кемеровского государственного университета, 2019, 21(1)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

оригинальная статья
УДК 811.111

«Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам)

Тамара П. Карпухина [a, @, ID]

[a] Тихоокеанский государственный университет, 680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136
[@] tkarpukhina1@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-8872-3507

Поступила в редакцию 08.11.2018. Принята к печати 07.03.2019.

Аннотация: Объектом исследования являются манипулятивные технологии формирования образа России как врага в британских и американских СМИ. В основу конструируемого образа сознательно, целенаправленно вкладываются признаки, уже сложившиеся в массовом сознании как стереотип врага, базирующийся, в свою очередь, на древнейшем архетипе врага как чужого, который угрожает существованию всего рода. Манипулятивной стратегии крайне негативной репрезентации России противостоит сверхположительная самопрезентация Британии и США. Россия представлена как мощный вооруженный противник, несущий экзистенциальную угрозу существованию всего мира, более опасный, чем терроризм. Предмет изучения статьи составили языковые средства, лежащие в основе манипулятивных стратегий и тактик, используемых в англоязычной прессе с целью конструирования образа России как врага. Ведущую роль в формировании пейоративного образа России играет так называемая *лексика / язык вражды (hate speech)*, построенная на конфронтационных, экстремистских, агрессивных основаниях. В статье также ставится вопрос о преподавании российским студентам такой дисциплины, как «Язык прессы», напрямую связанной с чтением и обсуждением англоязычных статей, основной чертой которых является манипулирование информацией, направленное на дискредитацию, уничижение и очернение России. В статье рассматриваются способы противодействия подобному манипулятивному речевому воздействию, представляющему собой угрозу информационной безопасности России.

Ключевые слова: СМИ, политический дискурс, образ врага, конструирование образа, стереотип, архетип, манипуляция, оценка, самопрезентация, репрезентация, лексика / язык вражды, экстремизм

Для цитирования: Карпухина Т. П. «Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 212–222. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

1. Введение

Объектом исследования настоящей статьи являются манипулятивные технологии, направленные на конструирование образа России как врага в англоязычном масс-медийном политическом дискурсе. Предмет изучения составили языковые средства формирования в британской и американской прессе пейоративного образа России, заложенные в основу конфронтационных, экстремистских высказываний и заявлений. В работе ставится задача противодействия подобному агрессивному медиавоздействию в российской студенческой аудитории, изучающей английский язык в качестве основной специальности и читающей аутентичные англоязычные источники, включая газетно-публицистические статьи.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили:

– базовые понятия теории политического дискурса (В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, В. З. Демьянков, В. Н. Базылев);

– положение о манипулятивном характере политического дискурса (А. М. Каплуненко, С. Г. Кара-Мурза, О. Л. Михалева, Е. Л. Доценко);

– теоретическое обоснование технологизации политического дискурса, использующего манипулятивные стратегии и тактики речевого воздействия (N. Fairclough, А. М. Каплуненко, С. Н. Плотникова, П. Рабардель, С. А. Колосов);

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

– исследования в области культурологии, теоретически обосновывающие оппозицию свой / чужой и образ врага (В. В. Красных, Л. С. Васильев, Л. В. Балашова, Л. Гудков);

– понятие стереотипа, разработанное в рамках социологии и культурологии (У. Липпман, В. А. Маслова, А. М. Рюмин);

– основные понятия теории аргументации, входящей в сферу интересов классической логики и риторики (А. А. Ивин, Е. В. Клюев, Г. Г. Хазагеров);

– теоретическое обоснование понятия экстремизма (А. Т. Бозиев, В. А. Гаужаева, Н. В. Голубых, М. П. Леготин, А. В. Римский, А. В. Артюх).

В центре внимания данной статьи находится обострившаяся проблема жесткого противостояния двух политических систем, англосаксонской и российской, очевидцами которого мы являемся, и в связи с этим особенности преподавания английского языка на факультетах иностранных языков в современных условиях. Теоретические проблемы политической лингвистики оказываются связанными с практическими вопросами, затрагивающими процесс изучения языка политики будущими филологами. Приобретение профессиональных навыков свободного общения на английском языке в разных сферах речевой деятельности предполагает овладение компетенциями, в том числе и в области политической коммуникации, представленной в СМИ, или масс-медиа. Эту задачу призвана решить такая дисциплина, как «Язык прессы», входящая в качестве отдельного раздела в практический курс иностранного языка.

К работе в студенческой аудитории привлекаются статьи, извлекаемые из таких зарубежных изданий, как *The Guardian, The New York Times, National Review, Foreign Policy Journal* и др. Эти издания относятся к так называемой качественной прессе, а их электронные версии пользуются высокой популярностью среди читателей в сети Интернет. Целевой аудиторией этих изданий, поднимающих политическую, экономическую, социальную и культурологическую проблематику, являются образованные, активные читатели, которых принято относить к гражданскому обществу. Постановка проблем, их интерпретация и тон подачи информации явно нацелены на внутреннего потребителя.

2. Формирование пейоративного образа России в англоязычном масс-медийном дискурсе

2.1. Согласование позиций и аргументированность как основа конструктивного медиавоздействия в англоязычном внутриполитическом дискурсе

Анализ статей, относящихся к внутриполитической деятельности Британии и США, показывает достаточно взвешенную, аргументированную, подкрепленную фактами позицию журналистов, освещающих те или иные события. Даже в случае расхождения взглядов по тем или иным вопросам, касающихся проблем образования, здравоохранения, иммиграции, межрасовых и межэтнических отношений, налицо стремление обратиться к экспертному сообществу с тем, чтобы прояснить проблему и от дискурса различий перейти к дискурсу согласования [1]. Таким образом, в качестве авторитетного ориентира для последующих действий принимается аргументация и мнение экспертного сообщества (социологов, политологов, историков, психологов и др.), что скрепляет общество и уберегает его от раскола.

Огромную роль в смягчении внутренних противоречий сыграл разработанный специально для этих целей политкорректный политический дискурс, который в угоду толерантности породил косвенные, эвфемистичные наименования и этими симулякризованными языковыми знаками, затушевывающими неприглядные явления в обществе, создал иллюзию социального согласия и единства, не отражающую истинную картину жизнеустройства, но позволяющую выжить в условиях современного либерального общества [2–4].

2.2. Конфронтационная риторика в отношении России как основа деструктивного медиавоздействия в англоязычном внешнеполитическом дискурсе

Совсем иначе обстоят дела во внешнеполитическом дискурсе, в особенности там, где речь идет о России. Толерантность переходит в нетерпимость; уважительный тон сменяется принижением и пренебрежением; вежливость, характеризующая межличностные отношения, заменяется не просто ее антиподом, невежливостью, но уступает место прямым оскорблениям; доверительность в отношениях сменяется подозрительностью; бывший союзник сегодня рассматривается как противник; некогда спасший от фашизма друг становится сейчас злейшим врагом. Не следование фактам, а дискредитация и диффамация России как врага является лейтмотивом статей, в которых затрагиваются события, так или иначе связанные с Россией. Налицо нескрываемая вербальная конфронтационность, которая проявляется в так называемой *лексике вражды (hate speech)*, изучаемой в рамках оформившейся недавно дисциплины – лингвоконфликтологии [5, с. 108].

При этом градус напряженности только растет, что дает основания многим политикам и экспертам говорить об информационной войне между коллективным Западом и Россией. В основе предельно жесткого противостояния лежат эссенциально и экзистенциально важные для обеих противостоящих сторон геополитические интересы. Но в таком случае, если речь идет о войне, пусть и информационной, мы вправе утверждать о крайних,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

т. е. экстремистских взглядах в отношении России, которая в этой войне является не нападающей, а обороняющейся стороной.

2.3. Проявление экстремизма в межгосударственных отношениях

На наш взгляд, экстремизм, определяемый как «приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике)»[1], может относиться и к межгосударственным отношениям, примером чему служит политический курс тех западных стран, которые видят решение политических проблем в конфронтации с противником, не исключая последующего его физического устранения и уничтожения. Цель экстремизма как идеологии и политической деятельности, крайней формой проявления которого выступает терроризм, заключается в дестабилизации и разрушении сложившихся в обществе отношений и ценностей, что в конечном счете направлено на подрыв и свержение общественно-политического строя государства.

При всей разности трактовок экстремизма его ключевыми признаками считаются крайние взгляды, радикализм, фанатизм, одномерность восприятия проблем, иррациональная опора на предрассудки и стереотипы, нетерпимость к иным взглядам и неспособность к компромиссам, разжигание розни, публичный характер действий, нацеленных на воздействие на принятую в обществе систему взглядов и ценностей, склонность к насильственным способам решения проблем [6–9].

Прежде чем давать лингвистический анализ англоязычных газетных публикаций, доказывающий крайне враждебное отношение к России, и продумывать способы противодействия в российской студенческой аудитории той экстремистской риторике и вербальной агрессии, которой они подвергаются как граждане своей страны, необходимо осветить некоторые вопросы, относящиеся к СМИ и ее роли в современном мире.

2.4. Роль СМИ как социального института в современном мире

Говоря о СМИ, нельзя обойти вниманием вопрос о том значении, которое они приобрели в последнее время. Наряду с доминирующими функциями – информационной, идеологической и воздействующей [10, с. 48], – СМИ осуществляют целый ряд других, не менее важных функций: культурно-просветительную, образовательно-воспитательную, социально-ориентирующую, объединительно-солидаризирующую, аргументативно-персуазивную (убеждающую и побуждающую к солидарным действиям), организовывающую, регулирующую, развлекательную и проч. Особую роль в настоящее время приобретает воздействующая функция, тесно связанная с идеологией, которую осуществляет правящая элита страны.

СМИ не только предоставляют сведения о происходящих в мире событиях, но и подают их в том свете и в таком ракурсе, как это выгодно действующей власти, которая управляет страной и регулирует ее политическую деятельность. Ви́дение событий опосредуется доминирующей в обществе идеологией, ценностными ориентирами, а также политическими установками и целями. В современном мире масс-медийный дискурс, реализовываемый СМИ, – это основной инструмент воздействия на массовую аудиторию, который используется для того, чтобы побудить ее действовать в соответствии с планами властных структур.

СМИ как один из социальных институтов, интегрированных во властные структуры, содействуют реализации политико-экономического курса, проводимого властью, осуществляя идеологический, политический и духовный контроль над жизнью общества. Контроль при этом носит всеобъемлющий характер, проявляясь в избирательности подаваемой информации, проходящей через множество фильтров, в результате чего одни ценности насаждаются, а другие обесцениваются [11].

СМИ служат основным орудием формирования общественного мнения, которое либо санкционирует то или иное решение власти, либо резко отвергает его и не позволяет провести его в жизнь. Политолог и социолог Уолтер Липпман, введший в 1922 г. в научный обиход термин *общественное мнение*, исследовавший механизмы его формирования, функционирования и воздействия, подчеркивал, что в его основе лежат стереотипы – иллюзорные конструкты, формирующие псевдо-реальность (*quasi-environment*), замещающие существующую действительность [12]. Стереотипы представляют собой односторонние взгляды, связанные, как правило, с преувеличением и предубеждением в отношении групп людей, национальной общности или расы, а также класса людей[2].

[1] Словарь иностранных слов [свыше 21000 слов] / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. 6-е изд., стереотип. М.: Дрофа: Русский язык – Медиа, 2009. С. 781.

[2] Аберкомби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь; пер. с англ.; под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. С. 470.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

2.5. Манипулятивные технологии целенаправленного создания оценки в СМИ как инструмент формирования общественного мнения

Преследуя цель завоевания, сохранения и удержания власти, правящая политическая элита зачастую прибегает к манипуляции массовым сознанием, формируя выгодное ей общественное мнение, построенное в значительной мере на стереотипах. Манипуляция представляет собой скрытую форму воздействия, в ходе которого подвергшиеся манипулированию люди, не распознавая планов манипулятора, меняют свои цели, установки, ценностные ориентиры и намерения, в результате чего их поведение не согласуется с их изначальными целями, установками, ценностями и намерениями [1, с. 4].

Манипулятивное воздействие осуществляется посредством искусного применения языковых средств, которые выступают инструментом языкового насилия [13, с. 159], поскольку изменение первоначальных намерений и установок происходит не по воле манипулируемого, а без его ведома, осознания, согласия и контроля. Манипулятивное речевое воздействие – это всегда языковое насилие над личностью [14, с. 147].

В практике межгосударственных отношений, в политической коммуникации с другими странами активно используется манипулятивная технология, применяющая коммуникативные стратегии целенаправленного создания оценки, положительной или отрицательной. Эта технология часто используется в целях конструирования определенного образа, оцениваемого по этическому признаку *хороший / плохой*. Трудно согласиться с мнением о том, что в современной публицистике на смену открытой пропаганде «пришло умело завуалированное манипулирование массовым сознанием, не содержащее прямых оценок», поскольку «прямолинейность выражения оценки снижает эффективность воздействия на массового адресата» [15, с. 228].

Данное утверждение верно лишь отчасти, оно не может распространяться на все стратегии и тактики манипуляции. Так, наблюдения над публицистическим дискурсом показали явное превалирование отрицательной оценки над положительной, что в процентном соотношении выглядит так: 65 % против 12 % [16, с. 237]. Более того, оценка, как правило, не знает полутонов, и объект характеризуется либо как безукоризненно положительный, либо как крайне отрицательный. В первом случае речь обычно идет о позитивной самопрезентации, во втором – о негативной репрезентации оппонента. Именно последняя используется при конструировании образа врага.

3. Формирование образа России как врага в британских и американских СМИ

По сути, эта эмоционально-оценочная демаркация, в основе которой лежит оппозиция по признаку *свой / чужой* [17], глубинные корни которой ведут в родоплеменные отношения, требовавшие различения общности по данному принципу в целях ее сохранения. Чужой мог оказаться врагом, представлять опасность не только для отдельных соплеменников как членов группы, но и нести угрозу существованию всего рода. Образ врага, уходящий в глубины архаики, активно эксплуатируется в современном информационном пространстве. Не является исключением и англоязычный масс-медийный дискурс, обслуживающий интересы правящей элиты, главным направлением которой стала в последнее время явная русофобия. Отсюда и целенаправленное формирование образа России как чужого, как врага, которое мы наблюдаем в британских и американских СМИ.

Напомним, что архетип врага, который складывается из таких составляющих, как *чужой, агрессор, варвар, преступник, достойный противник, насильник* и др., несет угрозу базовым ценностям группы и самому ее существованию. Считается, что от врага исходит смертельная опасность [18]. Восприятие врага может носить опосредованный характер, будучи заданным источниками информации, к которым относятся в том числе и СМИ, целенаправленно формирующие образ врага [19].

Подобный преднамеренно конструируемый образ – это эмоционально-оценочное, негативное представление о стране, в которое сознательно вкладываются признаки и характеристики, уже сформированные в общественном сознании в качестве сложившегося стереотипа врага как воплощения абсолютного зла. К ним относятся такие качества, как безнравственность, беспринципность, лживость, агрессивность, коварство, постоянное применение насилия, жестокость, тирания, угнетение других и проч. Поэтому создаваемый образ врага должен, согласно планам манипуляторов, вызывать неприязнь, отторжение, ненависть и другие негативные эмоции, а действия врага должны порождать ответную реакцию противодействия.

Примечательно, что если мы обратимся к эпохе противостояния Запада и СССР, то увидим, что с тех пор мало что изменилось. Все перечисленные качества и риторика ненависти (*hate speech*) переносятся теперь уже на постсоветскую Россию. Сформировалась «своеобразная инерция или традиция» использования языка вражды, основным объектом которого является Россия, рассматриваемая как главный источник проблем и угроз всему западному миру [5, с. 111].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

4. «Лексика вражды» как языковая основа формирования пейоративного образа России и манипулятивные уловки псевдо-аргументации в британской и американской прессе

Обратимся к фактическому материалу. Уже из заголовка статьи Russia Is Americans' Biggest Enemy[3] (Россия является самым большим врагом американцев), опубликованной в газете The Moscow Times, становится ясно, кем представляется Россия для США. Неслучайно использование прилагательного big в превосходной степени, что служит эмоционально-оценочной интенсификации утверждения. Заметим, что прилагательное несет двоякий смысл, характеризуя Россию и как самую большую страну (что само по себе уже пугает западного обывателя), и как самого мощного и злейшего врага.

В данной статье представлены результаты опроса граждан о том, кого они считают самым серьезным врагом Америки. Из ответов следует, что общественное мнение единодушно в том, что именно Россия является самой большой угрозой для Америки из всех существующих стран. Следом по степени убывания враждебности идут Северная Корея, Китай и Иран: *In the eyes of Americans, Russia has surpassed North Korea as the main enemy of the United States, a new Gallup poll reveals*; *Russia led the pack of named U.S. foes… North Korea came second…, followed by China… and Iran*; *Still, the perceived threat of Russia's military power pales in comparison to Americans' other concerns*; *Despite the increase in perceptions of Russia's military power as a critical threat, the issue still is rated well behind other international challenges such as terrorism generally, the ISIS group specifically, and Iran's development of nuclear weapons, the statement said*.

Обращает на себя внимание употребление слов-синонимов *enemy, foe* (враг), а также негативно-коннотируемые словосочетания *military power* (военная мощь), *perceived threat* (ощущаемая, нависшая угроза), *critical threat* (критически-предельная, высочайшего уровня угроза), семантически связанные с военной сферой, которые создают у читателя мнение, что от крайне враждебной России исходит прямая угроза войны. И повтор слова *threat* в этом контексте отнюдь не случаен, учитывая усилительно-воздействующую силу повторения.

Особая роль в манипулятивном воздействии на адресата отводится сверхположительной оценке собственной деятельности, а именно мелиоративной, возвышающей тактике преувеличения своей роли в мире, как будто бы лишь одна Америка борется со всеми международными вызовами. Причем эти вызовы настолько серьезны, что даже угроза военной мощи России бледнеет по сравнению с ними (см. метафорическое употребление глагола *pale* в этом контексте, участвующее в тактике умаления, преуменьшения роли противника, т. е. России).

В статье, опубликованной в газете *The Guardian*[4], озаглавленной в форме разделительного вопроса, имплицитно задается читателям выбор, с кем им воевать, с Россией, в холодной войне или с терроризмом, в реальной, горячей войне: *Is a new cold war with Russia inevitable or is terrorism the real enemy*? (Новая холодная война с Россией неизбежна, или настоящий враг – это терроризм?). В заголовке присутствует слово *enemy*. Эксплицитно словом *враг* характеризуется терроризм, но имплицитно оно относится и к России, потому что войны, и холодные, и горячие, ведутся только с врагом как самым сильным и непримиримым противником.

Приведем отрывки из анализируемой статьи, обвиняющей Россию и сирийское правительство Башара Асада в пособничестве терроризму: *Meanwhile, Russia and Assad's Syrian regime were "weaponising" immigration to destabilise Europe, according to Nato's commander, US General Philip Breedlove*; *Vladimir Putin's motive, according to this narrative, is to destabilise European leaders, notably Angela Merkel, and encourage right-wing parties throughout the continent*.

Данный текст является ярким примером использования таких тактик манипулятивной стратегии негативной репрезентации оппонента, как дезинформация и ложное обвинение в деструктивной политике. Не предъявляя никаких доказательств, если не считать псевдо-аргументативной уловки – отсылки к авторитету, которым служит заинтересованный в противоборстве с Россией генсек НАТО, автор статьи утверждает, что главной целью России является дестабилизация европейских стран, осуществляемая якобы посредством поставки оружия иммигрантам и поддержки правых партий.

Обвинением в поддержке тех, кто считается в Европе экстремистом, России наносится значительный, дискредитирующий ее репутационный урон в глазах британских читателей, имеющих поверхностное представление о проблемах на Ближнем Востоке, ограниченное теми сведениями, которые предоставляют им британские СМИ. В приведенных отрывках нет слова *враг*, но стереотип

[3] Nechepurenko I. Russia Is Americans' Biggest Enemy // The Moscow Times. 16.02.2015. Режим доступа: https://www.themoscowtimes.com/article/516012.html (дата обращения: 05.12.2017).

[4] Norton-Taylor R. Is a new cold war with Russia inevitable or is terrorism the real enemy? // The Guardian. 22.03.2016. Режим доступа: https://www.theguardian.com/news/defence-and-security-blog/2016/mar/22/is-a-new-cold-war-with-russia-inevitable-or-is-terrorism-the-real-enemy (дата обращения: 05.12.2017).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

врага срабатывает и здесь, поскольку действовать в связке с режимом и экстремистами, вмешиваться во внутренние дела стран и дестабилизировать их может только враг.

Дискредитация России тем эффективнее, что этой цели служат эмоционально-оценочные экспрессивные языковые средства, в частности, обладающие негативной коннотацией глаголы *destabilise* и *weaponise*. Последнее слово является к тому же окказиональным образованием, что еще более усиливает его экспрессивность. Обращает на себя внимание и повтор слова *destabilise*, «вбивающий» в сознание читателей мысль об упорных попытках России дестабилизировать ситуацию в Европе в целом и повлиять на состояние и позицию Ангелы Меркель. Отметим и выражение *throughout the continent*, имплицирующее ужасную для западного обывателя мысль о влиянии и всемогуществе России, действия которой будто бы охватывают весь Европейский континент.

Заголовок статьи *Russia is more dangerous than Isis, says Polish foreign minister* (Россия более опасна, чем ИГИЛ, утверждает министр иностранных дел Польши), опубликованной в газете *The Guardian*[5], проговаривает то, что западные элиты хотели бы скрыть, а именно их поддержку опаснейшей международной террористической организации, предоставляемую ими в противовес России. Правящие круги коллективного Запада считают Россию большей угрозой для себя, чем ИГИЛ.

Весьма показательна их «аргументация». По мнению руководителя Польского МИДа, деятельность России (напомним, что речь идет о борьбе России против терроризма в Сирии) представляет собой экзистенциальную угрозу для западных стран, поскольку эта деятельность (активность) способна разрушать страны: *By all evidence, Russia's activity is a sort of existential threat because this activity can destroy countries*.

В этой статье также нет слова *враг*, но в ней внедряется в массовое сознание мысль о том, что важна не борьба России с международным терроризмом, причем фактически в одиночку, без помощи Запада, а некая экзистенциальная угроза с ее стороны, которая якобы направлена на уничтожение стран вообще, а не только терроризма. И читатель подводится к выводу: такая страна-агрессор с ее деструктивной политикой является крайне опасным врагом, которого следует бояться более, чем любого даже самого страшного терроризма.

Манипуляция общественным сознанием строится здесь на целом ряде составляющих. Прежде всего, перед нами ложное, не соответствующее действительности утверждение. Эту явную ложь пытаются подкрепить не фактами, которых нет, а уловками псевдо-аргументации. Наиболее очевидной из них является отсылка к авторитету в лице государственного деятеля высокого ранга.

Другим «аргументом» служит парентеза – вводная фраза *By all evidence* (Судя по всем данным (доказательствам)), которая, кстати, сама по себе никаких данных или доказательств не содержит и не вводит. Эта общая бессодержательная фраза, однако, способна убедить неискушенного читателя, поскольку в ней содержится слово *evidence*, обозначающее доказательства, сведения, улики, которым принято доверять.

Манипулятивным целям служит и употребление книжной лексики, семантика которой не всегда точно определяется обывателем. Таковым в этом тексте является прилагательное *existential*, имеющее разное значение в обыденной речи и в философии экзистенциализма. Неясные обозначения, особенно связанные с научной терминологией, всегда обладают большей суггестивной, внушающей силой в сравнении с общеупотребительной лексикой. В данном конкретном случае внушение направлено на усиление чувства опасения, недоверия и страха перед Россией, что обусловлено сочетанием прилагательного *existential* с существительным *threat* (угроза), имеющим сильную негативную коннотацию.

В статье *Siding with the enemy*[6] (На одной стороне с врагом), опубликованной в *The New York Times* 22.11.2017, говорится о мнении Дональда Трампа, который в ходе бесед с Владимиром Путиным пришел к выводу о том, что Россия не вмешивалась в ход президентских выборов в США. Это признание, выраженное в очень осторожной форме, привело демократическую прессу США в ярость. Автор статьи называет заявление американского президента предательством (*betrayal, treacherous*), а якобы прогибание Америки (*American submission*) перед враждебным российским народом (*a nation hostile to this country – Russia*) – дипломатией по принципу подставь другую щеку для удара (*this kind of turn-the-other-cheek diplomacy*) и пощечиной американцам (*a slap in the face*).

Весьма интересно использование высоко экспрессивного окказионального, голофрастического эпитета *turn-the-other-cheek*, построенного по принципу уподобления предложения слову [20]. И по смыслу, и контекстуально, и аллюзивно (см. библейское высказывание) голофрасис связан с упоминаемой пощечиной, но едкая ирония,

[5] Russia is more dangerous than Isis, says Polish foreign minister // The Guardian. 15.04.2016. Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2016/apr/15/russia-more-dangerous-isis-polish-foreign-minister-witold-waszczykowski (дата обращения: 05.12.2017).

[6] Blow Ch. M. Siding with your enemy // The New York Times. 12.11.2017. Режим доступа: https://www.nytimes.com/2017/11/12/opinion/trump-putin-russia.html (дата обращения: 29.10.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

направленная в адрес американской дипломатии, призывает явно не к библейскому смирению, а к возмущению и протесту. Ведь с враждебным народом не мирятся, с ним воюют. Лексика вражды, агрессивная манипуляция общественным мнением, нагнетание негативных эмоций в отношении оппонента, с которым якобы невозможны никакие компромиссы, тем заметнее, когда вдумаешься, по поводу чего так накалились страсти: всего лишь осторожного сомнения Трампа о вмешательстве России в предвыборную президентскую кампанию в США.

И вместе с тем манипулятивная пейоративная стратегия негативной репрезентации оппонента, когда так конструируется образ врага, весьма эффективна. Этому служит многократный повтор о вмешательстве России в выборы в США, который лишь стороннему, незаинтересованному или информированному читателю кажется навязчивым: *Russia interfered in our elections*; *the Russian efforts influenced our elections*; *Russia's assault on our elections*; *the Russian election meddling*; *Russia attacking our elections*; *Russia attacked our elections*. Одна только последняя фраза повторяется в тексте четыре раза. И этот прием не следует недооценивать, учитывая воздействующую силу повторения, которую подметил Ж. Деррида: «Повторение снимает негативность, собирает и сохраняет прошедшее настоящее как истину и идеальность. Истинное – это всегда то, что можно повторить» [21, с. 90; 22, с. 30–32]. Действует и другое правило повторения: чем чаще номинации «будут применяться в речевой практике, тем глубже они "осядут" в сознании реципиентов» [14, с. 152].

В доказательство вмешательства приводится то обстоятельство, что многие избиратели не пошли голосовать и остались дома: *they just stayed home*. При этом говорится: какими точно методами пользовалась Россия и как это повлияло на исход выборов, неизвестно (*We may never know precisely how all the Russian efforts influenced our elections*), но отрицать само влияние якобы нелогично и просто смешно (*but saying that it had no effect defies logic and is indeed laughable*). Апелляция к логике при отсутствии логических аргументов и к эмоционально-физиологической реакции смеха не имеет доказательной силы и представляет собой манипулятивный тактический прием.

В анализируемой статье часто используется слово *преступление* (*crime*), которое повторяется на протяжении всей статьи, где говорится о Путине, который, по словам автора статьи, поддерживает кровавый режим Асада (*the murderous Assad regime*), противится попыткам остановить кровопролитие в Сирии (*would prevent him from making a deal to end the bloody conflict*). Угроза, исходящая от России, представлена как очевидный факт, отрицание которого губительно для Америки. В качестве доказательства безапелляционного утверждения приводятся псевдо-аргументативные уловки, а именно ссылки на слова собеседника и собственное мнение: *Clapper said*: *The threat posed by Russia, as John* (*Brennan*) *just said, is manifest and obvious. To try to paint it in any other way is, I think, astounding, and in fact, poses a peril to this country*.

Анализ других статей последних лет свидетельствует о том, что образ России, представленный в британской и американской прессе, не претерпел каких-либо изменений в позитивную сторону и по-прежнему строится на стереотипе и архетипе врага. Можно сказать, что шаблонное, трафаретное представление России как врага стало своеобразным ритуалом, которому следуют авторы статей в англоязычной прессе. Заметим, что ритуальность является одним из признаков политической коммуникации, которому, впрочем, противостоит такое позитивное качество, как ее информативность [23].

Достаточно привести заголовки статей из наиболее авторитетных газет, чтобы в этом убедиться: *West and Russia on course for war, says ex-Nato deputy commander* (*The Guardian*, 18.05.2016); *Russia's hybrid war* (*The New York Times*, 24.02.2016); *We cannot celebrate revolutionary Russian art – it is brutal propaganda* (*The Guardian*, 01.02.2017); *Georgia accuses Russia of war crimes during* 2008 *conflict* (*The Guardian*, 23.05.2018) и др. Действия России в тексте самих статей описываются как агрессивные, деструктивные, воинственные (*aggressive, disruptive, tumultuous*).

Президент России характеризуется исключительно с помощью пейоративной лексики. Его образ инфернализируется, демонизируется, представая в виде могущественного черного мага как представителя темных сил (*a skilled practitioner, a grandmaster of that dark art*), чья деятельность приводит к конфликтам, трагедиям и разрушениям (*sparks of conflict, disasters and tragedies*). Без всяких сомнений и доказательств утверждается, что в планы В. Путина входит захват восточной Украины, нападение на страны Балтии, что он готов применить ядерное оружие (*Russia … will seize territory in eastern Ukraine … and invade the Baltic states*; *Putin could invade the Baltic states and then threaten nuclear action if NATO threatened to intervene*[7]).

Во всех статьях, где речь идет о России, бросается в глаза обилие лексики, связанной с войной, а именно с военными действиями, нападением, разрушениями,

[7] MacAskill E. West and Russia on course for war, says ex-Nato deputy commander // The Guardian. 18.05.2016. Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2016/may/18/west-russia-on-course-for-war-nato-ex-deputy-commander (дата обращения: 05.12.2017).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

предательством и проч. Как правило, это так называемые милитарные метафоры, которые служат цели метафорического моделирования образа России посредством особого рода уподоблений, обладающих высоко-экспрессивной, крайне негативной эмоционально-оценочной коннотацией. Использование этих метафор оказывает сильнейшее психологическое воздействие на читателя, вызывая в нем эмоции страха и ужаса перед грозным, неумолимым врагом, который вот-вот развяжет войну с Западом.

5. Заключение. Противодействие манипулятивному агрессивному медиавоздействию британских и американских СМИ в российской студенческой аудитории при преподавании дисциплины «Язык прессы»

Все вышесказанное означает, что обучение российских студентов публицистическому функциональному стилю, которое базируется на материале аутентичных англоязычных статей, не может игнорировать тот язык вражды, которым переполнена британская и американская пресса. Перед преподавателем и студентом неизбежно встает вопрос о работе с материалом, в котором образ России рисуется в одних и тех же черных красках.

Необходимо помнить, что в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации подобное крайне негативное отражение российской действительности в западных СМИ, манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие, искажение информации), направленное против интересов России, ущемление ее интересов, вытеснение ее из информационного пространства тем, что ей не дается права голоса, потому что в монологичной западной прессе нет места диалогу и полемике, – все это может нести угрозу информационной безопасности страны [24, с. 4; цит. по: 14, с. 150]. И подобному языку вражды, наносящему репутационный, информационный ущерб России и осуществляющему речевое насилие в отношении ее граждан, следует противодействовать. Особенно важной является разъяснительная работа в молодежной, студенческой аудитории.

Опыт преподавания языка англоязычной прессы, отличающейся крайней тенденциозностью, агрессивностью, использующей манипулятивные технологии воздействия на сознание читателей, наталкивает на некоторые размышления, которые можно сформулировать следующим образом, не претендуя при этом на полноту охвата проблемы, ее исчерпанность или окончательное решение.

Следует, в первую очередь, подчеркнуть, что распознать дезинформацию, сокрытие или искажение информации далеко не всегда так просто. Для этого необходимо владеть достаточным объемом и уровнем знаний о современной политической действительности. Невежество, неосведомленность – вот на чем базируется манипулятивное речевое воздействие, преследующее свои корыстные цели переформатировать массовое сознание, чтобы ложь легко принималась за истину.

Существенно важно умение распознавать манипулятивные стратегии и тактики, и здесь роль педагога трудно переоценить. Студенты должны воспринимать учебные дисциплины и курсы (стилистику, прагматику, основы коммуникации, межкультурную коммуникацию и проч.) не начетнически, а видеть воздействующий потенциал разнообразных стилистических приемов и экспрессивных средств, подмечать используемые коммуникативные стратегии и тактики воздействия, распознавать методы аргументации и уловки псевдо-аргументации и проч.

Что касается чтения и интерпретации статьи, то, как представляется, при изложении ее содержания и точки зрения автора целесообразно также обозначить свою позицию, избегая при этом всякого рода крайностей и ответных экстремистских высказываний в духе языка вражды. В предложенной интерпретации предвзятому, одностороннему, эмоционально-агрессивному подходу следует противопоставить сбалансированную, спокойную, подкрепленную фактами позицию. Отметив манипулятивные тактики и языковые средства их реализации, необходимо противопоставить им убедительные аргументы. Искажение истины, ложь, полуправда или замалчивание должны уступить место объективной, честной трактовке событий.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что критический подход к материалам, прибегающим к безосновательным обвинениям нашей страны, ее уничижению и очернению, не должен заимствовать подобные приемы в своей практике. Перед преподавателем стоит задача неустанно проводить линию на уважительное отношение к сопернику, который может находиться в плену стереотипов, вполне искренне заблуждаться и верить в созданный им самим фантом врага. И даже если соперник владеет информацией и ситуацией, но будучи настроенным крайне враждебно и воинственно, со знанием дела использует манипулятивные стратегии и тактики воздействия, не следует уподобляться ему в воинственности и недобросовестности.

Но при этом важно помнить, что агрессия остается агрессией, проявляется ли она на поле боя или в словесной битве. Она лишь принимает разные формы на разных стадиях конфликта. И реальным военным действиям практически всегда предшествует крайне воинственная, агрессивная, экстремистская риторика. Перед властью и обществом стоит принципиально важная задача зафиксировать тенденцию перехода от фазы вербальной агрессии

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

к активной фазе действий, чтобы предотвратить угрозу реального конфликта [5, с. 108].

Вместе с тем необходимо осознавать, что публикуя статьи, в которых Россия предстает в образе врага, англоязычные СМИ создают особую, виртуальную модель действительности в сознании читателей, не имеющую ничего общего с реальностью. Образ врага, конструируемый провластными СМИ в Британии и США, отвечает определенным целям, важнейшей из которых является обеспечение внутренней консолидации членов общества для решения своих внутренних проблем. Для осуществления этой доминирующей цели используются отработанные и во многом эффективные манипулятивные технологии, рассчитанные на читателя, лишь поверхностно знакомого с реалиями современной политической действительности. Еще раз подчеркнем, что для российской студенческой аудитории важно не только уметь распознавать эту манипуляцию, но, главное, расширять свой кругозор, анализировать ситуацию, а не мыслить односторонними стереотипами и шаблонами. Тогда не возникнет ни опасности пробудить в себе экстремистское, враждебное отношение к стране изучаемого языка, ни опасности поверить антироссийской риторике западной прессы на слово, т. е. самому стать объектом манипуляции и, поддавшись манипулированию, пробудить в себе недоверие к собственной стране.

Литература

1. Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2007. № 5. С. 3–12.
2. Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном политическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2017. 206 с.
3. Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Основания формирования политкорректного современного политического дискурса (на материале французского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 180–186. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-180-186
4. Карпухина Т. П., Кузнецова Н. В. Феномен политкорректности в современном западном политическом дискурсе: начало конца новой либеральной идеологии? Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2018. 226 с.
5. Хроменков П. Н. Лексика вражды в публичной политической риторике периода холодной войны (на материале инаугурационных речей президентов США середины XX в. – 80-х гг. XXI в.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 3. С. 107–117. DOI: https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-3-107-117
6. Гаужаева В. А. Понятие идеологии экстремизма // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 53–55.
7. Римский А. В., Артюх А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 16. С. 244–250.
8. Голубых Н. В., Леготин М. П. О сущности понятия «экстремизм» // Адвокат. 2013. № 6. С. 60–63.
9. Бозиев А. Т. Об идеологии экстремизма и терроризма // В мире научных открытий. 2015. № 3-1. С. 1004–1018.
10. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
11. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО. 2005. 832 с.
12. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
13. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2009. 176 с.
14. Зарипов Р. И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 145–158.
15. Троицкая Т. Б. Роль оценочности в реализации полемической стратегии в немецкоязычном публицистическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2009. № 560. С. 221–231.
16. Микляева В. Н. Коммуникативные стратегии газетного дискурса и роль образных фразеологических единиц в их реализации (на материале англоязычного газетного комментария // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2010. № 596. С. 235–249.
17. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 40–50.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

18. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.
19. Козырев Г. И. «Враг» И «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 31–39.
20. Сыроваткин С. Н., Шевлягина Н. В. Основные типы голофрастических конструкций в современном английском языке // Лексико-грамматическая сочетаемость в германских языках. Челябинск, 1976. Вып. 1. С. 109–114.
21. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. М.: Академический проект, 2000. 495 с.
22. Карпухина Т. П. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры. Хабаровск: ДВГГУ, 2006. 392 с.
23. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
24. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. 2-е изд. М.: Добросвет; Изд-во КДУ, 2011. 232 с.

Hate Speech as a Manipulative Means of Forming the Inimical Image of Russia in British and American Mass-Media (viewed from the Aspect of the English Language Taught to Russian Students)

Tamara P. Karpukhina [a, @, ID]

[a] Pacific National University, 136, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, Russia, 680035
[@] tkarpukhina1@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-8872-3507

Received 08.11.2018. Accepted 07.03.2019.

Abstract: The research features manipulative technologies aimed at forming the inimical image of Russia in British and American mass-media. The inimical conception, when intentionally built, is predetermined by the already existing stereotype of an enemy, whose most evident and manifest features are singled out and enclosed into the image thus constructed. The stereotype, in its turn, can be traced back to the most ancient archetype of a hostile member of a different tribe, perilous to the group he intends to destroy. The image of Russia created by the British and American mass-media is overloaded with negative connotations as contrasted with a highly positive self-image of the British and Americans. Russia is presented as an aggressor that interferes with other countries' affairs, while its opponents, as they claim, fight against terrorism and meet other global challenges. Nothing is farther from the truth but the manipulative technologies employed help to drive this idea into the readers' heads. The British and American media-language turns to "hate speech" whenever they refer to Russia. Most effective, though over-exploited, is its constant repetition. All this serves as a substitute for actual facts, logic, and arguments. The question arises: what should EFL students do with the language material that often misinforms or insults their country? The answer is obvious: never degrade yourself by attacking or insulting the opponents. They might be entrapped in the war rhetoric or the stereotypes and be truly convinced of the Russians' hostility. Consider the facts, but not emotions, and manipulation will miss you or your friendly attitude to Englishmen and Americans as a target.

Keywords: mass-media, political discourse, the image of an enemy, to construct an image, stereotype, archetype, manipulation, evaluation, self-presentation, representation, hate speech / language, extremism

For citation: Karpukhina T. P. Hate Speech as a Manipulative Means of Forming the Inimical Image of Russia in British and American Mass-Media (viewed from the Aspect of the English Language Taught to Russian Students) // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 212–222. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-212–222

References

1. Kaplunenko A. M. On the technological essence of the manipulation of consciousness and its linguistic features. V*estnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2007, (5): 3–12. (In Russ.)
2. Kuznetsova N. V. *The phenomenon of political correctness in modern political discourse*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ulan-Ude, 2017, 206. (In Russ.)
3. Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. The basis of the politically correct modern political discourse in the French language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 180–186. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-180-186
4. Karpukhina T. P., Kuznetsova N. V. *The phenomenon of political correctness in modern Western political discourse: the beginning of the end of a new liberal ideology?* Khabarovsk: Izd-vo TOGU, 2018, 226. (In Russ.)
5. Khromenkov P. N. "Hate speech" in public political rhetoric of the period of the Cold War (by the example of inaugural speeches of the USA presidents form the middle of XX century – the 80s of XX century. *Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics*, 2016, (3): 107–117. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.18384/2310-712X-2016-3-107-117
6. Gauzhaeva V. A. The concept of extremist ideology. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2016, (2): 53–55. (In Russ.)
7. Rimskiy A. V., Artukh A. V. Extremism and terrorism: notion and essential forms. *Bulletin of Belgorod state University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, 2009, (16): 244–250. (In Russ.)
8. Golubykh N. V., Legotin M. P. On the essence of concept essence "extremism". *Advokat*, 2013, (6): 60–63. (In Russ.)
9. Boziev A. T. On extremism and terrorism ideology. *V mire nauchnykh otkrytii*, 2015, (3-1): 1004–1018. (In Russ.)
10. Dobrosklonskaya T. G. *Issues of studying media texts. Finding in the research of modern English media*. Moscow: Editorial URSS, 2005, 288. (In Russ.)
11. Kara-Murza S. G. *Mind manipulation*. Moscow: EKSMO, 2005, 832. (In Russ.)
12. Lippmann W. *Public opinion*, transl. Barchunova T. V., eds. Levinson K. A., Petrenko K. V. Moscow: Institut fonda "Obshchestvennoe mnenie", 2004, 384. (In Russ.)
13. Kopnina G. A. *Speech manipulation*. Moscow: Flinta, 2009, 176. (In Russ.)
14. Zaripov R. I. Manipulation impact through metaphors in political discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2014, (2): 145–158. (In Russ.)
15. Troitskaya T. B. The role of evaluations in the realization of the polemic strategy in German publicistic discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2009, (560): 221–231. (In Russ.)
16. Miklyaeva V. N. Communicative strategies of newspaper discourse and the role of image-bearing idioms in their realisation (on the material of English newspaper comment). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2010, (596): 235–249. (In Russ.)
17. Balashova L. V. Implementation of the concepts of "friend or foe" in Russian political discourse in the beginning of XXI century. *Political Linguistics,* 2014, (1): 40–50. (In Russ.)
18. Gudkov L. The ideology of the enemy. "Enemies" as a mass syndrome and a mechanism for socio-cultural integration. *The image of the enemy*, comp. Gudkov L.; ed. Konradova N. Moscow: OGI, 2005, 7–79. (In Russ.)
19. Kozyrev G. I. "The enemy" and "the image of the enemy" in social and political relations. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2008, (1): 31–39. (In Russ.)
20. Syrovatkin S. N., Shevliagina N. V. The main types of holofrastic structures in modern English. *Lexical and grammatical compatibility in Germanic languages*. Chelyabinsk, 1976, iss. 1, 109–114. (In Russ.)
21. Derrida J. *Letter and distinction*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000, 495. (In Russ.)
22. Karpukhina T. P. *Morphemic repetition in artistic prose viewed in the light of the general aesthetic game theory*. Khabarovsk: DVGGU, 2006, 392. (In Russ.)
23. Chudinov A. P. *Political linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka, 2006, 256. (In Russ.)
24. Danilova A. A. *The word as a means of manipulation in mass media*. 2nd ed. Moscow: Dobrosvet; Izd-vo KDU, 2011, 232. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

CC BY

оригинальная статья
УДК 811.111'38:82-31

Лингвостилистические средства выражения антитезы «материализм – духовность» в романе Джона Брейна «Путь наверх» на примере образов Сьюзен Браун и Элис Эйсгилл

Юлия А. Куцевич [a, @, ID]

[a] Смоленский государственный университет, 214000, Россия, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
[@] julia_1807@list.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-1437-2318

Поступила в редакцию 22.08.2018. Принята к печати 21.02.2019.

Аннотация: В статье исследуются лингвостилистические особенности текста романа Джона Брейна «Путь наверх» (1957), позволившие автору выразить идею внутреннего конфликта героя между его стремлением к богатству и власти и его духовными идеалами, или, иными словами, описать конфликт социальных стереотипов о счастье и аутентичности – подлинного Я Джо Лэмптона, проявляющегося в терзающих его противоречиях в ходе его усилий по преодолению социальных препятствий и отказа от духовности. Целью исследования является анализ взаимосвязи между средствами выразительности в романе и передаваемыми ими подтекстовыми смыслами. Посредством методов лингвостилистического, мотивного, контекстного и дефиниционного анализа в работе показано, что антитеза *материализм – духовность* представлена в оппозиции образов двух женщин, сыгравших значимую роль в судьбе главного героя Джо Лэмптона, и выражена с помощью экспрессивных средств, к которым относятся контекстуальные антонимы, оценочная лексика, синтаксический параллелизм, ирония, градация, метафора и ряд других. Образ Сьюзен Браун олицетворяет материалистическую сторону личности Джо Лэмптона, образ Элис Эйсгилл – его моральные ценности и постепенную утрату аутентичности его личности.

Ключевые слова: аутентичность, Джо Лэмптон, духовные идеалы, внутренний конфликт, материальные ценности, оппозиция образов, подтекстовые смыслы, социальные стереотипы

Для цитирования: Куцевич Ю. А. Лингвостилистические средства выражения антитезы «материализм – духовность» в романе Джона Брейна «Путь наверх» на примере образов Сьюзен Браун и Элис Эйсгилл // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 223–231. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

Введение

В настоящей работе, продолжая исследование взаимосвязи лингвостилистических средств и ключевых художественных идей в оригинале романа Джона Брейна «Путь наверх» (1957) и его переводе на русский язык, мы сосредоточим наше внимание на языковых фактах, с помощью которых автор рассматриваемого произведения создал два во многом антагонистичных женских образа – Сьюзен Браун и Элис Эйсгилл. Данные образы позволили писателю изобразить противоречивый характер героя, желающего любой ценой проникнуть из рабочей среды в мир «денежной аристократии» [1], представителей которой он всей душой презирает, и в то же время терзающегося своей жестокостью и цинизмом. Создав Джо Лэмптона, Джон Брейн в широком смысле внес свою лепту в появление нового типа литературного героя, или, по замечанию М. В. Бурсиной, антигероя, «взращенного реалиями послевоенной Англии» [2, с. 61] и соединившего в себе «опасные "ингредиенты": расчетливость, жажду власти и богатства, рефлексию, способность к самооправданию» [2, с. 64].

Исходным положением настоящей работы является сформулированное Ю. М. Лотманом определение художественного текста как «особым образом устроенного механизма, обладающего способностью заключать в себе исключительно высоко сконцентрированную информацию» [3, с. 369]. Выявление компонентов художественных идей писателя, выраженных посредством лингвостилистических особенностей текстовых фрагментов романа, составляет цель нашего исследования. Анализируя поверхностную структуру художественного текста, его языковую форму, мы предпримем попытку проиллюстрировать тезис З. Я. Тураевой о том, что последняя «актуализирует глубинную структуру» [4, с. 79], понимаемую как «идейно-тематическое содержание текста,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

сложное переплетение отношений и характеров, в основе которых лежит художественный образ» [4, с. 56–57]. Как отмечает И. Р. Гальперин, лингвостилистические средства являются «определенными сигналами» дополнительной информации [5, с. 123]. Рассматривая текст с точки зрения его лингвистических характеристик, данный исследователь выделяет вид содержательно-подтекстовой информации, представляющей собой «скрытую информацию, извлекаемую из содержательно-фактуальной информации, благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения» [6, с. 28]. В свою очередь, Н. В. Пушкарева указывает, что в специальных исследованиях «понятие подтекста соотносится с лексическим уровнем, а именно с коннотационным значением единиц», а в том случае, когда подтекст не выражен лексически, «средством для его создания могут быть только синтаксические конструкции, в которых возникает дополнительная семантика» [7, с. 53].

Актуальность данного исследования определяется тем фактом, что оно вносит определенный вклад в решение одной из проблем современной лингвистики текста – системного анализа разноуровневых типов информации, выделяемых в художественном тексте. В частности, через призму лингвостилистики в работе выявляются компоненты подтекста, или имплицитной информации, существенно дополняющей идеи, эксплицитно представленные в сюжетной линии романа.

Научная новизна работы такого рода обусловлена, с одной стороны, «отсутствием… комплексного исследования вышеназванного конфликта на уровне семантики языка как в романе "Путь наверх", так и в других произведениях литературного направления "Рассерженные молодые люди"» [8, с. 190]. В своих трудах М. В. Бурсина [2], М. Демирель [9], М. М. Салман [10], А. Ролли [11], Э. Тесимер [12], М. Альварес-Фаэдо [13] исследуют преимущественно «неязыковые аспекты описываемых в них проблем» [8, с. 190]. К первым попыткам осмысления лингвистических способов выражения подтекстовой информации в романе «Путь наверх», по имеющимся у нас данным, можно отнести анализ некоторых аспектов ее представления, проведенный нами на предшествующих данному этапах исследования [14; 15]. С другой стороны, новизна работы обусловлена и ее междисциплинарным характером, определяемым тем фактом, что в фокусе филологического исследования впервые находится философская и психологическая категория *аутентичность*, трактуемая как подлинное Я героя, «проявляющееся в переживаемых им противоречиях на фоне его усилий по преодолению социальных барьеров и отказа от моральных ценностей» [8, с.191].

Лингвостилистические средства и подтекстовые смыслы в романе Джона Брейна «Путь наверх»

Известный роман Джона Брейна «Путь наверх» вышел в свет в 1957 г. и получил широкий отклик у читателей, будучи одним из произведений сложившегося в Англии 50-х гг. прошлого века литературного направления *сердитые молодые люди* (англ. *Angry young men*), возникшего на волне общественного протеста против буржуазных ценностей и развивавшегося в русле критического реализма. Роман описывает отрезок жизненного пути главного героя произведения – Джо Лэмптона – мечтающего подняться вверх по социальной лестнице буржуазной Англии. Автор без прикрас показывает, «какой кривой тропинкой взбирается туда молодой человек, которого судьба не наградила при рождении ни особыми талантами, ни папиным миллионом» [1]. Выходец из рабочей семьи, Джо живет в небольшом промышленном английском городке Дафтон, однообразие и бедность которого угнетают его настолько, что его жители, презрительно называемые им *зомби*, кажутся ему неживыми. По его твердому убеждению, счастье заключается в обладании материальными ценностями. Богатство и социальный успех становятся целью жизни героя, поэтому он покидает Дафтон, чтобы приблизиться к мечте в процветающем городе Уорли, где жизнь бьет ключом. В Уорли Джо удается не только найти свой *путь наверх* с помощью Сьюзен, девятнадцатилетней девушки из обеспеченной семьи, но и познать истинную любовь к Элис, замужней женщине старше его на девять лет. Джо разрывается между богатством, о котором грезит всю свою жизнь и которое в его понимании олицетворяет собой Сьюзен, и большим чувством любви к Элис, отражающим духовные потребности его истинного Я и в то же время препятствующим достижению его цели.

По мнению Джо, Сьюзен Браун – принцесса из сказки, которую он выделяет среди других женщин и даже в некоторой степени превозносит:

(1) *a human being perfect of its kind, a phoenix amongst barnyard fowls*[1] – превосходный человеческий экземпляр, птица Феникс среди уток и кур (с. 177).

Как видно из примера (1), Сьюзен предстает перед читателем в образе прекрасной птицы Феникс, символа вечной жизни, остальные женщины, в глазах Джо, подобны

[1] Здесь и далее по тексту примеры приведены из: Braine J. Room at the top // Knizky.ru. Режим доступа: https://knigogid.ru/books/666938-room-at-the-top/toread (дата обращения: 25.07.2018); переводы примеров с указанием страниц приведены из: Брейн Д. Путь наверх / пер. Т. А. Кудрявцевой, Т. А. Озерской. М.: Астрель, 2010. 318 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

домашним птицам. Метафоры *птица Феникс* (образ вечной неземной красоты) и *утки и куры* (образ обыкновенности, заурядности, приземленности) выражают отношения контекстуальной антонимичности, противопоставляя Сьюзен другим женщинам. Антитеза *один – много / уникальный – обычный* дополнительно выражена с помощью противопоставления форм единственного и множественного числа существительных *Феникс* и *утки и куры*. Прописная буква в существительном *Феникс* как пример «семантического функционирования заглавных букв» [16, с. 309] способствует более точной передаче рассматриваемого значения *особенный* в переводе. Еще более однозначно Джо говорит об уникальности Сьюзен, используя имя прилагательное *perfect* (превосходный) и разговорное значение имени существительного *экземпляр*, обозначающего отдельного человека как носителя каких-либо особенных свойств[2]. Пример (1) убедительно подтверждает тезис о том, что «значение предложения складывается из значений лексем, грамматических значений словоформ и значений синтаксических конструкций» [17, с. 12].

В то же время между Джо и Элис Эйсгилл зарождается дружба, перерастающая в любовь. При этом Элис выглядит не так *сказочно*, как Сьюзен:

(2) *"You're rather – no – not pathetic. But lost, like a little girl"* – Вы… не просто трогательны. Вы какая-то трогательно-беспомощная, как маленькая девочка. И какая-то потерянная (с. 84).

В примере (2) лексемы с контекстуально обусловленным отрицательным оценочным компонентом *pathetic, lost* (трогательно-беспомощная, потерянная) выражают чувство жалости Джо к Элис. Герой осознает, что она несчастна рядом с мужем, которого никогда не любила, но ничего не может сделать ради собственного счастья. Сравнение Элис с маленькой девочкой, нуждающейся в защите, ставит ее в один ряд с обычными людьми и в то же время подчеркивает ее отличие от юной и беззаботной Сьюзен. Пунктуационные средства – выделение с помощью тире лексемы *no* – по замечанию И. Р. Гальперина, имплицирует значение эмоционального состояния главного героя [18].

На протяжении всего произведения Джо удивляется и контрасту во внешности двух женщин:

(3) *Her hands were white and a little plump, and the nails were rosy and gleaming. (I thought of Alice's, already on the verge of boniness, the index finger yellow with tobacco and the nails flecked with white)* – Руки у нее были белые и чуть-чуть пухлые, ногти розовые и блестящие. (Мне вспомнились руки Элис – тонкие, даже почти костлявые, с желтизной от табака на мякоти указательного пальца и беленькими пятнышками на ногтях) (с. 180).

В примере (3), описывая руки Сьюзен и Элис, автор обращается к контекстуальным антонимам: *a little plump – on the verge of boniness, white – yellow, rosy and gleaming – flecked with white*, в результате чего создаются следующие полярные образы героинь: пышущая здоровьем, не знающая лишений Сьюзен, и слабая, хрупкая Элис, в юности пережившая тяжелые годы бедности. Как видно из текста оригинала и перевода, внешность Сьюзен описывается прилагательными с контекстуально обусловленной положительной коннотацией (белые, пухлые, розовые, блестящие), в то время как образ Элис автор создает посредством отрицательно оценочных лексем (тонкие, костлявые, с желтизной, с беленькими пятнышками).

Отмечая недостатки во внешности Элис, ее изможденность, бледность, морщины, Джо понимает, что они не только не отталкивают его, но даже близки его сердцу. Однако в отличие от Элис герой не готов отказаться от своей мечты и упрямо верит, что благодаря Сьюзен и он попадет в сказку, в конце которой он женится на богатой девушке, поэтому свадьбу со Сьюзен Джо принимает как судьбоносное и в высшей степени желанное событие:

(4) *I was grateful that she should exist, just as I was grateful that Warley should exist* – Сейчас я был просто благодарен Сьюзен за то, что она существует на свете, совершенно так же, как я был благодарен Уорли (с. 111).

В примере (4) автор обращается к полному параллелизму, который включает в себя анафору *I was grateful that* и эпифору *should exist*. Так, в экспрессивной манере в романе выражена идея равнозначности в глазах Джо Сьюзен и Уорли, в одинаковой степени олицетворяющих для него путь в высшее общество. Повтор имени прилагательного *grateful* (благодарен) имплицирует значение силы желания Джо жениться на Сьюзен и добиться своей цели. Из данного примера видно, что синтаксические конструкции, как и семантические маркеры, могут быть подвергнуты интерпретации, в результате чего становится возможным «репрезентировать скрытый под поверхностной структурой смысл предложений» [19, с. 17].

Деньги так влекут Джо Лэмптона, что он не замечает, как «влюбляется» не в Сьюзен, а в капитал ее отца. На протяжении развития фабулы произведения герой трижды упоминает состояние его счета. Первое упоминание появляется в признании Джо в любви к Сьюзен, которую он «в шутку» оценивает в сто тысяч фунтов:

[2] Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/ (дата обращения: 16.07.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

(5) *"Joe, do you really love me*?" *"You know I do*." *"How much*?" *"A hundred thousand pounds' worth," I said*. *"A hundred thousand pounds' worth"* – Джо, ты правда любишь меня? – Ты знаешь, что да. – А сильно? – На сто тысяч фунтов, – сказал я. – На сто тысяч фунтов (с. 193–194).

Как следует из примера (5), повтор *A hundred thousand pounds' worth* (На сто тысяч фунтов) выражает идею значимости для Джо Лэмптона состояния банковского счета мистера Брауна. Простой вопрос Сьюзен *How much*? (А сильно?), заданный о силе чувств Джо к ней, неожиданно обретает омонимичность, которая разрешается в оригинальном тексте в пользу значения *На какую сумму?* благодаря тому контексту «холодной расчетливости и целеустремленного эгоизма» [1], в котором Джо сознательно строит свои отношения со Сьюзен, намереваясь заполучить вместе с ней деньги ее отца.

Второе упоминание о финансовом положении семьи Сьюзен имеет место в ситуации, когда Джо сравнивает себя со случайным прохожим и «с тайным злорадством»[3] думает, что никому не повезет так, как повезло Джо Лэмптону:

(6) *he'd never explore in another person the passion and innocence which a hundred thousand in the bank could alone make possible* – ему никогда не представится случай встретить такое сочетание страстности и невинности, какое можно объяснить лишь тем, что у твоего отца в банке лежит сто тысяч (с. 211).

В примере (6) смысл «счастливый случай, необычайно большая удача», наполнивший жизнь Джо с момента его встречи со Сьюзен, более четко выражен, на наш взгляд, в переводе – посредством глагола *представиться* в сочетании с существительным *случай*.

Упоминая сто тысяч фунтов в третий раз, герой в то же время с оттенком осуждения отмечает, что Сьюзен никогда не переживала горя:

(7) *the daughter of Harry Brown with a hundred thousand pounds as a barrier between her and real sorrow* – дочь Гарри Брауна, защищенная от настоящего горя стеной капитала в сто тысяч фунтов (с. 215).

В примере (7) в переводе Т. А. Кудрявцевой и Т. А. Озерской идея о счастливой судьбе Сьюзен, которой завидует Джо, передана более эксплицитно посредством причастия *защищенная* (*between*) и словосочетания *стена капитала* (*barrier*), где добавление *капитал* способствует усилению значения *деньги, богатство*. Следует отметить, что страдательная форма причастия в переводе дополнительно выражает семантическое значение *Божественное провидение, судьба*. В оригинале романа посредством определенного артикля автор, в свою очередь, вновь акцентирует идею особого статуса мисс Браун – единственной дочери и наследницы Гарри Брауна.

Таким образом, из примеров (5–7) видно, что Сьюзен представляет собой для Джо прямой эквивалент материального благополучия и счастья. Рассмотренные текстовые фрагменты иллюстрируют «идею восприятия героем жизни с материальной точки зрения, что… становится фактором искажения его индивидуальности» [8, с. 193]. Стремясь «заполучить вожделенную роскошь, положение в обществе, попасть в мир "сверкающих зомби"» [2, с. 65], Джо разрушает свою аутентичность, или, в терминах М. В. Бурсиной, подвергает свое Я обезличиванию [2, с. 65]. Вслед за В. А. Кухаренко исходя из понимания художественного образа как «чего-то собирательного, рассредоточенного во времени и пространстве, складывающегося из добавляющихся друг к другу элементов, появляющихся в процессе развертывания текста» [20, с. 35], в данных примерах мы наблюдаем очевидную отрицательную динамику образа главного героя.

В отношениях Джо с Элис деньги не играют главную роль, и даже фунт стерлингов, о котором он часто вспоминает рядом со Сьюзен, становится ему безразличен:

(8) *I looked at the pound note on the floor and suddenly discovered that I didn't give a damn about it* – Я увидел фунт стерлингов, который все еще валялся на полу, и понял вдруг, что мне на него наплевать (с. 166).

В примере (8) во время размолвки с Элис Джо употребляет грубое разговорное выражение *not to give a damn*, имплицирующее идею ценности его отношений с Элис. Последняя, таким образом, олицетворяет собой духовное начало личности Джо, его истинное Я, в то время как Сьюзен является воплощением материалистической стороны его натуры. Отметим, что в русском тексте глагольная форма *валялся* (*on the floor*) содержит рассматриваемый И. В. Арнольд скрытый, или импликациональный, компонент лексического значения [21] *неважный, незначительный, ненужный*, позволивший переводчикам более тонко описать как искренность чувств Джо к Элис, так и силу негативных эмоций, владеющих им в связи с их расставанием.

Ближе к кульминации произведения Джо честно говорит себе о том, что его признания в любви Сьюзен были вполне искренними, но предназначались они не ей, а Элис. Герой понимает, что по-настоящему счастлив он может быть только с ней:

(9) *The notion that there is only one woman to suit a man may appear foolishly romantic. All I know is this*:

[3] Брейн Д. Путь наверх… С. 211.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

there wasn't any other woman with whom I could be happy – Утверждение, что в жизни каждого мужчины бывает только одна женщина, которая ему подходит, может показаться глупым и сентиментальным. Но я знаю одно: счастлив я мог быть только с ней (с. 250).

Союз *но*, добавленный в переводе данного примера (*All I know is this*), рассматривается в исследованиях как «Но противодействия», «Но неприятия» [22], «Но контраста» [23], как средство выражения противопоставления «Я – не-Я» [24]. Отрицание в целом, как указывает О. Есперсен, «в реальных языках является не логическим отрицанием, а выражением чувства сопротивления» [25, с. 384]. В анализируемом текстовом фрагменте как союз *но*, так и повтор наречия *только* выражают, как представляется, противоречие, в которое настоящее Я Джо вступает с его обезличенным Я, побуждающим его назвать свои истинные чувства глупыми и сентиментальными (*foolishly romantic*).

По словам Джо, он никогда не рассказывал женщине о себе так много, как рассказал Элис. По его мнению, она не только понимает его, но и принимает таким, какой он есть. Рядом со Сьюзен Джо не может быть собой и, утрачивая свою аутентичность, лжет ей:

(10) *I was lying, of course; ...it was essential that… she'd think me an intelligent type with a mind of my own* – Я, разумеется, лгал... Важно было… чтобы она считала меня развитым человеком, имеющим собственное мнение (с. 100–101).

Как видно из примера (10), посредством наречия *of course* (разумеется) и прилагательного *essential* (важно) автор выражает идею уверенности героя в том, что его путь в высшее общество лежит лишь через отказ от своей внутренней свободы.

Джо знает, что женится на Сьюзен и получит хорошую работу в компании ее отца, но от поставленной цели его отвлекают мысли об Элис:

(11) *And, every now and again, sharp as toothache, the loneliness, the torment of needing the one person I didn't want to need* – Но в эти мысли то и дело вторгалось острое, как зубная боль, ощущение одиночества, тоска по той единственной женщине, о которой я хотел забыть (с. 190).

В примере (11) Джо Лэмптон сравнивает свое одиночество с острой зубной болью и называет его мукой. Контекстуальные синонимы *loneliness* и *torment* (чувство одиночества, тоска) выражают силу отрицательных эмоций, владеющих им. Дополнительным средством выражения данного значения выступает отрицательная форма глагола *to want* в сочетании с глаголом *to need*. Так, вследствие неестественности обозначаемого ею явления, нежелания нуждаться в чем-либо, данная конструкция выражает противоположное значение – сильное желание Джо быть с Элис, незаменимость которой выражена определенным артиклем в словосочетании *the one person* (по той единственной женщине).

Из примера (11) следует, что одиночество Джо Лэмптона без Элис «живое» – оно причиняет ему боль и заставляет чувствовать желания. Идея жизни, связанная для Джо с Элис, эксплицитно выражена и в следующем фрагменте:

(12) *as long as Alice was there I wouldn't die, it was like having my father and mother alive again, it was the end of being afraid and alone* – но пока Элис была со мной, я не мог умереть… словно воскресли мои родители, – с ней кончались страх и одиночество (с. 246).

В примере (12) отрицательные коннотации лексем *die* (умереть), *afraid* (страх), *alone* (одиночество) уравновешиваются сильной положительной коннотацией прилагательного *alive* (воскресли).

В глубине души Джо знает, что его счастье заключается не в богатстве Сьюзен, потому что рядом с ней он чувствует лишь одиночество, понимая, что после свадьбы станет одним из презираемых им зомби:

(13) *I felt loneliness come over me, real as the damp churchyard smell of the grass, melancholy as the sound of the brook in the little glen below us. I felt… as if time might drag me into a world like a bad engraving, stiff and dark and dull and lost* – Я... вдруг ощутил бесконечное одиночество – чувство это было таким же реальным, как кладбищенский запах сырой травы вокруг нас, и таким же грустным, как журчание ручейка в соседнем овражке… казалось, что время затягивает меня в странный мир, похожий на скверную гравюру, – темный, унылый, бесприютный (с. 187).

В примере (13) метафора *the damp churchyard smell of the grass* (кладбищенский запах сырой травы) выражает идею смерти. Отношения со Сьюзен вызывают в Джо лишь смертельную тоску от мысли, что он вступает в странный, темный, унылый, бесприютный, неживой мир. Многосоюзие (*and*) добавляет в мысли Джо оттенок безысходности.

Однако у Джо есть цель, для достижения которой он готов преодолеть многие трудности, и Элис – препятствие на пути к ней. Джо охватывает ощущение безвыходности ситуации – ему кажется, что Элис может разрушить его планы:

(14) *I had a sensation of black water closing over my head; the room seemed airless, too heavily scented, somehow decadent* – Мне вдруг почудилось, что я тону и черные воды бесшумно смыкаются у меня над головой. В пропахшей духами комнате нечем было дышать, в ней было что-то невыразимо тоскливое (с. 145).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

В примере (14) образ опасности создается посредством метафоры *black water closing over my head* (черные воды бесшумно смыкаются у меня над головой). Тяжесть мыслей Джо о неизбежном решении проблемы будущего отношений с Элис дополнительно выражена следующими отрицательно оценочными лексемами и их сочетаниями: *black* (черные), *airless* (нечем было дышать), *too heavily* (пропахшей духами), *decadent* (невыразимо тоскливое), *closing* (смыкаются).

Джо понимает, что ему придется покинуть Уорли, если он останется с Элис, и он делает свой выбор:

(15) *I couldn't leave it. And if I married Alice I'd be forced to leave it. You can only love a town if it loves you, and Warley would never love a co-respondent… I had to force the town into granting me the ultimate intimacy, the power and privilege and luxury which emanated from the Top* – Я не мог с ними расстаться. А если я женюсь на Элис, расстаться придется. Город можно любить лишь в том случае, если он любит тебя, а Уорли никогда не будет любить соответчика в бракоразводном процессе. ...я должен попытаться заставить город отдать мне свое самое сокровенное – власть, привилегии, роскошь – то, чем обладают живущие Наверху (с. 268–269).

В текстовом фрагменте (15) любовь Джо к Уорли вопреки его чувствам к Элис передана автором с помощью повтора глаголов *to leave* (расстаться) и *to love* (любить).

Выбор Джо становится окончательным в результате его встречи с отцом Сьюзен, Гарри Брауном. Получив от мистера Брауна деловое предложение и разорвав отношения с Элис, на следующее утро Джо узнает о том, что женщина, которую он на самом деле любит, не выдержав удара от расставания с ним, погибла в автокатастрофе. Узнав о смерти Элис, Джо осознает, что его личность раскололась на две части: на истинную, или аутентичную, которая глубоко переживает случившуюся трагедию, и на обезличенную, для которой важным было только одно – достичь поставленной цели. Вторую из них герой называет *Джо Лэмптон*:

(16) *I didn't like Joe Lampton... I hated Joe Lampton, but he looked and sounded very sure of himself sitting at my desk in my skin; he'd come to stay, this was no flying visit* – Мне не нравился Джо Лэмптон… Я ненавидел Джо Лэмптона – этого самодовольного молодчика, который сидел за моим столом в моей шкуре. И обосновался он в ней навсегда, это не был временный гость (с. 298).

В примере (16) автор использует прием нарастания (*I didn't like Joe Lampton – I hated Joe Lampton*), описывая степень понимания Джо своей внутренней сущности. Ирония, выраженная идиомой *flying visit* (*a very short visit*[4]), усиливает идею неприязни героя к Джо Лэмптону. Отвращение героя к самому себе эксплицитно выражено формами *didn't like* (не нравился), *hated* (ненавидел), а также имплицируется существительным *skin* (шкура) и повтором притяжательного местоимения *my* (моим, моей).

Заключение

Как показало исследование романа Джона Брейна «Путь наверх», лингвостилистические средства выступают в нем в роли важнейшего художественного инструмента, с помощью которого автор не только описал особенности двух женских образов, но и на их фоне выразил антитезу *материализм – духовность*, или, иными словами, идею внутреннего конфликта героя между его желанием достичь материального успеха и его духовными потребностями. Джо Лэмптон представлен в нашей работе «и как лицо, и как система с определенными доминантами и авторским фокусом» [26, с. 212]. Посредством анализа образов Сьюзен Браун и Элис Эйсгилл в статье доказан тезис о том, что данная система «строится, динамически развертывается, последовательно проявляется» [26, с. 212].

Так, девятнадцатилетняя Сьюзен Браун воплощает в своем образе все, к чему стремится «обезличенный» Джо Лэмптон, – богатство, процветание, статус, жизнь на самой верхней ступени социальной лестницы. Для выражения идеи материалистического сознания героя, представленной в образе Сьюзен, автор обращается к метафоре, контекстуальным антонимам, синтаксическому параллелизму, лексическим повторам и другим средствам выразительности. Однако описывая устами Джо красоту богатой наследницы и ее счастливую судьбу посредством положительно оценочной лексики (превосходный человеческий экземпляр, птица Феникс, розовые, пухлые, белые, блестящие, стена капитала, защищенная), автор отмечает, что у героя это вызывает негативные эмоции, выраженные в тексте романа лексемами с отрицательными коннотативными значениями (бесконечное одиночество, кладбищенский запах сырой травы, грустный, странный, скверная гравюра, темный, унылый, бесприютный, настоящее горе). Источником диссонанса в чувствах Джо является внутренняя борьба между его аутентичным Я, пророчащим его духовную смерть в браке со Сьюзен, и его «торжествующим сознанием»[5], что вместе с ней он нашел свою тропинку к безбедному будущему.

[4] Cambridge Dictionary. Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 16.07.2018).

[5] Брейн Д. Путь наверх… С. 190.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

В образе Элис Эйсгилл воплощены моральные ценности Джо – любовь, уважение, взаимопонимание, духовная жизнь. Кроме того, через данный образ автор передает идею утрачиваемой героем самоидентичности и подавляемого его меркантильностью стремления к духовности. Конфликт аутентичности в душе Джо Лэмптона выражен в романе посредством метафоры, лексического повтора, сравнения, контекстуальных антонимов, отрицательно оценочных лексем, приема нарастания, иронии и ряда других языковых средств. В отличие от Сьюзен, Элис изображена нездоровой, несчастливой и уже не юной посредством отрицательно оценочной лексики (потерянная, костлявые, с желтизной, с беленькими пятнышками). Искреннее сопереживание героя ей и его настоящие чувства описаны автором значениями с положительными коннотациями (трогательная, трогательно-беспомощная, маленькая девочка, та единственная женщина, счастлив, воскресли).

В финале романа, разрешая одну из центральных проблем произведения, Джо Лэмптон отвергает истинные порывы своей души и делает выбор. Становясь вопреки своему желанию быть рядом с духовно близким ему человеком на сторону «живущих наверху», нечестным и «грязным» путем Джо решает эту дилемму в пользу материалистического взгляда на мир. Этот ошибочный выбор становится символичным и переломным в жизни героя, навсегда отказавшегося от своего истинного лица.

Литература

1. Зорин В. С. Роман «Путь наверх» и его автор // Брейн Д. Путь наверх / пер. Т. А. Кудрявцевой, Т. А. Озерской. М.: Астрель, 2010. С. 254–263.
2. Бурсина М. В. Новый тип героя в английской литературе 1950–-60-х гг.: от «потерянного поколения» к «рассерженным молодым людям» // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе. М.: Звезда и крест, 2015. Вып. 5. С. 60–66.
3. Лотман М. Ю. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
4. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: Структура и семантика. М.: Либроком, 2018. 144 с.
5. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М.: Ленанд, 2018. 176 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Ленанд, 2017. 144 с.
7. Пушкарева Н. В. Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (лингвистический аспект). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 316 с.
8. Куцевич Ю. А., Маркадеева Е. Е. Лингвостилистические средства выражения конфликта материальных ценностей и аутентичности в романе Джона Брейна «Путь наверх» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 190–196. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-190-196
9. Demirel M. Alienation in Room at the Top: Joe Lampton's transformation into the stereotypical others of his Mmind // International Journal of Eurasia Social Science. 2015. Vol. 6. № 18. P. 300–315.
10. Salman M. M. Post-war British working-class fiction with special reference to the novels of John Braine, Alan Sillitoe, Stan Barstow, David Storey and Barry Hines. Dr. Philol. Sci. Diss. The University of Leeds, 1990. 309 p.
11. Rawlley A. Thematic Concerns in John Braine's Room at the Top // The International Journal of Humanities & Social Studies. 2014. Vol. 2. № 5. P. 147–148.
12. Tecimer E. The analysis of the theme of anger in John Osborne's plays: *look back in anger, inadmissible evidence, watch it come down*. A thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. 2005. 61 p.
13. Alvarez Faedo M. John Osborne's Angry Look Back on the declining British Empire // Culture and Power. The Plots of History in Performance. Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2008. P. 163–171.
14. Куцевич Ю. А., Маркадеева Е. Е. Антитеза «жизнь – смерть» в романе Джона Брейна «Путь наверх» на примере образов городов Уорли и Дафтона // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3. С. 124–127.
15. Куцевич Ю. А., Маркадеева Е. Е. Антитеза «материализм – духовность» в романе Джона Брейна «Путь наверх» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 52–56.
16. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2014. 384 с.
17. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: КомКнига, 2007. 296 с.
18. Galperin I. R. English stylistics. M.: Librokom, 2018. 336 p.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

19. Звегинцев В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 5–32.
20. Кухаренко В. А. Текст и его структура. М.: Флинта, 2018. 188 с.
21. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Ленанд, 2016. 448 с.
22. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.
23. Николаева Т. М. Сочинительные союзы *а, но, и*: история, сходства, различия // Славянские сочинительные союзы. М.: РАН, Институт славяноведения и балканистики, 1997. С. 3–24.
24. Милованова М. С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа. М.: Флинта: Наука, 2015. 348 с.
25. Есперсен О. Философия грамматики. М.: КомКнига, 2006. 408 с.
26. Сухих И. Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.

Linguostylistic Means Expressing the Antithesis "Materialism – Moral Values" in John Braine's Novel "Room at the Top" Exemplified by the Images of Susan Brown and Alice Aisgill

Yuliya A. Kutsevich [a, @, ID]

[a] Smolensk State University, 4, Przhevalskii St., Smolensk, Russia, 214000
[@] julia_1807@list.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-1437-2318

Received 22.08.2018. Accepted 21.02.2019.

Abstract: The study explores the linguostylistic means in John Braine's novel "Room at the Top" (1957), which enabled the author to show the character's inner conflict between his craving for wealth and power and his morals, or the conflict of social stereotypes about happiness and authenticity treated in this article as the real self of Joe Lampton. The true self makes itself evident through the contradictions that torture him in the course of his efforts to overcome social barriers and renounce moral values. The research objective was to analyze the interconnection between the expressive means in the novel and the sense they imply. The linguostylistic, motivic, contextual, and definitional analysis revealed that the antithesis "materialism – moral values" is presented in the opposition of the images of two women. Both play a significant role in the main character's destiny. The antithesis is conveyed with the help of expressive means, such as contextual antonyms, evaluative vocabulary, syntactic parallelism, irony, climax, metaphor, etc. Susan Brown's image embodies Joe Lampton's material values, while that of Alice Aisgill personifies his moral values and the gradual loss of his authenticity.

Keywords: authenticity, Joe Lampton, moral values, inner conflict, material values, opposition of images, implied sense, social stereotypes

For citation: Kutsevich Yu. A. Linguostylistic Means Expressing the Antithesis "Materialism – Moral Values" in John Braine's Novel "Room at the Top" Exemplified by the Images of Susan Brown and Alice Aisgill. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 223–231. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

References

1. Zorin V. S. The novel "Room at the Top" and its author. *Braine J. Room at the top*, transl. Kudryavtseva T. A., Ozerskaya T. A. Moscow: Astrel, 2010, 254–263. (In Russ.)
2. Bursina M. V. A new type of the hero in the English literature of 1950–1960s: from "the Lost Generation" to "the Angry Young Men". *Artistic understanding of reality in foreign literature*. Moscow: Zvezda i krest, 2015, iss. 5, 60–66. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-223–231

3. Lotman M. Iu. *The structure of a literary text. Analysis of the poetic text.* Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018, 704. (In Russ.)
4. Turaeva Z. Ia. *The linguistics of text: Text: Structure and semantics.* Moscow: Librokom, 2018, 144. (In Russ.)
5. Galperin I. R. *Informativeness of language units.* Moscow: Lenand, 2018, 176. (In Russ.)
6. Galperin I. R. *Text as an object of linguistic research*. Moscow: Lenand, 2017, 144. (In Russ.)
7. Pushkareva N. V. *Implied sense in a prosaic text (the linguistic aspect).* Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2012, 316. (In Russ.)
8. Kutsevich Yu. A., Markadeeva E. E. Linguostylistic means of expressing the conflict of material values and authenticity in the novel "Room at the Top" by John Braine. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 190–196. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-4-190-196
9. Demirel M. Alienation in Room at the Top: Joe Lampton's transformation into the stereotypical others of his Mmind. *International Journal of Eurasia Social Science*, 2015, 6(18): 300–315.
10. Salman M. M. *Post-war British working-class fiction with special reference to the novels of John Braine, Alan Sillitoe, Stan Barstow, David Storey and Barry Hines*. Dr. Philol. Sci. Diss. The University of Leeds, 1990, 309.
11. Rawlley A. Thematic concerns in John Braine's Room at the Top. *The International Journal of Humanities & Social Studies*, 2014, 2(5): 147–148.
12. Tecimer E. T*he analysis of the theme of anger in John Osborne's plays: look back in anger, inadmissible evidence, watch it come down.* A thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University, 2005, 61.
13. Alvarez Faedo M. John Osborne's Angry Look Back on the declining British Empire. *Culture and Power. The Plots of History in Performance*. Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2008, 163–171.
14. Kutsevich Yu. A., Markadeeva E. E. Antithesis "life – death" in the novel by John Braine "Room at the Top" exemplified by the images of the towns of Warley and Dufton. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, (3): 124–127. (In Russ.)
15. Kutsevich Yu. A., Markadeeva E. E. Antithesis "materialism – spirituality" in John Braine's novel "Room at the Top". *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, 2018, (3): 52–56. (In Russ.)
16. Arnold I. V. *Stylistics. Modern English*. Moscow: Flinta: Nauka, 2014, 384. (In Russ.)
17. Paducheva E. V. *On the semantics of syntax. Materials in transformational grammar of the Russian language*. Moscow: KomKniga, 2007, 296. (In Russ.)
18. Galperin I. R. *English stylistics.* Moscow: Librokom, 2018, 336.
19. Zvegintsev V. A. Overseas linguistic semantics of the recent decades. *New research in overseas Linguistics. Iss. X. Linguistic semantics*. Moscow: Progress, 1981, 5–32. (In Russ.)
20. Kukharenko V. A. *Text and its structure*. Moscow: Flinta, 2018, 188. (In Russ.)
21. Arnold I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow: Lenand, 2016, 448. (In Russ.)
22. Uryson E. V. *The experience of describing conjunctions: Linguistic data on the activity of reason*. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2011, 336. (In Russ.)
23. Nikolaeva T. M. The coordinative conjunctions *a, no, i*: history, similarities, differences. *Slavic coordinative conjunctions.* Moscow: RAN, Institut slavianovedeniia i balkanistiki, 1997, 3–24. (In Russ.)
24. Milovanova M. S. *The semantics of adversativity: the experience of structural semantic analysis*. Moscow: Flinta: Nauka, 2015, 348. (In Russ.)
25. Jespersen O. *The philosophy of grammar.* Moscow: KomKniga, 2006, 408. (In Russ.)
26. Sukhikh I. N. *Structure and sense: Theory of literature for everyone*. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018, 544. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета, 2019, 21(1)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

CC BY

оригинальная статья
УДК 81.42:821(411)"312"

Постмодернистская игра на разных категориальных уровнях текста в романе Али Смит «There But For The»

Галина И. Лушникова [a, @, ID1]; Татьяна Ю. Осадчая [a, ID2]

[a] Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Россия, г. Симферополь, пр-т акад. Вернадского, 4
[@] lushgal@mail.ru
[ID1] https://orcid.org/0000-0003-1080-3184
[ID2] https://orcid.org/0000-0001-8566-2529

Поступила в редакцию 17.10.2018. Принята к печати 19.12.2018.

Аннотация: Постмодернистская игра является одной из важных характеристик современной художественной литературы, она нередко выступает в роли текстообразующего элемента произведения. Игровой модус проявляется на разных категориальных уровнях текста: повествовательном, композиционно-образном, языковом, на уровне реализации категорий темпоральности и модальности, а также в рамках приема метаповествования. Целью данного исследования стало изучение особенностей использования элементов игровой поэтики на разных категориальных уровнях текста в романе современной шотландской писательницы Али Смит *There But For The*. На повествовательном уровне романа игра проявляется в смешении реальности и вымысла во внутренней речи персонажей. На композиционном уровне автор играет с читателем, предоставляя ему возможность найти «ключ», сюжетно соединяющий четыре главы романа и пролог; образы персонажей и связь между ними иногда являются загадкой. На уровне категории темпоральности представлены следующие игровые моменты: контраст между серьезными рассуждениями о времени и шутливыми комментариями, забавными стишками на эту тему; нелинейное повествование; описание разных периодов времени в рамках одной главы, одного абзаца или даже одного предложения. На уровне категории модальности игровым элементом является игра с читателем, эффект обманутого ожидания. Прием метаповествования также содержит элементы игры: автор устами персонажей поясняет используемые в романе литературные и стилистические средства то в серьезном, то в шутливом ключе. На языковом уровне в романе присутствуют стилистические средства разных уровней, выполняющие игровые функции: оксюморон, зевгма, хиазм, голофразис, разные типы морфологического повтора, каламбур. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что введение автором игровых элементов в художественное пространство романа на разных его уровнях определенным образом контрастирует с экзистенциальной тематикой произведения. Подобный контраст в значительной степени усиливает воздействие данного романа на читателя и требует дальнейшего его изучения.

Ключевые слова: постмодернистский текст, игровая поэтика, экзистенциальная тематика, метаповествование, нелинейное повествование, эффект обманутого ожидания

Для цитирования: Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Постмодернистская игра на разных категориальных уровнях текста в романе Али Смит «There But For The» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 232–241. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

Введение

Общеизвестно, что одной из важных черт постмодернистского искусства вообще и литературы в частности является игровая поэтика, принцип игры как таковой. Можно даже сказать, что постмодернистский текст – это и есть, по сути, игра. Более того, постмодернистская игра – это, используя слова Ю. М. Скребнева, сказанные по поводу естественного речеобразования, «игра без правил» [1, с. 33]. По справедливому замечанию О. В. Балашовой, «в рамках постмодернистского концептуального пространства вообще всякое высказывание должно рассматриваться как "ход, сделанный в игре". Язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством, сколько медиатором понимания в контексте языковых игр» [2, с. 206].

Игра в художественной литературе может принимать различные формы: игра с текстом, игра с читателем, игра

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

со сверхтекстом и др. В словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» дается следующее ее толкование: «В современной поэтике и(гра) понимается как авторская стратегия, включающая широкий спектр приемов, соответствующих разным типам и(гры). К таким приемам относятся скрытые аллюзии, разнообразные "шифры", неочевидные возможности прочтения; … ложные, уводящие читателя "в сторону" ходы сюжета; прием *mise en abyme* ("помещение в бездну"), при котором аналогичные элементы разных уровней подобны направленным друг на друга зеркалам, бесконечно отражающим друг друга ("пьеса в пьесе" и т. п.); введение метатекста (комментарий, предисловие), проблематизирующего смысл основного текста и тем самым создающего эффект игровой неопределенности» [3, с. 76–77].

Постмодернистская игра часто становится текстообразующим элементом художественного произведения, поскольку является «особым видом коммуникации» (определение М. М. Бахтина) со специфическими характеристиками, присущими только ей. «Бесспорно, что игра – коммуникативное действие, элементарная функция человеческой жизни, возникшая раньше культуры и пронизывающая ее пространство. Поэтому правомерно рассматривать дискурс игры как особую форму коммуникации, которая продуцируется как особый "игровой мир". В этом "ментальном мире игры" специфическим способом отграничены время и пространство, заданы сценарии существования участников игры» [4, с. 301]. Очевидно, что игровой модус, включенный в художественный текст, оказывает влияние на разные его категории – темпоральную, локальную, композиционно-образную и др.

В постмодернистских романах разных писателей игровые приемы используются на разных уровнях текста. В каждом конкретном произведении на первый план в качестве игрового компонента выступает определенная текстовая категория. Так, игра на повествовательном уровне, когда имеет место стирание границ между реальностью и вымыслом, характерна, например, для романа К. Исигуро *The Unconsoled / Безутешные*[1].

Композиционный уровень принимает игровые формы во многих произведениях постмодернизма, в которых нарратив отличается фрагментарностью, напоминает коллаж. В данном контексте можно назвать романы британских писателей Дж. Барнса *A History of the World in 10 ½ Chapters / История мира в 10 ½ главах*[2] и Д. Митчелла *Cloud Atlas / Облачный атлас*[3].

Категория темпоральности часто подается в игровом плане, время в произведении движется зигзагообразно, описание событий переключается с одного временного периода на другой, часто в хаотичной последовательности, тактики ретроспекции и проспекции причудливо переплетаются. Многие романы постмодернизма демонстрируют данные черты, среди них выделяется роман американской писательницы Дж. Иган *A Visit from the Goon Squad / Время смеется последним*[4]. В фантастической форме игровая особенность темпоральности проявляется в романе другой американской писательницы О. Ниффенеггер *The Time Traveler's Wife / Жена путешественника во времени*[5], написанном в русле магического реализма. Один из главных героев этого романа обладает ирреальной способностью в буквальном смысле перемещаться во времени, неожиданно для себя и окружающих появляясь то в прошлом, то в настоящем, то в будущем.

Такая постмодернистская черта, как метаповествование, в некоторых произведениях имеет игровой характер, когда языковые и литературные приемы, сюжеты, мотивы подвергаются переосмыслению в ироничном ключе. В качестве примера приведем роман британского писателя М. Эмиса *The Rachel Papers / Записки о Рейчел*[6], в котором главный герой Чарльз пытается подражать экзистенциальной проблематике литературных произведений прошлого: «контроль над спонтанностью исповедального дискурса выражается в гипертрофированном стремлении соответствовать наиболее уместным, по мнению Чарльза, образцам экзистенциальных рефлексий» [5].

Языковая игра в романах постмодернизма встречается очень часто, воплощаясь в таких стилистических средствах, как каламбур, оксюморон, зевгма, говорящие имена, аллюзии, видоизмененные фразеологизмы и афоризмы и мн. др. Самой очевидной манифестацией игровых языковых приемов является такой жанр, как пародия, которая занимает значительное место в литературе постмодернизма, поскольку некоторые произведения написаны в этом жанре, другие широко используют пародию как прием. К первым относятся социальные пародии

[1] Ishiguro K. The Unconsoled. N. Y.: Vintage, 1996. 535 p.

[2] Barnes J. A History of the World in 10 ½ Chapters. N. Y.: Vintage/Random, 1989. 317 p.

[3] Mitchell D. Cloud Atlas. London: Hodder & Stoughton General Division, 2005. 544 p.

[4] Egan J. A Visit from the Goon Squad. N. Y.: Anchor, 2011. 352 p.

[5] Niffenegger A. The Time Traveler's Wife. Boston: Harcourt, 2004. 546 p.

[6] Amis M. The Rachel Papers. London: Vintage Classics, 2007. 224 p.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

Дж. Гарнера[7] и Р. Уолкера[8], пародии на жанр фэнтези Т. Пратчетта[9]. В качестве примера второго типа назовем трилогию Д. Лоджа *Campus Trilogy / Университетская трилогия*[10].

Постмодернистская игра проявляется и в актуализации других категорий текста – целостности, связности, модальности, информативности, интертекстуальности.

Разные аспекты игровой поэтики в художественной литературе на материале произведений различных писателей становились предметом изучения многих исследователей: прежде всего, следует упомянуть классические философские труды Л. Витгенштейна [6] и Й. Хёйзинги [7], а также филологические исследования О. В. Балашовой [2], О. А. Джумайло [8], Л. Г. Ким [9], О. А. Корниенко [10], Г. Ф. Рахимкуловой [11], И. С. Скоропановой [12], А. В. Соколова [13], Л. Ю. Стрельниковой [14], А. С. Таусневой [15], Е. Е. Тебякиной [16], В. П. Шалаева, Ф. Г. Емельянова [17], A. Ensslin [18], D. W. Fokkema [19], P. Hutchinson [20] и др.

В представленных выше и некоторых других работах, как правило, рассматривается тот или иной игровой элемент на определенном текстовом уровне. Новизна настоящего исследования видится в комплексном изучении игровых элементов разных категориальных уровней текста. Кроме того, новым представляется и то, что при специфике реализаций и функций игровые элементы разных уровней текста выполняют общую функцию выражения главной идеи произведения.

Материалом для анализа игровой поэтики в настоящей статье послужил роман британской (шотландской) писательницы А. Смит *There But For The* (2011). Выбор обоснован тем, что, во-первых, игровой модус в ее романе реализуется на нескольких уровнях, он является текстообразующим элементом произведения, что в полной мере отражает тенденцию современной литературы представлять серьезные темы в игровом ключе. В свою очередь, изучение реализации игрового модуса в современных произведениях представляется важным аспектом исследования генезиса разных жанровых форм при доминировании того или иного модуса, а также влияния модуса произведения на смешение жанров в постмодернистском романе.

Во-вторых, изучение особенностей постмодернистской игры в данном романе пока не нашло отражения в отечественных лингвистических и литературоведческих работах, что определяет новизну и актуальность представленного исследования.

Цель исследования заключается в определении особенностей и функций постмодернистской игры в романе А. Смит *There But For* The на разных категориальных уровнях текста, а именно: на повествовательном, композиционно-образном, языковом уровнях, на уровне категорий темпоральности и модальности, а также в рамках приема метаповествования. В задачи статьи входит обоснование следующего положения: комплексное изучение определенного явления на разных уровнях текста позволяет выявить как специфические способы его актуализации, так и общие функциональные закономерности.

Избранный для анализа роман, который ещё не переведён на русский язык, представляет особый интерес для критиков, литературоведов и читателей. С одной стороны, в нем нашли отражение практически все характерные черты постмодернизма, особенно принцип игры, элементы которой прослеживаются на разных уровнях текста. С другой стороны, контраст между игровым модусом и серьезными экзистенциальными темами, которые затрагиваются в романе, является своеобразной визитной карточкой произведения. По замечанию А. В. Соколова, «постмодернисты стирают грань между размышлением и шуткой, между глубокой идеей и удачным каламбуром» [13, с. 175]. Подобная характеристика в полной мере относится к роману А. Смит *There But For The.*

Результаты и обсуждение

Рассмотрим проявление игровой поэтики на конкретных категориальных уровнях текста этого произведения.

Повествование в романе носит игровой характер в том смысле, что в нем происходит смешение реальности и вымысла. Уже начальная фраза романа *The fact is, imagine a man…*[11] (p. 3) погружает читателя в мир, где действительность (*The fact is*) смешивается с вымыслом (*imagine a man*).

Во внутренней речи персонажей, в потоке их сознания находят выражение неожиданные связи между происходящими в действительности событиями, с одной стороны, и воспоминаниями, впечатлениями, сохранившимися в памяти человека образами близких людей, а также отрывками из книг, песен, детских стихов, с другой. Игровой характер внутреннего нарратива является одним из способов создания образов персонажей.

[7] Garner J. Politically Correct Bedtime Stories. London: Souvenir Press, 2012. 112 p.

[8] Walker R. Politically Correct Parables. Kansas City: Andrews McMeel Pub, 1996. 83 p.

[9] Pratchett T. The Fifth Elephant. London: Corgi Books, 2000. 460 p. и мн. др. его романы.

[10] Lodge D. Campus Trilogy. N. Y.: Penguin Books, 2011. 832 p.

[11] Smith A. There But For The. N. Y.: Anchor, 2012. 256 p. Прим.: далее сноски на это произведение даны курсивом в виде страниц в круглых скобках.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

Показательным в данном контексте является фрагмент, в котором представлен внутренний монолог пожилой женщины Мэй Вайолет Янг, страдающей от деменции и находящейся в пансионате для престарелых. Она мысленно говорит сама с собой, упоминает, что давно не говорила ни с кем вслух; такие разговоры ей нужны, чтобы убедиться, что она еще жива. Ее монолог наполнен трогательными личными воспоминаниями, которые понятны только ей; воспоминания сопровождаются игрой слов, каламбурами и шутками, над которыми Мэй сама мысленно смеется.

She did not say any of this out loud. She said it within the confines of her head. The head has its confines. The heart has its reasons. That was a book, the what was it, name of it, the name of the book, the book that lay around the house for years, one of Eleanor's, it was Eleanor with her airs even when she was a child, liked all that royal and history stuff. < … >

The head has its coffins. It's not the coff that carries you off, it's the coffin they carry you offin. May made herself laugh with that (p. 136).

Еще один пример – внутренний монолог одного из персонажей, Марка, наполненный рифмованными двустишиями (иногда четверостишиями, а иногда и более длинными стихотворными строфами), которые обычно всплывают в его сознании как реакция на события, которые с ним происходят. По сути, они являются воображаемым диалогом с давно умершей матерью Марка. Каждый раз, когда рифмовки неожиданно и помимо воли всплывают в сознании Марка, ему кажется, что это его мама, Фей, разговаривает с ним, потому что самым сильным детским воспоминанием Марка были мамины рифмы и сказки-песни, которые она придумывала по разным поводам. Мама была и осталась самым важным человеком в жизни Марка, человеком, во многом сформировавшим его личность.

Mark's mother, Faye, had been dead for forty-seven years. Her most recent attention-getting device was rhyme (p. 57).

His mother says the rhymes out loud in the street, in the rain, to the rhythm of her walk. It is because she loves songs … The bedtime stories she tells him … are all song-stories (p. 119).

She is clever and quick, she is beautiful, his mother, she is like a bird both clipped and winged and when she passes people notice, and when she laughs out loud in the street people stop and stare (p. 119).

Во внутренней речи Марка реакция на новые впечатления и рифмованные строчки также постоянно соединяются с музыкой. В основном это песни, которые любила и часто напевала его мама. Размышляя о главном герое Майлзе, о том, как он закрылся в гостевой комнате в чужом доме, Марк как бы слышит следующие рифмованные строчки, произносимые мамой нараспев:

But would a man in shutting himself in / be asking things to stop or to begin? (p. 57).

… and loud as day, loud as Faye

But why would someone choose to disappear / and why would someone choose to do it here? (p. 75).

Иногда Марк вступает в вымышленный диалог с Фей:

Finished with the rhyming, then, Faye? *he said.*

I'll rhyme when I like, she said (p. 75).

Игровой характер, смешение реальности и вымысла во внутреннем нарративе контрастируют с серьезными экзистенциальными размышлениями персонажей.

Композиционно-образный уровень романа представляет собой игру, подобную пазлам, к которым нужно найти ключ, разгадать правила, по которым они сложены. Так, главы практически не связаны между собой, каждая представляет собой отдельный рассказ, повествующий о разных персонажах, отношения между которыми едва прослеживаются, концовка романа остается открытой. Неясна связь Пролога с текстом романа, единственная общая черта – начальная фраза Пролога *The fact is* повторяется в начале последней главы и несколько раз в тексте этой главы, образуя рамочную конструкцию. На некоторых страницах эта фраза анафорически повторяется в нескольких абзацах, на одной из страниц каждое предложение начинается с этой фразы, где также встречается ее видоизменённый повтор, имеющий юмористический эффект: *The fact is, they found a coin and an artefact, or artefacts. The fact is. The arte-fact is* (p. 191).

Образы персонажей поданы в ключе игры-загадки. Например, автор в Прологе достаточно подробно описывает двух персонажей – мужчину и мальчика: *The fact is, imagine a man sitting on an exercise bike in a spare room. He's a pretty ordinary man. … Standing next to the sitting man … is a small boy… He is about ten years old. His fringe is long, he is quite long-haired.* Образ мужчины окутан тайной: *… across his eyes and also across his mouth it looks like he's wearing letterbox flaps. … his eyes and mouth are both separately covered by little grey rectangles* (p. xi–xiii). Ожидания читателя встретиться с этими персонажами позже не оправдываются, они так и не появляются в тексте романа. Читатель может сделать предположение, что и взрослый мужчина, и мальчик десяти лет – это сам главный герой, Майлз, который, сидя в гостевой комнате чужого дома, мысленно разговаривает с собой-ребенком, пытаясь понять, осталось ли в нем что-нибудь от того непосредственного и искреннего мальчика. Маленькие серые прямоугольники, которые закрывают глаза и рот взрослого Майлза – это символ конвенций и ограничений

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

общества, которые так или иначе с возрастом меняют человека, превращают его в обычного обывателя, забывшего свои детские мечты.

Презентация персонажей происходит непоследовательно, хаотично, не подчинена никакому определенному принципу – главной или второстепенной роли в романе, времени появления в описываемых событиях или какому-либо другому. Для иллюстрации приведем начальные строки первой главы, где в двух предложениях, представляющих собой параллельные конструкции, говорится о героях романа – мужчине и женщине, первая встреча которых состоялась за тридцать лет до описываемых событий: *There was once a man who … There was once a woman who had met this man thirty years before …* (p. 3).

Связь между персонажами либо уходит в далекое прошлое (как в упомянутом выше примере), либо совершенно случайна, либо вообще отсутствует, либо становится понятной только в конце романа. Поведение некоторых персонажей остается загадкой и после прочтения всего романа. Один из персонажей, Майлз, придя на вечеринку, совершенно неожиданно запирается в комнате и остается там на несколько дней, чем, естественно, совершенно выбивает из колеи хозяев дома. В конце романа он покидает свое убежище, никому не рассказывая о причинах этого поступка, читатель так и не получает никаких разъяснений.

Категория темпоральности представлена в романе в разных аспектах, среди которых игровые моменты являются главными. Во-первых, в романе содержатся рассуждения о времени, но серьезные объяснения физической сущности времени, философские размышления о быстротечности времени сопровождаются шутливыми комментариями, юмористическими стишками, забавными сценами.

Так, лекция учителя о параметрах времени постоянно прерывается шутками учеников и, как следствие, замечаниями учителя воспитательного характера, что снижает пафос повествования: *And Greenwich, the teacher said, was where the experts who met decided to put it because of the important work they'd already done here. Now the meridian runs north to south and if you stand on one side of it, you're officially in the west, and if you stand on the other it's what? Matthew, if you make a racially unpleasant comment like that again there'll be a serious trouble* (p. 65).

Один из героев с грустью говорит о быстротечности времени: *One morning it was summer, the next you woke up and the whole year was over; one minute you were thirty, the next sixty, sixty next year quick as a wink, how fast it all was. How quickly and smoothly, yet how shockingly, when you thought about it, the seasons and the years gave way to each other …* (p. 60). Но и здесь не обходится без игры – читатель даже не успевает подумать о том, что эти мысли не так уж новы, как без каких-либо знаков препинания это предложение заканчивается шутливыми рифмованными строчками, в которых говорится о банальности высказываний такого рода: *banal philosophizing for God sake / how long this sermonizing going to take / you sound like an old vicar on the make* (p. 61).

Рассуждения на серьезную тему «всему свое время» подается в шутливо-ироничной форме: *Ah, Miles says and winks at the child. A time to be silent, a time to burn things down, a time to restore them, a time to get drunk, a time to race away from things as fast as you can on your horse, a time to brain the archbishop, a time to make some headway with the starter* (p. 84). Это своеобразная игровая вариация известного библейского фразеологизма *Время разбрасывать камни и время собирать камни.*

Глубокомысленная фраза о будущем *The future can't be seen, not even in an Observatory* сопровождается каламбуром *Observe a Tory*! и последующим односоставным предложением-комментарием – *Joke* (p. 206).

Во-вторых, с помощью игры автор создает своеобразный символ времени, в качестве которого в романе выступает исторический район Лондона Гринвич, который, как известно, знаменит Королевской обсерваторией, через которую проведен нулевой меридиан. Гринвичу в романе уделяется достаточно много внимания: автор описывает его географические особенности, его историю и достопримечательности, он является местом действия событий, описываемых автором, местом жительства одних героев, местом прогулок других.

В-третьих, что наиболее существенно для характеристики игрового типа темпоральности, временная последовательность в романе нелинейная – имеет место ретроспективное и проспективное описание событий: *Mark sat in the park. It is more than fifty years ago* (p. 120). В некоторых случаях ретроспективные описания заключаются в скобки: (*Three or four month back, one Saturday in June, Mark goes to a matinee …*) (p. 72). Причем фрагменты в скобках занимают в романе от двух до нескольких страниц.

Очень часто повествование переключается с одного периода времени на другой: *Greenwich then … Greenwich now …* Иногда на одной и той же странице может быть несколько таких переключений: *She was eighteen and home from the university and a letter had come* (p. 42). Следующий абзац: *And – yes! – he had even come to visit her at home once, Miles Garth; she had seen him again, the next year,* 1981, *was it?* Следующий абзац: *She sat in the future …* (p. 42).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

Временные переходы встречаются в одном и том же предложении: *Forty-six years ago, in the Easter holidays* (*when he is roughly the age of the boy who sheeps-eyed him earlier today…*) (p. 117). Здесь глаголы в настоящем времени употребляются для обозначения прошлого, далекое прошлое (*forty-six years ago*) переплетается с близким (*earlier today*). В следующем примере причудливым образом соединяются прошлое, настоящее и будущее: *his father, aged twelve, who'd sat night after night waiting to catch that fish, was, God damned it, still sitting in the long grass at the side of that non-existent river right now in the far future* (p. 50). В данном предложении использована игра грамматическими формами прошедшего перфектного и прошедшего длительного, которые вступают в противоречие с обозначением времени лексическими средствами: *now in the far future*.

Абстрактному перемещению во времени посвящен и следующий эпизод, описанный в романе: в 1980 г. для школьников Великобритании был объявлен конкурс на лучшее сочинение на тему *Britain In The Year* 2000 / *Британия в 2000 году*. Персонажи романа Майлз и Анна, будучи в то время школьниками, выигрывают этот конкурс и награждаются поездкой по Европе с группой других победителей конкурса. Представляет интерес начало сочинения Анны, которое цитирует автор: перефразируя фразу из романа Л. П. Хартли *The past is a foreign country*, она пишет в начале своего сочинения: *The future's a foreign country. They do things differently there* (p. 28). Данное начало вполне коррелирует с заявленной темой сочинения и содержит игровой элемент, основанный на употреблении грамматической формы простого настоящего времени для обозначения действия в будущем – люди в стране будущего все делают по-другому. Игровой момент включен и в текст сочинения Анны: через 20 лет, по ее мнению, все осталось по-прежнему, только слова в книгах, газетах, объявлениях, названиях магазинов, надписях на автобусах написаны в перевернутом виде: *Words are all printed upside down* (p. 28). Примечательно, что люди привыкли и не обращают внимание на такое необычное написание, т. е. они легко принимают новые правила игры.

Одна из глав романа завершается фразой, содержащей игру, построенную на алогизме: *This story is true and happened once in the future long ago* (p. 52). Здесь устойчивое выражение *in the future long ago* (вместо *in the past long ago*) служит созданию эффекта смещенного времени.

Прием переключения повествования с одного периода времени на другой, причудливого соединения настоящего и нескольких пластов прошлого в целом характерен для идиостиля Али Смит. В ее романе Autumn находим несколько отрывков, расположенных один за другим, относящихся к разным периодам времени и начинающихся с похожей фразы (прием параллельных конструкций):

It was a typically warm Monday in late September 2015, *in Nice, in the south of France*[12].

It was a typically warm Friday in late September 1943, *in Nice, in the south of France*[13].

It was another Friday in the October holydays in 1995[14].

В другом романе Али Смит *How to Be Both* «история Джордж, как её зовут окружающие, разворачивается одновременно в предыдущем году, до смерти её матери, и в настоящем» [21, с. 71–72]. Два абзаца на одной странице начинаются параллельными конструкциями, связывая два фрагмента, относящиеся к разным периодам прошлого героини; написаны они при этом с использованием глаголов в настоящем времени:

I am small…[15]

I am 18 years old…[16]

Категория модальности эксплицируется в Прологе, где автор обращается к читателю, представляя персонажей: *The fact is, imagine a man sitting on an exercise bike in a spare room*. И далее: *Look closer and…* Обычно обращение к читателю служит вовлечению читателя в описываемые события, создает впечатление разговора с читателем, настраивает на доверительный тон. Однако эти обращения – лишь игра с читателем, т. к. ожидаемого диалога автора и читателя в романе не наблюдается, более того, автор как будто ускользает, уклоняется от разъяснений многих поворотов сюжета и мотивировок поступков персонажей.

В романе имеет место такой прием, как метаповествование, когда автор дает пояснения используемым им литературным или стилистичес ким средствам, указывает источники цитирования, комментирует собственную манеру повествования. Иногда в речи персонажей встречаются лингвостилистические термины при описании ситуаций, чувств и переживаний. Приведем несколько примеров такого рода:

Interesting, though, that she'd taken to iambic pentameter (p. 62).

[12] Smith A. Autumn. N. Y.: Pantheon, 2017. P. 63.

[13] Там же, p. 64.

[14] Там же, p. 67.

[15] Smith A. How to Be Both. N. Y.: Anchor, 2015. P. 147.

[16] Там же.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

Perhaps in some ways metaphorically we are all like this man… (p. 71).

The balloon that is your head is metaphorical. This does not mean that is not real. It is just a way of saying something that is difficult to say (p. 191).

An Alps of feeling, her mother said, that's metaphorical (p. 209).

A monologue is a play with just one person in it (p. 196).

…a rhetorical question is one which doesn't expect an answer or one whose answer is implied (p. 57).

В соответствии с игровым модусом повествования в речи персонажей романа достаточно часто употребляются слова *irony / ирония и joke / шутка*:

Ironic, Mark said out loud (p. 62).

It is one of the ironies of the situation… (p. 70).

I was just, you know, making a joke, Anna said (p. 14).

– You're joking, she says.

– I only joke about serious things, he says (p. 26).

Этот характерный для постмодернизма прием в романе Али Смит имеет игровой характер. Игра заключается в том, что наряду с серьезными дефинициями лингвистических и литературных терминов, иногда со ссылками на авторитетные издания, встречаются непрофессиональные, передающие лишь общее представление о предмете разговора, а иногда шутливые, юмористические.

Например, один из персонажей так объясняет ребенку значение термина каламбур: *Well, um, pun. Well, they are like if a word means differently from what you expect* (p. 35).

На вопрос ребенка о том, что такое рифма, взрослые дают пояснения разного характера: *Well, it's for fun, mainly… But it's for serious too. It's a very clever thing* (p. 75). Далее цитируются слова Дж. Мильтона о рифме: *Milton calls rhyme a troublesome bondage… He calls rhyme the invention of a barbarous age* (p. 76). Затем, вспомнив, что ответ адресован ребенку, отец говорит о практической пользе рифмы: *It's also for helping memory, the father says to the child, since it's much easier to memorize something that rhymes* (p. 76).

Следующий пример содержит метафорическое описание и рассуждения о переводе с одного языка на другой: *Translation was sometimes itself a little rain of blows. How could what had happened to them be possible in one language, never mind be able to be retold in another*? (p. 40).

В конце главы *But* дефиниции слова *conjunction* – союз, коим является слово названия главы, и его производных даются в сумбурном, хаотичном порядке, определения разных значений этого слова из разных научных сфер (лингвистика, астрономия, анатомия, экономика) написаны одно за другим, даже без разделения знаками препинания:

…and the word conjunction, according to my Chambers 21st Century Dictionary, means:

connection

union

combination

simultaneous occurrence in space and time a word that connects sentences, clauses and words one of the aspects of the planets, when two bodies have the same celestial longitude or the same right ascension

A conjunctiva is a [*unreadable word*] *of the front of the eye, covering the external surface of the cornea and the inner side of the eyelid.*

A conjuncture is a combination of circumstances, esp. one leading to a crisis (p. 129).

На языковом уровне в романе используются стилистические средства разных уровней, выполняющие игровые функции. Приведем несколько примеров:

оксюморон: *After it the silence was even louder* (p. 4);

зевгма: *Anna had woken up a couple of weeks ago in the middle of her forties in the middles of the night* (p. 5);

хиазм: *I was there. There I was* (p. 5); *Reason not the need, the man says. Need not the reason* (p. 73);

голофразис: *It was the there-she-was guise* (p. 6);

разные типы морфологического повтора: *…an audience was always watching you, profoundly moved by your every move, reacting round your every reaction, your every momentous moment* (p. 6); *It really happened in really real life* (p. 94); *This merciless merciful newness of life* (p. 117);

каламбур, примеры которого наиболее многочисленны, приведем некоторые из них: *Anna Key in the UK* (p. 30); *Who can tell me about nought degrees*? *– If it not degrees you want to know about…* (p. 66); *it is strange having a stranger in the house…* (p. 70); *…London stopped being a port that was important – ha*! *The import ant port stopped being import ant* (p. 191); *…that's funny, you've done all those miles, and Miles is also your first name…* (p. 226).

Заключение

Таким образом, изучение игровых элементов романа Али Смит *The But For* The показывает, что игровой модус является текстообразующим элементом данного произведения, игра проявляется на разных категориальных уровнях текста. На повествовательном уровне романа игра заключается в смешении реальности и вымысла, воображения и воспоминаний во внутренней речи персонажей. На композиционном уровне автор играет с читателем, предоставляя ему возможность найти отгадку, «ключ», сюжетно соединяющий четыре главы романа между собой, а также главы и Пролог. Образы персонажей, мотивация их поведения, связи между ними иногда

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

являются загадкой. На уровне категории темпоральности представлены следующие игровые моменты: контраст между серьезными рассуждениями о быстротечности времени и шутливыми комментариями, забавными стишками на эту тему; нелинейное повествование; частое переключение с одного периода времени на другой; описание разных периодов времени в рамках одной главы, одного абзаца или даже одного предложения; создание эффекта смещенного времени. На уровне категории модальности игровым элементом является игра с читателем, эффект обманутого ожидания. Прием метаповествования содержит элементы игры: автор (часто устами персонажей) поясняет используемые в романе литературные и стилистические средства то в серьезном, то в шутливом ключе. На языковом уровне в романе присутствуют стилистические средства разных уровней, выполняющие игровые функции: оксюморон, зевгма, хиазм, голофразис, разные типы морфологического повтора, каламбур. Игровая поэтика контрастирует с темой самоидентификации личности в современном мире, которая является одной из основных в романе. Прием контраста усиливает воздействие данного произведения на читателя и требует дальнейшего изучения игровой поэтики романа. Данный подход изучения игрового модуса на разных категориальных уровнях может быть применен для исследования других произведений, в которых игровой модус является ведущим, а также для рассмотрения других текстовых модусов (героического, трагического, иронического, сатирического и пр.) на материале других художественных произведений, написанных в русле разных литературных направлений, т. к. комплексный анализ такого рода позволяет выявить общие закономерности и специфику актуализации того или иного модуса.

Литература

1. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 240 с.
2. Балашова О. В. Языковая игра в текстовом пространстве постмодернизма // Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики / отв. ред. О. Н. Прохорова, И. В. Чекулай. Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2012. С. 206–208.
3. Махов А. Е. Игра // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 75–77.
4. Лушникова Г. И. Литературная пародия и языковая игра // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 7. С. 300–304.
5. Джумайло О. А. Экзистенциальный опыт и границы литературной саморефлексии в романе М. Эмиса «Записки о Рейчел» // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 233–238.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира / сост. С. Королёв. М.: АСТ ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 220–548.
7. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестров. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 416 с.
8. Джумайло О. А. Игра и постмодернистский инструментарий в романах М. Спарк: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1997. 245 с.
9. Ким Л. Г. Игровой дискурс: признаки и виды // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: материалы I Междунар. науч. конф. / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: Юнити, 2006. Ч. 2. С. 204–211.
10. Корниенко О. А. Игровая поэтика в литературе. Киев: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2017. 242 с.
11. Рахимкулова Г. Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: к проблеме игрового стиля: автореф. дис. … д-ра филол. наук. 2004. 48 с.
12. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб.: Невский Простор, 2001. 416 с.
13. Соколов А. В. Введение в теорию социальной коммуникации. СПб.: СПбГУП, 1996. 320 с.
14. Стрельникова Л. Ю. Эстетическая концепция игры как парадигма литературы модернизма и постмодернизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 3. С. 104–110.
15. Тауснева А. С. Феномен игры в постмодернизме (на примере романов Т. Маккарти) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-1. С. 55–57.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

16. Тебякина Е. Е. Игра как форма коммуникации: антропологические особенности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 3А. С. 220–230.
17. Шалаев В. П., Емельянов Ф. Г. Игра в пространстве самоидентификации и идентичности человека в обществе постмодерна // Труды БГТУ. № 5. История, философия, филология. 2015. № 5. С. 121–125.
18. Ensslin A. Literary Gaming. Cambridge: The MIT Press, 2014. 201 p.
19. Fokkema D. W. Literary History, Modernism, and Postmodernism. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984. 71 p.
20. Hutchinson P. Games Authors Play. York: Methuen young books, 1983. 150 p.
21. Тимошенко Г. Д. Экфрасис в романе Али Смит How to Be Both (2014) // Практики и интерпретации. Журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1. № 1. С. 69–84.

Postmodernist Play within Different Text Levels in There But For The by Ali Smith

Galina I. Lushnikova [a, @, ID1]; Tatiana Iu. Osadchaia [a, ID2]

[a] V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Acad. Vernadsky Ave, Simferopol, Russia, 295007

[@] lushgal@mail.ru

[ID1] https://orcid.org/0000-0003-1080-3184

[ID2] https://orcid.org/0000-0001-8566-2529

Received 17.10.2018. Accepted 19.12.2018.

Abstract: Postmodern play is one of the important characteristics of modern fiction; it often acts as a text-forming element of the literary work. Literary play is manifested within different text levels and literary discourse strategies: the narrative, composition, imagery, diction, narrative temporality and modality, the technique of metanarrative. The present paper features the poetics of play within different text levels and literary discourse strategies in the novel by contemporary Scottish writer Ali Smith "There But For The". At the level of the novel's narrative, the play manifests itself in the confusion of reality and fantasy, imagination and actual memory in the characters' internal speech. At the level of composition, the author plays with the readers, giving them an opportunity to find some "key" that will connect the four chapters of the novel and the prologue; the characters and connections between them are sometimes also a mystery. Within the literary strategy of temporality, the following play elements are presented: the contrast between serious reasoning about Time and humorous comments and thematically related pieces of poetry; nonlinear narration; description of events which take place in different time periods in a short context. Within the literary strategy of modality, we can trace the author's play with the reader and the effect of defeated expectancy. The technique of metanarrative also contains elements of the play: the literary and stylistic means used in the novel are explained both in a serious and a joking manner. The diction of the novel is characterized by usage of stylistic devices of different language levels, their function being that of the play: oxymoron, zeugma, chiasm, holophrasis, different types of morphological repetition, and pun. The results of the study suggest that the introduction of elements of a play into the novel at its different levels makes a sharp contrast with the existential themes of the work. Such a contrast greatly enhances the impact of this novel on the reader and requires further study.

Keywords: postmodernist text, the poetics of play, existential themes, metanarrative, nonlinear narration, defeated expectancy

For citation: Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Postmodernist Play within Different Text Levels in the Novel by Ali Smith There But For The. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 232–241. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-232–241

References

1. Skrebnev Iu. M. *A feature article on the history of Stylistics*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2016, 240. (In Russ.)
2. Balashova O. V. Language play in postmodern text. *Modern approaches to language and speech units studying and Linguodidactics issues,* eds. Prokhorova O. N., Chekulai I. V. Belgorod: POLITERRA, 2012, 206–208. (In Russ.)
3. Makhov A. E. *Game. Poetics: a dictionary of current terms and concepts,* ed. Tamarchenko N. D. Moscow: Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008, 75–77. (In Russ.)
4. Lushnikova G. I. Literary parody and language game. *Tambov University Review. Series Humanities*, 2009, (7): 300–304. (In Russ.)
5. Dzhumaylo O. A. Existential experience and the limits of literary self-reflexivity in Martin Amis's novel "The Rachel Papers". *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, (3): 233–238. (In Russ.)
6. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. *Languages as an image of the world*, comp. Koroliov S. Moscow: AST; Saint-Petersburg: Terra Fantastica, 2003, 220–548. (In Russ.)
7. Huizinga J. *Homo Ludens*, transl. Silvestrov D. V. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha, 2015, 416. (In Russ.)
8. Dzhumaylo O. A. *The play and the postmodernist tools in the novels by M. Spark*. Cand. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 1997, 245. (In Russ.)
9. Kim L.G. The discourse of the play: features and types. *The changing Russia: new paradigms and new solutions in linguistics*: Proc. I Intern. Sci. Conf., eds. Pimenov E. A., Pimenova M. V. Kemerovo: Iuniti, 2006, part 2, 204–211. (In Russ.)
10. Kornienko O. A. *Poetics of play in literature. Kiev*: Vid-vo NPU im. M. P. Dragomanov, 2017, 242. (In Russ.)
11. Rakhimkulova G. F. *The language play in the prose of Vladimir Nabokov: discussing the problem of playful style.* Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Rostov-on-Don, 2004, 48. (In Russ.)
12. Skoropanova I. S. *Russian postmodern literature: a new philosophy, a new language*. Saint-Petersburg: Nevskii Prostor, 2001, 416. (In Russ.)
13. Sokolov A. V. *Introduction into the theory of social communication*. Saint-Petersburg: SPbGUP, 1996, 320. (In Russ.)
14. Strelnikova L. Yu. The aesthetic concept of play as the paradigm of modernist and postmodernist literature. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2015, 15(3): 104–110. (In Russ.)
15. Tausneva A. S. Phenomenon of game in postmodernism (by the examples of Tom McCarthy's novels). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2017, (10-1): 55–57. (In Russ.)
16. Tebyakina E. E. Play as a form of communication: anthropological features. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2017, 6(3A): 220–230. (In Russ.)
17. Shalaev V. P., Yemelyanov F. G. Play in the process of self-identification of a person in the postmodern society. *Trudy BGTU. № 5. Istoriia, filosofiia, filologii*a, 2015, (5): 121–125. (In Russ.)
18. Ensslin A. *Literary Gaming*. Cambridge: The MIT Press, 2014, 201.
19. Fokkema D. W. *Literary History, Modernism, and Postmodernism*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1984, 71.
20. Hutchinson P. *Games authors play*. York: Methuen young books, 1983, 150.
21. Timoshenko G. D. Ekphrasis in Ali Smith's novel How to Be Both (2014). *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 2016, 1(1): 69–84. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета, 2019, 21(1)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

оригинальная статья
УДК 81

Принципы номинации турагетнств г. Воронежа

Мария А. Мануковская [a, @, ID]

[a] Воронежский государственный технический университет, 394026, Россия, г. Воронеж, Московский проспект, 14
[@] marsha_sweety@mail.ru

Поступила в редакцию 30.06.2018. Принята к печати 04.12.2018.

Аннотация: В последние годы одно из заметных мест в лингвистических исследованиях занимает достаточно новый объект науки – рекламные номинации, то есть имена собственные товаров, услуг или бизнес-предприятий. Поскольку от уникальности имени собственного зависит степень его эффективности, способность выделиться на фоне других наименований, привлечь внимание адресата и осуществить рекламную функцию, необходимо выявить языковые принципы, в соответствии с которыми отбираются имена собственные конкретного типа объекта, товара или услуги. Мы провели исследование номинаций на примере имен собственных предприятий, предлагающих услуги в сфере туризма в г. Воронеже. Материалом анализа послужили имена собственные туристических фирм, извлеченные из русских ресурсов Интернета, воронежских газет и журналов, а также зафиксированные методом непосредственного наблюдения. Общее количество собранных примеров составило около 200 единиц. Установлено, что отбор языковых средств для номинаций этого типа объектов осуществляется в соответствии с номинативной триадой *продавец / производитель – товар / услуга – покупатель / пользователь*. Кроме того, выявлено территориальное своеобразие названий турагентств. В целом следует отметить: изучение номинаций имеет большое значение для лингвистики, потому что отмечает динамику лексической системы языка.

Ключевые слова: коммерческая номинация, номинативная триада, имя собственное, синоним, транслитерация, положительная оценка, прием интимизации

Для цитирования: Мануковская М. А. Принципы номинации турагентств г. Воронежа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 242–247. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

Введение

Данная статья представляет собой продолжение исследований имен собственных бизнес-объектов (ИСБО), которые уже четверть века ведутся лингвистами Воронежского государственного технического университета (ВГТУ) [1–7]. В них проведен анализ номинаций на вывесках в разных сферах бизнеса: названия фирм, лечебных учреждений, охранных предприятий, банков, саун и т. д. Изучение ИСБО позволило объяснить причины все возрастающего интереса лингвистов к такого рода коммерческим номинациям и сформулировать принципы, лежащие в основании выбора конкретных языковых единиц для индивидуализации предприятия (ср. [8–17]).

Этот разряд номинаций постоянно увеличивается количественно, поскольку растет и расширяется собственно бизнес как в стране, так и в конкретном городе, в нашем случае – в Воронеже. Кроме того, происходят непрерывные изменения в составе предприятий и учреждений в пределах конкретных сфер: фирмы возникают и исчезают, по разным причинам меняют названия и т. д. В силу вышесказанного материал для осмысления лингвистами все время возрастает и изменяется.

Стали очевидными основополагающие принципы номинации бизнес-объектов. Универсальной оказалась формула *производитель / продавец – товар / услуги – покупатель / пользователь*, которую лингвисты ВГТУ называют номинативной триадой [2–6]. Именно она конкретизируется в многообразии языковых средств при выборе названия.

Еще одно важное положение – имя собственное соотносится с типом бизнес-объекта как частное и общее, или индивидуальное – типовое. По этой причине названия в разных сферах бизнеса крайне редко совпадают.

Основные цели ИСБО следующие: 1) передать уникальность предприятия, что закрепляется и законодательно; 2) вызвать интерес потенциального покупателя и привести его к решению приобрести товар или воспользоваться услугами.

Постоянно расширяющийся круг наименований турагентств в г. Воронеже выступил основанием для проведения нашего лингвистического исследования. Предметом описания послужили 200 единиц номинаций бизнес-объектов.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

Анализ номинаций турагентств г. Воронежа

В ходе исследования подтверждено, что отношение продавец – товар – покупатель, составляющее основу коммерческой сферы, в которой функционируют имена собственные бизнес-объектов, находит отражение и в сфере туризма. Материал показывает, что большинство наименований содержат характеристику или краткое описание 1) продавца, 2) товара (услуги), 3) потребителя. На основании анализа устанавливаются следующие наиболее частотные варианты воплощения принципов номинации турагентств г. Воронежа.

А. Номинации, указывающие на тип заведения

Было обнаружено большое число номинаций туристических агентств, в состав которых входят лексемы, указывающие на тип заведения. Их насчитывается 10 % от общего количества исследуемого материала. Такие наименования можно отнести к представлению первого компонента номинативной триады – продавца, поскольку тип заведения, обозначенный на вывеске, характеризует статус его владельца. Поэтому помимо привычного для этой сферы словосочетания *туристическое агентство* или его сокращения *турагентство* используются и другие языковые единицы, которые обозначают типы предприятий из иных сфер бизнеса. Среди них: а) *Бюро* Путешествий и Экскурсий; б) *Бутик* Путешествий; в) Воронежская Туристическая *Компания*; г) Воронежский *Клуб* Отдыха и Путешествий, *Клуб* Путешествий, Греческий *Клуб*; д) *Агентство* Пляжного Отдыха Велл, Международное *Агентство* Путешествий, Центральное *Агентство* Воздушных Сообщений; е) *Федерация* Туризма; ж) *Турфирма* Надежда; з) Немецкий *Дом* Путешествий; и) *Магазин* Путешествий; к) *Ярмарка* Путешествий; л) *Центр* Туризма Танаис.

Значения слов, указывающих на тип заведения, в данных примерах, как мы уже сказали, не дают потребителю дополнительной информации о продавце. По данным словарей лексемы *бюро, клуб, дом* используют для обозначения определённых учреждений или организаций[1]. Слова *компания, агентство, фирма, магазин* указывают на торговое или промышленное предприятие[2]. Заимствование из французского языка *бутик* служит названием для небольшого узкоспециализированного магазина или лавки. *Федерацией* называют союз отдельных обществ, организаций[3], *ярмаркой* – съезд торговых и промышленных организаций[4], *центром* – ведущее учреждение какой-либо отрасли[5].

Близкие к терминам номинации типов учреждений, таким образом, в функции ИСБО теряют однозначность семантики и обретают необходимую рекламе оценочность. Так, *Федерация* информирует о масштабности фирмы, *Ярмарка* обещает скидки, а *Бутик* намекает на изысканность предложений.

Б. Номинации, представляющие продавца

В составе наименования, представляющего продавца, может быть использован антропоним. Интересен тот факт, что значительная часть таких номинаций, а именно 12 % от общего количества исследуемого материала, имеет в качестве своей основы женские имена. Видимо, бизнес получает имя близкой хозяину женщины или самой владелицы фирмы. Поскольку в ряду номинаций редко встречаются антропонимы, широко распространенные среди носителей русского языка, крайне трудно с уверенностью распределить женские имена на реально существующие и фантазийные.

Приведем примеры: Альба, Ариана, Глория, Эдвита, Аврора-Тур, Анастасия Тур, Анна Тур, Вита-Тур, Катерина-Тур, Мариника-Тур, Инна Тур, Лиза Тур, Натали Турс, Светлана-Тур, Согдиана-Тур, Турфирма Надежда, Туристическое Агентство Ольвия. Как видим, чтобы сделать наименование прозрачным и доступным для понимания потенциальному клиенту, к имени собственному иногда прибавляют нарицательное существительное, конкретизирующее род деятельности (например туристическое агентство) либо уточняющее специфику оказываемых услуг (тур).

Единичны случаи (3 % от общего количества исследуемого материала), когда в наименовании турагентства присутствует мужское имя: АлекС, Ален, Дик-тур, Туристическая Компания Симон.

Лишь 5 % турагентств г. Воронежа в качестве наименования выбирают положительную оценку продавца (владельца компании). В таких номинациях продавец позиционирует себя как профессионал в сфере туризма, который гарантирует оказание услуг высокого качества. Например: Турагентство Гарант Тур, Мастер Отдыха, Туристическая Компания Резон, Властелин Отдыха, Сервис-Клуб, Каприз-Сервис.

[1] Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д. Ушакова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007.

[2] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

[3] Толковый словарь русского языка …

[4] Там же.

[5] Там же.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

В. Номинации, упоминающие тип товара или услуги

Обозначения второго компонента номинативной триады – *товара / услуги* – формируют самую многочисленную группу названий. В силу большого количества номинаций и их многокомпонентности описание материала представим с учетом вариантов способов образования. Многие бизнес-объекты, развивающие свою деятельность в сфере туризма, используют в составе имени собственного заимствованные лексемы, синонимичные *путешествию*. Например: Круиз, Турне. В исследуемом нами материале обнаружено 8 % таких номинаций.

В г. Воронеже отмечены турфирмы, которые в своем наименовании имеют словосочетания, состоящие из определения, выраженного прилагательным или существительным в косвенном падеже, и номинации услуги, что передается существительным *тур*. Такие выражения а) дают характеристику товара / услуги: Горячие Туры, Гранд-Тур, Ассорти Тур, Классика Тур, Люкс Тур, Имидж-Тур; б) уточняют ареал предоставляемых услуг: Евротур, Интур-Воронеж, Юкка Тур Воронеж; в) включают наименование документов, необходимых для путешествия: БилеТур, Виза-Тур; г) содержат в себе звучные, привлекающие внимание названия: Альфа-Тур, Туристическое Агентство Каре-Тур, Атолл-Тур.

Выявлена тенденция использовать в качестве номинации для предприятий, предлагающих услуги по туризму, географические названия. Таких наименований насчитывается 10 % от общего количества исследуемого материала: Русь, Туристическое Агентство Эллада, Альбион, Черноморье, Ривьера, Адриатика, Босфор, Пальмира, Сафари, О`кеан, ТП-Черноземье, Туристическое Агентство Острова. Среди них отмечены и метафорические: Эльдорадо-Тур, Туристическое Агентство Семь Морей, Туристическое Агентство Сто Дорог.

Чтобы дать потенциальным клиентам представление о многообразии услуг по туризму и возможности предложить комфортабельную поездку практически в любую точку мира, турагентства используют в своих номинациях понятия, непосредственно связанные с тематикой путешествия (выявлено 8 %). Такие лексические единицы грамотно аргументируют необходимость приобретения услуги в данной турфирме и способны побудить потребителя к действию. Например: Весь Мир, Мир на Ладони, Весь Мир в Кармане, Вокруг Света, Туристическое Агентство Континент-Тур, Туристическое Агентство Планета, Туристическая Компания Азбука Мира, Все Флаги, Туристическая Компания Орбита, Новая Земля, Туристическое Агентство Мир Странствий, Море Путешествий, Туристическое Агентство Мозаика Мира, Туристическое Агентство Империя Отдыха.

Становится привычным для демонстрации спектра оказываемых услуг включение в номинацию иноязычных слов. Данная тенденция распространяется на 22 % имен собственных от общего количества исследуемого нами материала. Сложилось два способа их написания в *современной рекламе* [18–21] – воспроизведение оригинала на латинице и транслитерация.

Особо частотны обозначения путешествий на латинице словами. Такая группа насчитывает 11 % от общего количества исследуемого материала:

1) *travel*: *Astravel* (ЭсТрэвэл), *CapitalTravel* (Главное Путешествие), *GeoTravel* (Гео Путешествие), *GreenTravel* (Путешествие на Природу), *SkyTravel* (Небесное Путешествие), *WorkandTravel* (Работай и Путешествуй), *CoralTravel* (Коралловое Путешествие), *MyCheapTravel* (Мое Недорогое Путешествие);

2) *tour*: *Happytour* (Счастливое Путешествие), *LeTour* (Путешествие), *Queenstour* (Королевское Путешествие), *Si-LenaTours* Путешествие от Си-Лены), *TezTour* (Путешествие Тес), Туристическое Агентство *InfinityTour* (Бесконечное Путешествие);

3) *trip*: *Cubanaturetrip* (Путешествие на Природу Кубы).

Такое же количество, а именно 11 % от общей численности названий турагентств, передается транслитерацией:

1) они также имеют в своем составе английское существительное *Трэвэл* – путешествие: Воронеж-Трэвел (Путешествие по Воронежу), Турагентство Мэджик-Трэвэл (Волшебное Путешествие), Турагентство Океан Тревел (Путешествие по Океану), Лайф-Трэвэл (Путешествие для Жизни), Коктейль-Тревел (Коктейльное Путешествие);

2) содержат заимствованную из французского языка лексему с тем же значением *Вояж* – путешествие: Вояж (Путешествие), Туристическое Агентство Бон Вояж (Хорошее Путешествие), Турагентство Вояж-Групп (Группа Путешествий);

3) включают ставшие устойчивыми иноязычные выражения из разных языков, по преимуществу из английского: Голден Вэй (Золотой Путь), Дискавери (Открытие), Фьюжен (Слияние), БлюСкай (Голубое Небо), Агентство Воздушных Сообщений ИстЛайн (Восточная Полоса), Агентство Внутреннего Туризма Терра (Земля) Воронеж.

Следует отметить, что такого рода наименования могут не достигать рекламных целей, поскольку могут остаться непонятными для потребителя – носителя русского языка, не владеющего иностранным.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

Г. Номинации, представляющие покупателя или пользователя

Перейдем к способам представления в ИСБО третьего компонента номинативной триады – покупателя или пользователя. Как правило, наименования, которые относятся к данной группе, представляют собой описание эмоционального состояния покупателя, содержат обещание о повышении его статуса или улучшения имиджа. Такие номинации составляют 22 % от общего количества исследуемого материала:

1) воздействовать на взгляды и предпочтения потребителей, их устремления нацелены 7 % наименований турагентств, в которых понятие *путешествие* соотносится с праздником, чем-то ярким, незабываемым. Например: Туристическая Компания Фиеста Тур, Туристическая Компания Фея-Тур, Турфирма Хорошее Настроение, Туристическое Агентство Калейдоскоп, Туристическое Агентство Палитра Путешествий, Туристическое Агентство Отдых, Прекрасный Отдых, Идеальный отдых, Отпуск, Курортная Компания Курортмакс;

2) для оптимизации рекламного воздействия некоторые бизнес-объекты, предлагающие услуги в сфере туризма, используют в номинации фантазийные имена собственные. Они созданы на основе метафоры и нацелены на то, чтобы вызвать положительные эмоции по поводу конечного пункта назначения в путешествии. Мы выявили 3 % таких номинаций. Например: Банановый Рай, Турагентство Рай, Турфирма Эдем, Агентство Путешествий Остров Грёз;

3) в 8 % исследуемого нами материала наименованием турагентства служит название экзотических или выдуманных растений: Эдельвейс 01, Туристическая Компания Магнолия, Апельсин, Зеленый Апельсин, Турагентство Ёлки-Пальмы; или животных: Бегемот, Белый Слон, Зеленый Попугай, Дельфин-2, Золотой Лев, Турагентство Багира, Носорог, Туристическое Агентство Butterfly (Бабочка). Они дают потенциальному покупателю надежду на то, что их мечта о незабываемом, сказочном путешествии может исполниться;

4) повысить статус потенциального покупателя обещают 2 % наименований турагентств, в которых присутствуют названия драгоценных камней: Туристическая Компания Аквамарин, Турмалин, Туристическая Компания Кристалл; и металлов: Туристическое Агентство Платина;

5) встречается 2 % названий, в которых присутствуют личные (Я Отдыхаю) и притяжательные местоимения (Мой Тур, Твой Мир). Этот часто употребляемый прием интимизации рекламного сообщения нацелен на повышение эффективности коммуникации с потенциальным покупателем.

Заключение

Проведенное нами исследование показало, что при выборе имени собственного для фирмы, занимающейся туристическим бизнесом, обязательно соблюдаются обозначенные в начале работы принципы номинации: универсальная номинативная триада *производитель / продавец – товар / услуги – покупатель / пользователь* и соотношение имени собственного с типом бизнес-объекта как частного и общего, или индивидуального – типового. Языковые способы создания ИСБО этого типа оказываются разнообразными, их исчерпывающее описание – задача отдельного исследования.

Литература

1. Гостева О. В. Семантика и прагматика названий цветочных магазинов г. Воронежа // Инновационные процессы в лингводидактике / ред. В. А. Федоров. Воронеж: ВГТУ, 2012. Вып. 10. С. 34–41.
2. Лапинская И. П., Денисова М. А., Сорокина Д. А. Что в имени? Воронеж: ВГТУ, 2016. 219 с.
3. Лапинская И. П., Денисова М. А., Гостева О. В. Стиль рекламы: речевые формы. Воронеж: ВГТУ, 2016. 161 с.
4. Мануковская М. А., Лапинская И. П. Имена собственные бизнес-объектов: названия магазинов детских товаров в Воронеже // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2. С. 111–113.
5. Мануковская М. А. Имена собственные магазинов детских товаров в Воронеже и Бирмингеме: сопоставительный анализ // Лапинская И. П., Денисова М. А., Гостева О. В. Стиль рекламы: речевые формы. Воронеж: ВГТУ, 2016. С. 69–76.
6. Мануковская М. А. Фактор адресата в именах собственных магазинов товаров для детей в г. Воронеже // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 104–106.
7. Сорокина Д. А. Имена собственные бизнес-объектов: складывание подсистемы названий свадебных салонов // Инновационные процессы в лингводидактике / ред. В. А. Федоров. Воронеж: ВГТУ, 2015. Вып. 13. С. 34–41.
8. Астафьева И. А. Способы номинации в речевой ситуации города (на материале ойкодомонимов г. Омска): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 148 с.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

9. Дударева Я. А., Замилова А. В., Сатучина Т. Ю. Неймингговый словарь русского языка (слова-бионимы как фирменные наименования). Кемерово: КемГУ, 2016. 296 с.
10. Дударева Я. А. Лингвистическая экспертиза товарных знаков. Кемерово: КемГУ, 2014. 204 с.
11. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 170 с.
12. Козлов Р. И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 151 с.
13. Новичихина М. Е. Проблемы изучения коммерческой номинации. Воронеж: Кварта, 2012. 108 с.
14. Новожилова Т. А. Номинация современных коммерческих предприятий (на материале русского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 170 с.
15. Носенко Н. В. Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 218 с.
16. Стародубцева В. В. Номинация внутригородских предприятий и учреждений в современном русском языке (на материале ойкодомонимов г. Ульяновска): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 216 с.
17. Щербакова Т. В. Искусственная номинация коммерческих предприятий (на материале тюменских наименований): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 195 с.
18. Амири Л. П. Язык рекламы: лингвистические и психологические особенности // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы 4 Всерос. науч. конф. (Пенза, 12–15 мая 2004 г.) / отв. ред. А. В. Пузырев. М.; Пенза: Институт Языкознания РАН; ПГПУ им. В. Г. Белинского; Администрация г. Пензы, 2004. С. 111–112.
19. Батурина Л. И. Особенности восприятия рекламы в России на современном этапе (ретроспективный анализ телевизионных рекламных клипов): дис. … канд. филол. наук. М., 2000. 168 с.
20. Крюкова И. В. Имена собственные в современной российской рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст / науч. ред. Т. Н. Колокольцева. 2-е изд. М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. С. 261–278.
21. Овчинникова И., Русинова И., Трапезникова А. Что означают и что скрывают рекламные слоганы // Филолог. 2005. № 6. С. 63–67.

The Naming Principles of Travel Agencies in Voronezh

Mariya A. Manukovskaya [a, @, ID]

[a] Voronezh State Technical University, 14, Moscowsky prospekt, Voronezh, Russia, 394026
[@] marsha_sweety@mail.ru

Received 30.06.2018. Accepted 04.12.2018.

Abstract: Naming in advertising has become one of the most ambitious areas of linguistics since it reflects dynamics of the lexical system of the language. It features proper names of goods, services, or business enterprises. An unusual proper name is efficient, noticeable and attractive for customers, it fulfills the advertising function. That is why it is necessary to identify the language principles which are taken into account when choosing proper names of a particular kind of a business enterprise, goods, or services. The present research was based on proper names of enterprises that offer tourism services in Voronezh. The naming units were obtained by direct observation, from the Internet, local newspapers, and magazines. The total number of collected examples included about 200 units. The study proved that language means for this type of nominations correspond with the nominative triad "seller / producer – product / service – buyer". In addition, some local territorial peculiarities were observed in the proper names of travel agencies.

Keywords: commercial naming unit, nominative triad, proper name, synonym, transliteration, positive evaluation, intimacy method

For citation: Manukovskaya M. A. The Naming Principles of Travel Agencies in Voronezh, *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 242–247. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-242–247

References

1. Gosteva O. V. Semantics and pragmatics of proper names of flower shops in Voronezh. *Innovative processes in linguodidactics*, ed. Fedorov V. A. Voronezh: VGTU, 2012, iss. 10, 34–41. (In Russ.)
2. Lapinskaya I. P., Denisova M. A., Sorokina D. A. *What's in the name?* Voronezh: VGTU, 2016, 219. (In Russ.)
3. Lapinskaya I. P., Denisova M. A., Gosteva O. V. *Advertising Style: speech forms*. Voronezh: VGTU, 2016, 161. (In Russ.)
4. Manukovskaya M. A., Lapinskaya I. P. Proper names of business-objects: the denominations of shops for children's goods in Voronezh. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*, 2016, (2-2): 111–113. (In Russ.)
5. Manukovskaya M. A. Proper names of shops for children in Voronezh and Birmingham: comparative analysis. Lapinskaya I. P., Denisova M. A., Gosteva O. V. *Advertising Style: speech forms.* Voronezh: VGTU, 2016, 69–76. (In Russ.)
6. Manukovskaya M. A. The target factor in personal names of shops for children in Voronezh. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism,* 2017, (4): 104–106. (In Russ.)
7. Sorokina D. A. Proper names of business enterprises: formation of subsystem among proper names of wedding shops. *Innovative processes in linguodidactics*, ed. Fedorov V. A. Voronezh: VGTU, 2015, iss. 13, 34–41. (In Russ.)
8. Astaf'eva I. A. *Methods of nomination in the speech situation of the city (on the material of oikodomonyms of Omsk).* Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1996, 148. (In Russ.)
9. Dudareva Ya. A., Zamilova A. V., Satuchina T. Yu. *Russian language naming dictionary (bionymy words as brand names)*. Kemerovo: KemGU, 2016, 296. (In Russ.)
10. Dudareva Ya. A. *Linguistic Expertise of Trademarks*. Kemerovo: KemGU, 2014, 204. (In Russ.)
11. Emelyanova A. M. *Ergonyms in the linguistic landscape of a polyethnic city (based on the example of proper names of business, commercial, cultural, sports facilities in Ufa)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2007, 170. (In Russ.)
12. Kozlov R. I. *Ergourbonyms as a new category of urban onomastics.* Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2000, 151. (In Russ.)
13. Novichikhina M. E. *Issues in the study of a commercial naming unit.* Voronezh: Kvarta, 2012, 108. (In Russ.)
14. Novozhilova T. A. *Nomination of modern commercial enterprises (based on the material of Russian, English and German languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2005, 170. (In Russ.)
15. Nosenko N. V. *Proper names of urban objects in Novosibirsk: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects*. Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2007, 218. (In Russ.)
16. Starodubtseva V. V. *Nomination of intracity enterprises and institutions in the modern Russian language (based on the material of the oikodomonims in Ulyanovsk)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2003, 216. (In Russ.)
17. Shcherbakova T. V. *Artificial nomination of commercial enterprises: based on the material proper names in Tyumen*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tyumen, 2009, 195. (In Russ.)
18. Amiri L. P. The language of advertising: linguistic and psychological features. *Language and thinking: psychological and linguistic aspects*: Proc. 4 All-Russian Sci. Conf. (Penza, 12–15 May 2004), ed. Puzyrev A. V. Moscow; Penza: Institut Iazykoznaniia RAN; PGPU im. V. G. Belinskogo; Administratsiia g. Penzy, 2004, 111–112. (In Russ.)
19. Baturina L. I. *Features of the perception of advertising in Russia at the present stage (retrospective analysis of television advertising clips)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 168. (In Russ.)
20. Kryukova I. V. *Proper names in modern Russian advertising. Advertising discourse and advertising tex*t, ed. Kolokoltseva T. N. 2nd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2013, 261–278. (In Russ.)
21. Ovchinnikova I., Rusinova I., Trapeznikova A. What do advertising slogans mean and what do they hide? *Filolog*, 2005, (6): 63–67. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

CC BY

оригинальяная статья
УДК 811.111+82:32

Особенности конструирования иммиграционного дискурса в британской прессе

Марина С. Матыцина [a, @, ID]

[a] Липецкий государственный технический университет, 398600, Россия, г. Липецк, ул. Московская, 30
[@] lipmarina@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0001-6102-4397

Поступила в редакцию 30.09.2018. Принята к печати 15.01.2019.

Аннотация: В рамках критического дискурс-анализа на материале ведущего британского издания *Daily Mail* проводится анализ дискурса иммиграции как следствие политических изменений, охвативших Европу во время событий 2011 г. и получивших название Арабской весны, исследуются особенности конструирования дискурса иммиграции того времени, выделяются его семантические особенности, иллюстрируемые конкретными примерами. В основе критического дискурс-анализа лежит понимание дискурса как формы социального взаимодействия, что позволяет, на наш взгляд, выяснить, как идеология задает форматирующие правила дискурса и определяет его содержание. Актуальность такого исследования обусловлена ростом научного интереса к феноменологии политического дискурса и различных его аспектов. С одной стороны, проведенное исследование позволило выявить употребление менее политизированной терминологии, представляющей иммигрантов беспомощными, отчаявшимися жертвами, и использование «гуманитарных» концепций при описании действий и целей властей, связанных иммиграционным контролем. С другой стороны, гуманизация и виктимизация иммигрантов выступают в качестве оправдания принимаемых мер по борьбе с «незаконной» иммиграцией и «гуманитарного спасения» граждан, находящихся в опасности.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, политический дискурс, иммиграция, социальный контекст, социальная практика

Для цитирования: Матыцина М. С. Особенности конструирования иммиграционного дискурса в британской прессе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 248–257. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

Введение

Исследование дискурса иммигрантов находится в фокусе внимания многих исследователей. Т. ван Дейк в ряде статей рассматривает особенности освещения иммиграционных и этнических проблем в СМИ [1]; И. ван дер Валк исследует представление этнических меньшинств в дискурсе французского парламента [2]; П. Бейкер и Т. Макэнери анализируют дискурс беженцев в британских изданиях [3]. Хорватский исследователь Д. Жупарич-Илич в своих работах обращает внимание на дискурсивные изменения иммиграционной политики в Хорватии и охватывает в диахронии период с 2014 по 2016 г. [4]. В Испании ученые объясняют лингвистические механизмы производства расистских представлений об иммигрантах [5; 6]. Авторы акцентируют внимание на анализе дискурса расизма, национализма и дискурса элит [7], в которых открыто пропагандируется *язык ненависти* по отношению к иммигрантам [8–10], дискурс власти и СМИ, формирующий выгодные в текущей политической конъюнктуре образы различных социальных групп [11–13].

Мощнейшая волна нелегальных мигрантов хлынула из Северной Африки через Средиземное море в Европу в начале 2011 г., после того как в ряде североафриканских стран начались народные волнения. В ряде стран Северной Африки и Ближнего Востока прокатилась революционная волна демонстраций, протестов, восстаний и революций, произошли политические перемены радикального характера, которые впоследствии стали именоваться Арабской весной. 400 тыс. беженцев – такую цифру озвучил 31.03.2011 Верховный комиссар ООН по делам беженцев Антониу Гутерреш. Именно столько человек покинули Ливию с начала конфликта между Муаммаром Каддафи и оппозицией. Большинство африканских беженцев прибыло в Европу на лодках.

Опасения в отношении массовой миграции из Ливии и Туниса возрастали в странах Евросоюза с каждым днем. В результате постоянно увеличивающегося числа мигрантов ситуация стала выходить из-под контроля. Главы государств и правительств стран ЕС в рамках саммита в Брюсселе высказались за изменение существующих

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

правил и возможности пересмотра мер безопасности на границах стран Шенгенской зоны. Франция приостановила железнодорожное сообщение с Италией и не впустила поезда с тунисскими беженцами из Италии[1]. Еврокомиссия сочла, что решение Парижа не противоречит правилам Шенгенского соглашения и было продиктовано интересами общественного порядка. «Это была временная приостановка железнодорожного движения, продиктованная интересами общественного порядка. Они действовали в законных рамках», – заявила комиссар ЕС по внутренним делам Сесилия Мальмстрём[2].

В этот период в ряде британских печатных СМИ появляется большое количество статей по данной проблематике. Такой всплеск свидетельствует о том, что проблема иммиграции становится частью общего социокультурного и языкового контекста общества, отражается в различных языковых процессах, прочно входит в число «горячих тем», вызывающих повышенный интерес не только у правительств и рядовых граждан, но и у исследователей. Арабская весна вызвала целую волну разноплановых суждений и оценок в научном мире, о чем свидетельствуют многочисленные публикации в авторитетных журналах. Например, в 2016 г. в журнале *Journalism and Mass Communication Quarterly* опубликована статья А. Гузмана *Evolution of News Frames During the 2011 Egyptian Revolution*: *Critical Discourse Analysis of Fox News's and CNN's Framing of Protesters, Mubarak, and the Muslim Brotherhood* (Эволюция новостных фреймов во время египетской революции 2011 года: критический дискурс-анализ фреймирования протестующих, Мубарака и «Братьев-мусульман» телеканалами *Fox News* и *CNN*) [14]. Автор исследует динамику фреймирования американскими СМИ событий и участников египетской революции 2011 г. как центрального события Арабской весны. С позиций критического дискурс-анализа автор показывает, что новостные каналы *CNN.com* и *FoxNews.com* при освещении событий и представлении американской аудитории участников антиправительственных демонстраций, движения «Братьев-мусульман», а также президента Хосни Мубарака и его правительства используют фреймы, ранее применявшиеся по отношению к мусульманам и выходцам из Ближнего Востока – США *друг / враг* и *рациональный / иррациональный*. Анализируя ситуацию, автор статьи отмечает, что *CNN* и *Fox News* по-разному фреймируют события 2011 г., а содержательные черты фрейма политической активности оппозиции постоянно изменяются в ходе событий.

Очевидно, что иммиграционный дискурс оказывает влияние на все сферы общественной жизни, участвует в формировании новой мировой политики. Ввиду этого становится необходимым обратиться к рассмотрению дискурса иммиграции как коммуникативного дискурсивного пространства в процессе медиатизации контента в его связи с социальными условиями, идеологиями и отношением власти. Безусловно, предлагаемый анализ носит сугубо предварительный характер и может рассматриваться лишь как попытка приблизиться к решению поставленной задачи. Следует отметить, что полученные результаты, изложенные в статье, являются лишь частью проводимого исследования иммиграционного дискурса, охватывающего в диахронии период с 1999 по 2017 г., что позволяет проследить динамику его формирования. В статье на материале примеров политического дискурса, заимствованных из ведущего британского издания *Daily Mail*, проводится анализ содержания дискурса иммигрантов, выделяются его семантические особенности в новостных сообщениях британского издания при описании иммигрантов.

Критический дискурс-анализ как методология исследования английского иммиграционного дискурса

Дискурсивным исследованиям, позволяющим деконструировать схемы построения коммуникационных связей между политическими акторами, уделяется большое внимание как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Современные исследования политического дискурса развиваются в контексте характерного для современных социально-гуманитарных наук отказа от классических моделей анализа отношений доминирования и подчинения и фокусирования своего внимания на выявление дискурсивной организации властных отношений, т. е. на семиотико-языковом и прагматическом аспектах предмета исследования. Семиотические оппозиции *народ / власть, свои / чужие* в политической коммуникации, репрезентируемые на уровне политических терминов, идеологем, этнонимов, антропонимов и других языковых единиц, показаны в работе Е. И. Шейгал [15]. Исследования дискурса как «коммуникативного события, осуществляемого в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» посвящены работы В. Е. Чернявской, например [16, с. 143].

[1] Tunisia migrants prompt Italy 'humanitarian emergency' // BBC News. 12.02.2011. Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-europe-12441613 (дата обращения: 02.03.2018).

[2] Барановская М. ЕС признал, что Франция вправе останавливать поезда из Италии // DW. Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире. 18.04.2011. Режим доступа: https://p.dw.com/p/10voQ (дата обращения: 02.03.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

В работах В. И. Карасика [17; 18], В. Е. Чернявской [19], Л. В. Балашовой [20] акцент безусловным образом ставится на персуазивных функциях языка политики, т. е. контекст реализации политического текста трактуется как во многом производное от языкового содержания дискурса. Дискурсивной аналитикой в политических исследованиях занимаются и зарубежные лингвисты.

Вопросам изучения дискурса как формы социального взаимодействия, где власть, осуществляя свое господство в обществе, создает идентичности, посвящены труды таких лингвистов, как Н. Фэрклоу [21; 22], Р. Водак [21; 23], Т. ван Дейк [24], Э. Лакло и Ш. Муфф [25], Т. ван Лювен [26] и других представителей критического дискурс-анализа (КДА). Сторонники КДА основывают свои взгляды на трактовке политического дискурса как феномена, в котором его социальные, политические и культурные характеристики подчиняют себе языковые. Согласно Т. ван Дейку КДА направлен на «вскрытие» «способов злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства, которые реализуются, воспроизводятся и сталкиваются с сопротивлением в форме дискурса в социальном и политическом контекстах. Критический дискурс-анализ занимает открытую позицию и ориентирован на понимание, объяснение и, в конечном итоге, сопротивление социальному неравенству» [27, с. 112]. Исследование проблем иммигрантов во время социального взрыва в арабских странах 2011 г., получившего название Арабской весны, выполнено с позиций КДА с целью изучения особенностей конструирования дискурса иммиграции и идентификации его семантических особенностей в британских СМИ того времени.

Отношения между дискурсом и обществом довольно сложны. В работах сторонников современного КДА постулируется проблема использования языка как инструмента речевого воздействия, позволяющего власти осуществлять свое господство в обществе, при этом язык рассматривается как социальная практика, как социальный феномен, который тесным образом связан с механизмами отправления власти [28]. По мнению Н. Фэрклоу, «дискурс – это форма социальной практики... язык является частью общества. Во-вторых, язык – это социальный процесс. И, в-третьих, язык является социально обусловленным процессом» [29, p. 56]. Дискурс влияет на общество (т. е. на людей, которые живут в данном обществе), навязывая ему лингвистические поведенческие модели. В то же время он также структурирован обществом, поскольку на него оказывают влияние неязыковые аспекты жизни. С одной стороны, любое дискурсивное событие, текст, касающийся проблемы иммиграции, имеет социально структурированный порядок и подчинен четким правилам и нормам, ассоциированным с определенными социальными институтами. Дискурс иммиграции, будучи видом социальной практики, «структурируют социальные структуры и социальные практики, а также социальные агенты, люди, вовлеченные в социальные события» [30, p. 22]. Это позволяет, на наш взгляд, выяснить, как идеология, т. е. принятая в том или ином обществе система взглядов, ценностей и целеустановок, материализуется в языке по отношению к иммигрантам, воспроизводится и навязывается в означенном дискурсе.

С другой стороны, сами события и тексты политического дискурса иммиграции вносят свой вклад в изменения и укрепление существующих социальных отношений, влияют посредством семиотического кода на социальные структуры, навязывая всему, что представляет «определенную структуру ценностей, социальную и экономическую по своему происхождению» [31, p. 4], конструируют реальность согласно собственным образцам. Дискурс и социальный контекст являются взаимно конституирующими сущностями: дискурс конструирует социальную и политическую реальность, в то время как социальный контекст форматирует дискурс. Таким образом, речь идет о двувекторной связи «между знаками, значениями и социальными и историческими условиями, которые задают семиотическую структуру дискурса» [31, p. 5].

В настоящее время хорошо известно, что СМИ играют ключевую роль в структурировании мировоззрения людей. Они конструируют отношения, мнения и стереотипы, формируя, таким образом, восприятие людьми ситуации [29]. Потребление новостей – это ежедневная привычка миллиардов людей по всему миру. Новости транслируются по радио, телевидению, в Интернете, люди видят новостные заголовки даже тогда, когда они просто ходят по улице. Согласно Н. Фэрклоу, «регулярные порции "новостей", которые большинство людей получают ежедневно, являются важным фактором социального контроля, т. е. участия человека в формировании дискурса» [29, p. 50]. Мы можем сделать вывод о том, что новости играют жизненно важную роль в формировании современного общества. Чтобы понять происходящие процессы в сообществе, требуется проведение тщательного и всестороннего анализа новостного контента.

Отбор материала для исследования проводился методом сплошной выборки из электронной версии ведущего британского издания *Daily Mail*. Издание *Daily Mail* как источник информации было выбрано неслучайно: во-первых, новостные статьи издания доступны онлайн, во-вторых, они бесплатные, в-третьих, они популярны

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

среди значительной части аудитории: в среднем *Daily Mail* посещают 53 млн человек в месяц[3]. Следовательно, объем сведений, полученный из выбранного источника, является достаточным для всестороннего и полного понимания и объяснения особенностей иммиграционного дискурса того времени.

Лингвосемиотические средства, конструирующие дискурс иммиграции в англоязычной прессе

В настоящем исследовании мы выделим особенности конструирования дискурса иммигрантов в 2011 г. во время Арабской весны, выделим его семантические особенности в новостных сообщениях британского издания при описании иммигрантов. Выбор дискурса иммиграции в качестве объекта исследования неслучаен: в 2011 г. события в Италии, Греции, Испании и ряде других европейских стран стали основной темой, освещаемой в СМИ, и вызвали большой общественный резонанс.

Власти европейских стран оказались не готовы принять такое количество людей. В результате постоянно увеличивающегося числа мигрантов ситуация в Еврозоне начиная с марта 2011 г. стала выходить из-под контроля. Особенно это коснулось Италии, которая заявила о чрезвычайной ситуации гуманитарного характера (*humanitarian emergency*), когда 5526 мигрантов, согласно данным Агентства Европейского союза по безопасности внешних границ (*Frontex*) от 15.03.2011, прибыли на Пелагские острова в переполненных лодках:

– *The Italian government has declared* ***a humanitarian emergency*** *after nearly 3,000 migrants arrived in the country in the last few days*[4] (Итальянское правительство объявило в стране чрезвычайное положение гуманитарного характера после того, как в последние несколько дней в страну прибыло почти 3000 мигрантов[5]).

Изменение дискурса от просто чрезвычайной ситуации до чрезвычайной ситуации гуманитарного характера является доминирующим и весьма характерно для дискурсивных сдвигов в отношении миграции в информационном пространстве Европы того времени.

Анализ статей того периода свидетельствует о том, что иммиграция не рассматривается британскими изданиями как исключительно национальная проблема, а является частью общего социокультурного и языкового контекста всего европейского сообщества. Обращает на себя внимание тот факт, что вплоть до 2011 г. авторы газетных публикаций, представляя события только через призму правящей элиты, не признавали существование альтернативной точки зрения на проблему и в целом были едины в своих оценках по отношению к иммигрантам. Используя стратегию номинализации социальных акторов, они конструировали иммигрантов как угрозу, называя их незаконными (*illegal*), а их передвижение – как преступление, а не как вынужденную меру. Такое формирование и поддержание выгодного для властного блока общественного мнения в отношении иммигрантов как социальной проблемы послужило причиной возникновения социальной тревоги и «моральной паники». Чтобы предотвратить эту общественно сконструированную «непосредственную угрозу», население требовало вмешательства властей и принятие дополнительных мер по контролю иммиграции. Концептуализация иммигрантов как угрозы позволяет властным структурам добиться легитимации наиболее сложных или малопопулярных решений, влекущих существенные социально-экономические затраты для общества. Правящая элита под предлогом внезапной «угрозы» ужесточает законы и оправдывает принятия мер, которые при иных обстоятельствах не получили бы одобрения [32].

Несмотря на то, что в медийных текстах 2011 г. сохраняется конструирование иммиграции как угрозы, во время Арабской весны в анализируемых газетных публикациях отражается и сочувственный настрой в отношении к иммигрантам. Виктимизация иммигрантов присутствует в подавляющем большинстве статей и достигается путем портретирования иммигрантов беспомощными, отчаявшимися и бессильными жертвами контрабандистов, занимающихся незаконным ввозом и торговлей людьми. Торговля людьми уже давно представляла угрозу безопасности, но в 2011 г. это стало главной проблемой для всего европейского общества. В медийном пространстве иммигранты представляются несчастными людьми, вызывающими сочувствие. Встречаются и такие публикации, в которых иммигранты изображены героями, преодолевшими множество трудностей, связанных с тяжелыми переездами. Чтобы прокормить свои семьи, они вынуждены работать на износ и время от времени осуществлять денежные переводы своим семьям на родину. Об иммигрантах в исследуемых статьях говорится исключительно языком цифр и национальной принадлежности, никакой другой идентификации не производится. Отношение к ним сдержанное и политически корректное, в их адрес не высказываются словесные оскорбления.

[3] Ebizmba. Top 15 Most Popular News Websites. January 2019. Режим доступа: http://www.ebizmba.com/articles/news-websites (дата обращения: 24.02.2018).

[4] Tunisia migrants prompt Italy 'humanitarian emergency'…

[5] Здесь и далее по тексту перевод примеров осуществлен автором статьи.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

Несколько анализируемых статей начинаются с аргументированных дискуссий по вопросу экономической целесообразности и эффективности пограничного контроля и депортации. Однако лексема *депортация* в исследуемых статьях не упоминается. Вместо этого газеты повествуют о *репатриации* и *возвращении* в том смысле, что государства-члены ЕС оказывают помощь и координируют действия по возвращению незаконных мигрантов в страны, откуда они приехали. Язык и стиль изложения создает впечатление, что пограничный контроль, помещение в лагеря временного пребывания и депортация являются положительными мерами, которые проводятся в интересах самих иммигрантов:

– *The European Union's executive has proposed allowing* ***the reintroduction of national border controls*** *in exceptional circumstances, even though the development of a 'borderless' continent had long been hailed as a prime EU achievement*[6] (Руководство Европейского Союза предложило в исключительных случаях ***снова вводить пограничный контроль***, и это несмотря на то, что образование континента «без границ» уже давно преподносится как главное достижение ЕС).

– *Interior ministers agreed to combat immigration by pressing for 'readmission accords' with countries in the Middle East and North Africa to send refugees home*[7] (Министры внутренних дел договорились бороться с иммиграцией, продавливая «***соглашение о реадмиссии***» со странами Ближнего Востока и Северной Африки, чтобы отправить беженцев обратно).

Изложение материала с использованием узкоспециализированных терминов позволяет смягчить возможные обвинения в нарушении прав человека из-за ужесточения пограничного контроля. Действия властей часто оправдываются «чрезвычайной важностью», они преподносятся как «наиболее эффективные в создавшейся ситуации», «соответствующие», «прогнозируемые» и «рекомендованные и профессиональные». В статьях используется целый ряд технологических терминов и понятий для описания пограничного контроля и современных технологий слежения за иммигрантами с помощью высокотехнологичных систем наблюдения – «умных» камер, выкладываются карты маршрутов, операций и мест обнаружения иммигрантов. Такие средства визуализации, наряду с описаниями конкретных маршрутов, способствуют осуществлению эффективного контроля над иммиграционными процессами:

– *Finance Minister Claus Hjort Frederiksen said police and customs officials will use* ***border stations*** *for random checks on cars and passports, and increase the* ***use of scanners*** *designed to detect* ***illegal immigrants*** *hiding in vans*[8] (Министр финансов Клаус Хьорт Фредериксен заявил, что сотрудники полиции и таможни будут осуществлять на ***пограничных пунктах*** выборочные проверки автомобилей и паспортов и чаще ***использовать сканеры***, предназначенные для обнаружения ***незаконных иммигрантов***, скрывающихся в фургонах).

Издание, пытаясь смягчить любые проявления хаоса и кризиса, использует сдержанную административную риторику, которая позволяет не думать о возможных негативных последствиях процесса иммиграции. Аудиторию убеждают, что иммиграция существует, но находится под контролем. Кроме того, издание смягчает иллокутивное воздействие сообщений о возможных нарушениях прав человека или жестоком обращении, которые могут быть допущены в ходе контроля процесса иммиграции с целью снижения интенсивности их «побудительного заряда»:

– *The increased joint working by the UK Border Agency and the French Authorities at the northern French ports continues* ***to ensure the UK's border remains protected***[9] Возрастающая совместная деятельность Пограничного агентства Великобритании и французских властей в северных портах Франции позволяет ***обеспечивать защиту границ Великобритании***).

Обзор новостных текстов позволил проследить трансформацию дискурсивных практик, т. е. трансформацию позиции властных структур по отношению к иммигрантам: с одной стороны, наблюдается легитимация политического включения данного круга лиц как жертв политической ситуации, нуждающихся в защите. Практически каждая исследуемая статья содержит хотя бы одно предложение, в котором отражается сочувственный настрой в отношении этой группы людей. С другой стороны,

[6] EU in major U-turn as it says national border controls could be reintroduced // Daily Mail. 05.05.2011. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1383455/EU-major-U-turn-says-national-border-controls-reintro duced.html#ixzz59SXDR5rQ (дата обращения: 24.02.2018).

[7] EU countries scrap open borders to halt flood of Arab refugees // Daily Mail. 14.05.2011. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1386797/Is-Brussels-turn-Schengen-Switzerland-European-country-sugges t-reintroducing-border-controls.html#ixzz59SXboVwr (дата обращения: 24.02.2018).

[8] Denmark brings in strict border controls to crack down on illegal immigrants from North Africa // Daily Mail. 12.05.2011. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1386317/Denmark-brings-strict-border-controls-crack-illegal-immigrants-North-Africa.html#ixzz59SXyLFuR (дата обращения: 24.02.2018).

[9] Allen P. The Eurostar migrants: North African refugees mass at the Paris gateway to Britain as Sarkozy and Berlusconi row about open borders // Daily Mail. 27.04.2011. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1380706/Berlusconi-Sarkozy-row-North-African-migrants-refugees-mass-Paris-gateway.html#ixzz59SZVFHaH (дата обращения: 24.02.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

гуманизация и виктимизация иммигрантов выступают в качестве оправдания принимаемых мер по борьбе с «незаконной» иммиграцией и «гуманитарного спасения» граждан, находящихся в опасности, упоминаются высокие профессиональные стандарты соблюдения прав человека в культуре пограничников и гуманитарное «спасение» граждан, находящихся в опасности. Это типичный пример того, как гуманитарный дискурс выступает в качестве оправдания принимаемых мер по обеспечению безопасности и принятия конкретных шагов, направленных на совершенствование миграционных процессов и для оказания поддержки иммигрантам:

– *Coastguards and navy ships were today searching for as many as* ***270 illegal immigrants*** *feared to have drowned after their fishing boat capsized as they sailed towards Italy*[10] (Корабли береговой охраны и ВМС вели сегодня поиск порядка ***270 незаконных иммигрантов***, которые могли утонуть после того, как их рыбацкая лодка, плывущая в сторону Италии, опрокинулась).

– *A ship carrying* ***263 Afghan illegal immigrants*** *has sunk west of the island of Corfu. Rescuers* ***help illegal*** *immigrants to disembark from a cargo ship and search and rescue helicopters* ***looking for 22 people*** *who are missing*[11] (Судно, перевозившее ***263 афганских незаконных иммигрантов***, тонет к западу от острова Корфу. Спасатели ***помогают незаконным иммигрантам*** покинуть корабль, а ***поисково-спасательные*** вертолеты ***ищут 22 человека***, которые числятся без вести пропавшими).

Борьба с «незаконной» иммиграцией описывается как гуманитарная акция с целью «спасения жизней»: в статьях, как правило, сообщается число «спасенных жизней»:

– *On Sunday, Italian police rescued* ***98 immigrants, including five children****, from a sinking boat. 4 April 2011*[12] (В воскресенье итальянская полиция спасла ***98 иммигрантов, в том числе пятерых детей***, с тонущей лодки).

Поскольку издание делает акцент на торговле и незаконном ввозе людей, иммигрантов обычно называют «жертвами» этих преступников, и поэтому «выявленные» в ходе розыскных мероприятий иммигранты, находятся «под защитой»:

– ***Smugglers*** *charge about 1,000 ($1,400) per person for the trip in old fishing boats*[13] (***Контрабандисты*** берут с человека порядка 1000 ($1400) за поездку на старой рыбацкой лодке).

– *Some of the others in Paris* ***are illegal immigrants*** *who may pay people* ***smugglers*** *up to a £1,000-a-head to make the journey to Britain, where they can claim asylum or else disappear into the black economy*[14] (В Париже некоторые из них ***являются незаконными иммигрантами***, которые в состоянии заплатить ***контрабандистам*** до 1000 фунтов стерлингов за человека за их отправку в Великобританию, где они смогут попросить убежища или же раствориться в теневой экономике).

Обзор британского издания показал, что в репортажах *Daily Mail* в 2011 г. во время Арабской весны иммиграция представляется как нечто преступное и незаконное, при этом сами иммигранты изображаются в качестве жертв. Издание проводит различие между иммигрантами-жертвами и незаконными перевозчиками людей. Иммигранты не воспринимаются и не расцениваются негативно. Они истолковываются как люди, которым нужна помощь, поддержка и защита, как беспомощные, отчаявшиеся и бессильные жертвы контрабандистов. О торговцах людьми говорится как о безнравственных преступниках, изгоях общества, и по этой причине контроль и наблюдение за иммиграционным процессом (и де-факто иммигрантами) вполне оправданы.

Употребление узкоспециализированных технологических терминов и понятий ослабевает политическую подоплеку и делает политику контроля естественной и политически беспристрастной. По мнению издания, технологичные устройства, описываемые авторами статей, являются эгалитарными, экономически эффективными и никак не связаны с политикой. Основными семантическими особенностями дискурса иммиграции в новостных сообщениях британского издания являются использование менее политизированной терминологии, такой как, например, *анализ рисков* или *управление миграционными процессами*, репрезентация иммигрантов как жертв и использование «гуманитарных» концепций

[10] Pisa N. 270 African refugees missing after their boat breaks down in the Mediterranean // Daily Mail. 02.06.2011. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1393528/270-African-refugees-missing-boat-breaks-Mediterran ean.html#ixzz59SYfxXIB (дата обращения: 24.02.2018).

[11] 22 missing after ship carrying hundreds of suspected illegal immigrants sinks off Corfu // Daily Mail. 16.01.2011. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1347690/22-missing-ship-carrying-hundreds-suspected-illegal-immigrants-sinks-Corfu.html#ixzz59SYxSuGy (дата обращения: 24.02.2018).

[12] The climate of friendship is good: Silvio Berlusconi calls on Tunisia to stop illegal exodus // Daily Mail. 04.04.2011. Режим доступа: http://www.dailymail.co.uk/news/article-1373260/Silvio-Berlusconi-meets-Tunisias-Begi-Caid-Essebsi-stop-illegal-migrants-exodus.html#ixzz59SZst65w (дата обращения: 24.02.2018).

[13] Там же.

[14] Allen P. The Eurostar migrants…

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

при описании действий и целей властей, связанных с контролем иммиграции.

Проводимая властными структурами борьба с «незаконной» иммиграцией описывается как гуманитарная акция по «спасению жизней». Гуманитарный дискурс выступает в качестве оправдания принимаемых мер по обеспечению безопасности и принятия конкретных шагов, направленных на совершенствование миграционных процессов и для оказания поддержки иммигрантам. Таким образом, общественность убеждают в том, что существует серьезная проблема с обеспечением безопасности. Вместе с тем в статьях содержится посыл к тому, что любые действия следует проводить гуманно.

Заключение

Анализ дискурса иммиграции, идентификация его семантических особенностей представляются весьма продуктивными для оценки риторики иммиграционного дискурса начала XXI в., дают возможность выявить его характерные особенности и сделать выводы о том, что формировавшийся в Европе дискурс иммиграции стал последствием важнейших политических событий, привлекших к себе внимание всех мировых СМИ. Дискурсивное конструирование – это главная технология коммуникационного менеджмента, которую используют профессиональные «технологи дискурса» для формирования общественного мнения в интересах лиц, определяющих политику. СМИ в настоящее время стали одним из важнейших дискурсивных технологов в Европе в вопросах иммиграции, а потому являются постоянным объектом исследования представителей критического направления.

Литература

1. Van Dijk T. A. Racism and discourse in Spain and Latin America. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005. 198 p. DOI: https://doi.org/10.1075/dapsac.14
2. Van der Valk I. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France // Wodak R., Van Dijk T. A. (eds.) Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states. Klagenfurt: DRAVA-Verlag, 2000. P. 221–260.
3. Baker P., McEnery T. A corpus-based approach to discourses of refugees and asylum seekers in UN and newspaper texts // Journal of Language and Politics. 2005. Vol. 4. № 2. P. 197–226. DOI: https://doi.org/10.1075/jlp.4.2.04bak
4. Zuparic-Iljic D., Kuti S., Gregurović M. Attitudes towards Immigrant Workers and Asylum Seekers in Eastern Croatia: Dimensions, Determinants and Differences // Migracijske i etničke teme. 2016. № 1. P. 91–122. DOI: https://doi.org/10.11567/met.32.1.4
5. Zapata-Barrero R., Van Dijk T. A. (Eds.) Discursos sobre la inmigración en España: los medios de comunicación, los parlamentos y las administraciones. Barcelona, Spain: Fundación CIDOB, 2007. 272 p.
6. Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. Theorizing the "local turn" in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies // International Review of Administrative Sciences. 2017. Vol. 83. № 2. P. 241–246. DOI: https://doi.org/10.1177/0020852316688426
7. KhosraviNik M. Immigration Discourses and Critical Discourse Analysis: Dynamics of World Events and Immigration Representations in the British Press // C. Hart, P. Cap. (eds.) Contemporary Critical Discourse Studies. London; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2014. P. 501–519.
8. Malmqvist K. Satire, racist humour and the power of (un)laughter: On the restrained nature of Swedish online racist discourse targeting EU-migrants begging for money // Discourse & Society. 2015. Vol. 26. № 6. P. 733–753. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926515611792
9. McGlashan M. The Branding of European Nationalism: perpetuation and novelty in racist symbolism // Wodak R., Richardson J. E. (eds.) Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text. London: Routledge, 2013. P. 297–314.
10. Musolff A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor // Flottum K. (ed.) Speaking of Europe. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 135–150. DOI: https://doi.org/10.1075/dapsac.49.07mus
11. Mellouki S. The infusion of Islam into pluralistic politics: The need to explore the Islamist identity beyond ideological boundaries – The case of the Moroccan Party of Justice and Development // Discourse & Society. 2015. Vol. 26. № 6. P. 662–681. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926515592778

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

12. Strom M. Intersemiotic relationships in Spanish-language media in the United States: A critical analysis of the representation of ideology across verbal and visual modes // Discourse & Communication. 2015. Vol. 9. № 4. P. 487–508. DOI: https://doi.org/10.1177/1750481315576838
13. Toft A. Contesting the deviant other: Discursive strategies for the production of homeless subjectivities // Discourse & Society. 2014. Vol. 25. № 6. P. 783–809. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926514536839
14. Guzman A. L. Evolution of News Frames During the 2011 Egyptian Revolution: Critical Discourse Analysis of Fox News's and CNN's Framing of Protesters, Mubarak, and the Muslim Brotherhood // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2016. Vol. 93. № 1. P. 80–98. DOI: https://doi.org/10.1177/1077699015606677
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
16. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.
17. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2000. С. 25–33.
18. Карасик В. И. Адресатная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 32–49. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49
19. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2006. 130 с.
20. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой – чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 40–50.
21. Fairclough N., Mulderrig J., Wodak R. Critical Discourse Analysis // Van Dijk T. A. (ed.) Discourse Studies. A multidisciplinary Introduction. London: Sage, 2011. P. 357–378.
22. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. London: Routledge, 2015. 264 p.
23. Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology // Wodak R., Meyer M. (eds.) Methods of critical discourse analysis. 2nd ed. London: Sage, 2009. 204 p.
24. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis (new version) // Tannen D., Hamilton H., Schiffrin D. (eds.) Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. Vol. 1. P. 466–485.
25. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. London: Verso, 1985. xix, 195 p.
26. Van Leeuwen T. Three models of interdisciplinarity // Wodak R., Chilton P. (eds.) A new agenda in (critical) discourse analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 3–18. DOI: https://doi.org/10.1075/dapsac.13.04lee
27. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ. М.: Либроком, 2013. 344 с.
28. Матыцина М. С. Критический дискурс-анализ как методология исследования дискурса иммиграции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 2. С. 121–125.
29. Fairclough N. Language and power. N. Y.: Longman Inc., 1989. 259 p.
30. Fairclough N. Analysing Discourse. Textual analysis for social research. N. Y.: Routledge, 2003. 270 p.
31. Fowler R. Language in the news: discourse and ideology in the press. N. Y.: Routledge, 1991. 254 p.
32. Neal A. Securitization and risk at the EU border: the origins of FRONTEX // Journal of Common Market Studies. 2009. Vol. 47. № 2. P. 333–356.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

Immigration Discourse in the British Press: Peculiarities of Construction

Marina S. Matytsina [a, @, ID]

[a] Lipetsk State Technical University, 30, Moskovskaya St., Lipetsk, Russia, 398600
[@] lipmarina@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0001-6102-4397

Received 30.09.2018. Accepted 15.01.2019.

Abstract: The present research features immigration discourse published in the Daily Mail. The author believes immigration discourse to be a consequence of the so-called Arab Spring of 2011. The paper describes some peculiarities of the discourse related to the events of 2011, its semantic indicators, and some particular examples. According to the critical discourse analysis, discourse is a form of social interaction, which makes it possible to clarify how ideology sets the formatting rules of discourse and determines its content. The relevance of the study is due to the growing scientific interest to the phenomenon of political discourse and its various aspects. The research revealed non-politicized terminology that represents immigrants as helpless, desperate victims, who are described with the help of "humanitarian" concepts when it goes about immigration control measures. However, the humanization and victimization of immigrants act as a justification for the measures taken to combat "illegal" immigration and the "humanitarian rescue" of citizens in danger.

Keywords: critical discourse analysis, political discourse, immigration, social context, social practice

For citation: Matytsina M. S. Immigration Discourse in the British Press: Peculiarities of Construction. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 248–257. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

References

1. Van Dijk T. A. *Racism and discourse in Spain and Latin America*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2005, 198. DOI: https://doi.org/10.1075/dapsac.14
2. Van der Valk I. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France. *Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states*, eds. Wodak R., Van Dijk T. A. Klagenfurt: DRAVA-Verlag, 2000: 221–260.
3. Baker P., McEnery T. A corpus-based approach to discourses of refugees and asylum seekers in UN and newspaper texts. *Journal of Language and Politics*, 2005, 4(2): 197–226. DOI: https://doi.org/10.1075/jlp.4.2.04bak
4. Zuparic-Iljic D., Kuti S., Gregurović M. Attitudes towards Immigrant Workers and Asylum Seekers in Eastern Croatia: Dimensions, Determinants and Differences. *Migracijske i etničke teme*, 2016, (1): 91–122. DOI: https://doi.org/10.11567/met.32.1.4
5. Zapata-Barrero R., Van Dijk T. A. (eds) *Discursos sobre la inmigración en España: los medios de comunicación, los parlamentos y las administraciones*. Barcelona, Spain: Fundación CIDOB, 2007, 272.
6. Zapata-Barrero R., Caponio T., Scholten P. Theorizing the "local turn" in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies. *International Review of Administrative Sciences*, 2017, 83(2): 241–246. DOI: https://doi.org/10.1177/0020852316688426
7. KhosraviNik M. Immigration Discourses and Critical Discourse Analysis: Dynamics of World Events and Immigration Representations in the British Press. *Contemporary Critical Discourse Studies*, eds. Hart C., Cap P. London; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2014, 501–519.
8. Malmqvist K. Satire, racist humour and the power of (un)laughter: On the restrained nature of Swedish online racist discourse targeting EU-migrants begging for money. *Discourse & Society*, 2015, 26(6): 733–753. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926515611792
9. McGlashan M. The Branding of European Nationalism: perpetuation and novelty in racist symbolism. *Analysing Fascist Discourse: European Fascism in Talk and Text*, eds. Wodak R., Richardson J. E. London: Routledge, 2013, 297–314.
10. Musolff A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor. *Speaking of Europe*, ed. Flottum K. Amsterdam: John Benjamins, 2013, 135–150. DOI: https://doi.org/10.1075/dapsac.49.07mus

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-248–257

11. Mellouki S. The infusion of Islam into pluralistic politics: The need to explore the Islamist identity beyond ideological boundaries – The case of the Moroccan Party of Justice and Development. *Discourse & Society*, 2015, 26(6): 662–681. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926515592778
12. Strom M. Intersemiotic relationships in Spanish-language media in the United States: A critical analysis of the representation of ideology across verbal and visual modes. *Discourse & Communication*, 2015, 9(4): 487–508. DOI: https://doi.org/10.1177/1750481315576838
13. Toft A. Contesting the deviant other: Discursive strategies for the production of homeless subjectivities. *Discourse & Society*, 2014, 25(6): 783–809. DOI: https://doi.org/10.1177/0957926514536839
14. Guzman A. L. Evolution of News Frames During the 2011 Egyptian Revolution: Critical Discourse Analysis of Fox News's and CNN's Framing of Protesters, Mubarak, and the Muslim Brotherhood. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2016, 93(1): 80–98. DOI: https://doi.org/10.1177/1077699015606677
15. Sheygal E. I. *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis, 2004, 326. (In Russ.)
16. Chernyavskaya V. E. *Text linguistics: Poly-codedness, intertextuality, interdiscursiveness*. Moscow: Librokom, 2009, 248. (In Russ.)
17. Karasik V. I. *Institutional Discourse Structure. Speech communication issues*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2000, 25–33. (In Russ.)
18. Karasik V. I. Adresata specialization in public political discourse. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2018, 9(1): 32–49. (In Russ.) DOI: DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49
19. Chernyavskaya V. E. *Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence*. Moscow: Flinta, 2006, 130. (In Russ.)
20. Balashova L. V. Implementation of the concepts of "friend or foe" in Russian political discourse in the beginning of XXI century. *Political Linguistics*, 2014, (1): 40–50. (In Russ.)
21. Fairclough N., Mulderrig J., Wodak R. Critical Discourse Analysis. Discourse Studies. *A multidisciplinary Introduction*, ed. Van Dijk T. A. London: Sage, 2011, 357–378.
22. Fairclough N. *Language and Power.* 3rd ed. London: Routledge, 2015, 264.
23. Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology. *Methods of critical discourse analysis*, eds. Wodak R., Meyer M. 2nd ed. London: Sage, 2009, 204.
24. Van Dijk T. A. Critical Discourse Analysis (new version). *Handbook of Discourse Analysis*. eds. Tannen D., Hamilton H., Schiffrin D. 2nd ed. Chichester: Wiley Blackwell, 2015, vol. 1, 466–485.
25. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London: Verso, 1985, xix, 195.
26. Van Leeuwen T. Three models of interdisciplinarity. *A new agenda in (critical) discourse analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity,* eds. Wodak R., Chilton P. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 3–18. DOI: https://doi.org/10.1075/dapsac.13.04lee
27. Van Dejk T. A. *Discourse and power. Representation of dominance in language and communication*. Moscow: Librokom, 2013, 344. (In Russ.)
28. Matytsina M.S. Critical discourse analysis as the methodology of immigration discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia*, 2017, 23(2): 121–125. (In Russ.)
29. Fairclough N. *Language and power*. N. Y.: Longman Inc., 1989, 259.
30. Fairclough N. *Analysing Discourse. Textual analysis for social research*. N. Y.: Routledge, 2003, 270.
31. Fowler R. *Language in the news: discourse and ideology in the press*. N. Y.: Routledge, 1991, 254.
32. Neal A. Securitization and risk at the EU border: the origins of FRONTEX. *Journal of Common Market Studies,* 2009, 47(2): 333–356.

Вестник Кемеровского государственного университета, 2019, 21(1)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

оригинальная статья
УДК 811.161.1

Особенности функционирования предлога ПО в текстах научного стиля: значение *действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо*

Наталья Г. Наумова [a, @, ID]

[a] Вятский государственный университет, 610000, Россия, г. Киров, ул. Московская, 36
[@] aj-latan@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-4876-6019

Поступила в редакцию 28.10.2018. Принята к печати 28.11.2018.

Аннотация: Статья посвящена проблеме описания семантики предлога ПО. Являясь наиболее многозначным и наиболее употребительным предлогом современного русского языка, предлог ПО обнаруживает тенденцию к размыванию семантики, в связи с чем более глубокое рассмотрение данной проблемы представляется весьма актуальным. Нами проведен анализ справочной и научной литературы по данному вопросу, на основании которого была разработана оригинальная классификация значений предлога ПО. Она применена при анализе особенностей функционирования предлога ПО в текстах научного стиля. В статье представлены результаты семантического анализа и статистические подсчеты, согласно которым наиболее активно в научном стиле предлог ПО используется в значении обстоятельства образа действия *действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо.* В рамках этого значения выделен ряд смысловых оттенков: определяться на основании некоего параметра; действовать на основании неких данных, фактов; действовать в соответствии с определенным способом организации явления; действовать на основании чьей-либо воли (решения), желания; действовать в соответствии с некими официальными документами, процедурами; определяться в соответствии с неким способом наименования; определяться на основании некоего способа измерения. Проведенный анализ предоставляет материал для уточнения семантической структуры предлога ПО в рамках его функционирования в современном русском языке.

Ключевые слова: значения предлога ПО, семантика, смысловой оттенок, обстоятельственные отношения, функциональный стиль, активные процессы в современном русском языке

Для цитирования: Наумова Н. Г. Особенности функционирования предлога ПО в текстах научного стиля: значение *действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 258–269. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

1. Введение

В настоящей статье представлены результаты наблюдений над особенностями функционирования предлога ПО в текстах научного стиля в словосочетаниях с обстоятельственными отношениями. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена необходимостью изучить изменения в области функционирования предлога ПО, происходящие в русле современных языковых процессов. По словам В. В. Виноградова, «в современном языке намечаются новые, более отвлеченные способы применения предлогов, переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-синтаксические конструкции. Острее всего эти грамматические сдвиги дают себя знать в газетно-публицистических и научно-технических стилях современного русского языка. Характеристика этих процессов – смешения предлогов, изменения их функций, количественного роста предложных конструкций – должна быть предметом особого самостоятельного исследования» [1, с. 575].

2. Методы и материалы

Описание семантики предлога ПО проводится нами в соответствии с классификацией значений предлога ПО, которую мы разработали на основании анализа научной и справочной литературы, посвященной этому вопросу (см. подробнее [2–4]). В семантике предлога ПО мы выделяем следующие значения в рамках разного типа отношений:

I. Обстоятельственные отношения.

1. Значение места:

а) находиться на / действовать по поверхности чего-либо;

б) находиться / действовать по одному направлению, задаваемому чем-либо;

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

в) действовать, распространяться в ограниченных пределах;
г) находиться / действовать в разных направлениях / местах.
2. Значение образа действия:
а) действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо;
б) соответствовать чьему-либо мнению, чьей-либо теории;
в) совершать действие определенным способом, с помощью чего-либо.
3. Значение цели.
4. Значение времени:
а) Повторяющееся во времени действие.
б) Действие, происходящее в течение продолжительного периода.
в) Действие, осуществленное в определенное время.
г) Действие, длящееся до определенного времени.
д) Действие, осуществляемое после определенного момента.
5. Значение причины.
6. Значение количества.
7. Значение меры проявления действия или признака, достигшего определенного предела.
II. Объектные отношения.
1. Объект физического действия.
2. Объект как сфера распространения интеллектуального действия.
3. Объект горестного чувства.
III. Определительные (атрибутивные) отношения.
1. Характеристика кого-чего-либо по связи со сферой деятельности, областью знаний.
2. Характеристика людей по общности местонахождения, сферы деятельности, по родству и т. п.
IV. Ограничительные отношения (в рамках комплетивных).

Для анализа особенностей функционирования предлога ПО в текстах научного стиля мы взяли около 800 страниц формата А4 данного стиля. Мы обратились к текстам различных наук, чтобы выявить зависимость функционирования предлога ПО от специфики содержания текста. Были проанализированы фрагменты монографий, учебников, учебных пособий и научных статей по *гуманитарным наукам*: литературоведению, лингвистике, истории, философии; по *естественным наукам*: биологии, медицине и химии, физико-математическим наукам, экономике. В таблице 1 приведены данные по частотности употребления предлога ПО в текстах, созданных в рамках различных наук.

Таблица 1. Частотность употребления предлога ПО в сфере различных наук
Table 1. Frequency of use of the preposition "по" in various sciences

Наука	Количество страниц проанализированных текстов	Количество контекстов
Гуманитарные науки	**400**	**427**
Литературоведение	100	104
Лингвистика	100	145
История	100	129
Философия	100	49
Естественные науки	**400**	**384**
Биология	100	108
Медицина, химия	100	112
Физико-математические науки	100	74
Экономика	100	90
Всего	**800**	**811**

Как видим, внутри текстов научного стиля предлог ПО несколько чаще используется в гуманитарных науках (наиболее часто в сфере лингвистики и истории). Однако можно говорить о том, что в среднем предлог ПО встречается примерно с равной частотой в текстах, связанных с различными науками, следовательно, на уровне частотности не проявляет какой-либо специфики.

3. Результаты

Проанализировав каждый контекст с предлогом ПО (определив его значение) и произведя соответствующие подсчеты, мы получили следующие статистические данные (таблица 2).

На первом месте по частотности во всех научных областях находится значение I.2.а.: 293 контекста из 811 (36 %). Второе и третье места в разных науках занимают разные значения предлога ПО, однако в целом по научному стилю частотными оказываются значения III.1. – 131 контекст (16 %), I.2.б. – 114 контекстов (14 %), I.1.б. – 57 контекстов (7 %), IV. – 65 контекстов (8 %).

В данной статье опишем особенности функционирования предлога ПО в самом частотном в текстах научного стиля значении – в значении обстоятельства образа действия 1.2.а. *действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо.*

Это значение предлога ПО выделяется во всех рассмотренных нами справочных и научных работах.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

Таблица 2. Частотность употребления предлога ПО в различных значениях в текстах научного стиля
Table 2. Frequency of the use of the preposition "по" in different meanings in scientific texts

Значение	Всего контекстов*	Гуманитарные науки				Естественные науки			
		Литературоведение	Лингвистика	История	Философия	Биология	Медицина, химия	Физико-математические науки	Экономика
I.1.а.	**12**: 3 / 9	2	–	–	1	1	1	7	–
I.1.б.	**57**: 19 / 38	5	2	10	2	6	7	22	3
I.1.в.	**20**: 14 / 6	6	2	6	–	4	–	1	1
I.1.г.	**12**: 2 / 10	–	2	–	–	3	4	–	3
I.2.а.	**293**: 131 / 162	26	54	33	18	56	53	28	25
I.2.б.	**114**: 88 / 26	25	34	17	12	7	–	–	19
I.2.в.	**5**: 5 / 0	–	5	–	–	–	–	–	–
I.3.	–	–	–	–	–	–	–	–	–
I.4.а.	**1**: 1 / 0	–	–	1	–	–	–	–	–
I.4.б.	–	–	–	–	–	–	–	–	–
I.4.в.	**1**: 1 / 0	1	–	–	–	–	–	–	–
I.4.г.	**16**: 10 / 6	–	–	8	2	1	1	–	4
I.4.д.	**19**: 8 / 11	5	–	2	1	4	7	–	–
I.5.	**24**: 17 / 7	5	4	3	5	1	2	4	–
I.6.	**23**: 4 / 19	2	–	2	–	6	12	1	–
I.7.	–	–	–	–	–	–	–	–	–
II.1.	**10**: 10 / 0	1	–	9	–	–	–	–	–
II.2.	**4**: 3 / 1	1	1	1	–	–	1	–	–
II.3.	**1**: 1 / 0	–	–	1	–	–	–	–	–
III.1.	**131**: 82 / 49	16	31	30	5	7	14	4	24
III.2.	**3**: 3 / 0	3	–	–	–	–	–	–	–
IV.	**65**: 25 / 40	6	10	6	3	12	10	7	11
Всего	**811**	**104**	**145**	**129**	**49**	**108**	**112**	**74**	**90**

Прим.: * Всего контекстов: гуманитарные / естественные

Так, рассматриваемое значение отмечается в толковых словарях Д. Н. Ушакова[1], С. А. Кузнецова[2], МАС[3] и БАС[4]. Ср., напр., в БАС: «13. с дат. означает: в соответствие с чем-либо. *Одеваться по моде. Платить по счету. По правде жить. … по привычке*»; «15. на основании чего-либо. *По виду очень беден. Узнать по улыбке. По глазам вижу, лжешь. Постановка по пьесе. Судить по внешности. Жениться по любви*»; «с дат. употребляется при обозначении способа, приема называния: *называть по имени и отчеству*»[5].

РГ-80: «Главное слово – глагол (дат. п.), который называет действие и способ, обстоятельства его совершения,

[1] Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 3. С. 316–318

[2] Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. С. 847.

[3] Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. С. 148–150.

[4] Словарь современного литературного русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 10. С. 5–10.

[5] Там же.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

напр.: *поступать по традиции, считать по десяткам, узнать по глазам, отвечать по книге, действовать по инстанции…* может иметь оттенок значения соответствия, напр.: *поступать по закону* (т. е. в соответствии с законом), *действовать по инструкции, изучать по программе*»[6]; «отношения несоответствия признака (прил. + дат. п.) в словосочетаниях с отрицанием: *не по возрасту серьезный, не по росту длинный*»[7].

Л. Л. Иомдин: «значение I.7.1.: совершать действие X так, чтобы было соблюдено правило, требование или свойство Y: *Полет протекает по программе; Поступать по правде, по совести; по образу и подобию; одет по моде (по сезону, по погоде); обслуживать по очереди; по постановлению кабинета министров; по совету приятеля; по определению; по желанию; по договоренности; по суду; броситься по сигналу; 8 ч. 30 мин. по московскому времени*» [5, с. 106].

Д. Э. Розенталь: «(дат. п.) при указании на то, в соответствии с чем совершается действие: *Уехать по совету врачей; Уволиться по собственному желанию; Движение по графику; Играть по правилам*; при обозначении способа, характера действия: *Читать по слогам, сказать по секрету*; при указании на обстоятельства, при наличии которых совершается действие: *Одеваться по погоде*»[8].

В. С. Бондаренко: «с дат. п. – *делить по справедливости*» [6, с. 29].

Отметим, что в работах ряда исследователей по поводу данного значения говорится, что оно активно используется в современных конструкциях с предлогом ПО и выражает, по словам Л. К. Граудиной, «лишь самое общее указание отношения – ограничение той сферой, которая обозначена зависимым существительным… [при этом] остается неясным характер отношений между предметами»[9]. Н. Ю. Шведова отмечает «недифференцированность заложенного в построениях с *по* общего значения касательства, направленности, позволяющего использовать их в самых разнообразных случаях выражения определительности, без каких-либо внутренних, идущих от самой конструкции ограничений» [7, с. 40]. О размывании семантики предлога ПО также говорят В. В. Виноградов [1], Н. С. Валгина [8], М. Я. Гловинская [9], К. С. Горбачевич [10] и др.

Именно благодаря этой способности выразить общее отношение касательства, связав любое действие с областью любых явлений, данное значение предлога ПО и является самым частотным в рамках текстов научного стиля. Это значение относится к обстоятельственным отношениям и реализуется в конструкциях с главным словом – глаголом или отглагольным образованием (отглагольное существительное, причастие, деепричастие), управляющим существительным или местоимением в дательном падеже. Проанализировав собранный нами в рамках научного стиля языковой материал, мы выделили на основании семантики главных и зависимых слов тематические группы, выражающие более узкие смысловые оттенки в рамках рассматриваемого значения *общего касательства*. Данные группы мы расположили по убыванию количества входящих в них контекстов, выявив, таким образом, наиболее часто употребляемые смысловые оттенки рассматриваемого значения (таблица 3). В точных науках предлог ПО в данном значении не используется во всем разнообразии своих смысловых оттенков.

3.1. Определяться на основании некоего параметра

Как показали подсчеты, среди 293 контекстов с рассматриваемым значением I.2.а. практически половина – 131 (45 %) – имеет значение *определяться на основании некоего параметра*. Ср., напр.: *классифицировать по смыслу, различаться по уровню, превосходить по масштабам.* Причем данный оттенок в значении предлога ПО встречается чаще всего в текстах по биологии, лингвистике и несколько реже – по физико-математическим наукам, экономике. Это объясняется тем, что, видимо, в текстах именно этих наук чаще всего примеряется классификация, сопоставление, распределение по группам, определение предмета или явления по какому-либо параметру.

В конструкциях с данным значением в качестве главного слова выступает глагол или отглагольное образование (причастие, деепричастие, отглагольное существительное), обозначающее некую интеллектуальную операцию (анализ, классификацию, сравнение, определение и т. п.): *анализ, мониторинг, построить, составить, скорректировать; систематизировать, классификация* (2 раза), *классифицировать* (3), *группировать, подразделять, подразделяться, выделять, выделяться, разделять* (2), *разделение, производить разделение, делиться, разбить, распределение* (2), *разложить* (8), *разложение, раскладывать, дифференцироваться, дифференциация, отбираться, увязывать, включать, объединять, относить; соотнесение, сопоставить* (2), *сравнение, сравниться; совпадать* (4), *сближаться,*

[6] Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 161–162.

[7] Там же, с. 317–318.

[8] Розенталь Д. Э. Управление в русском языке: словарь-справочник. М.: АСТ, 1997. С. 255.

[9] Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М.: Наука, 2001. С. 58–59.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

Таблица 3. Смысловые оттенки в рамках значения I.2.a. *действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо*

Table 3. Semantic shades within the meaning of I.2.a. *act in accordance with something, on the basis of something*

Оттенки значения	Всего контекстов	Гуманитарные науки (количество контекстов)				Естественные науки (количество контекстов)			
		Литературоведение	Лингвистика	История	Философия	Биология	Медицина, химия	Физико-математические науки	Экономика
Определяться на основании некоего параметра	**131**	1	27	3	4	42	18	19	17
Действовать на основании неких данных, фактов	**65**	6	12	8	4	7	19	4	5
Действовать в соответствии с определенным способом организации явления	**48**	9	8	3	8	7	8	5	–
Действовать на основании чьей-либо воли (решения), желания	**21**	4	3	12	2	–	–	–	–
Действовать в соответствии с некими официальными документами, процедурами	**11**	–	2	6	–	–	–	–	3
Определяться в соответствии с неким способом наименования	**9**	6	1	1	–	–	–	–	1
Определяться на основании некоего способа измерения	**8**	–	1	–	–	–	8	–	–
Всего	**293**	**26**	**54**	**33**	**16**	**56**	**53**	**28**	**26**

приблизиться, приближаться; не попадание, различие (2), *различаться* (12), *отличаться* (5); *называть, определять* (2), *определяться* (4), *оцениваться, получать характеристику, трактовка, устанавливаться, судить* (2), *выявить, выявиться, ставить диагноз, отгадать, ограничить; превосходить* (4), *преобладать, падать, падение, отставать, отступление, занимать положение, изменение, развитие, не уступать; иметь, являться, бывать, происходить, отвечать (=соответствовать), синимизировать, интегрирование, согласовать.*

Все указанные операции производятся на неких основаниях (выражены зависимыми словами в дательном падеже), которые являются *критерием* (3) (*критериями* (4)), *показателями* (5), *признаком* (4) (*признаками*), *параметрами* (3) (*параметром*), *основаниями* (4), *характеристиками* (2). В основном это некие характеристики пространства, размера, формы, состава, структуры: *время, декады, место* (2), *территория, масштабы, размеры* (3), *диаметр, вертикаль, горизонталь, состав* (3), *среда, характер* (2), *форма* (3), *структура, порядок, количество* (2), *объем, уровень* (3) (*уровни* (2)), *направление* (2) (*направления*), *вектор, набор*, а также другие характеристики явлений: *разница, увеличение, распространенность, стоимость, смысл, значение, значимость, длительность, разнообразие, обилие, наличие* (3), *соотношение, обязательность, подобие, степень* (5), *качество, сила, возраст, пол; характеристики процессов: цели, задачи, результаты (результат), пункты, план, способ* (2), *факторы, предпосылки*. Основаниями выступают и конкретные объекты: *компоненты, элементы, объект* (2) (*объекты*), *антонимы, события, анамнез, базис* (8), *число, координата, угол, азот, фосфор, хромосомы, деревья, органы*.

Стоит отметить, что зависимые слова чаще используются в форме единственного (80 форм), реже – в форме множественного числа (43 формы).

Подчеркнем, что данный оттенок мы усматриваем в именных словосочетаниях, отношения в которых на первый взгляд носят атрибутивный характер, но в силу природы главного слова (отглагольного существительного) связаны со значением действия. Так, в словосочетании *различия по языку* определяются атрибутивные отношения, т. к. характеризуется некий предмет, но при

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

этом подразумевается действие *различать* и параметр, по которому это действие производится – *по языку*, следовательно, можно говорить и о наличии обстоятельственных отношений. Ср.: ***Распределения*** *ее* ***по хромосомам***[10]; ***Различия*** *прокариотических и эукариотических клеток* ***по наличию*** *гистонов* (там же, с. 39) и др.

Приведем некоторые примеры.

Литературоведение (1): *Кирилла и Мефодия часто* ***называют*** *«салунскими братьями» –* ***по месту*** *их рождения*[11].

Лингвистика (27): ***Систематизировав*** *информацию* ***по наличию*** *интенций, высказанных в тексте*[12]*; Не прибегая к* ***классификации*** *высказываний* ***по*** *их* ***смыслу*** (там же); *Знания* ***классифицируются*** *в современных когнитивных и психолингвистических исследованиях* ***по*** *самым разным* ***основаниям***[13]*; Феномены метаязыкового сознания* ***различаются по объекту*** *осознания…* *и* ***по уровню*** *осознания* (там же, с. 54); *Проводила психотехнический* ***мониторинг по пяти параметрам*** *базовых страт аудитории* (там же, с. 95); *Представляет собой* ***отступление*** *от нормы сразу* ***по двум критериям*** (там же, с. 106); *Возможность* ***соотнесения*** *или противоположения некоторых объектов* ***по*** *тому или иному* ***признаку***[14]; *Предложил* ***отгадать*** *слова* ***по*** *их* ***антонимам*** (там же, с. 36); ***Различаясь*** *в то же время* ***по степени*** *осознаваемости* (там же, с. 38); *Моделей, которые* ***различаются по*** *ставившимся* ***задачам*** (там же, с. 62) и др.

История (3): ***По объекту*** *исследования история* ***сближается*** *с социологией*[15]*; Культура же русских государств* ***по*** *многим* ***параметрам превосходила*** *Европейские аналоги* (там же, с. 71); ***Приблизилось по*** *своей* ***форме*** *и содержанию к восточной деспотии* (там же, с. 106).

Философия (4): *Существуют и* ***отличаются*** *от первых* ***по*** *своему* ***качеству***[16]*; Формы субъективного существования* ***различаются по степени*** *жесткости детерминации их поведения*[17]*;* ***По*** *своим физиологическим* ***характеристикам*** *обезьяна, конечно,* ***является животным*** (там же, с. 42); *Звеном, которое* ***по силе*** *своего воздействия на психику* ***не уступает*** *представлению* (там же, с. 56).

Биология (42): *Но* ***различающихся по уровню*** *морфофизиологической организации*[18]*;* ***Относили*** *живые существа к соответствующему роду и виду* ***по*** *их* ***подобию*** *друг другу* (там же, с. 11); ***Различающихся*** *как* ***по*** *общему* ***плану*** *строения тела…, так и* ***по времени*** *появления* (там же, с. 14); ***Определяется по*** *тому* ***месту*** (там же, с. 15); *З****анимающего по размерам*** *промежуточное* ***положение*** (там же, с. 19); ***Превосходит по диаметру*** *атом водорода* (там же, с. 19); ***Отбиралась по признаку*** *биологической полезности* (там же, с. 19–20); ***Различающихся по*** *химическому* ***составу*** (там же, с. 46); ***По среде*** *возникновения факторы* ***разделяют*** *на...*[19]*;* ***Разделяют по форме*** *воздействия на канцерогенные, мутагенные, тератогенные и др.* (там же, с. 232); ***Различающихся по структуре*** (там же, с. 238); *Фитомасса деревьев* ***определяется*** *преимущественно* ***по*** *молельным* ***деревьям***[20]*;* ***Группировали по органам*** (там же, с. 129); *О продуктивности растений* ***судили по*** *относительному* ***увеличению*** *биомассы* (там же, с. 129) и др.

Медицина, химия (18): *Достоверность различий* ***определяли по t-критерию*** *Стьюдента*[21]; ***По*** *соматическому и акушерскому* ***анамнезу*** *группы также* ***были сопоставимы*** (там же, с. 73); ***По*** *некоторым* ***параметрам не отличаются*** *от показателей* (там же, с. 73); *Достоверных* ***различий по концентрации*** *мочевины между 1-й и 2-й группами выявлено не было* (там же, с. 73);

[10] Биология / под ред. В. Н. Ярыгина. М.: Высшая школа, 2003. Кн. 1. С. 27.

[11] Батурова Т. К. Проблема святости в жизни и в литературе (ко Дню славянской письменности и культуры) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 4. С. 91.

[12] Дубровский Д. Тексты специальной прагматики (троллинг и пародия) как исследовательская проблема // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 4. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/96_nz_4_2014/article/11069/ (дата обращения: 15.10.2018).

[13] Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. С. 53.

[14] Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. С. 36.

[15] Семин В. П. Отечественная история. М.: Академический Проект, 2006. С. 16.

[16] Удальцов В. Г. К вопросу о системном в исторических явлениях // Вестник МГОУ. Серия Философские науки. 2014. № 1. С. 9.

[17] Философия / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. М.: Академический Проект; Трикста, 2004. С. 31.

[18] Биология / под ред. В. Н. Ярыгина… С. 9.

[19] Биология с основами экологии / под ред. проф. А. С. Лукаткина. М.: Академия, 2008. С. 232.

[20] Лебедев Е. В. Комплексный физиологический анализ таксационных данных фитомассы древостоев Pinus Sylvestris (Pinopsida: Pinaceae) на уровне организма в онтогенезе в европейской части России // Вестник ТвГУ. Серия: Биология и экология. 2015. № 1. С. 127.

[21] Шипицына Е. А., Пестряева Л. А., Путилова Н. В., Кинжалова С. В., Дерябина Е. Г. Первый триместр беременности: метаболические особенности адаптации в норме и при угрозе прерывания // РМЖ. Мать и дитя. 2017. Т. 25. № 2. С. 72–73.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

***Ставил диагнозы** ПР **по критериям** МКБ-10*[22]*; **По стоимости** тофацитиниб **сопоставим** с ГИБП*[23]*; **Скорректированный по возрасту** показатель заболеваемости*[24]*; **Снижение** тревожности **по компонентам** СТ и ЛТ*[25] и др.

Физико-математические науки (19): *Вектор, **совпадающий по направлению** с радиусом-вектором r*[26]*; Он **разложен по базису***[27]*; Получается **разложение по элементам** других строк и столбцов* (там же, с. 71); *Переход **происходит по критерию** М0*[28]*; Поле Hq **по порядку** величины **отвечает** полю перехода Фредерикса*[29]*; **Раскладывая**... функцию **по** малому **параметру**...,* имеем...[30] и др.

Экономика (17): *Были **построены** уравнения регрессии **по** исходным **факторам**, на главных компонентах, по панельным данным*[31]*; Районы... **выделяются по** природно-климатическим и ресурсным **предпосылкам**… , а также **по** достигнутым **уровням** социально-экономического развития*[32]*; Прогнозами долгосрочного **развития** страны **по** многим основным социально-экономическим **показателям*** (там же); *Стратегии рассмотренных субъектов **согласованы по** основным **направлениям*** (там же); ***Разделение** политики **по уровням***[33]*; **Классификация** угроз **по степени** их реального воздействия*[34]*; Продемонстрирована **динамика**... **по годам*** (там же, с. 18) и др.

3.2. Действовать на основании неких данных, фактов

На втором месте по частотности находится данный смысловой оттенок (65 из 293 контекстов – 22 %). Ср., напр.: *цитировать по изданию, определять по данным, судить по коэффициенту*. Чаще при утверждении чего-либо опираются на какие-либо данные в медицинских и химических науках и в лингвистике. В словосочетаниях с данным значением в качестве главного слова выступает лексическая единица со значением интеллектуального действия: *выявить* (5), *определять* (3), *видно* (2), *судить* (2), *проследить* (2), *вычисляться* (2), *вычисление, относить, сделать вывод, анализ, вызывать сомнение, провести анализ, корректироваться, разработать, колебаться, замыслить, прослеживаться, угадываться, догадываться*, а также с другими значениями: *уменьшаться, встретиться, жить, предшествовать, цитироваться, приводиться, можно сказать, деформироваться*.

В качестве оснований для умозаключений выступают как печатные источники информации, так и материально не проявленные феномены интеллектуальной сферы: *данные* (12), *результаты* (8), *материалы* (5), *определение* (5), *публикации* (3), *источники* (2), *классификация* (2), *аналогия* (2), *оценки* (2), *коэффициент* (2), *сочинения, документы, издания, работа, роман, каталог, дневник, контекст, искусство, практика, опыт, подсчеты, сообщение, проблематика, соображения, диагностика, сведения, легенда, показатели, параметры, обвинение, стрелка, формула*.

Отметим, что в ряде примеров опущено главное слово, которое легко восстанавливается (явление синтаксического сжатия): *Николай Михайлович Карамзин* V [представленный] ***по** его **сочинениям**, письмам и отзывам современников*[35]*; Пушкин* V [представленный] ***по документам** архива М. П. Погодина* (там же, с. 235); V [Цитируется] ***по публикации** [Залевская 1977]*[36]*; Спектакль Малого театра*

[22] Старостина Е. Г., Бобров А. Е., Александрова М. М. Виды и распространенность психических расстройств у больных акромегалией // РМЖ. 2017. Т. 25. № 1. С. 20.

[23] Олюнин Ю. А., Никишина Н. Ю. Ревматоидный артрит. Современные алгоритмы лечения // РМЖ. 2016. Т. 24. № 26. С. 1767.

[24] Иванова С. В., Карицкий А. П., Кулева С. А., Фасеева Н. Д. Клинико-эпидемиологический профиль подросткового рака: часть 1 // Medline.Ru. 2016. Т. 17. С. 8.

[25] Кузнецова И. В., Успенская Ю. Б., Борисова Н. И., Жукова Э. В., Бердникова Н. Г., Гусак Ю. К. Эффективность и безопасность применения сукцинат-содержащей композиции в качестве билогически активной добавки к пище у женщин в менопаузе // Medline.Ru. 2016. Т. 17. С. 39.

[26] Детлаф А. А., Яворский Б. М. Курс физики. М.: Академия, 2005. С. 15.

[27] Барвинке И. И. Математика. М., 2011. С. 39.

[28] Упырев В. В. Переход между регулярным и маховским отражениями косого скачка уплотнения // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 9-1. С. 23.

[29] Захлевных А. Н., Петров Д. А., Семенов Д. В. Бистабильные явления в коллоидной суспензии магнитных наночастиц в жидком кристалле // Вестник Пермского университета. Серия: Физика. 2015. № 2. С. 7.

[30] Макаров Д. В., Мандрыкин С. Д. Индуцированный магнитным полем ориентационный порядок в мягком ферронематике вблизи стенки // Вестник Пермского университета. Серия: Физика. 2015. № 2. С. 16.

[31] Беньковская Л. В. Статистическое изучение факторов риска производства зерна // Региональное развитие. 2015. № 5. Режим доступа: http://regrazvitie.ru/statisticheskoe-izuchenie-faktorov-riska-proizvodstva-zerna/ (дата обращения: 15.10.2018).

[32] Овсянникова Р. В., Шаркевич Е. А. Макрорегионы в системе стратегического планирования: идентификация объекта и современная практика целеполагания // Региональное развитие. 2015. № 5. Режим доступа: https://regrazvitie.ru/makroregiony-v-sisteme-strategicheskogo-planirovaniya-identifikatsiya-obekta-isovremennaya-praktika-tselepolaganiya/ (дата обращения: 15.10.2018).

[33] Мамаду Б., Турбина Н. М., Владимирова С. В. Место и роль налоговой политики в системе государственного регулирования // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 7. С. 8.

[34] Борзых Л. А. Мониторинг показателей экономической безопасности России в социальной сфере // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 7. С. 14.

[35] Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник» // Новое литературное обозрение. 2014. № 2. С. 235.

[36] Залевская А. А. Введение в психолингвистику… С. 32.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

«Князь Серебряный» [поставленный] ***по*** *одноименному* ***роману***[37]; *Сборник научных трудов* V [опубликованный] ***по материалам****... конференции*[38] и др.

Представим некоторые примеры.

Литературоведение (6): ***По легенде****, они* ***встретились*** *случайно*[39]; ***Цитируются по изданиям*** *1998–2012 гг.*[40]; *Это сегодня* ***видно по искусству*** *для детей*[41]; *Динамику отношений Бэлы с Печориным можно* ***проследить по тому****, как меняется выражение ее глаз*[42] и др.

Лингвистика (12): ***По результатам*** *исследований* ***был сделан вывод***[43]; ***По публикациям*** *разных лет* ***можно проследить*** *трактовку*[44]; ***Анализ*** *смысловых замен (подмен и приписок)* ***по материалам*** *экспериментов* (там же, с. 56); *Ряд публикаций последнего десятилетия,* ***по которым прослеживаются*** *некоторые пути «сращения»* (там же, с. 63); *О чем можно* ***судить по проблематике*** *симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации* (там же, с. 25); *Об этом приходится* ***догадываться по контексту*** (там же, с. 44) и др.

История (8): *Общая численность войска в случае крупномасштабной войны (****по*** *различным* ***источникам****) достигала 250 тыс.*[45]; ***По последним данным****… численность ливонского воинства не превышала 300–400 человек* (там же, с. 68); ***По подсчетам*** *различных историков* (там же, с. 104); ***По сообщениям*** *современников* (там же, с. 110); ***По некоторым оценкам****, в 90-е гг. XX в. в России у чуть ли не пятой части собственности ежегодно менялись владельцы*[46] и др.

Философия (4): *Необходимости* ***жить по опыту*** *всего того, что происходит в природе*[47]; *То, что* ***по определению предшествует*** *любым рационализациям* (там же, с. 462) и др.

Биология (7): ***Вызывает сомнения по*** *термодинамическим* ***соображениям***[48]; *Номенклатура таксонов* ***приводится по Catalogue*** *of Palaearctic Coleoptera*[49]; ***Проведение по*** *табличным* ***материалам****... анализа*[50]; ***Определяли по данным*** (там же, с. 129) и др.

Медицина, химия (19): ***По результатам*** *этого исследования* ***было выявлено***[51]; ***По*** *последним* ***данным***[52]; ***Судя по данным*** *анамнеза*[53]; ***По результатам*** *КТ головного мозга у 32 (25,8 %) человек из 124* ***выявлены*** *типичные ишемические изменения*[54]; *Он* ***был разработан*** *в начале 1990-х гг.* ***по материалам*** *ведения больных РА*[55]; ***Колебался по сведениям*** *различных исследователей*[56]; *У пациентов всех возрастных групп с опухолями Grade II* V [сделанным] ***по классификации*** *ВОЗ результаты лечения были хуже* (там же, с. 19) и др.

---

[37] Семин В. П. Отечественная история… С. 103.

[38] Денисова О. А. Особенности релаксационных процессов в нематических жидких кристаллах при сдвиговом воздействии // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 9-1. С. 13.

[39] Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник»… С. 223.

[40] Лобин А. М. История и революция в творчестве Б. Акунина (на материале цикла романов «Приключения Эраста Фандорина») // Вестник ВятГГУ. 2014. № 10. С. 149.

[41] Руднев П. Ломка инструментария: Как меняется современный русский театр // Октябрь. 2015. № 8. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/october/2015/8/27r.html (дата обращения: 15.10.2018).

[42] Пепеляева С. В. Рецепция «Святой ночи» А. Корреджо в повести Н. В. Кукольника «Антонио» // Вестник ВятГГУ. 2014. № 10. С. 154.

[43] Дубровский Д. Тексты специальной…

[44] Залевская А. А. Введение в психолингвистику… С. 19.

[45] Семин В. П. Отечественная история… С. 62.

[46] Макаренков М. В. Австрийско-российские экономические отношения после вступления Австрии в Европейский союз во второй половине 90-х годов XX века: состояние, проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2014. № 1. С. 86.

[47] Философия… С. 31.

[48] Биология / под ред. В. Н. Ярыгина… С. 22.

[49] Безбородов В. Г. Пластинчатоусые жуки (Coleoptera, Scarabaeoidea) Сихотэ-алинского государственного биосферного природного заповедника и сопредельных территорий (Приморский край, Россия) // Вестник ТвГУ. Серия: Биология и экология. 2015. № 1. С. 66.

[50] Лебедев Е. В. Комплексный физиологический анализ… С. 127.

[51] Шипицына Е. А. и др… С. 74.

[52] Древаль А. В., Барсуков И. А., Шестакова Т. П., Редькин Ю. А., Древаль О. А., Тайсумова М. В., Демина А. А. Помповая инсулинотерапия и непрерывное мониторирование гликемии: опыт клинической практики в рамках оказания высокотехнологичной медицинской помощи // РМЖ. Т. 25. 2017. № 1. С. 4.

[53] Старостина Е. Г. и др… С. 22.

[54] Кутькин Д. В., Бабанина Е. А., Шевцов Ю. А. Инсульт в бассейне левой средней мозговой артерии: соотношение речевых нарушений с вариантом инфаркта головного мозга // РМЖ. 2016. Т. 24. № 26. С. 1748.

[55] Олюнин Ю. А., Никишина Н. Ю. Ревматоидный артрит… С. 1766.

[56] Иванова С. В., Карицкий А. П., Кулева С. А., Фасеева Н. Д. Клинико-эпидемиологический профиль подросткового рака: часть 2 // Medline.Ru. 2016. Т. 17. С. 18.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

Физико-математические науки (4): *О материальной точке, которая* ***по*** *самому ее* ***определению не может*** *ни* ***деформироваться***[57]*; С помощью правила* ***вычисления*** *его* ***по формуле***[58]*; Сборник научных трудов* V [опубликованный] ***по материалам****... конференции*[59] и др.

Экономика (5): *Чистой прибыли акционерных обществ,* ***определенной по МСФО***[60]*;* ***По данным*** *международной* ***организации***[61]*; По данным РАН* (там же, с. 25) и др.

3.3. Действовать в соответствии с определенным способом организации явления

Данный смысловой оттенок находится по частотности на третьем месте в рамках значения I.2.а. (48 из 293 контекстов – 16 %). Ср., напр.: *составить по алфавитному принципу, провести мониторинг по методике, играть по правилам, осуществляться по модели*. Производимое действие может быть любым: *относиться, противостоять, составить, подтверждение, зависеть, быть каким-то* (2), *воевать, играть* (2), *проведение мониторинга, осуществляться* (2), *осуществлять, происходить* (2), *формироваться* (2), *сгруппировать, группировка, получать* (2), *украшать, развиваться, достигнуть, построить, определять, стать, отличаться, организовать* (2), *воспринимать, работать, развертывание, фиксация, подразделяться, обследование, лечить* (2), *повышать, делить, изготавливаться, построить, производиться*.

Способ, которым осуществляется данное действие, соотносится с неким *принципом* (9), *законом* (4) (*законами* (3)), *типом* (4), *методом, логикой* (3), *технологией* (3), *методикой* (2), *закономерностями* (2), *правилами* (2) (*правилом*), *моделями* (2), *планом* (2), *образом, формой, способом, стандартом, протоколом, программой, наукой, традицией, числом*.

Ср., напр.: ***По*** *своему художественному* ***методу*** *и философии «Пути небесные»* ***противостоят*** *«новому роману» экзистенциалистов*[62]*;* ***Составленная*** *не концептуально, а* ***по*** *алфавитному* ***принципу***[63]*; Лермонтов всегда* ***будет актуальным – по закону*** *отрицания отрицания* (там же); *Здесь* ***воюют по*** *всей безжалостной азиатской* ***науке***[64]*; Умение эти правила в пятнадцать минут объяснить и* ***играть по ним*** *до самого финала*[65]*; Проведение* ***мониторинга по*** *представленной* ***методике***[66]*; Синхронные изменения отличаются от диахронных тем, что регулярно* ***осуществляются по*** *готовым* ***моделям***[67]*; Изменения,* ***происходящие*** *внутри языка* ***по*** *его собственным* ***законам*** (там же, с. 71); ***Суверенные государства*** *Руси* ***по форме*** *политической власти*[68]*; Природа философского знания, которое стремится быть доказательным,* ***построенным по типу*** *естественнонаучного*[69]*;* ***Организованных по*** *завершенному системному* ***принципу*** *образов* (там же, с. 55); *Механизм фотосинтетической* ***фиксации*** *CO2* ***по типу*** *толстянковых*[70]*;* ***По закону*** *толерантности, лимитирующим фактором процветания вида* ***может быть*** (там же, с. 232); ***Осуществляли*** *посредством иммуноферментного анализа* ***по*** *общепринятым* ***методикам***[71]*; Проходили* ***обследование по*** *клиническому* ***стандарту***[72]*; Которые* ***производятся по*** *гомеопатической* ***технологии***[73]*;* ***Леченных по*** *взрослым* ***программам***[74]*; Образцы ТР состава* ***получали по*** *обычной*

[57] Детлаф А. А., Яворский Б. М. Курс физики… С. 19.

[58] Барвинке И. И. Математика… С. 68.

[59] Денисова О. А. Особенности релаксационных процессов… С. 13.

[60] Мамаду Б. и др… С. 11.

[61] Головачёв В. И., Рябых В. Н., Форофонтов С. А. Инновационная сфера как определяющий фактор качества экономического развития // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 7. С. 24.

[62] Строганова И. А. «Пути небесные» И. С. Шмелева: жанровый и стилевой синтез // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 3. С. 23.

[63] Кудрин О. Величие неактуальности // Октябрь. 2014. № 12. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/october/2014/12/19k.html (дата обращения: 15.10.2018).

[64] Лобин А. М. История и революция… С. 150.

[65] Руднев П. Ломка инструментария…

[66] Дубровский Д. Тексты специальной…

[67] Вепрева И. Т. Языковая рефлексия… С. 70.

[68] Залевская А. А. Введение в психолингвистику… С. 71.

[69] Философия… С. 6.

[70] Биология с основами экологии… С. 229.

[71] Лебедев С. Н., Слюсарь Н. Н., Шматко А. И. Характер изменений маркеров активации и апоптоза в сыворотке крови больных злокачественными новообразованиями языка и других локализаций // Вестник ТвГУ. Серия: Биология и экология. 2015. № 1. С. 46.

[72] Старостина Е. Г. и др… С. 20.

[73] Колосова Н. Г., Максимов М. Л. Оптимизация терапии острых респираторных инфекций // РМЖ. 2016. Т. 24. № 26. С. 1744.

[74] Иванова С. В. и др… Часть 2. С. 18.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

керамической технологии[75]*; Модуляция теплового потока* ***осуществляется по*** *ступенчатому закону*[76] и др.

3.4. Действовать на основании чьей-либо воли (решения), желания

Данный смысловой оттенок встречается реже (21 из 283 контекстов – 7 %). Ср., напр.: *получить по решению, прибыть по вызову, писать по желанию*. Главное слово является глаголом, обозначающим любое действие: *казнить* (2), *убить* (2), *включать, допустить, писать, проводить экспертизы, остановиться, сесть, получить, лишить, лишиться, жить, собираться, прибыть, использовать, избавиться, творить*. Зависимое слово имеет значение волеизъявления: *воля* (4), *приказ* (3), *желание* (2), *решение* (2), *свое усмотрение* (2), *заказ, выбор, распоряжение, завещание, настояние, указание, вызов*. Большая часть примеров встретилась в текстах по истории, т. к. значение решения правящих личностей в историческом процессе очевидно.

Ср., напр.: ***По совету*** *Пушкина*[77]*; Его* ***допустили по*** *специальному* ***распоряжению*** *императора* (там же, с. 226); *Которая часто* ***по заказу*** *правоохранительных органов* ***проводит экспертизы*** *по делам, связанным с разжиганием розни*[78]*;* ***Убитые по приказу*** *их сводного брата*[79]*;* ***По завещанию*** *Ярослава Мудрого его сыновья* ***сели*** *княжить* (там же, с. 51); ***По решению*** *Чингисхана он* ***получил*** *в наследство* (там же, с. 64); ***Был лишен*** *сана и брошен в темницу* ***по решению*** *Василия II* (там же, с. 86); *Бояре* ***живут по*** *своей* ***воле*** (там же, с. 97); ***Был убит по приказу*** *царя* (там же, с. 104); ***Использовать*** *агентуру на местах* ***по своему усмотрению***[80]*; Творят научные гипотезы и теории по своему собственному усмотрению*[81] и др.

3.5. Действовать в соответствии с некими официальными документами, процедурами

Ср., напр.: *возбудить дело по статье, работать по найму, конфисковать по закону*. В качестве зависимого слова в таких сочетаниях выступают слова *статья, наследство, право, закон, договор, найм, перемирие*.

Ср., напр.: *Было* ***возбуждено дело по статье*** *282 УК*[82]*; Земля крупного феодала, боярина, которая* ***переходила по наследству***[83]*;* ***Заняв по праву*** *старшего в роду Рюриковичей киевский престол* (там же, с. 56); *Происходили вышеуказанные назначения и замещения (даже* ***по наследству****)* (там же, с. 58); ***По*** *новым* ***законам*** *в руках великого хана* ***сосредоточилась*** *неограниченная власть* (там же, с. 61)*; Продукции* V [выпускаемой] ***по*** *лицензионным* ***договорам***[84]*;* ***Работая по найму*** *государственным служащим*[85]*;* ***По закону*** *земельный участок в любое время* ***может быть конфискован*** (там же, с. 76) и др.

3.6. Определяться на основании некоего способа измерения

Ср., напр.: *Уровень интолерантности* ***определяется…*** ***по шкале*** *формальной выраженности дискриминационных лозунгов*[86]*; Общая* ***оценка*** *здоровья больным (ООЗБ) в мм* ***по*** *100 мм визуальной аналоговой* ***шкале*** *(ВАШ)*[87]*; Скорость оседания эритроцитов (СОЭ)* V [определяемая] ***по Westergren*** *в мм/ч*. (там же, с. 1766); *Соответствующие ремиссии* [определяемые] ***по DAS28*** (там же, с. 1766) и др.

3.7. Определяться в соответствии с неким способом наименования

Ср.. напр.: ***Называние*** *царя* ***по имени*** *(«великий Петр») почти сразу заменяется многозначительным «он»*[88]*; Не* ***называемый по имени*** *создатель мира из небытия*

[75] Андрюшина И. Н., Андрюшин К. П., Резниченко Л. А. Диэлектрические свойства твёрдых растворов на основе титаната свинца для ультразвуковой дефектоскопии // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 9-1. С. 7.

[76] Колчанова Е. А., Колчанов Н. В. Возникновение конвекции в слоях жидкости и насыщенной пористой среды при периодической модуляции теплового потока // Вестник Пермского университета. Серия: Физика. 2015. № 2. С. 27.

[77] Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник» … С. 224.

[78] Дубровский Д. Тексты специальной …

[79] Семин В. П. Отечественная история … С. 41.

[80] Зорин А. Э. Сотрудничество разведывательных организаций США и Великобритании в годы Второй мировой войны // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2014. № 1. С. 76.

[81] Философия … С. 472.

[82] Дубровский Д. Тексты специальной …

[83] Семин В. П. Отечественная история … С. 34.

[84] Головачёв В. И. и др … С. 23.

[85] Курс экономической теории / под ред. М. Н. Чепурина, Е. А. Киселевой. Киров: АСА, 2001. С. 75.

[86] Дубровский Д. Тексты специальной …

[87] Олюнин Ю. А., Никишина Н. Ю. Ревматоидный артрит … С. 1766.

[88] Немировский И. Зачем был написан «Медный всадник» … С. 212.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

(там же, с. 215); *Роковая женщина* V [называемая] ***по кличке*** *Диана*[89]*; Террорист* V [называемый] ***по кличке*** *Дрозд* (там же, с. 152); *Большевик* V [называемый] ***по кличке*** *Дятел* (там же, с. 153); *Использует традиционное наименование двух первых периодов развития ПЛ* ***по именам*** *авторов центральных для этих периодов психолингвистических концепций*[90]*; Называется товаром Гиффена, по имени английского экономиста Р. Гиффена*[91] и др.

4. Выводы

Таким образом, проведенный анализ показал, что предлог ПО практически одинаково активно используется в текстах, связанных с различными науками, при этом наиболее часто он используется в значении *обстоятельства образа действия действовать в соответствии с чем-либо, на основании чего-либо*. Мы отметили некоторую стилистическую неравномерность использования предлога ПО в разных смысловых оттенках этого значения. Так, не все смысловые оттенки реализуются в точных науках. Наиболее яркий смысловой оттенок *определяться на основании некоего параметра* встречается чаще всего в текстах по биологии, лингвистике и несколько реже – по физико-математическим наукам, экономике. Второй по частотности оттенок *действовать на основании неких данных, фактов* чаще встречается в текстах медицинских и химических наук, а также в лингвистических. Остальные смысловые оттенки не так активны.

Проведенный анализ предоставляет материал для уточнения семантической структуры предлога ПО в рамках его функционирования в современном русском языке.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
2. Фен М., Наумова Н. Г. Значения предлога ПО в современном русском языке (по данным словарей) // Семантика. Функционирование. Текст. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 66–74.
3. Фен М. К проблеме описания семантики предлога ПО: пространственные отношения // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 3. С. 79–84.
4. Фен М., Наумова Н. Г. Объектные, определительные, ограничительные значения в семантике предлога ПО // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-5. С. 117–122.
5. Иомдин Л. Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М.: ВИНИТИ, 1991. С. 94–120.
6. Бондаренко В. С. Предлог в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1961. 163 с.
7. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском языке (словосочетание). М.: Просвещение, 1966. 156 с.
8. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 304 с.
9. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / ред. Земская Е. А. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 237–305.
10. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Л.: Просвещение, 1971. 269 с.

[89] Лобин А. М. История и революция… С. 150.

[90] Залевская А. А. Введение в психолингвистику… С. 17.

[91] Курс экономической теории… С. 93.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

Preposition "по" in Russian Scientific Texts in the Meaning "to Act in Accordance with Something, on the Basis of Something"

Natalja G. Naumova [a, @, ID]

[a] Vyatka State University, 36, Moskovskaya St., Kirov, Russia, 610000
[@] aj-latan@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-4876-6019

Received 28.10.2018. Accepted 28.11.2018.

Abstract: The paper describes the semantics of the preposition "по", which is the most ambiguous and common preposition of the modern Russian language. Thus, it reveals a tendency to blurred semantics, which makes a deeper consideration of this problem quite relevant. The author analyzed scientific literature on this issue and built a classification its meanings. The semantic analysis and statistical calculations were conducted in the basis of scientific texts. The preposition proved to be used mostly in the meaning of adverbial modifier of manner "to act in accordance with something, on the basis of something". Within this meaning, a number of semantic shades were highlighted: to be defined according to some parameter; act on the basis of certain data, facts; act in accordance with a certain way of organizing the phenomenon; act on the basis of someone's will (decision), desire; act in accordance with certain official documents and procedures; to be defined according to a certain naming method; to be defined on the basis of some measurement method. The analysis can improve the semantic structure of the preposition "по" in modern Russian.

Keywords: meanings of the preposition "по", semantics, shade of meaning, adverbial relations, functional language style, active processes in modern Russian

For citation: Naumova N. G. Preposition "по" in Russian Scientific Texts in the Meaning "to Act in Accordance with Something, on the Basis of Something". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 258–269. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-258–269

References

1. Vinogradov V. V. *The Russian language: the grammatical doctrine of the word*. Moscow: Vysshaia shkola, 1986, 639. (In Russ.)
2. Feng Min, Naumova N. G. Values of the preposition software in modern Russian (according to the dictionaries). *Semantics. Functioning. Text*. Kirov: Raduga-PRESS, 2015, 66–74. (In Russ.)
3. Feng Min. To the problem of description of the semantics of the preposition “по”: spatial relations. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 79–84. (In Russ.)
4. Feng Min, Naumova N. G. Object, definitive, restrictive values in the semantics of the preposition of software. *Sovremennye tendentsii razvitiia nauki i tekhnologii*, 2017, (3-5): 117–121. (In Russ.)
5. Iomdin L. L. A vocabulary article of the preposition PO. *Semiotics and Informatics. Iss. 32. Materials to the Integral Dictionary of the Modern Russian Literary Language (samples of vocabulary articles)*. Moscow: VINITI, 1991, 94–120. (In Russ.)
6. Bondarenko V. S. *A preposition in modern Russian*. Moscow: Uchpedgiz, 1961, 163. (In Russ.)
7. Shvedova N. Yu. *Active processes in modern Russian (word-combination)*. Moscow: Prosveshchenie, 1966, 156. (In Russ.)
8. Valgina N. S. *Active processes in modern Russian*. Moscow: Logos, 2001, 304. (In Russ.)
9. Glovinskaya M. Ya. Active processes in grammar (on the basis of innovation and mass errors). *Russian language of the end of the XX century (1985–1995)*, ed. E. A. Zemskaya. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 237–305. (In Russ.)
10. Gorbachevich K. S. *Changing the norms of the Russian literary language*. Leningrad: Prosveshchenie, 1971, 269. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

CC BY

оригинальная статья
УДК 811.581.11

Опыт построения модели этимологического анализа китайского иероглифического знака*

Наталья В. Терехова [a, @, ID]

[a] Иркутский государственный университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

[@] zabnata@yandex.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-1142-2829

Поступила в редакцию 22.11.2018. Принята к печати 28.01.2019.

Аннотация: В статье предпринимается попытка построения поэтапной модели этимологического анализа китайского иероглифического знака на основе использования логики игрового подхода, выраженной в сочетании установленных в отечественной и китайской лингвистике правил анализа китайских иероглифических знаков и индивидуальной исследовательской стратегии. К установленным правилам мы относим принципы верификации парадигмы китайского знака в соответствии с выделенными в китайской филологической науке этапами развития китайской письменности; грамматологический или структурно-семиотический анализ знака; семантический и идеосемантический анализ. Индивидуальную стратегию составляют комбинация и последовательность реализации исследовательских подходов; подбор лингвистических, культурологических и исторических источников верификации графо-семантических характеристик китайского знака; обоснование терминологии анализа. Представленная в статье терминология обосновывается посредством установления аналогии с подходами и терминами отечественной лингвистики, изучения опыта этимологизирования знака в китайской филологической науке. Авторская модель этимологического анализа китайского иероглифа состоит из нескольких этапов / видов этимологических реконструкций: формально-графического, фонетического, грамматологического или структурно-семиотического, семантического (в том числе идеосемантического). Построенная этимологическая модель апробирована на примере этимологизирования китайского иероглифического знака «повозка» 車 *чэ / цзюй*. Для данного иероглифа проведена верификация парадигмы графических вариантов знака, которые относятся к ранним этапам древнекитайской письменности *цзиньвэнь* 金文, *цзягувэнь* 甲骨文, *чжуаньти* 篆体; выделено графо-семантическое ядро знака; системно рассмотрен графический смыслообраз знака на основе верификации графо-семантических характеристик элементов знака; проведен семантический и идеосемантический анализ иероглифа с привлечением данных истории и археологии китайской материальной культуры. Таким образом, представлено комплексное исследование и описание этимологического значения знака.

Ключевые слова: моделирование, графический смыслообраз, графо-семантические характеристики, верификация, идеосемантика, базовая графическая форма

Для цитирования: Терехова Н. В. Опыт построения модели этимологического анализа китайского иероглифического знака // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 270–284. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

1. Введение

В отечественном китаеведении китайская письменность исследовалась в рамках структурно-семиотического или грамматологического подходов в работах В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, Ю. В. Бунакова, И. М. Ошанина, Я. А. Шера, А. Ф. Кондрашевского, О. М. Готлиба. В работах данных авторов впервые предпринимались попытки структурного анализа китайских иероглифов в сравнении с европейской морфологией, в строгом соответствии с концепцией выделения шести категорий китайских иероглифических знаков Сюй Шэня, либо в соотнесении с западной теорией знака Ч. Пирса. В диахронической перспективе проводились лингвокультурологические, структурно-функциональные исследования особенностей китайских иероглифических знаков. Однако практически не был представлен опыт актуализации и системного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00412 «Этимологии базовых знаков китайской письменности».

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

исследования этимологических значений китайских иероглифических знаков.

Китайские монографии и этимологические словари при описании знаков опираются на толкования, представленные в словаре Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы» (许慎 "说文解字"), кроме того, в них рассматривается парадигма развития графики знаков, варианты толкования иероглифов и их графических элементов. Однако в данных работах не прослеживается интегрального, целостного подхода к анализу китайского знака с точки зрения единых критериев, компонентов данного анализа, последовательности описания этапов развития графической формы знака, характера и качества привлекаемых для исследования письменных источников. Этимологический анализ отличается фрагментарностью, несистемным, непоследовательным использованием исследовательских лексикографических подходов и соответствующих источников верификации толкования графики знаков.

В данной статье для разработки и апробации модели этимологического анализа китайского иероглифического знака были выбраны метод моделирования и игровой подход. Метод моделирования позволил осуществить своего рода эксперимент, целью которого стало построение общей модели этимологического анализа китайского иероглифического знака с описанием серии структурных компонентов, этапов графо-семантической реконструкции, направленных на системное изучение и выявление этимологии знака.

Игровой подход, на наш взгляд, сможет отразить общую логику построения модели этимологического анализа китайского знака, которая предполагает сочетание установленных в науке правил изучения китайской письменности и разработку индивидуальной исследовательской стратегии. Построение данной модели осуществляется с учетом следующих ключевых положений:

1) этимологический анализ китайского иероглифа опирается на известные в лингвистике китайского языка правила грамматологического и семантического анализа, на выделенные этапы истории развития графики знаков китайского языка;

2) этимологизирование китайского иероглифа предполагает индивидуальный не предустановленный свободный выбор исследовательской стратегии, которая определяется уже в процессе этимологического анализа конкретного знака и зависит от характеристик его развития, объема и качества известной исследователю исходной информации о знаке. Изменение исследовательских подходов, использование дополнительной информации о знаке может привести к новым трактовкам этимологического значения знака (игра с неполной исходной информацией, с открытым результатом);

3) надежность результата этимологического анализа будет зависеть от степени системности тех условий, в которых возник данный китайский иероглифический знак, степени их учета при его изучении, также от того, насколько отчетливо прослеживается предыдущая и последующая траектории развития знака [1, с. 33–36].

Остановимся на базовых источниках нашего исследования.

1. Древнекитайский толковый словарь «Шо вэнь цзе цзы» (121 в. н. э.), в котором впервые в истории китайского языка было представлено системное исследование структуры и семантики китайских иероглифов [2, 页 57]. Однако, автору словаря, Сюй Шэню, жившему во II н. э., не были известны иероглифические знаки ранних периодов развития китайского письма *цзягувэнь* и *цзиньвэнь*, соответственно, его толкования основаны на поздней измененной графической форме знаков *биши* 笔势. Характер толкований Сюй Шэня показывает, что они сформулированы под влиянием социально-культурных, философских и идеологических взглядов эпохи династии Хань. Кроме того, Сюй Шэнь использовал активные значения знака *шии* 实义 для описания его графической формы, тем самым нарушая принцип первичности графики при толковании семантики знака. Указанные недостатки толкований иероглифических знаков в «Шо вэнь цзе цзы» требуют их пересмотра и верификации.

2. Словари, описывающие графику, графические элементы древнекитайских иероглифов и их толкования: Словарь китайский иероглифических знаков *цзягувэнь*[1], Словарь китайских иероглифических знаков *цзиньвэнь*[2], Пиктографический словарь китайских иероглифов[3], Этимология китайских иероглифов[4], Словарь слов

[1] 甲骨文字典. Режим доступа: http://images.gg-art.com/dictionary/oracleindex.php?section=14 (дата обращения: 22.08.2018) [Dictionary of Ancient Chinese Hieroglyphic Inscriptions on Bones and Turtle Shields (In Chin.)].

[2] 金文字典. Режим доступа: http://images.gg-art.com/dictionary/jin.php?page=723 (дата обращения: 22.08.2018) [Dictionary of the Ancient Chinese Hieroglyphic Inscription on the Inscription on the Bronze (In Chin.)].

[3] 象形字典. Режим доступа: http://vividict.com/ (дата обращения: 22.08.2018) [Dictionary of Pictographic Chinese Characters (In Chin.)].

[4] 字源. Режим доступа: http://hanziyuan.net/#home (дата обращения: 23.08.2018) [Dictionary of Chinese Etymology (In Chin.)].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

древнекитайского языка[5], Словарь этимологии китайских иероглифов[6].

3. Монографии китайских авторов по грамматологии китайской письменности, древнекитайской филологической науки *сюньгусюэ*, комментарии к словарю «Шо вэнь цзе цзы»: Лу Цзунда «Общие принципы древнекитайского словаря "Шо вэнь цзе цзы" ("Объяснение простых и толкование сложных знаков")», Ван Нин «Основы китайской традиционной филологии», Цзоу Сяоли «Этимология базовых знаков китайской письменности: современные толкования этимологических значений знаков в словаре "Объяснение простых и толкование сложных знаков"», Цюй Сигуй «Основы грамматологии китайской письменности» [2–6].

2. Терминология и методы этимологического анализа китайского иероглифа

2.1. Понятие графического смыслообраза иероглифического знака

Этимология (греч. ἐτυμολογία, от ἔτυμον – истина и λόγος – слово, учение) – 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов; 2) совокупность исследовательских приемов, направленных на раскрытие происхождения слова, а также сам результат этого раскрытия; 3) происхождение слова[7]. Этимология в узком смысле понимается как наука о первоначальном значении слова, наука о происхождении слова. Таким образом, традиционно центральной единицей анализа данной науки является слово. Слово, как и любой знак, обладает единством формы и содержания, поэтому в поисках его этимологии осуществляется анализ истории изменения его формальной (фонетический и морфологический критерии) и содержательной (семантический критерий) сторон. Если анализ содержательной стороны знака представляет собой некое универсальное семиотическое явление, то анализ его формальной стороны будет объективно зависеть от особенностей письменности определенного языка.

В китайской письменности идеографического типа в качестве первичной единицы анализа выступает графика иероглифического знака, история ее развития, выявление первичного иероглифа *бэньцзы* 本字, базовой графической формы знака *бии* 笔意, исследование структурных компонентов знака. *Бэньцзы* – знак, значение которого в силу каких-либо обстоятельств, в какую-либо эпоху закрепилось за иным фонетически схожим знаком. *Бии* указывает на наиболее ранние варианты некоего знака. На основе изучения данных аспектов осуществляется верификация наиболее ранних толкований семантики китайского иероглифа. При описании этимологического значения китайского иероглифа *бэньи* 本义 мы опираемся на два лингвистических принципа китайской филологической науки *сюньгусюэ*: принцип единства графической формы и значения *син* и *тун* и 形义统一, принцип описания этимологического значения иероглифа на основе изучения эволюции и структуры его графической формы *и син со и* 以形索义 [3, 页 39; 4, 页 4].

Для описания графо-семантических характеристик китайского иероглифического знака мы предлагаем использовать термин *графический смыслообраз иероглифического знака цзаои* 造意, который соотносится, по нашему мнению, в западноевропейской лингвистике с понятием внутренней формы слова. Как внутренняя форма слова делает его значение в той или иной степени мотивированным, так же и иероглиф проявляет свою мотивированность (логическую связь означаемого и означающего) через составляющие его графические элементы.

А. А. Потебня назвал внутреннюю форму «ближайшим этимологическим значением», которое создается живыми словообразовательными связями производного слова. «Дальнейшее этимологическое значение» – это самая ранняя из доступных для реконструкции мотивация корня слова. Внутренняя форма слова является способом выражения значения в слове [7, с. 45]. Значения слов могут быть одинаковыми, но способы их выражения – совершенно разными. О. И. Блинова трактует внутреннюю форму слова как «морфосемантическую структуру, позволяющую объяснить связь его звучания и значения» [8, с. 61]. Внутренняя форма (графический смыслообраз) иероглифа может рассматриваться как графо-семантическая структура, позволяющая объяснить связь его графики и значения, способ выражения значения в знаке, идеографический способ осмысления (концептуализации) объекта мира. Состав графических элементов иероглифа представляет группу образов либо единый образ, на которых основана этнокультурная номинация некоего явления посредством данного иероглифического знака.

Современная лингвокультурология подтверждает мысль В. Гумбольдта о том, что язык содержит в себе некую

[5] 古辞辩 / 王凤阳著. – 北京：中华书局: 2011. 页 234 [Dictionary of Ancient Chinese Words. Ed. Wang Fengyang. Beijing: Zhonghuashuju Press, 2011. P. 234 (In Chin.)].

[6] 汉字源流字典 / 谷衍奎编. – 北京：语义出版社: 2008. 页 71 [Dictionary of Etimology of Chinese Characters. Ed. Gu Yankui. Beijing: Yuyan chubanshe Press, 2008. P. 71 (In Chin.)].

[7] Этимология // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. Режим доступа: http://tapemark.narod.ru/les/596a.html (дата обращения: 21.10.2018).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

культурную информацию, т. е. образную интерпретацию денотативного, обусловленную спецификой этнической культуры. Динамика смыслообразов вполне коррелирует с исторической эволюцией языка как социокультурной системы [9, с. 23]. Тезис о воплощенности в слове образно-смысловой характеристики культуры получил свое обоснование в лингвокультурологии для описания элементов, составляющих внутреннюю форму слова, ранних синкретичных значений слова.

Внутренняя форма слова выступает как группа референтных образов, либо как целостный образ, который дает нам представление о глубинных истоках национальной культуры. Именно внутренняя форма слова, существующая в семантике конгломерата производных слов, является исторической памятью языка, тем, что Н. Б. Мечковская называла следом вчерашнего видения предмета, оттеняющим его сегодняшнее понимание. Смысловая значимость слова, воплощенная в образах, реализованных во внутренней форме языковых единиц, содержит в себе этнокультурные начала, которые человек воспринимает на неосознанном уровне [9, с. 22–23]. Синкретизм – одна из ключевых характеристик сознания человека, при синкретизме происходит слияние в едином образе слова (знака), понятия и предмета (вещи). В языке это проявляется в синкрете. Синкрета есть сложное понятие, представленное как образ, воплощенный в символе (языковом знаке) [10, с. 49].

Следует отметить, что термин *смыслообраз* впервые был использован в искусствоведении для описания двуединства зрительного образа и смысла данного образа в некоем художественном произведении. Смыслообраз есть символизированный смысл или образно и понятийно осмысленный символ. На наш взгляд, использование данной категории применительно к иероглифическому знаку тем более оправдано, что знаки древнекитайской письменности по своему написанию, построению и функционированию занимали положение, промежуточное между знаками письма в обычном понимании этого слова и памятниками изобразительного искусства. А. М. Карапетьянц предлагает разграничивать письмо и рисунок по следующим формальным признакам: форма знака (обилие деталей или обобщенная трактовка объекта; плоскостное или линейное изображение); длина надписи, в которой он встречается; особенности расположения в ней; форма и характер написания черт (одинаковая или разная толщина); характер изображения графических элементов (пустые или закрашенные плоскости, ограниченные чертами). Подробная детальная прорисовка графики иероглифа, плоскостное изображение, разная толщина иероглифа, закрашенные плоскости внутри знака могут свидетельствовать о том, что некоторые варианты знаков были рисунками. Кроме того, на целом ряде ранних иероглифов можно проследить их генетическую связь с определенными элементами орнамента на бронзовых сосудах [11, с. 55–58].

Если сравнить более позднее унифицированное древнекитайское письмо *сяочжуань* 小篆 с письмом, представленным на гадательных костях *цзягувэнь* (XIV–XI вв. до н. э.) и бронзовых сосудах *цзиньвэнь* (XIV–IV вв.), то становится ясно, что признаки, свойственные первому типу письма, не применимы для второго. В стилях *цзягувэнь* и *цзиньвэнь* указанного периода количество графических элементов практически не ограничено, каждый элемент имеет много вариантов написания, сложный по написанию иероглиф может быть вообще не разложим на составные элементы. Наблюдается очень много вариантов одного и того же иероглифа, что вызывается как обилием реализаций графических элементов, так и их различным расположением внутри иероглифа и даже их различным количеством и набором. Имеются случаи слитного написания двух или трех иероглифов, причем входящие в слияние иероглифы рассматриваются как графические элементы одного иероглифа [11, с. 57].

Древнекитайский иероглиф можно рассматривать как продукт примитивного творчества человека. Древние знаки в зависимости от своей формы различались между собой по сравнению с унифицированным иероглифом количеством информации, передавая соответственно больше или меньше существенных признаков объекта. Постепенное упрощение изображения говорит об унификации видения объекта, о четком выделении этого объекта из всех прочих по определенным критериям [11, с. 66].

К III в. н. э. в китайской письменности произошли качественные изменения, иероглифика приблизилась к языку и стала строиться на новых системных принципах, что проявилось в следующем:

1) в широком распространении заимствованных знаков *цзяцзе* 假借 (на основании фонетических характеристик выбирался имеющийся знак для означивания некой реалии);

2) в появлении ключей (ключи являлись семантическими детерминативами знака, также использовались для создания поисковой словарной системы китайского языка);

3) в появлении фонетиков (графических элементов иероглифов, указывающих на его приблизительное чтение);

4) в упрощении и стилизации написания знаков. Именно это время следует считать моментом окончательного разделения в Китае синкретического целого (древнего искусства) на изобразительное искусство и письмо.

Грамматологический или структурно-семиотический анализ китайского иероглифа позволяет выявить графосемантические связи между графическими элементами

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

иероглифического знака [5, 页 123]. Графический смыслообраз знака показывает, каким образом семантика знака визуализируется в его внешней форме, выражает этнокультурное понятие, идею о некоем предмете, явлении, реализованную в наглядном графическом образе. Изучение и описание компонентов графического смыслообраза знака является, по нашему мнению, одной из ключевых стратегий в этимологизировании иероглифа.

Ввиду того, что в древнекитайской письменности внутри выделенных исторических этапов (*цзягувэнь, цзиньвэнь*) довольно сложно построить хронологический ряд развития графической формы знака, мы считаем целесообразным описывать собирательный графический смыслообраз знака с учетом всей парадигмы наиболее ранних знаков, выделяя в нем условно инвариантную, постоянную, базовую графическую часть, встречающуюся в большинстве ранних знаков (графосемантическое ядро этимологизированного знака) и вариативные компоненты знака. Для системного описания этимологического значения иероглифического знака на основе анализа входящих в его состав графических элементов мы предлагаем по аналогии использовать метод построения семантического поля. В структуре семантического поля концепта обычно выделяют ядро, центр – единицы, выражающие общее значение, архисему, единицы с меньшим количеством дифференцированных признаков и периферию – единицы с более дифференцированными, специализированными значениями [12, с. 60]. При анализе древних графических форм знака вся парадигма ранней графики знака является графо-семантическим полем знака. В качестве ядра выступают более или менее постоянные графические элементы ранних вариантов знака, либо образуемый из них самостоятельный знак. Периферию будут представлять все знаки с дополнительными, вариативными компонентами иероглифа. Инвариантные и вариативные элементы наиболее ранних знаков в совокупности составляют собирательный графический смыслообраз иероглифа, связное последовательное толкование которого и представляет собой базовое этимологическое значение знака *бэньи*.

2.2. Идеосемантика китайского иероглифического знака

Связь идеи и знака является одним из ключевых принципов идеографического письма, поэтому помимо детального анализа графики знака важным аспектом в исследовании его этимологического значения выступает описание его этносемантических характеристик. Н. Я. Марр в своих работах раскрыл сущностные характеристики человеческого языка-мышления, показал, что каждой эпохе, каждой стадии развития человеческого общества соответствуют свои особые законы осознания и наречения предметов опыта. Формирование и развитие значения слова подчинено определенным принципам, отражающим закономерности осознания человеком предметов общественного опыта и практики в изменяющихся условиях хозяйства, быта, материальной культуры, мировоззрения. Семантика слова встает перед языковедом-историком в двух аспектах: с одной стороны, семантика как общеобязательный минимум смысловых функций, определяющий современное коммуникативное использование слова, это *малая семантика*, которую можно назвать также семантикой *сигнальной* или *технической*; с другой – семантика как сумма тех сопутствующих познавательных, эмоциональных, идеологических представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и настоящем, это *большая семантика* [13]. Для последнего, более широкого понимания семантики В. И. Абаев предложил в свое время термин *идеосемантика*.

Этимологический анализ вскрывает идеосемантику, которая показывает исторические реалии, мировоззрение человека на различных, часто весьма отдаленных этапах развития общества. Этимология предопределяет стилистику, идеосемантику слов [12]. Устанавливаемая идеосемантика, в свою очередь, уточняет этимологическое значение. Вскрывая идеосемантику слов, мы тем самым устанавливаем, каким путем шли познавательные усилия человека в момент осознания-наречения, а отсюда можем сделать известные выводы о том, в какую – более отдаленную или более близкую нам – эпоху происходило наречение и какие особенности человеческого мышления и мировоззрения этой эпохи отразились в данном наречении [13; 14, с. 22]. Активные, фактические значения слова хранят большие потенции вскрытия непрерывного действия этимологических связей. Случаи возрождения или оживления этимологии в языке называются реэтимологизацией слова [15, с. 181].

Исследование идеосемантики раннего иероглифического знака предполагает наряду с верификацией его графики, версий ее толкования изучение активных значений знака *шии*, представленных в древнекитайской литературе, изучение социально-культурологических, идеологических реалий, в которых тем или иным способом отражается семантика древнего иероглифа. Идеосемантическое содержание знака определяется не только тем, что он означает, но и тем, чему он противопоставляется (оппозиционная связь) и с чем ассоциируется (симпатическая связь).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

2.3. Модель этимологического анализа китайского иероглифа

Опираясь на описанные теоретико-методологические основания, мы полагаем, что модель этимологического анализа китайского иероглифа состоит из нескольких этапов / типов реконструкций: фонетического, формально-графического, грамматологического, семантического (в том числе идеосемантического). На этапе фонетической реконструкции осуществляется описание фонетического образа китайского знака на основе данных древнекитайских словарей. Целью формально-графической реконструкции является:

1) верификация разнописей *итицзы* 异体字 (использование разных иероглифических знаков с одинаковым чтением для одного и того же значения), заимствованных знаков *цзецзы* 借字 (в целях сокращения количества иероглифов заимствовался имеющийся знак со сходными фонетическими характеристиками для обозначения некой реалии); выявление первичного знака *бэньцзы* актуального в связи с тем, что при соотнесении графики заимствованного иероглифа и значения, для фиксации которого иероглиф заимствовался, невозможно установить их прямую корреляцию;

2) выявление всей парадигмы наиболее ранних графических форм знака *бэньцзы*;

3) на основе сравнительного анализа этимологических словарей, списков и конкордансов древнекитайской письменности верификация графики знака в соответствии с выделенными периодами развития китайской иероглифики.

Грамматологическая реконструкция позволит осуществить системную структурно-семантическую верификацию графических элементов ранних форм знака, создать целостное описание графического смыслообраза знака *цзаои*, включая анализ инвариантных (базовых) и вариативных графических элементов знака. Семантический анализ позволит раскрыть степень влияния первичных графо-семантических характеристик знака на его последующее развитие в китайском языке. В рамках семантического и идеосемантического анализа знака проводится исследование древнеисторических, социально-культурных реалий, отражающих смысловые характеристики древнего знака, осуществляется описание активных (фактических) значений знака *шии* в древнекитайской письменной литературе, синонимических и антонимических связей знака в древнекитайском языке. Данный анализ поможет уточнить этимологическое значение иероглифического знака. Таким образом, будет представлено целостное, системное исследование этимологии китайского иероглифа или этимологического гнезда иероглифа, включающее семантическую структуру древнего знака, а также социально-культурные представления, отражающие ее на этапе древней истории иероглифического знака.

3. Апробация модели этимологического анализа китайского иероглифа

Рассмотрим этимологию древнекитайского базового знака «повозка» *чэ / цзюй* 車 в соответствии с описанной моделью этимологического анализа китайского иероглифического знака.

1. Толкование знака «повозка» в словаре «Шо вэнь цзе цзы»: повозка *чэ / цзюй* – общее именование для транспортных средств с кузовом на колесах. Согласно преданию, повозка была изобретена во времена правления легендарного китайского правителя Ся Юя неким конюшим *чэчжэн* (чиновником, отвечающим за экипаж и платье) по имени Си Чжун. Пиктограмма. Все иероглифы, значение которых связано с колесным транспортом включают в состав знак «повозка» *чэ / цзюй*. (車 (車): 輿輪之總名.夏后時奚仲所造. 象形. 凡車之屬皆从車[8]).

2. Фонетический образ данного знака согласно древнекитайскому словарю «Толкование имен» (Шимин 釋名), в котором толкования значений представлены через звучания, трактуется следующим образом: «Звучание знака 車 подобно знаку 居 *jū цзюй*» (车. . . 声如居). В современном китайском языке для знака 車 принято чтение *chē чэ*.

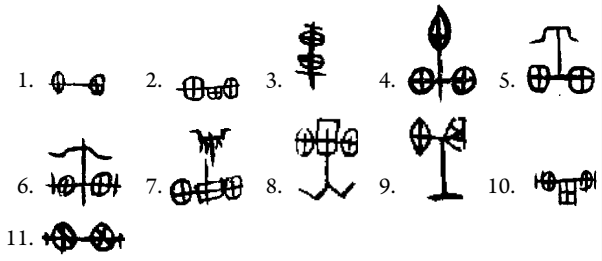
3. Формально-графическая реконструкция знака осуществлена с учетом данных следующих источников: Разъяснение сложных и толкование простых знаков, Словарь китайский иероглифических знаков *цзягувэнь*, Словарь китайский иероглифических знаков *цзиньвэнь*, Пиктографический словарь китайских иероглифов, Этимология китайских иероглифов. Кроме того, на первоначальном этапе выявляются заимствования *цзецзы* и разнописи *итицзы* знака: для знака *чэ / цзюй* 車 не были найдены, т. е. знак не использовался для наименования каких-либо других реалий, и для обозначения «повозки» в древнекитайском языке не использовались иные иероглифические знаки (рис. 1).

4. Грамматологический анализ знака. Знак *цзюй / чэ* 車 является пиктографическим. Пиктограмма – иконический знак, означающее которого, его форма непосредственно связаны с означаемым, денотатом [16, с. 52].

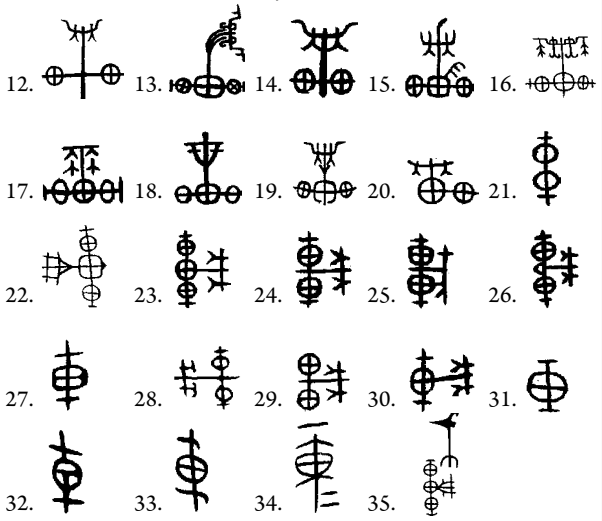
[8] 许慎. 说文解字. Режим доступа: https://ctext.org/shuo-wen-jie-zi (дата обращения: 20.08.2018). [Xu Shen. *Shuo wen jie zi*. Ancient Chinese Dictionary "Explication of Simple and Interpretation of Compound Characters" (In Chinese)].

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

Знак «повозка» в стиле *цзягувэнь*



Знак «повозка» в стиле *цзиньвэнь*



Знак «повозка» в стиле *дачжуань*

Знак «повозка» в стиле *сяочжуань*

Знак «повозка» в современном упрощенном варианте написания

56. 车

Рис. 1. Парадигма графических вариантов знака «повозка»
Fig. 1. Paradigm of graphic variants of the "cart" character

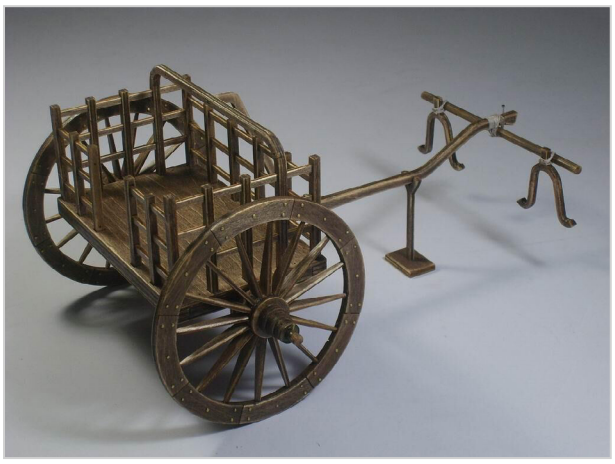


Рис. 2. Древнекитайская повозка
Fig. 2. Ancient Chinese cart

Отнесенность данного знака к пиктограммам означает, что обозначение любого типа повозки должно подразумевать изображение особенностей ее внешнего устройства (рис. 2). Пиктографический тип древнекитайского знака (*цзягувэнь, цзиньвэнь*) указывает на определенный подход к его графической форме: отсутствие унификации графических элементов знака, т. е. отсутствие как определенного значка для обозначения класса, к которому относится денотат, так и общепринятого способа обозначения его особенностей. Более того, даже выбор особенностей может быть произвольным [11, с. 59].

Иероглиф «повозка» на гадательных костях *цзягувэнь* (XVII–XI вв. до н. э.) имеет разные графические варианты (рис. 1, *1–11*), среди них к рисункам по формальным признакам можно отнести рисунок 1, *7*, на котором довольно детально зафиксированы все особенности повозки.

Постоянным графическим элементом для всех знаков *цзягувэнь* «повозка» являются два колеса, соединенных осью. Мы предлагаем рассматривать данный графический элемент знака в качестве инвариантной базовой графической формы знака, который соотносится с графо-семантическим ядром иероглифа *цзюй / чэ* 車 – «соединенные осью два колеса со спицами».

Вариативными графическими элементами знака являются: дышло поперек оси *юань* 轅 ; кузов на колесах *сян* 箱 или *юй* 輿 ; перекладина в начале дышла для запрягания лошадей *хэн* 衡 ; снабженная двумя «рогатками» *э* 軛 , игравшими роль хомутов; колесные втулки *гу* 轂; доска с решеткой для оси под кузовом повозки *футу* 伏兔. В некоторых вариантах знака ось с колесами и дополнительно прорисованными втулками изображалась вертикально (рис. 1, *3*), либо оглобля с перекладиной рисовались снизу (рис. 1, *8, 9*). В разных вариантах знака чередовались изображения дополнительных вышеперечисленных признаков повозки (кузов, дышло и т. д.).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

Графический смыслообраз знака реализован посредством перечисленных инвариантных и вариативных графических элементов знака: колеса *лунь* 輪 со спицами *фу* 輻, ось между ними *чжоу* 軸; дышло поперек нее *юань* 轅; кузов на колесах *сян* 箱 или *юй* 輿; перекладина в начале дышла для запрягания животных *хэн* 衡, снабженная двумя «рогатками» *э* 軛, игравшими роль хомутов; колесные втулки *гу* 轂; доска с решеткой для оси под кузовом повозки *футу* 伏兔 [16, 页 118][9]. Графический элемент «перекладина в начале дышла для запрягания лошадей *хэн* 衡, снабженная "рогатками" *э* 軛, игравшими роль хомутов» означает, что в повозку запрягали как минимум двух тягловых, сильных животных, например, лошадей или быков[10]. Дословный перевод китайского названия доски с решеткой для оси под кузовом повозки *футу* 伏兔 – «лежачий заяц», прямая мышца бедра – самая выпуклая часть мышц бедра на передней стороне, при растягивании ноги она имеет вид лежащего ничком зайца, отсюда и это название. Данная деталь повозки использовалась в функции подвески, снижающей вибрацию при езде, внешне представляла собой раму с поперечными перекладинами внутри нее. Амортизирующий элемент, на который подвешивалась площадка, напоминала строение указанной выше мышцы, поэтому так названа.

Для знака «повозка» базовым этимологическим значением *бэньи* 本义 является двухколесное (соединенные осью колеса состоят из спиц и колесной втулки) транспортное средство с дышлом, перекладиной на дышле ,снабженной хомутами для запрягания двух тягловых животных; кузовом; доской с решеткой на оси под кузовом повозки, выполняющей функции подвески.

Знаки на бронзовых сосудах *цзиньвэнь* (XI–VIII вв. до н. э.) (рис. 1, *12–35*) являются более детализированными и многообразными, что в большей степени характеризует их как рисунки, в них дополнительно детально прорисованы детали перекладины, хомутов, дышла, ограды вокруг кузова с входом сзади *ланьгань* 欄杆 (рис. 1, *19*). Отмечаем отсутствие унификации в изображении и расположении разных графических элементов знака, вплоть до их раздельного изображения и схематичного обозначения только одного колеса с осью и втулками (данный вариант знака был характерен для более позднего этапа эволюции китайской письменности – стиля *чжуаньти* 篆体: *дачжуань* 大篆 большая печать (VIII в. до н. э.), который представлен следующими вариантами (рис. 1, *36–54*), *сяочжуань* 小篆 малая печать (III в. до н. э.)) (рис. 1, *55*).

По версии «Пиктографического этимологического словаря», а также словаря Сюй Шэня «Толкование простых и сложных знаков» графический вариант знака «повозка» 轚 появился в эпоху *Чжоу* и записывался стилем *чжоувэнь* 籀文 до утверждения стиля *сяочжуань*. В данном варианте знака представлены слева две повозки, а справа – два копья на длинной рукоятке с поперечным лезвием, что толкуется как две военные повозки с прикрепленными к ним клевцом и трезубцем: 軧 и 軧.

Для знаков *чжуаньти* характерна тенденция к упрощению, символизации и схематизации изображения, в некоторых вариантах исчезает колесо (рис. 1, *36, 37, 51*), новое расположение элементов графики, в отдельных случаях частичное сохранение детализированной (рисуночной) графической формы предыдущих этапов (рис. 1, *40, 41, 47–50*). В «Шо вэнь цзе цзы» представлен графический вариант знака сяочжуань «повозка» 車 (рис. 1, 55), который также указан в иероглифических списках знаков *цзиньвэнь* (рис. 1, *27*), неполную аналогию можно заметить и со знаками *цзягувэнь* (рис. 1, *1, 3*). В письменном стиле *лишу* при династии Хань знак «повозка» стал писаться 車, круглое колесо превратилось в квадрат. В результате реформы по упрощению китайских иероглифических знаков 1956 г. знак «повозка» стал записываться 车 (дореформенный знак 車). Данная современная графика полностью утратила связь с базовой графической формой знака и ее вариантами.

5. Идеосемантический анализ. Знак «повозка» *чэ / цзюй* в гадательных надписях *цзягувэнь* использовался в значении топонима, антропонима. Большой словарь китайских древних и современных географических названий передает 38 наименований, начинающихся с *чэ / цзюй* 車, а реестр топонимов Китая – 40, причем некоторые из них обозначают больше, чем одно место: например, горы Чэгайшань 車蓋山 имеются в Чжэцзяне и Аньхое, существуют четыре местности с названием Чэтянь 車田. Словарь имен приводит 32 человека с фамилией Чэ / Цзюй 車 [17, с. 501].

Колесницы впервые стали применяться предками древних китайцев в эпоху Шан-Инь, приблизительно в XIV–XII вв. до н. э. По данным археологии в марте-апреле 1972 г. в Сяоминьтуни, одном из составных элементов комплекса шан-иньской столицы (XIV/XIII–XII/XI вв. до н. э.) было расчищено захоронение с повозкой и лошадьми «яма с повозкой и лошадьми» *чэмакэн* 車馬坑. В ней находились повозка, скелет мужчины и костяки двух лошадей. До этого такие же ямы находили в деревне Дасыкуньцунь

[9] Dictionary of Pictographic Chinese… ; Dictionary of Etimology of Chinese...

[10] Dictionary of Ancient Chinese Words… Dictionary of Etimology of Chinese…

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

в 1953 г. (рис. 3, *a*) и две в Сяоминьтуни в 1958, 1959 гг. (рис. 3, *b*). Находка представляет типичный экипаж китайской древности. Это была двуколка с упряжкой из двух лошадей, управлявшаяся одним человеком. Скорее всего, парная упряжка была нормой для шан-иньского времени, поскольку именно она чаще всего встречается в открываемых археологами захоронениях. Даже если в *чэмакэнах* попадаются костяки четырех лошадей, исследование креплений и перекладины *хэнжэнь* 衡任 позволяет предположить, что основной тягловой силой являлась пара лошадей. Ее открытый почти прямоугольный кузов состоял из основания – рамы и платформы – дна кузова, которое находилось в месте соединения дышла с осью колес. Она была огорожена перилами, с входным проемом с задней стороны. Дышло было закреплено поверх оси, его конец выглядывал из-под кузова и завершался бронзовым наконечником. На концах перекладины прикреплены хомуты – рогатки для впрягания лошадей. Сопроводительный инвентарь свидетельствует, что это была не военная колесница, а выездной экипаж [17, с. 542–545].

Колесница в Китае появилась внезапно; ей не предшествовали какие-либо местные формы колесного транспорта, аналоги древнекитайской колесницы находят в ближневосточном и средиземноморских центрах древних цивилизаций [18, с. 27]. Большой интерес представляют находки петроглифов с изображениями колесниц в Гоби и Туве, очень напоминающие иньскую повозку [19, с. 264]. Чжоусцы заимствовали колесницу у иньцев, известные по археологическим раскопкам примеры полностью

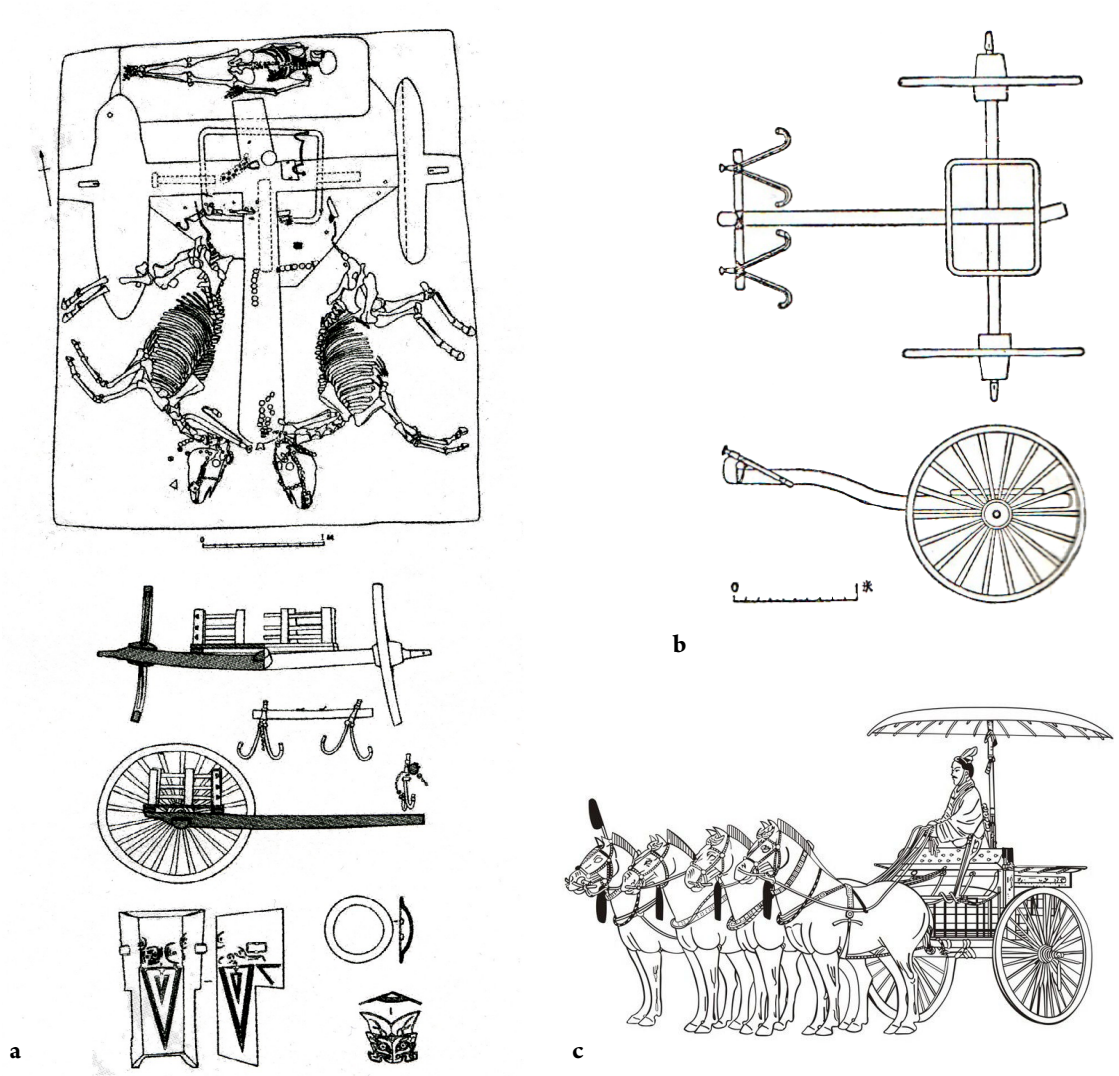


Рис. 3. Китайская традиционная повозка эпохи Шан-Инь, Чжоу: a) план «ямы с повозкой и лошадьми», найденный в деревне Дасыкуньцунь; b) детали повозки, найденные в Сяоминьтуни; c) колесница эпохи Шан-Инь, Чжоу
Fig. 3. Chinese traditional cart of Shang-Yin epoch (Zhou): a) a lay-out of a "pit with a cart and horses" found in the village of Dasykuntsun; b) carriage details found in Xiaomin Tung; c) the chariot of the era of Shang-Yin, Zhou

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

совпадают с иньскими аналогами. В эпохи Инь, Чжоу на колесницах ездили стоя (рис. 3, *с*).

Колесница / повозка не была всеобщим средством передвижения, обладание ею в Китае периода Шан-Инь носило классовый характер, преимущественно использовалась аристократами. Пример: в день *цзя-у* правитель отправился загонять носорога. Колесница и лошади *сяочэня Е* (*сяочэнь* 小臣 – крупный чиновник, второй после правителя) налетела на камень. Цзы-ян, который управлял колесницей, тоже упал на землю [20, с. 55].

Знак «повозка» довольно часто появлялся в инскрипциях на бронзе. В Конкорданции знаков инскрипций на бронзовых изделиях приводятся названия 45 бронзовых изделий, а Индекс, вышедший всего шестнадцатью годами позже, цитирует уже 78 надписей. Любопытно отметить, что среди них есть немало таких, в которых знак *чэ / цзюй* 車 появляется в самих названиях сосудов *Май-цзюй ю* 買車卣, *Цзо-цзюй гуй* 作車簋, *Цзюй дин* 車鼎 [17, с. 501].

В эпоху Западного Чжоу повозки / колесницы служили предметом государственного акта дарения. Его значимость заключалась не только в материальной ценности даруемых вещей, но и в политическом, сакральном и престижном восприятии данного действия. Пример инскрипции на бронзовом сосуде *Сяочэнь чжай гуй* 小臣宅簋 (Зап. Чжоу XI в. до н. э.): «В пятую луну, в день *жэньчэнь* (29-й день цикла) Тун-гун находился в Фэн. [Он] приказал [человеку по имени] Чжай служить Бо Мао-фу. Бо подарил *сяочэню* Чжао расписанный рисунками щит *хуа гань* 畫干, клевец, трехгранное копье *цю* 戈, боевую секиру *ян* 鍚, украшенную металлом повозку *цзиньчэ* 金車 и лошадей к ней. [Чжай] поблагодарил князя Бо за [оказанную ему] милость. По этому случаю [он] изготовил жертвенный сосуд [в честь своего предка] *И-гуна* 乙公尊彝. [Его] дети и внуки будут вечно [хранить его] (сосуд) как драгоценность. Они вечно, [в течение] десяти тысяч лет будут откликаться [на призывы] Правителя поступить [на службу] или уйти [с нее]» [17, с. 503–504]. О том, что колесница / повозка была престижным предметом дарения подданным за определенные заслуги, упоминается в словаре Цзоу Сяоли, однако автор указывает на сюжет о легендарном императоре Хуанди 皇帝 как на исторический факт: «Повозка была впервые изобретена императором Хуанди. Во времена правления Хуанди осуществляли награждение экипажем и платьем, [что означало милость правителя] *цзюйфу* 車服, отсюда произошло второе имя императора Хуанди Сюаньюань 軒轅 "высокие борта колесницы и оглобля" – образное выражение, которое означает "алтарь отечества", "родоначальник китайской нации"» [5, с. 118].

В Древнем Китае существовал специальный вид колесниц – *тяньцзюй* 甸車, охотничьих, крепких и в то же время относительно легких, чтобы быстро передвигаться по пересеченной местности и «без труда» взбираться «на … холм большой» в погоне за «бегущими стадами». При этом они должны были нести на себе по меньшей мере двух человек: возничего и охотника, а на обратном пути еще, вероятно, и добычу. Важная роль охоты в древнекитайском обществе определила производство специализированных повозок. В отдельных видах охоты (Охота четырех времен года 四时之田) колесницы, возможно, были частью культовых действий [17, с. 508]. Отрывок из стихотворения «Крепки наши колесницы» (Цзюй гун 車攻) «Книги стихов» (Ши цзин 诗经) в переводе А. Штукина: «Колесницы наши охотничьи прочны и крепки, наши кони подобраны, равно сильны и легки». Отрывок из стихотворения «Счастливый день» (Цзи жи 吉日) в переводе А. Штукина: «Счастливым днем был моу, и молиться коней защите начали тогда. Охотничьи прекрасны колесницы, крепки в четверке кони, без труда на этот холм большой она стремиться, преследуя бегущие стада» [21, с. 127, 229].

Колесницы были основной ударной силой чжоуской армии, обладали высоким военно-политическим значением и стоимостью, поэтому были предметом особой заботы и охраны. Отрывки из инскрипции на сосуде IX в. до н. э. *Бу-ци гуй* 不其簋: «Я (Правитель) приказываю тебе гнать врага в сторону Ло. Сразись с *сяньюнь* 玁狁 на наших колесницах в Гаолине. <…> Используя мои *колесницы* 車, ты безудержно гони *сяньюней* 玁狁 вплоть до Гаолина. <…> Только сделай одолжение, не попади в беду с моими колесницами…» [20, с. 84]. Кузов повозки *сян* 箱 или *юй* 輿 выполнял защитную функцию, находясь в кузове, воин мог спастись во время атаки. Одни из первых повозок *чэ / цзюй* были созданы в военных целях, блестяще выполняли функцию защиты и нападения во время построения пехоты в военном порядке. В сражениях в повозки запрягали быков или лошадей, военные повозки позволяли осуществлять стремительное нападение, либо отступление. Солдаты, сидя на повозке и держа в руках трезубцы или клевцы, могли с высоты атаковать пехоту неприятеля. Вплоть до эпохи Весен и Осеней Чуньцю, Сражающихся царств военные повозки играли ключевую роль для исхода сражения. Активное использование повозок в сражениях

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

способствовало их быстрой адаптации для мирной жизни в качестве транспортного средства[11].

Повозки в Древнем Китае были довольно широко распространены, и для их изготовления и ремонта существовали ремесленные центры. Об этом косвенно свидетельствует появление в IV в. до н. э. специального трактата «Записи о изучении ремесел» (Као-гун цзи 考工記), в котором мастерам, производившим повозки, кроме фрагментов в «Общем введении», отведены семь разделов: *луньжэнь* 輪人 (колесные мастера, выделывали колеса), *луньжэнь* 輪人 (тележники изготавливали зонты и крыши для повозок), *юйжэнь* 輿人 (каретники, экипажные мастера делали кузова), *чжоужэнь* 軸人 (оглобельщики изготавливали дышло) и три раздела о *цзюйжэнь* 車人 (экипажные мастера производили детали для повозок, грузовых телег и т. д.). Повозка была символом всех материальных благ, для ее изготовления требовалось больше всего искусных мастеров и отличных материалов (твердые и прочные породы деревьев – вяз приземистый *юй* 榆 для втулок, дальбергия Хупе *тань* 檀 для спиц, дуб сизый *цзян* 橿 для обода; деревья выращивали и срубали в соответствующий сезон на специально отведенной территории в соответствии с космологическим принципом *инь-ян*). Еще одним интересным фактом является наличие в записках так называемой «экипажной космологии» – особой связи деталей повозки со Вселенной, которая выражалась в расположении и количестве деталей, равных количеству звезд в созвездиях или соотносимых с формой созвездий. Изготовители повозок обладали целым рядом узких специализаций. Записки свидетельствуют, что мастера обладали хорошими математическими знаниями и умениями [17, с. 514–542].

Существовали разные виды повозок: военная колесница *бинцзюй* 兵車 / *чжанцзюй* 戰車; охотничья колесница *тяньцзюй* 田車 / 甸車; обычная повозка *шэнцзюй* 乘車; бамбуковая, не стянутая кожей повозка *чжаньцзюй* 棧車 для поездок низших аристократов *ши* 士; обтянутая кожей, разукрашенная повозка *шицзюй* 飾車 для поездок высших аристократов *дафу* 大夫; повозка черного цвета, без украшений *хэйцзюй* 黑車; грузовое транспортное средство, в которое чаще запрягали быков *дачэ* 大車; выездные экипажи с сидением для аристократов для стариков и женщин *аньчэ* 安車; катафалки *линчэ* 靈車; повозка для одежды усопшего *хуньчэ* 魂車; повозка простолюдина *ицзюй* 役車 (согласно словарю «Толкование имен» («Шимин» 释名) *ицзюй* – повозка для выполнения трудовых повинностей, возможно, что тягловой силой в ней был сам человек).

6. Активные значения шии иероглифа «повозка». Большой словарь китайских иероглифов на основе рассмотрения примеров из классических трактатов и книг, написанных до конца эпохи Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.) приводит следующий список активных значений знака *чэ / цзюй* 車: 1) любое сухопутное средство передвижения на колесах (повозка, телега; коляска, экипаж; тележка, тачка; машина, воз, в современном китайском языке – автомашина, велосипед, вагон, поезд и т. д.); 2) возница, управляющий колесным транспортом; 3) работа на станке, токарь; 4) ехать в повозке, экипаж; 5) колесо, орудие с колесным валом, вращающимся вокруг своей оси; 6) обтачивать на станке; 7) диал. вращать, вращаться (о теле); 8) колесом поднимать воду для полива, черпать воду; 9) челюсть; 10) счетное слово, единица объема (воз сена и *чэ гань цао* 一车干草); 11) сеть для ловли птиц; 12) силок для птиц; 13) фамилия; 14) шахматная ладья[12].

Из приведенной парадигмы значений знака «повозка» видно, что графосемантическое ядро древнейшей формы знака «два колеса со спицами на оси», ключевой графо-семантический признак «колесо», его функция вращения остались превалирующими для активных значений иероглифа, для китайского языка вплоть до эпохи Хань осталось актуальным базовое этимологическое значение (стоит на первом месте в списке словарных значений). Отметим, что все указанные значения сохранились и в современном китайском языке.

Изучение китайских идиоматических словарей, философских и литературных памятников Древнего Китая позволило выявить ряд наиболее частотных метафорических значений иероглифа «повозка» в древнекитайском языке, установить для него некоторые ассоциативные и антонимические связи:

1) много транспорта, рутина человеческой жизни (поток повозок и лошадей *чэчэньмацзу* 车尘马足; повозки наталкиваются друг на друга, лодки соединяются *чэцзичжоулянь* 车击舟连);

2) стремительное движение (боевые колесницы и конники, экипажи и лошади, мчаться стремглав, стремительно *чэчимачжоу* 车驰马骤);

3) богатство, почет (ездить ли на экипаже или носить бамбуковую шляпу (символ бедности и незнатности), о крепкой дружбе *чэнчэдайли* 乘车戴笠; превосходный конь и прекрасная повозка, выполненная из ароматного дерева, роскошь, знатность *баомасянчэ* 宝马香车, почет в отношении старшего поколения, на колеснице с сиденьем обвязывают тростником колеса *аньчэбулунь* 安车蒲轮);

[11] Dictionary of Pictographic Chinese…

[12] 汉语大字典 / 主任许力以. 湖北长江出版集团, 四川出版集团, 2012. 页 3743. [Big Dictionary of Chinese Characters. Ed. Xu Liyi. Hubei changjiang chubanjituan, Sichuan chubanjituan Press, 2000. P. 3743.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

4) ученость, эрудиция, знания (обладать широким кругозором, большой эрудицией, пятью возами книг *боланьучэ* 博览五车);

5) карьера, служба (сломать колесницу, убить лошадей, отказаться от служебной карьеры *хуэйчэшама* 毁车杀马);

6) спокойствие, уравновешенность (спокойный шаг стоит колесницы *аньбуданчэ* 安步当车);

7) опыт, предостережение (головная повозка опрокинулась – наука едущим следом; печальная участь служит предостережением; учиться на печальном опыте предшественников *цяньчэкэцзянь* 前车可鉴);

8) дело, работа (лёгкий экипаж и знакомая дорога, делать хорошо знакомое дело *цинчэшудао* 轻车熟道);

9) огромное количество (можно возами возить; не пересчитать, не счесть; уйма, полным-полно *чэцзайдоулян* 车载斗量);

10) талантливый человек (телега прочная, поэтому может везти тяжелые грузы *дачэицзай* 大车以载, талантливый человек сможет справиться с большой задачей;

11) чиновники, знать, правитель, управление (чиновники осуществляют гуманное правление, помогают развеять горе и тяготы у народа *суйчэганьюй* 随车甘雨);

12) объединение страны (экипажи стали одинаковой ширины хода, письмена стали из одинаковых элементов *шутунвэнь, чэтунгуй* 书同文, 车同轨);

13) взаимосвязь, поддержка (скулы, десны (боковые стороны повозки и колесница) и губы, зубы; тесная взаимосвязь, взаимная поддержка *фучэчуньчи* 辅车唇齿);

14) нечто важное, основное, главное (пожертвовать пешкой, чтобы спасти колесницу *дюцзубаочэ* 丢卒保车; пожертвовать малым, чтобы сохранить основное);

15) счастье, долголетие (колесница, которая примчит к счастью и долголетию *фуцюйшоучэ* 福衢寿车);

16) невзгоды, тяжелый труд (вместе тянуть маленькую повозку *гунваньлучэ* 共挽鹿车; унизительная служба, тяжелый труд (пот, кровь, повозка соли *ханьсюэваньчэ* 汗血盐车);

17) усталость (повозки чуть держатся и кони измотались *чэдаймафань* 车怠马烦; устать от походов, выбиться из сил (в дороге));

18) бесполезная вещь (глиняная повозка, керамическая лошадь *ничэвама* 泥车瓦马)[13].

Вариативность приведенных фразеологизмов указывает на высокий статус повозки в древнекитайском обществе, в 90 % примеров знак передает положительные значения, устанавливает ассоциативные связи с наиболее значимыми ценностями китайской культуры (богатство, знатность, карьера, знания, труд, спокойствие, сила и др.), антонимические связи знака «повозка» установлены со следующими символами и семантическими значениями: «бамбуковая шляпа» *ли* 笠 – бедность; «пешка» *цзу* 卒– нечто малое, второстепенное; «оленья (маленькая) упряжка» *луцзюй* 鹿车, «пот» *хань* 汗, «кровь» *сюэ* 血, «соль» *янь* 盐 – невзгоды, лишения, тяжелый, унизительный труд; «сломанная колесница» *хуэйчэ* 毁车 – прекращение карьеры; «глиняная повозка» *ничэ* 泥车 – нечто ненужное, бесполезное; «лень» *дай* 怠.

Знак *чэ / цзюй* 車 активно использовался в качестве семантического детерминатива в структуре сложных китайских иероглифов, прямо либо косвенно связанных с базовым этимологическим значением знака. Например: колея, ширина хода (экипажа) *гуй* 軌; тромбовать, давить, в древности также вид уголовного наказания с дроблением костей *я* 軋; войско, армия *цзюнь* 軍; перемещаться, двигаться *чжуан* 轉; опереться на переднюю стенку колесницы для приветствия, поклона *ши* 軾; звукоподражание скрипу колес *ся* 轄; паланкин, носилки *цзяо* 較; ряд военных колесниц *бэй* 輩; сходиться в одном месте (как спицы колеса во втулке), собираться *цоу* 輳; перевозить, меняться, перерождаться в *шу* 輸; сюда же можно отнести вышеуказанные наименования структурных частей повозки, всего около 300 иероглифов[14] [20, 页 71].

4. Заключение

Проведенный этимологический анализ знака «повозка» позволяет сделать следующие выводы: выделенное графосемантическое ядро – «соединенные осью два колеса со спицами»; базовое этимологическое значение ранних форм знака «повозка» – «двухколесное (соединенные осью колеса состоят из спиц и колесной втулки) транспортное средство с дышлом, перекладиной на дышле, снабженной хомутами для запрягания двух тягловых животных; кузовом; доской с решеткой на оси под кузовом повозки, выполняющей функции подвески» – определили его траекторию развития семантики на протяжении всей истории развития китайского языка, вплоть до современности. Сопоставительный анализ ранних графических форм знака и историко-археологических данных указывает на детальное и непосредственное отражение в ранней графике ключевых характеристик древнекитайской повозки, что указывает на сближение китайского письменного знака с рисунком. Идеосемантический анализ позволил выявить и уточнить ключевые функции древнекитайской

[13] 在线成语词典. Режим доступа: http://chengyu.t086.com/ (дата обращения: 28.08.2018) [Online Dictionary of Chinese Idioms].

[14] Dictionary of Etimology of Chinese …

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

повозки / экипажа и составляющих ее структурных элементов, а значит уточнить графо-семантические характеристики знака: повозка *чэ / цзюй* 車 – легкое, прочное, быстрое двухколесное транспортное средство, которое использовалось для охоты, военных действий, перевозки грузов, выездов правителя и знати разных рангов, в качестве катафалка, перевозки одежды усопшего, для выполнения трудовых повинностей простолюдинов. Для ее изготовления специально обученные группы мастеров использовали древесину высокого качества. Повозка была снабжена дышлом с перекладиной и двумя хомутами для запрягания двух или четырех тягловых животных (лошадей, быков). Для маневренности и комфорта ездока монтировалась специальная подвеска с амортизирующими элементами. Первоначально в кузове повозки ездили стоя, позже появились специальные экипажи с сидением. Кузов представлял собой открытый, с навесом, либо закрытый корпус, снабженный дверкой с задней стороны. Колесница обладала сакральным, культурно-символическим значением, выступала в качестве ценного подарка, была символом знатности, успешности, образованности, таланта, богатства и благополучия обладателя, военной мощи государства.

Предложенный в работе игровой подход позволил отразить общую логику реконструкции этимологического значения китайского иероглифического знака: взаимодействие правил и индивидуальной исследовательской стратегии. В качестве правил этимологического анализа выступили:

1) верификация всей парадигмы графических вариантов знака «повозка» в соответствии с выделенными в китайской филологической науке этапами развития китайской письменности (*цзягувэнь, цзиньвэнь, чжуаньти* (*дачжуань, сяочжуань*), *лишу, кайшу*, реформированное письмо);

2) нормы грамматологического анализа знака, а именно: а) характеристика знака в качестве его отнесения к одной из шести выделенных в китайской грамматологии категорий; б) структурно-семантический анализ графических элементов знака на основе их верификации в китайских этимологических словарях; в) изучение выборки иероглифических знаков в древнекитайском языке с семантическим детерминативом *чэ / цзюй* 車 в структуре иероглифа для установления степени его влияния на семантику всего знака;

3) аспекты семантического анализа: построение графо-семантического поля, исследование словарных толкований знака и установление метафорических значений иероглифа путем изучения идиоматических выражений;

4) нормы идеосемантического анализа в соответствии с концепцией В. И. Абаева.

Индивидуальную исследовательскую стратегию составили следующие аспекты анализа: 1) индивидуальный подбор источников (словарей, монографий, комментариев) верификации графо-семантических характеристик знака; 2) комбинация и последовательность реализации историко-генетического, формально-графического, грамматологического, лингвокультурологического, идеосемантического, семантического подходов, принципов описания этимологического значения знака в китайской традиционной филологии сюньгусюэ, комплексно представленных в разработанной поэтапной модели этимологизирования китайского знака; 3) введение авторской терминологии анализа знака: «базовая графическая форма»; «графо-семантическое ядро, периферия»; «графический смыслообраз»; «базовое этимологическое значение»; «идеосемантика китайского иероглифического знака». Дополнение, расширение, изменение любого из указанных трех аспектов индивидуальной стратегии за счет новых элементов анализа способно существенно уточнить либо переопределить описанные характеристики знака. При этом каждая последующая предпринятая исследовательская стратегия будет выступать одной из версий, попыткой игры в этимологический анализ, для которой отсутствует возможность осуществления предельной или окончательной верификации выигрыша.

Благодарность

Выражаю искреннюю благодарность своему Учителю, автору идеи исследования этимологии базовых знаков китайской письменности, профессору Олегу Марковичу Готлибу, за полученный бесценный научный опыт, профессиональное обновление, вдохновение и живой интерес к китайской иероглифике.

Литература

1. Топоров В. М. Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 816 с.
2. 陆宗达. 说文解字通论. 北京：北京出版社, 2011. 232 页.
3. 王宁. 训诂学概念. 上海：上海教育出版社, 2012 年. 361 页.
4. 尹黎云. 汉字字源系统研究. 北京：中国人民大学出版社, 2014 年. 424 页.
5. 裘锡圭. 汉字学概要. 北京：商务印书馆, 2012 年. 287 页.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

6. 邹效力. 基础汉字形义释源：说文部首今读本义. 中华书局, 2014. 265 页.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение. М.: Юрайт, 2018. 208 с.
8. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 394 с.
9. Харитонов Е. М., Хоружая С. В. Образность смысла и смысл образа в культуре // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3. С. 21–25.
10. Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.
11. Карапетьянц А. М. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до III в. до н. э.) // Карапетьянц А. М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010. С. 52–73.
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
13. Абаев В. И. Понятие идеосемантики // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XI. Вып. 1. М., 1948. С. 13–18. Режим доступа: http://philology.ru/linguistics1/abaev-48.htm (дата обращения: 23.10.2018).
14. Соснина А. Е. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа // Критика и семиотика. 2013. № 19. С. 14–30.
15. Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197–222.
16. Готлиб О. М. Основы грамматологии китайской письменности. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 284 с.
17. Кучера С. Р. Повозка 車 в жизни древних китайцев // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры / ред. А. И. Кобзев. М.: Институт Востоковедения РАН, 2013. Вып. 11. С. 532–533.
18. Кожин П. М. От колесничной упряжки к древнекитайской кавалерии // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 1. С. 24–33.
19. Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., Наука: 1978. 343 с.
20. Крюков М. В., Шуин Хуан. Древнекитайский язык. М.: Наука, 1978. 512 с.
21. Штукин А. А. Ши цзин. Книга песен и гимнов // Конфуций. Уроки мудрости / пер. с кит. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2006. С. 127–229.

Etymological Analysis Model of the Chinese Hieroglyph: an Experiment*

Natalya V. Terekhova [a, @, ID]

[a] Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003

[@] zabnata@yandex.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-1142-2829

Received 22.11.2018. Accepted 28.01.2019.

Abstract: The paper presents a gradual model of etymological analysis of the Chinese hieroglyph. The research was based on the game approach logic expressed in the combination of Russian and Chinese linguistic analysis of Chinese characters. The established rules include verification of the graphic paradigm according to the stages of Chinese writing development. In addition, the rules involve grammatological, structural, semantic, and ideosemantic analyses. Individual research strategy included selection of linguistic, historical, and cultural sources for verification of the graphic-semantic characteristics of the Chinese character. The author applied a combination and sequence of research approaches and introduced an authentic analysis terminology. The authentic terminology was supported by analogies from Russian linguistics, as well as by the experience of etymologization of the character in Chinese philological science. The paper features a model of etymological analysis of the Chinese character. It consists of several stages/types of etymological reconstructions: formal-graphic, grammatical or structural, and semantic (including ideosemantic).

The created etymological model was tested on the example of etymologization of the Chinese hieroglyph "cart" 車 che / ju. Its paradigm was verified according to its graphic variants, which belonged to the early stages of ancient Chinese writing,

* The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 18-012-00412 "The Etymology of the Basic Characters of Chinese Writing".

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-270-284

namely jinwen, jiaguwen, and *zhuanti*. The author determined the graphic-semantic core of the character. Its graphic sense-making form was systematically analyzed on the basis of verification of its graphic and semantic characteristics. Finally, the author conducted a semantic and ideosemantic analysis of the character, which included historical and archeological data on Chinese material culture. As a result, the study helped to define the etymological meaning of the character.

Keywords: modeling, graphic sense-making form, graphic-and-semantic characteristics, verification, ideosemantic

For citation: Terekhova N. V. Etymological Analysis Model of the Chinese Hieroglyph: an Experiment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 270–284. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-270–284

References

1. Toporov V. M. *Studies on the etymology and semantics. Vol. I: Theory and Some of its Particular Applications*. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2004, 816. (In Russ.)
2. Lu Zongda. *Introduction to study the ancient chinese dictionary "Shuowen jiezi". "Explication of Simple and Interpretation of Compound Characters"*. Beijing: Beijing chubanshe, 2011, 232. (In Chin.)
3. Wang Ning. *The basics of Chinese traditional philology*. Shanghai: Shanhai jiaoyu chubanshe, 2002, 200. (In Chin.)
4. Yin Liyun. *The systematic research on etimology of Chinese characters*. Beijing: Zhongguo renmin daxue chuabnshe, 1998, 424. (In Chin.)
5. Qiu Xigui. *The basics of grammatology of Chinese writing system*. Beijing: Shangwu Press. Beijing: Shangwu yinshuguan, 2002, 287. (In Chin.)
6. Zou Xiaoli. *Etymological analysis of basic Chinese characters: modern interpretation of etymological meaning of "Shuowenjiezi" (Ancient Chinese Dictionary "Explication of Simple and Interpretation of Compound Characters")*. Zhonghua shuju, 2007, 265. (In Chin.)
7. Maslova V. A. *Cultural Linguistics. Introduction*. Moscow: Iurait, 2018, 208. (In Russ.)
8. Blinova O. I. *Motivology and its aspects*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2007, 394. (In Russ.)
9. Kharitonov E. M., Khoruzhaia S. V. The imagery of the sense and meaning of the image in culture. *Kulturnaia zhizn Iuga Rossii*, 2008, (3): 21–24. (In Russ.)
10. Kolesov V. V. *Word and thing: from the history of Russian words*. Saint-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2004, 703. (In Russ.)
11. Karapetiants A. M. Fine arts and writing in archaic cultures (China before III century BC). *At the Origins of Chinese Literature*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2010, 52–73. (In Russ.)
12. Popova Z. D., Sternin I. A. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki, 2001, 191. (In Russ.)
13. Abaev V. I. The term of ideosemantic. *Proceedings of Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language*, 1948, vol. XI, iss. 1, 13–18. Available at: http://philology.ru/linguistics1/abaev-48.htm (accessed 23.10.2018).
14. Sosnina A. E. Ideosemantic as one of the components of etymological analysis. *Kritika i semiotika*, 2013, (19): 14–30. (In Russ.)
15. Trubachev O. N. The techniques of semantic reconstruction. *Comparative historical study of languages of different families. Theory of linguistic reconstruction*. Moscow, 1988, 197–222. (In Russ.)
16. Gotlib O. M. *The basics of grammatology of Chinese writing system*. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007, 284. (In Russ.)
17. Kuchera S. R. Cart 車 in the life of the Ancient Chinese. *Sinologists of the world to the anniversary of Stanislav Kucera*, ed. Kobzev A. I. Moscow: Institut Vostokovedenia RAN, 2013, iss. 11, 532–533. (In Russ.)
18. Kozhin P. M. From chariot's team to ancient Chinese cavalry. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2015, 45(1): 24–33. (In Russ.)
19. Kriukov M. V., Sofronov M. V., Cheboksarov N. N. *The Ancient Chinese: the problem of ethnogenesis*. Moscow: Nauka, 1978, 343. (In Russ.)
20. Kriukov M. V., Shuin Khuan. Ancient Chinese. Moscow: Nauka, 1978, 512. (In Russ.)
21. Shtukin A. A. Shijing. Book of Songs and Hymns. Confucius. *Lessons of wisdom*, transl. from Chinese. Moscow: Eksmo Press; Kharkov: Folio, 2006, 958. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

CC BY

оригинальная статья
УДК 81-23+811.112.5

Стереотипное восприятие животных в нидерландском языке: результаты лингвистического эксперимента

Екатерина В. Терешко [a, b, @, ID]

[a] Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
[b] Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1
[@] katja.tereshko@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-1916-1851

Поступила в редакцию 05.10.2018. Принята к печати 28.01.2019.

Аннотация: В статье представлены данные, полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 235 нидерландцев и фламандцев. Эксперимент был направлен в первую очередь на выявление стереотипных признаков животных в сознании носителей нидерландского языка, которые проявляются, с одной стороны, в возникающих свободных ассоциациях с зоонимами, с другой – при составлении сравнений типа *глупый как осел,* по форме соответствующих устойчивым сравнениям как одной из разновидностей фразеологизмов. Эксперимент также должен был дать ответ на вопрос о характере связи между образом животных, отраженном в свободных ассоциациях, и образом, возникающим у носителей при создании таких сравнений. Материалом послужили нидерландские зоонимы, которые в ходе эксперимента были предложены респондентам в качестве стимулов: в первой части респондентов просили назвать прилагательное или наречие, которое придет им в голову при упоминании соответствующего животного, во второй части – дополнить устойчивые сравнения с зоонимами, в которых составители анкеты опустили прилагательное. Вариативность ответов, полученных во фразеологической части эксперимента, значительно превысила ожидаемую. Сравнение результатов первой и второй частей эксперимента выявило как значительное совпадение стереотипов, закрепленных во фразеологии и существующих вне ее рамок, так и некоторые различия. Отмечается, что стереотипные образы животных со временем изменяются, а под воздействием этих изменений могут меняться и / или возникать новые устойчивые словосочетания с зоонимами.

Ключевые слова: стереотип, когнитивная лингвистика, ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент, зооним, фразеология

Для цитирования: Терешко Е. В. Стереотипное восприятие животных в нидерландском языке: результаты лингвистического эксперимента // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 285–296. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

Введение

В последнее время в языкознании получило широкое распространение направление когнитивной лингвистики, в которой центральное место занимает понятие языковой (наивной) картины мира. Как пишет Е. В. Иванова, «понятие языковой картины мира (ЯКМ), прочно вошедшее за последние двадцать лет в научный обиход, позволило по-новому взглянуть на семантику языковых единиц и описать ее как отражение мировосприятия, обусловленного культурно-историческими и природно-географическими условиями проживания языкового социума» [1, с. 136].

Кроме понятия ЯКМ многие учёные, работающие в русле когнитивной лингвистики, пользуются термином *концептуальная картина мира* (ККМ). В отличие от ЯКМ ККМ является «основой языкового воплощения, словесной концептуализации знаний человека о мире» [2, с. 46]. ККМ, или модель мира, непрерывно изменяется, отражая результаты познавательной и социальной деятельности, однако в ней могут сохраняться пережиточные представления людей о мире.

В рассматриваемом направлении лингвистики часто используются такие понятия, как концепт, метафора, стереотип, прототип и др. Прежде чем переходить к рассмотрению результатов проведенного эксперимента, необходимо провести границы используемых терминов. В современном научном сообществе пока не сложилось единой точки зрения на объем и содержание терминов

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

концепт и *стереотип*, поэтому в данной статье будет представлен обзор исследований, затрагивающих эти понятия, поскольку они важны для интерпретации результатов проведенного эксперимента.

Концепт

Как отмечает С. Г. Воркачев, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе с конца XX века сталкиваются "концепт" (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, В. П. Нерознак, С. Х. Ляпин, Е. В. Иванова), "лингвокультурема" (В. В. Воробьев), "мифологема" (М. Ляхтеенмяки, В. Н. Базылев), "логоэпистема" (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова), однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался "концепт", по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [3, с. 41].

Несмотря на «победу» термина *концепт* в этом столкновении, его определение все еще вызывает трудности и зачастую даётся от обратного. Хотя по сравнению с другими направлениями в языкознании когнитивная лингвистика и является молодой наукой, в России существует уже несколько школ, в каждой из которых методы и понимание некоторых терминов, в том числе основного термина когнитивной науки в целом и лингвокультурологии в частности – концепта – могут несколько отличаться.

Необходимо отметить, что «представители этих школ едины в признании того, что концепт является основной единицей сознания, он имеет овеществление (репрезентацию, объективацию, овнешнение, вербализацию) языковыми средствами; через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт, хотя в любом случае такое описание не будет исчерпывающим, так как оно основывается только на языковых данных, а концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания; вместе с тем анализ содержания концептов через данные языка дает достаточно богатый и наиболее достоверный и проверяемый материал для описания концептов» [4, с. 5].

А. Вежбицкая определяет концепт следующим образом: концепт – это «объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире "Действительность". <…> Концепт имени охватывает преломления всех видов знания о явлении, стоящим за ним. <…> Все то, что "подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры"» [5]. В Кратком словаре когнитивных терминов это понятие определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6, с. 90].

Вопрос о вербализации концепта поднимается З. Д. Поповой, И. А. Стерниным [7], В. И. Карасиком [8]: учёные приходят к выводу, что человек мыслит посредством концептов, при этом эти концепты могут как иметь языковую репрезентацию, так и не иметь таковой. То есть концепт может существовать в сознании, причем и в сознании большого количества людей, но быть невербализованным.

Язык в когнитивной лингвистике считается одним из способов проникновения в сознание носителя того или иного языка и понимания механизмов его мышления. Исследователи признают, что анализ языка не может предоставить всех данных о мышлении, однако этот способ считается одним из самых надёжных, и одним из самых разработанных, т. к. вопросом о связи языка и мышления задаются уже очень давно и лингвисты, и психологи, и представители других отраслей гуманитарной науки.

Рассмотрим подходы к определению концепта ведущих исследователей, работающих в русле когнитивной лингвистики. Вслед за редакторами «Антологии концептов. Том I» [4] мы выделим четыре основных точки зрения на концепт, представленные лингвистами в каждом направлении, и попытаемся обозначить особенности каждого подхода к термину концепт, что поможет выделить его основные признаки.

Самобытным исследователем в области когнитивной лингвистики нам представляется М. В. Пименова [9]. Концепт по М. В. Пименовой – это «совокупность признаков, необходимых и достаточных для идентификации фрагмента мира или части такого фрагмента», кроме того, «концепт обладает определенной структурой когнитивных признаков» [10, с. 131] и дополняется «признаками индивидуального опыта и личного воображения» [4, с. 16]. Суммируя, можно сказать, что М. В. Пименова видит концепт как знание о некотором фрагменте мира, выражающееся на многих уровнях языка.

Немного отличается подход к концепту исследователя С. Г. Воркачева [11]. Он сразу ограничивает область своих интересов лигвокультурологией и определяет концепт именно с этих позиций. Лингвокультурология занимается языковыми выражениями культуры, которая воспринимается как «символическая Вселенная» [4, с. 11], а её проявления должны быть этноспецифичны. Концепт по С. Г. Воркачёву, это «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в "снятом", редуцированном виде. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [4, с. 11].

Еще одним разработанным подходом к концепту является семантико-когнитивный подход И. А. Стернина и З. Д. Поповой [7]. В названии этого подхода уже отражён его принцип: через семантику языковых знаков исследователи пытаются проникнуть в когнитивные процессы, проходящие в сознании носителей определенного языка. Концепт воспринимается ими как «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [4, с. 7].

Описывая в своей монографии «Семантико-когнитивный анализ языка» [7] современное состояние когнитивной лингвистики, И. А. Стернин и З. Д. Попова выделяют в этой науке, вслед за Е. Ю. Балашовой [12, с. 6], два основных направления: лингвокультурный, к которому можно отнести взгляды вышеперечисленных исследователей, и лингвокогнитивный. Представители лингвокультурного подхода анализируют отражение культуры в сознании человека посредством анализа и интерпретации языковых знаков, в которых эти элементы культуры проявляются. Представители лингвокогнитивного направления считают, что в качестве способа осуществления мыслительной деятельности человека лежит концепт как особое ментальное образование, которое содержит информацию об окружающем мире и входит в концептосферу социума. Семантико-когнитивный способ анализа языкового материала, предлагаемый И. А. Стерниным и З. Д. Поповой [7], можно отнести именно к этому направлению когнитивной лингвистики, т. е. это подразумевает, что концепт воспринимается исследователями как неотъемлемый элемент сознания человека, его составная часть.

Стереотип

Вышеописанное понимание концепта на основе лингвокогнитивного подхода, реализуемого в рамках семантико-когнитивного анализа языка, по И. А. Стернину и З. Д. Поповой [7], представляется нам наиболее подходящим для нашего исследования, т. к. оно максимально объективно описывает данное явление. Однако такой подход к термину подразумевает невозможность рассмотреть концепт во всей его полноте, ведь при любом объеме исследования на периферии всегда будут оставаться индивидуализированные элементы концепта, сбор и анализ которых не представляется возможным. Это не означает, что не нужно делать попытки такого анализа, но необходимо отдавать себе отчет в монументальности подобного замысла. Кроме того, даже осознавая существующие трудности, сложно определить, где и когда наступает граница, после которой дальнейший анализ того или иного концепта не будет эффективен.

Исходя из вышесказанного и осознавая весь объем и наполненность образов животных, в частности в нидерландском языке, мы, стремясь очертить область исследования и не чувствуя за собой права пытаться вписать исследование концепта в формат статьи, решили обратиться к другим единицам когнитивистики, таким как фрейм, скрипт, концептуальная метафора, при помощи которых моделируется тот или иной концепт [4, с. 15]. Еще более узкой составляющей концепта нам представляется стереотип.

Если обратиться к ранним исследованиям стереотипов, нельзя не упомянуть нидерландского лингвиста Т. А. Ван Дейка, который, занимаясь политическим дискурсом, не мог не отметить отражение стереотипов в лингвистике: "*people not only have ethic stereotypes but also linguistic or textual stereotypes, such as fixed expressions, locutions, or proverbs*" (у людей есть не только этические стереотипы, но и языковые или текстовые стереотипы, как, например, устойчивые выражения, локуции или поговорки[1]) [13, *p.* 73].

И. В. Силантьев и Ю. В. Шатин [14], занимаясь соотношением стереотипа и дискурса, выделяют шесть основных черт стереотипа: «а) доксологичность; б) коллажность; в) словесная избыточность; г) мягкость дискурсии; д) отсутствие критической рефлексии; е) высокая прагматичность, предполагающая возможность перформатива» [14, с. 12]. Основываясь на этих шести признаках, можно говорить о том, что стереотип воспринимается всеми носителями какой-либо культуры как общее место (докса), общее мнение, не требующее доказательств или уже доказанное, что также связано с его практической направленностью: как аксиомы в математике используются для построения доказательств более сложных логических построений, так и стереотипы могут использоваться в качестве неоспоримых аргументов. Стереотип также является вырванным из контекста знанием, что обусловлено мозаичностью современной культуры (а в прошлом просто оторванностью какого-либо отрезка знания от остальной информации о мире), это объясняет отсутствие критической рефлексии, ведь если какой-то отрезок

[1] здесь и далее по тексту перевод автора статьи.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

информации изолировать от остального дискурса, то сама возможность рефлексии пропадает.

Понятие стереотипа впервые начало использоваться в социологии, а после распространилось на области психологии и теории коммуникации, истории литературы и культуры. Польский исследователь Е. Бартминьский [15, с. 133] ссылается на работы по философии языка Х. Патнэма [16], которые позволили включить вопрос о стереотипе в проблематику референции и рассуждать о нем в контексте повседневного общения. Однако в каждой области научного знания стереотипы определялись по-разному, в зависимости от того, в каком контексте – социальном, психологическом или эпистемологическом – этот термин использовался.

Первое определение стереотипа было предложено социологом и политологом У. Липпманом [17] и звучало так: «образ в голове человека некоторого явления (образ односторонний, частичный и схематичный) и одновременно мнение о нем» [15, с. 134]. При таком подходе можно говорить о двух функциях стереотипа: 1) психическая функция отвечает за экономию усилий по познанию мира (если бы мы постоянно сталкивались с новой информацией, а не опирались бы на усвоенные или сформированные собственным опытом предварительные знания, сам процесс познания был бы, наверное, невозможен, потому что невозможно было бы усвоить такой объем информации); 2) общественная функция стереотипа отвечает за защиту широко понимаемой общественной позиции, а также за чувство причастности отдельного индивида к какой-либо группе людей.

Е. Бартминьский [15] выводит понятие стереотипа на новый уровень, уводя его за пределы стереотипов о других национальностях и социальных группах и говоря, что стереотипные представления складываются у носителя того или иного языка относительно предметов и явлений, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни. Е. Л. Вилинбахова пишет: «Примерами стереотипных признаков могут быть черные полоски на рыжей шкуре тигра, желтый цвет и кислый вкус лимонов. Принципиально, что стереотипные признаки не обязательно верны для всех без исключения тигров и лимонов; они характерны для нормальных, типичных представителей класса и подразумеваются по умолчанию» [18, с. 22].

Таблица 1. Ответы респондентов в НАЭ
Table 1. Reactions of the respondents in the part of directed associative experiment

Зооним-стимул	Перевод	Количество вариантов ответов	Наиболее частотные характеристики	Перевод
Aap	Обезьяна	75	grappig, slim, gek	смешная, умная, сумасшедшая / потешная
Beer	Медведь	58	groot, **sterk**, bruin, gevaarlijk	большой, сильный, коричневый, опасный
Bok	Козел	60	koppig, stinkend, oud, **geil**	упрямый, вонючий, старый, похотливый
Eend	Утка	74	kwakend, waggelend, grappig, dom	крякающая, переваливающаяся, смешная, глупая
Ezel	Осел	50	**koppig, dom,** balkend	упрямый, глупый, кричащий
Haan	Петух	64	kraaiend, trots, luid, bazig	кукарекающий, гордый, громкий, начальственный
Hond	Собака	44	trouw, blaffend, vriendelijk	верная, лающая, приветливая
Kalf	Теленок	45	lief, jong, dom	милый, молодой, глупый
Koe	Корова	71	dom, gevlekt, loeiend, lief	глупая, пятнистая, мычащая, милая
Konijn	Кролик	63	lief, zacht	милый, мягкий
Kraai	Ворона	61	zwart, slim, krassend	чёрная, умная, каркающая
Lam	Ягненок	42	onschuldig, schattig, **mak**	невинный, милый, кроткий
Muis	Мышь	48	klein, grijs, **stil**, snel	маленькая, серая, тихая, быстрая
Paard	Лошадь	65	edel, mooi, groot, hinnikend, elegant	благородная, красивая, большая, ржёт, элегантная
Pad	Жаба	62	vies, glibberig, slijmerig, dik	противная, скользкая, склизкая, толстая

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

Зооним-стимул	Перевод	Количество вариантов ответов	Наиболее частотные характеристики	Перевод
Poes	Кошка	62	lief, zacht, spinnend, eigenwijs, **vals**	милая, мягкая, мурлыкающая, себе на уме, коварная
Tijger	Тигр	56	gevaarlijk, mooi, gestreept, snel	опасный, красивый, полосатый, быстрый
Varken	Свинья	52	vies, knorrend, roze, dik, slim	противная, хрюкающая, розовая, толстая, умная
Vis	Рыба	66	glibberig, glad, koud, zwemmend, nat	скользкая, гладкая, холодная, плавающая, мокрая
Vlieg	Муха	33	vervelend, irritant, vies	надоедливая, раздражающая, противная
Zalm	Лосось	55	lekker, roze, zwemmend	вкусный, розовый, плавающий

Вслед за Е. Бартминьским [15], Е. Л. Вилинбаховой [18], С. М. Толстой [19], В. В. Красных [20] и др. мы будем понимать стереотип как «субъективно детерминированное представление о предмете, охватывающее как описательные, так и оценочные признаки, а также являющееся результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [15, с. 189].

Понятие стереотипа может использоваться в исследованиях для описания лингвистических явлений. Например, Р. В. Гиббс и Н. С. МкКаррелл [21] использовали это понятие при исследовании тавтологических конструкций типа *мальчики есть мальчики*, которые подразумевают наличие общего стереотипного представления о мальчиках у носителей одного языка. Интересно отметить, что Р. В. Гиббс и Н. С. МкКаррелл выделяют сильные и слабые стереотипы, которые с большей или меньшей легкостью узнаются в исследуемых ими конструкциях. Самыми сильными, по мнению ученых, являются стереотипы людей, т. е. их гендерные, возрастные, социальные, профессиональные роли (женщина, старик, отец, учитель); затем следуют абстрактные понятия (любовь, война, бизнес); и лишь затем стереотипы конкретных предметов (чашка, телефон). Последние обычно оказываются слабыми.

Другим примером исследования стереотипов в лингвистическом исследовании является работа Ж. Клебера [22], посвященная ассоциативной анафоре, которую он объясняет через стереотип. Ж. Клебер продолжает исследования Б. Фрадена [23] в этой области. Проиллюстрировать обе работы можно следующим примером: *Il s'abrita sous un vieux tilleul. **Le tronc** était tout craquelé – Он укрылся под старой липой. Ствол был весь покрыт трещинами* – при упоминании ствола возможен определенный артикль *le* [23, p. 328], т. к. ствол входит в стереотипное представление о дереве вообще и о липе в частности.

Стереотип может выступать и как объект исследования. Е. Бартминьский [15] предлагает использовать для этого различные типы языковых данных, которые могут быть представлены следующим списком: 1) способы номинации предметов и внутренняя форма их названий (например, *немец* от *немой*); 2) косвенные (переносные) значения слов, зафиксированные в словарях (например, *лиса* – и животное, и хитрый человек); 3) значения некоторых дериватов, например, прилагательных, глаголов и наречных выражений (ср.: *обезьянничать* в значении *подражать*); 4) фразеологизмы – как с признаком подразумеваемым (*лошадиная доза* – очень большая доза), так и с выражением *expressis verbis* (здоровый как бык); 5) пословицы; 6) семантическая структура сложных предложений. Например, предложение *«Это собака, но она не кусается»* подразумевает, что обычно собаки кусаются.

В последнее время все чаще пользуются популярностью исследования стереотипов зоонимов на базе различных языков. Так, можно отметить исследования М. В. Горбенко [24], К. А. Добриковой [25], в статье О. В. Кирпичевой [26] под зоонимом понимается кличка животного. Однако на материале нидерландского языка таких исследований не существует. А. Ковальска-Шуберт [27] в своей диссертационной работе проводит классификацию нидерландских пословиц и поговорок с зооморфным элементом, но данная классификация строится по структурному принципу и не охватывает проблему стереотипного восприятия животных в нидерландском языке.

Таким образом, новизна проводимого исследования заключается в комплексном рассмотрении фразеологических единиц (далее ФЕ) с зооморфным компонентом нидерландского языка в контексте стереотипного восприятия животных носителями языка. Актуальность исследования заключается в необходимости рассмотрения стереотипного восприятия животных в Нидерландах

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

и сравнения использования и восприятия зоонимов во фразеологии и в свободном употреблении.

В данной статье мы сосредоточимся на различии в восприятии зоонимов во ФЕ и при свободном употреблении и обратимся к результатам лингвистического эксперимента, в котором использовались фразеологизмы. Как пишет Е. Л. Вилинбахова, «для выявления наиболее закрепленных и автоматизированных стереотипных признаков подходят словари и фольклорные тексты, для получения большего разнообразия признаков – экспериментальные данные и корпуса текстов, как специально сбалансированные и отобранные, так и спонтанно выявленные через поисковые системы Интернета» [18, с. 27].

Описание эксперимента

В 2017 г. при помощи онлайн-опроса и статистических инструментов *Google*[2] был проведен ассоциативный эксперимент, ставивший целью выявить, какие ассоциации вызывают у носителей нидерландского языка различные образы животных. Самое общее описание методики такого эксперимента дано, например, в работе Р. М. Фрумкиной: «Информантам предъявляется некий набор слов-стимулов. Инструкция предлагает в качестве реакции написать первое же слово (или несколько слов), которые приходят в голову как ответ на предъявленный стимул» [28, с. 190].

В качестве метода сбора и анализа языковых данных была использована техника направленного ассоциативного эксперимента. Как отмечает О. Е. Виноградова, этот метод «дает очень важные сведения для описания семантики слова как реальности языкового сознания носителя языка» [29, с. 67]. Методику проведения такого эксперимента кратко описывает Е. И. Горошко: «направленный значительно ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы "направляет" ассоциации в нужное русло, например, требуя от испытуемого дать слово, противоположное по значению, синоним, или же те или иные синтагматические реакции: определения, определяемые,

Таблица 2. Ответы респондентов в ФНАЭ
Table 2. Responses in the directed phraseological associative experiment

Зоним-стимул	Перевод	Количество вариантов ответов	Наиболее частотные характеристики	Перевод
Aal	Угорь	9	**glad**, glibberig	гладкий, скользкий
Aap	Обезьяна	36	gek, lenig, slim, **trots**, lelijk	сумасшедшая, гибкая, умная, важная, уродливая
Ezel	Осел	14	**koppig, dom,** stom	упрямый, глупый, тупой
Haas	Заяц	5	snel, **bang**	быстрый, трусливый
Hond	Собака	20	trouw, **ziek, moe**	верная, больная, усталая
Kat	Кот	58	lenig, **vals**, sluw, eigenwijs	гибкий, коварный, хитрый, упрямый
Kreeft	Рак	18	**rood**	красный
Kwartel	Перепел	43	**doof**, dartel, dom	глухой, резвый, глупый
Lammetje	Ягненок	19	**mak**, zacht, onschuldig	кроткий, мягкий, невинный
Mier	Муравей	21	ijverig, klein, vlijtig, sterk	усердный, маленький, трудолюбивый, сильный
Mol	Крот	21	**blind**	слепой
Oester	Устрица	43	**gesloten**	закрытая
Pauw	Павлин	6	**trots**, arrogant, mooi	важный, высокомерный, красивый
Pier	Червяк	23	**dood**, glad	мёртвый, гладкий
Rund	Бык	23	**dom**, sterk, dik, lomp	глупый, сильный, толстый, неуклюжий
Slak	Улитка	5	**traag**, sloom, langzaam, slijmerig	медлительная, склизкая
Vogel	Птица	20	**vrij**, vlug	свободная, быстрая
Vos	Лис	6	**sluw**, slim	хитрый, умный
Wezel	Ласка	38	**bang**, sluw, slim, snel	трусливая, хитрая, умная, быстрая

[2] Опросник, выполненный в Google Forms: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSc2_gcmFWrUbrxJoKjEIbiHK7v3CBSOspTYAXFj_ROk88k8og/viewform

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

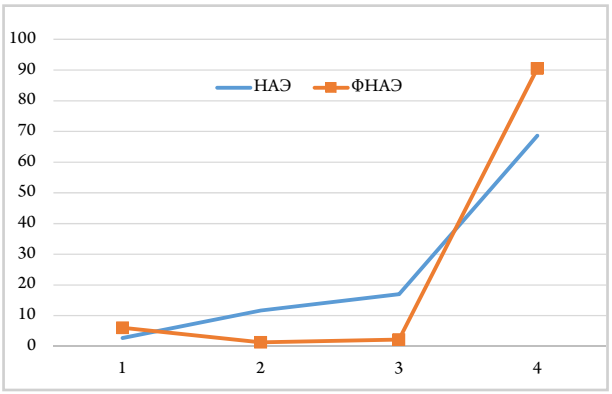


Рис. 1. Соотношения качеств собаки, названных в направленных ассоциациях и фразеологии
Fig. 1. Correlation of stereotypes of dog reflected in directed associations and phraseology

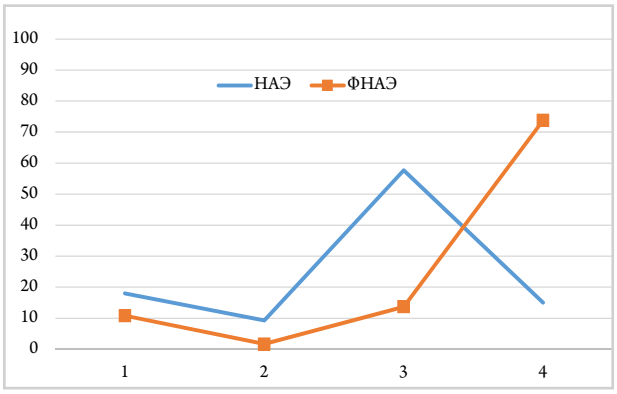


Рис. 2. Соотношения качеств ягненка, названных в направленных ассоциациях и фразеологии
Fig. 2. Correlation of stereotypes of lamb reflected in directed associations and phraseology

Таблица 3. Ответы респондентов на зооним-стимул *hond* (собака) в НАЭ и ФНАЭ
Table 3. Responses to the zoonym "hond" (dog) in both parts of the experiment

НАЭ			ФНАЭ		
trouw	верная	134	Trouw	верная	196
blaffend	лающая	21	**Ziek**	больная	8
vriendelijk	дружелюбная	6	**Moe**	усталая	4
lief	милая	6	Braaf	послушная	4
braaf	послушная	6	–	–	–
dom	глупая	5	–	–	–
aanhankelijk	привязчивая	4	–	–	–
loyaal	преданная	3	–	–	–

глаголы, прилагательные и проч.» [30, с. 54]. Таким образом, отличием этой разновидности эксперимента от более распространенного массового свободного эксперимента [31, с. 100] является стремление «сузить зону ассоциативного поиска у испытуемого» [32, с. 95].

Ограничение ассоциативных реакций респондентов проводилось нами по двум принципам. В первом случае – по частеречному признаку, т. е. в инструкции испытуемых просили дать прилагательное в качестве реакции на название животного. Это стимулировало респондентов давать животным характеристики, а не связывать их, например, с местом обитания. Причастия также принимались как корректный ответ. Второй способ ограничить область поиска испытуемых – фразеология. Именно в устойчивых выражениях языка стереотипное восприятие того или иного объекта действительности имеет фиксированное языковое выражение. В этом случае респондентам предлагалось дополнить устойчивые сравнения, в которых составители эксперимента опустили характеристику животного, выраженную прилагательным. Например, в сравнении *zo bang als een haas* (*трусливый как заяц*) опускалось прилагательное *bang* (*трусливый*), которое предлагалось восстановить.

В качестве фразеологизмов были выбраны устойчивые сравнения типа *zo sterk als een beer* (*сильный как медведь*). Как отмечает В. М. Мокиенко, «принадлежность устойчивых сравнений к общей фразеологической системе национального языка подтверждается их структурно-семантической связью и даже переходностью к фразеологизмам других структур» [33, с. 38]. Исходя из этого утверждения, устойчивые сравнения могут считаться репрезентативной областью фразеологии. К тому же, как отмечает Е. В. Иванова, «фразеология представляет собой благодатный материал для анализа концептуализации мира в языковой семантике» [34, с. 47]. Сравнения, образованные по этой модели, обязательно включаются во фразеологические словари нидерландского языка. Важно учитывать, что образованные по данной модели сравнения могут образовываться окказионально, но этот факт только подтверждает открытость модели, которая, с одной стороны, может отражать закрепленные в языке характеристики животных, а с другой – благодаря своей

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

продуктивности предоставляет респондентам относительную свободу в выборе ассоциаций. Таким образом, эксперимент включал в себя две части. Полученные данные были обработаны как статистическими инструментами *Google*, так и вручную. Всего в опросе приняли участие 235 человек из Нидерландов, Фландрии и с Антильских островов, от 1934 до 1998 года рождения, которые указали в качестве родного языка нидерландский.

В качестве формы проведения была выбрана письменная, несмотря на опасность исчезновения «одной из необходимых составляющих этого эксперименты – спонтанности реакции» [30, с. 56]. Это было обусловлено желанием получить данные от наибольшего числа респондентов, и письменная форма эксперимента как нельзя лучше отвечала этой цели. Кроме этого, Е. В. Бочкарева отмечает, что при такой форме проведения у испытуемого больше времени для ответа, и он работает в удобном для себя темпе [35]. В работе Т. А. Ершовой указывается и на связь выбора формы эксперимента с национальностью испытуемых [36, с. 21]. Исследователь отмечает, что немцы предпочитают письменные формы проведения экспериментов, т. к. привыкли участвовать в процедурах анкетирования и тестирования, в то время как русские информанты предпочитают отвечать устно. Респонденты немецкой национальности тратят в два-три раза меньше времени на заполнение анкеты. В связи с культурной и географической близостью Нидерландов и Германии, а также со схожестью системы образования мы осмелились распространить выводы Т. А. Ершовой о предпочтительности письменной формы проведения эксперимента на нидерландцев.

Раздел I. Направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ)

В таблице 1 представлены ответы респондентов на зоонимы-стимулы, вошедшие в Раздел I. Здесь также приведены наиболее частотные признаки животных, названные респондентами, полужирным выделены те признаки, которые совпадают с характеристиками, зафиксированными во фразеологизмах. Полужирным курсивом выделены зоонимы, которые предлагались в качестве стимула как в Разделе I, так и в Разделе II.

Большое количество вариантов ответов в Разделе I не вызывает удивления. Характеристики, которые участники эксперимента дали животным, можно подразделить на четыре типа.

1. Физические характеристики, т. е. некоторые физические особенности того или иного животного, которые, как правило, очевидны и не являются культурно обусловленными. Например, никто не может поспорить с тем, что рыба мокрая и холодная, а тигр полосатый.

2. Поведенческие характеристики, т. е. особенности поведения, которые отличают то или иное животное. Например, кошке свойственно мурлыкать, а свинье – хрюкать.

3. Оценочные характеристики, т. е. то, как животное воспринимается человеком. Например, принято считать, что ягнёнок милый и невинный (хотя новорожденный теленок, несомненно, не менее невинный), а муха – надоедливая (хотя ворона тоже надоедает своим карканьем).

4. Черты характера, т. е. душевные качества и интеллектуальные способности, входящие в стереотипный образ того или иного животного. Например, собака считается верной, а корова – глупой.

Типы 3 и 4 нередко оказываются взаимосвязанными: ягнёнок своей кротостью заставляет считать себя милым, но если кротость – это черта характера, душевное качество, приписываемое ягнёнку, то *милый* – это оценочная характеристика, реакция человека на это качество. То же самое с обезьяной: ее считают с одной стороны сумасшедшей (черта характера), а с другой – смешной (оценка).

Практически всех животных можно охарактеризовать с точки зрения первых трёх типов свойств. Даже муха получает оценочные характеристики (надоедливая). Однако не все животные обладают чертами характера. В Разделе I черты характера приписываются примерно половине животных: ягнёнку (кроткий), собаке (верная), теленку (глупый), ослу (упрямый, глупый), свинье (умная), козлу (упрямый), вороне (умная), кошке (коварная, себе на уме), петуху (гордый), корове (глупая), утке (глупая) и обезьяне (умная). Эти животные представляются наиболее интересными с точки зрения рассмотрения их стереотипных образов.

Раздел II. Фразеологический направленный ассоциативный эксперимент (ФНАЭ)

Исходя из того, что предлагаемые респондентам в этом разделе (в усеченном виде) конструкции закреплены в языке, можно было предположить, что количество ответов не будет отличаться большой вариативностью. Однако количество вариантов ответов здесь не сводится к тем единицам, которые зафиксированы в словарях, а доходит до половины от количества вариантов ответов в НАЭ. В таблице 2 представлены ответы на стимулы ФНАЭ.

В данном разделе чертами характера обладают также около половины животных: заяц (трусливый), павлин (важный, грубый), лис (хитрый, умный), муравей (усердный, трудолюбивый), бык (глупый), ласка (трусливая, хитрая, умная), перепел (глупый) и кошка (коварная, хитрая, упрямая) получили характеристики, которые можно отнести к четвертому типу. При этом в ФНАЭ, как и в НАЭ, характеристики, которые были даны животным,

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

не всегда связаны с закрепленными во фразеологии. Так, стереотипные образы включают в себя больше качеств, чем закреплено во фразеологии. Однако качества, отраженные во фразеологизмах, также встречаются в ответах, например, птица ассоциируется со свободой: *zo vrij als een vogel (свободный как птица)*. Иными словами, стереотипный образ включает в себя качества, отраженные во фразеологии, но не исчерпывается ими.

Соотношение между стереотипными образами зоонимов, включенными как в НАЭ, так и в ФНАЭ

Пытаясь ответить на вопрос, в какой мере связаны между собой стереотипные образы животных, отраженные с одной стороны в свободных ассоциациях, а с другой – во фразеологии, остановимся подробно на зоонимах, включенных в оба раздела эксперимента. Это, в частности, собака, обезьяна, осёл и ягнёнок. Сравним полученные ответы респондентов, предварительно разделив их по четырем группам в соответствии с четырьмя типами характеристик: 1 – физические качества, 2 – поведенческие качества, 3 – оценочные характеристики, 4 – черты характера.

Стереотипный образ собаки на основании ответов респондентов двух экспериментов представлен на рисунке 1. Оба графика более или менее совпадают: в обеих частях респонденты назвали больше черт характера, приписываемых собаке, чем характеристик, входящих в остальные три типа. Такое же совпадение графиков наблюдается и для остальных животных, включенных в обе части эксперимента. В образе осла так же, как и в образе собаки, преобладают характеристики, приписывающие животному черты характера, тогда как образ обезьяны отмечен в основном оценочными характеристиками. Исключение составляет лишь образ ягнёнка (рис. 2), для которого в НАЭ было дано больше оценочных характеристик, а в ФНАЭ больше черт характера.

Это можно объяснить тем, что формы зоонима в НАЭ и в ФНАЭ не совпадали: в ФНАЭ было предложено сравнение *zo mak als een* ***lammetje*** *(кроткий как ягнёночек)* (таблица 2), где зооним употреблен с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что сузило область восприятия животного и обеспечило более точное совпадение с закрепленным в словаре устойчивым сравнением, где названа именно черта характера – *mak (кроткий)*.

Совпадение характеристик образа собаки прослеживается и в детальных ответах респондентов (таблица 3).

Большинство респондентов посчитало собаку верной. Примечательно, что эта характеристика не встречается в устойчивых сравнениях, зафиксированных в словарях, где собака является больной и усталой. Однако стереотипный образ верной собаки настолько силен, что он повлиял и на распределение ответов в ФНАЭ. Кроме того, онлайн-поиск позволяет заключить, что в современном нидерландском уже широко используется выражение *zo trouw als een hond* (*верный как собака*), которое еще не закреплено в словаре. Это свидетельствует о подвижности стереотипного образа и его влиянии, в частности, на формирование новых фразеологизмов. В противовес предположению, что устойчивые сочетания способны влиять на наше восприятие действительности, можно сделать и обратное заключение о том, что они сами подвержены влиянию изменчивого стереотипного образа.

Выводы

1. Характеристики животных, которые называют респонденты, можно разделить на четыре типа: физические, поведенческие и оценочные характеристики и черты характера.

2. В образе животного, как правило, выделяется тот или иной тип характеристик, выходящих на первый план, например, черты характера в образе собаки и осла, или оценочные характеристики в образе обезьяны. Собака воспринимается носителями нидерландского языка как верная, осел как глупое животное, а обезьяну характеризуют как смешную. В целом стереотипное восприятие этих животных совпадает в нидерландском и русском языках.

3. Тип характеристик, выделяющийся в стереотипном образе, в НАЭ и ФНАЭ совпадает; это позволяет говорить о том, что в свободных ассоциациях и во фразеологии стереотипные образы одного и того же животного в основном сходны, хотя имеются и небольшие различия в деталях. Так, собаке при свободном употреблении зоонима приписываются в первую очередь признаки *верная, лающая, дружелюбная*, а при употреблении во фразеологии – признаки *верная, больная, усталая.* Последние два признака этого зоонима в ФЕ (больная, усталая) можно считать реликтовыми в ЯКМ нидерландцев, они не совпадают со стереотипным восприятием собаки в русском языке.

4. В противовес предположению, что устойчивые сочетания способны влиять на наше восприятие действительности, можно сделать и обратное заключение о том, что они сами подвержены влиянию изменчивого стереотипного образа. Так, признак верности собаки закреплен в стереотипном восприятии этого образа, но не отражен в ФЕ во фразеологических словарях. Тем не менее это самый частотный признак в ФНАЭ.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

Литература

1. Иванова Е. В. О гнёздах, коровах и крае земли (о реконструкции языковой картины мира) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 1. С. 136–143.
2. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV: Контрастивная лингвистика. 1989. С. 34–55.
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
4. Антология концептов / ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
5. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
6. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. 245 с.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Странствия русской души // Культурное пространство путешествий: материалы науч. форума, 8–10 апреля 2003 г. СПб., 2003. С. 179–181.
10. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.
11. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2002. 142 с.
12. Балашова Е. Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 22 с.
13. Van Dijk T. A. Prejudice in discourse. An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation. 1984. 170 p.
14. Силантьев И. В., Шатин Ю. В. Дискурс и стереотип // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 10–17.
15. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 527 с.
16. Putnam H. The meaning of "meaning" // Language, Mind and Knowledge. 1975. Vol. 7 № 13. P. 131–193.
17. Lippmann W. Public opinion. Wading River, Long Island, 1921. 266 p.
18. Вилинбахова Е. Л. Стереотип в лингвистике: объект или инструмент исследования? // Проблемы языка: сб. научн. ст. по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка взгляд молодых ученых», 20–22 сентября 2012 г. М., 2012. С. 19–28.
19. Толстая С. М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции, 8–12 сентября 2012 г. Екатеринбург, 2009. С. 262–264.
20. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
21. Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why Boys Will Be Boys and Girls Will Be Girls: Understanding Colloquial Tautologies // Journal of Psycholinguistic Resesrch. 1990. № 19. P. 125–145.
22. Kleiber G. The possessive *via* associative anaphor // From NP to DP. Vol. 2: The expression of possession in noun phrases, 2003. P. 43–71.
23. Fradin B. Anaphorisation et stereotypes nominaux // Lingua. 1984. Vol. 64. № 4. P. 325–369.
24. Горбенко М. В. Стереотипы восприятия зоонимов в межкультурных коммуникациях: на примере диаспор г. Костаная: дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 241 с.
25. Добрикова К. А. Бестиарий в национальной языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 215 с.
26. Кирпичеа О. В. Зоонимические стереотипы (на материале экспериментального исследования) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10. С. 92–95.
27. Kowalska-Szubert A. J. De kool en de geit. Nederlandse vaste verbindingen met een dier- of plantelement. Utrecht: Led. Proefschrift Rijksuniversiteit Leiden, 1996. 179 p.
28. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
29. Виноградова О. Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 66–73.
30. Горошко Е. И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 53–61.
31. Уфимцева Н. В. Системность языкового сознания носителя языка как отражение системности культуры // Русский язык за рубежом. 2011. № 4. С. 98–108.

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

32. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во ленинградского университета, 1989. 184 с.
33. Мокиенко В. М., Володина Т. В., Кузнецова И. В., Савченко А. В. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. СПб.: Грайфсвальд, 2016. 278 с.
34. Иванова Е. В. Фразеологическая репрезентация концепта // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 55. С. 46–51.
35. Бочкарева Е. В. Влияние формы эксперимента на ядро ассоциативного поля младшего школьника // Проблемы детской речи: материалы Всерос. конф., 24–26 ноября 1999 г. СПб., 1999. С. 35–39.
36. Ершова Т. А. Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации): дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 163 с.

Stereotyped Perception of Animals in the Dutch Language: the Results of a Linguistic Experiment

Ekaterina V. Tereshko [a, b, @, ID]

[a] Saint-Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, Russia, 199034
[b] Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991
[@] katja.tereshko@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0003-1916-1851

Received 05.10.2018. Accepted 28.01.2019.

Abstract: The article describes the results of an associative experiment conducted in 2017, which involved 235 respondents. The author identified stereotyped characteristics of animals in Dutch. On the one hand, the characteristics manifest themselves in free associations with the zoonym. On the other hand, they can be obtained from sustainable comparisons, e. g. "as stupid as a donkey". These comparisons are seen as a sort of phraseological constructions. The experiment had two parts. In the "free associations" part, the respondents had to give a spontaneous reaction on a zoonym as stimulus, while in the "phraseological" part they had to add a missing adjective in a sustainable comparison. The author also intended to reveal the connections between the stereotyped perception of animals reflected in free associations and phraseology. The phraseological part of the experiment resulted in a larger amount of answers than expected. A comparative analysis showed that the stereotyped perception coincided in phraseology and free associations. In addition, the stereotyped perception changes with time and can produce new phraseological units.

Keywords: stereotype, cognitive linguistics, associative experiment, directed associative experiment, zoonym, phraseology

For citation: Tereshko E. V. Stereotyped Perception of Animals in the Dutch Language: the Results of a Linguistic Experiment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(1): 285–296. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-1-285–296

References

1. Ivanova E. V. On nests, cows and ends of the earth (on the reconstruction of the language picture of the world). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 9. Filologiia. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2014, (1): 136–143. (In Russ.)
2. Lado R. Linguistics over the boundaries of cultures. *New in foreign linguistics. Vol. XXV: Contrastive linguistics*, 1989, 34–55. (In Russ.)
3. Vorkachev S. G. *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow: Gnozis, 2004, 192. (In Russ.)
4. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, *Vol. I,* 352. (In Russ.)
5. Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition*. Thans. from Eng. M.: Russkiye slovari, 1997, 411. (In Russ.)
6. Kubriakova E. S., Demiankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Iu. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 245. (In Russ.)
7. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki, 2006, 226. (In Russ.)

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-1-285-296

8. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse.* Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
9. Pimenova M. V., Kondrateva O. N. Wanderings of the Russian Soul. *Cultural Travel Space*: Proc. Sci. Conf., April 8–10, 2003. Saint-Petersburg, 2003, 179–181. (In Russ.)
10. Pimenova M. V. *Soul and spirit: features of conceptualization.* Kemerovo: Grafika, 2004, 386. (In Russ.)
11. Vorkachev S. G. *The concept of happiness in the Russian language consciousness: the experience of linguoculturological analysis*. Krasnodar: Izd-vo KubGTU, 2002, 142. (In Russ.)
12. Balashova E. Iu. *Concepts love and hate in Russian and American linguistic minds*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2004, 22. (In Russ.)
13. Van Dijk T. A. *Prejudice in discourse. An analysis of ethnic prejudice in cognition and conversation*. 1984, 170.
14. Silant'ev I. V., Shatin Yu. V. Discourse and stereotype. *Critique and Semiotics*, 2014, (1): 10–17. (In Russ.)
15. Bartmin'skii E. *The linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics*. Moscow: Indrik, 2005, 527. (In Russ.)
16. Putnam H. The meaning of "meaning". *Language, Mind and Knowledge*, 1975, 7(13): 131–193.
17. Lippmann W. *Public opinion.* Wading River, Long Island, 1921, 266.
18. Vilinbakhova E. L. The stereotype in linguistics: an object or a research tool? *Problems of the language*: Proc. First Conference-School "Problems of Language and the View of Young Scientists", September 20–22. Moscow, 2012, 19–28. (In Russ.)
19. Tolstaia S. M. Stereotype and picture of the world. Ethnolinguistics. *Onomastics. Etymology*: Proc. Intern. Sci. Conf., September 8–12, 2012. Yekaterinburg, 2009, 262–264. (In Russ.)
20. Krasnykh V. V. *"Own" among "alien": myth or reality?* Moscow: Gnozis, 2003, 375. (In Russ.)
21. Gibbs R. W., McCarrell N. S. Why Boys Will Be Boys and Girls Will Be Girls: Understanding Colloquial Tautologies. *Journal of Psycholinguistic Resesrch*, 1990, (19): 125–145.
22. Kleiber G. The possessive *via* associative anaphor. *From NP to DP. Vol. 2: The expression of possession in noun phrases*, 2003, 43–71.
23. Fradin B. Anaphorisation et stereotypes nominaux. *Lingua*, 1984, 64(4): 325–369.
24. Gorbenko M. V. *Stereotypes of perception of zoonyms in intercultural communications: an example of the diasporas of Kostanay*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2009, 241. (In Russ.)
25. Dobrikova K. A. *Bestiary in the national linguistic picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Chelyabinsk, 2005, 215. (In Russ.)
26. Kirpicheva O. V. *Zoonymic stereotypes (based on empiric research)*. Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta, 2016, (9-10): 92–95. (In Russ.)
27. Kowalska-Szubert A. J. *De kool en de geit. Nederlandse vaste verbindingen met een dier- of plantelement.* Utrecht: Led. Proefschrift Rijksuniversiteit Leiden, 1996, 179.
28. Frumkina R. M. *Psycholinguistics*. Moscow: Akademiia, 2001, 320. (In Russ.)
29. Vinogradova O. E. Directed associative experiment for describing word semantics. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A. I. Gertsena*, 2013, (161): 66–73. (In Russ.)
30. Goroshko E. I. Problems of conducting a free associative experiment. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta,* 2005, (3): 53–61. (In Russ.)
31. Ufimtseva N. V. System of verbal consciousness of native speaker as the reflection of the system of culture. *Russkii iazyk za rubezhom*, 2011, (4): 98–108. (In Russ.)
32. Saharnyi L. V. *Introduction to Psycholinguistics*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1989, 184. (In Russ.)
33. Mokienko V. M., Volodina T. V., Kuznetsova I. V., Savchenko A. V. *Stable comparisons in the phraseology system.* Saint-Petersburg: Graifsvald, 2016, 278. (In Russ.)
34. Ivanova E. V. Phraseological representation of a concept. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kul'turologii*, 2015, (55): 46–51. (In Russ.)
35. Bochkareva E. V. Influence of the form of the experiment on the core of the associative field of the younger student. *Problems of children's speech*: Proc. Vseros. Conf., November 24–26, 1999. Saint-Petersburg, 1999, 35–39. (In Russ.)
36. Ershova T. A. *Russian-German associative portraits (interpretation experience).* Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1998, 163. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com
Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com
Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска: Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 11.03.2019.
Дата выхода в свет 29.05.2019.
Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А 4. Усл. печ. л. – 37,75. Уч.-изд. л. – 29.
Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, http://kemsu.ru.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.